

Весна запаздывала. Морозы держались стойко наперекор календарю. В марте по ночам ещё звонко лопался над озёрами и реками лёд. Метели бесновались без передышки по несколько суток. В логах и на косогорах сугробы снега поднимались выше черёмуховых кустов. Казалось, что зиме не будет конца.

Но в середине апреля солнце прорвалось сквозь низкое свинцовое небо, и в Улуюлье наступила весна. Под снегом заколбродили неслышные ручьи, потом с яров и гор ринулись в таёжные речки потоки талых вод, лесистые заломы и каменистые перекаты огласились буйным шумом вешнего половодья. Неохватная ширь поднебесья покрылась живыми серыми пятнами: то двигались с просторов юга несметные стаи перелётных птиц. И хотя весна запаздывала, всё на улуюльской земле происходило так, как и год, и десять, и сто лет назад. Только люди не могли и не хотели повторять прожитого. Весна этого года не походила у них ни на какую другую, пережитую когда-либо раньше...

Книга первая

Глава первая

1

В окно громко постучали. Анастасия Фёдоровна встревоженно взглянула на Максима. Стук повторился. Звон стекла выразительно передал чьё-то нетерпение. Анастасия Фёдоровна быстро встала.

– Кто же это?

– Сиди, Настенька, я открою.

Максим поднялся из глубокого кресла и, направляясь к двери, посмотрел на часы, висевшие над письменным столом. Было два часа ночи.

Анастасия Фёдоровна проводила мужа взглядом. Шестой день Максим жил дома, и шестой день им не удавалось поговорить по-настоящему. С раннего утра до позднего вечера шли родственники, друзья, соседи...

На террасе послышался незнакомый голос, и вслед за Максимом в комнату вошёл человек в длинном глянцево-чёрном плаще. Плащ был мокрый, и струйки воды стекали на пол.

– Распишитесь за «молнию», Максим Матвейч, – проговорил почтальон, осторожно подавая телеграмму с красной наклейкой, обозначающей, что доставить её надлежало в любое время дня и ночи.

Максим принял телеграмму и по-фронтовому на ладони расписался на отдельном продолговатом листочке.

– Благодарю вас, товарищ. – Он проводил почтальона и вернулся с нераспечатанной телеграммой.

Анастасия Фёдоровна стояла в такой позе, которая без слов говорила: «Ну скорей же! Не томи!»

Максим развернул телеграмму, прочитал вслух:

– «Областной комитет партии просит вас срочно прибыть Высокоярску по вопросу вашей дальнейшей работы. Выезд телеграфируйте. Секретарь обкома Ефремов».

– Да они что там? Столько лет человек воевал, не знал ни сна, ни отдыха, приехал к жене и детям, не успел ещё как следует выспаться – и опять куда-то! Нет, нет, это невыносимо! – Анастасия Фёдоровна взяла Максима за руку, прижала её к своему лицу и затихла.

Максим обнял жену, бережно усадил на диван, сел рядом.

За стеной свистел ветер. Упругие струйки дождя стучали в стекла высоких окон. Но как бы наперекор ненастью, стоявшему на дворе, где-то близко с задором горланили петухи.

– Ишь ведь как стараются! – сказала Анастасия Фёдоровна.

– Хороший, солнечный день чувю, Настенька, – вполголоса отозвался Максим.

И они опять замолчали, не решаясь говорить о том, что несла их жизни телеграмма, доставленная в глухой ночной час.

– Значит, едешь? – спросила наконец Анастасия Фёдоровна.

– Еду, Настенька.

– И когда?

– С первым поездом.

– Утром... – Она опустила голову.

Максим встал, расправил плечи, пригладил густые волосы. Надо бы как-то по-хорошему утешить жену, но нужных слов не находилось. Максим подумал о себе с острым неудовольствием: «Вояка! Разучился говорить с самым близким человеком».

Он прошёлся по комнате широкими медленными шагами.

– Это что-то очень важное, Настенька. Ефремов – человек чуткий. Он не позвал бы без крайней надобности.

– Чуткий? По-настоящему чуткий должен был и о твоей семье подумать.

– С государственной вышки виднее.

– Не оправдывай. Ты отвык от нас. Тебе лихо сидеть на одном месте...

Максим сдержался, чтобы не ответить резко, и, помолчав, подчёркнуто спокойно сказал:

– На войне, Настенька, я от многого отвык... А ставить свой покой превыше всего я никогда не привыкал.

Анастасия Фёдоровна вскочила.

– Что?..

– Ссориться не будем, Настенька.

– Нет, будем! Будем, если ты думаешь, что мы жили тут в своё удовольствие!

– Можно послать Ефремову телеграмму, попросить отсрочку дня на три.

Она поняла, что он делает ей уступку, и с горячностью сказала:

– Ни в коем случае!

Анастасия Фёдоровна подошла к шкафу с книгами и принялась что-то искать.

Она стояла к Максиму вполоборота, и он видел её высокий лоб, прямой нос, плотно сомкнутые губы, придававшие её лицу энергичное, волевое выражение, и мягко очерченный тенью от лампы точёный подбородок. Именно такой – строгой и до бесконечности нежной – виделась Максиму она в долгие фронтовые годы.

– Нашла! – сказала Анастасия Фёдоровна, вытаскивая из большой книги потёртый листок бумаги.

– Возьми и прочитай вслух.

Максим бережно принял из её рук листок ученической тетради, не узнав вначале своего почерка.

– Читай!

– «Настенька! Всё получилось очень глупо, и эту глупость мы должны поделить с тобой поровну. Ты не поняла меня, а я не хотел понять тебя. Ты уехала... И вот теперь, когда тебя нет, я вижу, что, где бы ты ни была, куда бы ни уносила ты свою гордую душу, всё равно ты вернёшься, и мы будем вместе. В нашей тяготении друг к другу есть что-то необоримое. Маленькие таёжные ручейки, сливаясь воедино, умножают свои силы. Так и мы с тобой. Кто бы ни вставал на нашем пути, какие бы преграды ни воздвигались перед нами – всё рухнет от силы нашей любви. В жизни так много больших, настоящих дел, что, ей-богу, не время разминиваться на мелкие чувствешки. Максим».

Анастасия Фёдоровна и Максим посмотрели друг другу в глаза вначале строго, как бы говоря: «Вот какие мы были!» – потом с нежностью. Эта короткая записка, свидетель их юности, растворила горький осадок.

– Ты помнишь, когда это было написано? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Ещё бы не помнить! Мы поссорились тогда с тобой из-за какого-то пустяка и чуть-чуть не испортили себе всю жизнь.

– Это было, Максим, пятнадцать лет тому назад.

– Ну что ж, я готов подписаться под этим посланием вновь. В нашей жизни, Настенька, действительно было много хорошего, а будет ещё больше. Будет!..

Они опять сели рядом. Максим поцеловал жену, взял со гибкую, сильную руку и не выпускал её из своей руки.

– Никогда не забуду, Максим, дни боёв под Сталинградом. От тебя три месяца – ни строчки. Временами казалось, что тебя уже нет в живых. В такие часы я брала эту записку, и она возвращала мне веру, давала силы для жизни...

Анастасия Фёдоровна говорила тихо, доверчиво. Максим сидел с закрытыми глазами. И он ведь тоже в трудные часы своей фронтовой жизни перечитывал её старые письма, черпая в них силы, в которых нуждалась его душа.

Ночь истекала. Дождь прошумел, омыв землю щедрыми струями, и затих, уступая место разгорающемуся рассвету.

2

Максим Отрогов был назначен заведующим отделом промышленности Высокоярского областного комитета партии. Вначале это предложение удивило его. Он имел степень кандидата философских наук и считал себя ближе к пропагандистской и научной работе, чем к хозяйственной деятельности. Максим высказал своё сомнение первому секретарю обкома Ефремову. Тот принялся горячо разубеждать:

– Именно потому, что вы философ и пропагандист, мы и решили выдвинуть вас на этот пост. Нам нужен не хозяйственник, а партийный работник, тем более что у вас за плечами опыт секретаря горкома, директора политехнического института, командира полка. Что же касается специальных вопросов, то вы их освоите в процессе работы. Главное в промышленности у нас – лес. Центральный Комитет партии и правительство серьёзно критикуют нас за состояние лесной промышленности. Перспективы же для развития этой отрасли хозяйства в нашей области безграничны. Думается, что вы сумеете повести дело энергично, с учётом наших больших возможностей.

Ефремов вопросительно посмотрел на Максима, и глаза его, затаив добрую усмешку, говорили: «Да ты же согласен, я вижу, что согласен, и зря тянешь, зря упрямишься».

– Ну что же, обкому виднее, какую работу мне дать, – сказал Максим.

– Вот это по-партийному.

– Когда приступить к работе?

– Как можно скорее. Местами уже начался сплав. Кроме того, Центральный Комитет и правительство приняли решение о развёртывании в нашей области новых леспромхозов. Работу эту надо начинать без промедления.

Помолчав, Ефремов заговорил другим тоном:

– Обком не забудет, что вы не отдыхали. Ордер на квартиру можете получить сегодня же. Телеграфируйте семье о переезде. Жену вашу также не оставим без дела.

– Я хотел бы, Иван Фёдорович, прежде всего выехать в районы, посмотреть, как живут люди. Не хочется начинать работу с кабинета.

– Поезжайте. Советую в Притаёжный район. Там у нас крупный леспромхоз «Горный». Кстати, и брата повидаете. Вы ещё не виделись с ним?

– Несколько лет не встречались.

3

И вот Максим ехал в Притаёжное. Снег недавно стаял, и земля курилась под солнцем розовой испариной. Лес не успел ещё зазеленеть и стоял голый. Поля были бурыми, неудобными. Зеленели только бугры да загоны озимых.

Дорога в Притаёжное пролегла через лога, холмы, речушки, сердито бурлившие под старыми непрочными мостами. Ехали осторожно.

– Тут справедлива пословица: «Тише едешь, дальше будешь», – говорил Максим, сидя рядом с шофёром.

Связь Высокоярска с Притаёжным районом поддерживалась преимущественно речным путём. Летом на пароходах завозили в район товары, горючее, машины. Почта доставлялась либо самолётами, либо на автомобилях, а в распутицу на лошадях.

На половине пути от Высокоярска до Притаёжного машина Максима нагнала одинокого путника. Он шёл не торопясь, не по дороге, а возле неё (там меньше было грязи), опираясь на суковатый посох. Заслышав рокот мотора, он оглянулся, но не остановился, не поднял руку, а продолжал шагать дальше.

– Вы смотрите, Максим Матвеич, какой гордый, даже подвезти не просит, – заметил шофёр.

– А он сейчас на Талиновский выселок свернёт, – сказал Максим.

Но человек с посохом в сторону не свернул, а продолжал идти по большой дороге.

Когда машина обгоняла человека, Максим оглядел его. Это был высокий сутулый старик. Морщинистое лицо его обросло кудрявой длинной бородой. Ветер трепал седины, ерошил их.

– Надо всё-таки подвезти!

Старик охотно принял приглашение. Он снял с плеч котомку, расстегнул суконное пальто и, втолкнув вначале посох, залез на заднее сиденье «эмки».

– Спасибо, добрые люди, а только я бы и своими ногами дошёл, – сказал старик певучим голосом.

– А ехать всё-таки лучше, папаша, – засмеялся шофёр.

– Конечно, лучше, но и дойти можно, – убеждённо сказал старик.

– Вы что же, местный или откуда-нибудь приехали? – спросил Максим, когда старик отдышался.

– Сейчас я издалека, а в прошлом был местный.

– Когда это – в прошлом?

– Из этих мест я ушёл ровно сорок лет тому назад, а пришёл сюда шестьдесят лет назад. И до того я жил на свете двадцать лет.

– По виду вам столько не дашь.

– На здоровье пока не в обиде. А всё же всему есть мера.

Старик замолчал. Максим обернулся и увидел, что выцветшие глаза его спутника стали грустными.

– А кто вы будете, добрые люди? – оживляясь, спросил старик.

Максим сказал, что едет в Притаёжное из Высокоярска по заданию обкома партии.

– От власти, значит, по государственным делам едете, – сделал заключение старик и, помолчав, усмехнулся: – Раньше я от властей хоронился, теперь с властями в одной машине еду.

– Вы, вероятно, из беглых каторжан были? – спросил Максим.

– Из них, добрый человек... Такое дело было. Служил я у тамбовского помещика Гранова. А у помещика жил в Петербурге сын – поручик. Что отец, что сын – не люди были, а звери. Как приедет сын к родителям на побывку, нашим девушкам житья нету. Обесчестит и бросит. Две наших девушки руки на себя наложили. Затаил я лютую злобу против молодого Гранова, стал сам не свой. А тут, как на грех, приезжает он опять и велит прийти вечером в хозяйский сад Марфуше. А у нас с ней всё уже договорено было: собирались осенью обвенчаться. Ну, идёт Марфуша в сад, а я уже там в кустах прячусь. В тот вечер и порешил его. Поймали меня, судили. Дали десять лет каторжных работ и вечное поселение на Сахалине. Марфуша пошла за мной. Не доходя до Томска, сбежал я. С той поры до семнадцатого года исколесил всю Сибирь. В двенадцатом году

попал на Ленских приисках под расстрел, пули вокруг свистели, в трёх местах одежду продырявили, а сам остался цел и невредим. Пока царское лихолетье было, двадцать фамилий переменял. Каких только кличек не носил: Залётный, Косач, Червонный, Петух, Скряга! Когда прогнали царя и богачей, вернулась ко мне родительская фамилия, стал я опять Мареем Добролётовым, с той поры на севере обитался, людям новые тропы торил.

Максим слушал затаив дыхание. Трудно было поверить, что одна человеческая жизнь может вместить столько лиха.

– А как дальше жить думаете? – спросил Максим.

– Похожу, посмотрю, добрый человек. Своё гнездо вить не стану. Долго ли жить-то осталось? Дела вот кое-какие управлю – и на покой, годы мои немалые.

– А какие же у вас дела могут быть?

– Есть кое-какие дела, есть, – уклонился от прямого ответа старик и попросил шофёра: – Остановись, добрый человек, у свёртка. Вам прямо, а мне налево.

– А память у вас хорошая. Даже повороты на дороге помните! – удивлённо воскликнул Максим.

– Да ведь как их забудешь, если сам тут все тропы торил, – объяснил старик. – Лесок вот местами гуще и выше стал. А так мало что изменилось. Местность, добрые люди, меняется от человека. А человек, видать, рук своих тут ещё не приложил.

Машина нырнула в лог, с рёвом поднялась на косогор и остановилась.

– Вот и сворот твой, дедушка, – сказал шофёр.

Старик вылезал из машины долго и неловко. Он был такой большой, что в дверцах «эмки» ему пришлось сгибаться почти вдвое.

– Сто коробов вам добра и счастья, добрые люди! – почти пропел старик, выйдя наконец из машины.

– Счастливой дороги, отец! – от души пожелал ему Максим.

4

Не доехав до Притаёжного километров сорок, машина свернула в сторону. Здесь неподалёку от тракта был расположен один из крупных леспромхозов Улуюлья – «Горный».

«Думаю, что секретарь райкома Артём Матвеевич Строгов не будет на меня в особой претензии за проникновение в низы «без ведома районных властей», – с усмешкой подумал Максим.

За годы пребывания в армии Максим отвык от «гражданки», и теперь ему хотелось без всякого промедления столкнуться с жизнью, посмотреть, как живут простые люди, узнать их думы. Кроме того, места, лежавшие от тракта к востоку, к реке Горной, были знакомы Максиму по детству и юности. Здесь он бывал с отцом на охоте в чернотропье (со второй половины сентября до снегопада). Но особенно часто Максиму приходилось бывать в сёлах и деревнях Улуюлья, когда он работал инструктором уездного комитета комсомола.

Дорога от тракта к леспромхозу шла через лес. Снеговые воды размыли колею, обнажили корни кедров и сосен. Машина часто подпрыгивала, остервенело гудела, колёса то и дело буксовали, яростно разбрызгивая грязь.

Максим сидел молча, и казалось, что он не замечает всех неудобств пути. Жадно всматривался он в распадки, поросшие густым кедровником, прислушивался к шуму, с которым катились через перекааты и валежник ручьи.

Всё тут стало теперь как-то по-иному: проще и обыкновеннее. Суковатые в два-три обхвата деревья, поражавшие тогда его своей высотой, будто вросли в землю. Неподступные хребты тоже как бы уменьшились. Максим пожалел, что этот лес, эта дорога, это небо не вызывают в нём прежних чувств. Правда, был один момент, когда он как бы перенёсся в детство: машина пересекала лог. По берегам ручья, протекавшего в логу, буйно рос чёрносморозинник. Объезжая рытвину, шофёр направил машину в кустарник. Под колёсами захрустели ломкие ветви смородины, и воздух наполнился густым терпким запахом. Запах этот был родным и близким Максиму. Ему живо представилось, что вокруг не весна, а осень. Деревья уже подёрнулись багрянцем, небо опустилось и стало свинцовым. Он, Максимка, идёт по лесу. Впереди бежит собака, она обнюхивает деревья и землю и, поглядывая на него, увлекает всё дальше от стана. День уже клонится к вечеру, а он с утра ещё ничего не ел. Он заходит в смородинник. Терпковатый, вкусный запах разжигает аппетит. В мешке, перекинутом через плечо, лежит кусок чёрного хлеба. Он вытаскивает хлеб, подходит к кусту, усеянному гроздьями ягод, и ест их с хлебом.

Автомобиль подпрыгнул, налетев на пенёк. Максим подскочил на сиденье, втянул голову в плечи, опасаясь удара.

– Ну и дорога, ни дна ей, ни покрышки! – выругался шофёр. – Как они тут только в ненастье ездят? Вы их пристыдите хорошенько, Максим Матвеич.

– Придётся.

Через полчаса показались разбросанные по берегу реки тёсовые крыши домов Весёлого. Повсюду топились бани. Дымок курчавился над ними и расплзался по земле, разнося приятный, горьковатый запах смолы и жжёного кирпича.

Солнце перед закатом побагровело. Окна горели жарким огнём. Пылающими пятнами был подёрнут кедровник, тянувшийся сплошным массивом от Весёлого до Притаёжного по берегам реки Большой – около шестидесяти километров.

– В контору поедем, Максим Матвеич? – спросил шофёр, когда машина покатила по широкой улице села.

– В конторе едва ли мы кого-нибудь захватим. День субботний.

– Куда же поедем?

– А вон домик с тремя белыми наличниками, подверни к нему.

– У леспромхоза, Максим Матвеич, наверняка заезжая квартира есть.

– Уж как-нибудь обойдёмся без неё.

Шофёр вопросительно посмотрел на Максима, но его намерений не понял. А Максим думал: «Любопытно, очень любопытно посмотреть, как живут сейчас наши люди. О чём думают? О чём говорят? Какие заботы их занимают?»

Хозяйка дома встретила Максима на крыльце. Это была немолодая женщина с полным приветливым лицом, сохранившим румянец на щеках. Голова её была повязана белым платком не по-старушечьи – клиньями, а вокруг головы – так повязывались раньше молодые сибирячки в первые два-три года замужества.

– Здравствуйте! Скажите, пожалуйста, заночевать у вас можно? – обратился к женщине Максим.

– Заночевать? Можно, можно! Милости просим, – радушно проговорила хозяйка.

Из дому вышел широкоплечий, плотный мужчина, босой, в рубашке с расстёгнутым воротником, без пояса. Чёрные волосы его были ещё мокрыми и нерасчесанными, а смуглое, словно прокалённое лицо покрыто бисерными капельками пота. Видно, он только что вернулся из бани.

– Переночевать товарищ просится, – сказала женщина, взглянув на мужа.

– Зови. Дом большой.

И, осмотрев Максима с ног до головы, пригласил сам:

– Заезжайте, товарищи. А вы откуда будете, из района или из области?

– Из области, по делам едем.

– Проходите, а я побегу ворота шофёру открою. – Женщина легко сбежала по ступенькам крыльца.

Максим вошёл в дом. Хозяин провёл его во вторую половину и указал на стул.

– Располагайтесь тут, товарищ.

Он торопливо вышел куда-то, оставив Максима одного. Максим осмотрелся. В комнате было чисто и уютно, и он невольно оглядел себя – не принёс ли на одежде дорожную грязь.

Кроме широкой кровати с высоко взбитой периной и деревянного дивана, в углу стоял большой письменный стол, а над ним полки, заставленные книгами. Вся стена напротив окон была увешана фотографиями, вставленными в рамки под стекло.

Выше, над фотографиями, висел цветной портрет Ленина, оправленный нарядной золотистой рамкой с фигурной резьбой.

Максим давно, ещё до войны, заметил эту трогательную особенность людей колхозной деревни: вывешивать портреты Ленина и руководителей партии и государства вместе с семейными фотографиями.

Максим подошёл ближе, принялся рассматривать фотографии. За несколько минут он узнал, что хозяин дома служил в царской армии, имел Георгиевский крест, потом воевал в рядах Красной Армии, был участником двух окружных съездов потребительской кооперации; учился на областных курсах работников лесного хозяйства.

Два больших портрета, висевших с правой стороны, особенно привлекли внимание Максима. Открытые юношеские лица, такие же большеглазые и чернобровые, как у отца, смотрели в упор с доверчивостью и добродушием. «Сыновья», – подумал Максим.

Юноши были в обычной красноармейской форме: гимнастёрка со стоячим воротником, погоны, широкий ремень. За годы войны на фронте Максим встречался с тысячами таких людей. Он понял, что они не одногодки и боевая судьба у них тоже была неодинаковой. Старшему пришлось горше, тяжелее. Глаза его были полны страдания. «Этот видел и смерть и ужасы войны, и путь его по военной дороге был нелёгким», – подумал Максим.

Вошёл хозяин.

– Не желаете в баню сходить? Воды и пару на десятерых хватит. Баня у нас новая, чистая, – добавил он, видя нерешительность Максима.

Вначале Максим хотел отказаться, но, вспомнив, что торопиться ему сегодня некуда, а в деревенской бане он не был уже лет пятнадцать, согласился.

– Идите. Шофёр уже в бане.

– Это ваши сыновья? – спросил Максим, кивнув на портреты.

– Да. Этот старший – Семён. Всю войну от начала до конца прошёл. Танкист. Герой Советского Союза. Три дня до победы не дожил.

– Боевая у вас семья!

– Да я и сам послужил!.. В первую мировую три года, в гражданскую три года и два года в Великую Отечественную!

– Сколько же вам лет?

– Пятьдесят два года.

– Афанасий, приглашай гостя в баню, – слышался голос хозяйки.

– Идём, Саня, идём. А вы, видать, тоже немало послужили? – взглядывая на орденские ленточки на кителе Максима, спросил хозяин.

– Было, всё было, – отозвался Максим.

Когда Максим через час вместе с шофёром вернулся в дом, на столе, накрытом свежей белой скатертью, шумел медный самовар. От варёной картошки в эмалированной глубокой миске шёл

вкусный парок. На тарелках – солёные грузди и рыжики, огурцы, помидоры, и такие на вид свежие, словно только что снятые с грядки. На концах стола – два пузатых стеклянных графина.

Один, тёмно-вишневый, графин не озадачил Максима. Там была водка, настоенная на сушёной чёрной смородине. Но что было в другом? Даже на взгляд чувствовалось, что эта золотисто-прозрачная жидкость плотнее и тяжелее, чем настойка.

«Заехали просто переночевать, а стали гостями», – мелькнуло в голове Максима, и он тут же вспомнил Европу, где провёл два с половиной года. Там он видел жизнь многих народов. Он мог бы немало рассказать о гостеприимстве трудовых людей, которых встречал на берегах Дуная, Вислы, Одера. Но тут было русское гостеприимство, своё, родное. Оно трогало и по-особому западало в душу.

Когда хозяин с хозяйкой начали приглашать Максима и шофёра за стол, Максим сказал:

– Вы нас встречаете как гостей. Давайте познакомимся. Иначе как-то неудобно. Меня зовут Максимом Матвеевичем. А вас?

– Фамилия наша Чернышёвы. Жену мою зовут Александрой, а по бабушке Степановной, а меня Афанасием Федотычем, – ответил хозяин.

Потом представился шофёр, назвавшийся Федей. Знакомство дало повод для первого тоста. Выпили с воодушевлением всё, что было налито в рюмки.

– Закусывайте, пожалуйста, хорошенько, – угощала хозяйка. – Люди мы лесные, у нас поэтому и пища лесная. А вы, Максим Матвеевич, в грибочки-то подлейте кедрового масла, у них сразу вкус другой будет...

Александра Степановна подала Максиму тяжёлый графин. «Так вот это что! Кедровое масло!» – вдруг обрадованно подумал Максим.

– У вас что же, маслобойка в селе? – с интересом спросил он, наливая в свою тарелку масло и любуясь его янтарной прозрачностью. Казалось, что масло было пронизано солнечным светом.

– В том-то и дело, что маслобойки нет. Кедровников много, и ореха собираем немало, а маслобойку построить не можем. Это масло я простым жимом в кадке отжал.

По тому, с какой горячностью всё это сказал Чернышёв, Максим почувствовал, что для хозяина этот вопрос был, как говорят, «наболевшим».

– Возможно, нерентабельно маслобойку строить? – осторожно усомнился Максим.

– У безруких людей всё нерентабельно! – воскликнул Чернышёв. – Дело это верное и доходное, да только начальство у нас в районе нерасторопное. Посудите сами: при среднем урожае в наших кедровниках можно шутя собрать полторы-две тысячи тонн ореха. Даже при простом отжиме каждая тонна худо-бедно даёт пять-шесть пудов первосортного масла.

– И то в разум возьмите, – вступила в разговор хозяйка, – растёт себе кедр, и ни корма, ни поила ему не надо. Одну чистую пользу людям приносит! Уж не благородное ли растение?!

– Да разве богатство только в орехе? – опять заговорил Чернышёв. – А само дерево? Ему же цены нет! Кедр хорошо клеится, полируется, спиртуется, гнётся. Саня, – вдруг обратился Чернышёв к жене, – принеси из кладовой образцы, покажем товарищам.

– Потом, Афанасий, после чаю, – попыталась удержать мужа хозяйка.

– Принесите, пожалуйста, сейчас, – попросил Максим.

Александра Степановна вышла и быстро вернулась с большой корзиной, наполненной полуметровыми чурочками толщиной в десять – пятнадцать сантиметров.

Чернышёв придвинул корзину к себе. Вынимая чурочки, он пояснял:

– Вот смотрите, дорогие товарищи: это кедр, склеенный с берёзой. Чем хуже дуба? Мебель из таких сортов до Москвы бы дошла. А это кедр, проспиртованный на горячих парах. Крепостью не уступит самшиту. А вот гнутый кедр после распаривания в кипятке. Это полированный кедр. Это кедр в лаке. Не дерево, а настоящий король лесов! – поблёскивая чёрными глазами, воскликнул хозяин.

Максим внимательно осмотрел куски дерева и, сложив их в корзину, спросил:

– Вы что же, для себя эти образцы изготовили?

– Давно лесами интересуюсь. От родителя это пошло. Он у меня по столярному делу был большой мастер. Я, правда, по-настоящему этого дела не постиг, а леса полюбил. Двадцатый год лесобъездчиком здесь служу.

– Они тут с директором леспромхоза хотели столярные мастерские развернуть, да получили по носу, – со смешком вставила Александра Степановна.

– Ты подожди, Саня, не забегай, я всё по порядку сам расскажу. Вы случайно не знаете Воскобойникова Петра Петровича? – обратился Чернышёв к Максиму. – Нет? Это директор нашего леспромхоза. Он тоже к лесам равнодушный человек, вроде меня.

Задумали мы с ним организовать при леспромхозе цех деревообработки. Он написал в область подробную докладную записку, а мне поручил подготовить комплект образцов дерева. Материалы – спирт, лак, клей, – Воскобойников выписал в достатке. Через недельку-другую я подготовил все образцы, мы сколотили ящик, упаковали их и отправили в область. С месяц из треста не было никакого ответа. Вдруг как-то раз встречаю Петра Петровича. Вижу, приуныл он. «Ну, говорит, Афанасий, и дали же мне за твои образцы!.. Получил, говорит, такой нагоняй, что в другой раз об этом деле писать не захочешь». Вытаскивает он из кармана конверт, подаёт мне бумагу, говорит: «Читай!» Читаю я: «Ваш леспромхоз не всегда выполняет государственный план по основным видам работы, а вы, вместо того чтобы лучше руководить хозяйством, занимаетесь ерундой. Создавать цех деревообработки в леспромхозе «Горный» нецелесообразно уже по одному тому, что нет путей сообщения. Присланные образцы строительного материала будут использованы на выставке треста, организуемой к областной партийной конференции».

– Значит, образцы всё-таки не пропали зря! – засмеялся Максим.

– Как видите. После этого случая советовал я Петру Петровичу написать в министерство, но он заколебался. «Мне, говорит, неудобно, я всё-таки человек, подчинённый тресту, и должен

выполнять его указания». Я написал письмо в Притаёжное секретарю райкома. Но, по правде сказать, доброго ничего не жду. В районе у нас только и разговоров: «Лён, лён!» Будто на нашей территории других богатств нету!

– Ну, а как дела в леспромхозе?

– Помогает государство! Давно ли война кончилась, а они уже тракторов, электрических пил наполучали, узкоколейную дорогу по участкам сейчас прокладывают. Воскобойников шутит: «Мы, говорит, коммунистический остров в таёжном океане». И правда! В леспромхоз приедешь, как в другое государство: электрический свет, автомобили, радио. А только и им нелегко работать в таёжном океане. Чуть за леспромхоз выйдешь – и утонул в бездорожье. Может быть, вы там близко к областному начальству, так похлопотали бы за наш район. Хоть и числится он в газете по сводкам на первом месте, а богатства его ещё не тронуты.

Чернышёв с большим увлечением начал рассказывать о запасах древесины, о пушных богатствах тайги, о неиспользованных промысловых угодьях. Знал он всё это хорошо, не раз, по-видимому, про себя подсчитывал, какой доход получит район, если его богатства разумно направить на пользу людей.

– А что, Афанасий Федотыч, вы могли бы все свои соображения изложить на бумаге? – выслушав Чернышёва до конца, спросил Максим.

– Писал я уже райкому. Две ученические тетради на свои учёные труды затратил, – не без иронии сказал Чернышёв.

– Напишите ещё раз. Теперь уже для обкома.

– Для обкома партии?

– Да.

Утром Максим отправился на лесоучастки. Вместо двух-трёх дней он прожил в Весёлом больше недели.

Глава вторая

Мареевка стоит на крутом берегу реки. По всему Улуюльскому краю нет яра выше Мареевского. Осенью, в малую воду, когда река обмелеет и на перекатах выступают островки и песчаные косы, от основания яра до его верхней кромки так высоко, что взглянешь туда – шапка с головы упадёт. Голубовато-серая стена с красно-бурой прослойкой возвышается над рекой, как бастион, преграждая путь резким, дующим откуда-то из заречья ветрам.

С яра хорошо виден весь прямой плёс, от верхнего изгиба реки до её нижнего крутого поворота. Пароход ли, катер ли появится или рыбак на лодке выплывет – мареевцы вмиг их заметят. Люди в лодке будут ещё целый час подбираться к пристани, преодолевая страшные круговороты и заводи с обратным течением, а мареевцы опознают уже путников и, усевшись на брёвнах, в неторопливых разговорах станут поджидать их.

Яр – излюбленное место мареевцев. С утра до ночи здесь то ребятишки, то молодёжь, то пожилые охотники и рыбаки. Недрёманным оком смотрит Мареевка с этого высокого яра на обширный Улуюльский таёжный край...

Воскресенье. Утро. Река не шелохнётся. Кажется, что покой сковал её воды и они не текут больше. Улицы Мареевки, протянувшиеся вдоль реки, пустынные, а на яру ужелюдно.

У самого обрыва на брёвнах сидит парень с гармонью в руках. На нём поношенные, полинявшие солдатские брюки и гимнастёрка. Большие узластые ноги босы. Он не спеша разводит мехи, гибкие пальцы его скользят по белому гляncy ладов, по голубоватым перламутровым пуговкам басов. Спеть бы!

Да, хорошо бы спеть:

О чём ты тоскуешь, товарищ моряк, Гармонь твоя стонет и плачет. Но спеть он не может – нет голоса. На войне парень был контужен, и с тех пор не возвращается к нему дар речи. Эх, разве заменит гармонь живой голос?! Но всё-таки...

Парень склоняется к гармонии, пальцы его напряжены, лицо сосредоточенно; весь его вид таков, словно он хочет, чтоб гармонь заговорила вместо него человеческим голосом: «Ну говори же, говори!» Нет! Звенит гармонь, рассыпает над рекой тонкие, прозрачные переборы, а заговорить словами не может.

Звуки гармонии разносятся по деревне, волнуют кровь в молодых сердцах. На берег торопятся двое парней. На них шевиотовые костюмы, жёлтые штиблеты, вышитые рубашки, всю войну пролежавшие в сундуках.

– Привет, дружище Станислав! – говорят парни гармонисту.

Гармонист сжимает мехи, кивком отвечает на приветствие парней. Ветерок, долетающий с просторов луга, шевелит рыжий чуб на крупной голове Станислава.

– Ты что ж не на пасеке? – спрашивает гармониста один из парней.

Тот снимает руку с перламутровых пуговок басов, ожесточённо трёт ладонью мясистое, в бронзовых конопатинках, вспотевшее от напряжения лицо.

– А, ясно – приходил в баню! – догадываются парни и садятся на брёвна рядом с гармонистом.

– Сыграй-ка нам про матроса, который тоскует по милой. Мы подпоём, – просят парни.

Гармонист согласно моргает глазами, трогает гармонь, и она выводит мелодию, полную тоски и гнева. Парни, обнявшись, поют. Один – солидным баритоном, другой – звонким, как колокольчик, тенорком.

Нет, не усидеть на месте от такой песни, будь хоть по горло завален работой! Не проходит и получаса, а на яру уже пестреет толпа. Станислав окружён плотной стеной ребятишек и молодёжи. По лбу его скатываются крупные капли пота, и пальцы, немея от усталости, извлекают неверные звуки.

– Спасибо тебе, Станислав, за почин! Отдыхай! На смену пришли новые гармонисты.

В разгар пения кто-то вспомнил:

– Жалко нету Ули Лисицыной. Без неё наш хор, как птичий мир без соловья!

– Послать бы за ней кого-нибудь из ребятишек.

– Сама прибежит.

И опять над рекой слышится дружное пение, перекрывающее все звуки, живущие сейчас под солнцем: шелест речных вод, трели жаворонков, свист ветра под крыльями птицы, жужжание шмелей.

Песня уносится вдаль, к становьям рыбаков и охотников, приютившимся по берегам озёр, рек, ручьёв неохватного взором Улуюлья.

Вдруг слышится громкий возглас:

– Стой, ребята! Чудо!

Обрывается песня на полуслове, гармонист снимает пальцы с ладов, не дотянув такта. Все озадаченно смотрят друг на друга, озираются. Первые мгновения никто ничего не понимает. Потом все поворачиваются к реке.

По ступенькам на яр подымается высокий костистый старик. Ветерок играет его длинной седой бородой, ворошит кудрявые волосы. В руке у старика посох. Он так отполирован, что отливает блеском, будто покрыт лаком. Видно, немало походил с ним старик по белому свету. Одежда на старике не новая, но и не ветхая: сапоги с длинными голенищами, просторные чёрные брюки, синяя сатиновая рубашка под пояском. Голова ничем не покрыта. За плечами котомка с лёгкой поклажей. Старик не мареевский. Но откуда он взялся? Не было ещё случая, чтоб мареевцы просмотрели кого-нибудь на реке. Истинное чудо!

– Уж не с неба ли он свалился?

– С лодкой?

– Лодка для отвода глаз.

– А может быть, это, ребята, водяной чёрт?

– Всё возможно. Вышел, вишь, обсушиться!

Живут в Мареевке фантазёры, сочинители. Подвернись им только подходящий случай! Они столько навывдумывают, что люди потом годы будут биться над тем, где правда.

А старик поднимался по ступенькам всё выше и выше. Вот он остановился, перевёл дух, взглянул на реку, на яр, потом поднял голову и посмотрел на толпу.

– Ты откуда, дедушка, к нам прибыл? – перебивая друг друга, бросились к старику мареевцы.

Он слегка наклонил голову, спокойно, с торжественностью в голосе сказал:

– Здравствуйте, добрые люди!

– Ты кто? Ты откуда, дедушка, взялся? – начали опять спрашивать со всех сторон.

Старик поднял худую, испещрённую жилами руку, как бы призывая людей к спокойствию. Он тяжело дышал. Грудь его высоко вздымалась, в горле булькало и хрипело. Он смотрел на деревню, щуря глаза, будто припоминая что-то.

– А что, Семён Лисицын живой? – спросил старик.

– Хватился! Его и кости давным-давно уже сгнили, – ответили из толпы.

– А сын живой?

– Живой Михаила. Вон его дом.

Старик пошёл напрямик через поляну. Люди отстали, рассыпались по берегу. «Какой-то приятель Лисицыных. Их видимо-невидимо у Михайлы», – решили мареевцы.

2

Когда старик вошёл в дом Лисицыных, Ульяна сидела в горнице перед зеркалом и расчёсывала длинные русые волосы.

– Мир дому сему и благоденствие! – напевно произнёс он сильным, густым голосом.

Ульяна от неожиданности вздрогнула, вскочила, кинулась в прихожую. Старик показался ей до того старым и дряхлым, что Ульяне стало страшно. Но она быстро овладела собой и, заметив, что вид у него крайне утомлённый, схватила из угла табуретку и пододвинула к нему.

– Спасибо тебе, дочка. Водички бы ещё ковш испить, – опускаясь на табуретку, попросил старик.

Ульяна вышла в сени и принесла воду. Старик пил жадно, но не спеша.

– А Михайла-то дома, голубушка? – возвращая блестящий, из облуженной жести ковш, спросил старик.

– Он, дедушка, вместе с мамой поутру на озёра сети смотреть ушёл. К обеду вернётся.

Ульяна решила, что старик немного отдохнёт, подыметса и уйдёт, но тот, помолчав, сказал:

– Ты позволь мне, голубушка, прилечь на лавку. В сон меня что-то клонит.

– Лучше вот сюда, дедушка, тут удобнее, – показала Ульяна на отцову деревянную кровать, стоявшую в углу.

Старик встал, бережно поставил у стены свой посох и стащил сапоги, наступая ногой на ногу. Котомку он положил в изголовье, за подушку.

Ульяна ушла в горницу, села опять перед зеркалом, и пальцы её замелькали в прядях волос.

До неё доносилось прерывистое, тяжёлое дыхание чужого человека. Оттого, что она была в доме одна с незнакомым стариком, ей стало жутко. Она открыла окно, чтобы позвать кого-нибудь из девушек. На улице было пусто. Все ушли на яр, где час от часу становилось многолюднее и веселее.

Лишь напротив дома Лисицыных на лавочке, щёлкая кедровые орехи, сидел немой Станислав. Увидев Ульяну, он расплылся в улыбке, поднялся, пошёл к ней. Дойдя до окна, он остановился, приложил руку к сердцу и долго кланялся. Ульяна смущённо смеялась. «Вот ещё кавалер сыскался! Липнет, как муха к мёду. Скажи спасибо, что ты на Отечественной войне пострадал, а то бы в два счёта тебя отшила», – думала Ульяна.

Станислав поднял указательный палец и сверкнул круглыми зеленоватыми глазами, похожими на недозревший крыжовник. Девушка поняла, что он спрашивает – одна ли она.

– Нет, нет, Станислав, не одна. Какой-то старик тятю ждёт.

Станислав присвистнул. Что это значило, Ульяна не поняла. Потом немой ткнул себя пальцем в грудь, кивнул на ворота. Он просил разрешения войти в дом.

– Ко мне подруги скоро соберутся. Мы читать, Станислав, будем, – сказала Ульяна.

Станислав принялся опять учтиво кланяться: коли так, мол, извини, девушка. Но как только Ульяна отошла от окна, он навалился на подоконник локтями и чуть не до пояса влез в горницу. В раскрытую дверь Станиславу хорошо было видно деревянную кровать, морщинистое, заросшее седыми волосами лицо старика. Он лежал на боку, весь сжавшись, и казался теперь маленьким, как подросток.

– Он что тебе, Станислав, знакомый? – спросила Ульяна.

Глаза немого ещё больше округлились, рыжие усы встопорщились щёткой, и он засмеялся, отчаянно мотая головой.

– Нет? Ну, тогда закрой окно с той стороны, – озорно блеснув голубыми сторожкими глазами, пошутила Ульяна.

Станислав оскалил зубы, не то улыбаясь, не то злясь, нехотя попятился, но от окна не уходил. Ульяна решила не обращать на него внимания, села за стол, раскрыла книгу. Немой стоял и неотрывно смотрел на старика. «Постоит и уйдёт», – подумала Ульяна и принялась за чтение.

Минуту спустя в окно ворвался говор и звонкий смех. Из проулка вышла толпа девушек и парней. Ульяна кинулась к окну, а Станислав заспешил через улицу к дому пасечника Платона Золотарёва, у которого он квартировал с того самого дня, когда появился в Мареевке с предписанием от военного госпиталя поселиться в тиши и быть всегда на природе.

О приходе к Лисицыным неизвестного старика товарищи Ульяны уже знали, и никто на него не обращал внимания. Они окружили стол, застланный белой скатертью, и принялись за чтение. Это были участники драматического кружка мареевского клуба. Вскоре далёкая и трудная жизнь молодой женщины Катерины, оказавшейся в тёмном царстве Кабанихи, захватила всех. Голос Ульяны местами то дрожал, то звенел, наливаясь гневной силой.

Пока читали пьесу, Ульяна забыла о старике, но, когда кружковцы ушли, она направилась к кровати, намереваясь предложить старику поесть. «Гляди, ещё какой-нибудь дружок тятин. Будет потом меня за непочтительность к его гостям корить», – подумала Ульяна. Но старик лежал с закрытыми глазами, и дыхание его было тихим и ровным, как у младенца. «Уж раз спит, беспокоить не стану», – решила девушка и вернулась в горницу. Она достала из ящика полотенце, вынула из корзиночки цветные нитки и хотела заняться вышивкой. Но послышался стук калитки, и, взглянув в окно, Ульяна увидела мать и отца. Она отложила рукоделие и бесшумно выскользнула во двор.

Девушка увела родителей под навес и рассказала о появлении незнакомого гостя. Все трое заспешили в дом, но на крыльце Михаил Семёнович остановил жену и дочь.

– Вы подождите тут. Я тихонько один зайду, посмотрю на него, пока он не проснулся.

Когда Михаил Семёнович на цыпочках вошёл в дом, старик уже сидел на лавке и расчёсывал пальцами седые кудрявые волосы. «Нет, я его не знаю», – пронеслось в голове Лисицына.

– Здравствуйте-ка! – негромко сказал он.

– Здравствуй, здравствуй, голубь. А ведь это, пожалуй, Михаил Семёныч! – воскликнул старик, присматриваясь к Лисицыну.

Михаил Семёнович молчал.

– Не узнаешь? А ну-ка, припомни, кто тебя ружейному делу обучал?

Лисицын подошёл к старику ближе, взгляделся в его лицо и, отступая на шаг, неуверенно произнёс:

– Неужели живой? Столько лет!.. Дядя Марей! Отец родной!

Лисицын схватил руку старика и долго тряс её. Потом он бросился на крыльцо, где ждали его жена и дочь.

– Бабы! – крикнул он, вылетая из сеней. – Знаете, кто это?! Каторжанин Марей Добролётов. Живой! С него и наша Мареевка началась.

– Батюшки! Что же будет? – всплеснула руками Арина Васильевна, но зная ещё, как отнестись к этому известию.

– А то будет, что рыбу надо скорее жарить да за вином в сельпо бежать! – выпалил Михаил Семёнович.

Глава третья

1

Рыжая лошадь с подобранным в узел хвостом была забрызгана грязью от копыт до ушей. С шершавых, впалых боков падали на землю хлопья жёлтой пены. Большие выпуклые глаза глядели безразлично и тупо. Лошадь изнемогала от голода и усталости.

Изнемогал и Алексей Краюхин. Ныли руки и плечи. Поясница одеревенела. Голова была мучительно тяжёлой, болела шея. Ноги затекли, потеряли чувствительность. Алексей то и дело поднимался на стременах, менял положение тела, но усталость угнетала, как непосильная поклажа.

Уже несколько раз, завидев впереди бугорок, поросший молодым лесом, или полянку, покрытую ранней зеленью, Алексей собирался сделать остановку, но стоило ему доехать до этого места, нетерпение ещё сильнее охватывало его, и он настойчиво понукал лошадь.

Вчера под вечер, возвратясь домой, он нашёл на столе записку, неведомо каким способом доставленную из глубины тайги. На истерзанном клочке бумаги не то обожжённой спичкой, не то огрызком карандаша Михаил Семёнович Лисицын писал:

«Алексей Корнеич! Вода на Таёжной сильно спала. Берег у реки обвалился. Красный слой земли с чёрными прожилками, о котором ты толковал мне, вышел наружу. Приезжай сам, посмотри. Торопись. А то вода скоро хлынет и может замыть, и тогда придётся тебе много поворожить землицы. Коня оставишь на пасеке колхоза «Сибирский партизан». На стан проведёт тебя Платон Золотарёв».

Алексей перечитал записку и заспешил к матери на кухню.

– Мама, кто эту записку принёс?

– Была воткнута в замок. Я уходила к соседке.

– Удивительно! Это от дяди Миши из Мареевки.

– Может, сорока на хвосте принесла? Говорят, Лисицын птиц обучать умеет, – засмеялась мать.

Но Алексей на шутку не отозвался, и, обеспокоенно взглянув на него, мать серьёзно сказала:

– Видать, кто-то из тех мест в район ехал, ну, попутно и завёз. Да мало ли тебе со всего района писем да разных находок посылают? На прошлой неделе так же было: прихожу – на крылечке стоит ящичек с голубой глиной. Где только и отыскивали такую! А ты садись, Алёша, кушай, щи совсем простынут.

Но Алексею было не до еды. Он ушёл в свою комнату, взял со стола записку и ещё раз перечитал её. Да! Случай выпал редкий. Такое действительно могло произойти один раз в десятки лет. Уровень воды в Таёжной всегда держался высоко. Нынче сток снеговых вод из-за поздних морозов задержался. Берег, свежеобнажённый, да ещё в самом необходимом месте, мог поведать Алексею много интересного. И всё это без затраты сил и времени на пробивку шурфов!

– Мама, собери мне в мешок припасов дня на четыре. Я поеду в тайгу, – сказал Алексей, появляясь опять на кухне.

– Тебе же райком в Мареевку велел ехать, агитировать.

– Туда ещё успею, мама, а Таёжная ждать не станет.

Мать остановилась с чашкой в руках, посоветовала:

– Вечер, Алёша, скоро, а в логах сейчас разлив. Ты уж утром бы и отправился. Я разбужу тебя на заре.

Поставив чашку на стол, она села рядом с Алексеем. Обжигаясь щами, он рассказал ей, почему спешит.

Мать смутно разбиралась в делах, которые занимали её сына. Но она знала, что Алексей продолжает то, что начато было ещё его отцом. Дело это значительное и нужное всем людям.

– Смотри сам, Алёша. Пока ты за конём сходишь, я тем часом тебе припас приготовлю. Ружьё возьми...

– Обязательно! Как же в тайге без ружья?

«Только бы успеть!.. Успеть бы! Успеть!..» – неустанно думал Алексей.

В середине дня он свернул с просёлка на пасеку. Тропа тянулась по густым кедрочам. Огромные мохнатые деревья закрывали небо. Даже в разгар ясного дня здесь стояли сумерки. Макушки кедров поднимались до высоты птичьего полёта, а там и в солнечную погоду не переставали бесноваться ветровые потоки. Они задевали за вершины деревьев и раскачивали их.

Оттого, что шумели только макушки, а на земле между стволов было тихо, кедровник чем-то напоминал тёплый дом в пору, когда за стеной бушует злая непогода.

Увидев, что тропа сделала крутую петлю вокруг лесного завала и побежала с холма в ложину, поросшую осинником, Алексей натянул поводья. В кедровнике было сухо, а тут опять зачавкала под копытами грязь, конь начал спотыкаться о кочки и колодины.

Путь близился к концу. Алексей знал, что за осинником начнутся гари, а потом пойдут уютные полянки с зарослями черёмухи и калины. Отсюда до пасеки двести – триста шагов.

«Если дядя Миша обосновался на стане у Тёплого ручья, то рано утром я буду у него», – думал Алексей.

Быстро смеркалось. Солнце скатилось в лес, и на небе догорали его последние отблески. Посвистывая крыльями, пронесли над тайгой утки. В пихтовой чащобе заухал филин – там, под покровом нескольких слоёв густых и пушистых веток, было уже темно, как ночью.

Алексей спустился в лог. Конь, похрапывая и вздрагивая, перебрёл через глубокий каменистый ручей. Алексей вытер ладонью вспотевший лоб. Ручей был последним серьёзным препятствием, и, к счастью, воды оказалось в нём меньше, чем он ожидал.

Темнота настигла его за логом, в осиннике. Тропа затерялась в жухлой прошлогодней траве. Алексей опустил поводья и доверился чутью коня. Конь пошёл медленнее, как будто нащупывая тропу.

Вдруг пламя полыхнуло у самых глаз Алексея. Сухой, короткий звук выстрела взорвал тишину. Тайга заколыхалась, задрожала от протяжных перекатов эха. Конь осел на задние ноги, судорожно захрипел и тяжело рухнул, подмяная бурьян. Алексей выпрыгнул из седла, испуганно закричал:

– Осторожно! Здесь люди!

Мгновенно всё происшедшее представилось ему так: охотники преследовали медведя. Зверь выбежал на тропу и наткнулся на человека. В чаще осинника зверю некуда было деваться, и он повернул назад. Охотники не упустили случая и выстрелили.

Прошла минута. Эхо отгрохотало и затихло. Конь два-три раза ударил копытами о колоду и замер. Цепenea от страха, Алексей крикнул дрожащим голосом:

– Эй, кто тут есть?!

Никто не отозвался.

Алексей долго стоял не шевелясь. Потом осторожно шагнул три шага и наткнулся на коня. Ни одного звука не издавала тайга, погружаясь в непроглядную тьму весенней ночи.

Алексею стало не по себе. Чутьём угадывая, где тропа, он заторопился от убитого коня прочь, на ходу снимая из-за спины ружьё. Валежина преградила ему путь. Он зацепился за неё сапогом, упал, чувствуя, как из царапины на щеке потекла кровь.

Поднявшись, он постоял, прислушиваясь, нет ли за ним погони, и когда пошёл дальше, то с первых же шагов понял, что сбился с тропы.

Алексей принялся искать тропу, нагибался к земле, приглядывался.

Сколько времени он так бродил по лесу, Алексей не знал. Ноги у него гудели, подламывались в коленях. Пасека, по-видимому, осталась где-то в стороне.

Острое чувство одиночества охватило Алексея. Он поднял ружьё и выстрелил вверх. Если есть поблизости живые люди, они откликнутся. Выстрел ночью в тайге – это сигнал бедствия.

Когда эхо умолкло, Алексей подставил ухо ветру и стал слушать. Никто не откликнулся. Вот хрустнул где-то сучок, встревоженный выстрелом зверёк ринулся в новое убежище. Вот прошумела в воздухе сова: выстрел спугнул её на один только миг раньше броска на прикорнувшего в ветках берёзы рябчика. И снова всё стихло.

Алексей переждал несколько минут и выстрелил ещё раз. «Что ж они молчат?! Должны же откликнуться!» – ожесточённо думал он.

Всё повторилось сызнова: раскаты эха, беспокойные шорохи зверей и птиц, шум ветерка над вершинами деревьев...

Но вот где-то раздался ответный выстрел и залаяли собаки. Их лай доносился до Алексея слабым, едва уловимым отзвуком, словно проникал откуда-то из-под земли. Возможно, что собаки лаяли на пасеке. Алексею казалось, что она должна находиться рядом, а по звуку, который еле-еле долетал до него, пасека лежала далеко к северу. Но раздумывать было некогда, надо спешить, пока лай собак мог послужить ориентиром.

2

Наконец вызвездило. Алексей поднял голову и долго смотрел на небо. Была середина ночи. Он стоял среди высоких кочек, скрывавших его с головой. Густой лес с завалами и непроходимыми чащобами остался где-то позади. Редкие деревья в кочкарнике были малорослыми и чахлыми. «В Берёзовое болото затесался. Придётся, как цапле, ночь на кочке коротать», – подумал Алексей, вытирая рукавом брезентовой куртки вспотевшее лицо. Он ощупал кочку, покрытую сухой осокой, и, подпрыгнув, сел на неё, балансируя ногами, чтобы не свалиться.

«До рассвета далеко, сидеть придётся долго», – подумал он. Ему припомнилось, как перед наступлением в Восточной Пруссии в разведке пролежал он в болоте трое суток. Теперь ему предстояло переждать несколько часов. «Пустяки! Скоротаю!» – мысленно подбодрил он себя.

Алексей достал портсигар и закурил. Снова всё пережитое в этот вечер вспомнилось шаг за шагом. «В осиннике зря поторопился. Надо было не бежать куда глаза глядят, а бросаться туда, откуда стреляли», – упрекал он себя. Но второй голос возразил: «Не храбрись. Лежал бы теперь рядом с конём». Но вот это-то и не укладывалось в сознании Алексея. Ему не верилось, что кто-то мог стрелять в него. Охотники, рыбаки, пасечники, земледельцы Улуюльского края знали его самого, знали его отца, и он был убеждён, что среди них не было человека, который не хотел бы ему добра.

Он докурил папиросу, выплюнул окуроч и решил разжечь на соседней кочке костёр. Не просохший ещё у корневища бурьян горел плохо, дымил. Алексей закрыл глаза и задремал.

Очнулся он от крика. Ему снилось, что Лисицын ругает его за езду ночью и гибель коня. В действительности кричала ворона. Она сидела на вершине сухой, оголившейся ели и каркала изо всех сил.

Алексей всунул два пальца в рот и с остервенением свистнул. Ворона сорвалась с ели и каркая полетела к лесу.

Рассветало. Под утро посвежело. Алексей спрыгнул с кочки, замахал руками, стараясь согнать холодок, ползавший по спине.

Когда стало светло, Алексей вытащил из кармана брезентовой куртки компас, встряхнул его и, положив на ладонь, стал следить за стрелкой. Она затрепетала, двинулась влево-вправо и замерла.

Алексей от удивления протянул вслух: «Ой-ёё!» Оказалось, что он находился северо-западнее пасеки по меньшей мере километров на пять. Чтобы выйти из болота, волей-неволей надо было взять ещё западнее, выбраться на поля мареевского колхоза и, сделав большой крюк, вернуться к пасеке.

Алексей достал из армейского вещевого мешка хлеб, сало, закусил и потом пустился в путь.

Идти было трудно. Алексей прыгал по кочкам, как заяц. В одном месте он сорвался и провалился в яму, наполненную водой. Он выкупался бы до пояса, если б не схватился за куст жимолости. Но тяжёлый путь был недолгим. Впереди в прощелине леса заблестела стеклянная гладь воды. Это показалась западная вершина Орлиного озера. Здесь местность менялась. Карликовый, чахлый лес становился крупнее, кочки редели, отступали, и сухие полянки с бугорками переходили в лесистые гривы.

Вскоре Алексей увидел раскорчёванные поляны и свежеперепаханные поля. Отсюда до берегов реки Большой, пересекавшей Улююльский край с юга на север, оставалось километров десять. Однако подвигаться к западу было незачем.

Алексей повернул на юго-восток. Ему нужно было отыскать тропу, с которой он вчера сбился, и по ней идти до самой пасеки.

Неподалёку послышался людской говор, звон топора и смех. «Вот кто на мои выстрелы откликнулся», – подумал Алексей. Он раздвинул руками густые заросли молодого пихтача, с трудом протиснулся между упругих, пахнущих смолой веток и вышел на ровную площадку. Рыжая мохнатая собачонка с пушистым хвостом кинулась на него с залихватским лаем. В сотне метров от пихтовой чащи трое людей вертели всунутый в треногу шест бура. Не обращая внимания на исступленный лай собачонки, Алексей подошёл к работавшим, поздоровался. Люди прекратили работу и с любопытством осмотрели его.

– А вы кто будете? – спросил Алексея старик, возглавлявший эту небольшую артель.

Остальные двое были в том неопределённом возрасте, когда человека нельзя уже назвать подростком и несправедливо ещё причислять к парням. Они смущённо переглянулись. Прямой вопрос старика почему-то казался им не совсем уместным. «По-видимому, знают меня», –

отметил про себя Алексей и, взглянув на старика, продолжавшего с любопытством осматривать его, сказал:

– Я из Притаёжного, учитель Краюхин.

– А Корней Алексеевич Краюхин вам не родня был? – спросил старик.

– Я его сын.

– Вот оно что! – обрадованно воскликнул старик. – Корнея Алексеевича я хорошо знал, охотился с ним много раз. Вот уж охотник был так охотник!.. А вы по какому делу в наши края?

Алексей решил пока умолчать об истинной причине, приведшей его сюда.

– На Орлином озере был. Карту Улуюльского края составляю. Надо было вершину Щучьей реки отыскать.

– Искал её и я один раз любопытства ради. Да где её найдёшь?! Она вся, речка-то, какая-то непутёвая. То выйдет из земли, то опять куда-то скроется. Одно слово – чудеса! – старик широко развёл руками.

– Мы тоже карту земель нашего колхоза составляем, как вы нам на районной комсомольской конференции советовали, – сказал один паренёк, смущаясь и неловко переступая с ноги на ногу.

– Уж не потому ли вы бурение здесь начали? – спросил Алексей.

Выступая недавно на конференции в Притаёжном, Алексей советовал комсомольцам заняться составлением краеведческих карт своей местности, наносить на них все интересные данные физико-экономического, геологического, этнографического, исторического характера. Чтобы преобразовывать свой край, надо прежде всего отлично знать его. А никто так не знает свою местность, как сам народ. Беда лишь в том, что зачастую эти знания, накапливаемые из поколения в поколение, утрачиваются и люди лишают себя таких ценных открытий, которые приобретаются затем долгим, тяжёлым трудом специалистов, – в этом Алексей был убеждён.

– Видишь ли, Корнеич, – переходя на задушевный тон, доверчиво проговорил старик, – колхоз наш решил вон на том бугре новый полевой стан построить. Эти молодые земли под лён у нас пойдут. – Старик лёгким взмахом руки описал полукруг, в середине которого оказались и те раскорчёванные земли, которые только что видел Алексей. – Ну, а без воды, сам понимаешь, какой же полевой стан?

– Да вы не Дегов ли? – спросил Алексей.

– Он самый! – воскликнул старик, и широкое лицо его, обросшее густой окладистой бородкой, расплылось в довольной улыбке. – А как вы узнали меня?

– Портрет ваш в областной газете был. А когда вы о льне заговорили, я сразу понял: «Это он, Дегов Мирон Степанович!»

Дегов опять расплылся в улыбке. На днях Указом Президиума Верховного Совета СССР за высокие урожаи льна он был награждён орденом Ленина. Старик обычно был молчалив, но такая высокая оценка его заслуг государством взволновала его, и при разговоре об этом, как он ни сдерживался, радость то и дело прорывалась и смягчала суровые черты его крупного лица.

На земле лежал раскинутый брезентовый плащ. Дегов пригласил Алексея присесть. Задерживаться не хотелось, но старик уже опустился на землю. Алексей сел рядом с ним, достал портсигар и, угостив всех папиросами, спросил:

– Не вы на мои выстрелы вечером откликались?

– Мы утром пришли. Ночевали на полевом стане, – с недоумением глядя на Алексея, сказал Дегов.

«Стало быть, кто-то другой мне сигналы подавал», – подумал Алексей и поспешно изменил тему разговора.

– Ну, а как бурение? Нашли воду?

– Воды тут много, да не везде она близко. Пятый метр идём, а сухо.

– Попробуйте побурить вот тут, где хвощ растёт, – посоветовал Алексей.

Он собрался уже идти, но Дегов остановил его.

– А ты слышал, Корнеич, нашу мареевскую новость? Основатель нашей деревни каторжанин Марей Добролётов пришёл...

– Неужели?.. Да он разве не умер?

– Живой! С Михайлой Лисицыным на Таёжную отправился. Пожалуй, за восемьдесят ему, а в памяти ещё.

Алексей слышал о Марее от Лисицына. Тот часто рассказывал о нём, неизменно заключая свои рассказы одним и тем же: «Вот кого тебе, Алёша, порасспросить бы! Он всё Улулюье своими руками ощупал!»

«Да, всё складывается так, что надо торопиться на Таёжную», – подумал Алексей.

Когда до пасеки осталось не больше километра, начал моросить мелкий дождь. Алексей тревожно посматривал на сумрачное, в тучах, небо. «Всё потеряно. Пойдёт вода в Таёжной на прибыль».

На пасеке его встретили пчеловод Платон Золотарёв и сторож Станислав. Они никак не ждали Алексея. Ведь только вчера Станислав вернулся из Притаёжного, куда он ездил верхом с запиской от Лисицына.

– Не ты ли, Алексей Корнеич, ночью из ружья палил? – здороваясь с Краюхиным за руку, спросил Золотарёв, низкорослый плечистый мужчина с бельмом на глазу.

– Я, Платон Иваныч. А кто откликался?

– Вон Станислав услышал. Он днюет и ночует на дворе.

– Несчастье у меня, Платон Иваныч, случилось.

– Что за несчастье? – поспешно опускаясь на дрова, спросил Золотарёв.

Алексей рассказал о выстреле в осиннике, о гибели лошади, о своих блужданиях по тайге ночью.

Золотарёв слушал его, по-бабьи всплескивая руками. Станислав тарачил глаза, крутил головой, поражённый всем, что говорил учитель. Золотарёв напоил Алексея чаем, а потом они все трое пошли в осинник к месту происшествия. Ни звериных, ни людских следов они не обнаружили. Над убитой лошадей уже кружилось воронье.

3

Провести Алексея на стан Лисицына вызвался Станислав. Золотарёв спешно готовил подкормку для ослабевших за время зимней неволи пчёл и не мог отлучиться с пасеки.

Путь к берегам Таёжной лежал через топи, кочкарник, зыбкие мхи и заросли ельника и пихтача. По прямой от пасеки до Тургайской гривы, на которой разместился стан Лисицына, было километров десять, а по тропе, в обход болота, в три-четыре раза больше. «Версты тут мерил чёрт кочергой, и тот со счёту сбился», – смеясь, говаривал Лисицын.

Алексей ходил этим путём и раньше, но всегда с проводником. Шутить с болотом было опасно: зайдёшь в трясины и не вернёшься. Лучше бы всего запомнить дорогу. Но это было просто в лесу, где на каждом шагу могли быть приметы, здесь же дорога большей частью тянулась по чистому, безлесному мшанику. На мху следов от ног человека никаких не оставалось, и тропу надо было угадывать особым чутьём, выработать которое Алексей ещё не успел.

Станислав шёл впереди. Он сильно размахивал руками, и шаги у него были широкие и лёгкие. Немой торопился, и это вполне совпадало с желаниями Алексея.

«Выходит, дружище, что не все желают тебе добра. Нет, не все! – раздумывал Алексей. – Есть люди, которым ты досадил чем-то очень жестоко. Уж если человек берётся за ружьё, если он стережёт тебя на таёжной тропе, если он, не страшась, стреляет в тебя, – значит, ты действительно ему враг смертельный. Но кто этот человек? Кто он?.. И за что он возненавидел тебя?»

Алексей припоминал всех знакомых, с которыми у него были на той или иной почве столкновения. Нет! Случаи, которые он вспоминал, были мелкие и могли вызвать неприязнь, но никак не ненависть. «Значит, что-то другое», – решил Алексей. «А может быть, кто-нибудь за отца мне мстит?» – спрашивал он себя. Он припоминал всё, что знал об отце по рассказам матери и Лисицына. «Опять не то! Но что же всё-таки?!» – ожесточался Алексей.

«Ошибка! Необыкновенный таёжный случай! – хватался он за новую мысль. – Могло случиться так: охотник шёл по лесу, его захватили сумерки, он торопился, страшась ночи. Вдруг впереди послышался хруст валежника и показались неясные в сумраке очертания крупного зверя, надвигающегося на него в полный рост. Оробевший охотник стреляет наугад. Вдруг слышится человеческий голос, и охотнику становится понятно, что он ошибся. Но выстрел сделан. Охотнику стыдно за свою горячность. Ясно, что он оробел, струсил. Конь уже упал замертво, человек ещё

жив, но и он, может быть, тоже доживает последние минуты. Охотник бросается прочь. Вокруг лес, безлюдье. Никто, ни один человек на свете не будет знать об этом происшествии. Пройдут годы, и забудется этот случай, утихнут укоры совести...»

Когда Станислав остановился на сухом бугорке и присел отдохнуть, Алексей закурил и рассказал немому о своих предположениях.

Дослушав Алексея, Станислав вскочил и замотал головой. Вскинул руку, он описал круг, вытянул губы, надул щёки и открыл рот: «Пфа! Пфа!»

Потом немой затопал ногами, изображая, что он бежит, поводя глазами то в одну сторону, то в другую, затем внезапно втянул сильную, мускулистую шею в плечи и удивлённо развёл руками.

Алексей без особого труда понимал жесты Станислава. То, что поведал сейчас немой, было крайне важным для Алексея. Оказывается, вчера перед вечером, когда солнце склонялось уже к закату, неподалёку от пасеки послышалась стрельба. Станислав бросился в лес, намереваясь привести людей, которые вздумали охотиться возле самой пасеки. Он осмотрел все её окрестности, но никого не встретил. Люди скрылись неизвестно куда. Не от их ли руки пострадал конь Краюхина?..

– А Золотарёв в это время на пасеке был? – спросил Алексей.

Станислав энергично закивал головой, потом жестами показал, что на поиски людей он, Станислав, и Платон бегали вместе: один налево, другой направо. Обойдя по полукругу, они сошлись у вершины Орлиного озера, напротив своей избушки.

Алексей докурил папиросу, поднялся, с ожесточением отбросил окурочек в ручеёк. Станислав понял это как сигнал: в путь! Он зашагал, мелькая перед Алексеем своим крепким рыжим затылком.

«Ах, как дрянно всё сложилось! На сутки почти опоздал к дяде Мише, школу без коня оставил, – горько думал Алексей. – Успеть бы до прибыли воды! Успеть бы!.. А там... Коня как-нибудь куплю, вложу отпускные, продам костюм, пальто, займу в кассе взаимопомощи...»

4

Было ещё совсем светло, когда Алексей и Станислав вышли из болота и оказались в густом сосняке. Самая трудная часть пути была пройдена. Теперь до стана Лисицына оставалось не больше трёх километров. Стремительный был марш! Только на фронте Алексею приходилось совершать такие броски!

После прыжков через кочки, бега по зыбким мшаникам, переходов по гибким жердочкам через ямы с водой по ровной твёрдой земле идти было легко, и казалось, что ноги несут тебя сами.

В сосняке было сухо, пахло смолой. Хрустели под сапогами хвоя, поскрипывал песок у корневищ вывороченных деревьев. Как ни устал Алексей, свежесть воздуха бодрила его.

К стану Лисицына приближались уже в потёмках. Сквозь лес манящим ярким светом вспыхнул раз-другой огонёк костра. «Ну, прибавь, прибавь, Станислав, шагу! На моё счастье, здесь дождя совсем не было, и Таёжная, может быть, ещё не поднялась», – думал Алексей. Он обогнал Станислава и пошёл впереди.

Вдруг по-вечернему притихший лес огласился трелями соловья. Соловей свистел, чечекал, рассыпал дробь, щёлкал. Алексей остановился. Никогда он не слышал, чтобы так рано прилетали в Сибирь соловьи, да ещё пели в сосновом лесу.

Станислав тоже остановился. Он сдвинул поношенную военную фуражку на затылок и замер.

А соловей будто знал, что его слушают люди. Его пение то нарастало, то затихало, то снова взлетало выше деревьев, одно коленце сменялось другим, третьим, ещё более сложным и красивым, а всем им не было счета. Алексей стоял, чувствуя, что у него нет сейчас сил сдвинуться с места.

Соловей умолк, неожиданно оборвав свои трели. С полминуты Алексей ждал: не возобновятся ли эти волшебные песни? Потом он пошёл не спеша, всё ещё прислушиваясь, готовый при первом звуке соловьиного голоса опять замереть на месте. Раздался громкий лай собаки. Она кинулась на Алексея и Станислава, но узнала их и виновато завизжала.

Когда лес расступился, Алексей увидел у костра старика. «Вот он какой, основатель Мареевки!» – догадался Алексей. Старик лежал на земле, и рослое тело его подковой огибало костёр.

Алексей так увлечённо смотрел на старика, что не заметил Лисицына. А тот, заслышав приближение людей к своему стану, поднялся с земли и стоял в пяти шагах от костра в настороженной, выжидательной позе. Шапка-ушанка (он носил её и зимой и летом) была сдвинута на ухо. Жидкая продолговатая борода вислоколена, маленькие пытливые глаза прищурены, худая и без того длинная шея вытянута.

– Я вас давно услышал, Алёша. Находка лежит не чует, а я слышу – сучки под ногами хрустят. Потом вы затихли, будто провалились куда-то, – сказал Лисицын, когда Алексей и Станислав вышли из леса и их осветило пламенем.

– Стояли, соловья слушали, дядя Миша. Рано они нынче прилетели!

– А как же, Алёша! Охотников-то надо кому-то веселить! – засмеялся Лисицын. – Чем они, к примеру, хуже других! Вон к куму Мирону Степанычу Дегову гармонисты и плясуны из нашего клуба на поля приезжают.

«А слава Дегова всё-таки задевает его», – отметил про себя Алексей, знавший о том, что Лисицын и Дегов многие годы прошли бок о бок: служили в одном полку в первую мировую войну, вместе партизанили в лесах Улуюлья, издавна гостевали друг у друга семьями.

Алексей крепко пожал руку Лисицыну и направился к Марее. Старик встал.

– Здравствуй, сын мой, здравствуй, – задерживая руку Алексея в своей руке, с лаской в голосе сказал Марей.

– А ты знаешь, Алёша, кто этот человек? – спросил Лисицын.

– Знаю, дядя Миша. Мирон Степаныч Дегов сегодня рассказал мне.

– Дегов? А где ты с ним встретился, Алёша?

– На полях – воду ищет для нового стана.

– А ты с какой стати на поля к нему попал? – предчувствуя что-то неладное, спросил Лисицын.

Алексей тяжело опустился на сосновый кряж.

– Эх, дядя Миша!..

Марей и Лисицын сели рядом. Лисицын слушал Алексея, то и дело выразительно поглядывая на старика. Взгляд больших глаз Марея был спокоен, а морщинистое лицо непроницаемо. Станислав сидел у костра, сушил мокрую портянку. Ветер обдавал его едким дымом, и он щурился, смахивая ладонью проступавшие слёзы.

– И я тебя, Алёша, не порадую. Водичка с полдня пошла вверх. Уже бушует. Слышишь? – сказал Лисицын.

Ещё вчера, выезжая из Притаежного, Алексей знал, что так может случиться, но слышать об этом было всё-таки больно. «Какой случай упустил!.. Может быть, он никогда не повторится», – с огорчением подумал Алексей.

Все сидели, прислушиваясь к шуму реки, которая катила свои воды в ста шагах от костра.

– Валами пошла. Видать, в верховьях затор прорвало, – продолжал Лисицын, определявший, что делается на реке, по признакам, известным ему одному.

Алексей встал, торопливо направился к реке, но, не дойдя до неё, вернулся назад. Тальники уже затопило. Он опустился на прежнее место и увидел Ульяну. Она стояла с ружьём на плече и внимательно смотрела на Алексея. Когда глаза учителя встретились с её глазами, она опустила голову и смущённо отступила за кедр.

– Ты что же, Уля, не здороваешься с гостями! Не часто они у нас бывают, – упрекнул её Лисицын.

Ульяна вышла из-за кедра и, преодолевая мучительную застенчивость, которая появлялась всякий раз, стоило лишь поблизости оказаться Краюхину, направилась к огню. Станислав отбросил портянку и поспешно вытер о гимнастёрку руки. Но Ульяна прошла мимо него к Алексею. Она неловко, не глядя, подала учителю руку и почти бегом кинулась в избу.

– Ах ты дикуша! – не то в похвалу, не то в порицание сказал Лисицын.

– Соловушка! – взглянув вслед Ульяне, воскликнул Марей и засмеялся. – Соловья-то, Алёша, соловья-то Уля изобразила!

Алексей взглянул на Станислава, помрачневшего оттого, что Ульяна обошла его.

– Ну ни за что бы не подумал! И где только она так научилась?

– Тятя, зовите чай пить! – приоткрыв дверь избушки, крикнула Ульяна.

– Пошли, мужики! – встал Лисицын. – Ты, Алёша, не кручинься, у нас ещё будут радостные денёчки, – обняв Алексея, проговорил он.

5

После бессонной ночи и всех переживаний Алексей спал как убитый.

Он проснулся от солнечного лучика, щекоотливо скользившего по лицу. Было загадкой не то, как луч проник в маленькое оконце избушки, а то, как он нашёл себе путь на землю сквозь мохнатые ветви вековых кедров и сосен.

Алексей поднял голову и осмотрелся. Рядом с ним на нарах с вечера ложился Станислав. Ульяна и Марей легли напротив, у другой стены. Лисицын любил спать на воздухе и по обыкновению устроился у костра. Сейчас в избушке никого не было.

Алексей натянул сапоги, надел куртку и вышел. Марей, Лисицын и Станислав сидели возле костра. На огне бурно плескались, дымя густым паром, два котелка: один с чаем, другой со свежей дичью.

– Доброе утро! Ну и заспался я!.. – Алексей потянулся.

– Вот и хорошо! Сон исцеляет от всех недугов, – поглядывая на Алексея с доброй улыбкой, проговорил Марей.

– Иди, Алёша, умывайся, да завтракать будем, – бросая в котёл с дичью ложку крупной соли, сказал Лисицын.

Алексей направился к реке. Спускаясь с яра, он увидел Ульяну. Она плыла на лодке от противоположного берега. В её руках было большое кормовое весло с толстым черенком и широкой лопастью. Ульяна по-мужски сильными взмахами поддевала воду, и лодка стремительными рывками неслась поперёк течения.

Увидев Алексея, Ульяна подняла весло, замешкалась – нос лодки круто повернулся, и она заскользила на стремнине.

– Держись, Уля, унесёт тебя! – крикнул Алексей и, когда Ульяна выровняла лодку, присел на корточки и, шумно отфыркиваясь, принялся умываться.

– Здравствуйте, Алексей Корнеич, – сказала Ульяна, приближаясь к берегу.

Алексей вытер лицо платком, поднялся.

– Доброе утро, Уля! Ты где была?

– А вот. – Девушка показала веслом на нос лодки: там лежали ружьё и два больших глухаря.

– Ого, молодец! И когда это ты успела?

– В обед буду угощать, – потупившись, тихо отозвалась Ульяна.

– Я хотел утром уйти, а теперь придётся до обеда задержаться, – весело засмеялся Алексей. – Ну, давай я тебе помогу дотащить глухарей.

Алексей взял их в обе руки. Ульяна повесила ружьё на плечо, пошла впереди Алексея, ловкая и гибкая. На ней было пёстрое платьишко из простого ситчика, патронташ, сапоги с высокими голенищами.

Они уже поднялись до половины яра, когда Ульяна оглянулась и, тяжело переводя дыхание, краснея чуть не до слёз, просяще произнесла:

– Вы бы, Алексей Корнеич, поосторожнее как...

– Ты о чём? – не понял он, но тут же спохватился. – Ладно, Уля. Ездить теперь на конях никогда не буду.

Он хотел обратить весь разговор в шутку, но этого не получилось. Не шутки ради говорила Ульяна: необычным румянцем горели её щеки, тревожно искрились голубые глаза. Алексей впервые подумал об Ульяне как о девушке – раньше он как-то не замечал её. Застенчивость Ульяны он объяснял обычным смущением, не допуская и мысли, что Ульяна уже способна испытывать глубокие чувства.

– Смотри-ка, дядя Миша, что твоя дочь делает! – вскинув глухарей на плечи, сказал Алексей.

Лисицын, Марей и Станислав обернулись. Станислав надул щёки, и круглые глаза его загорелись восхищением, Лисицын засмеялся мелким, тихим смешком.

– Уля у меня припас зря не переводит. В прошлом году я у Степахи Заслонова литр водки выпорил... Ехал он из деревни к себе на стан, завернул ко мне, на курье я рыбачил, а Уля на рябчиков в пихтачи вышла. Она стреляет, а он сидит и счёт ведёт. «Ну, говорит, и палит твоя дочка в белый свет». Обида взяла меня за Улю. Заспорили мы, ударили по рукам. Сидим. Считаем: десять, двадцать, тридцать, тридцать два... Приходит Уля, сбросила с плеча мешок, а Степан тут как тут. Вытаскивает рябчиков из мешка и считает: десять, двадцать, тридцать, тридцать два! Тютелька в тютельку! Распили мы его литр за Улино здоровье...

– Ты уж всегда, тятя, что-нибудь скажешь, – сконфуженно произнесла Ульяна, отстёгивая патронташ.

– Чистую правду говорю, Уля! – с гордостью воскликнул Лисицын.

– И хорошая эта правда, дочка. Такой правды нечего стыдиться, – обводя всех взглядом своих спокойных глаз, сказал Марей.

Завтракали у костра. Ели молча.

Вдруг Марей отставил кружку с кипятком и, посмотрев на Алексея, спросил:

– А что, Алёша, не приходилось тебе бывать в вершине Киндирлинки?

Лисицын вытянул длинную шею и многозначительно взглянул на Алексея, как бы предупреждая: слушай, мол, внимательно да мотай себе на ус.

– Бывали мы там с дядей Мишей раза два, – ответил Алексей, ощупывая карман гимнастёрки. Там у него хранился карандаш на случай, если б потребовалось записать что-нибудь важное.

– А не попадались там ручейки? – спросил Марей.

– Ручейки встречались. Возле одного мы ночевали. Помнишь, Алёша? – вмешался Лисицын.

– Лет пятьдесят тому назад в вершине Киндирлинки, – заговорил Марей, – старик Увар держал пасеку. Жил он со старухой Домной Карповной. Я их хорошо знал. Много раз ночевал у них, в бане бывал. Славные, добрые были люди... – И Марей рассказал, как однажды осенью на пасеку к Увару вышли трое охотников. Увар с Домной Карповной встретили их приветливо, напоили-накормили, чем могли. Когда Увар с Домной Карповной поближе познакомилась с охотниками, один из них достал из кармана спичечный коробок с золотинками. «Вот какие, папаша, у вас в лесу тараканы водятся», – сказал охотник Увару и высыпал золотинки на ладонь.

Утром охотники отправились искать золотой ручей. Местность они знали плохо, позвали с собой старика Увара.

Ходили-ходили – ручья не нашли. Злые от неудачи, насквозь промокшие на осеннем дожде, охотники вернулись на пасеку. Утром опять пошли в тайгу. Дней пять ходили – и всё без толку. На шестой день легла зима. Сразу забуранило, намело снегу до колен. Волей-неволей пришлось поиски бросить. Охотники ушли домой, в город.

С тех пор прошло много лет. Увар с Домной Карповной и вспоминать перестали о поисках золотого ручья. Вдруг как-то летом Увар увидел на дороге незнакомых людей. Шли они артелью, вели трёх лошадей с вьюками. За главного в артели был инженер в форменной фуражке, в кожаной тужурке – всё честь по чести. «Здравствуй, Увар Изосимыч! – крикнул один человек из артели. – Что, не узнаёшь?»

Увар заторопился навстречу людям, присмотрелся к тому человеку, который поздоровался с ним, и тогда только узнал охотника, одного из тех трёх, о ком на пасеке и говорить перестали.

Всё лето артель вела поиски. Ранней осенью с инженером случилось несчастье: задрал его в тайге медведь. Артель вернулась ни с чем.

Через год-другой после этого случая на большой улице в Высокоярске тот самый охотник, который первый из всей артели поздоровался с Уваром, открыл торговый дом. Народ засёк это.

Поползли слухи, что инженер, мол, погиб не от зверя, что артель, мол, наткнулась в Киндирлинской тайге на самородное золото.

Так ли это было или не так, сказать трудно. А только человек этот вскоре закрыл своё дело в Высокооярске и двинулся на Урал. Сказывали потом, что объявился он где-то в Челябине или в Кунгуре под другой фамилией.

– Года через три-четыре после смерти инженера ходили мы с Уваром по следам артели. Думали, авось наткнёмся на фарт. Шурфы уже обвалились и позаросли травой и бурьяном. Местах в десяти мы попробовали мыть пески. Умаялись, как на каторге, а найти золото не сумели. К тому же стал Увар торопиться на пасеку. Мне тоже надо было уходить дальше в тайгу. Друзья-приятели из трактовых сёл дали знать: «Спасайся, Марей, полиция подкупила продажных людишек, расставили они на тебя свои сети». Кинулся я к тунгусам в верховья Таёжной...

Марей опустил голову, задумался.

Историю поисков золота на Киндирлинке Алексей знал из рассказов Лисицына. Но тот передавал её со слов других жителей Улулюля, Марей же был современником этих событий.

В тетрадях Алексея были записаны десятки и сотни подобных рассказов. Правда и вымысел в них настолько переплетались, что трудно было отделить одно от другого. Но, несмотря на это, Алексей чутко прислушивался к каждому новому сообщению и бережно записывал их.

Многие из этих творений народной фантазии и человеческого опыта прошли через несколько поколений, и Алексея поражала вера людей в богатства улулюльской земли.

– А ты не припомнишь, Марей Гордеич, на каком месте была пасека Увара? – спросил Лисицын.

– Как же, помню! – ещё более оживляясь, воскликнул Марей. – Увар с Домной Карповной умерли друг за другом в одну осень. В эту же осень на месте пасеки обосновались переселенцы из Курской губернии. Я бывал у них частенько. Помогали они мне и хлебом, и одежей, и ружейным припасом, хотя и у самих-то было не густо.

Потом, когда я срубил избушку на яру, где теперь стоит Мареевка, охотники из Уваровки ходили ко мне. Я знал, что эти не подведут меня. За добро платил добром: не таил от них лучшие уголья, при нужде делился добычей.

Уваровка обстраивалась, как в сказке: не по дням, а по часам. Нахлынули люди: из России шёл обоз за обозом. Если б не один случай, быть бы Уваровке волостным селом.

А дело было так: приехал в Уваровку десятник рыть артезианский колодец, заложил скважину, начал бурить. Бурил, бурил и наткнулся на пласт каменного угля. Пласт оказался толстый, уголь чёрный, жирный. Десятник говорит мужикам: «Вы поселились на пластах каменного угля. Если начнутся здесь каменноугольные разработки, вам несдобровать – деревню снесут». У мужиков от таких слов аж глаза на лоб полезли. Они переглянулись, сняли шапки – и на колени перед десятником: «Батюшка, благодетель наш, не разорь нас, не губи вконец, отблагодарим мы тебя чем можем». Десятник согласился. «Ладно, говорит, мужики, ничего мне от вас не надо. Что с вас возьмёшь, когда вы сами лебеду едите. Подпишите мне обществом акт, что бурить я у вас бурил, но воды на вашем бугре не нашёл. Нужен мне этот документ для казны». Мужики обрадовались, акт подписали. Десятник уехал, а мужики засыпали скважину землёй, а сверху, чтоб и зная не было, заровняли зелёным дёрном.

Однако слушок всё-таки прошёл по народу, что Уваровка стоит на опасном месте. Мужики побаивались: «А ну-ка десятник окажется человеком с подлой душой и приведёт кого-нибудь из промышленников? Изойдёт тогда народ горячей слезой». Когда нагрянула в Уваровку новая партия переселенцев, старые жители потихоньку шепнули новичкам: «Не зарьтесь, мужики, на обжитое место. На угле живём, селитесь на другой земле». Новички поняли, что люди худа им не желают. Они продвинулись вёрст на десять по долине и основали новую деревню. Народ назвал её Подуваровкой...

Алексей слушал старика с напряжённым вниманием, боясь пропустить хотя бы одно слово. Происхождение наименований новосельческих деревень Алексею объяснял Лисицын. У него это выглядело просто: Притаёжное – значит, подле тайги. Подуваровка – значит, около Уваровки.

– А что, Марей Гордеич, десятник был вольный или государственный? – спросил Алексей.

– Едва ли вольный! Сдаётся мне, что работал он от переселенческого управления. Артезианские колодцы появились вначале у переселенцев, а потом их стали закладывать и у старожилов.

«Копнуть бы архивы переселенческого управления. Вдруг уцелел уваровский акт?» – пронеслось в голове Алексея.

Марей будто угадал мысли Алексея и, помолчав, сказал:

– Бумага об уваровском колодце должна храниться в казённых архивах. – Но тут же старик развёл руками и выразил сомнение: – А может, и сгинула мужицкая бумага. Почтения к ним не было.

– А ещё, Марей Гордеич, не приходилось вам слышать о других находках угля в Улуюльском крае? – опять спросил Алексей.

– Почему же не приходилось? Слышал! – ответил старик. – Вёрстах в трёх к востоку от Орлиного озера был когда-то староверческий скит. Живал я там. Братия собиралась туда с бору и сосенки. Верующих было раз-два и обчёлся, остальные вроде меня – беглый люд и вечные поселенцы. Хоть стоял скит в глухом лесу, за тридевять земель от жилых мест, а от белого света отгорожен не был. Стекались сюда вести со всех концов державы. Особо нахлынул люд после ограбления на тракте каравана с золотом...

Марей прервал свой рассказ и, взглянув на Алексея, спросил:

– А ты знаешь, Алёша, как дело было?

Об ограблении каравана с золотом на Сибирском тракте Алексей знал по рассказам старожилов Улуюлья, а также по легендам, которые передавались из уст в уста по всей матушке-Сибири, но Марей был почти современником этой истории и мог знать что-нибудь особенно важное.

– Расскажите, Марей Гордеич, если нетрудно!

– Везли, Алёша, из Витимской тайги девяносто девять ящиков с золотом. Обоз шёл под большой охраной. Когда золото только готовилось ещё к отправке, нашлись заговорщики и решили захватить караван в пути. Ходили слухи, что наставляли заговорщиков крупные дельцы из самого Петербурга. Знающие-то люди намекали тогда, будто значились в заговорщиках даже лица императорской фамилии. Всё могло быть!

Ограбить караван взялась шайка татар-разбойников. Отпетые были головы! Не первый год они орудовали на тракте с кистенем в руках. Были у них свои люди и среди ямщиков, и даже в охране.

Когда караван миновал горную местность и вышел на равнину, покрытую лесами, озёрами и болотами, заговорщики решили, что их час пробил.

Однако застать охрану врасплох не удалось. Началась свалка. Заговорщики всё-таки отбили караван и двинулись по просёлкам в сторону от тракта, в пределы Улуюльского края. Шли день и ночь. Прятали золото и ставили памятные вехи.

Но уцелевшие люди из охраны тоже не дремали. Они бросились преследовать караван. И опять началась схватка. Бились не на жизнь, а на смерть. Заговорщики остервенели. Понимали они, что дело их проиграно. Долго ли, коротко ли шла эта битва, а только победы она никому не принесла. И заговорщики и охрана погибли все до единого. Так и канули в неизвестность девяносто девять ящиков с золотом.

Марей замолчал, и Алексею показалось, что он решал про себя: говорить ли дальше или остановиться на сказанном?

Вздохнув, степенно разгладив бороду, Марей продолжал:

– Ну, как говорится, шила в мешке не утаишь. Мало-помалу слух об ограблении золотого каравана расплозся по всей Сибири, проник за Урал. На поиски исчезнувшего золота поднялись людишки чуть не со всего белого света.

Искали это золото и наши скитские. Хаживал и я на эту работу, даром что жил на скитских хлебах много лет после ограбления каравана. Трудились мы так себе – спуская рукава, знали: коли захороненное золото найдётся, в нашей жизни перемен всё равно не будет. Как ни таились наши наставники, мы видели: ищем не для себя, кто-то со стороны повелевает нами.

Ходили мы по тайге с лопатами, баграми, топорами. Сколько земли перерыли – страшно подумать!

Помню, как-то вышли к одному ручейку. Он протекал в крутых берегах: видать, ручеёк когда-то был сильной рекой. Кое-где стояли круглые глубокие омута. Приказал нам десятник обыскать эти омута. Копали-копали мы и наткнулись на чёрный каменистый слой земли. Лопата отскакивает, лом не берёт – хоть плач! Попробовали копать с другой стороны омутов – опять наткнулись на чёрный пласт! С нами был кузнец из скитской кузницы. Он посмотрел и говорит: «Это, братия, каменный уголь».

Откуда ни возьмись – десятник. «Не то, греховодники, ищите! Голодом всех уморю! Засыпайте ямы землёй, чтоб и помина от них не осталось». Засыпали мы ямы, обровняли берега. Но тут десятник велел ощупать дно омутов баграми. Сбили плот, спустили его на верёвках. Вода в омутах стоячая, покрылась ржавчиной, дно неровное. Багры цеплялись за водоросли, корневища деревьев, камни. Нелегко далась нам эта проклятая работа на омутах. Золото никак не шло в руки и только разжигало злость у десятника и хозяев.

Марей помолчал и с кроткой стариковской улыбкой произнёс:

– Вот как было дело, Алёша...

Алексей не спускал глаз с Марей. Суровой и тяжёлой была тогда судьба простого человека, но не только об этом думал Алексей. Марей говорил о сокровищах улююльской земли без всяких сомнений, и это вызывало в душе Алексея радостный отзвук.

Забыв о времени и о делах, увлечённо слушали Марей и остальные. Станислав сидел с округлившимися глазами. Ульяна ласково смотрела на старика и думала: «Дедушка! Родной наш! Сколько ты перенёс всякого-разного страдания! Спасибо тебе, спасибо, что пришёл на подмогу Алексею Корнеичу!» Лисицын, щурясь, поглядывал то на Алексея, то на Ульяну. «Ну, что? Каков он, Марей-то Гордеич? Не зря я вам столько о нём расписывал!»

– А не приходилось вам, Марей Гордеич, слышать насчёт поисков захороненного золота на правом берегу Таёжной, около Синего озера? – спросил Алексей, пытаясь проверить свои подозрения относительно того, не спутал ли старик Орлиное озеро с Синим.

Но старик словно не слышал вопроса. Он схватился вдруг за голову и, покачиваясь из стороны в сторону, застонал:

– Ой, снег, снег!

Все удивлённо переглянулись и посмотрели вверх. На небе не было ни одной тучки. Освещённое солнцем, оно ласково голубело над обширной землёй Улююля. «Откуда он снег почуял? Что-то тут не то», – подумал Алексей.

– Шум во всём теле, шум. Пойду полежу, – сказал Марей и тяжело поднялся с толстого соснового чурбака. Он шёл в избушку тихими, неверными шагами.

Алексей взглядом проводил его и вспомнил наблюдение одного писателя: если не скудна душа человека, то мысль скроет рубцы времени на лице. И только спина выдаст их. Годы ложатся на неё тяжким грузом.

7

– Ты приезжай к нам на недельку. Он много ещё порасскажет о чудесах Улююля. Ведь ты смотри, как он помнит обо всём, – предложил Лисицын учителю, вернувшись из избушки, где он помог Марей лечь на нары.

– Это верно, дядя Миша. Я даже забыл о всех своих злоключениях, – ответил Алексей.

– Вот что, Уля, – вдруг, как бы спохватившись, сказал Лисицын, – сходи-ка вон со Станиславом на курью. Там я жерлицы расставил, надо их посмотреть. Вчера вечером сильно жуки играли.

– Ладно, тятя, сбегает. – Ульяна протирала полотенцем чашки. Она сложила посуду в большой таз и поставила его на полку под навесом из еловой дранки. – Пошли, Станислав! – скомандовала она.

Станислав не спеша поднялся. Grimаса на лице передала его состояние. Он готов хоть куда идти с Ульяной, но сейчас, наверное, он с большим удовольствием остался бы здесь послушать, о чём будут разговаривать Алексей с Лисицыным. Ульяна кинула на него недовольный взгляд. Он замотал головой и пошёл вслед за ней, оглядываясь.

Алексей понял, что Лисицын неспроста спровадил Ульяну и Станислава, и, когда те скрылись за деревьями, спросил:

– Что думаешь, дядя Миша, о выстреле в осиннике?

– Надо, Алёша, глядеть в оба. По-моему, кто-то из Притаёжного поперёк твоей дороги решил встать. Охотников подозревать не приходится, у них против тебя ничего быть не может... – Помолчав, Лисицын добавил: – По коню не страдай. Школе животину какую-нибудь купить придётся. Иначе к суду потянут. Если деньжонок сам не насобираешь, я добавлю. Нынче по насту мы с Улей славно промышляли.

– Спасибо, дядя Миша! А глядеть придётся. Раньше мне такое и в голову не приходило.

– Я тоже дураком-то не буду. Прислушаюсь, пригляжусь к людям, авось что-нибудь и всплывёт, – сказал Лисицын и вдруг, меняя направление разговора, особо доверительным тоном спросил: – Как старичок-то, не бесполезный тебе будет?

– Сведения его очень важные. Особенно об Уваровке.

– Да он ещё не всё говорит, кое-что придерживает по первости. Они, старики-то, все такие: себе на уме. Мой-то родитель, Семён Михайлович, был тем же миром мазан. Всё скрытничал, даже умирать ушёл на сеновал, чтоб никто не видел, как смерть придёт. Мы его ждём-пождём, а он лёг на сено, да и был таков...

– А что, дядя Миша, Марей Гордеич надолго к тебе? – спросил Алексей.

– Навсегда! Он, видишь ли, с моим родителем в большой дружбе был, к ружью меня приучил и в люди, выходит, вывел. При встрече мы, конечно, гульнули малость. Я ведь думал, что его и в живых уже нету, а он, смотри, какой шустрый. На другой день, как он пришёл, мы опохмелились с ним, он меня и опрашивает: «А что, Миша, не бросишь ты меня, как собаку, если умереть мне здесь придётся?» Я говорю: «Что ты, Марей Гордеич, разве можно такое? Ты мне как отец родной, живи ещё хоть сто лет!» – «Сто, говорит, много, а годка три-четыре надо бы подержаться». Уля моя тут же была, слышала этот разговор и говорит: «Живите, дедушка, ни в чём у вас нужды не будет. Как вы есть основатель нашего села и жертва бесправия капитализма, то комсомол постановил взять вас под свою полную заботу и обеспечение». Марей Гордеич даже прослезился. Поцеловал Улю в лоб и говорит: «Уважили старика! И спасибо вам за это, а только обеспечения мне никакого не надо. Марей Добролётов заработал себе на старость, да и Советская власть его не забыла». Когда мы двинулись с ним ко мне на стан, я и рассказал ему о тебе. «Один учёный человек, говорю, тут есть, в Притаёжном живёт, краю нашему большую славу пророчит». Он послушал и говорит: «У этого человека, не знаю, кто он, светлая голова на плечах». Я для пущей важности говорю: «Быть мне с этим человеком, Марей Гордеич, в родственных связях. Сам,

говорю, молодой он, красивый, ну, а у меня дочка, Уля, через годок-другой будет на выданье. И девица тоже не лыком шита».

Алексей засмеялся. Лисицын с невозмутимым видом продолжал:

– «Ну, – говорит Марей Гордеич дальше, – коли так, дай бог ему большого счастья, и уж раз он тебе не чужой, то я буду с ним обходиться, как с родным». Когда вы нагрюнули со Станиславом, я ему и шепнул: «Марей Гордеич, вот этот чубатый – тот самый, о котором я тебе говорил». Он мне в ответ моргнул глазом: «Добро, дескать, обойдусь с ним как полагается: в обиде не будет». Ещё с вечера он приглядывался к тебе, а утром встал и первым делом говорит мне: «Обходительный человек Алексей Корнеич, и, видать, ясный ум у него». Ты заметил, с каким он доверием тебе рассказывал? То-то, брат!.. Перед другим он и рта не раскрыл бы.

– Мне сегодня придётся уйти, дядя Миша, – сказал Алексей. – В школе скоро должны начаться экзамены. Очень прошу тебя запомнить всё, что будет рассказывать Марей Гордеич. Если вздумаете по тайге ходить с ним, постарайся, чтоб он припомнил то место с омутами, где они на уголь наткнулись. В случае чего подавай мне весточку.

– Уж тут, Алёша, не пронесу. Всё выпытаю, запомню и тебе опять через Мареевку или через пасеку телеграмму отобью, – пообещал Лисицын.

– И потом, если копать где-нибудь вздумаете, – продолжал Алексей, – образцы породы не забудь для меня в сумку положить. Будь сейчас образец от железистого слоя, затопленного водой, у меня бы на душе легче было.

– Винюсь, Алёша! Уля вчера ещё с утра мне говорила: «Подолби, тятя, этот камень. Не дожждётся Таёжная Алексея Корнеича». А я ещё прикрикнул на неё: «Как, мол, не дожждётся! Да он вот-вот сам здесь будет!» Потом мы с ней с утра на озеро ушли, а когда вернулись, вода – язви её! – на три четверти уже поднялась.

– Ну что ж делать? Что потеряно, того не вернёшь, – стараясь утешить и Лисицына и себя, сказал Алексей.

Вскоре вернулись с курьи Ульяна и Станислав. Они несли подвешенную на палку щуку. Хвост её волочился по земле. Щука была пёстрая, с чёрными полосами по бокам и выгнутой спиной, покрывшейся какой-то зелёной слизью.

Лисицын вскочил, кинулся навстречу Ульяне и Станиславу, но остановился и, хлопнув себя руками по бокам, воскликнул:

– Ох, язви её, сама царица ввалилась!

– Откуда ты, тятя, знаешь, что царица? – спросила Ульяна.

– А видишь на спине зелёный мох? Лет двести, наверно, живёт. Старше её в курье нету. А у них, у щук, так: кто старше, тот и царь...

Ульяна звонко рассмеялась. Станислав трясся, изредка отфыркиваясь. Алексей стоял, засунув руки в карманы тужурки, и, закинув голову, хохотал.

– Давай, Уля, обхаживай её да в колоду с солью. Да соли не желей, иначе её не прожужешь, – распорядился Лисицын.

– Ты сам, тятя! Я глухарей начну к обеду готовить.

– Ну и лады! – согласился Лисицын, вытаскивая из деревянных ножен, болтавшихся у него на ремennom ушке на опояске, длинный охотничий нож.

После обеда Алексей и Станислав пошли обратно на пасоку. Весенний день, сиявший с утра ярким солнцем, начал хмуриться. Невесть откуда надвинулись тучки. Они закрыли солнце, погасив сразу светлую голубизну неба. На земле было тихо, но над лесом уже буянили вихри. Как расшвирупевшие беркуты, они налетали друг на друга, сталкивались, сотрясали и раскачивали вековые деревья.

Алексей и Станислав не успели пройти от стана Лисицына и двух километров, как крупными хлопьями повалил снег. Алексей вспомнил возглас Марья: «Ой, снег, снег!» – и подумал: «Старик точен, как барометр. Что это: от возраста у него или от умения чувствовать природу?»

Глава четвёртая

1

В Притаёжное Максим приехал в потёмках. Над селом, тянувшимся в две улицы по берегу реки Большой, ярко сняла полная луна и перемигивались крупные бело-жёлтые звёзды. На улицах было тихо и пустынно. Тёмные, неосвещённые окна домов смотрели неприветливо и загадочно.

«Неужели у них до сих пор электричества нет?» – подумал Максим, присматриваясь к притихшей улице, освещённой дрожащим светом фар.

Когда машина, миновав разбитый, ухабистый переулоч, выскочила на широкую площадь, Максим увидел впереди двухэтажный дом, в верхних окнах которого горел свет. Это и был райком партии.

Максим исчиркал полкоробки спичек, пока искал в сенях дверь и лестницу, ведущую из тёмного коридора на второй этаж.

Артёма он встретил в первой же комнате, заполненной народом и круто прокуренной. Брат бросился к Максиму, крепко обнял его, поцеловал в губы и, отступив на шаг, с усмешкой сказал:

– А мы хотели экспедицию посылать на розыски! Ещё на той неделе разговаривал я по телефону с Ефремовым. «Брата, говорит, встречай». А тебя всё нету и нету. Я уже беспокоиться стал, а потом приехал один товарищ из леспромхоза и сообщил, что ты сразу в «низовку» направился.

Братьев тотчас же окружили, и Максим волей-неволей оказался в центре внимания собравшихся.

– А что, Артём Матвееч, может, нам прервать заседание бюро до завтра? – предложил кто-то из райкомовцев.

Артём вопросительно посмотрел на Максима, но по лицу того нельзя было понять, одобряет он эту мысль или нет.

– Почему же? Будем продолжать заседание, Максим Матвееч – представитель обкома. Пусть посмотрит, чем мы тут занимаемся, – сказал Артём и, беря Максима под руку, пригласил всех в кабинет.

Кабинет размещался в продолговатой, довольно просторной комнате. На стенах, отделанных сверху, под потолком, незатейливой росписью, висели большие красочные портреты Ленина с одной стороны, Маркса и Энгельса – с другой. За широким столом с телефоном и тяжёлым металлическим чернильным прибором висела карта области. В левом углу стоял сейф, а в правом – застеклённый книжный шкаф.

К письменному столу примыкал ещё стол, длинный, чуть не во всю комнату, покрытый красным сукном. Большинство участников заседания разместились вокруг этого стола, остальные сидели на стульях, расставленных вдоль стен.

Артём хотел усадить брата возле своего стола, но Максим выбрал себе место сам. Он сел в дальний угол, у самой стены. Отсюда ему хорошо было видно не только Артёма, но и всех присутствующих.

– Будем продолжать, товарищи, заседание, – постучав карандашом о чернильный прибор, сказал Артём. Слово «товарищи» он произнёс чуть-чуть шепеляво, как человек, у которого не хватает передних зубов.

«Неужели он уже стареет?» – подумал Максим и посмотрел на брата. В приёмной, заполненной народом, он не смог рассмотреть брата как следует. Теперь Артём сидел около лампы-«молнии», яркий свет падал на него.

Артём сильно сдал. Смуглое лицо его с прямым носом и острым подбородком изрезали глубокие морщины. Смолево-чёрные волосы, зачёсанные вверх, подёрнулись на висках сединой. Под тёмно-карими глазами, взгляд которых был неизменно мягок и доверчив, обозначались синие пятна. Не было спереди зуба.

Артём был одет в китель защитного цвета. Китель сидел на нём ловко, скрадывая неудобу его груди и сутулость плеч.

– Следующий на повестке вопрос: «Персональное дело члена партии Алексея Корнеича Краюхина». Докладывает член райкома Пуговкин, – объявил Артём и повернулся к полной женщине, сидевшей за маленьким столиком у круглой печки: – Пригласите Краюхина.

Женщина быстро вышла и через полминуты вернулась вместе с молодым темноволосым человеком, одетым в армейские сапоги, в суконные брюки с малиновым кантом и в гимнастёрку со стоячим воротником.

– Садись, товарищ Краюхин. Бюро райкома обсуждает твоё дело. Докладывай, товарищ Пуговкин, покороче и суть вопроса, – сказал Артём.

Фамилия Пуговкин не соответствовала внешности человека. Когда он поднялся со стула, то заслонил собой свет. На нём был тёмно-синий китель, туго облегавший его крупное полное тело, и погоны капитана милиции. Несмотря на свой огромный рост, Пуговкин говорил глухим, слабым голосом, и Максиму пришлось напрячь слух.

– Членам бюро известно, что вопрос о Краюхине ставится вторично, – начал Пуговкин. – Комиссия, созданная бюро под моим председательством, произвела полное расследование дела Краюхина и пришла к окончательным выводам, которые выносит на ваше утверждение.

Комиссия установила, что член партии Краюхин нарушил социалистическую дисциплину и нанёс государству крупный материальный ущерб. В разгар подготовки школы к экзаменам Краюхин фактически самовольно, без ведома районо, покинул школу и отправился в Мареевскую тайгу якобы для поисков рудных обнажений на реке Таёжной, а на самом деле просто ради развлечения. По дороге, вероятно в силу неумения обращаться с оружием, Краюхин застрелил лошадь, принадлежащую Притаёжной средней школе. Своих ошибок Краюхин не осознал, а больше того, он обвинил комиссию в делячестве. Все попытки Краюхина выгородить себя из этой истории, свалить гибель лошади на какие-то покушения на него неизвестных лиц не подтвердились никакими фактами. Я ответственно заявляю бюро райкома, что в Притаёжном районе все уголовные элементы учтены и в наших сёлах царит полное спокойствие.

В ходе работы комиссии уже в последние дни обнаружился дополнительный материал, характеризующий Краюхина как человека недисциплинированного, привыкшего ставить свои личные интересы выше интересов общественных, государственных.

Факт первый. В середине истёкшей зимы Краюхин по случаю отъезда директора школы на курорт и болезни заведующего учебной частью оставался заместителем директора школы.

Краюхин самовольно израсходовал отпущенные школе средства на кружковую работу для поделки совершенно ненужных металлических буров и покупку лодок. На эти дела были также привлечены средства родительского комитета, на членов которого Краюхин оказал давление, пользуясь своим служебным положением. Краюхин пытался оправдаться перед комиссией тем, что это имущество необходимо географическому кружку, руководителем которого он является. Комиссия установила, что эти действия Краюхина причинили немалый ущерб постановке воспитательной работы в школе. И их нельзя иначе квалифицировать, как действия в корыстных целях. Истратив все средства, имеющиеся для внешкольной работы, на поделку буров и покупку лодок, Краюхин сорвал намечавшуюся экскурсию учащихся старших классов в областной центр.

Пуговкин помолчал, окинул исподлобья сидевших за столом взглядом, который и без слов был понятен каждому: «Подождите, это ещё не всё. Будут факты покрепче».

– Факт второй, – повышая голос, продолжал Пуговкин. – В день получения Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении льновода Дегова орденом Ленина райком партии, в частности первый секретарь райкома товарищ Строгов, поручил Краюхину выехать в Мареевку и там помочь правлению колхоза и партийной организации провести вокруг этого важнейшего события массово-политическую работу.

Краюхин пренебрѣг этим ответственным заданием. Вместо того чтобы отправиться в Мареевку, Краюхин бросил работу в школе, наплевал на поручение райкома и уехал на Таёжную. Что из этой поездки получилось – членам бюро известно.

Факт невыполнения поручения райкома Краюхин не отрицает, но ошибки своей не признаёт, считает, что иначе он поступить не мог.

Если считать, что Краюхин и комиссию райкома встретил в штыки, то станет ясным, что он зарвался, противопоставил себя райкому, не желает считаться с его установками и решениями.

Факт третий, и самый новейший. По поручению комиссии я запросил отзыв о Краюхине от директора научно-исследовательского института товарища Водомерова, где, как вы знаете, работал Краюхин. От имени руководства института он дал Краюхину резко отрицательную характеристику. Вот что буквально сообщает он: «Краюхин – человек неуживчивый и заносчивый. Он третировал научного руководителя профессора Великанова и своими действиями посеял в дружном коллективе научных работников нежелательные настроения».

И, наконец, факт четвёртый. Комиссия ознакомилась в военкомате с личным делом лейтенанта запаса Краюхина. Обращает на себя внимание характеристика заместителя начальника корпусного госпиталя капитана Бенедиктина. Вот что в ней говорится: «Находясь на излечении в корпусном госпитале в связи с лёгким пулевым ранением в левую ногу, лейтенант Краюхин допускал факты недисциплинированности, выразившиеся в том, что обсуждал поступки и действия старших начальников, в частности меня как замполита».

Всё это, вместе взятое, даёт нам достаточно полное и всестороннее представление о Краюхине...

– Обстоятельно поработала комиссия! – заметил один из членов райкома.

– У комиссии сложилось единодушное мнение: Краюхин для партии человек потерянный, и его поступки несовместимы с пребыванием в наших рядах.

Пуговкин опустил на стул, слегка отдуваясь и вытирая платком лоб.

Воцарилось молчание. Все участники заседания украдкой посматривали на Алексея, сидевшего у двери. Максим наблюдал за ним с первой минуты его появления в кабинете.

Речь Пуговкина Алексей слушал, низко опустив голову. Максим не видел его лица, но по тому, как Краюхин теребил мочку уха, понял, что тот сильно волнуется.

Когда Пуговкин несколько громче обычного сказал: «Краюхин для партии человек потерянный», Максим увидел лицо Краюхина. Услышав эти слова, Алексей выпрямился и взглянул на Пуговкина с презрительной усмешкой. Это не понравилось Максиму, и он подумал об Алексее: «Выскачка и зазнайка».

– Какие вопросы есть к комиссии? А ты, товарищ Краюхин, желаешь что-нибудь сказать? – проговорил Артём.

Алексей быстро поднялся, по старой военной привычке одёрнул гимнастёрку.

– Всё, что я мог сказать здесь, я изложил в объяснении, которое было заслушано на прошлом заседании бюро райкома. Добавить к этому мне совершенно нечего. Комиссия отнеслась к своему делу по-казённому, я назвал её подход к расследованию дяляческим, что подтверждаю и здесь, на бюро райкома.

Алексей проговорил это негромко, но просто и убеждённо, и в голове Максима шевельнулась новая мысль: «Смело берёт!»

Выступление Алексея вызвало в кабинете говорок.

– Ты что же, Краюхин, думаешь, что твоя позиция более правильная, чем позиция партии? – не скрывая ехидства в голосе, сказал полный человек, сидевший первым от Артёма.

Алексей, успевший уже сесть, снова поднялся.

– А почему вы, товарищ Череванов, ставите знак равенства между позицией партии и позицией вашей комиссии? – в упор глядя на полного человека, спросил Алексей.

В кабинете опять послышался говорок, на этот раз более шумный. Артём настойчиво постучал карандашом по чернильному прибору, призывая участников заседания к порядку.

– У меня есть вопрос к товарищу Терновых, – послышался голос одного из членов райкома. – Семён Иванович, скажите как заведующий районным отделом народного образования, справлялся Краюхин со своей основной работой в школе и верно ли, что его выгнали из научно-исследовательского института в Высокоярске?

Из-за длинного стола поднялся седоватый пожилой человек с широким морщинистым лицом и быстрыми маленькими глазами.

– Насчёт института затрудняюсь точно сказать. По данным товарища Краюхина, он сам ушёл из состава научных сотрудников профессора Великанова...

– Легенда, в которую никто не поверит! – воскликнул всё тот же полный человек.

– Хотя, конечно, это наводит на некоторые сомнения, как уже заметил здесь Павел Павлович, – осторожно продолжал Терновых, – ибо трудно поверить, чтоб человек добровольно променял работу в научно-исследовательском институте в городе, у известного профессора, на деревню, на должность рядового учителя...

Терновых вытянул худую шею и посмотрел на Краюхина таким взглядом, который говорил: «Ты уж извини меня, Алексей Корнеич, что говорю против тебя, что ж, ничего не поделаешь, нажимают. Будь ты на моём месте, ты бы тоже так поступил».

Многие заметили его смущение, и в кабинете то там, то тут послышался смешок.

– Ну, а как в школе он работал? Был от него толк? – не унимался полный человек, которого заведующий районо назвал Павлом Павловичем.

– Товарищ Краюхин вёл в средней школе географию. Акты обследования инспектуры районо и облоно...

– Ты, Семён Иванович, на акты не ссылайся, а скажи своё собственное заключение, – перебил его Павел Павлович.

– Да, да, я к этому и клоню. Товарищ Краюхин неплохо преподавал, хотя, конечно, были у него некоторые недостатки, – поспешил высказать своё заключение Терновых.

– Ты на его уроках бывал, Семён Иванович? – спросил Артём.

– Забегал, Артём Матвеич, забегал. Согласно отчётам, представленным в районо директором школы, успеваемость по географии стоит на одном из первых мест.

– На первом месте, Семён Иванович, – краснея и возбуждённо поблёскивая глазами, сказал Алексей.

– Да я и говорю, что на первом месте, – растерянно переводя взгляд с Краюхина на Павла Павловича, подтвердил Терновых.

– Товарищ Краюхин добился полной и высокой успеваемости по своему предмету. Кроме того, он начал с учащимися закладку школьного мичуринского сада. Я совершенно не понимаю поведения здесь Семёна Ивановича, – возмущённо проговорил секретарь райкома комсомола Татаренко.

– Заврайоно, наверное, почаще тебя бывает в школе, товарищ Татаренко, – сказал Павел Павлович и выпятил нижнюю губу.

– А вам, Павел Павлович, следует покритичнее относиться к работе отделов исполкома! – привстав со стула, воскликнул Татаренко.

– Уж как-нибудь обойдусь без ваших советов, – сердито пробурчал Череванов.

– Товарищ Череванов и товарищ Татаренко, призываю вас к порядку! – стуча карандашом по чернильному прибору, сердито сказал Артём. – Вопросы к комиссии ещё есть? Если нет, прошу выступить.

Едва лишь Артём закончил, как послышался голос всё того же полного человека, Павла Павловича Череванова, работавшего в Притаёжном уже несколько лет председателем райисполкома.

– Я поддерживаю выводы комиссии. Краюхину нет места в рядах партии, – горячо заговорил Череванов, недружелюбно глядя на Алексея. – Я считаю, что надо поручить районному прокурору возбудить против Краюхина уголовное преследование по двум статьям: во-первых, за прогул в школе; во-вторых, за материальный ущерб, нанесённый народному достоянию, – гибель лошади. У нас в районе и без того отчаянное положение с конским поголовьем. Область всыпает нам в каждом решении. А тут такая бесхозяйственность!

Товарищ Краюхин как человек с высшим образованием мог бы оказать руководству района большую помощь. Товарищ Краюхин не тем занялся. Послушать его – можно подумать, что у нас завтра новый Донбасс или Кузбасс откроется. Это же прожектёрство, товарищи! Я не против того, чтобы мы мечтали, но нельзя отрываться от действительности. Такой отрыв от реальности погубит район в целом, как уже погубил самого Краюхина. Я за то, чтобы исключить Краюхина из рядов партии.

– Кто ещё хочет выступить? – спросил Артём, поглядывая на Максима и желая, по-видимому, уловить, как тот относится к делу Краюхина. Но брат сидел с таким спокойным и бесстрастным видом, что Артёму показалось: Максим занят какими-то совершенно другими мыслями.

Слово взял второй секретарь райкома, за ним высказался районный прокурор, после прокурора о Краюхине говорил редактор газеты. Только секретарь райкома комсомола Татаренко не поддержал выводов комиссии.

– Как член бюро райкома, – сказал он, – я буду голосовать против исключения Краюхина из партии. Я предлагаю принять такое решение: за гибель лошади и пропуск занятий в школе объявить Краюхину строгий выговор. Предложить ему внести деньги. Все соображения Краюхина о наличии полезных ископаемых в районе передать в райплан, где подвергнут их изучению. Поручить начальнику раймилиции товарищу Пуговкину тщательно изучить историю с выстрелом в Краюхина.

– Либерал ты, Татаренко! Широкая у тебя натура за счёт государства! – воскликнул Череванов.

– Прошу, Павел Павлыч, не навязывать своего мнения другим.

– Я называю вещи своими именами, Артём Матвеевич, – запальчиво сказал Череванов, косо поглядывая на раздумавшегося вихрастого Татаренко.

Артём встал со своего кресла, и все притихли.

– Дело Краюхина – сложное дело, – начал он, – и не случайно бюро райкома обсуждает его второй раз. Со стороны это дело выглядит так: Краюхин борется за расцвет нашего района, за его большое будущее, а мы, райком, как бы стоим на его пути. В своём объяснении Краюхин прямо обвиняет нас в нежелании по-новому взглянуть на возможности развития нашего района. Прав ли Краюхин? Нет, далеко не прав.

Я вполне допускаю, что на территории нашего района есть ценнейшие ископаемые. Но пока у нас нет никаких оснований выдвигать задачу их практического освоения. Мы к этому не готовы, товарищи, у нас нет ни средств, ни оборудования. Придёт время – и наш район в плановом порядке, исходя из общей государственной целесообразности, будет подвергнут тщательному изучению. У нас в стране в основе всей её жизни лежит государственный план. Это понятно каждому школьнику.

Партия учит нас из всей цепи задач выдвигать главную, браться за неё и вытягивать всю цепь. Такой задачей для нашего района в настоящее время является расширение посевных площадей конопли и льна и обеспечение высоких урожаев этих культур. На этом пути мы уже добились первых успехов. Группа наших колхозников удостоена недавно высоких правительственных наград.

Если мы сумеем в ближайшее время серьёзно расширить площади под техническими культурами и создать основательную сырьевую базу, область обещает нам развернуть строительство льноткацкого комбината. Это задача реальная, и мы должны мобилизовать все усилия на её выполнение.

Краюхин отрывается от реальных условий нашей жизни. Он забегает вперёд. А забегать вперёд и идти впереди – это не одно и то же. К чему это привело его, вы сами видите. Краюхин оторвался от масс, ринулся в борьбу одиночкой и натворил кучу преступлений: прогулял несколько дней в

горячее время, погубил лошадь, а потом противопоставил себя районному руководству, впал в зазнайство и оказался неспособным критически оценивать свои поступки. Как ни трудно и ни тяжело нам исключить его из рядов партии, но он этого заслужил... Кто ещё желает выступить?

Никто не отозвался. По установившемуся порядку, слово первого секретаря райкома было заключающим.

– Ты будешь, товарищ Краюхин, говорить? – спросил Артём, взглянув на Алексея, сидевшего с опущенной головой.

Алексей встал, расправил плечи и долго молчал. Череванов нетерпеливо заёрзал на стуле, но Артём сурово взглянул на него, и он притих.

– Я знаю, что своими словами не изменю вашего решения, но тем не менее я выскажусь.

Артём Матвеевич говорил здесь о государственном плане. И говорил неправильно. Нам всем хорошо известно, что реальность нашего плана – это наши люди и наши возможности. Именно поэтому наши планы всегда перекрываются. План – это не догма, он не сковывает, а, наоборот, развязывает инициативу масс на местах.

Самое лёгкое дело – это уповать на государственный план и ждать, когда придут люди со стороны и сделают за нас дело. Я не оспариваю, что нужно всеми силами развивать технические культуры, но разве это единственная возможность роста нашего хозяйства? Я озабочен будущим Улуюля, а будущее этого края в его природных богатствах. Общеизвестно, что все наиболее значительные месторождения полезных ископаемых первоначально были открыты простыми людьми, народом, а потом уже приходили специалисты. Первые разведчики природных богатств – местные жители. А раз это так, надо использовать их знания, мобилизовать их усилия!

– Ты смотри, куда он загибает!.. По его выходит, что районное руководство против этого! – воскликнул Череванов.

– Объективно получается, что вы против этого, товарищ Череванов. В своём выступлении вы исходили из того, что я, Краюхин, занимался делом, чуждым райкому, а не дорогим и нужным районной парторганизации и всей партии.

Алексей напрягал все силы, чтобы говорить спокойно, не потерять нити своей мысли.

– Ты что же, хочешь, чтобы мы тебя за прогулы и гибель коня по головке гладили?! – вскакивая, закричал Череванов.

– Нет, товарищ Череванов, я хочу, чтобы райком подошёл к моим поступкам правильно и расценивал их с принципиальной позиции: Краюхин делает полезное дело. В этом случае все факты, которые вы приводили здесь против меня, приобретут другую окраску.

– Ты смотри, какой он дипломат! – развёл руками Череванов.

– Но позволь, Краюхин, спросить тебя: из чего складываются принципы? Принципы – это прежде всего поступки и дела, – сказал Артём. – А у тебя так: слова хороши, приемлемы, а дела антипартийные и антигосударственные. Извини, Краюхин, что перебил тебя.

– Это потому, Артём Матвейч, – заговорил Краюхин, – что вы, как и ваша комиссия, не хотите понять истинных причин моей поездки на Таёжную и не верите мне, когда я говорю, что из института профессора Великанова я ушёл по соображениям принципиального характера. Вы читали моё объяснение. Там я пишу об этом подробно...

– Разрешите задать вопрос товарищу Краюхину? – послышался голос Максима.

– Да, да, пожалуйста, – закивал головой Артём.

– Объясните, товарищ Краюхин, вкратце, почему вы ушли из института, в чём суть ваших разногласий с профессором Великановым?

– Хорошо, я объясню в нескольких словах, – сказал Краюхин. Помолчав минуту, он продолжал: – Профессор Великанов утверждает, что палеозой в Улуюлье погружён на недостижимую глубину. Я считаю, что он может быть очень близким к поверхности. Это во-первых. Во-вторых, профессор Великанов утверждает, что по всему Улуюлью третичные отложения однообразны и пусты в смысле наличия в них металлических полезных ископаемых. Конечно, бурый уголь не отрицает и Великанов. Я считаю, что в третичных Улуюлья возможны скопления металлических рудообразований в промышленных количествах.

– Ты что же, Краюхин, считаешь себя умнее известного профессора? – съязвил Череванов.

Алексей не успел ему ответить, так как Максим задал ещё один вопрос:

– Скажите, пожалуйста, каково ваше семейное положение?

– Я холост. На моём иждивении находится мать.

– Ты что же, Краюхин, до таких лет холостым ходишь? – с усмешкой вставил Череванов.

– Невесты подходящей не встретил, – вполне серьёзно ответил Алексей.

– У меня нет больше вопросов, – сказал Максим.

В кабинете секретаря райкома было не жарко, но Алексей от напряжения обливался потом. По его крутому лбу катились крупные капли, они сползали на брови и застилали глаза. Алексей то и дело вытирал красное, лоснящееся лицо платком, но платок был уже таким мокрым, что его можно было выжимать.

«Спокойно! Спокойно!» – твердил Алексею внутренний голос, и, подчиняясь ему, он осаживал сам себя, как осаживает седок разгорячившегося коня.

– Ты кончил, Краюхин? Нет? Продолжай.

– Вот Артём Матвейч сказал здесь: «Краюхин забегаёт вперёд, он оторвался от масс». А я думаю так: райком плохо знает настроения людей. Десятилетиями люди Улуюлья вынашивают мечту об использовании природных богатств края в интересах всего народа. Не законно ли поставить вопрос: а не отстаёт ли райком от стремлений народа?

– Ты смотри, как он с нами разговаривает! Так и в обкоме с нами не говорят! Можно подумать, что это он нас поставил к руководству, – возмутился Череванов.

– Я говорю прямо и откровенно потому, что считаю себя коммунистом, невзирая на то, что вы этого не признаёте, – сдавленным голосом сказал Алексей, чувствуя, что и спокойствие и силы покидают его. Ему хотелось на что-нибудь опереться. Он выставил стул, на котором сидел, одной рукой взялся за его спинку, другую руку сунул в карман, скрывая, что она дрожит.

– Продолжай, Краюхин. Устав партии оставляет за тобой право говорить всё, что ты думаешь, – сказал Артём, поглядывая на Череванова и глазами прося того вести себя сдержаннее.

– Мной собраны сотни свидетельств живого интереса людей к природным богатствам нашего края, – совсем уже тихим, срывающимся голосом продолжал Алексей. – Наш район имеет десять промыслово-охотничьих колхозов, сотни людей у нас чуть не круглый год живут в тайге, на реках и озёрах. Вы послушайте их, узнайте, о чём они думают, и тогда вам станет ясно, забегает Краюхин вперёд или нет.

– Да ты что, Краюхин, в самом деле думаешь, будто руководство района не знает, что ему делать? – снова взорвался Череванов, вскакивая и ожесточённо ероша волосы.

У Алексея в глазах поплыли круги. Лицо стало белым, как стена, губы посинели. Потеряв власть над собой, он закричал на весь райком:

– Вы не председатель райисполкома, вы хвостист! Вы думаете, если область отнесла район к льняной зоне, то можно руки сложить! Народ вам не позволит сидеть у моря и ждать...

– За такие оскорбления судить надо! – перекрывая общий гул, крикнул Пуговкин.

– Дальше ехать некуда. Я думал, он признает ошибки, осудит их как настоящий коммунист... А он, смотрите, куда хватанул!.. Нет, Краюхин, нам с тобой не по пути, – заговорил Артём напряжённым голосом, боясь сорваться на крик.

Алексей попытался передвинуть стул на прежнее место, но руки его так ослабели, что стул не сдвинулся. Кто-то из сидевших в этом же ряду легко подхватил стул и переставил его к стене. Алексей сел, испытывая страшную жажду и сухость во рту.

За исключение из партии Краюхина проголосовали четыре члена бюро райкома, против – один.

2

Когда все разошлись и в кабинете остались Артём с Максимом вдвоём, Артём снял телефонную трубку, позвонил жене:

– Дуня, Максим приехал! Готовь ужин. Мы через пять минут будем дома.

Повесив трубку, Артём повернулся к брату и, осматривая его с ног до головы влюблённым, ласковым взором, сказал:

– Да ты неплохо выглядишь! Пополнел, раздался... А я вот сохну с каждым годом.

– Да чуть-чуть прибавить в весе тебе не мешало бы, – проговорил Максим, тоже разглядывая брата.

– Это всё наша беспокойная жизнь районщиков меня сушит. Так вот каждую ночь. Раньше двух-трёх часов не ложусь. А тут ещё вот такие люди, вроде Краюхина, кровь портят. – Артём торопливо прикурил от прыгающего пламени спички.

– Что и говорить! Работать сейчас в районах не просто, – вздохнул Максим, и брату почудилось искреннее сочувствие к его нелёгкой доле.

Артём пригладил густые волосы и доверительным тоном сказал:

– Это бы всё ничего, если б кадры у нас в районах были. Людей нету! Область требует, а помощью не балует...

Артём настроился, по-видимому, говорить на эту тему долго и обстоятельно, но Максим перебил его:

– Послушай, Артём, ты знаешь лесообъездчика Чернышёва?

– Ну, ещё бы не знать! Этот тоже вроде Краюхина... мечтатель, прожектёр, – усмехнулся Артём. – Прислал мне какие-то расчёты, доказывает азбучные истины...

– Сейчас век мечтателей. Ничего не попишешь, – сказал Максим, и Артём не понял, сказал он это в шутку или всерьёз.

– Да пусть мечтают! Беда только в том, что эти мечтатели по-настоящему работать не хотят, увлекаются своими прожектами, требуют от районного руководства решения таких вопросов, которые не всегда под силу даже области. Вот Краюхин. Ведь он тут такого наговорил, что Совет Министров и ЦК не сразу разберутся.

– Ну, уж это ты преувеличиваешь, – усмехнулся Максим.

Артём почувствовал за этой усмешкой другое: брат не разделял его отношения к учителю. По-инному он, видимо, относился и к предложениям лесообъездчика Чернышёва.

– Ты что же, думаешь, Краюхин прав? – насупившись, спросил Артём.

– Мне пока трудно судить. Я ведь многого не знаю... А всё-таки не поторопились ли вы с исключением?

Артём склонил голову, опустил глаза и тоном упрёка сказал:

– А что же ты молчал? Как-никак ты всё-таки завотделом обкома. Мы бы к тебе прислушались.

Максим усмехнулся.

– Нет, брат, это не в моей манере навязывать свои убеждения. В обкоме, как тебе известно, я работаю всего несколько дней, а вы здесь с Черепановым не первый год сидите. Вот поживу у вас, посмотрю...

– Давай, давай! Мы всегда рады, когда нам помогают, – нахохлился Артём.

Не такой ему представлялась встреча с братом. Больше пяти лет они не виделись. Максим прошёл через пекло войны, исколесил всю Европу и Дальний Восток, обманул сто смертей и явился цел и невредим. Сейчас бы сесть, за стол, смотреть друг другу в родные глаза и говорить, говорить до рассвета!.. И надо же было подвернуться этому заседанию с делом Краюхина!

Максим заметил, что Артём расстроен. Ему захотелось скорее взломать перегородку отчуждённости, так неожиданно возникшую между ними. Он прошёлся по кабинету и заговорил совсем другим тоном, в котором не было и намёка на прежний холодок:

– Ну, как ты эти годы жил? Дуня-то какова?

Артём просиял. Заглядывая в лицо Максиму, он начал рассказывать просто и доверчиво, как можно говорить только с родным братом:

– Дуня? Хорошо! А вот отца с матерью в конце войны похоронил. Сильно им хотелось дожить до твоего возвращения. Мать болела, отец был ещё ничего, крепился... А как только она ушла, он, будто подраненный орёл, крылья опустил.

Резко зазвонил телефон. Звонок был таким неожиданным, что Максим вздрогнул. Артём взял трубку.

– Идём, идём, Дуня! – с теплотой в голосе проговорил он.

3

У Алексея была странная и редкая особенность: всякое потрясение порождало в нём острое желание спать. И сейчас, выйдя из райкома, он хотел лишь одного – скорее добраться до постели, лечь, уткнуться головой в подушку и уснуть глубоким, бездумным сном.

– Ну что, Алёша, как? – спросила мать, когда он вошёл в дом. Он знал, что она не спит, беспокоится за него, ждёт, каждую минуту прислушивается к шорохам и стукам за стеной.

– Исключили, мама, из партии и, наверное, отдадут под суд, – устало ответил он и, не зажигая огня, ощупью прошёл в свою комнату.

Мать заохала, потом послышался её приглушённый, возбуждённый шёпот. Можно было подумать, что Нелида Егоровна читает молитву, но она просто разговаривала сама с собой.

– Ты бы поел, Алёша. На окне в крынке простокваша, – наконец сказала она сыну.

Но Алексей уже не слышал её – он крепко спал. Мать долго ворочалась с боку на бок, вздыхала, поднимала с подушки голову и с тревогой прислушивалась: «Что он? Вроде и не дышит?» Но, уловив его дыхание, успокаивалась: «Спит. Пусть спит, набирается сил».

Утром она осторожно, без стука, встала, заглянула в другую комнату. Сын сидел за столом, склонившись над бумагой, и перо его бегало по белому листу.

Алексей проснулся, когда начало светать. Спать больше не хотелось. Голова была ясной, свежей, правда, ныла поясница, и в мускулах рук чувствовалась лёгкая боль от перенапряжения.

Не вставая с постели, он припомнил всё происшедшее вчера в райкоме, мысленно сказал сам себе: «А вёл ты себя правильно, Краюхин. Помнишь, как учил Ленин: самая правильная политика есть принципиальная политика. Ты не отступил от неё».

Он быстро, но осторожно, чтобы не разбудить мать, поднялся, оделся и сел за стол.

Первое, что он решил сделать, – это написать письмо Марине Матвеевне Строговой. Одно письмо о происшествии в тайге он уже послал ей. Марина Строгова была единственным человеком среди работников научно-исследовательского института, понявшим с самого начала его желание вернуться в свой район. Она не только не осудила намерения Алексея провести два-три года в районе, но публично на заседании учёного совета поддержала его.

Закончив письмо Марине Матвеевне, он принялся писать Софье Великановой. Письмо получилось сдержанным, кратким, и он подписал его официально: «А. Краюхин» вместо обычного «Твой Алёша». Он просил Софью заняться фондами переселенческого управления, имеющимися в архиве. В делах должен быть подписанный крестьянами акт о засыпанном шурфе, пробитом при поисках воды в деревне Уваровке. Событие это произошло в начале девяностых годов прошлого столетия. Он просит послать ему копию этого акта или, на худой конец, кратко пересказать его содержание.

Перед тем как запечатать письмо в конверт, Алексей задумался. Ему захотелось вдруг объяснить Софье причины, побудившие его обратиться к ней с этой просьбой. Но, поразмыслив, он решил к письму больше ничего не прибавлять. Однако, сложив листок бумаги по размеру конверта, он развернул его и ниже своей подписи дописал: «Соня, всё это очень важно. Жизнь обрушила на меня тяжёлые удары, против которых надо устоять. Не пойми, что я в чём-либо раскаиваюсь. Думаю, что мой допуск к архивам сохраняет свою силу и теперь». Слово «теперь» он подчеркнул жирной чертой.

Когда с письмами было покончено, Алексей вытащил из стола папку в прочном ледериновом переплёте. В этой папке хранились все документы, связанные с его работой по изучению Улуюльского края. Всякий раз, когда ему приходилось отлучаться из дому, он передавал папку на хранение матери, не уставая повторять: «В случае пожара, мама, прежде всего сбереги эти бумаги».

Раскрыв папку, Алексей принялся листать и перечитывать свои записи. Они занимали пять толстых тетрадей в чёрных клеенчатых обложках. Многие страницы тетрадей были заняты

несложными карандашными чертежами и рисунками, представляющими собой то наброски берегов рек и озёр, то зарисовки примечательных чем-либо деревьев и камней.

В этой же папке хранились две карты Улуюльского края. Одна карта была вычерчена самим Алексеем. На эту карту он наносил условными обозначениями все сведения, поступавшие от населения и касающиеся природных богатств Улуюлья.

Другой картой, изрядно потёртой на сгибах, Алексей дорожил особенно. Эта карта была сделана руками отца. В левом нижнем уголке карты стояла его собственноручная подпись: «Чертил Корней Краюхин».

Алексей не знал отца. В конце тысяча девятьсот девятнадцатого года, за три месяца до рождения сына, Корней Краюхин, командовавший крупным улуюльским отрядом партизан, погиб в бою с белыми.

Старожилы Улуюлья хорошо помнили Корнея Краюхина, студента Петербургского политехнического института. Он прибыл сюда как политический ссыльный накануне первой мировой войны.

В Улуюлье большевик Корней Краюхин не прекращал революционной работы. Он объединил вокруг себя революционно настроенных крестьян и, когда свершилась революция, возглавил в Притаёжном ревком Улуюльского края.

В тысяча девятьсот восемнадцатом году Корней Краюхин женился на учительнице начальной Притаёжной школы Нелиде Егоровне.

Географическая карта Улуюлья – вот всё, что перешло Алексею по наследству от отца. На этой отцовской карте были разбросаны какие-то обозначения, сделанные разноцветными карандашами. Вполне возможно, что эти пометки относились к периоду гражданской войны, хотя Нелида Егоровна часто рассказывала Алексею, что его отец водил дружбу с охотниками и под предлогом обследования староверческих поселений в тайге (на это охотно шёл стражник, наблюдавший за ссыльными) отправлялся путешествовать по краю. Временами Алексею казалось, что пометки на карте отца связаны с этими поездками. Кроме этих загадочных пометок, на карте были написаны крупным, твёрдым почерком две фразы, по-видимому выражавшие девиз Краюхина-старшего: «Трудовой народ – вот кто соль земли. Не щади жизни в борьбе за его счастье!»

Не менее часа Алексей листал свои записи и рассматривал обе карты. Потом он взял лист линованной бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, чётко вывел:

«В областной комитет ВКП(б).

Решением бюро Притаёжного райкома я, Краюхин Алексей Корнеевич, исключён из рядов ВКП(б). Считаю это решение райкома неправильным, отражающим его ошибочную позицию в деле раскрытия производительных возможностей Улуюлья в целом и, в частности, Притаёжного района...»

Нелида Егоровна три раза заглядывала в комнату сына. В кухне на столе давно шумел самовар, еда уже остыла, и её пришлось снова поставить в печь. Вид у Алексея был сосредоточенный, и мать не решалась отрывать его. «Подожду. Может быть, сам вспомнит, что завтракать время», – думала она.

Заглянув в комнату сына ещё раз, она увидела ту же картину: он увлечённо писал.

– Алёша, – тихо окликнула мать, – ты бы покушал.

Алексей обернулся. От голода у него давно уже сосало под ложечкой, но он не догадывался, отчего это происходит, и курил папиросу за папиросой, стараясь заглушить табаком лёгкую тошноту. Только теперь он вспомнил, что вчера не ужинал, а сегодня, поднявшись с кровати, сел сразу за письменный стол. Прерывать работу было жалко, но мать глядела на него обеспокоенно, и он быстро встал.

– Как же ты теперь, сын? – спросила Нелида Егоровна.

Он понял, что скрывается за этим вопросом.

– Как? Бороться, мама, нужно, доказывать.

– Доказывать?! А может, лучше отступить? Не переспоришь, и сомнут тебя, как былинку...

– Отступить нельзя, мама, – сказал он так твёрдо и убеждённо, что матери стало ясно: он не отступится.

– Если правду на своей стороне чувствуешь, борись! – помедлив, заключила она.

Алексей умылся и сел завтракать. Всё это у него заняло не больше пятнадцати минут. Потом он вернулся к своему письменному столу и опять начал писать.

Написать заявление в обком оказалось делом нелёгким. Он понимал, что всю суть необходимо изложить кратко, не загромождая излишними подробностями, что доказательства в защиту своей позиции надо выдвинуть веские, убедительные, просто и чётко сформулированные.

Но именно это-то и не удавалось. Заявление получалось длинным, многословным. Только в конце дня, переписав заявление трижды, он достиг цели: заявление заняло всего пять страничек, все доводы были изложены по пунктам, как в научном трактате или тезисах политического доклада.

К заявлению он решил приложить копию своей краеведческой карты Улуюльского края.

Пусть в обкоме прислушаются, что говорит о своём крае народ. Ничего не поделаешь, что половина данных имеет легендарное происхождение, а все сообщения в целом требуют серьёзной проверки. В том-то и дело, что без помощи руководящих организаций он не может поднять на своих плечах всю эту сложную и большую работу. А ведь тут идёт речь не о пустяках: каменный уголь, нефть, газ, ртуть, золото – вот что значит на карте Улуюльского края. Он ничего здесь не прибавил от себя, каждая отметка имеет специальную ссылку на то, от кого она получена.

Всю ночь напролёт просидел Алексей, работая над копией карты и пояснительными сносками к ней.

Утром он направился на почту и сдал свои письма.

Возвращаясь домой, он ещё издали увидел, что под окнами его дома собрались ученики старших классов. Их было человек десять – пятнадцать. «Что им нужно? Неужели и они пришли выразить сочувствие?» – с тоской подумал Алексей. Он не переносил никаких соболезнований – они

вызывали в нём стыд и ожесточение. Полчаса тому назад, идя на почту, он встретил инспектора районо Тележкина. Тот уже слышал о решении райкома и целых десять минут изливал свои чувства. Алексей не знал, куда деваться, и молча смотрел на Тележкина, думая о том, как бы поскорее уйти, не оскорбив старого знакомого. Выслушивать соболезнования ещё раз, да тем более от учеников, у него не было никакого желания. Он сделал вид, будто не заметил ребят, и решил повернуть в переулочек. Но они словно угадали его намерение и, сорвавшись с места, понеслись к нему.

– Здравствуйте, Алексей Корнеич! – звонко наперебой закричали ученики.

По их пристальным взглядам Алексей понял, что они знают о решении райкома. И Алексею было приятно, что ребята не принимали скорбного вида, не старались говорить, подобно Тележкину, сочувственными голосами.

– Доброе утро, ребята! Куда это вы направились спозаранку? – присматриваясь к ученикам, спросил Алексей.

Произошло минутное замешательство. Алексей верно угадал его причины: ребята принуждены были лгать, а это давалось им не просто.

– К вам, Алексей Корнеич, приходили. Насчёт экспедиции. Скоро уж конец занятиям, а лодки мы ещё не просмолили. Как бы не запоздать...

Алексей понял, что разговор о лодках ребята затеяли, чтобы иметь повод для беседы с ним.

Как ни сдерживал себя Краюхин, но преданность ребят глубоко тронула его. «А я-то не понял их, хотел убежать от встречи», – с укором подумал он о себе.

– Спасибо, друзья, что напомнили, – сказал он. – В экспедицию пойдём непременно. И знаете, куда пойдём? На Уваровские горы! Уголь пойдём искать! – с воодушевлением воскликнул Алексей.

– Вот это да! На Уваровские горы!..

– Здорово!

– Алексей Корнеич, скорей бы!

– Всё будет в своё время, – успокоил учеников Алексей, распрощался с ними и пошёл в школу.

Не будь сейчас в школе такой горячей поры, как подготовка к экзаменам, он немедленно отправился бы к берегам Таёжной. Надо было ещё и ещё раз повидать старого Марея, установить с ним границы земель староверческого скита, побывать на Тунгусском холме, продвинуться в Заболотную тайгу, сходить на Берёзовское болото и обследовать пеньки, из которых, по утверждению Лисицына, зимой в морозы струился лёгкий парок. Но, к сожалению, ехать сейчас было нельзя: экзамены вот-вот, а после их окончания предстояло ещё проводить торжественный вечер выпускников и традиционный весенний бал учащихся.

Алексей не спеша поднялся на крыльцо школьного здания, снял кепку и с минуту постоял, щурясь на солнце. Оно светило ярко, но свет этот был, как обычно утром, мягкий, нежный, пронизанный голубизной.

Входя в школу, он встретил в коридоре уборщицу.

– Здравствуйте, Семёновна! Наверное, я первый пришёл? – спросил Краюхин.

– Нет, Алексей Корнеич! Сегодня Василий Васильич упредил вас, пожалуй, на полчаса, – сказала женщина, кивая на дверь кабинета директора.

Алексей решил зайти к директору, рассказать о своей встрече с «кружком путешественников».

Открыв дверь в кабинет, Алексей понял, что директор чем-то взволнован. Он ходил из угла в угол. В руке у него трепыхался белый листок, испещрённый строчками, напечатанными на машинке.

Василий Васильевич Головин был высок, худ, стриг волосы под кружок и очень походил бы на молодого Горького, если б не очки в латунной оправе, придававшие его лицу сердитое выражение.

– Доброе утро, Василий Васильич! – поздоровался Краюхин.

Директор остановился, резко повернулся, и Алексей почувствовал, что тот с трудом сдерживает негодование.

– Здравствуйте, Алексей Корнеич, – произнёс, задыхаясь, директор и без остановки продолжал: – Чёрт бы их там всех побрал, и вас тоже! Не было беды, сами напросились...

– Что случилось, Василий Васильич? – спросил Алексей, не понимая гнева директора.

– Всё то же! Полюбуйтесь и скажите: я ли выжил из ума или там кто-то рехнулся?

Головин передал Алексею прозрачный листок бумажки. Алексей прочитал:

Приказ № 26

По Притаёжному районному отделу народного образования

§ 6

Ввиду предстоящей отдачи под суд за допущение преступления наказуемого в уголовном порядке преподавателя географии Притаёжной средней школы Краюхина А. К. с сего числа отчислить от исполнения обязанностей.

Основание: распоряжение председателя исполкома районного Совета тов. Череванова.

Зав. районо С. И. Терновых.

– Каково?!

– Я ждал этого, Василий Васильич.

– А я нет. Я буду протестовать, буду писать в облоно, министру, в ЦК... Это произвол!

– Ну что ж, Василий Васильич... – медленно произнёс Алексей. – Я сейчас же уеду в тайгу. Если вздумают меня арестовывать, скажите, что я никуда не сбежал и скоро вернусь. До свидания!

Алексей вышел, осторожно прикрыв дверь кабинета.

4

– А ну, покажи, покажи, чем богат твой сад, – оживлённо говорил Максим, выходя вслед за Артёмом на крыльцо.

Стояло солнечное утро. Над вспаханнами косогорами, сбегавшими к селу, плывал лёгкий белый туман. Малорослый березняк, разбросанный между пашен то круглыми, то продолговатыми островками, сверкал молодой зеленью. Скворцы суетливо хлопотали у скворечен, сновали в небе, посвистывали крыльями и оглашали простор весёлыми трелями.

Максим окинул взглядом перелески, пашни, прижавшиеся к селу, дома с курившимся на солнце нежно-розовым дымком и остановился, щурясь.

– Вот чертовщина! Посмотрел сейчас на березняк – и представились мне эти островки деревьев пехотой. Ты смотри, как они построены вправо углом, точь-в-точь как требуется по боевому уставу пехоты.

Артём ласково засмеялся.

– Каждому своё! А мне такое и в голову не придёт. Когда я гляжу на этот березняк, другая мысль возникает у меня: не умеют у нас беречь лес! Года три-четыре тому назад здесь такой был березняк, что не пролезешь. А теперь смотри, как его повырубили. Ещё год-два – и тут по косогорам будут оголённые бросовые земли. Без леса снег не удержится, дождь тоже будет скатываться, и придётся посева переносить. А всё из-за головотяпства! Давно собираюсь отругать за это председателя Притаёжного сельсовета, да ведь разве успеешь один везде... Ах, Максим, кадры у нас ещё на местах слабые!..

– И ты понимаешь, Артём, каких это мук мне стоило, – продолжая осматривать прищуренными глазами косогоры, задумчиво проговорил Максим. – Бывало, отправишься перед наступлением на рекогносцировку, а впереди село. Смотришь на него в бинокль из какого-нибудь укромного уголка, чтоб тебя немецкий снайпер не снял, смотришь, как ворон на добычу. А село наше, русское. Несколько поколений жило здесь – радовались, печалились...

Максим остервенело потёр лоб ладонью, собрал к переносью морщинки.

– За четыре года войны ко всему привык: недосыпал, жил, как крот, в земле, с опасностями свыкся, а приучиться к тому, чтоб с лёгкой душой команду «огонь» подавать, не мог.

– Как по-твоему, надолго отвоевались? – спросил Артём.

– Надолго ли? Надо, чтоб надолго. Слишком глубоки раны у человечества от войны. Не дадут быстро забыть о себе...

– Ну что ж мы остановились на крыльце? Пойдём посмотрим на огород, – напомнил Артём.

– Пойдём, конечно! – сказал Максим и первым спустился с крыльца. Они пересекли двор и через калитку вышли в огород.

То, что увидел Максим, трудно было назвать садом, но и на огород это мало походило. На всей площадке, обнесённой изгородью и занимающей около гектара, вспаханной земли было меньше половины. Остальная земля была занята лесом. С правой стороны лес тянулся сразу от двора до конца изгороди, а слева он начинался за грядками и прерывался болотцем, расположенным в левом дальнем углу. Деревья тут были самых различных пород: берёза, черёмуха, рябина, кедр, пихта. У самой изгороди стеной росли смородина и малина. Между четырёх берёзок-сестёр на колышках стояли три улья с пчёлами. Ульи походили на сказочные избушки на курьих ножках без окон и дверей. Они были когда-то покрашены охрой, но от дождей и ветра местами уже облупились.

– Видишь? – обеда рукой широкий полукруг, произнёс Артём. – Всё это отец сам насадил, кроме вот этих берёзок. Когда здоровье позволяло, проводил здесь целые дни. Тут было его опытное поле. Гляди – надписи на дощечках: «Осенние кедровые сеянцы (высевал зёрнами пятнадцатого сентября)», «Весенние кедровые сеянцы (высевал зёрнами десятого мая)». А вот тут выращивал кедровую поросль, пересаживал всходы из другого грунта. И смотри, принялись!

Они постояли возле палок с табличками, вглядываясь в надписи, сделанные химическим карандашом рукой их отца, и молча подошли к болотцу. И тут первое, что они увидели, был высокий шест с прибитой к нему дощечкой. Отец знал направление дождей и ветров и прибил дощечку так, что надпись за несколько лет почти не полиняла.

– «Пятого сентября разбросал по болотцу сто кедровых зёрен», – прочитал вслух Максим надпись на дощечке, выведенную чётким спокойным почерком. Он вопросительно взглянул на Артёма. – И каковы результаты?

– А вот видишь, зеленеют кедерки. Конечно, их не сто, а гораздо меньше, но всё-таки взошли. Помню, как он радовался, когда увидел всходы. Ещё мечтал он ускорить созревание кедра, увеличить его плодоносность. Пробовал он делать какие-то надрезы на стволах, но опыт не удался, кедровые засохли, и он возле них чуть не плакал. И всё тебя ждал, как ждал!.. – Артём помолчал, подавляя волнение. – Я часто, глядя, на него, удивлялся: откуда в нём бралась эта пытливость? Образования не имел, простой человек...

– Ну, как – откуда? Охотник. Почти всю жизнь прожил на природе. Это во-первых. Во-вторых, человек думающий, ищущий... – как бы размышляя вслух, не глядя на брата, сказал Максим.

– У нас в районе есть один льновод, Мирон Степанович Дегов. Вот, понимаешь, человек!.. До того знает дело, что наши агрономы учиться к нему ездят. Будем в Мареевке, я тебя познакомлю с ним. Презанятный старик! Философ! Орден Ленина за высокий урожай заработал.

– Интересно поговорить с таким человеком.

– Конечно! Ну, а как, Максим, люди за границей?

– Великая там размежевка людей происходит. Лучшие люди понимают, что жить дальше так, как они живут, нельзя, и мучительно ищут выхода. А выход один – социализм.

– Социализм? Но ведь его надо им ещё строить.

– В этом-то и дело.

– Им всё-таки легче будет, чем нам.

– Хорошо сказал мне об этом один немец в Берлине. «Вы, говорит, строя у себя социализм, шли неизвестной лесной тропой. Нам будет легче. Ваш опыт, ваша поддержка – великая сила!»

– Правильно, ничего не скажешь! Кто же он, этот немец? Интересно...

– Бывший социал-демократ. Помнит ещё Августа Бебеля.

Послышался пронзительный сигнал автомобиля.

– Ну, вот и машина! – сказал Артём.

Максим неторопливо склонился над зелёными порослями кедров, рассматривая их. Ветерок шевелил его густые волнистые волосы, сбивал пряди на лоб и глаза.

Артём остановился и, нетерпеливо переступая, ждал брата.

– А ты не пытался, Артём, разобраться в этих опытах отца? – спросил Максим.

– А в чём тут, собственно, разобраться? Посадки его бережём. Это вроде памятника ему. В прошлом году лето было засушливое, дожди выпадали редко. Сколько вёдер воды Дуня сюда перетаскала, счёту нет!..

– Он никаких записей не вёл?

– Писал. В столе у меня целая пачка его тетрадей лежит. Собираюсь давно почитать их, да всё времени нет. Посмотришь вот, как мы, районщики, живём. Иной раз подготовить по-настоящему доклад – и то времени не хватает, а уж о другом и говорить нечего.

– Ты дай мне эти тетради.

– Возьми... А ты не задумывался, Максим, над своей старостью? – вдруг спросил Артём, заглядывая брату в лицо.

– Нет, не задумывался. Не хочется пока об этом думать.

– Ну, значит, ты ещё молод. А я уже думал. И, понимаешь, рисуется мне моя старость так: живу я где-то в тихом селе, а вернее, за селом. Я не то лесник, не то огородник, не то садовод. Что-то выращиваю полезное для людей, сам ещё не знаю что. Вокруг зелень, покой, простор.

– Неплохо! – окидывая взглядом худощавую фигуру брата, засмеялся Максим. – Выходит, собираешься идти по стопам отца?

– Вполне возможно! А ты знаешь, как он любил лес? Мы часто с ним в годы войны беседовали по душам. Начнём, бывало, разговаривать о положении на фронте, а потом незаметно перейдём и на другое. Он мне как-то раз сказал: «Ну что ж, говорит, смерть неизбежна, и она меня не пугает. А только горько мне от сознания, что я умру, а лес без меня будет зеленеть, цвести, подыматься в небо...»

Максим ничего не сказал. Артём взглянул на брата и увидел: в глазах его боль.

– Ну, а ещё что он тебе говорил? – отводя взгляд в сторону, глухо спросил Максим.

– Ещё?

Снова послышался протяжный пронзительный сигнал. Шофёр нервничал.

– Пошли. У нас будет ещё время поговорить об этом, – сказал Артём и тронул Максима за рукав кителя.

Они вошли в дом и вскоре появились на крыльце вновь. В руках у Артёма были брезентовый дождевик и большой кожаный портфель с замками. В портфеле, кроме папки с деловыми бумагами, помещались полотенце, мыло, зубная щётка с пастой, бритвенный прибор и маленькая подушечка-«думка» в цветной, изузоренной вышивкой наволочке. Максим нёс серый прорезиненный плащ армейского образца и полевую сумку из грубой кожи.

Всю дорогу молчали. Максим был под впечатлением рассказа Артёма. Отец вставал в памяти зримо, как живой. Максим рано вылетел из родного гнезда, и отец запомнился ему командиром партизан и строителем прииска.

Максим знал в жизни много замечательных людей, поражавших его то умом, то способностями, то бесстрашием, то преданностью в дружбе. Но всякий раз Максим с удивлением ощущал, что все эти черты он уже встречал у одного человека. Этим человеком был отец. И чем больше Максим узнавал людей, тем дороже становилось светлое чувство любви к отцу. Когда наступила пора испытаний, это чувство согревало его чудодейственным теплом далёкого отцовского крова.

Сквозь березняк замелькали крыши домов, и в воздухе запахло дымом.

– Ну, вот и Мареевка. Тут живут у нас знаменитые льноводы. Куда – в сельсовет поедем или в контору колхоза? – спросил Артём.

– Как хочешь, – откликнулся Максим.

Глава пятая

Софья проснулась на восходе солнца. За стеклянной дверью, выходящей на террасу, нежно зеленели черёмуховые листики. Вечером сад стоял ещё с оголёнными ветками. Ночью под напором молодых сил почки лопнули, и кусты оделись в лёгкое зелёное покрывало.

«Опять прозевала!» – упрекнула себя Софья и, быстро вскочив с постели, надела халат. Давно ей хотелось (это было желание, возникшее ещё в детстве) увидеть, как раскрываются почки, как выползают и распрямляются листики, услышать звуки, которые при этом наполняют воздух.

Софья вышла на террасу, спустилась по лестнице в сад и остановилась, зажмурив глаза. Сильно пахло сырой землёй и пряно-горькой черёмухой. Ласковый ветерок приятно освежал тело. От реки доносился мягкий шум воды, взбудораженной только что проплывшим пароходом.

По тропке, петляющей между яблонь и черёмуховых кустов, Софья заторопилась на берег – посмотреть на пароход. Поблёскивая в лучах солнца крутыми белыми боками, пароход удалялся вниз по реке.

На целых два километра река была заставлена лодками. Они были пришвартованы к причалу цепями, железными тросами и просто верёвками. Каких только лодок тут не было! Плоскостные и тупоносые, сбитые из простых тесин ладьи рыбаков и охотников стояли рядом с длинными, конусообразными гоночными байдарками. Морские шлюпки с раздувшимися боками покачивались на волнах рядом с солидными катерами, выглядевшими среди всей этой мелкокалиберной лодочной стаи вожаками. Ослепительно белые, как первый снег, нежно-голубые, как августовское небо, багряно-золотистые, как весенний закат, густо-зелёные, как побеги озими, лодки пестрели, сливаясь с россыпями разноцветной гальки.

Софья подошла к обрыву и, облокотясь на изгородь сада, машинально читала названия лодок: «Волга», «Байкал», «Пятилетка», «Победа», «Наука», «Олег Кошевой», «Неустршимый», «Москва», «Севастополь»...

«А где же наша лодка?» – подумала Софья, снова осматривая берег.

Взгляд её упал на слово «Соня». Она поспешно сделала несколько шагов вдоль изгороди, открыла калитку и побежала по утрамбованным земляным ступенькам, ведущим к реке. Но, не добежав и до половины их, остановилась в смятении: старое название лодки – «Алексей» – было замазано белым. Однако крупные буквы, написанные когда-то тёмной краской, проглядывали через слой белой краски, как проглядывают очертания дерева сквозь прозрачную занавеску окна. Даже новые буквы, составлявшие слово «Соня», аккуратно вычерченные на этом же месте, не могли заслонить собой старое название лодки. Чёрные буквы с каким-то неистребимым упорством стояли на своих местах и будто твердили одно и то же: «Алексей», «Алексей», «Алексей»!

Софья тряхнула головой, но от этого ничего не изменилось: Алексей стоял в её глазах, и она словно слышала его голос, звонкий и весёлый, видела карие, брызжущие добродушным лукавством глаза, дрожащие в улыбке полные губы, густые пышные волосы, всегда немножко

растрёпанные... Она повернулась и побежала по ступенькам вверх. Возле калитки, ведущей в сад, под старой берёзой стояла скамейка. Тяжело дыша, Софья опустилась на неё.

Её внимание привлекли свежие стружки, валявшиеся под ногами. Она удивилась: что здесь строят? Осмотрелась, но ничего не увидела.

Мысли невольно опять перенеслись к Алексею. Скамейка, на которой она сидела, была его излюбленным местом.

Алексей... Он словно преследовал её сегодня.

В густых ветвях дерева засвистела птичка. Девушка повернула голову и увидела то, что не заметила вначале: спинка скамейки со стороны, обращённой к саду, была выстругана рубанком. Софья встала на сиденье коленями и перегнулась, желая лучше разглядеть, зачем это сделано.

Как-то раз в солнечный день они с Алексеем выжгли при помощи увеличительного стекла афоризм: «Быть человеком – значит быть борцом».

Эти слова Гёте так точно и полно передавали их представление о смысле человеческой жизни, что они решили тут же выжечь и свои имена. Теперь на спинке не было этих слов и только белел тёс.

«Отец... Это он, – подумала Софья вначале как-то безразлично, с привычной покорностью, считая, что всё, сделанное отцом, хорошо, но потом с беспокойством, перешедшим в чувство протеста. – Он не имел никакого права поступать так!»

Софья затруднялась определить поступок отца. «Я скажу ему, чтобы он больше этого не делал... Он...»

Решив поговорить с отцом, Софья поднялась со скамейки и по дорожке, посыпанной жёлтым песком, направилась к дому. Лёгкий ветерок раздувал полы её халата, играл прядями непричёсанных волос.

Софья завернула за угол дома и в нерешительности остановилась. На террасе перед окнами кабинета отца стоял младший научный сотрудник института Григорий Владимирович Бенедиктин. Софья никак не ожидала, что она может так рано встретиться с кем-нибудь из посторонних. Увидев Бенедиктина, она хотела повернуть назад, но Григорий Владимирович уже заметил её и приветливо крикнул:

– Доброе утро, Софья Захаровна!

– Здравствуйте, – в замешательстве произнесла Софья.

– Вы удивлены таким ранним визитом? – спросил Бенедиктин и уголком рта выпустил дугообразную струю табачного дыма.

Бенедиктин был во всём военном: в кителе, брюках галифе, в сапогах. Сапоги были начищены до блеска. Медная пряжка офицерского ремня и колодочка орденских ленточек также отливали блеском и подчёркивали подтянутый, щёгольской вид Бенедиктина, в руке он держал папиросу.

– Удивлена ли? По правде сказать, да, – созналась Софья.

Бенедиктин громко засмеялся, и теперь к блеску его сапог, пряжки и орденских ленточек добавился блеск крепких белых зубов.

– Не удивляйтесь, Софья Захаровна. Я у вас с вечера. Мы с Захаром Николаевичем кончили работать только в четыре часа. По фронтовой привычке мой сон недолог. А вы почему так рано поднялись? Утром спится особенно сладко.

Софья неожиданно смутилась, как будто Бенедиктин мог знать, какие мысли беспокоили её в это утро.

– Я хотела посмотреть, как распускаются листья деревьев.

– Вот что! Вы хотели проследить, как жизнь природы из одной фазы переступает в другую, – подхватил Бенедиктин.

– Мне просто хотелось увидеть, как разворачивается молодой лист. А папа ещё спит?

– Вероятно. Он вам нужен? Вы хотели, очевидно, поделиться с ним каким-то важным наблюдением?

– Что вы! У меня к нему небольшое домашнее дело.

Софья поспешно взбежала на крыльцо и скрылась за дверью.

2

Софья писала Алексею:

«Моего терпения хватило ненадолго. Торжествуй! Я пишу тебе – пишу первая. Я представляю сейчас тебя так живо, будто ты не за полтора километра, а сидишь напротив меня. В глазах твоих прыгают чёртики, губы дрожат в довольной улыбке, и всё выражение твоего лица кричит: «Ага! Пишешь! Пишешь!» Как я ненавижу тебя и как я люблю тебя, Алексей, в эти минуты! Ненавижу за твоё ни с чем не сравнимое упорство и люблю, представь себе, люблю за это же самое.

Не отбрасывай моего письма, не дочитай до конца. Я не собираюсь повторять в нём своих упреков, они кажутся мне теперь глупыми. Ты поступил так, как хотел, я поступила так, как могла. Мы ни в чём не уступили друг другу, и оба, вероятно, были правы. Теперь многое изменилось. Мы можем без горячности, трезво судить о своих ошибках и так же трезво избрать путь для того, чтобы избежать их.

После памятного заседания учёного совета института, на котором ты выступил против папы, он возненавидел тебя. Имей мужество признаться перед самим собой, что у папы были на это

некоторые основания. Он не ждал такого удара от тебя. Припомни, как всё складывалось: ты был всегда его лучшим и любимым учеником. Он видел в тебе своего будущего верного соратника и помощника по институту. Ты никогда у нас дома не высказывал своих взглядов с такой определённой уверенностью, с какой проделал это на том злополучном заседании. Твои бесконечные рассказы у нас дома о сокровищах Улуюльского края вовсе не претендовали на обоснование каких-то взглядов. Вероятно, это-то и позволяло папе всякий раз совершенно беззлобно посмеиваться: «Это, Алёша, всё беллетристика. Охотники – мастера создавать её. Наука требует фактов, а их и у тебя и у меня так мало!..» И мне помнится, как ты отвечал на это: «Но, Захар Николаевич, беллетристика не рождается из воздуха. Она отражает действительность». И всё. Короче говоря, ты не давал повода к настоящему научному спору. Наконец, наша дружба с тобой (я боюсь теперь употребить слово «любовь», опасаясь, что оно может покоробить тебя) была очевидной для папы. Он видел в тебе не только прекрасного ученика, но и человека, который мог стать членом нашей семьи.

Твоё выступление потрясло отца. Он не был к этому психологически подготовлен. Ты поступил слишком прямолинейно и, более того, жестоко. Но я убеждена, что отец нашёл бы в себе силы простить тебе твою резкость и нетактичность, если бы ты не пошёл дальше. Твой отказ от работы в институте в составе ассистента отца окончательно восстановил его против тебя. Это была пощёчина, которую нелегко перенести старому, заслуженному профессору. Мой отец не один назвал тебя за этот поступок безумцем. Это повторяли сотни людей, в том числе и близкие твои товарищи. И поистине это было безумием. Каждый здравомыслящий человек посчитал бы за честь быть приглашённым известным профессором работать под его руководством. Ты отверг это, выдвинув нелепое объяснение: «Я могу вернуться к работе в институте через два-три года, а пока я должен поехать в родной район, чтобы быть ближе к тому материалу, разработка которого может стать делом моей жизни». Едва ли кто понял, о чём ты вёл речь. Не случайно после окончания заседания ко мне подошёл один из профессоров (Леонтий Иванович Рослов) и, полагаясь на нашу с тобой близость, спросил меня: «На что намекает Краюхин?» Я ответила, что ты уже несколько лет заинтересован одним районом. Наука ничего ещё не сказала об этом районе, но сами жители накопили интересный материал, требующий проверки.

Затем произошёл наш последний разговор. Ты предложил мне уехать с тобой. Я спросила тебя: «Зачем? Ради какой цели?» Ты снова повторил слова, которые я слышала на заседании. Я советовала тебе немедленно пойти к отцу, признаться, что вёл себя ошибочно, и этим вернуть его расположение. Я обещала тебе уговорить отца более серьёзно отнестись к твоим возражениям. И сделала бы это, зная его бесконечную, трогательную любовь ко мне. Но ты сам не захотел этого. Ты тогда сказал: «Соня, всё, что произошло между Захаром Николаевичем и мной, ты воспринимаешь как обычную размолвку. Это не так. Это конфликт, в котором столкнулись принципы. Как тебе известно, принципы невозможно примирить, уж коль они появились, их удел – борьба». Мне тогда показалось, что ты играешь в глубокомыслие. Я тебе сказала: «Ты ищешь, Алёша, глубины на мелком месте». Твой ответ сразил меня: «До свиданья, Соня, а может быть, и прощай. Мы так сейчас далеки друг от друга».

За эти месяцы я о многом передумала, Алексей. Отец долго не упоминал твоего имени, но я видела, что и он живёт мыслями о тебе. Вначале он был ожесточён и с упрямством, на которое способны только старики, уничтожил все следы твоего пребывания в нашем доме. Он замазал название нашей лодки, состругал слова Гёте, выжженные нами на скамейке в саду, выбросил с террасы вешалку, сделанную тобой. Когда он спрятал твою фотографию, стоявшую на моём столе, я решила, что отец зашёл слишком далеко. Я сказала ему: «Ты поступаешь настолько мелко, что

я, твоя дочь, привыкшая думать о тебе как о большом человеке, начинаю сомневаться в этом. Не ожесточайся попусту. Алексея я любила и люблю. Свою волю ты мне не продиктуешь, но потерять меня можешь».

Отец, видимо, не ожидал, что я способна сказать такие слова. Он вышел от меня как пришибленный. Я проплакала весь вечер.

С месяца отец избегал встреч со мной. Он вставал рано утром и уходил на кладбище, на могилу матери. Знакомые мне рассказывали, что он по часу, по два просиживал там в глубокой задумчивости, никого не замечая.

Потом он заболел. Однажды я вошла в его кабинет. Он лежал на диване с закрытыми глазами. Руки его были вытянуты, и пальцы шевелились, будто что-то ощупывали. Он узнал меня по шагам и, не открывая глаз, спросил:

– Ты, Соня?

– Да, я, папа. Как здоровье?

– Пустяки. Лёгкий грипп.

– Я вызову врача.

– Ну что ж, вызови, – согласился он. Я пошла позвонить, но он остановил меня: – Сядь, пожалуйста...

Я села на стул возле него. Он долго молчал, но я видела, что он о чём-то напряжённо думает. Наконец он каким-то чужим голосом спросил:

– Ну, что твой Краюхин?

– Не знаю. Мы разошлись с ним...

– Ты что же, принесла свою любовь в жертву привязанности ко мне? – проговорил он и впервые на миг открыл глаза, в которых стояли слёзы.

– Нет, папа, – ответила я, – я не хочу тебе лгать. Я люблю Алексея, но, к сожалению, не могу одобрить его ухода из института. Если б было наоборот, я ушла бы с ним. Он звал меня.

– Спасибо, Соня, за правду. Правда всегда бывает голой, как камень. Ложь подобна павлину: она имеет цветистое оперение... Но, знаешь, есть люди, которые одобряют его уход из института.

– Кто?

– Марина Матвеевна и профессор Рослов.

Я думала, что отец что-нибудь расскажет подробнее, но он долго молчал, а потом изрёк полатыни какой-то афоризм. Ещё с детства я знала, что если отец прибегает к древним, значит, он чем-то сильно взволнован, его обуревают противоречия, он ищет для своей души равновесия. Он больше меня не задерживал, и я ушла.

Теперь мне пора бы уже приступить к анализу твоих и моих ошибок. Но буду перед тобой честной, как перед собой. Твои ошибки мне ясны, а своих я не вижу...

Алёшенька, милый, как бы это было замечательно, если бы ты был со мной! Как бы мне легко работалось и легко дышалось!

Последние месяцы живу одиноко и скучно. Даже на лодке перестала кататься. Все близкие и знакомые относятся ко мне с подчёркнутым вниманием, как к человеку, пережившему большое несчастье. Меня это раздражает, и я чувствую, что становлюсь несносной. Единственная отрада – это работа. Сажу в архиве чуть не по целым суткам.

Пиши, но только не из жалости ко мне. Нет ничего другого, что бы так могло унижить меня. Прощай, бурундук полосатый! Надумаешь вернуться в город – знай: я встречу тебя без упрёков и всегда с радостью.

Софья.

P. S. Письмо посылаю не перечитывая, таким, каким оно получилось. Знаю, что если начну перечитывать, то обязательно найду какие-нибудь противоречия, и тогда захочется его переписать, и отправление вновь затянется».

3

Софья вложила письмо в конверт, заклеила его и приготовилась уже написать адрес, как вдруг в дверь постучали.

– Войдите! – разрешила она.

Вошёл Бенедиктин. На этот раз он был одет в штатский костюм: светло-серая тройка, пышный цветистый галстук, лаковые туфли.

– Я, кажется, вторгся не вовремя, – кивнув на конверт, проговорил он.

– Нет, Григорий Владимирович, пожалуйста. – Софья встала и придвинула ему кресло.

– Здравствуйте и спасибо. А Захара Николаевича нет?

– Да вы разве не с ним были? Он утром говорил, что вы собирались вместе в обком.

– Я уклонился от этого путешествия. В сущности, кто я? Рядовой работник. А в обкоме нужны руководители, – с чуть приметной улыбкой сказал Бенедиктин.

– Почему же только руководители? – удивилась Софья.

– С них больше спросу... А я что? Чернорабочий науки... без звания и степени...

– Вы наговариваете на себя, Григорий Владимирович. Вспомните пословицу: «Уничжение паче гордости», – засмеялась Софья.

– О нет, Софья Захаровна. Я говорю правду. Пока Бенедиктин на фронте кровь проливал, ловкие люди не дремали: готовили диссертации, продвигались по служебной лестнице, заботясь о собственном благополучии...

– Диссертации и знания – дело наживное: сегодня их нет, завтра они появятся.

– Упрощаете, Софья Захаровна! Да, впрочем, спорить не будем, я не с этой целью пришёл...

Софья вопросительно посмотрела на Бенедиктина.

– Вы, вероятно, думаете, что я скажу что-то особенное. А у меня пустяковое дело, вернее – просьба, или, скорее, предложение. Мои приятели организуют сегодня небольшую дружескую вечеринку и поручили мне пригласить вас. Народу будет очень немного, все свои, главным образом ученики и сотрудники Захара Николаевича. Не откажите, Софья Захаровна!

– А Марина Матвеевна будет? – спросила Софья.

– Конечно! Правда, она придёт несколько позже, потому что выступает с лекцией где-то в рабочем клубе, но будет обязательно, – сказал Бенедиктин и чуть приподнялся в кресле, выжидающе поглядывая на Софью.

– Хорошо, Григорий Владимирович, я согласна.

– Ну, вот и чудесно! В девять часов вечера я зайду за вами, будьте готовы! – Блеснув зубами, Бенедиктин расплылся в улыбке, встал с кресла, раскланялся, пристукнул каблуками лаковых туфель с тупыми, загнутыми вверх носками и, чуть закинув голову, вышел.

Софья закрыла за ним дверь, села к столу и размашистым почерком написала адрес на конверте. Потом она ушла на кухню, воткнула штепсель утюга в розетку и направилась к гардеробу за платьем.

Бенедиктин был точен. Он появился ровно в девять часов свежесбрившийся, надушенный, в тёмном вечернем костюме. Софья не заставила себя ждать. Они сели в такси и через полчаса были на другом конце города.

Поддерживаемая Бенедиктиным под локоть, Софья поднялась на крылечко небольшого деревянного дома и вошла в ярко освещённую комнату.

– Прошу знакомиться! Дочь моего учителя и шефа профессора Великанова – Софья Захаровна! – приподнято проговорил Бенедиктин.

«Дочь моего учителя» было подчёркнуто, и это резануло слух Софьи.

Первой к ней подошла полная молодящаяся женщина. По-видимому, ей давно уже перевалило за пятьдесят, но одета она была не по возрасту: ярко-розовое шёлковое платье с короткими рукавами, туфли на высоких каблуках, белые с красной каёмкой носочки вместо чулок.

– О, как я рада видеть в моём доме дочь нашей знаменитости! – заверещала она тонким голоском.

Тотчас же к Софье бросились какие-то незнакомые мужчины и женщины в декольтированных платьях, с распущенными волосами. Все они восторженно заговорили о своём счастье познакомиться и быть в одном обществе с дочерью известного профессора.

Софья стояла смущённая, растерянная, не зная, что сказать. Она была готова уже броситься назад к двери, но послышался пронзительный голос хозяйки:

– Григорий Владимирович! Оберегайте свою очаровательную даму! Прошу к столу!

Возглас хозяйки возымел действие. Гости потянулись в соседнюю комнату, заставленную столами с закусками и винами.

– Как вас сердечно встречают! Даже завидно! – нагибаясь к Софье, прошептал Бенедиктин.

Она посмотрела в его улыбающееся лицо, подумала: «Шутит».

Довольно просторная комната, куда они вошли, была наполнена таким обилием всяких вещей, что им просто не было счёта, а на пианино, стоявшем в углу под прикрытием кружевных дорожек, паслось стадо мраморных слонов. Тут были экземпляры самых различных размеров и расцветок: от белых величиной почти с кошку до жёлтых и серых размером не более одного сустава мизинца. Угловой столик был заставлен флаконами, зеркалами, коробками. Стены комнаты были увешаны коврами, а с потолка спускались парашютики: красные, белые, зелёные, голубые, жёлтые. На диване и кушетке лежали в цветных наволочках подушки тоже разнообразных размеров: самая большая занимала треть дивана, самая маленькая свободно уместилась бы на ладони. С первой же минуты Софья почувствовала, что это обилие вещей угнетает её.

Гости усаживались долго и утомительно. Софье несколько раз пришлось перейти с одного места на другое. «Передвигают меня, как фигуру на шахматной доске», – пришло ей в голову. Соседом её справа оказался всё тот же Бенедиктин, а слева – хозяйка дома.

– Вы, душечка, сплошное очарование! Прелесть! – сжимая Софье руку выше локтя, зашептала хозяйка дома. – Григорий Владимирович от вас без ума, и не только он...

Она что-то шептала ещё, но Софья опустила голову и старалась не слушать её. Всё, что говорила эта молодящаяся женщина, до того было льстиво и пошло, что Софье стало противно. Ей припомнился один разговор с Алексеем.

Как-то раз они вместе зашли в дом старого друга Великановых – профессора университета. То, что они увидели там, крайне поразило Алексея. Многочисленное семейство профессора, прежде чем сесть за стол, подходило к нему и поочерёдно прикладывалось к руке. Профессор с буддийским спокойствием восседал в кресле, ничем не выражая своего отношения к происходящему. После обеда всё это снова повторилось. Приглашённые к столу Алексей и Софья сконфуженно переглядывались, испытывая острое желание скорей уйти отсюда. Когда они вышли на улицу, Алексей сказал:

– Сколько же ещё у нас дикости ютится по закоулкам быта!.. Наблюдая за этой церемонией, я чувствовал себя отброшенным назад по меньшей мере лет на пятьдесят. А ведь живём на подступах к коммунизму!

Софья попыталась защищать обычаи семьи ссылкой на то, что так повелось издавна, вошло в привычку и люди исполняют её механически, но Алексей запротестовал:

– Ты со своим примиренчеством далеко пойдёшь. Учти, что это «механическое» исполнение обычаев часто лежит рядом с консерватизмом в работе.

Софья заспорила, но спорила вяло, отлично понимая, что правда на стороне Алексея. Да и профессор, которого они посетили, был известен в университете как рутинёр и педант, чуравшийся всего нового.

«А что бы сказал Алёша, увидев сегодняшнее сборище? Как бы он назвал эти закоулки быта?» – думала Софья, прислушиваясь к голосам незнакомых людей.

Сразу же она поняла, что здесь собрались мужья без жён и жёны без мужей. Всё это обозначалось специально придуманными словечками: «мальчишник» и «девишник».

– Зачем вы меня сюда привели? – спросила Софья Бенедиктина, когда один из участников сборища уже заплетающимся языком начал произносить очередной тост.

Бенедиктин взглянул Софье в глаза и умоляющим голосом ответил:

– Упрёки и вопросы потом, Софья Захаровна! Будьте милостивы!

Вслед за этим он нагнулся к сидящему рядом с ним лысоватому мужчине, и Софья слышала, как он уговаривал того произнести тост за её здоровье и успехи.

Все уже изрядно выпили и захмелели. Лысоватый с трудом водворил порядок.

– Граждане! Товарищи! Тост первостепенной важности. Прошу внимания! Минуту внимания! – надрывно кричал он. – Я предлагаю поднять бокалы за здоровье нашей драгоценной гостьи Софьи Великановны, – с пафосом произнёс он.

Взрыв смеха заглушил его слова. Софья большим усилием воли сдержала себя, чтобы не вскочить, чувствуя, что краснеет до корней волос.

Но терпение её иссякло, когда кто-то из опьяневших мужчин предложил играть в «уголочки». Софья не знала этой игры и робко потянула за уголок платка, собранного в руке Бенедиктина. Она и не предполагала, что, по условиям игры, ей предстояло поцеловаться с лысоватым мужчиной, уголок которого оказался скреплённым узелочком с уголком платка Софьи. Вспыхнув, Софья поднялась со своего места и выбежала на улицу.

Стоял душный вечер. Собиралась гроза. Где-то за городом поблёскивала молния и слышались раскаты грома. Тополевая аллея, тянувшаяся вдоль улицы, расплылась в темноте.

Софья сошла с тротуара и встала за толстый ствол тополя. Тотчас же заскрипела калитка и обеспокоенный голос Бенедиктина разнёсся по всему кварталу:

– Софья Захаровна, где вы?

Софья не откликнулась. Бенедиктин крикнул ещё раз, потом послышались его торопливые шаги. Он устремился в противоположном направлении.

Софья побежала, не оглядываясь. На площади она села в такси.

Когда она вошла в свой двор и направилась по дорожке между черёмуховых кустов к дому, дорогу ей преградила женщина. Это была Марина Строгова.

– Соня, милая, где вы запропали? Я вас уже часа два жду. Есть очень срочное дело, – взволнованно заговорила она.

– Ой, Марина Матвеевна, вы так меня напугали! – воскликнула Софья. – Да вы разве не на лекции?

– Что вы! У меня лекции с утра.

– Но вы же собирались выступить с лекцией где-то в рабочем клубе!

– Первый раз слышу. Кто вам сказал?

Софье захотелось рассказать о Бенедиктине, о бегстве с вечеринки, но стыдливость сковала её.

Не дождавшись ответа, Марина обняла её за плечи.

– Соня, у Алексея большое-большое несчастье.

Софья почувствовала, как сердце её остановилось, дышать стало трудно. Она опустилась на скамейку.

– Что с ним? – прошептала она, дрожащей рукой лоя руку Марины, в которой та держала письмо Краюхина.

Глава шестая

1

Когда шла война и люди в страшной тревоге за Родину, за близких, за успех своего дела думали о будущем, о счастье общем и личном, то счастье это рисовалось им точным подобием той жизни, которая была прервана войной. Люди желали, в сущности, одного: чтобы скорейшее окончание войны восстановило их прежнюю жизнь, как бы механически продолжив её течение с того самого уровня – не выше и не ниже, – на котором это течение так круто изменилось.

В этом представлении, как, может быть, ни в чём другом, выразилось отвращение советских людей к войне, их глубокое миролюбие, понимание ими войны как жестокого, но временного бедствия, которое, уж коли оно случилось, надо пережить и преодолеть как можно скорее.

События войны жестоко и неотвратимо пронизали собой всю жизнь Марины. Она была не только активным членом того общества, которое подвергалось неслыханному испытанию. На фронте были её муж, родной брат, десятки друзей и знакомых. Радуюсь по поводу каждой победы наших войск и с болью переживая каждую их неудачу, Марина вместе с этим патриотическим чувством носила в своей душе постоянную, никогда не покидающую её тревогу за близких. Особенно велика была её тревога за мужа.

Её семейное счастье было недолгим. Марина вышла замуж в тысяча девятьсот сороковом году, в ноябре. В июле следующего года был призван в армию её муж.

Без него Марина остро почувствовала себя одинокой. Она не представляла, как сложилась бы её жизнь, не будь у неё работы. Труд исцелял её от тоски и тревоги, приносил радость и удовлетворение. Марина работала, не щадя сил, не мысля, как можно было бы в это грозное время жить иначе.

Как и все люди, она много думала о будущем, то есть о жизни, которая наступит, когда враг будет разбит и восторжествует мир. Она была уверена, что развитие страны после войны пойдёт ещё быстрее. Опыт, который советские люди накопили в преодолении величайших испытаний, не пропадёт даром. Думала Марина и о своём институте. Он будет смело решать важные проблемы народного хозяйства и преобразования природы, получит широкую возможность экспериментировать и ближе встанет к насущным потребностям большого и богатого края, а значит, и всей страны.

Личная жизнь Марине рисовалась так: она и Григорий будут, как и до войны, работать в институте, Григорий защитит кандидатскую диссертацию. Он в этом уже отстал от неё. Она поможет ему наверстать упущенное за годы войны. Потом они совершат несколько экспедиций по Сибири. Конечно, ей придётся сделать небольшой перерыв в своих путешествиях и научных изысканиях...

При мысли о ребёнке у Марины радостно замирало сердце.

Всю свою будущую жизнь с Григорием Марина представляла как прямое продолжение той жизни, которая была раньше. Их вынужденную войной разлуку она вычёркивала из своего сознания, как вычёркивают из письма неудачную строку. Она представляла себе Григория таким, каким он был до войны, с теми же привычками и особенностями, с теми же достоинствами и недостатками, с какими он ушёл в армию. И себя Марина видела такой же, какой была она до июня сорок первого года...

Коллектив института праздновал День Победы. Просторный актовый зал с огромными окнами и лепными украшениями в виде гигантских чаш с цветами в простенках и венками, щедро разбросанными по углам потолка, был увешан гирляндами из пихтовых веток и разноцветными бумажными флажками. Торжественно и строго выглядела сцена, которую пересекал продолговатый стол, накрытый тяжёлым красным сукном. Бюсты Маркса и Ленина, расположенные в глубине сцены, возвышались на отделанных под гранит постаментах на фоне развёрнутых шёлковых знамён. Многоламповые люстры заливали зал молочным светом. Гремел оркестр. По широким ступеням лестницы непрерывным потоком шли люди.

В институте была неписаная традиция: на праздничные вечера с заседаниями, концертами и танцами собираться не спеша. В другом случае опоздание считалось недопустимым, сегодня же в этом не было ничего предосудительного.

Научные работники шли с семьями – жёнами, детьми. Все были празднично одеты, надушены, тщательно причёсаны.

Марина и Григорий поднимались к входу в зал. Марина была в чёрном бархатном платье с белыми кружевными манжетами и таким же воротничком. На груди у неё краснела только что срезанная роза. Гладко причёсанную голову охватывал витой золотистый жгутик, карие глаза, красивые полуоткрытые губы, вся её полная фигура излучали счастье. Никогда ещё в жизни ей не было так радостно идти вместе с Григорием на виду у людей. Слегка выпятив грудь, в офицерском кителе, он старался быть строгим, сосредоточенным, но это ему не удавалось: губы расплывались в улыбке, и он опускал голову, боясь показаться глупым.

– Григорий Владимирович! Гриша! С приездом! Дождались наконец! Поздравляю вас, Марина Матвеевна, с праздником и со счастливой встречей! – Такими возгласами приветствовали Марину и её мужа их старые сослуживцы.

Но особенно приятно было Марине встречаться с новыми сотрудниками института, не знавшими её мужа. Марина знакомила их. Григорий Владимирович по-военному подтягивался, лицо его делалось непроницаемо серьёзным, и он, прищёлкнув каблуками, глуховатым баском говорил:

– Гвардии майор Бенедиктин!

«Батюшки, как в него въелась военщина!» – изумлялась про себя Марина.

Раздались звонки. Народ из коридоров и с лестницы потянулся в зал, Марина и Григорий тоже заспешили. Их места находились в десятом ряду у противоположной от двери стены. Проходя по узкому промежутку, отделявшему первые семь рядов, Марина слышала шепоток: «Чудесная пара!» Это её приятно волновало. Знали бы люди, как ей сегодня хорошо!..

– Сюда, Гриша! – позвала Марина мужа, отыскав свои места.

Бедный! Он пробирался между рядами смущённый, сразу вспотевший и как-то странно ссутулившийся.

– Невероятная теснота! – проговорил Бенедиктин, садясь рядом с женой. – И Марина уловила в его голосе недовольство.

Торжественное заседание открыл секретарь парткома. Минут пять ушло на избрание президиума. Большинство фамилий, называвшихся председателем, были хорошо знакомы Бенедиктину. Великанов – научный руководитель института, Водомеров – директор института, Миронов – секретарь парткома... Да, как ни сурова была война, как ни вторгалась она в каждую частичку советского организма, институт сумел сохранить свои основные кадры.

Григорий сидел, вытянув шею, чего-то напряжённо ожидая.

– Строгову Марину Матвеевну! – с подъёмом проговорил председатель.

Зал отозвался дружными аплодисментами.

– Ну вот, а ты тащишься сюда, – сдержанно улыбнулся Бенедиктин.

– Я скоро, Гриша, приду. У нас официальная часть никогда не затягивается, – сказала Марина.

Заседание действительно продолжалось недолго. Перед концертом объявили перерыв. Марина задержалась на сцене: помогла унести стол. Когда вышла, зал уже опустел. Люди гуляли по коридорам, и в раскрытые двери зала врывался шум, похожий на шум реки в весеннее половодье.

Бенедиктина на прежнем месте не было. Марина не нашла его и в коридоре. Она бросилась в курительную комнату. Он стоял в уголочке один и курил жадными, глубокими затяжками.

– Вон ты где! А я с ног сбилась, – сияя улыбкой, воскликнула Марина.

– Прости, Мариночка, варварски захотелось курить.

Муж говорил спокойно, но Марине показалось, что голос его дрогнул. «Обиделся, что я задержалась на сцене», – промелькнуло у неё в голове. Она подняла глаза, чтобы проверить свои подозрения, но встретила с его взглядом, полным любви к ней, и успокоилась.

Концерт давал коллектив художественной самодеятельности института. Марине нравились такие концерты. Столько было простоты и искренности в выступлениях певцов, танцоров, музыкантов, что недостаток профессионального мастерства с лихвой восполнялся безыскусственным весельём, которое сразу же захватило всех. Потом начались танцы. Давно Марина не танцевала с таким упоением.

– Марина Матвеевна носится сегодня по залу, как ласточка на просторе.

– Ещё бы! Вернулся муж, – переговаривались женщины, наблюдавшие за ней.

Григорий и Марина вернулись домой в три часа ночи. Сбрасывая с себя лёгкое пальто в прихожей, Марина весело сказала:

– Ну как, Гриша, наш вечер? Понравился?

Бенедиктин не спеша снял шинель, повесил её на вешалку, в упор взглянул на Марину и спросил:

– Откровенно?

Марина удивлённо пожала плечами.

– Ну конечно, откровенно.

– Чепуха! Невнятный доклад «галопом по Европам», худосочный концерт и эти старомодные танцы «до упаду»...

«Он, по-видимому, шутит. Ведь вечер был на славу. Так было всем весело», – подумала Марина. Она внимательно посмотрела на мужа.

На его полном лице не было и тени улыбки. Бенедиктин сел на табурет и, ожесточённо размахивая щёткой, смахнул пыль с ботинок. Он любил, чтоб обувь блестела.

Марине стало обидно, что муж не разделяет её настроения, но она подавила в себе это чувство, стараясь понять, чем же он недоволен. «Уж не тем ли, что я так много танцевала с другими мужчинами?»

– Ужинать будем, Гриша? – спросила она, испытывая желание быстрее вернуть прежнее приподнятое состояние.

– Обязательно, Мариночка. Я очень проголодался, – ответил Бенедиктин и, положив щётку на полочку, направился в столовую.

3

Как и у всякого человека, у Марины Строговой существовал свой интимный мир. Этот мир складывался из тысячи таких мелочей, о которых не всегда говорят даже с самыми близкими людьми. Это были вкусы, склонности, привычки.

Марина, к примеру, не любила тесную обувь и всегда покупала туфли на номер больше. Она не переносила духов с тёплым и резким запахом и покупала духи более дешёвые, но непременно с нежными, холодными оттенками. Одежду она предпочитала из тёмных материй и не любила никаких пёстрых тканей. Женщин, которые с первых минут знакомства начинали рассказывать о своих взаимоотношениях с мужьями и любимыми, она презирала. Сдержанных на слово, даже несколько косноязычных людей она предпочитала говорунам и краснобаям. Совершенно не переносила она так называемых остряков. Острословие, по её представлениям, имело что-то общее с жонглёрством в цирке и было больше сродни ремеслу, чем уму и таланту. Мягкость движений и живость черт – вот что составляло, по её убеждениям, истинную прелесть внешности женщины. Красивые (в смысле правильности черт), но холодные, неподвижные лица вызывали в ней сожаление. Из всех цветов, существующих на земле, ей больше нравились самые контрастные: чёрный, белый, красный. Её привлекали романы и повести, но она не любила читать рассказы и обычно, просматривая журналы, пропускала их. Стихи ей нравились такие, которые будили представление о высоком назначении человека, о его долге перед людьми и родиной. Из стихов о любви она выделяла лишь те, в которых очарование молодости было передано с

трепетной и чистой правдой: в правде этой, казалось ей, всё просто и искренне и как бы нет ещё примеси опыта более поздних лет человеческой жизни.

Короче говоря, интимный мир Марины был одновременно и широк и узок.

И вот в один из весенних дней весь этот мир, составлявший, по выражению одних, натуру, а по определению других – характер, был приведён в страшное потрясение.

Поводом к этому послужило заседание научного совета института, на котором утверждалась программа летних экспедиций. Программа была разработана профессором Великановым.

Ещё зимой было решено послать в различные районы области четыре экспедиции. Теперь учёный совет рассматривал объём научных исследований, которые предстояло выполнить летом и осенью. По терминологии, принятой в институте, речь шла о спецификации и профиле экспедиций.

Первая экспедиция определялась как почвоведческая. Областные организации давно нетерпеливо ждали от института почвенной карты области. Без такой карты руководящим органам области трудно было правильно размещать посевные площади под зерновые и технические культуры.

Перед второй экспедицией ставилась задача комплексного изучения водоёмов, их животного и растительного мира. Сюда входили вопросы зависимости режима вод от времени года и различных климатических условий, изучение способов и средств промыслового освоения рек и озёр местными охотниками и рыбаками.

На третью экспедицию возлагались поиски глин и песков для предприятий, производящих строительные материалы.

Наконец, четвёртая экспедиция должна была изучить причины катастрофически нарастающего отхода ряда ценных пород леса, в особенности кедра, и определить меры борьбы с этим явлением.

Намеченная программа научных изысканий впервые практически приближалась к насущным потребностям народного хозяйства области, и учёный совет единодушно её одобрил. В своих выступлениях научные сотрудники подчёркивали большую заслугу профессора Великанова, который на критику института в печати за оторванность от практики ответил решительным приближением к жизни.

Обсуждение вопроса о программе исследовательских работ было уже почти закончено, когда, озадачив всех присутствующих, считавших, что всё уже сказано, слова попросила Марина. Суть речи Марины, изложенная вкратце в её собственной записной книжке, выглядела так:

«1. Ценный план научных изысканий – это лишь одна сотая дела. Главное в том, как этот план будет выполнен.

2. Самое слабое место в плане научных изысканий, предложенных профессором Великановым, – это разработка путей и способов выполнения намеченных мероприятий. В предложениях профессора Великанова всё сведено к усилиям самих экспедиций.

3. В плане совершенно не подчёркнута роль практиков, без привлечения которых научные изыскания будут неизбежно неполноценными.

4. Экспедиции выполняют свою задачу только в том случае, если обростут широким активом, учтут огромные наблюдения местных жителей и проведут всю работу на массовой основе.

5. Считала бы необходимым осуществить по ряду вопросов, подлежащих исследованию, вовлечение в научную работу: а) агрономов, б) колхозных бригадиров, в) учителей, г) председателей сельских Советов и председателей колхозов, д) колхозных и совхозных опытников, е) охотников.

Речь идёт о создании армии своеобразных внештатных сотрудников нашего института из числа людей, живущих в районах, территория которых представляет для нас интерес.

Например: изучение почв области требует огромных затрат и значительного времени, если это вести силами только экспедиций института. Однако если привлечь к этому практиков, вооружить их соответствующими указаниями, то в течение лишь одного лета может быть собран огромный материал для последующего обобщения в институте. Так, скажем, образцы почв с описаниями могут быть получены из сотен мест. Это удешевит стоимость всей работы, сократит сроки и вовлечёт в научно-исследовательскую деятельность тысячи практиков.

Вывод: план, предложенный профессором Великановым, в той его части, где перечисляются методы исполнения задач, страдает неполнотой и должен быть серьёзно пересмотрен».

Марина высказала свои соображения почти так же кратко, конспективно, как они были изложены в её записной книжке. Когда она начала говорить, у некоторых участников заседания лица вытянулись, а в глазах профессора Великанова вспыхнула досада. Марина не рассчитывала на такое отношение слушателей и с беспокойством подумала: «Неужели я говорю что-то недельное?» Однако отступить было поздно, и она, скрывая волнение, договорила всё до конца.

Речь её совершенно не подходила к тому почти праздничному настроению, которое царило на заседании. Дослушав её, люди, одни вопросительно, другие недоумённо, переглянулись, будто Марина действительно сказала что-то неуместное.

Наступило долгое молчание. Председатель совета – директор института Водомеров – растерянно смотрел на участников заседания, не находя слов.

– Я считаю, товарищи, я считаю, – вдруг взволнованно заговорил Бенедиктин, – выступление Марины Матвеевны по меньшей мере неудачным. Право, я не нахожу объяснений этому. Учёный совет имел уже возможность видеть, с какой глубиной поставлен Захаром Николаевичем ряд крупных проблем...

Марина не верила ушам своим. Ведь не далее как утром Григорий с пафосом сказал ей:

– Маринка, ты так выросла! Твои суждения логичны и основаны на большом знании дела.

Это было сказано по поводу выступления Марины на собрании научных сотрудников института, которое состоялось два дня назад.

Марина повернула голову, чтобы взглянуть в глаза мужа, но Бенедиктин поспешил поклониться.

– Да, да, я также не могу считать выступление Марины Матвеевны удачным, – заговорил Великанов. – Дело в том, что Марина Матвеевна упрощает работу наших экспедиций. Я отнюдь не против привлечения практиков. Мы и существуем затем, чтобы освещать путь практикам, но не следует смешивать наши задачи и методы с задачами и методами практиков. В этом, дорогие мои коллеги, вечно существовала и будет существовать колоссальная разница. Наука есть наука, практика есть практика. Нашим экспедициям, безусловно, придётся встречаться с практиками, но вы сами понимаете, что вовлекать широкие слои практиков в научные эксперименты едва ли целесообразно. Эксперимент может провалиться, и наука будет дискредитирована в глазах практиков. Мы должны, уважаемая Марина Матвеевна, быть очень осторожными и не спешить там, где требуется беспристрастный, спокойный взгляд исследователя.

Марине захотелось немедленно возразить. Она посмотрела на профессора Рослова. Тот сидел в углу, обхватив сильными руками колено и закусив клочок своей длинной чёрной бороды. Вид у него был неподступно суровый. «Кажется, и Леонтий Иванович недоволен моим выступлением», – подумала Марина и подавила в себе желание выступить ещё раз.

Когда заседание учёного совета было закрыто, Марина, не ожидая Григория, пошла домой. В коридоре её догнал профессор Рослов. Он бережно взял её под руку.

– Вы домой? Вас подвезти? – спросил он.

От всего, что только что произошло, у Марины остался на душе горький осадок. Было обидно, что не посчитались с её предложениями, над которыми она столько думала, особенно было больно за бестактное, поспешное выступление Григория. Хотелось побыть одной, подумать о всём случившемся.

– Благодарю вас, Леонтий Иванович! Мне нужно зайти ещё в лабораторию, – сказала она, пряча глаза.

Вероятно, она чем-то выдала своё состояние, и Рослов угадал его.

– Не смею мешать! – Он на ходу порывисто и горячо пожал её руку. В этом движении было столько сердечности, что она убеждённо подумала: «Нет, Леонтий Иванович не мог осудить моё выступление». От этой мысли ей стало легче, и она пожалела, что отказалась ехать вместе с профессором.

4

Когда Марина, устав от долгого хождения по городу, с трудом поднялась по лестнице на третий этаж и позвонила, Григорий, делая испуганное лицо, бросился ей навстречу.

– Мариночка, нельзя же так! Три часа ты заставила меня думать чёрт знает что!..

Он обнял её, но Марина решительно отвела его руки.

– Днём ты публично надавал мне пощёчин, а вечером проявляешь такое внимание.

– Я знал, что ты будешь сердиться, знал! И тем не менее я решился на этот шаг во имя наших общих интересов.

Бенедиктин отступил, стряхивая с костюма ворсинки. Впервые пристрастие мужа к аккуратности вызвало в ней раздражение.

– Что ты прихорашиваешься? Можно подумать, что моё пальто в грязи. – Марина прошла в другую комнату.

– Я тебе всё объясню, Мариночка, имей терпение выслушать меня, – проговорил он, неотступно следуя за ней.

– Ну, пожалуйста, говори, говори, сколько тебе захочется!

– Видишь ли, Марина. – Бенедиктин старался придать своему голосу особый оттенок проникновенности. – Я давно заметил, что в твоём характере есть какая-то доля безрассудства. Я затрудняюсь сказать, из каких свойств твоей природы это проистекает...

– Ты изъясняешься, как изысканный дипломат, – усмехнулась Марина.

– Не иронизируй, пожалуйста. Я говорю о серьёзных вещах, – обиделся Бенедиктин. – Я не буду припоминать других случаев, когда безрассудство брало верх над твоим разумом. Но вот сегодня... Твоё выступление можно сравнить с прыжком в омут. Ты критикуешь планы экспедиций и совершенно не учиываешь, что это детище Захара Николаевича. Старик влюблён в эти планы, он два месяца только об этом и говорил.

– Ну и что же дальше? – спокойно спросила Марина.

– Что дальше? – запальчиво подхватил Бенедиктин. – А хотя бы то, что Великанов – научный руководитель института, а мы с тобой – просто научные работники. Наконец, – воодушевляясь ещё больше, продолжал Бенедиктин, – ты должна учитывать, что осенью я собираюсь защищать диссертацию. Захар Николаевич, по всей вероятности, будет официальным оппонентом. Хотя моя диссертация несколько не соответствует его специальности, он обещал мне всё это уладить. Он же будет подбирать и других оппонентов...

– Но какое отношение имеет всё это к моим замечаниям по планам экспедиции? – не скрывая раздражения, которое всё сильнее овладевало ею, спросила Марина.

Бенедиктин даже поперхнулся.

– Ты не прикидывайся, Марина, дурочкой. Ты всё великолепно понимаешь. Тебе так же, как и мне, прекрасно известно, что всё в жизни решают люди, а поскольку это так, надо уметь с людьми строить отношения.

– Извини! Пресмыкаться и угодничать перед Великановым я не буду! – выкрикнула Марина. Лицо её пылало, обычно доверчивые и добрые глаза гневно искрились.

Бенедиктин старался не встречаться с ней взглядом.

– Ты, во-первых, успокойся и не кричи, – тихо произнёс он.

– А ты не предлагай мне того, что не выносит моя душа, – перебила его Марина, порывисто сбрасывая с себя шляпу и шарф.

– Я предлагаю тебе только благоразумие... Благоразумие никогда не вредило людям...

– От твоего благоразумия один шаг до подхалимства.

– Но это же невыносимо! – закричал Бенедиктин. – Ты не имеешь никакого права бросать мне таких упрёков! В конце концов я прошёл жизненную школу не меньшую, чем ты, и не тебе учить меня поведению. Партия и фронт...

– Да брось ты, Григорий, кичиться своей партийностью и фронтом! – Марина, не глядя на мужа, стоявшего в позе неумолимого спорщика, вышла.

В кабинете она села в глубокое кресло, откинула голову на спинку и закрыла глаза. В висках тупо ныло.

Такой резкой стычки с мужем у неё никогда ещё не было. Правда, это зависело только от неё – в этом можно было теперь сознаться честно и прямо, не кривя душой перед собственной совестью.

С тех пор как Григорий вернулся из армии, он давал ей уже не один раз повод для ссоры. На днях в присутствии Софьи Великановой и профессора Рослова, пришедших вечером к Марине, чтобы обсудить положение Краюхина, Григорий бестактно влез в разговор. Не зная существа расхождений Краюхина с профессором Великановым, только услышав, что речь идёт о происшествии в тайге, он безапелляционно заявил:

– Я не понимаю, чего вы носитесь с этим Краюхиным? Мне совершенно очевидно, что его потолок – сельская школа. Он не случайно выбрал себе этот удел.

Марина, сидевшая рядом, многозначительно посмотрела на мужа.

По её рассказам он знал, что Софья любит Краюхина, но не захотел с этим посчитаться, хотя и догадался, что означал взгляд жены.

– Обладатель настоящего характера и подлинного интереса к науке так не поступит, – продолжал Бенедиктин. – Покинуть институт и уйти от такого научного руководителя, как Захар Николаевич, мог только неумный, самовлюблённый недоучка.

– О любезный коллега, – сказал тогда профессор Рослов, – Алексей Корнеич Краюхин – человек большого разума и редкой целеустремлённости. Вы глубоко ошибаетесь...

– Нет и нет, – запротестовал Бенедиктин. – Я тоже немало повидал людей в таких положениях, о которых вы здесь, в тылу, не имели даже представления. Это многому меня научило. И Краюхин мне ясен более, чем кому-либо.

После этих слов все замолчали. Софья до того была обижена за Алексея, что слёзы навернулись на её глаза. Профессор Рослов также не захотел продолжать спор.

Когда Софья и Рослов уехали, Марина, сдерживая возмущение, сказала:

– Зачем ты, Гриша, так резко отзывался о Краюхине? Я же тебе говорила, что Софья любит его, а Леонтий Иванович очень ценит.

– Видишь ли, Мариночка, я убеждён, что легенде о Краюхине пора положить конец. Она вредит Софье Захаровне, и Рослову, и даже тебе...

Припоминая теперь всё это, Марина говорила себе: «Во всём, во всём виновата моя непоследовательность. Сегодня на заседании учёного совета нужно было не отступить, а добиваться, чтоб мои предложения были рассмотрены. Ведь они справедливы... Безусловно, справедливы...»

У неё возникла мысль пойти посоветоваться с Максимом.

Марина подошла к столику, на котором стоял телефон, и набрала номер. Долго никто не отзывался, и Марина собралась уже положить трубку, как вдруг послышался детский голос. Говорила дочь Максима, двенадцатилетняя Ольга.

– Оленька, ласточка моя, папа приехал? – спросила Марина.

– Нет, папа прислал телеграмму, что задержится.

– А мама где?

– Мама улетела сегодня на санитарном самолёте в Притаёжное. Она так ужасно торопилась, что не смогла даже заехать к вам.

– А что, срочный случай?

– Нет, тётя Мариночка. Самолёт повёз лекарство на лесозаготовки, и мама решила, что лететь лучше, чем трястись на машине.

Девочка так точно воспроизвела не только слова, но и интонацию матери, что Марина рассмеялась.

– Ну, заходи ко мне, ласточка. Ты что сейчас делаешь?

– В своём шкафу с Серёжей книги прибираю.

– Вот молодец!

– К нам приходите! – крикнула девочка.

Марина опустила трубку на рычаг и долго стояла, не снимая руки с аппарата. Разговор с племянницей наполнил душу новыми, тревожными и смутными чувствами. Как о постороннем человеке, Марина подумала о себе: «Ещё год-два, а там рожать будет поздно, останусь, как говорила мама, пустоцветом».

На днях Марина спросила мужа, хочет ли он иметь ребёнка. Григорий долго молчал, морщил лоб, потом сказал:

– И да и нет. Да – потому, что ребёнок – живое воплощение нашей с тобой любви, а нет... «Нет» подсказывает благоразумие. Ты видишь, какая опять складывается международная обстановка. Едва ли долго удержится мир. А я же солдат... моё место на поле брани... Оставлять тебя одну с ребёнком... Нет, это, кажется, не очень разумно...

«В его отношении ко мне слишком много рассудочности. Вот и сегодня, выступая на совете, он как будто руководствовался какой-то статьёй или параграфом. С ним надо серьёзно поговорить. Он идёт не той дорогой», – подумала Марина, всё ещё стоя у телефона.

Напротив, на столе, в простенькой рамке стояла её любимая фотография. Снимок был десятилетней давности. Она была тогда ещё аспиранткой.

Однажды, гуляя по городу с Артёмом и Максимом, они решили сфотографироваться. Позы получились простые, безыскусственные, и снимком этим особенно дорожили в их семьях.

«После смерти мамы нет у меня никого ближе их, – глядя на лица братьев, продолжала размышлять Марина. – Видимо, поэтому-то, когда мне горько и тяжело, я особенно хочу видеть их. Артём... Артюша... отзывчивый характер, весёлый, общительный прав... Максим... И упрямый, и суровый, и сдержанный... Уж не написать ли им обо всём, что произошло? Ну конечно, написать! Кто же ещё даст мне совет?..»

Она взяла лист бумаги, ручку, обмакнула её в чернильницу и задумалась. О чём же она будет писать? О том, что по слабости своего характера она не настояла на обсуждении учёным советом своих предложений? Или о своей ссоре с Григорием? Или, может быть, о том смятении, которое сегодня вторглось в её душу? Нет, писать пока было трудно. Её чувства и мысли неслись бурным потоком, и сейчас ещё невозможно было разобраться в них. «Писать подожду», – решила Марина. Она отодвинула от себя бумагу и, закрыв глаза, откинулась на спинку кресла.

Когда в дверь раздался стук, она открыла глаза, подняла голову и не могла понять: долго ли она так просидела? Вошёл Бенедиктин тихо, робко. Чёрные волосы растрёпаны, ворот рубахи небрежно расстёгнут, в глазах сквозило смущение. Марина первый раз видела его таким. Оттого, что он был не подтянут, не причёсан и весь его облик не выражал обычной самоуверенности, в ней шевельнулось сочувствие к нему: «Милый, он так страдает!» В нём было сейчас то, чего ему так не хватало раньше: простота обыкновенного человека. В эту минуту она готова была простить ему все ошибки.

– Ну что? Всё дуешься на меня? – спросил Бенедиктин, не решаясь пройти вперёд. Тон этих слов был заносчивый и сухой, и вмиг исчезло всё то, что тронуло сердце Марины.

– Ах, Гриша! Ты думаешь, что я десятилетняя девочка? – вздохнула Марина и отвернулась.

– Ну вот, слушай, Мариночка, что я тебе скажу, – миролюбиво проговорил он, выходя на середину комнаты. – Пока ты сидела в кабинете, я припомнил все обстоятельства происшедшего. Я, конечно, виноват перед тобой и глубоко не прав. Мне, как видишь, не чуждо чувство самокритики. На совете я выступил зря. Великанов и совет и без меня разобрались бы в твоих предложениях. Ты меня прости. Я извлёк из всего, что произошло сегодня, серьёзный урок на будущее.

Бенедиктин прошёлся по кабинету, остановился около Марины и посмотрел на неё долгим, упорным взглядом.

– Ты удовлетворена? – спросил он.

Его напористость не раз ошарашивала и обескураживала её.

– Ты удовлетворена? – повторил он, и так, чтобы вызвать у неё ответную улыбку.

Губы Марины дрогнули. Это была не улыбка, а скорее судорога – отражение её нестройных, противоречивых дум и чувств.

Но Бенедиктин не стал гадать об этом.

– Ну, вот и прекрасно, вот и замечательно! – воскликнул он. – Я знал, что ты не будешь мелочиться. Я верил, что ты останешься большим человеком!

Бенедиктин опустился перед ней на колени, забормотал что-то ласковое, невнятное, очень напоминая в этот момент мурлычущего кота. Марина сидела не двигаясь. Бенедиктин приподнялся, слегка толкнул её головой. Он вызывал её на ласки, и Марина поняла это. Она положила руку ему на голову, и Бенедиктин затих. Марина по-прежнему сидела спокойно, и пальцы её руки не чувствовали его тепла, как будто лежали на неживом предмете.

Глава седьмая

1

Самолёт, сделав круг над зелёной тайгой, опустился на продолговатую поляну, сжатую с двух сторон лесистыми холмами.

Из посёлка со звучным названием Главная Гавань, расположенного в сосновом бору, бежали люди. Они размахивали руками, бросали вверх шапки, криками приветствовали пассажиров, вышедших из самолёта. Его появление всегда было в этом таёжном углу большим праздником. Самолёт привозил газеты, письма, кинокартины; с ним прилетали из областного центра лекторы, представители треста и различных ведомств, новые работники на лесоучастки, разбросанные по всему верхнему течению реки Таёжной.

Анастасия Фёдоровна вышла из самолёта последней. Она задержалась, договариваясь с командиром экипажа о возвращении в город. Вылет намечался на утро. Этот срок вполне устраивал Анастасию Фёдоровну. Вечером она предполагала произвести медосмотр рабочих, направлявшихся на плотях в далёкий рейс – в устье Таёжной, снабдить их аптечками, популярными медицинскими брошюрами, наставлениями о мерах первой помощи,

поинтересоваться работой фельдшерского пункта, а наутро вылететь домой. Правда, где-то здесь, в этом районе, находился Максим. Он был, вероятно, в Притаёжном, у брата. Хорошо бы повидать мужа, Артёма с Дуней, но до Притаёжного было далеко, и Анастасия Фёдоровна старалась об этом не думать.

Когда она вышла из самолёта, вокруг него собралась уже толпа. Над поляной стоял говор. Пассажиров сразу же окружили, горячо расспрашивали о жизни города. Окинув глазами людей, Анастасия Фёдоровна увидела в толпе худенького сутулого старичка с обвисшими украинскими усами. Это был местный фельдшер Галушко.

– Демьян Романыч! Милый! – кинулась к нему Анастасия Фёдоровна.

Разговаривая в самолёте с командиром экипажа о вылете обратно, Анастасия Фёдоровна подумала: «Единственно, что меня может задержать, – это отсутствие Галушко», но фельдшер был на месте, и Анастасия Фёдоровна, увидев его, обрадовалась. Желание её как можно скорее вернуться домой имело свои причины: на днях у детей должны были начаться экзамены. Хотя дочка училась хорошо и для тревог оснований не было, Анастасия Фёдоровна всё-таки беспокоилась за неё. Учёбу девочка начала в Новоюксинске, где все военные годы, вплоть до приезда Максима, Анастасия Фёдоровна работала заведующей райздравом.

Галушко знал Анастасию Фёдоровну не первый год. Много раз они встречались в области на совещании работников здравоохранения. Кроме того, в годы войны Галушко изредка навещал Анастасию Фёдоровну в Новоюксинске, зная, что запасливая, распорядительная заведующая райздравом может ссудить его кое-какими дефицитными лекарствами и материалами. И хотя Главная Гавань входила в другой район, Анастасия Фёдоровна помогала старику всем, чем могла.

Из приказов по облздравотделу Галушко уже знал, что доктор Анастасия Фёдоровна Соколовская-Строгова назначена инспектором лечебного сектора. Поэтому, увидев Анастасию Фёдоровну, старый фельдшер не удивился её появлению и радостно пошёл навстречу. На всю огромную таёжную округу Галушко был единственный медик и, как всякий специалист, преданный своему делу, мучительно тосковал по разговорам на свои специальные темы. «Как хорошо, что она прилетела! Уж теперь я все свои вопросы и сомнения перед ней выложу», – подумал Галушко, приближаясь к Анастасии Фёдоровне.

– Милый Демьян Романыч! – торопливо заговорила Анастасия Фёдоровна. – Вы всё такой же! Ни капельки не постарели, стали даже свежее! А ведь не видались мы два года.

Анастасия Фёдоровна крепко сжала жилистую, сухую руку фельдшера, задерживая её в своей руке.

– Родная Анастасия Фёдоровна, бесконечно рад видеть вас! – воскликнул Демьян Романыч, снизу вверх заглядывая ей в лицо. – А вы ещё больше расцвели и похорошили. И лет вам ваших никак не дать! Ну, прежде всего поздравляю с возвращением мужа...

Они направились к посёлку. Когда аэродром и самолёт скрылись за лесом, выяснилось, что улететь утром Анастасия Фёдоровна не сможет: три дня тому назад с верховий Таёжной начался молевой сплав, и люди уже вышли в рейс.

– Как же это могло случиться, Демьян Романыч? В такой долгий путь рабочие ушли без медикаментов и медицинского осмотра, – обеспокоенно сказала Анастасия Фёдоровна.

– Осмотр был, – несколько обиженно ответил Галушко. – Я не зря получаю тут государственные деньги. А вот лекарствами снабдить людей я не смог. Задерживать отправку рабочих из-за лекарств я тоже не вправе. Люди вышли в плавание на пять дней раньше срока. У вас там, в области, не понимают, что ли, что люди сами вносят в жизнь серьёзные поправки?

– Ах, Демьян Романыч, как вам только не стыдно говорить такие слова: «У вас там, в области»! Да я в области работаю, как вам известно, без году неделя, – рассмеялась Анастасия Фёдоровна.

– Вот потому-то я и говорю вам об этом. Вы свежий человек там, и вам легче учесть требования низов, – с улыбкой сказал Галушко и, вздохнув, добавил: – Будем верить, Анастасия Фёдоровна, в счастье людей, которые ушли в долгий путь. Это крепкие, отборные люди, выросшие в лесу и в воде, и да минует их горькая участь болящих!

– О нет, Демьян Романыч, в счастье «на авось» я не верю. Это самое непрочное счастье. Давайте думать, как и где перехватить нам сплавщиков и сделать всё, что мы не сделали здесь.

Галушко посмотрел на Анастасию Фёдоровну с изумлением. Он многое слышал о её настойчивости, но никак не предполагал, что Анастасия Фёдоровна не отступит и в этом случае.

Вместо того чтобы идти к маленькому аккуратному домику медпункта, она направилась в сплавную контору. Галушко последовал за ней. Спустя час они вновь показались на улице посёлка. Шли они быстрее прежнего и разговаривали озабоченно. Возле домика медпункта Галушко покинул Анастасию Фёдоровну, и та ещё более торопливо направилась к почте. Тут она попросила у кассира бланк для телеграммы и поспешно, как давно обдуманное, написала:

«Высокоярск областной, научно-исследовательский институт, Марине Строговой.

Неожиданно командировка затягивается. Отправилась в тайгу. Прошу последить экзамены Оли, не забыть Серёжу. Целую. Настя».

2

К исходу дня Анастасия Фёдоровна с трудом передвигала ноги. Впереди устало вёл коня за повод мешковатый Галушко. Конь был нагружен высокой пирамидой из коробок и ящиков с лекарствами.

– Очень длинные у вас, Демьян Романыч, километры, – сказала Анастасия Фёдоровна жалобно.

– Теперь уже скоро, – отозвался фельдшер. – А насчёт длины таёжных километров вы справедливо заметили. От Главной Гавани до стана Лисицына считается пятнадцать – восемнадцать километров, да только счёт этот ведётся не по затратам сил человека. Километр асфальта и километр тайги – это величины для пешеходов неравнозначные. Видела, какая

дорожка тут! На каждом шагу колоды, кочки, чаща. Одно надо обойти, другое перешагнуть, третье взять приступом – ведь на всё это нужны силы. Вот и выходит, что вместо пятнадцати километров мы прошли с вами по меньшей мере тридцать.

– Изнемогаю, Демьян Романыч, – чуть не плача, говорила Анастасия Фёдоровна, вытирая платочком потное лицо.

– А вы любуйтесь природой, любуйтесь, Анастасия Фёдоровна. Смотрите, какая вокруг прелесть! Какие кедры! Я считаю, что нет прелестнее этого дерева. Охотники правы, назвав кедр «королём сибирских лесов». А посмотрите, какое сегодня небо: высокое, голубое...

Внезапно тайга огласилась громким лаем собаки.

– Ну вот мы и у цели! – бодро воскликнул фельдшер.

На тропу, тянувшуюся узкой полоской, с холмика навстречу им вышла девушка.

– Кто там, Уля? – слышался голос человека, скрытого за деревьями.

– Нет, тятя, не Алексей Корнеич, – упавшим голосом сказала девушка, разглядывая исподлобья незнакомцев.

Из всех дарований, присущих людям, Анастасия Фёдоровна обладала одним из самых ценных: она испытывала жгучий интерес ко всем, с кем сталкивала её жизнь. И оттого, что она обладала жаждой общения с другими, она сама становилась для них желанной и нужной.

Лисицын, увидев у себя на стане Анастасию Фёдоровну, насторожился. С первого взгляда он понял, что эта женщина из города и в тайгу её привела какая-то крайняя необходимость. Об этом прежде всего говорила её одежда: светлое пальто, перекинутое через руку, шёлковое зелёное платье. Всё, всё было нездешнее – городское, непривычное для глаза таёжника. Но зато в облике её чувствовалось что-то такое, что невольно располагало к ней. Её серо-синие глаза смотрели мягко, ласково и с приветливой пытливостью. Высокая грудь, яркий румянец, проступавший сквозь смуглую кожу лица, стремительные движения были признаком крепкого здоровья, которым обладала эта женщина.

– Здравствуйте, дядюшка, здравствуйте, милая девушка, принимайте незваных гостей, – торопливо, как человек очень занятый и спешащий по неотложному делу, сказала Анастасия Фёдоровна, сбрасывая с руки пальто на кучу дров, лежавших неподалёку от костра.

– Здравствуйте, хорошие люди! С доброй ли, с плохой ли вестью – садитесь. У нас всякий – гость, – пригласил Лисицын, про себя подумав: «Кто это такая? Уж не по Алёшиному ли делу заявилась? И где он сам-то затерялся?»

Увидев, что незнакомая женщина озирается, отыскивая место, где можно было бы сесть, Лисицын велел Уляне принести из зимовья табуретку. Но женщина запротестовала, поспешно опустила на чурбак и первым делом сбросила с ног туфли.

Галушко привязал лошадь к черёмуховому кусту, росшему у самой кромки берега, и подошёл к костру.

– Давайте знакомиться, – сказал он и подал Лисицыну руку.

Хотя на ногах у Галушко были мягкие бродни, удобные для дальних дорог, но годы брали своё. Он потоптался и сел прямо на землю рядом с Анастасией Фёдоровной, чувствуя предельную усталость.

Лисицын нетерпеливо посматривал то на Галушко, то на женщину.

– Откуда и куда путь держите? – спросил он и, вытянув худую шею, замер в ожидании ответа.

– Сплавщики, дядюшка, мимо вас не проходили? – в свою очередь, спросила Анастасия Фёдоровна и даже приподнялась, обеспокоенная мыслью: «А вдруг скажет, что уже прошли?»

Лисицын понял, что прибывшие на его стан люди никакого отношения к делам Алексея не имеют.

– Да нет, пока лес не проходил. Уля вот, дочка моя, была поутру на дальней курье, жерлицы осматривала, видела, как плотовщики по кольцам реки пробиваются. Ведь она, Таёжная-то, в этих местах как пьяная: то в одну сторону бросится, петель навьёт, то в другую кинется. От Главной Гавани до нашего стана не больше двадцати километров, а по реке в полтора ста не складёшь. Да ещё перекаты да заломы. Тут рысью-то не проплывёшь... А вам что сплавщики-то? Не плыть ли уж куда вздумали?

– Нет, плыть некуда, а встретить людей необходимо, – сказал Галушко, выпрямляя ноги и опираясь спиной на чурбак, на котором сидела Анастасия Фёдоровна. – Медики мы. Это вот доктор из города, я – заведующий медпунктом в Главной Гавани. Люди ушли в путь без лекарств, не было даже ваты и бинтов. А вчера вот на самолёте докторша из города прилетела. Мы и кинулись, значит, сплавщикам наперерез.

Лисицын, выслушав фельдшера, украдкой взглянул на Анастасию Фёдоровну и с почтением подумал про неё: «Ишь ты! По ухватке видно, что умна». Потом он перевёл взгляд на Ульяну, многозначительно нахмурился и, понизив голос, произнёс:

– Ульянушка, дочка, гости с дороги. Ты возьми ведёрко, сбегай к садку, выбери стерлядочек покрупнее.

Ульяна неотрывно смотрела на Анастасию Фёдоровну. Доктор. Из города... Полёт на самолёте... Погоня за сплавщиками... Это был совсем-совсем другой мир: далёкий, таинственный, увлекательный. «Какая же она замечательная, смелая и красивая!» – думала Ульяна. Она не слышала, что ей говорил отец, но переспрашивать не стала: Ульяна и сама знала, что надо делать, когда на стан приходят гости.

Она взяла котелок, завороневший на смолевом дыму костра, длинный острый нож и быстро исчезла под яром. «Как же хорошо-то, что она пришла к нам! Дедушку полечит...» – проносилось в мыслях Ульяны. Светлое чувство радости словно омывало её душу. Ульяна понимала, что ей радостно не только потому, что доктор полечит дедушку, – что-то ещё радовало её.

Когда Ульяна через несколько минут возвратилась, Анастасия Фёдоровна сидела у костра одна. Отец и усатый фельдшер бережно снимали со спины лошади коробки и ящики и складывали их под навес на полку. Услышав шаги Ульяны, Анастасия Фёдоровна подняла голову, и Ульяна поймала её взгляд. Как и при первой встрече, этот взгляд был такой пытливый и ласковый, что казалось, он проникал до самого сердца.

– Как же вас зовут, милая девушка? – спросила Анастасия Фёдоровна.

Ульяна мгновенно залилась краской, вся душа её от этого проникновенного голоса незнакомой женщины встрепенулась.

– Ульяной зовут меня, а больше всё Улей, – давась словами, едва слышно ответила она.

– Очень хорошо! Я люблю простые русские имена. Может быть, потому, что меня тоже зовут просто: Анастасия, Настя...

– Батюшки! Вот уж как назвали! – с искренним изумлением воскликнула Ульяна. Ей казалось, что эта женщина, поразившая её своей внешностью, должна была носить какое-то исключительное имя. Такие имена нередко встречала она в старых романах: Цецилия, Клеопатра, Анжелика...

– А что, разве не подходит ко мне это имя? – с лукавством в голосе спросила Анастасия Фёдоровна.

– Ну, конечно, не подходит. Красивая и умная, а зовут по-простому: Настасья, – улыбаясь одними глазами, сказала Ульяна.

Анастасия Фёдоровна засмеялась:

– Вот Ульяна – тоже имя простое, а уж не красавица ли вы?

Ульяна зарделась, но оцепенение, которое сковало её несколько минут тому назад, бесследно исчезло. Ей стало весело, и она рассмеялась звонко и непринуждённо.

– Вы, Уля, чем же здесь занимаетесь? Готовите отцу обеды? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Что вы! Обеды – это между прочим. Охочусь я, рыбачу. Осенью по чернотропью добываю белок, колонков, куропаток, рябчиков.

Рассказывая, девушка проворно исполняла своё дело: повесила котёл с рыбой на таган, подбросила дров в костёр. Анастасия Фёдоровна наблюдала за Ульяной с удовольствием – та делала всё быстро и ловко. Под ситцевым розовым платьицем угадывалось гибкое, сильное тело, проступали мускулы рук и упругая грудь.

– Не скучно вам жить в тайге? – поинтересовалась Анастасия Фёдоровна.

– Да кто же из охотников скучает в тайге? Тут только с виду однообразна, а присмотришься, прислушаешься – такая кипит жизнь – удивление!

К костру подошли фельдшер и Лисицын.

– Анастасия Фёдоровна, – обратился к ней Лисицын, – вы не пользуете каким-нибудь снадобьем старика нашего?

– О ком вы говорите? – Анастасия Фёдоровна, недоумевая, осмотрелась вокруг.

– Старик тут с нами живёт, Марей Гордеич. Он мне вроде родного отца. Да вот занемог...

Лисицын не успел договорить. Дверь избушки раскрылась, и все увидели Марея. Он был без фуражки, в длинной рубахе без пояса, в полушубке, накинутом на худые плечи. Анастасия

Фёдоровна смотрела на старика, не отрывая глаз. Внешность этого человека поразила её. Старик был красив той особенной красотой, которая выпадает в старости на долю немногих.

– А я уснул, Миша. И приснилось мне, будто на стан к нам пришли незнакомые люди. Очнулся, глаза открыл, слышу за стеной чужие голоса. Лежу и никак не могу понять: не то это сон продолжается, не то явь...

– Явь, Марей Гордеич, да ещё какая! – воскликнул Лисицын. – Таких гостей у нас ещё никогда на стану не бывало.

– Нет лучше гостя в свете, чем добрый человек, – промолвил старик и, сделав два шага, остановился. – Мир вам и благоденствие, добрые люди! – слегка поклонился он Анастасии Фёдоровне и Галушко.

Необычность приветствия тронула Анастасию Фёдоровну, она поднялась и тоже поклонилась старику.

– Здравствуйте! – произнесла она громко. Ей хотелось добавить к слову «здравствуйте» что-нибудь такое, что могло бы сделать её приветствие более тёплым и сердечным, но подходящих слов не нашлось. Имени и отчества старика она не запомнила, а назвать его просто «дедушкой» ей показалось неудобным. Старик не походил на тот тип старых мужчин, для которых домашнее прозвище «дедушка» было вполне уместным. Он скорее напоминал убелённого сединами путешественника-исследователя или мыслителя.

– Это доктора к нам приехали, Марей Гордеич, – сказал Лисицын.

Старик не удивился, а только посмотрел на Анастасию Фёдоровну и Галушко испытующим взглядом.

– Кого же лечить здесь будете?

– Вас начнём лечить, Марей Гордеич, а потом сплавщиков лекарствами снабжать будем.

– Душевно благодарен вам. В жизни редко приходилось мне бывать у докторов, чаще всего сам себе доктором был, – задумчиво произнёс старик.

– Знобит вас? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Временами.

– Пройдёмте в помещение, я выслушаю вас, – Анастасия Фёдоровна взяла портфель – там лежал стетоскоп.

Марей и Анастасия Фёдоровна долго не появлялись. Рыба почти сварилась, и Ульяна сдвинула котёл с большого огня. Чайник с кипятком булькал, урчал, постукивал крышкой, как живой. Костёр изредка потрескивал, разбрасывая пахучий смолевой дымок. Галушко щурил глаза от дыма и наконец тихо задремал, свесив голову. Лисицын, вытягивая, как журавль, худощавые ноги, направился к реке. Там, склонившись над самой водой, росла смородина. Он вернулся с пучком смородиновых веток.

– Подбрось-ка, Уля, в чайник для запашка, – сказал он вполголоса, боясь нарушить покой фельдшера.

Ульяна взяла смородинник, отделила одну веточку, с хрустом изломала её на мелкие кусочки и бросила в чайник. Потом она принялась перетирать полотенцем посуду, стоявшую на полке под навесом.

Лисицын нетерпеливо поглядывал на дверь избушки, на спящего Галушко. Охотник вставал, садился, опять вставал, поправлял костёр, хотя в огне уже надобности не было. Наконец терпение его иссякло. Он подошёл к двери избушки, прислушался. Ну, так и есть: Марей что-то увлечённо рассказывал докторше о Синем озере! Лисицыну стало даже обидно. Он легонько постучал в дверь и, не дожидаясь, когда отзовутся, сказал:

– Кушать пожалуйста! Рыба готова, чай поспел.

– Идём, идём! – слышался голос Анастасии Фёдоровны.

Галушко очнулся и сконфуженно поглядывал на Ульяну. От резкого толчка дверь избушки пронзительно взвизгнула, и оттуда вышла Анастасия Фёдоровна.

– Что у него? – привычным тоном спросил Галушко.

– Грипп, и очень затяжной... Нужно побыстрее перевезти Марей Гордеича в село, – сказала Анастасия Фёдоровна, подойдя к Лисицыну.

– Я давно ему об этом толкую. Там и доктор и больница, да не сразу его уломаешь.

– А что, Михаил Семёныч, вы могли бы сводить меня на Синее озеро? – вдруг, меняя разговор, спросила Анастасия Фёдоровна.

Лисицын растерялся. «Уж не думает ли она начать какие-нибудь поиски на манер Алёши? Опередит парня, и тогда всё пропало», – пронеслось у него в мыслях. Он задержался с ответом, обдумывая, как лучше поступить в этом случае.

– Я проведу вас к Синему озеру, – заметив колебания отца, предложила Ульяна.

– А что вас, извиняюсь, на Синее озеро потянуло? – скрывая под смешком тревогу, спросил Лисицын, подумав: «Неужели старик что-нибудь лишнее мог сказать?»

– Горячие ключи.

– Вон оно что! – с облегчением воскликнул Лисицын. – Нашу лечебницу от ревматизма захотели посмотреть? Доброе дело!

– Вы слышали об этих ключах, Демьян Романыч? – Анастасия Фёдоровна взглянула на фельдшера.

Галушко широко раскинул руки, закрыл глаза, и длинные усы его затряслись от смеха.

– А вы... вы их больше слушайте, они-то, охотнички, наврут вам с три короба. Горячие ключи!..

Лисицын сдвинул шапку набекрень, скосив глаза, неприязненно посмотрел на Галушко, грубовато сказал:

– Ты знаешь что, гражданин хороший, охотников не хули. Ты в нашем деле такой же тумак, как мы в твоём.

Анастасия Фёдоровна видела, что Лисицын задет до глубины души.

– А вы, Михаил Семёныч, не сердитесь на него. Уж такой он Фома-неверующий.

Ульяна скомандовала:

– Иди, тятя, неси скамейку. Перепреет рыба!

Лисицын пошёл в избушку, виновато поглядывая на Анастасию Фёдоровну и уже раскаиваясь за свои резкие слова, сказанные фельдшеру.

3

Тайга наливалась соками жизни. Гривы и косогоры покрывались травой. На черёмуховых и рябиновых кустах зеленела нежная листва. По шершавым стволам сосен, пихт и кедров текли струйки пахучей смолы. Воздух был насыщен запахом молодой земли: из логов, размытых ручьями, тянуло пресной сыростью суглинка, ранние цветы, пробившиеся у корней редких берёзок, источали приторную сладость, полусгнивший валежник испарял настой плесени, смоль разбрасывала щекотавшую ноздри горечь. Струйки свежего ветерка незримо перемешивали эти запахи, солнце согревало их, и они рассеивались по тайге терпким теплом весны.

Где-то в голубой выси неба над лесом плакал лебедь, оглашая тайгу своим надрывным зовом. Но здесь, на земле, никто не хотел внимать его тоскливой песне. Прячась в ветвях, дрозды, синицы, иволги, чечётки, рябчики, кедровки весело свистели, трещали, рассыпали дробь с такой яростью, будто хотели перекричать друг друга.

В этот лучистый день, радостно сиявший над омытой дождями тайгой, Анастасия Фёдоровна шла с Ульяной к Синему озеру. Ульяна шагала впереди, Анастасия Фёдоровна – вслед за ней. Она жила во власти запахов и звуков, чувствовала, как пробуждённая солнцем земля будоражит её кровь, наполняет душу неясным беспокойством. На плече Ульяны висело двуствольное ружьё, на спине – мешок с провиантом. Девушка была опоясана широким кожаным патронташем. Она шагала легко, свободно. Колоды и кочки она перепрыгивала без всякого напряжения, чуть взмахивая руками. Это движение гибких рук девушки всякий раз напоминало Анастасии Фёдоровне взмах крыльев птицы при взлёте. Во всей фигуре Ульяны, в её манере держать голову слегка приподнятой было что-то стремительное, как у ласточки, поднявшейся в просторы неба.

Они без умолку разговаривали. Часто оглядываясь, чтобы увидеть внимательное лицо и пытливые глаза Анастасии Фёдоровны, Ульяна рассказывала:

– А уж как радостно бывает возвращаться домой! Помню, один раз шла я из тайги с зимней охоты. Было это в начале марта. Под ногами свежий снежок, птички выпорхнули откуда-то из сугробов и трезвонили над головой. Солнце только поднялось. Подхожу к Мареевке и слышу: петухи поют, коровы мычат, повизгивают двери домов, на зерновом дворе гудит молотилка, перекликаются женщины... Ветерок тянет со стороны деревни, и я чувю, как пахнет дымом, горячим хлебом и теплом домашним. И так мне от всего этого стало хорошо, радостно, что я живу, вижу солнце, землю, лес!.. Не помню, в какую минуту это случилось, а только залилась я песней. Так и по деревне прошла, с песней в свой дом вступила. Мама смотрит на меня, смеётся: «Ты что, Ульянушка, в такой радости? Или соболей добыла?» А у меня тогда, по правде сказать, и охота-то не очень удачной была.

Ульяна задумчиво помолчала, придерживая гибкую ветку крушины, передала её в руки Анастасии Фёдоровны, говоря:

– Глаза берегите. У нас один охотник выстегнул себе глаз вот такой веткой.

Анастасия Фёдоровна приняла ветку, а Ульяна продолжала:

– Это уж всегда так: из тайги домой, как на крыльях летишь. К деревне подходишь, а сердце колотится от радости. Я тут выросла. Каждую канавку знаю. А уж о людях и говорить не приходится: все тебе от мала до велика знакомы, да не просто знакомы, а вроде ты вместе с ними в одной семье выросла, и все они тебе самая близкая родня.

А только побудешь неделю-другую в тайге, вернёшься в Мареевку – и всё тебе в новинку. Подруги, с которыми росла, вместе в школе училась, и те такими желанными становятся, ровно ты их пять лет не видела. Идёшь по улице – и каждый дом, кажется, смотрит на тебя и радуется. К клубу подходишь, а там уже собралась молодёжь. Задрёт тут сердце, и сама не знаешь, не то ты своими ногами поднялась на высокое крыльцо, не то тебя ветром туда занесло.

Поживёшь так дома несколько деньков и чувствуешь, в душу тоска начинает стучаться. Утром проснёшься, глаза не размыкаешь, лежишь, ловишь ухом каждый звук, и хочется, чтоб зашумел лес, чтоб зажурчали ручьи, чтоб птицы запели на все голоса.

Мама уж знает: раз не встаю с кровати сразу, ворочаюсь, значит, в тайгу манит. «Ну, что тебе не спится?» – спрашивает меня. «Припас, говорю, готовь, завтра в тайгу пойду».

И вот идёшь в тайгу. Знаешь тут на пути каждую тропку, каждый ручеёк, каждое деревце, а всё тебе опять в новинку. Избушка на стану – и та кажется уютной, тёплой. Ни на какие дворцы её в этот час не променяешь!

Переночуешь, а утром, чуть забрезжит рассвет, ты уже на ногах. Тятя мой хоть и знает, что я не послушаюсь его, а всё равно твердит: «Ты, егоза, далеко не ходи. Заблудишься, сгинешь. Нам тогда с матерью одна дорога: головами в омут!» Я успокаиваю его: «Ты не тревожься, тятюшка! Далеко я не пойду, а потом у меня же компас». А какое там «далеко не пойду». Об этом только и думаю! В том и жизни особая отрада, чтоб посмотреть места новые, невиданные...

Иной раз за день-то так умаешься, что на стан приходишь чуть живая. Думаешь: «Больше в такую даль калачами не заманишь. Пусть там хоть белки и колонки сами в мешок скачут. Не пойду – и всё». Да только мысли эти такие... Сама думаешь и сама не веришь себе. Отдохнёшь, придёшь в

себя, и опять в душе что-то забродит. Ружьё – на плечо, если лежит снег – ноги на лыжи, – и только видели тебя!

Ульяна умолкла и долго шла с опущенной головой. Анастасия Фёдоровна не видела её лица, но она была убеждена, что девушка тихо, застенчиво улыбается сама себе, щурит зоркие, всегда настороженные голубые глаза.

– Ой-ой! Чего я только не пережила в позапрошлом году, вспомнить страшно! – продолжала Уля.
– Закончила я школу, учителя и говорят мне: «Надо в город, в университет ехать». Мне и самой хочется учиться дальше. Да только как подумаю, что придётся тайгу и Мареевку из-за этого бросать, холодом меня с ног до головы окатывает. Но решилась всё-таки поступить на исторический факультет. Поехала в город, прожила там больше недели, экзамены вступительные сдала, а чувствую: нет у меня сил жить без тайги. Слёз сколько пролила, сознаться совестно!

Сбежала я из города, непутёвая! Приехала домой. Думаю: жить мне теперь опозоренной, отвернутся от меня и родители и подруги. А только зря так думала: мама с тятьей обрадовались. Скучали они без меня. Подруги тоже. Как-то иду по улице, откуда ни возьмись – председатель нашего колхоза Терентий Петрович Изотов. Я хотела убежать от него, да скрыться некуда было. Он остановил меня, говорит: «То, что из университета сбежала, – это плохо. А то, что родные места любишь, свою профессию дорого ценишь, – за это хвалю! Повышенный план добычи пушнины получил наш колхоз. Есть случай доказать, что ты не девчонка, а настоящий охотник». Дала я тут слово председателю, что постараюсь. И правда, в том году в тятиной бригаде я не хуже старых охотников промышляла.

Живу себе, охотничаю, а мысли меня точат: «Нехорошо, что учёбу бросила, не дело это!» И стыдно мне от этих дум, и выхода найти не могу. А тут вдруг к тятю нагрянул его приятель, учитель из Притаёжного, Алексей Корнеич Краухин. Молодой он ещё, а строгий. Боюсь я его... Как он зашёл, так сердце у меня и оборвалось. Спрашивает: «Почему бросила учиться?» У меня язык будто присох. Тятя за меня объясняет: «К тайге, к охоте она пристрастилась». Он посмотрел на меня, говорит: «Прошло время, когда охотники неучами были. Учиться нужно непременно. И для этого вовсе не обязательно ехать в город. Поступай, Ульяна, на заочное отделение. Будешь ездить в город два раза в год на зачётные сессии». «Ну, думаю, два-то раза почему бы не съездить?! И как это, думаю, я сама до сих пор этого не сообразила!» Написала я заявление, отдала его Алексею Корнеичу, а вскоре получаю из университета ответ: «Зачисляем вас согласно вашей просьбе. Экзамены сдавать не требуется, так как ваше дело о приёме на историко-филологический факультет отыскано и передано нам».

Вот так я и стала студенткой! Один раз зимой уже съездила в город. Наверное, скоро опять пригласят. Сколько забот мне теперь прибавилось!.. То надо письменную работу отсылать, то книг не хватает, надо в Притаёжное в районную библиотеку ехать, то зачётной сессии срок подходит, надо готовиться... Даже в клубе стала меньше бывать. Девчонки сердятся на меня. А Изотов Терентий Петрович сказал нашему комсorghу Веселову: «Вот тебе, Веселов, партийная директива: Лисицыну Ульяну оберегай. Пусть учится».

Теперь у нас в Мареевке появились новые заочники... Ну и разболталась же я!.. – неожиданно прервав себя на полуслове, с сердечной непосредственностью воскликнула Ульяна и, вытерев

концом платка раскрасневшееся лицо, сказала о себе как о постороннем человеке: – Сорока ты, балаболка!

Анастасия Фёдоровна понимала, что нужно что-то ответить девушке, но говорить сейчас она ничего не могла. Простодушный рассказ Ульяны заставил думать её о себе, о своих делах и поступках.

Год тому назад Анастасии Фёдоровне исполнилось сорок лет. Она встретила эту дату с глубоким беспокойством. Сорок лет – это был конец большой и важной полосы жизни. Начался новый этап существования. Что в нём таилось? Анастасия Фёдоровна невольно присматривалась к сорокалетним женщинам, настороженно прислушивалась к самой себе, стараясь понять, какие новые, не изведанные ещё чувства и мысли рождаются в её душе. Вокруг немало говорили, что после сорока лет уменьшается радость жизни, блекнут её краски, ничто уже не поражает и не захватывает, как в пору юности. Человеческий мир со всеми его страстями и многообразием уже изведен и достаточно познан. Говорили, что зрелость – это не что иное, как спокойное, осознанное отношение к жизни. «Но неужели впереди такое бесстрастное существование? – с тревогой и недоумением спрашивала себя Анастасия Фёдоровна. – Нет, нет. У многих деятелей науки и искусства расцвет начинался после сорока лет!.. Но при чём здесь ты? Ты просто успокаиваешь себя поисками достоинств твоего возраста. Пустая затея! Сорок лет для женщины – это перевал к старости...» Этот голосок, вдруг просыпавшийся в глубине её сознания, точил её, как точит червяк дерево, – упорно и неотступно, день за днём: «Максима-то всё нет и нет. А тебе уже перевалило за сорок. Новые морщинки под глазами появились. Стареешь!..»

А стареть-то ей как раз и не хотелось! Да и не чувствовала она никаких перемен в себе.

Но всё-таки голосок делал своё дело: под его воздействием она изменяла своим желаниям, отступала от них, с жалостью сознавая, что время диктует новые, жёсткие правила.

С юности у неё были свои страсти, большие и малые. Среди них были и такие, которые считались уместными в двадцать, даже в тридцать лет, но в сорок лет они могли вызвать у многих улыбку. Анастасия Фёдоровна любила танцевать. Она знала бесконечное число мазурок, полек, вальсов, народных плясок. При каждом удобном случае, на семейных или дружеских вечерах, она танцевала увлечённо, с упоением, испытывая истинное наслаждение. Но когда Анастасии Фёдоровне исполнилось сорок лет, она перестала танцевать. Правда, с приездом Максима она почувствовала себя вновь молодой, но прошло не более недели, и к ней вернулось прежнее состояние. Проявлялось оно не остро, даже скорее глухо, но противоборствовать ему она не могла. «Тебе же перевалило за сорок лет, какие же теперь танцы? Людей хочешь смешить?» – останавливал её всё тот же голосок, и она гасила в душе желание, повинувшись этому тихому голосу, бывшему, как казалось ей, голосом её совести.

К моменту встречи с Ульяной Лисицыной Анастасия Фёдоровна жила уже по тем законам, которые диктовались установившимися неписаными «приличиями», имеющими в быту людей нередко силу непреложного устава. Это её новое состояние Максим подметил в первые дни, отнесся его исключительно за счёт пережитой разлуки.

– Ты стала без меня, Настенька, подобранной и строгой, как бонна в русских классических романах, – с усмешкой сказал он однажды.

Анастасия Фёдоровна не стала опровергать слов мужа.

– А ты думаешь, я не знаю об этом? Да что же делать? Сорок лет, дорогой друг! Воспринимать мир по-прежнему не только невозможно, но и стыдно.

– Почему стыдно? – не понимая хода её мыслей, спросил Максим.

– Люди осудят. Людской суд жесток.

Он попытался расспросить её, но она сказала:

– А ты меня не спрашивай, я сама ничего не знаю.

– Настенька, надо быть не моложе и не старше своих лет.

– Вот я и стараюсь.

– А тут стараться не нужно. Чувства сами подскажут.

«Да как же доверять чувствам, когда они у меня дwoятся?» – хотела сказать она, но в комнату вошли Серёжа и Ольга, и разговор прекратился. Возобновить его не удалось – не возникало больше подходящего повода.

Только теперь здесь, в тайге, слушая под мягкий и ласковый шум леса откровения Ульяны, Анастасия Фёдоровна вновь вспомнила о своём разговоре с мужем.

Пока Ульяна рассказывала, Анастасии Фёдоровне казалось, что всё пережитое её юной подругой происходит с нею самой. Это не Ульяна, а она, Анастасия Фёдоровна, идёт из тайги в деревню в лучистое раннее утро марта. Это она, задыхаясь от волнения, не чувствуя под собой ног, подымается на высокое крыльцо клуба. Это она спешит в тайгу, покрывая огромные расстояния в два раза быстрее, чем остальные охотники. А молодой строгий учитель? Не инструктор ли он уездного комитета комсомола Максим Строгов?

Давно уже Анастасия Фёдоровна не воспринимала жизнь так трепетно. От блеска солнца, от обилия воздуха, а главное – от волнения, пробуждённого в ней рассказом Ульяны, она чувствовала головокружение. «Максим прав: надо быть не старше своих лет, тогда душа всегда будет молодой», – думала она.

С первой минуты знакомства с Ульяной Анастасия Фёдоровна почувствовала к девушке глубокое расположение. Теперь Ульяна стала ей близкой и дорогой. Анастасия Фёдоровна чувствовала, что где бы ни жила, что бы с ней ни происходило, она не оставит Ульяну. Всё, что будет совершаться в жизни Ульяны, всё будет искренне её занимать и трогать.

– Уля, когда вы будете приезжать в город на зачётные сессии, вы будете жить у меня. Хорошо, Уля? Мы с вами побываем в театрах, ходим в художественный музей.

– Ой, спасибо вам, большое спасибо, Анастасий Фёдоровна!

– Я познакомлю вас с моими ребятами и с мужем. А если захотите, научу бальным танцам. Вы не смотрите, что я такая большая, я лёгкая и подвижная, – простодушно похвасталась Анастасия Фёдоровна.

Рассказ Ульяны о себе пробудил в ней желание быть такой же откровенной и доверчивой, какой была перед ней девушка.

– Да я же вижу, какая вы! Вы... вы... как красавица артистка! Смотришь на вас, а душа ко всему хорошему и светлому рвётся!

– А я с вами, Уля, моложе стала. Это оттого, что вы вся лучистая, как солнышко...

Они растерянно замолчали, слегка испуганные своими откровенными признаниями.

– Вот мы и объяснились с вами в любви, – нарушая молчание, сказала Анастасия Фёдоровна и засмеялась тихим счастливым смешком.

– Анастасия Фёдоровна! – горячо отозвалась Ульяна. – Называйте меня на «ты»...

– Ну хорошо! Пусть будет по-твоему, – согласилась Анастасия Фёдоровна.

4

Тропа, по которой они шли, змейкой взбежала на крутой холм, поросший редкими лиственницами и густыми зарослями колючего шиповника. Когда они поднялись на гребень, перед ними открылась обширная долина. Она начиналась от холма узкой стометровой горловиной и постепенно разбегалась вширь. Окончание долины упиралось в озеро, которое лежало подковой между лесистыми холмами. Это и было Синее озеро, о котором рассказал Анастасии Фёдоровне старый Марей. Вокруг долины и за холмами, сжимавшими её на многие десятки километров, тянулись леса: сосна с редкой примесью пихтача и ельника. Прибрежные холмы были покрыты тёмной кедровой шубой с белой березняковой оторочкой по подножию. Долина ярко зеленела. Трава здесь была гуще, чем в других местах Улуюльской тайги. Всюду виднелись завязи ещё не распустившихся цветов. Анастасия Фёдоровна ступала осторожно, чувствуя, что шагает не по голой земле, а по мягкому ковру.

– Как тут красиво! – воскликнула она, окидывая взором то долину, то холмы, то изогнувшееся синее, как небо, поблёскивающее озеро. Ульяна молчала, улыбались одни глаза. Не было ещё такого человека, который смог бы остаться равнодушным при виде Синего озера! Это Ульяна знала, но она знала что-то ещё. В глазах её метались золотистые искорки смеха, и лукавое выражение лица говорило: «Это ещё не всё!»

Они стали подниматься на холм. Ульяна ловко взбиралась на крутой увал, протягивала руку Анастасии Фёдоровне и помогала ей. Когда они поднялись наконец на вершину холма, Ульяна вывела Анастасию Фёдоровну к самому обрыву. Отсюда открывался вид на всё Синее озеро.

– Прислушайтесь!

Но Анастасия Фёдоровна уже слышала, она только не могла понять, откуда доносятся эти необычные звуки. Тонкий непрерывный звон стлался над водой и лесом. Ветерок то ослаблял, то

усиливал его. Анастасия Фёдоровна заглянула под яр в прозрачную воду озера и перевела взгляд, полный недоумённого восхищения, на Ульяну.

– Что это за оркестр, Уля? – тихо спросила она, боясь, что от её голоса этот звон, ласкающий слух, может исчезнуть.

Ульяна посмотрела на неё, втайне испытывая наслаждение от недоумения Анастасии Фёдоровны, и загадочно сказала:

– А звенит наш оркестр без перерыва сотни лет.

Анастасия Фёдоровна опустила руки, и этот жест передал её состояние: она не в силах была разгадать загадку.

– Это звенят, Анастасия Фёдоровна, ручьи. Они падают в озеро прямо с яра, и каждый из них несёт с собой свою песню.

Анастасия Фёдоровна снова подошла к обрыву и заглянула под яр.

– Отсюда ничего не увидите, – предупредила Ульяна. – Лучше сделаем так: привал на ночёвку у нас будет на этой площадке. Все вещи оставим тут. После отдыха можно осмотреть берега озера.

– А ты очень устала? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Я-то? Что вы! Я о вас беспокоюсь!

– А мне не терпится, Уля, – сказала Анастасия Фёдоровна. – Не терпится! – повторила она.

– Пойдёмте, – с готовностью предложила Ульяна.

Она сняла с плеч мешок и повесила его на сухой сучок кедра. На этот же сучок бросила своё пальто и Анастасия Фёдоровна.

– Ружьё, пожалуй, возьму с собой. Звери эти места любят.

По той же тропинке они спустились с холма в распадок. Дальше шли очень медленно. Анастасия Фёдоровна останавливалась возле каждого ручейка, осматривала его, набирала в горсть воду, пробовала её на вкус, смешно причмокивая языком. Особенно надолго они задержались у родников, сочившихся из земли. Родники пузырились, выбрасывали воду клубочками. Заболоченная поляна была покрыта ржавчиной.

Анастасия Фёдоровна, сбросив туфли, залезла в грязь. Грязь была вязкой, но чем сильнее ноги её утопали в болоте, тем явственнее ощущала она тепло. Здесь, у этих родников, и лечились улюльские охотники и рыбаки от ревматизма.

В другом месте Анастасия Фёдоровна долго ковыряла дно ручейка палкой, а потом доставала из воды щепотку земли, обнюхивала её и один раз даже лизнула. Она делала всё это сосредоточенно, увлечённо, не сказав ни одного слова. Ульяна ничем не нарушала этого сосредоточенного состояния Анастасии Фёдоровны. Девушке минутами казалось, что та забывает о её присутствии.

– Ты знаешь, Уля, какой у меня сегодня день? – заговорила Анастасия Фёдоровна, когда они направились к своему привалу. – Этот день может стать днём исполнения моей мечты. Мне кажется, что Синее озеро содержит радиоактивные грязи. Конечно, всё это требуется ещё изучить, но как бы это было замечательно! Мы открыли бы здесь курорт, свой курорт для лесозаготовителей, охотников, колхозников, учителей.

– Ой, как хорошо-то было бы! – заражаясь мечтой Анастасии Фёдоровны, воскликнула Ульяна.

Когда они, уставшие, обессиленные от длинной дороги и долгого хождения вокруг озера, пришли к месту привала, Ульяна спросила:

– Что будем готовить на ужин: дичь или рыбу?

Анастасия Фёдоровна недоверчиво покосилась на Ульяну, на её полупустой мешок, висевший над их головами, подумала: «О какой дичи и рыбе она говорит? В мешке, кроме хлеба, ничего нет».

Ульяна поймала взгляд Анастасии Фёдоровны, усмехнулась и сказала:

– На мешок вы не смотрите. В тайгу я ношу в нём только хлеб, соль да сахар. Так что же будем есть?

– Я... Я всегда предпочитаю рыбу, – несколько растерянно проговорила Анастасия Фёдоровна.

– Ну, хорошо. Тогда вы разводите костёр, а я с котелком схожу под яр в тальники. Там на блесну хорошо берутся окуни.

Ульяна вытащила из патронташа блесну, взяла котелок и, на ходу бросив Анастасии Фёдоровне коробку со спичками, исчезла за увалом.

Анастасия Фёдоровна наломала сучьев, собрала с земли сухую кедровую хвою и принялась разжигать костёр. Удалось ей это не сразу. Ветерок словно преследовал её и гасил пламя тотчас же, как только спичка загоралась. Стараясь отгородиться от ветерка, Анастасия Фёдоровна сгибалась, садилась на корточки, поворачивалась то в одну сторону, то в другую. Наконец она отчаялась, повернулась прямо на ветер и чиркнула. Спичка загорелась и не погасла. Анастасия Фёдоровна сунула её в хвою, и костёр задымил пахучим смолевым дымом. Вскоре подошла Ульяна. В котелке, наполненном водой, лежали уже вычищенные окуни.

– Быстро ты, Уля, наловила!

– Тайга – кормилица щедрая, – серьёзно сказала Ульяна.

– Как для кого, – заметила Анастасия Фёдоровна.

– Эта правда. Кто её знают, того она кормит, а неопытного человека сама может сожрать. Ну, теперь будем отдыхать, – устроив котелок на таган, сказала Ульяна и села возле костра рядом с Анастасией Фёдоровной.

Приближались сумерки. Солнце уже опустилось за лес, но над холмами горел закат. Вода покрылась багрянцем, и озеро само светилось сейчас до рези в глазах, как солнце, сошедшее на землю. На тёмной лесистой одежде холмиков играли, бегали, пересекались яркие лучи, и оттого, что они непрерывно двигались, казалось, что и деревья не стоят на одном месте, а сцепившись ветвями, пляшут в живом хороводе.

Анастасия Фёдоровна вообразила на этих холмах белые корпуса курорта. Она представила себе их так ярко, словно корпуса стояли уже на самом деле, краснея крышами, белея стенами и сияя стёклами широких окон.

Ульяна сердцем поняла, о чём думает Анастасия Фёдоровна. Указав на противоположный берег, она проговорила:

– Там, по склону холма, есть ровные площадки. Природа будто знала, что люди курорт здесь будут строить.

Анастасия Фёдоровна откинула голову и громко рассмеялась.

– Ах ты, славненькая моя!.. Площадки... Да тут, может быть, и домов-то строить не придётся.

– Придётся!

– Придётся? – в раздумье переспросила Анастасия Фёдоровна и, помолчав, продолжила: – И мне вот тоже верится, что придётся. Хотя раз я уже обожглась.

Ульяна подняла голову, заинтересованно взглянула на Анастасию Фёдоровну.

– Когда я работала в Новоюксинске, я попыталась открыть там дом отдыха. Место нашлось, пожалуй, не хуже этого. Правда, не было озера. Облздравотдел откликнулся на нашу просьбу и послал специальную комиссию. Вот комиссия-то меня и провалила. Она изучила местность, где должен был разместиться дом отдыха, и оказалось, что неподалёку есть малярийное болото. Вся работа была свёрнута, а облздравотдел поднял большой шум по поводу непроизводительных расходов. Другая бы на этом и успокоилась, а я... я с тех пор ношусь по районам и сёлам, а сама всё присматриваюсь к местам нашего края. Какая же красота у нас! Иной раз такое место отыщешь, что и на Кавказе не встретится. Да вот оно, Синее озеро! Смотри-ка, как пылает всё!

Ульяна слушала Анастасию Фёдоровну, привстав на колени. То ли от костра, то ли от бликов заката в широко раскрытых глазах её прыгали золотистые пятнышки, похожие на текущие огоньки.

– Это мечта вашей жизни? – спросила Ульяна, всматриваясь в лицо Анастасии Фёдоровны, освещённое пламенем и казавшееся ей в эту минуту особенно красивым и вдохновенным.

– Да, Уля, это моя мечта.

– Счастливая вы! У вас есть мечта жизни, а вот я стремлюсь, а всё никак не могу свою мечту ухватить! – сокрушённо проговорила Ульяна.

– Придёт ещё твоя мечта, Уля, придёт! Она сама о себе скажет. И уж тогда, хочешь или не хочешь, возьмёт власть над твоей душой.

Уля задумалась. Текущие огоньки в её глазах горели, как угольки в костре.

Ужинали не спеша и почти молча. Анастасия Фёдоровна поняла, что своими словами о мечте жизни она глубоко затронула Ульяну, настроила её на раздумье.

Стемнело. Небо опустилось, и звёзды вспыхнули над самыми макушками кедров. От озера потянуло прохладой. Звон ручьёв стал отчётливее, но дневная мелодия этого звона исчезла. В глубине леса изредка пересвистывались птички, сторожа покой ночи.

Ульяна взяла котелок, сложила в него ложки, стряхнула туда же с белой салфетки крошки хлеба и пошла к озеру, чтобы вымыть посуду и принести воды для чая.

Анастасия Фёдоровна подбросила сучьев в костёр и сидела, прислушиваясь к хрусту хвои под ногами Ульяны, к свисту птиц, к звону воды. Вот шаги затихли, и на миг Анастасии Фёдоровне показалось, что она осталась одна во всей этой бескрайной тайге. Ей стало жутко. Она подняла голову, посмотрела в темноту, слившуюся с деревьями. Вдруг с озера донёсся высокий чистый голос. Ульяна запела свободно, широко, без всяких усилий:

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его,
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.
Эхо подхватило её сильный голос и отозвалось протяжным гулом, словно пение девушки сопровождал мощный хор из многих тысяч голосов.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так рвётся ретивое
И терзается тоской. В эти слова Ульяна вложила столько страстности, что Анастасии Фёдоровне почудилось в них и отчаяние, и слёзы, и мольба. Охваченная вдруг смутной тревогой, ворвавшейся в её душу со словами песни, она поднялась с земли, сделала несколько шагов к обрыву и замерла.

Теперь ей казалось, что все звуки, жившие в тайге, смолкли. Не свистели птицы, не звенели ручьи, не потрескивали пылавшие в огне сучья. Всё, всё смолкло, оцепенев, будто прислушиваясь к голосу девушки.

Анастасия Фёдоровна чувствовала, что какая-то сила поднимает её, несёт в просторный и радужный мир. На миг ей показалось, что всё это – мерцающие звёзды на небе, притихший могучий лес, тусклый блеск воды, песня, то струящаяся, то взлетающая, – всё это сказка. Но вот Ульяна смолкла, оцепенение исчезло, тайга вновь ожила.

– Уля, где ты, Уля?! – крикнула Анастасия Фёдоровна, с радостным трепетом сознавая, что всё случившееся сейчас было жизнью.

Глава восьмая

Максим и Артём осматривали Мареевку. Максим в юности бывал во многих сёлах и деревнях Улуюлья, но здесь бывать ему не приходилось. Они не спеша прошли по улице, потом свернули в другую, упиравшуюся в кедровник. Возле одного дома братья остановились. Максим замер, любуясь чудом, которое сотворил на удивление людям безвестный мастер. Карнизы и наличники дома, калитка и ворота – всё было в узорах, выпиленных из простого теса. С большой выразительностью мастер сделал фигуры зверей и птиц.

На воротах был развёрнут целый сюжет: две собаки стремительно гонятся за медведем. Медведь уже катится кубарем, но и собакам нелегко: из пасть высунились длинные языки.

– Этот дом принадлежал скупщику пушнины Тихомирову, – сказал Артём.

Но не о Тихомирове думал сейчас Максим. Он живо представил себе мастера этих узоров, в руках которого были всего лишь долото, пила да топор. Это был самобытный талант, из числа тех, которые на удивление всей Европе умели подковать блоху. Наверняка мастер не имел не только своего дома, но и простой избы, кочевал из деревни в деревню, прозывался в народе «Завей горе верёвочкой» и мечтал всю жизнь возвести город на загляденье всему миру. Он умер, этот мастер, бобылём, его хоронили «обчеством», и только рослые гладкоствольные берёзы на тихом сельском кладбище оплакивали его одинокую могилу.

– Сельсовет? – спросил Максим.

– А вот видишь? – Артём показал на вывеску, исполненную золотом на чёрном в палец толщиной стекле: «Мареевский сельский Совет депутатов трудящихся».

Артём открыл калитку, и они вошли во двор. Половина двора была покрыта навесом из жести: крыша кое-где уже проржавела и зияла дырами. Когда-то у купчика Тихомирова под этим навесом зимовали телеги, летовали сани, хранились плуги, сенокосилки, стояли большие весы, на которых взвешивались мешки закупленного кедрового ореха. Теперь земля поросла ромашкой и лебедой. На том месте, где были весы, стоял длинный стол, а за ним тянулись три ряда крепких лиственничных скамеек. С весны и до холодов все собрания, созываемые сельским Советом, происходили здесь, на открытом воздухе, и мареевцы в шутку называли это место «летним залом заседаний».

Когда Артём и Максим вошли во двор, они увидели под навесом людей. По их непринуждённым позам сразу можно было понять: они не заседают, а просто беседуют. Однако, окинув взглядом сидящих, Максим уловил, что говорят о чём-то серьёзном, значительном и, по-видимому, не сошлись во мнениях.

– Здравствуйте, товарищи! – весело сказал Артём, увидев знакомых. – Мы вам не мешаем?

Послышался говорок: «Здравствуйте!», «Проходите!», «У нас секретов нет». В ту же минуту с крайней скамейки поднялся круглолицый бородатый человек и пошёл навстречу Артёму, обнажив в улыбке крепкие, жёлтые от табачного дыма зубы.

– А, Мирон Степаныч! Привет, дорогой! – воскликнул Артём, протягивая руку. – Ну, знакомьтесь, – Артём повернулся к брату. – Это товарищ Дегов, наше районное светило, а это представитель обкома партии.

Максим пожал руку Дегову, но его внимание привлёк человек, сидевший на дальней скамейке с краю. Он был в броднях, серых просторных штанах и в такой же серой рубашке без пояса. На голове у него была шапка-ушанка. Он маленькими зоркими глазами осматривал Артёма. Когда Артём назвал Дегова «наше районное светило»; человек вытянул шею и с усмешкой заметил:

– Ох, любит наше светило перед начальством хвостом покрутить!..

– Да будет тебе, дядя Миша! От зависти к его ордену несурзное говоришь, – вразумительно сказал кто-то.

– От зависти... – ворчливо ответил Лисицын и пристально посмотрел на Максима, как бы спрашивая его: «Ну, а ты что за птица?»

– О чём же у вас суды-пересуды были? – спросил Артём, обращаясь ко всем сразу.

– О земле, Артём Матвеич. С дружкой моим мы схлестнулись, – кивнув большой лохматой головой в сторону Лисицына, проговорил Дегов.

– Бирюк тебе дружок, – резко сдвинув шапку набок, бросил Лисицын.

– Да ты не сердись, Михайла, – с видом победителя произнёс Дегов.

– А ты не думай, что на небе одна звезда – ты, Мирон Дегов.

Льновод с ответом не нашёлся и только всплеснул руками. Все засмеялись, и в этом смехе Максиму почудилось, что симпатии собравшихся здесь людей на стороне Лисицына.

– Тут речь шла о землях. Мирон Степаныч ищет новые площади под лён, – видя недоумение Артёма, пояснил председатель сельсовета.

– Правильно делает, – сказал Артём, присаживаясь к столу.

– Спор идёт, где лучше землю взять, – продолжал председатель. – Дегов предлагает раскорчевать участок возле Синего озера, а Лисицын возражает.

– Не возражаю, а протестую! – вскочив, крикнул Лисицын.

– Ты подожди, дядя Миша, не горячись, – посоветовал кто-то.

Максим прошёл и присел на краешек скамейки.

– Дегов хотел, Артём Матвеич, за Орлиным озером осесть, да вода там глубоко, если колодец бить. Теперь он просит дать землю в районе Синего озера, – снова заговорил председатель сельсовета.

– Неужели у вас ближе земли пет? – спросил Артём.

– Земля есть, да не подходит: то заболоченная, то нераскорчёванная. А у Синего озера по долине хоть сейчас паши, – сказал Дегов.

– Ну, а Лисицын почему против? Ты что, товарищ Лисицын, в этой долине гусей думаешь разводить? – взглянув на охотника, с усмешкой спросил Артём.

Но усмешка секретаря райкома не осталась незамеченной, и кто-то сказал:

– А гуси, товарищ Строгов, тут ни при чём.

– Я не хотел обидеть Лисицына, к слову пришлось, – слегка смутился Артём.

Лисицын вышел к столу. Все напряжённо смотрели на него, опасаясь, что охотник может выкинуть какое-нибудь коленце. Но он уже «перекипел» и был совершенно спокоен.

– Про гусей вы правду сказали, – заговорил Лисицын. – Там можно разводить не одних гусей. В Синеозёрской тайге все звери и птицы паруются. Я давно своим начальникам говорю: «Наложите запрет на это место. Пусть спокойно плодится тут вся наша таёжная живность». Да только выходит: кричала баба на лугу, да луг-то пустой был...

– Я ж тебе говорил, Михайла Семёныч, – с раздражением в голосе сказал председатель, – не можем мы этого вопроса сами решить! Не в нашей это власти! Синеозёрская тайга только до озёр наша, от озёр и дальше хозяин ей – государство.

– Ну, а государство – оно чужое или рабочих и крестьян? – щурясь, с ехидцей в голосе спросил Лисицын.

– Знаешь что, Михайла Семёныч, – заволновался председатель сельсовета, – ты мне экзамена по политграмоте не устраивай. Я ещё в сорок втором году в боях на Волге политшколу прошёл.

– Ты, Тихон Савельич, меня не кори. Я за Советскую власть воевал, когда тебя ещё мать кашей кормила.

– Не о том вы, мужики, речь завели, – тоном осуждения сказал кто-то.

Послышались отовсюду голоса:

– Справедливо говорит Лисицын! За охотничьими угожьями тоже догляд нужен.

– Об этом у нас догадаются, когда зверя и птицу переведут!

– Я думаю, Севастьянов, – обратился Артём к председателю сельсовета, – вам следует этот вопрос подработать покрепче. Надо сделать так, чтобы Мирон Степаныч получил все условия. Орден Ленина он заработал. Это хорошо. Теперь он должен стать Героем Социалистического Труда.

– Так задачу и понимаем, Артём Матвеич. В воскресенье сессию сельского Совета по льну проводим, – сказал Севастьянов. – Тут у нас и беседа-то возникла в порядке подготовки вопроса.

– Учтите, что спрашивать с вас за лён будем строго. Понял, Севастьянов?

– Как не понять!

Некоторые участники беседы, увидев, что прежний разговор больше не возобновится, поднялись со своих мест.

Дегов подошёл к Артёму, пригласил его вместе с представителем обкома к себе на чашку чая. Артём, вспомнив своё обещание Максиму поближе познакомиться с Деговым, согласился:

– Можно, Мирон Степанович, побывать у вас, время есть.

Он направился к Максиму, чтобы передать тому приглашение льновода. Но пока Артём разговаривал с председателем, Максим подошёл к Лисицыну и теперь о чём-то заинтересованно расспрашивал его.

– Ты иди, Артём, пока один, а я скоро подойду. У меня ряд вопросов имеется к товарищу Лисицыну, – произнёс Максим, когда Артём передал приглашение Дегова.

Артём рассказал брату, как найти дом льновода, и ушёл.

Лисицын, проводив взглядом Дегова и секретаря райкома, посмотрел на Максима весёлыми глазами.

– Пойдёмте, товарищ представитель, ко мне. Вы ловушками интересуетесь. Кое-что у меня есть дома. Покажу.

По голосу Лисицына Максим почувствовал, что охотнику очень хочется, чтоб «представитель обкома» посетил его. Правда, Максима ловушки интересовали меньше всего. Ему важно было расспросить охотника, что он думает о запрете на Синеозёрскую тайгу и какие выгоды, по его расчётам, может принести этот запрет.

– Ну что же, пойдёмте. Вы далеко живёте?

– А мы огородами. Близёхонько.

Лисицын так ловко перескакивал через изгороди, что Максим едва успевал за ним. Охотник широко расставлял руки, опирался на них, легко подпрыгивал, и ноги его описывали полукруг. Им пришлось преодолеть не менее десятка изгородей и заборов, пока они вошли в огород Лисицыных. Максим с улыбкой подумал: «Охотники, как птицы, кривых дорог не любят».

Максим не знал, что Лисицын повёл его огородами с тайным умыслом. Путь к его дому улицей лежал мимо усадьбы Дегова. Льновод, завидев представителя обкома, чего доброго, зазвал бы его к себе раньше времени. А ведь не часто в Мареевку наезжали руководители из области, да тем более такие, у которых пробуждался интерес к промысловым делам.

Не доходя нескольких шагов до калитки, соединявшей огород Лисицына с двором, Максим на мгновение остановился: в полуоткрытой калитке промелькнула женщина в пёстрой косынке и в зелёном платье, как у жены. «Тоскую... Утром о ней дважды вспоминал», – подумал он и пожалел, что Настенька далеко. В этот ясный день, на таком просторе хотелось побыть вместе.

Войдя во двор, Максим остолбенел. На крыльце рядом с высокой русой девушкой стояла его жена. Рукава её зелёного платья были засучены. В одной руке она держала нож, а в другой –

остроносою желтобрюхую стёрлядку. Анастасия Фёдоровна и девушка о чём-то разговаривали, пересмеиваясь и переглядываясь. Женщины были увлечены своим делом и на появление во дворе Лисицына и Максима не обратили внимания.

Максим остановился на нижней ступеньке, шутливо подбоченился и громко сказал:

– Что это привидение, мираж? Откуда ты взялась?

Анастасия Фёдоровна подняла голову и кинулась к Максиму.

– Максим! Ты так нужен, я о тебе только что вспоминала!

Лисицын и Ульяна стояли в полном недоумении.

– Уленька, Михаил Семёнович, знакомьтесь – это мой муж, Максим Матвеич. – Анастасия Фёдоровна была счастлива и счастья своего не скрывала.

– Да мы уж знакомы! Но для порядка можно познакомиться ещё раз, – усмехнулся Лисицын и подал руку Максиму.

– Где вы его зацепили, Михаил Семёнович? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Сказать вернее, он меня зацепил. Мы в сельсовете в «летнем зале» спор о землях вели. А они с секретарём райкома в этот час и подъехали. Ну, того, конечно, кум мой, Мирон Дегов, сразу в полон взял. А Максим Матвеевич подошёл ко мне, спрашивать стал о наших таёжных делах... Уля, где мать-то? Надо стряпню-то пошевелить.

– Знаем, тятя, без команды, что делать, – лукаво взглянув на отца, отозвалась Ульяна.

– Это Максим, подружка моя, Уля. Охотница, студентка, певица и, как видишь, красавица, – сказала Анастасия Фёдоровна, когда Максим поднялся на крыльцо.

– Вы уж наговорите, Анастасия Фёдоровна! – зарделась Ульяна.

– Садитесь, Максим Матвеич, – пригласил Лисицын, вынося из дому окрашенную в голубой цвет табуретку.

Максим ласково посмотрел на жену.

– Ну, встреча!.. Не ожидал, Настенька, не ожидал...

– А у меня, знаешь, Максим, сегодня с утра сердце ёкало. Мы с Улей слышали, как машина прошумела. Я даже к воротам побежала посмотреть, да было уже поздно.

– Судьба! От судьбы не уйдёшь, – поглядывая то на Максима, то на Анастасию Фёдоровну и разводя руками, произнёс Лисицын.

– Судьба? – засмеялся Максим.

– По моим соображениям, – многозначительно посмотрев на Лисицына, сказала Анастасия Фёдоровна, – это хорошая примета, и сулит она нашим делам полную удачу.

– Уж это так! – поддержал Лисицын.

– Да у вас заговор какой-то! Что же делать нам с Улей? – засмеялся Максим.

– Улю не трогай. Она в союзе с нами, а вот о себе подумай, – сказала Анастасия Фёдоровна.

– Ты загадками говоришь, Настенька.

– Это всё шутки, Максим, а если всерьёз, то у нас с Михаилом Семёновичем есть предложение, – помолчав, заговорила Анастасия Фёдоровна. Она отложила нож и отодвинула от себя разделанную рыбу. – Ты что-нибудь о Синеозёрской тайге знаешь?

– Кое-что слышал.

– А я только сегодня оттуда, Максим. Более красивых мест я не встречала!

– Мест красивых много, Анастасия Фёдоровна, – вступил в разговор Лисицын. – Есть по Улюлюлю места не хуже Синего озера, а вот таких же обильных мест больше нету. С молодости я приметил, что плодятся и зверь и птица собираются в эту тайгу. Вначале никак я не мог понять, за что живность любит Синеозёрскую тайгу, а потом раскумекал: тишь, глушь, богатые корма и местность отменная. Всё тут есть: и вода, и травянистый луг, и чащоба, и разнолесье. Молодь, как появится на белый свет, обучится тут житейской премудрости и потом уж – айда кто куда хочет! Раньше, ещё при старом режиме, мы как охотились? Бей, стреляй. Ты не убьёшь зверька – другой его пристрелит. А по нынешним временам так охотиться нельзя. Зверь и птица счёт имеют. Начни их выбивать без оглядки, на нет переведёшь. Нынче охотишься, а сам думай: а кого тебе придётся на будущий год добывать?

Лисицын передохнул, вытащил из кармана широких серых штанов записную книжку в затёртых корочках и, полистав её, начал выкладывать свои подсчёты прироста «таёжной живности» в случае, если Синеозёрскую тайгу сделать заповедной.

Максим слушал Лисицына, всматриваясь в его облик. Наверное, охотник многим показался бы человеком примитивным. Но это было не так. Лисицын говорил убеждённо, и Максим чувствовал, что все его мысли выстраданы за долгие годы большой и трудной жизни, всё он не раз подсчитал, взвесил в часы долгих раздумий. Вспомнился лесообъездчик Чернышёв. У того тоже была своя горячая мечта.

– Что же вы, Михаил Семёнович, обращались куда-нибудь со своими соображениями? – спросил Максим, когда Лисицын высказал все доказательства до конца.

– Дальше сельсовета и района, Максим Матвеевич, не стучался.

– Ну и как?

– Сами видели, – невесело засмеялся Лисицын.

«Что же это Артём-то?» – подумал Максим.

– А теперь я тебе, Максим, доложу. Слушай-ка, – сказала Анастасия Фёдоровна и, сев напротив мужа, рассказала о встрече с Мареем, о посещении Синего озера, о своих предположениях относительно целебных свойств родников.

– А люди, которые действительно излечивали на Синем озере ревматизм, известны тебе? – спросил Максим.

– Известны! – ответила Анастасия Фёдоровна.

– Кто они и где они?

– Вот, например, Михаил Семёнович Лисицын, – кивнула она на охотника, молча раскуривавшего трубку.

Максим посмотрел на жену, и взгляд его серых глаз был ей дороже всяких слов. «Да, тебя сразу не собьёшь! Молодец, вооружайся фактами, без них не победишь!» Так поняла она этот взгляд и знала, что поняла правильно.

– Два года, Максим Матвеич, я сиднем сидел, думал: ну, конец, отходил своё! – заговорил Лисицын. – А потом Уля с Ариной посадили меня в лодку и увезли к Синему озеру. Через месяц в Мареевку своими ногами пришёл. В прошлом году праздновали пятидесятилетие нашего колхоза, так я в клубе всех молодых переплясал.

Лисицын засмеялся, проворно прошёлся по крыльцу, притопывая ногами, повёртывая ступни туда-сюда.

– Носят! Носят, любезные!.. А всё Синее озеро. Без него наш брат, рыбак да плотовщик, давно бы окочурился.

В дверь выглянула Ульяна. Убрав вычищенную рыбу в погреб, она поспешила в дом на помощь матери. В горнице накрыла белой скатертью широкий стол, разместила на нём закуски, посуду, поставила графины с настойками и пошла звать гостей.

Арина Васильевна хлопотала в кути. В печи попевали на обширных жестяных листах большие пироги с нельмой.

Лисицын взял Максима и Анастасию Фёдоровну под руки и торжественно повёл в дом. Тут он первым делом вызвал Арину Васильевну из кути и представил её Максиму.

Арина Васильевна вышла сконфуженная, с лицом, запачканным мукой, и с укором поглядела на мужа, затеявшего преждевременное знакомство.

Лисицын засуетился около стола: переставлял посуду, с шутками разливал вино по рюмкам и стаканчикам.

За столом пожалели, что не может сесть вместе со всеми Марей Гордеевич. По настоянию Анастасии Фёдоровны его привезли к Лисицыным, и он лежал сейчас на кровати, отгороженной тесовой побелённой переборкой.

Когда Лисицын наполнил рюмки, Ульяна, переглянувшись с Анастасией Фёдоровной, сказала:

– Давайте выпьем за то, чтоб всё задуманное исполнилось.

– Это как понять? – спросил её отец.

– А так, тятя: задумал ты Синеозёрскую тайгу заповедной сделать – пусть сбудется. Задумала Анастасия Фёдоровна курорт открыть – пусть это случится...

– Хорошо, Уля! Хорошо! – закричал Лисицын. – Это ж прямо в самую точку!

Подняла свою рюмку и Анастасия Фёдоровна. Только Максим продолжал сидеть с опущенной рукой. Все посмотрели на него, как бы говоря: «Ну, что же, ждём!»

– Да-а... – протянул Максим и взглянул на девушку. – Задали вы мне, Уля, задачу! Вот какое дело, товарищи, есть решение облисполкома об отводе Синеозёрской тайги под вырубку...

Ульяна тихо охнула, а Лисицын быстро поставил рюмку на стол, расплескав вино.

– Под вырубку?! – хрипло переспросил он, словно кто-то стиснул ему горло. – Не будет этого! Советская власть не допустит! Ни за что не допустит!

3

В этот же день, под вечер, Максим направился вместе с Артёмом, который отыскал его у Лисицына, в гости к Мирону Степановичу Дегову. Льновод жил в большом крестовом доме, срубленном из отборных лиственничных брёвен. Стоял дом неподалёку от обрывистого берега.

Пока они неторопливо шли по Мареевке, Артём то и дело заглядывал Максиму в лицо, без умолку говорил негромким доверчивым голосом:

– Когда у меня выпадают свободные часы, люблю я читать в журналах критические статьи о книгах наших писателей. Временами дельные вещи попадают. Иной раз читаешь про одну какую-нибудь книгу, а мысленно охватываешь взором и свою жизнь, и жизнь знакомых людей. Нелёгкая это штука – написать о нашем современном человеке сущую правду. Вот возьми, к примеру, Дегова. Передовой человек, новатор сельскохозяйственного производства, а присмотришься к нему – и многое в нём поразит тебя.

Недавно был у меня его старший сын, просил, чтобы повлиял я на отца. Не хочет старик отпускать его из семьи, держит всех под своей властью. Попытался я разговаривать с отцом. «Не пора ли, говорю, Мирон Степанович, сыновей из-под своего крыла выпускать?» Так ты понимаешь, Максим, он и слушать не хочет. «Нас, говорит, у отца было не три, а пять сыновей, и все вместе жили. Двадцать семь человек за стол садились. Вот какая семейка была! И ничего! Люди с сумой по миру ходили, а мы всегда свой хлеб ели».

Я попытался убеждать его, что теперь, мол, другая жизнь, не обязательно всем сыновьям и внукам в одном доме тесниться. Он и на это свои доводы имеет. «Оттого, говорит, что Деговы большим семейством живут, колхозному делу и Советскому государству только польза одна. В своём семействе я сам за каждым догляд имею. Недаром же никто ещё из Деговых не слышал поправок от колхозного правления или бригадиров». В разговоре со мной старик пустился в такую философию, что я, по правде сказать, немножко растерялся. Дегов считает, что в будущем, при коммунизме, люди будут жить большими семьями.

– Что же, это вполне возможно, – произнёс Максим, с интересом слушавший всё, что говорил Артём. – Конечно, семья, как первичная ячейка разумного человеческого общества, получит

большое развитие. Материальные условия общества и высокий уровень сознания людей помогут этому.

– Это всё так, – согласился Артём. – Но Дегов считает, что во главе таких семей будут стоять своего рода старейшины.

– Ну, это уж он приспособливает свои теоретические представления к собственной практике, – весело рассмеялся Максим.

Братья подошли к дому Дегова. Старик встретил их у ворот. Он был одет по-праздничному: в хромовых сапогах, суконных брюках, в длинной вышитой рубаше под чёрным крученым пояском. Окладистая борода «лопатай» и длинные волосы на голове были тщательно расчёсаны и слегка помазаны маслом.

– Здравствуйте, Максим Матвеич, здравствуйте, – заговорил Дегов неторопливым, степенным голосом, каким говорят люди старые, опытные, понимающие своё превосходство над более молодыми. – Вот уж не думал, что вы единокровный брат Артёма Матвеича, – продолжал Дегов, крепко, по-молодому сжимая руку Максима. – Давеча, когда увидел вас обоих во дворе сельсовета, решил: с разных кустов ягоды. А теперь вижу: только масть не совпадает, а в облики много схожего. Глаза вон у одного цвета чёрной смородины, у другого – как небо, а смотрят почти одинаково. Кто же у вас удался в мамашу, а кто в папашу?

– Артём в мать, а я в отца, – сказал Максим, про себя удивляясь вниманию Дегова к внешнему облику людей.

– Пойдёмте в дом, что ж возле ворот стоять? – пригласил Дегов, берясь за кольцо тёсовой калитки.

Двор Дегова был опрятен и уютен. От ворот до самого крыльца в густой траве был проложен узкий, в три стёсанные жерди, тротуарчик; к амбару, стоявшему в дальнем углу продолговатого двора, обнесённого высоким бревенчатым забором, тянулась дорожка, посыпанная песком и пёстрой галькой. Рубленное из плах некрашеное крыльцо сияло чистотой и свежестью. Ступеньки были выскоблены, а точёные фигурные перила чисто вымыты.

– Здесь всегда так аккуратно? – тихо спросил Максим брата, пользуясь тем, что Дегов шёл на несколько шагов впереди них.

– Беспорядка никогда не видел, хотя бываю часто, – ответил Артём.

Дегов услышал разговор и, не оборачиваясь, сказал:

– При колхозной жизни, Максим Матвеич, наши крестьянские дворы совсем стали другими. Прежде мы в грязи и навозе утопали. Теперь скот большей частью на фермах содержится, за селом. Дух-то у нас во дворах куда здоровее стал, опять же и мух поубавилось.

– И ещё одна причина есть, Мирон Степаныч: у хороших хозяев в колхозах навоз цену приобрёл, – заметил Артём.

– Истинная правда, Артём Матвеич. К примеру сказать, куриный помёт. Я у хозяек его слёзно выпрашиваю. До шести центнеров на гектар мне его требуется. Да по десять тонн перегноя, по

восемь центнеров золы на каждый гектар закладываю. Сильно-то таким добром разбрасываться не станешь. А если вздумаешь без этого обойтись, то и урожая не получишь.

– Правильно, Мирон Степаныч! – горячо воскликнул Артём, про себя подумав: «Вот бы каждый колхозник был с таким сознанием! В два-три года мы бы все довоенные успехи в сельском хозяйстве превзошли».

В доме Деговых было так же уютно, чисто, как и во дворе. Даже не верилось, что в этом доме живёт семейство из восемнадцати человек, среди которых есть и старики и малолетние.

Дегов провёл Максима и Артёма в крайнюю комнату. Она была меблирована по-городскому: полумягкие дубовые стулья, книжный шкаф со стеклянными дверцами, широкая кровать с никелированными шарами на спинках, фабричный коврик на полу.

Весь простенок между окон, выходивших к реке, был занят большим листом белой бумаги, на которой были наклеены портреты Дегова, вырезанные из газет, почётные грамоты от районных и областных организаций, указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Трудового Красного Знамени и орденом Ленина.

Заметив, что Максим присматривается к этому листу с вырезками и грамотами, Дегов смущённо сказал:

– Внуков проделки. Пусть, говорят, дедушка, знают все, какой ты у нас герой.

– А где же ваше семейство? – спросил Максим. – Пусто в доме.

– На работе все. Как раз нынче подкормку льна производим. За домом доглядывает сноха – жена старшего сына. Сам я уж пять лет как овдовел.

– А внуки, Мирон Степаныч? И их что-то не слышно, – заметил Артём.

– Я велю, Артек Матвеич, и внуков на поля возить. Не для работы, конечно, а так, чтоб с малолетства к нашему крестьянскому труду приглядывались и полевым воздухом дышали. Мой-то родитель чуть не с пелёнок меня на пашню возил.

– Правильно делаешь, Мирон Степаныч! – опять горячо воскликнул Артём.

– Верю я, Артём, что вырастут у Мирона Степановича внуки настоящими земледельцами, – сказал Максим, продолжая осматривать строгое убранство дома Деговых.

– А как же иначе, Максим Матвеич! Нам крестьянское занятие от дедов и прадедов перешло. И любить мы его должны пуще всего на свете. Я сам-то про себя иной раз так думаю: не было б для меня кары большей, чем оторвать от земли. Погиб бы я без крестьянской работы, как рыба на берегу. Ксюша! Ксюша! – вдруг громко позвал Дегов.

В дверях появилась миловидная женщина в ситцевом опрятном платье, в фартуке, повязанная платком. Она поздоровалась с Максимом лёгким наклоном головы и обратилась к Дегову:

– Вы звали меня, папаша?

– Звал, Ксюша. Ладно ли, что мы гостей одними речами потчует? – добродушно усмехаясь, спросил Дегов.

Максим понял, что Ксюша и есть жена старшего сына Дегова и что порядок и чистота в этом доме созданы её заботливыми руками. «Какая прилежная», – подумал он.

– Проходите, папаша, – сказала она, – всё на столе. – И пригласила Артёма: – Проходите, Артём Матвеич, проходите с товарищем.

– Это, Ксения Платоновна, не товарищ, а мой родной брат – Максим Матвеевич.

– А я сразу поняла, – улыбнулась Ксюша, – что вы не чужие, только спросить постеснялась.

Когда братья сели за стол вместе с Деговым, Максим вспомнил о споре, происходившем во дворе сельсовета.

– Спор этот не новый, Максим Матвеич, – начал рассказывать Дегов. – До колхозной жизни мы с Михайлой Лисицыным были в такой дружбе, что водой не разольёшь. А теперь вот как сойдёмся вместе, так и пошло!.. Я – слово, он – два, я – десять, он – двадцать! Ещё такой человек на свете не живёт, который его мог бы переговорить. Да не слова, а дело красит человека.

– На язык Лисицын остёр, это верно, Мирон Степаныч, а только и дела у него неплохи. Немалую он прибыль даёт колхозу своим промыслом, – сказал Артём.

– Звону больше того, Артём Матвеич. Любит Михайло на кустах таёжную живность подсчитывать. А ей, живности-то, соли на хвост не насыплешь. Орехи и ягоды не уродились, она вспорхнула с дерева – только её и видели. Я и сам охотой пробовал заниматься, да, слава богу, не успела она меня затянуть навечно.

– Недороды, милейший Мирон Степаныч, и в сельском хозяйстве, к сожалению, бывают, – покачал головой Артём.

– Согласен. А только я смотрю на дело, Артём Матвеич, так: если власть над землёй твоя – всегда своё возьмишь. Вспомни-ка, какая в прошлом году сухая весна была, а я обещал по шесть центнеров семян и по двадцать семь центнеров тресты с гектара снять – и снял!

– Теперь, Мирон Степаныч, дело прошлое, могу признаться – вся душа у меня за тебя изболелась. Думал я, не вытянешь своего обязательства. Секретарь обкома Ефремов как-то позвонил, спрашивает: «Как Дегов?» – «Шатается, говорю, Иван Фёдорович!»

– Работал до упаду, Артём Матвеич. Сам не спал и другим отдыха не давал. Три раза только прикатывание острорёбрым катком по посевам проводил, чтоб прошёл через сухую корку земли воздух к проросткам.

Дегов, что называется, сел на любимого конька. Он принялся подробно рассказывать братьям о всех трудностях, которые пришлось преодолеть, чтобы наконец получить высокий урожай.

Максим слушал Дегова с большим вниманием. Он слабо представлял, как выращивается лён. Артём хотя и знал технологию льноводства и всё, что пришлось пережить и перечувствовать Дегову, но так любил и почитал его, что слушал рассказ старика с тем наслаждением, с каким слушают любимую песню, если даже её исполняют в сотый раз.

Артём смотрел на Дегова ласковыми внимательными глазами, и сухощавое смуглое лицо его становилось то строгим и сосредоточенным, то задумчивым, то сердитым, то озарялось сдержанной, умной улыбкой.

Пока говорил Дегов, Артём не произнёс ни одного слова, но и без этого, лишь по выражению лица Максим мог понять мысли и чувства, которые владели братом. Когда Дегов закончил свой рассказ, Артём, сидевший напротив Максима, оживлённо заговорил:

– Чем не повесть, Максим? Тут один писатель приезжал из Высокоярска записать рассказы Мирона Степаныча. Обещал в областном альманахе опубликовать. Ждём. Пока что нету.

– Ты бы ему, писателю-то, лучше посоветовал лето на полях вместе с Миром Степановичем поработать.

– Предлагал. «Не могу, говорит, творческие планы не позволяют». Вот как альманах появится, обяжу всех секретарей партийных организаций читку на полях с колхозниками провести. Пусть опыт перенимают. А тебя, Максим, по-братски прошу заинтересоваться в обкоме моей докладной.

– Докладной? О чём?

– На имя Ефремова докладную записку написал. Ставлю вопрос о подъёме сельского хозяйства Улуюля. Прошу триста семей переселенцев, опытную льноводческую станцию, одну МТС, льномолотильные и льнотеребильные машины.

– Ещё бы, Артём Матвеич, минеральных удобрений попросить. Хороша для наших земель аммиачная селитра, – вставил Дегов.

– И об этом в докладной есть.

– Насчёт переселенцев и машин – это ты совершенно правильно. А где ты думаешь переселенцев размещать?

– Сначала у меня была мысль разместить их по разным колхозам, а теперь я склоняюсь к тому, чтобы отвести им целиком долину возле Синего озера.

– А не столкнутся здесь интересы сельского хозяйства с интересами охотников и рыбаков?

– Возможно, и столкнутся. Я думаю, победит то, что более жизненно и перспективно. Охотников у нас десятки, а земледельцев – тысячи, – сказал Артём.

– Ну, видишь ли, это решение чисто механическое. – Максим задумался. – А нельзя ли всё увязать?

Проговорили до полуночи. Расставаясь, условились встретиться утром. Дегов пригласил Строговых поехать с ним посмотреть посевы на полях и побеседовать с колхозниками на стане.

Максим сидел в своём кабинете – просторной угловой комнате на третьем этаже здания обкома партии. В раскрытое окно ночной ветерок приносил через десятки уснувших кварталов свежесть полей и запахи молодых трав. Горизонт был подёрнут лёгким багрянцем. Стоял тот час, когда кончалась короткая ночь и начиналось длинное летнее утро.

Взяв в партколлегии «Дело члена ВКП(б) Краюхина Алексея Корнеевича», Максим перечитывал протокол заседания райкома и заявление самого Краюхина.

Прав ли был Краюхин или не прав в оценке возможностей Улуюльского края, гадать было трудно, но пройти мимо его предложений, отмахнуться от них Максим не смог. Читая «Дело Краюхина», он достал из стола ученическую тетрадь, исписанную крупным почерком лесообъездчика Чернышёва, потом вынул из портфеля записи своего отца, наблюдавшего за молодым кедровником, и долго листал их. «Не есть ли это новые проблемы нашего хозяйства, которые рвутся к жизни, ищут выхода?» – думал Максим.

Недавно он вызвал секретаря и продиктовал письмо на имя директора научно-исследовательского института. В письме Строгов просил директора института незамедлительно дать краткую характеристику Улуюльского края, необходимую обкому для решения ряда хозяйственных вопросов.

Вместо краткой характеристики Максиму передали стопку бумаги, прошитую суровой ниткой. На заглавном листе значилось: «Стенограмма заседания учёного совета научно-исследовательского института по вопросу принятия краткой характеристики Улуюльского края в связи с запросом обкома ВКП(б)».

Прочитать стенограмму днём Максиму не удалось. С утра было совещание, потом пришлось принимать посетителей: секретарей райкомов, парторгов и инженеров леспромхозов, работников лесных трестов. В восемь часов вечера открылось заседание бюро обкома, продолжавшееся свыше четырёх часов. Лишь глубокой ночью Максим взялся за стенограмму. Он читал её увлечённо, представляя обстановку, царившую на этом заседании. Стенограмма выглядела так:

«Водомеров. Позвольте считать открытым заседание учёного совета. На повестке дня один вопрос: принятие краткой характеристики Улуюльского края в связи с запросом обкома партии. Пожалуйста, Захар Николаевич, ваше слово.

Великанов. Я не буду касаться истории вопроса, поскольку это совету известно, а сразу оглашу проект нашего ответа обкому партии.

«На ваш запрос о перспективности Улуюльского края институт находит возможным сообщить следующее:

1. В области геологии и полезных ископаемых.

Геологическое строение Улуюльского края изучено недостаточно, но тем не менее имеющиеся данные с полной определённой дают основание считать это строение крайне однообразным, сложенным из мощных позднейших рыхлых, горизонтально залегающих формаций третичного и четвертичного периодов. Древние породы палеозойской эры на территории Улуюльского края не прослеживаются. Это обстоятельство указывает на то, что, по-видимому, складчатая постель палеозоя погружена на практически недостижимую при настоящем техническом уровне глубину. Следовательно, вопрос о наличии полезных ископаемых обусловлен этой особенностью геологии края и практически может рассматриваться в плане использования полезных ископаемых нерудного характера для строительных целей (глина, пески, краски).

2. В области почв и растительности.

Почвенный покров Улуюльского края достаточно мощный, по преимуществу подзолистый. Суглинистые почвы открывают широкие возможности для внедрения в сельское хозяйство Улуюльского края технических культур (главным образом льна). Наличие чернозёмных площадей обуславливает развитие зерновых культур. Следует указать, что почвы Улуюльского края изучены также недостаточно.

Леса Улуюльского края составляют его основное богатство и представляют неограниченные возможности для развития лесной промышленности. Травянистый покров позволяет серьёзно увеличить долю животноводства в сельском хозяйстве Улуюлья.

3. В области водных ресурсов.

Густая речная сеть края позволяет широко развить эксплуатацию лесных массивов и использовать реки как пути сплава и средства связи и сообщения.

В крае существует большое количество материковых водоёмов, но режим вод и животный мир их не изучены и определить промысловое значение этих водоёмов в настоящее время затруднительно».

Таков проект характеристики, который научное руководство института вносит на ваше рассмотрение.

Водомеров. Есть ли какие вопросы к Захару Николаевичу? Прошу, товарищи, не терять зря времени.

Рослов. Очевидно, вопросов нет. Целесообразно приступить к обсуждению.

Водомеров. Пожалуйста. Кто желает выступить?

Бенедиктин. Если позволите, Илья Петрович, то мне хочется выразить своё мнение.

Водомеров. Прошу вас, Григорий Владимирович.

Бенедиктин. Товарищи, задачу, которую поставил перед институтом обком ВКП(б), запросив краткую экономическую характеристику Улуюльского края, надо рассматривать как задачу исключительно ответственную. Что значит дать научную характеристику такого обширного края, как Улуюлье? Это значит вооружить областной комитет партии ясным представлением тех конкретных возможностей, которые уже сегодня-завтра могут быть использованы для дальнейшего развития народного хозяйства области.

Самое опасное в такого рода документе – преувеличение. Характеристика не преувеличивает возможностей края, она и не преуменьшает их. Таким образом, этот документ даёт строго объективную картину действительного положения вещей и является серьёзным научным достижением нашего института.

Пользуясь случаем, я хочу рассказать здесь о том, как протекала работа над созданием этого документа. Полагаю, что для многих, особенно молодых научных сотрудников, присутствующих на заседании учёного совета, будет особенно поучительно выслушать моё сообщение.

Мне выпала, товарищи, прямо скажу, великая честь работать в комиссии, которая под руководством Захара Николаевича столь плодотворно трудилась в течение нескольких дней над созданием характеристики Улуюлья. За эти напряжённые дни я лично и некоторые другие научные сотрудники прошли под руководством профессора Великанова замечательную школу практической научной работы. Начальный вариант характеристики занимал свыше тридцати страниц текста. В нём содержалось много произвольных утверждений, и в силу этого его научная ценность была сомнительной. Теперь характеристика уместилась на двух страницах. Захар Николаевич Великанов, редактировавший окончательный вариант характеристики, освободил её от всех ненаучных положений, строго отобрав лишь то, за что институт может отвечать перед государством и партией социалистической совестью всех своих научных работников.

Ещё будучи студентом, я хорошо усвоил то положение, что воздухом пауки являются факты. (Голос: «Желательно высказываться по существу!») Мне странно слышать такую реплику! Разве вопрос о приёмах и стиле научной работы не есть вопрос о существовании науки?

Водомеров. Продолжайте, Григорий Владимирович...

Бенедиктин. Итак, я хочу сказать, что, издавна зная, что воздухом науки являются факты, я впервые в работе с профессором Великановым ощутил это практически. Я видел, как профессор Великанов освобождал характеристику от выводов, которые не подтверждаются солидным количеством фактов, выверенных, освоенных, не подлежащих никакому сомнению.

Я убеждён, что учёный совет одобрит характеристику и передаст её областному комитету партии.

И ещё одно замечание: когда проект характеристики был вручён секторам, то мне пришлось слышать удивлённые голоса по поводу её краткости. Но, товарищи, это соображение принять всерьёз невозможно. Кто сказал, что значение того или иного научного творения определяется его объёмом? История науки знает обратные факты. Вспомните гениальные тезисы Маркса о Людвиге Фейербахе! Они занимают полторы страницы. А периодическая таблица элементов Менделеева? А великие законы Архимеда, Ньютона и других столпов науки, сформулированные порой в одном абзаце?

Водомеров. Кто ещё желает высказаться? Прошу.

Рослов. Позвольте, Илья Петрович, задать младшему научному сотруднику Бенедиктину один вопрос.

Водомеров. Пожалуйста, Леонтий Иванович, но при этом я прошу держаться темы нашего обсуждения.

Голос. Странное предупреждение!

Рослов. Скажите, младший научный сотрудник Бенедиктин, когда вы произносите такие фразы, как: «Характеристика является серьёзным научным достижением нашего института», вы произносите это серьёзно или с иронией? (Шум, возгласы.)

Великанов. Вышучивание – негодное средство в научном споре!

Бенедиктин. Я отвечу! Позвольте ответить, Илья Петрович. (Шум, возгласы, понять невозможно.)

Водомеров. Прошу соблюдать порядок! Слово имеет товарищ Бенедиктин.

Бенедиктин. Честно скажу, вопрос профессора Рослова удивляет меня. Но поскольку вопрос задан, я готов ответить на него. Всё, что я говорил в своём выступлении, я говорил серьёзно, ни о какой иронии речи быть не может. Я высказывал здесь своё убеждение, я никому его не навязывал. Убеждён, что тот, кто хотел этого, тот меня понял.

Уважаемый Леонтий Иванович, ваше неустанное подчёркивание моего более чем скромного звания в науке, извините, выдаёт ваше тенденциозное отношение ко мне. Я не понимаю, чем я заслужил ваше нерасположение. (Шум, звонок председателя.)

Рослов. Дело в том, любезный Григорий Владимирович, что всю вашу восторженную речь я воспринял как шутовство. Но вы же не на цирковой арене... (Шум, звонок председателя.)

Великанов. Это уж просто грубости. Они неуместны в стенах нашего института... (Голос: «Так же, как неуместны расшаркивания перед авторитетами!»)

Рослов. За грубости я готов принести извинения, но когда дело касается важных вопросов, то нельзя серьёзное обсуждение подменять славословием.

Товарищ Бенедиктин оценивает характеристику как большое научное достижение института. Он договорился до чудовищных сравнений: характеристика Улуюлья и тезисы Маркса о Фейербахе! Это немыслимо.

Мне кажется, что характеристики Улуюлья вообще нет. Да её и не может быть. Наш институт не вёл никаких изысканий в этих районах области. Всё, что написано в характеристике, оглашённой профессором Великановым, может быть написано о любом другом месте, не подвергавшемся никакому изучению.

Интерес обкома партии к проблемам Улуюльского края не является случайностью. Стоит взглянуть на географическую карту этого района, чтобы понять его значение.

Запрос обкома застал наш институт врасплох. Надо честно признаться, что сегодня мы не в состоянии дать Улуюлью какую-либо объективную научную характеристику. Мы этот край не

знаем. Перед лицом требований жизни мы оказались банкротами, и лучше признаться в этом, чем посылать обкому невразумительную отписку.

Запрос обкома изобличает наш институт в застарелой болезни – в оторванности от жизни, от практики. Мы загромождали программы научных изысканий десятками ненужных тем и просмотрели вопросы, которые имеют первостепенное значение. Будь руководство института более чутким к запросам жизни, неужели оно не могло бы предвидеть, что недалёк тот момент, когда нас спросят об Улуюлье, и нужно к этому своевременно подготовиться. Тем более что в институте разговоры об изучении Улуюльского края велись неоднократно. Я хочу напомнить учёному совету историю с уходом из института одарённого аспиранта Краюхина. Спрашивается, почему ушёл Краюхин? До сих пор никто не дал на это вразумительного ответа. Краюхин ушёл потому, что его стремление посвятить себя изучению Улуюльского края не встретило у нашего руководства поддержки. Краюхин был осмеян, и о нём в институте постарались утвердить мнение как о человеке бездарном и заносчивом. Между тем сегодня мы имеем возможность убедиться, что Краюхин, требуя от института внимания к Улуюльскому краю, смотрел гораздо дальше всех нас.

Не хватило в данном случае дальновзоркости и Захару Николаевичу, который в своё время умел решительно и смело поддерживать молодых учёных, о чём я знаю по собственному опыту.

Великанов. Вы говорите сегодня, Леонтий Иванович, как прокурор. Любопытно, какой меры наказания для меня потребуете?.. (Шум, звонок председателя.)

Рослов. Простите, Захар Николаевич, но ваша реплика не остановит меня. Я следую девизу, который слышал из ваших уст, когда ещё был студентом: истина в науке превыше всего!

Характеристика, которая предложена вниманию учёного совета и которую товарищ Бенедиктин выдаёт за крупное научное событие, на самом деле не выдерживает критики. Основной её порок – противоречивость. В той части характеристики, где даётся анализ геологии и полезных ископаемых, эта противоречивость особенно бьёт в глаза.

Вначале характеристика сообщает, что Улуюлье не изучено. Через две-три строки утверждается, что палеозойские формации не прослеживаются. На основании чего даётся такое утверждение? Нельзя ссылаться на глубину залеганий, не имея данных о действительной глубине залеганий. Писать об этом, опираясь только на предположения отдельных геологов, пусть даже авторитетных, дело более чем рискованное. Наконец, характеристика даёт прямую рекомендацию развивать использование полезных ископаемых нерудного характера для строительных целей. Из чего вытекает такая рекомендация? Она вытекает только лишь из нашего незнания Улуюлья: ведь легче всего сослаться на пески и глины. Я предлагаю в качестве основной рекомендации обкому выдвинуть вопросы широкого и всестороннего изучения той части области, которая известна под названием Улуюльского края. Хотим мы этого или не хотим, но жизнь заставит нас вплотную заняться просторами Улуюлья. Эпоха строительства коммунизма, в которую мы живём, тем и характерна, что она решительно меняет облик нашей страны, превращая далёкие таёжные, малообжитые места в новые, экономически развитые районы, в очаги социалистической индустрии и культуры.

Таким образом, позвольте резюмировать всё вышесказанное: я предлагаю отвергнуть проект характеристики Улуюлья как совершенно неудовлетворительный и в корне переделать его.

Водомеров. Нас лимитирует время, Леонтий Иванович. Сегодня из обкома уже звонили. Там ждут характеристику.

Рослов. Но посылать её в таком виде, Илья Петрович, я не нахожу возможным.

Водомеров. Необходимо улучшить характеристику оперативным путём...

Великанов. Я не вижу, что можно изменить в характеристике. (Шум.)

Голоса. Неверно! Правильно! Вы не объективны, Захар Николаевич.

Голос. Просьба продолжать обсуждение.

Водомеров. Кто ещё желает высказаться? Вы, Марина Матвеевна? Пожалуйста!

Строгова. На мой взгляд, характеристика Улуюлья неполна и поверхностна. По просьбе комиссии, работавшей над характеристикой, наш сектор предоставил довольно подробные материалы о растительности и водоёмах Улуюльского края, однако комиссия не использовала их. В характеристике лишь констатируются лесные богатства Улуюлья, но лесам не дано никакой классификации. Совершенно отсутствуют какие-либо рекомендации в области лесного хозяйства, хотя такие рекомендации крайне необходимы. Нельзя признать удовлетворительной характеристику водоёмов. В целом на этом документе лежит отпечаток безразличия и, я бы сказала, аполитичности. Характеристика не вскрывает заинтересованного отношения института к Улуюльскому краю, по её тону не чувствуется, что мы, коллектив научных работников, горячо желаем скорейшего включения природных богатств Улуюлья в сферу строительства коммунизма. Для создания характеристики Улуюлья требуется найти другие слова, более яркие, точные и, если хотите, более возвышенные.

Бенедиктин. Здесь научно-исследовательский институт, а не клуб поэтов!.. (Смех, шум, звонок председателя.)

Строгова. Сказать об Улуюлье, что оно богато лесами, – это значит не сказать ничего. Да это и известно всем. Лесные богатства Улуюльского края примечательны тем, что они многогранны. Огромные массивы сосны перемежаются с массивами кедра, берёзы, лиственницы. По берегам водоёмов имеются колоссальные запасы плодоносящих кустарниковых пород: черёмухи, рябины, смородины. Проблему лесных богатств Улуюлья необходимо рассматривать в комплексе. Заготовка древесины для нужд народного хозяйства – это лишь одна сторона использования леса. Нам нужно серьёзно продумать способы разумной всесторонней эксплуатации кедровых массивов, а также больших запасов белой берёзы. Эти проблемы должны быть поставлены в неразрывной связи с проблемой воспроизводства леса...

Бенедиктин. Помилуйте, это уж не характеристика, а целая диссертация!..

Строгова. Проект характеристики отмечает слабую изученность животного мира водоёмов Улуюльского края. Это верно лишь отчасти. Наука имеет полное представление о видах животного мира Улуюлья, но мы не в состоянии пока дать ответ на вопросы о промышленном значении запасов рыбы, птицы и зверя. Биологический сектор института ещё в прошлом году выдвигал в план научно-исследовательских работ проведение такого подсчёта. Наше предложение было отклонено на основании того, что институт не располагает в данное время достаточными средствами для проведения этой работы. Захар Николаевич как научный руководитель настоял на том, чтобы в план нашего сектора была включена тема, посвящённая изучению лекарственных

растений. Мы выполнили эту работу. Она тоже оказалась дорогостоящей, но её актуальность и народнохозяйственное значение не могут идти ни в какое сравнение с темой, которую мы выдвигали вначале.

Бенедиктин. К чему все эти воспоминания?

Голос. Председатель, дайте возможность говорить. (Председатель звонит.)

Строгова. Естественно, что, не зная промышленных возможностей водоёмов Улуюлья, мы не в состоянии дать обкому каких-либо рекомендаций. Единственно, о чём следовало бы написать, – это о необходимости проведения в самое ближайшее время широкого изучения водоёмов, их животного мира, режима вод, а также опыта эксплуатации водоёмов местным населением. Вероятно, многие товарищи слышали о Синем и Орлином озёрах. Эти озёра, особенно Орлиное, как расположенное поблизости от населённых пунктов, многие десятилетия эксплуатируются населением. Вполне вероятно, что тщательное ознакомление хотя бы с одним из этих озёр дало бы нам интересный материал и натолкнуло бы на некоторые важные выводы.

В заключение мне остаётся присоединиться к мнению профессора Рослова: характеристика Улуюльского края составлена неудовлетворительно и требует коренной переработки.

Я не могу не сказать нескольких слов и об аспиранте Краюхине, имя которого было упомянуто здесь. Алексей Корнеевич Краюхин ушёл из нашего института добровольно. Но добровольность Краюхина имеет свои причины. Как известно, противоречия Краюхина с руководством института начались с выбора темы для диссертации. Учёный совет не утвердил тему, которую выдвинул аспирант. А тема была посвящена проблемам развития Улуюльского края. То, что учёный совет института ошибся, отвергая тему Краюхина, – это теперь ясно. Но не всё потеряно. Краюхин в настоящее время живёт в центре Улуюльского края – в Притаёжном. Я убеждена в том, что своё пребывание в Улуюльском крае Краюхин использует в научных целях, и я верю, что это принесёт свои плоды. Институт поступит правильно, если установит с ним связи.

Бенедиктин. Вам же известно, что Краюхин за государственные преступления исключён из партии и отдаётся под суд! Почему вы умалчиваете об этом? (Шум, возгласы, звонок председателя.)

Великанов. С кем же устанавливать связи, Марина Матвеевна?

Бенедиктин. Вероятно, с тюрьмой! (Смех.)

Строгова. Смеяться над несчастьем бесчеловечно. С Краюхиным произошло несчастье. Под ним в тайге была убита случайным выстрелом лошадь... (Движение в зале, звонок председателя.)

Строгова. Я получила письмо от Краюхина.

Великанов. У вас талант адвоката.

Строгова. Я сказала всё, что думала.

Водомеров. Мне кажется, товарищи, что продолжать дальше прения нет смысла. Мы с Захаром Николаевичем учтём критические замечания, высказанные здесь, и внесём некоторые исправления в характеристику.

Великанов. Я должен ответить оппонентам.

Водомеров. Если вам хочется, пожалуйста.

Великанов. Я внимательно выслушал прокурорскую речь профессора Рослова и не менее обличительную речь Марины Матвеевны. К сожалению, они ни в чём меня не убедили. Единственно, что приемлемо из их выступлений, – это мысль о том, что всякое знание – благо. Дело, коллеги, в том, что ни профессор Рослов, ни кандидат наук Строгова не подписывают характеристики, не несут за неё непосредственной ответственности.

Рослов. Подписывать институтские бумаги не положено нам по штату.

Великанов. Лишь в силу этого они так щедро награждают совершенно неизученный Улуюльский край исключительными богатствами.

Характеристику, которую мы обсуждаем, мы подготовили для руководящих органов области. Опираясь на нашу характеристику, обком партии и облисполком будут, вероятно, решать крупные хозяйственные задачи. Как же можно позволить себе писать в характеристике о том, что мы не знаем точно и наверняка? Сознательно вводить в заблуждение государственные органы – это значит идти на прямое преступление. Я уже не говорю о том, что наш институт, как научно-исследовательское учреждение, не имеет никакого морального права приукрашивать факты. Факты есть факты...

Рослов. Институт не должен также искажать факты.

Великанов. Мы их не искажаем, мы сообщаем только то, в чём уверены.

Рослов. А твёрдо об Улуюлье мы почти ничего не знаем.

Строгова. Кое-что знаем.

Водомеров. Я прошу товарищей уважать оратора.

Великанов. Я не отвечаю на выпады профессора Рослова и кандидата наук Строговой, ибо я не в состоянии разубедить их.

Строгова. Нас рассудит жизнь, Захар Николаевич.

Великанов. Утешайтесь, Марина Матвеевна! Я хочу также сказать, что мои прогнозы относительно Улуюлья, его бесперспективности, сделанные тридцать лет тому назад при определении границ соседнего Чуржинского каменноугольного района, никто ещё не опроверг.

Рослов. Запрос обкома – это предвестник новых событий.

Великанов. Мне не дают говорить.

Водомеров. Я ещё раз прошу спокойствия.

Великанов. Что касается Краюхина, то мне лишь приходится оплакивать этого талантливого юношу. Я кончил, Илья Петрович.

Водомеров. Какие будут предложения?

Голос. Надо разобраться в замечаниях товарищей Рослова и Строговой.

Водомеров. Я считаю, что происшедший здесь обмен мнениями бесполезен. Проект характеристики мы примем за основу. Кто за это, прошу голосовать.

Рослов. Были другие предложения, Илья Петрович. Я не понимаю, почему вы игнорируете их?

Водомеров. Прошу сформулировать.

Рослов. Проект характеристики отвергнуть, как неудовлетворительный, и поручить комиссии переработать его.

Великанов. Это предложение неприемлемо. Я ответственно заявляю, что материалы об Улуюльском крае, которыми располагает институт в данное время, исчерпаны в проекте характеристики целиком и полностью.

Строгова. У меня есть новое предложение: направить областному комитету партии стенограмму сегодняшнего заседания. Нам нечего скрывать от обкома, пусть там знают наши слабости.

Голоса. Правильно! Разумное предложение.

Рослов. Ввиду заявления профессора Великанова об ограниченности материалов в институте по Улуюлю и его категорического заявления о невозможности переработать характеристику я поддерживаю предложение Марины Матвеевны Строговой и своё первое предложение снимаю.

Водомеров. Товарищи, это предложение мне кажется крайне несолидным. В обкоме люди заняты большой и ответственной работой, у них нет времени копаться в наших стенограммах. Они ждут от нас краткую характеристику.

Рослов. Что же делать, если характеристика не получается?

Бенедиктин. Послать то, что разработано комиссией профессора Великанова.

Голоса. Голосуйте, Илья Петрович! Пожалуйста, голосуйте!

Водомеров. Поступили предложения голосовать. Я ставлю на голосование. Кто за то, чтобы принять проект краткой характеристики Улуюльского края, предложенный профессором Великановым, прошу поднять руки. Мало. Кто за то, чтобы вместо характеристики направить в обком партии стенограмму настоящего заседания? Большинство.

Бенедиктин. Позорный случай!

Водомеров объявляет заседание учёного совета законченным».

Максим дочитал стенограмму до конца, откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и несколько минут сидел в раздумье.

Потом он перелистал стенограмму и, найдя реплику профессора Рослова: «Запрос обкома – это предвестник новых событий», красным карандашом подчеркнул её. Да, в этих словах учёного заключалась большая правда.

Занятый мыслями, навеянными чтением стенограммы, Максим не спеша сложил бумаги в стол, запер его и посмотрел в окно.

Рассветало. Небо из тёмно-синего стало светло-голубым. Солнца ещё не было видно, но по огненно-розовым пятнам, застлавшим восток, угадывалось, что наступающий день будет солнечным.

2

Прошло несколько дней. По субботам Максим разрешал себе возвращаться домой раньше обычного. Так было и сегодня. Он позвонил в гараж, вызвал машину и вскоре вошёл в один из подъездов длинного четырёхэтажного дома.

Привыкнув ходить здесь глубокой ночью и беречь покой жильцов, Максим поднимался по ступенькам с большой осторожностью. Остановившись возле двери, обитой коричневой клеёнкой, он вытащил из кармана связку ключей, нанизанную на металлическое колечко, и с той же осторожностью отомкнул замок.

Едва открыв тяжёлую дверь, он услышал плавную, грустную мелодию «Осенней песни» Чайковского. «Кто же это играет? – подумал Максим. – Может быть, Ольга?» Но у дочери не было ещё такого умения. «Скорее всего, пришла Марина», – решил он.

Максим повесил на вешалку пыльник и на носках прошёл по коридору. Заглянув в полуоткрытую дверь гостиной, он увидел жену. Анастасия Фёдоровна сидела за роялем, и пальцы её бегали по клавишам. Удивлённый Максим замер. Он хорошо знал вкусы жены. Она любила музыку буйную, жизнерадостную, весёлую. «Осенняя песня»... Это неспроста», – отметил он про себя.

Анастасия Фёдоровна сидела вполоборота и не заметила его. Волосы её, заплетённые в толстые косы, были собраны «по-домашнему» на макушке и обнажали полную высокую шею. Она сидела, чуть откинув голову, задумчивая и грустная. Комнату заливал сильный электрический свет, смягчённый голубым абажуром.

«Вот какая родная», – подумал Максим, испытывая внезапный прилив нежности к жене. Он постоял ещё с минутку и вошёл в гостиную.

– Как ты тихо! – воскликнула Анастасия Фёдоровна, не отрывая рук от рояля.

– Как обычно. А ты увлеклась и ничего не слышишь, – присматриваясь к жене, сказал Максим.

Анастасия Фёдоровна ещё раз пробежала пальцами по клавишам, закрыла рояль и поднялась с круглого вертящегося стула.

– Ребятишки спят? – спросил Максим.

– Тебя ждали. Еле уложила.

– Я пойду к ним.

– Пойди.

Максим скрылся в соседней комнате. В тот же миг оттуда послышался визг ребят.

Максим вернулся через несколько минут. В гостиной было темно. Анастасия Фёдоровна гремела посудой в столовой.

– Ну, что они? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Обрадовались! Ольга зовёт к себе, а Серёжка к себе тянет... – Максим улыбнулся, приглаживая волосы, взъерошенные детьми.

– Что будем пить, кофе или чай?

– Поставь, Настенька, и кофе и чай.

Анастасия Фёдоровна принесла из кухни узкий продолговатый кофейник и круглый пузатый чайник. Из буфета достала хлеб, сахар, колбасу. Максим посмотрел на жену, ждал, когда она заговорит. Анастасия Фёдоровна прятала глаза, бесцельно передвигала чашки и тарелки.

– Ты сегодня чем-то расстроена, Настенька? Что случилось? – спросил Максим.

Анастасия Фёдоровна пристально посмотрела на него, усмехнулась одними губами.

– Как ты угадал?

– Да вот угадал. Значит, правда?

– Правда. – Анастасия Фёдоровна села напротив Максима. – У меня неприятности. И знаешь в связи с чем?

– Догадываюсь. Пришлась кому-нибудь не по нраву твоя поездка в Улуюльскую тайгу.

– Откуда ты знаешь? Видел Марину?

– Нет, Марину не видел.

– Кто же тебе сказал?

– Никто мне не говорил, но так мне представилось.

– Утром мне вручили приказ. Заведующий облздравотделом объявил мне выговор за самовольную поездку на Синее озеро.

– Ну, а что же, по головке тебя гладить за такие штуки? – усмехнулся Максим.

– А ты думаешь, он поступил правильно?

– А ты как думаешь?

– Я думаю так: когда курорт на Синем озере построят, нашему заведующему будет стыдно за свой приказ. А приказ этот всё-таки вспомнят!

- Ты в этом убеждена?
- Убеждена.
- Как же ты отнеслась к приказу?
- Я написала докладную записку. В ней я вновь настоятельно требую послать экспедицию для обследования Синего озера.
- Значит, вступаешь с начальством в драку?
- Называй это как хочешь. А ты что, не советуешь?
- Почему же? Если ты убеждена, то бороться стоит. Без этого ваш заведующий своих позиций не сдаст.
- В том-то и дело! Он называет это прожектёрством, говорит, что в Улуюлье не создано ещё объективных условий для строительства курорта.
- В этом он прав.
- По-твоему, отступить?
- Почему же? Он ведь прав отчасти. Сегодня в Улуюлье для строительства курорта нет объективных условий, но завтра они могут сложиться.
- Да, знаешь, Максим, звонила Марина. Она очень беспокоится о судьбе какого-то учителя Краюхина. Сказала мне, что написала о нём в письме к Артёму. Хотела с тобой поговорить.
- Что она советует тебе по поводу Синего озера?
- Она знает это озеро. Была там во время экспедиции. Советует мне добиваться и обещает поддержку. Если осуществится её проект, то она должна сама поехать в Улуюльский край. Опять вспоминала этого Краюхина. Мне даже подозрительно стало, и я спросила, не влюбилась ли она в него. Она тогда рассказала целую трагедию. Оказывается, Краюхина любит дочь профессора Великанова, а сам Великанов слышать о нём не хочет, потому что они в чём-то серьёзно разошлись...
- Вон как! А дочь Великанова – студентка?
- Историк. Марина говорит, что она очень красивая девушка и интересный человек.
- А каковы, Настенька, семейные дела Марины? Она не делилась с тобой?
- Не любит она посвящать других в свои интимные дела. Но, по-моему, живут они неважно. Как-то на днях я говорю ей: «Маринка, когда же ты будешь рожать?» Она опустила голову, в глазах слёзы. Я стала расспрашивать. Она махнула рукой и сказала только одно слово: «Григорий». Я поняла, что он не хочет, чтоб она отвлекалась на эти «пустяки»...
- Ты его хорошо знаешь, Настенька?
- Знаю, конечно. Правда, по наблюдениям. Но ведь ты тоже его знаешь. Нравится он тебе?
- По-моему, симпатичный человек.

– А по-моему, индюк.

– Почему же индюк? – расхохотался Максим.

– Потому что нет в нём простоты. Он всегда напыщен, говорит, как актёр на сцене, весь как-то зализан. Нет, нет, не будет у Марины с ним счастья!..

– Ты уж очень круто берёшь.

– Я бы рада была ошибиться...

Не успели они закончить ужин, как раздался звонок.

Максим поднялся, вышел в коридор открыть дверь. Вскоре послышался голос Марины. Анастасия Фёдоровна бросилась в прихожую.

– Почему так поздно, Мариша?

– А раньше разве вас застанешь дома?

– А где Григорий? Почему он не пришёл?

– У него какие-то дела в институте.

Марину усадили за стол и принялись угощать и расспрашивать.

– Тревожно у нас в институте, – вздохнула Марина. – Все сколько-нибудь стоящие и знающие работники разделились на два лагеря. Остальные пытаются на этой борьбе выиграть кое-что для себя.

– Давно это началось? – спросил Максим.

– Глухо – с того момента, как покинул институт аспирант Краюхин, а открыто – после запроса обкомом характеристики Улуюльского края. У нас – я имею в виду большинство сотрудников – такое ощущение, будто мы что-то просмотрели такое, что просмотреть не имели права...

– Это хорошее ощущение, Марина. Ты, кажется, и с мужем разошлась во взглядах? Я читал стенограмму вашего заседания.

– Наука не существует без борьбы мнений.

– Но мнения бывают разные, – задумчиво сказал Максим.

– Тебе не понравилось его выступление?

– По-моему, оно и тебе не понравилось. Такой вывод я сделал из твоей речи, Марина.

– Ты Краюхина знаешь, Максим?

– Видел на заседании бюро Притаёжного райкома.

– Как ты относишься к его «делу»?

– У него мало ещё доказательств.

– Но ты сам понимаешь, что он один?

– Нет, Марина, он не один! – И, заметив удивление на её лице, пояснил: – Краюхин выражает мнение многих. Я тебе дам почитать предложения лесобъездчика Чернышёва. Они касаются твоей специальности – лесов. Он тоже ставит вопрос о богатствах Улуюлье.

– Артём знает о его предложениях?

– Он считает и Краюхина и Чернышёва прожектёрами.

– По-твоему, он ошибается?

– Жизнь может обойти его. Тебе бы самой, Марина, следовало побывать в Улуюлье.

– Стремлюсь всей душой, особенно после того как там побывала Настя.

– Я тебе дам письмо в Мареевку к Лисицыным. Замечательные люди! – сказала Анастасия Фёдоровна, до сих пор молча слушавшая их разговор.

– С письмом подожди. Великанов ещё сопротивляется, не отпускает меня.

– А как Водомеров? – спросил Максим.

– На него произвёл впечатление запрос обкома. Он побаивается и всё сваливает на Великанова.

– Если послать ещё один запрос, то он совсем оробеет, – засмеялся Максим.

– Вполне возможно.

Разговор затянулся до глубокой ночи. Анастасия Фёдоровна предложила Марине остаться переночевать.

– Спать я тебя положу в кабинете, а Григорию, чтоб он не беспокоился, ты позвони.

Марина поспешно согласилась. Поспешность её была такой очевидной, что и Максим и Анастасия Фёдоровна заметили это.

Неся подушку, простыню и одеяло, Анастасия Фёдоровна вслед за Мариной вошла в кабинет и ещё раз предложила:

– Позвони, Мариночка, своему благоверному, пусть не беспокоится.

– Звонить не буду, – категорическим тоном сказала Марина, и в её глазах мелькнуло ожесточение.

– Вы поссорились?

– И очень сильно. Он приревновал меня к Краюхину.

– Но ведь Краюхин в Притаёжном.

– Я получила от него два письма.

– С любовными признаниями?

– С какой стати?! Он пишет только по делу.

– Тогда какие же основания у Григория?

– Ах, не говори! Всё это низко и противно!

Они сели рядом и заговорили так откровенно, как могут говорить только две женщины, бесконечно верящие друг другу.

3

Максим попросил Стешу, секретаря отдела, оставить ему в кабинете на вечер пишущую машинку. Та удивилась и стала предлагать свои услуги.

– Не беспокойтесь, – сказал Максим, – я написал статью и хочу перепечатать её сам. Так лучше видно шероховатости стиля.

Стеша молча вышла и вскоре вернулась с машинкой.

Вечером, как только кончились в обкоме телефонные звонки, Максим вытащил из портфеля рукопись и сел за машинку. Статья его называлась: «Что ждут практики от учёных области».

Встречи с практиками во время поездки по области, «дело учителя Краюхина», стенограмма обсуждения характеристики Улуюльского края в научно-исследовательском институте – всё это дало Максиму богатый материал для размышлений.

Некоторые мысли, имеющие общественный интерес, он и решил высказать в своей статье. Появление такой статьи в областной газете, по его предположениям, расшевелило бы учёных области, содействовало бы подъёму уровня всей научной работы. Для практиков такая статья также имела бы большое значение.

Сознание важности такой статьи заставило Максима несколько раз переделывать её, отшлифовывать каждую фразу.

Закончив глубокой ночью перепечатку, Максим позвонил редактору областной газеты. Услышав о статье, редактор бурно обрадовался:

– Это же замечательно, товарищ Строгов! Не так уж много партийных работников выступают на страницах газеты. Да ещё со статьями проблемного характера!

Максим пообещал не позднее одиннадцати утра переслать статью в редакцию.

Утром перед завтраком Максим позвал Анастасию Фёдоровну, усадил её напротив себя и попросил прослушать статью.

– По-моему, хорошо, Максим! – сказала она, дослушав до конца. – Очень остро, логично и образно.

– Ну, а шероховатостей и неточностей никаких не заметила? – спросил Максим, пристально глядя на жену.

– Шероховатостей? – растерянно переспросила Анастасия Фёдоровна. – Нет, Максим, ты же знаешь, я слабый критик, особенно в отношении тебя. Всё, что ты делаешь, мне кажется...

Она не договорила и посмотрела на мужа такими открыто влюблёнными глазами, что тому стало ясно, какие слова собиралась сказать жена.

– Значит, благословляешь, Настенька? – с улыбкой, но серьёзным тоном сказал Максим, взъерошив ещё не причёсанные после сна волосы.

– Ты ведь не первый раз пишешь, Максим. Что тебе беспокоиться? – ответила Анастасия Фёдоровна, присматриваясь к Максиму и чувствуя, что какие-то непонятные ей обстоятельства тревожат его.

Максим прошёлся по кабинету.

– Всё это верно, что пишу не первый раз... Но, видишь ли, статья эта необычная.

– Она заденет многих. Я представляю, как будет довольна Марина!

– Статья может вызвать борьбу, Настенька.

– А ты не готов к этому?

– Я-то готов, да ведь не во мне одном дело. Объективные условия ещё не вполне обозначились.

– Ты, выходит, заскакиваешь вперёд?

– Нет. Я хочу ускорить созревание объективных условий для того разворота, о котором я тут пишу.

– А почему всё-таки сомневаешься?

– Да нет, я не сомневаюсь, я просто всё взвешиваю, чтобы не ошибиться, – проговорил Максим и опять прошёлся по кабинету.

– Давай, Максим, завтракать. Я пирогов с мясом напекла. – И она увела мужа в столовую.

Вечером Максиму позвонил редактор газеты.

– Статью прочитал, товарищ Строгов. В общем, неплохо, но местами её необходимо поправить... – Максим заметил, что голос редактора был не восторженный, как вчера, а унылый.

«По-видимому, моя статья чем-то не удовлетворила его», – подумал Максим и ответил:

– Ну, что же, товарищ редактор, статью правьте, на то вы и редакция. Но после правки я хочу посмотреть её.

– Ваше право, – буркнул редактор и повесил трубку.

Максим предполагал, что уже на другой день рукопись вернётся к нему, но прошло четыре дня, а статью ему не возвращали. Он позвонил редактору.

– Видишь ли, товарищ Строгов, твоя статья вызвала у нас в редакции споры. Пришлось твой подлинник и наш выправленный вариант направить Ивану Фёдоровичу. В таком деле совет первого секретаря не излишен.

– Совет-то не излишен, но автору следовало бы показать, как вы статью выправили, – сказал Максим, не скрывая своего неудовольствия.

– А тебе разве не показывали? Я велел послать. Жди, сейчас привезут.

Через полчаса редакционный курьер вручил Максиму большой пакет. Отложив все дела, Максим принялся за чтение своей статьи. Почти все острые положения в ней были либо вычеркнуты, либо сформулированы заново так, что терялась их острота. Некоторые мысли Максима по вопросам развития производительных сил области были искажены, и в них не оставалось и следа прежней убедительности. Литературный стиль статьи, живой и задорный, также пострадал. Какой-то ловкий редакционный правщик «причесал» её на свой манер.

«При таких порядках в редакции поневоле пойдёшь к первому секретарю обкома», – с ожесточением подумал Максим и положил статью в папку, намереваясь заняться другими делами, но тут зазвонил телефон. Первый секретарь обкома Ефремов попросил Строгова зайти к нему.

Максим взял папку с оперативными документами отдела, но, открыв дверь кабинета Ефремова, понял, что речь пойдёт о статье: у стола сидел редактор областной газеты Филин – крупный человек с прямой широкой спиной, с мясистым лицом, в очках.

– Советуемся, как быть с твоей статьёй, – произнёс Филин, почему-то смущённо здороваясь с Максимом.

Ефремов протянул Максиму руку, не отрывая глаз от последнего листка статьи.

– Та-ак... – начал Ефремов, отложив листки в сторону, и посмотрел на Максима не то с одобрением, не то с укором, Максим не понял. – Давайте, товарищ Филин, высказывайте свои претензии.

– Собственно говоря, – с заминкой, присматриваясь к выражению лица Ефремова, заговорил редактор, – лично мне статья понравилась. В ней мысли есть, размах. Но что делать, часто мои личные восприятия идут вразрез с редакторскими соображениями. Во-первых, чем вызвана необходимость подписывать статью псевдонимом? Товарищ Строгов как-никак заведующий отделом обкома. Можно подумать, что он стесняется своей должности. Во-вторых...

– Если можно, я отвечу на «во-первых», – взглянув на Ефремова, произнёс Максим.

– Пожалуйста, – кивнул Ефремов.

– Я считаю неудобным заведующему отделом обкома подписывать статью, многие вопросы которой выдвинуты в порядке обсуждения и преследуют цель развязать научную дискуссию. Обком, как известно, – руководящий орган в области. Увидев мою подпись, некоторые могут расценить положения статьи как установки обкома, и дискуссии не получится.

- За автором остаётся право подписывать свой труд, как ему хочется, – подтвердил Ефремов и посмотрел на Филина, что означало: «Говорите дальше».
- Во-вторых, нам в редакции кажется, что товарищ Строгов сгустил краски в том месте своей статьи, где он говорит об отставании уровня научной работы. Особенно обидно для научных работников прозвучит обвинение в незнании нужд практиков и в нежелании учитывать опыт их исследований. Наши учёные немало поработали...
- Товарищ Строгов – новый человек в обкоме, ему виднее наши недостатки. А что касается обид, то критика не мармелад, от неё сладко не бывает.
- Научная среда – очень нервная среда, Иван Фёдорович. Попробуйте напечатать такую статью, и все мы покоя лишимся. Начнутся звонки, жалобы, письма в ЦК... – Филин приподнялся, махнул рукой: уж, мол, кто-то, а я-то знаю, как это бывает.
- Я не помню ни одного случая из истории партии, когда бы большевики боялись обнажить противоречие, – сказал Максим, глядя Филину прямо в глаза.
- Мне такие факты тоже неизвестны. А вам, товарищ Филин? – Ефремов задал этот вопрос с едва заметной иронией.
- Историю партии, товарищ Строгов, я тоже читал. И, возможно, не меньше вашего, – с обидой в голосе отозвался Филин, снимая очки и протирая их клетчатым платком.
- Постыдитесь, Филин, своего тона, – строго произнёс Ефремов и, помолчав, добавил: – Дальше.
- В статье товарищ Строгов выдвигает вопрос о развёртывании на севере области, в зоне Улуюльского края, усиленных поисков ископаемых; причём речь идёт о каменном угле и о рудах. Мы советовались в порядке консультации с некоторыми представителями науки, они считают эту мысль абсурдной...
- С кем вы консультировались? – перебил Филина Ефремов.
- На такой точке зрения стоит профессор Великанов. Это крупнейший знаток нашей области. Он ещё тридцать лет тому назад исследовал границы Чуржинского каменноугольного района и пришёл к выводу, что на север этот район продолжения не имеет. Через десять лет профессор Веневитин попытался оспорить его, но потом отступил и признал точку зрения Великанова правильной. Ничего в этом Улуюлье нет, одна пустая земля! Таковы факты. Не я их выдумал.
- Но у профессора Великанова есть и противники, – вставил Максим.
- Кроме того, со статьёй знакомился член партбюро научно-исследовательского института Бенедиктин, – словно не замечая реплики Максима, продолжал Филин.
- Бенедиктин? Я такого учёного что-то не помню, – нахмурился Ефремов.
- Это молодой талантливый учёный. На него указывают как на преемника профессора Великанова. Он был лично у меня, и мы долго разговаривали. И вы знаете, Иван Фёдорович, в институте создаётся нездоровая обстановка. Там низвергают все учёные авторитеты.
- Неверно! Всё наоборот. В институте возникает настоящая деловая атмосфера, – горячо возразил Максим.

– Неделю тому назад у меня был Бенедиктин, а вчера я посылал в институт своего корреспондента. У товарища Строгова информация, вероятно, пристрастная, со слов сестры, – тонким голосом, явно желая уколоть Максима, сказал Филин.

– Сестра тут ни при чём. Я располагаю стенограммой одного ответственного заседания учёного совета института.

Филин поднял голову и посмотрел на Максима. По этому взгляду, озадаченному и растерянному, Максим понял, что редактор о заседании учёного совета по вопросу характеристики Улуюльского края ничего не знает.

– Институтом придётся заняться, – сказал Ефремов. – Но вот насчёт изучения природных богатств Улуюлья меня беспокоит другое. Не отвлечёт ли постановка этой проблемы от решения главных задач, стоящих там? Я имею в виду разворот лесозаготовительного хозяйства и расширение площадей под техническими культурами.

– И я о том же беспокоюсь. Я уже говорил об этом Строгову, – с живостью поддержал Ефремова редактор.

– В статье я особо подчёркиваю те задачи, о которых вы говорите, Иван Фёдорович. Одновременно с этим я пытаюсь выдвинуть задачу всестороннего и комплексного изучения Улуюльского края, и прежде всего по линии выявления запасов угля, руд и других ископаемых.

– Учёные смеются над этим. Я разговаривал... – закипятился Филин.

– Более дальнзоркие из учёных говорят, что смеяться они подождут, пока Улуюлье не будет исследовано вдоль и поперёк, – сдержанно отозвался Максим.

– Значит, вы настаиваете на своём? – спросил Ефремов, взглянув на Максима.

– Я считаю, что нельзя больше оставлять без внимания этот вопрос. Эта проблема уже стучится к нам в дверь. Я располагаю рядом документов.

– Хорошо. Пусть останется и это место статьи. В конце концов статья не директива. Что у вас ещё есть неясного? – проговорил Ефремов, посматривая на часы.

– Всё остальное, собственно говоря, Иван Фёдорович, менее спорно. Несколько неясен мне тезис Строгова относительно организации в таёжной части нашей области кедрово-охотничьих комплексных хозяйств. Что это за форма хозяйства? Не покушаемся ли мы тут на сельскохозяйственную артель? – скороговоркой сказал Филин, заметив, что секретарь обкома торопится.

– Вот это место статьи. Прочтите, Иван Фёдорович. – Максим отчеркнул два абзаца.

Ефремов не спеша прочитал их.

– Вы не правы, товарищ Филин, – наконец заговорил он. – Никакого покушения на сельскохозяйственную артель я здесь не вижу. Вот что здесь говорится: «Назрело время позаботиться о более широкой и плановой эксплуатации колоссальных богатств Сибирской тайги. Практики давно уже выдвигают вопрос о создании комплексных кедрово-охотничьих хозяйств, в

которых должно быть разумно внедрено многоотраслевое производство (добыча кедрового ореха и переработка его на масло, добыча живицы, древесно-химическое производство, разведение и отлов зверя, птицы, рыбы и т. д.). На землях колхозов эти хозяйства могут быть колхозными. Но вместе с этим возникает задача создания государственных комплексных кедрово-охотничьих хозяйств. Учёные должны помочь практикам подсчитать ресурсы районов, в которых возможно развитие хозяйств такого характера, а также разработать научные основы ведения этих хозяйств». Что тут неясного?

– Меня несколько смущал знак равенства, который поставлен автором между хозяйствами колхозов и государственными хозяйствами, – неуверенно сказал Филин.

Ефремов громко засмеялся.

– Ну-у, товарищ Филин, это уж у вас от лукавого! Печатайте дельные вещи смелее. Больше всего бойтесь серятины.

– Учтём, Иван Фёдорович. – Филин вышел из кабинета помрачневший.

Через два дня статья была напечатана. Накануне выхода газеты Максим съездил в редакцию и тщательно вычитал статью.

Теперь, сидя у себя в кабинете, он ещё и ещё раз просматривал газету. «Радуюсь и волнуюсь, как молодой поэт, напечатавший первое стихотворение», – подумал о себе Максим. Ему очень хотелось, чтобы в отделе скорее появились люди, с которыми можно было бы обменяться мнениями о новостях дня и, возможно, что-то услышать от них о статье, опубликованной в сегодняшнем номере.

Но выпал один из тех редких часов, когда в бесконечном потоке дел образовалась пауза. Не было посетителей, не раздавались и телефонные звонки, обычно оглашавшее комнаты промышленного отдела с утра до глубокой ночи. «Что они, сговорились? Даже Марина – и та не звонит», – мелькнуло в голове Максима. Он сидел за столом, читал сводки заводов и трестов о выполнении плана, но не переставал прислушиваться.

Вошла Стеша и смущённо остановилась на пороге.

– Уж не эту ли статью перепечатавали вы, Максим Матвеевич, что опубликована сегодня в газете под фамилией Быстрова?

– А вы как узнали?

– По стилю, Максим Матвеевич, узнала. Я ваше письмо всегда отличу.

– Ну что, Стеша, вы думаете? – спросил Максим, настораживаясь.

– Думаю, Максим Матвеевич, большая польза делу будет. Только я б на вашем месте подпись подлинную дала. Пусть бы люди в области знали ваше имя.

– В другой раз воспользуюсь вашим советом, – улыбнулся Максим.

Только захлопнулась дверь за Стешей, как зазвонил телефон.

– Привет, Строгов, привет! – кричал в трубку редактор Филин. – Ну и расшевелил ты своей статьёй народ! С самого утра не отхожу от телефона. Уже из трёх вузов звонили. А сейчас по радио разговаривал с Белогорьевской опытной станцией. Утром с самолётом они получили газету и вот уже прочитали. Обсуждать статью будут. Задела их за живое!

Максим едва положил трубку, как раздался новый звонок. Говорила сестра:

– У нас в институте, Максим, решено провести обсуждение статьи по секторам, а потом на расширенном заседании учёного совета.

– Ну и хорошо, Марина. На это я и рассчитывал. Но только останавливаться на статье нельзя – это будет полумера. Кое-какие новые шаги намечаю. Да, впрочем, по телефону рассказывать долго. Приезжай вечером, поговорим.

Глава десятая

1

Марина спешила. Было около семи, а ей ещё предстояло зайти домой, переодеться, взять билеты, оставленные в столе, и без пятнадцати восемь встретить Григория у сквера, возле театра. Занятая с утра до вечера в институте, она за последнее время не часто бывала в концертах, втайне всегда испытывая желание послушать хорошую музыку. И теперь, предвкушая удовольствие, она была уже в приподнятом настроении.

Марина любила музыку до трепета, особенно симфоническую. Ей вообще казалось, что музыку можно только чувствовать, понимать душой, а не рассудком.

Она вошла в квартиру и первым делом направилась в кабинет, чтобы сразу же положить билеты в сумочку. Однажды был у неё случай: она вот так же торопилась и ушла без билетов, вспомнив о них только у театра.

Подойдя к столу, она увидела записку Григория: «Пойти в театр не смогу. На моё место, возможно, кого-нибудь найдёшь. Гр.».

По краткости записки, по тому, что последнее слово было написано крупнее и с нажимом на перо, она поняла, что он был чем-то раздосадован. Марина посмотрела на столик, на котором

стоял телефон, и увидела письмо от Краюхина. «Ну, всё понятно! Опять приревновал к Алексею Краюхину», – подумала она.

Марине захотелось сейчас же прочитать письмо, но времени на это не оставалось. Она набрала номер Софьи. На вызов никто не ответил. Марина позвонила Анастасии Фёдоровне. К счастью, та была дома и охотно согласилась разделить с ней удовольствие. Письмо Краюхина Марина вместе с билетами положила в сумочку, намереваясь прочитать его во время антракта.

Оттого что Григорий не пошёл в театр, её светлое настроение испортилось. С тоской она подумала, что вечером ей придётся вступать в длинное и нудное объяснение с Григорием подобно тому, какое было после учёного совета. В такие минуты он был просто несносен.

Концерт окончился поздно. Музыка всегда настраивала Марину на размышления. Ей хотелось побыть одной, и она отказалась от ужина у Анастасии Фёдоровны. К тому же это письмо Краюхина... Он находится в сложном переплёте каких-то противоречивых обстоятельств. Ему надо было помочь немедленно, энергично, но пока она не находила для этого путей.

Марина проводила Анастасию Фёдоровну и пошла домой.

Она шла не торопясь, наслаждаясь прохладой вечера и думая обо всём сразу: о скрипачке, выступавшей в концерте, о предстоящем докладе на учёном совете института, об эгоистичности поступка Григория, о Краюхине, но мысли её были быстротечны, мимолётны и ни на чём в особенности не задерживались.

В окнах квартиры света не было. Григорий ещё не вернулся. «Ну и хорошо, что его нет», – подумала Марина. Ей хотелось часок посидеть в кресле, почитать. На столе скопилась пачка журналов и брошюр, просмотр которых она откладывала со дня на день.

Она вошла в кабинет, зажгла настольную лампу, села в кресло, положила журналы и книги возле на стул и вдруг почувствовала себя так хорошо и уютно, что ей не захотелось даже подниматься, чтобы погасить свет в столовой и спальне.

Марина бросила взгляд на часы. Было около двенадцати. Вот-вот мог прийти Григорий. Но ей был так дорог уют, так приятно было листать журналы, что она решила не вступать с мужем в длинные разговоры, если он, по обыкновению, будет вызывать её на это.

Из всей пачки книг она прежде всего взяла последний номер «Известий Академии наук» по биологическому отделению и тщательно, то и дело задерживаясь, просмотрела его. Потом её внимание привлекли литературно-художественные журналы. Полистав их, она принялась за последние издания своего института. Тут было несколько книжечек из «Научно-популярной библиотеки» и объёмистый том «Учёных записок» института.

Марина открыла оглавление и встретила много знакомых фамилий: профессор Великанов, профессор Рослов, директор института Водомеров. Затем шли фамилии ряда аспирантов. Последней в сборнике была помещена статья Григория. Она называлась «Распределение растительности в зависимости от форм рельефа». В сноске говорилось, что публикуемая статья представляет собой извлечение из обширного труда, над которым автор работает уже ряд лет.

Марина перечитала сноску, подумала: «И зачем он преувеличивает? «Работает уже ряд лет». Всем известно, что человек без году неделя в институте».

Она принялась читать статью, предварительно перелистав её: «Пятьдесят две страницы! И когда он только успел написать?!» Марина с повышенным интересом углубилась в статью. «Способный всё-таки человек Гриша! За что ни возьмётся, всё у него выходит», – размышляла она, пробегая глазами первые страницы. Но вот одна фраза насторожила её. Она показалась ей мучительно знакомой. Интонационный строй фразы был чужд Григорию. Марина поднесла книгу ближе к глазам, стала читать дальше, и кровь бросилась ей в голову: она читала строки, написанные собственной рукой. Не веря своим глазам, Марина вскочила и зажгла люстру, спускавшуюся на медной цепочке над серединой комнаты. Потом с той же поспешностью вернулась в кресло и перечитала всю страницу. Первый абзац на обороте листа был не её, а дальше на шести страницах до конца раздела почти слово в слово шёл её текст.

Втайне ещё надеясь, что она ошибается, Марина открыла тумбочку стола и вытащила тяжёлую папку. Это был черновой вариант её докторской диссертации «Проблемы восстановления наиболее ценных пород леса Сибири».

Диссертация была ещё не закончена, но Марина упорно работала над ней, ежегодно пополняя её новыми материалами. Превосходно помня, где и что у неё расположено, она безошибочно раскрыла папку, нашла в своей диссертации то место, которое содержалось в статье Григория.

Сомнений быть не могло! Хотя текст статьи местами совпадал не полностью, самое главное – факты и примеры были её собственные.

Дрожащими руками Марина отложила папку и бросилась на диван не в силах сдержать слёзы. Горькая боль стиснула сердце, и всю её охватило ощущение внезапного и неотвратимого горя. Несколько минут она лежала, уткнувшись лицом в подушку, будто парализованная, свалившимся на неё несчастьем. Потом она поднялась, и первое, что бросилось ей в глаза, был портрет Григория, висевший над её столом. Портрет был написан до войны знакомым художником. Григорий сидел, откинув приглаженную голову и выпятив грудь. Глаза его были немного прищурены, жёлтый галстук с красными искрами выпущен поверх джемпера.

Почему-то никогда прежде Марина не замечала искусственности в его позе, нагловатости его прищуренного взгляда. Ей захотелось сдёрнуть портрет со стены, но из передней донёсся звонок. Марина вздрогнула.

«Нет, нет, только не унизиться до скандала!» – сдерживая свой порыв и собрав всю волю, подумала она.

Звонок задребезжал более нетерпеливо. «По-настоящему тебя надо оставить за дверью», – сказала она сама себе и, несмотря на то что звонок звенел без перерыва, неторопливо пошла в переднюю. Она открыла дверь, не спрашивая, кто звонит, и не глядя, кто входит. Она не сомневалась в том, что это был Григорий.

Марина вернулась в кабинет, погасила люстру и уткнулась в книгу.

Григорий долго не входил, но Марина слышала, как он скрипел новыми ботинками, потом чистил щёткой шляпу и костюм. Вот скрип его ботинок приблизился, и дверь кабинета распахнулась.

– Ну как концерт? – спросил Григорий.

– Ничего, – не отрываясь от книги, ответила Марина.

– Ты так долго, Мариночка, не открывала, что я вообразил, будто наши с тобой пенаты посетил некий желанный гость из тайги, – похихикивая, сказал Григорий, подразумевая, конечно, под «гостем из тайги» Краюхина.

В глазах у Марины потемнело, но она сдержалась и промолчала.

Григорий прошёлся по комнате и, отставив ногу вперёд, остановился. Марина посмотрела на его полные вздрагивающие ляжки, обтянутые брюками, и ощущение гадливости поднялось в ней. Сдерживать дальше свои чувства она уже не могла.

– Зачем подозревать других? Может быть, лучше посмотреть на себя? – сказала Марина с таким спокойствием и твёрдостью, что даже удивилась.

Он взглянул на неё, не понимая ещё, что таится за этим спокойствием, но необычный блеск её глаз озадачил его.

– Ты не сердись, Мариночка, на меня. Я не пошёл в театр не потому, что увидел письмо от этого улуольского робинзона, – в конце концов я уже к этому привык. Великанов просил меня помочь ему вычитать с ним библиографию его трудов. Старик мечтает на очередных выборах в академии проскочить в члены-корреспонденты. Ну, сама понимаешь, не мог же я ему отказать.

Григорий проговорил это тем сладко-интимным, «домашним» тоном, который Марина особенно не переносила. Неожиданно для себя она вскочила с дивана и, отбрасывая книгу в угол, крикнула:

– Вор!

Григорий сразу сжался, отступил, но в тот же миг приосанился.

– Я не ожидал, Мариночка, что ты придёшь раньше меня. Я взял у тебя в столе двести рублей. Ты, вероятно, что-нибудь задумала приобрести? Видишь ли, поскольку старик позвал меня не в институт, а домой, я решил, что не будет зазорным, если я прихвачу закуски и бутылку коньяку. Старик любит выпить, и почему не сделать ему приятное?

Марина вся дрожала.

– Вы, вы, – задыхаясь, говорила она, – крадёте чужие мысли!

Бенедиктин сделал вид, что только теперь понял, о чём идёт речь. Хлопнув себя ладонью по лбу, он воскликнул:

– А! Да ты, оказывается, вон о чём!.. О статье!

Он быстро прошёлся по комнате, остановился напротив Марины, засунув руки в карманы, обиженно поднял плечи и сказал:

– Ну, знаете, Марина Матвеевна, другого отношения я ждал от вас к этому факту... Я ждал, что вы порадуетесь успехам младшего собрата... А вы эгоистичны до последней степени. – В голосе его послышалась дрожь, словно Марина и в самом деле незаслуженно обидела его.

– Я спрашиваю: кто разрешил воспользоваться материалами моей диссертации? – крикнула Марина.

– Ну, Мариночка, я очень прошу тебя успокоиться, – ласково-умоляющим голосом произнёс он. – Ты кричишь, негодуешь, а напрасно. Ты только выслушай меня, выслушай до конца, не ожесточайся.

Марина хотела выйти, но Григорий преградил ей дорогу и вдруг на самой высокой ноте, почти с визгом выкрикнул:

– Ну, я прошу тебя! У тебя ость сердце?!

Марина отступила. Что-то страшное было в этом визге.

Она вернулась к дивану, села в угол, обхватила голову руками, думая: «Как гадко, как гнусно!..»

Бенедиктин почувствовал, что достиг того, чего хотел, – погасил гнев Марины. Не теряя дорогих минут, он заговорил торопливо, увлечённо, но с придыханием, давая этим знать ей, что его сердце надорвано ещё на фронте, и пусть она с этим посчитается.

– Признаюсь, Мариночка, что допустил ошибку. Надо было гранки статьи показать тебе, но остановило другое. Хотелось, чтобы статья была для тебя сюрпризом. Ведь ты пойми, что она значит в моём положении... Человек без звания и степени публикует извлечение из большой работы. Ты посмотрела бы, как сразу изменилось ко мне отношение. Сегодня даже профессор Рослов остановился и поздравил...

– И тебе было не стыдно принимать поздравления? – не отнимая рук от головы, глухо спросила Марина.

– Нет, с тобой положительно невозможно говорить о разумных вещах! И потом, ты всё забываешь, – сказал Григорий и обиженно подобрал губы.

– А ты можешь не говорить, мне и так всё ясно. – Марина поморщилась, словно от боли.

– Ну нет: ты возвела на меня чудовищные обвинения и хочешь ещё, чтобы я молчал. Это бессердечно, Марина Матвеевна! Припомни, как было дело.

Поскрипывая ботинками, от отошёл к столу и встал в позу оратора.

– А дело было так: я разбирал твою диссертацию после перепечатки на машинке. Встретил это место. Вспомни, какой у нас произошёл разговор. Я тебе сказал: «Мариночка, ты вдалась тут в мою область – в геоморфологию». И ты тогда ответила: «Это результат твоего влияния». Было это? Было!

Марина опустила руки и в упор посмотрела на Григория. «Неужели он искренне говорит это, действительно верит своим словам или всё это от начала до конца рисовка, игра?» – думала она, перебарывая ожесточение, вспыхнувшее с новой силой.

– И дальше. Честно сказать, я не думал, что ты такая собственница. Наши отношения мне рисовались так: мой успех – твой успех, твой успех – мой успех. Уж я не говорю о том, что мы идём к коммунизму...

– Не приплетай, пожалуйста, коммунизм! Он тут ни при чём.

– Как же ни при чём? Коммунизм очень даже при чём. Он меняет все наши представления о собственности, открывает широкие возможности для взаимного духовного обогащения людей...

Григорий пустился в пространные рассуждения о том, какой силой становится научная мысль, движимая целым человеческим коллективом.

Марина слушала его болтовню и думала: «Что он – дурак или сумасшедший?» В разгар своих рассуждений Григорий скосил глаза на Марину, желая удостовериться, как она относится к его словам. Марина перехватила этот взгляд, и он сказал ей больше всех его слов. В глазах Григория была торжествующая усмешка. «Ещё не было случая, чтобы я не мог договориться, уломать, взять верх над тобой», – говорил его взгляд. И она поняла вмиг, словно озарённая вспышкой яркой молнии, что все его слова и поступки – всё это ложь и притворство.

Григорий не мог знать того, что происходило в её душе. Он смело проскрипел ботинками по комнате, остановился возле книжного шкафа и заговорил снова. Но успел он произнести лишь одну фразу: Марина изо всей силы ударила кулаком по валику дивана.

– Прекратите! Сейчас же прекратите! Вы совершили гнусность и ещё пытаетесь оправдать её коммунизмом! Я буду говорить с вами дальше только в парткоме и на учёном совете!

Марина вскочила с дивана и стояла выпрямившись, гневная и недоступная. Григорий взглянул на неё и понял: усилия его не оправдались. Оставалось одно: не щадить своего самолюбия. Он рухнул на колени, протянул руки и пополз к ней, бормоча:

– Ради лучших минут нашей жизни умоляю тебя – прости! Прости, прости!..

Он обнял её ноги, намереваясь вымолить прощения любой ценой, но Марина не могла слушать его. Она с силой оттолкнула мужа и пошла к двери.

Он посмотрел ей вслед и, ударившись головой об пол, захрипел, забился, изображая припадок.

Марина поняла, что это игра.

Бенедиктин до того был противен ей, что она даже не оглянулась и ушла, хлопнув дверью с такой силой, что с потолка на его лицо посыпалась штукатурка.

Софья, одетая, лежала на кровати в своей комнате в состоянии страшного, никогда не испытанного с такой силой смятения.

Причиной этого смятения был случай, происшедший в тот же день в её комнате.

Около семи часов вечера Софья вернулась с работы. Она не успела ещё переодеться, как вдруг послышался звонок. Софья кинулась открывать дверь. Перед ней стоял, как всегда весёлый, белозубый и ясноглазый, Бенедиктин. В руках у него был пакет, завернутый в бумагу и перетянутый шпагатом, и неразлучная кожаная папка с золочёной надписью: «На доклад».

Бенедиктин быстро положил пакет и папку на круглый стол, подскочил к Софье и, прищёлкнув каблуками, поцеловал ей руку.

– Здравствуйте, здравствуйте, Софья Захаровна! Как ваше самочувствие? Как здоровье? Как движутся ваши дела? Очень, очень рад вас видеть, и именно сегодня, в день для меня до некоторой степени примечательный! – без умолку говорил Бенедиктин, поглядывая на себя в зеркало, стоявшее на деревянной подставке в прихожей.

– А папа уже вас ждёт, – сказала Софья, опасаясь, что разговор с Бенедиктиным может затянуться.

– Я бегу, бегу, – спохватился Бенедиктин, взял свой пакет и папку и заторопился по коридору на половину Захара Николаевича.

Чем отец и Бенедиктин занимались, о чём разговаривали, Софья не знала. Она пообедала с тётей Лушей, домработницей, и ушла к себе в комнату.

Около девяти Софья стала одеваться, чтобы снова отправиться в архив. Вот уже несколько недель каждый вечер она занималась разбором фондов переселенческого управления. Поиски уваровского акта, о котором написал ей Алексей, стали для неё неотложным делом. Она не задумывалась над тем, как сложатся её отношения с Алексеем, если акт будет найден, но ей казалось, что это вызовет какие-то важные перемены в судьбе Краюхина, что она, по своему великодушию, считала сейчас самым главным.

Софья складывала необходимые бумаги в портфель, когда послышался громкий, оживлённый разговор отца и Бенедиктина. «Пусть он уйдёт», – подумала Софья и присела на стул. Приближаясь, голоса становились всё громче, и Софья поняла, что отец и Бенедиктин идут к ней.

Дверь отворилась. Отец держал под руку Бенедиктина. Они оба были раскрасневшиеся, взлохмаченные и возбуждённые. Баки Захара Николаевича взъерошились, пенсне болталось на чёрном шнурочке. Софья поняла, что они выпили, и с неудовольствием подумала о Бенедиктине: «И зачем он пил с ним? Знает же, что у папы не в порядке печень».

– Соня, ты виделась с Григорием Владимировичем? – шумно дыша, спросил Захар Николаевич.

– Ну конечно, папа, виделась.

– А мы чуть-чуть выпили. Григорий Владимирович где-то добыл бутылочку венгерского коньяка. С лимоном и сахаром это божественный напиток.

– Напрасно ты пил, папа. Кроме вреда, это тебе ничего не принесёт.

– По такому поводу, Соня, я не мог отказаться...

Великанов говорил с трудом, стоял, пошатываясь. Чувствовалось, что хмель одолевает его.

– Иди, папа, отдыхать, – настойчиво проговорила Софья.

– Пойду, пойду, Сонюшка, – послушно согласился Захар Николаевич.

Софья хотела проводить отца, но Бенедиктин вежливо отстранил её.

– Не беспокойтесь, Софья Захаровна.

Поддерживая профессора, Бенедиктин открыл дверь и через просторную прихожую и узкий коридор, деливший дом на две половины, повёл его в кабинет.

Софья стояла озадаченная: одеваться или подождать, когда уйдёт Бенедиктин? Пока она думала об этом, тот стучался уже к ней в дверь.

– Я вас не отрываю от работы? – учтиво осведомился Бенедиктин, войдя в комнату.

Софья поняла, что он намерен задержаться.

– Собственно... Я собиралась идти на заседание... но... всё равно уже опоздала, – смущённо сказала Софья, приглядываясь к Бенедиктину, не слишком ли он пьян.

– Тем лучше, Софья Захаровна! У меня сегодня необычайный день, и я почти за счастье провести вечер с вами, – усаживаясь в кресло, возбуждённо говорил Бенедиктин.

– Вы что же, сегодня именинник? – спросила Софья, придвигая своё кресло к столу и чувствуя, что вечер у неё пропал.

– Более чем именинник, Софья Захаровна!

– Вы, вероятно, получили какую-нибудь правительственную награду?

– Нет, что вы! И, честно сказать, награда меньше меня взволновала бы. Как-никак я на фронте не раз переживал это состояние. – Он чуть выдвинул левое плечо: на лацкане пиджака в два ряда поблёскивали разноцветные ленточки орденов и медалей.

– Ну, в таком случае я теряюсь – не знаю, что у вас за праздник, – засмеялась Софья.

Бенедиктин посмотрел на неё взглядом, полным торжества, и не спеша осторожно развернул свою папку.

– Сегодня уместно, Софья Захаровна, припомнить один наш разговор. Кажется, в этой же комнате вы вселили в меня непоколебимую веру в успех.

Заметив удивление и растерянность на лице Софьи и испытывая удовольствие от этого, Бенедиктин в столь же загадочном тоне продолжал:

– Не кто-нибудь другой, а вы первая сказали мне слова дружеской поддержки. Как сейчас, помню наш разговор. Я: «Кто он, Бенедиктин? Чернорабочий от науки, каких сотни и тысячи. Пока такие люди, как он, не щадя жизни, спасали отечество, многие устраивали своё благополучие, получали под шумок степени и звания». Вы: «Не терзайтесь, Григорий Владимирович. Степени и звания – дело наживное. Верю, что и у вас будут и звания и степени, будет известность в научном мире».

«Неужели я говорила такие слова?» – подумала Софья. Бенедиктин уловил её колебания и, в упор глядя на неё, спросил:

– Теперь вы вспомнили наш разговор?

Софья чувствовала, что Бенедиктину очень хотелось, чтобы она ответила утвердительно. «По-видимому, что-то было сказано в этом духе, – мучительно старалась вспомнить Софья, но слов: «У вас будут и звания и степени, будет известность в научном мире», – я не могла сказать!» – думала она.

Видя, что Софья напрягает память, Бенедиктин покровительственно засмеялся:

– У вас поистине девичья память. Я вам помогу: вы говорили это весной, когда мы вместе ездили на вечеринку.

Софья пожала плечами.

– Возможно, и говорила, но я всё-таки не помню.

– Да разве вам обязательно помнить? – подхватил Бенедиктин. – Важно то, что я запомнил. Ваша вера воодушевляла меня...

– Вы мастер преувеличивать.

– Думайте как угодно, Софья Захаровна, но я говорю то, что чувствую... – Бенедиктин так пристально посмотрел, что Софья покраснела.

– Но что всё-таки у вас произошло? – спросила она, желая скорее изменить направление разговора.

– Я рад, Софья Захаровна, первые два экземпляра моего скромного труда оставить в этом доме, – торжественно произнёс Бенедиктин, вытаскивая из раскрытой папки том «Учёных записок». – Первый экземпляр я вручаю по праву вам. Второй экземпляр я уже вручил Захару Николаевичу. И тоже по праву. Если вы были мобилизатором моих эмоций, то Захар Николаевич подобен гранильщику. Он шлифовал мой мозг.

– Вы поэт, – усмехнулась Софья.

– Поэт? Да. Поэт – это человек, влюблённый в жизнь. Я тоже влюблён. Влюблён в ваш дом, который для меня стал близким и родным...

Голос Бенедиктина понизился до шёпота. Софья опустила глаза, сжалась от смутных, тяжёлых предчувствий. У неё родилось такое ощущение, будто Бенедиктин тащит её в какую-то бездну. Ей захотелось от страха перед этой бездной крикнуть, но Бенедиктин вновь заговорил обычным голосом:

– Вы не судите меня строго. Я сегодня счастлив, а человек в этом состоянии глупеет. Вот ваш экземпляр. – И, привстав, он подал ей раскрытый том «Учёных записок».

Над заголовком его статьи аккуратным, старательным почерком было выведено: «Софье Захаровне. Как путеводная звезда в открытом море ведёт капитана сквозь бури и шквалы к заветной цели, так ваш образ ведёт меня вперёд по трудной, каменистой дороге к сияющим вершинам науки».

Софья прочитала надпись и не могла не засмеяться.

– Какая высокопарная шутка!..

– Это не шутка, Софья Захаровна.

– В таком случае, Григорий Владимирович, вы человек, лишённый юмора.

– Высокопарность тогда смешна, когда она не равнозначна чувствам. Тогда это пустая оболочка, красивая ветошь.

– Потом, мне кажется, вы ошиблись: вместо слов «Софье Захаровне» здесь должны быть слова «Марине Матвеевне».

И тут произошло то, о чём раньше Софья постыдилась бы даже подумать. Бенедиктин бросился к ней, схватил её руки и стал горячо целовать. Потом он поцеловал её в лоб и быстро удалился.

С минуту Софья сидела в оцепенении. Она смотрела на дверь, в которой только что мелькнула крепкая шея и широкий стриженный затылок Бенедиктина, и не верила ещё: да точно ли всё это произошло? Не показалось ли ей? Нет, не показалось. Кожа ещё сохранила ощущение от прикосновения его горячих и влажных губ.

Софья встала, подошла к зеркалу. И когда она взглянула на себя, чувство острой обиды словно обожгло её. «Как он посмел? Разве я давала ему повод вести себя так?! Наглец, ах, какой наглец!.. Обворожил папу, втёрся к нему в доверие и теперь играет в любовь со мной». Обида перерастала в возмущение. «Напишу ему записку: «Я решительно не желаю знать вас. Идите прочь! Запомните: в наш дом вам путей нет». Но через несколько секунд Софье уже казалось, что писать записку Бенедиктину бессмысленно. «Позвоню Марине Матвеевне и чистосердечно, как подруге и старшему товарищу, расскажу обо всём. Пусть-ка он попробует заниматься такими делами дальше», – проносилось у неё в мыслях.

«Позвоню Марине Матвеевне» – легко сказать! Да хватит ли у тебя сил начать разговор?» – думала Софья минуту спустя, чувствуя, что язык её онемееет, едва только она услышит голос Марины.

«Но что же делать? Что делать?..» – спрашивала себя Софья. Она то ходила по комнате, то садилась в кресло, то бросалась на кровать. «А если просто не замечать его? – продолжала разговаривать сама с собой Софья. – Попробуй-ка не заметь его! Это не Алексей. Он будет

напоминать о себе ежечасно, ежедневно. Он вымотает всю душу...» Нет, она решительно не знала, что делать!

«Но почему ты о нём так нехорошо думаешь? Ведь может же у него быть к тебе настоящее чувство? Почему ты отказываешь ему в этом? Любишь же ты Алексея? А разве он отвечает тебе горячей взаимностью?» Эта мысль была совершенно новой. Она невольно настраивала Софью на сочувствие к Бенедиктину. На миг ей показалась недозволительной та резкость, с которой она думала о нём. «Пусть себе увлекается. Разве ты не девушка и разве тебе не приятны признания мужчин? Пойми, что на то и дана молодость».

Стараясь успокоиться, она вновь начала размышлять обо всём происшедшем. Софья хотела совладать со своими чувствами и мыслями, но оттого, что они противоречили друг другу, ей это не удавалось, и она с отчаянием думала о себе как о человеке слабовольном и нервном.

Уснула она уже под утро, так ничего и не решив.

2

Софья поднялась с головной болью. В широкое окно вливался яркий солнечный свет нового летнего дня. Непогашенная лампочка под зелёным абажуром в форме гриба светилась тускло и походила на масляное пятно. Софья выдернула провод из розетки и подошла к зеркалу.

Она думала, что увидит своё лицо припухшим, измятым, со следами слёз, но сверх ожиданий ничего этого не обнаружила.

От матери-грузинки Софья унаследовала серые бархатистые глаза, густые чёрные брови, почти сходящиеся у переносья, длинные чёрные косы, нежную смуглость кожи, прямой нос с горбинкой и энергичные, немного пухлые губы.

Софья считала себя некрасивой. Ей казалось, что её внешность портит излишняя сухощавость лица, так не шедшая к её полным покатым плечам и высокому росту. Но она знала, что многие считали её красавицей. Лицо её действительно было таким, на которое хотелось смотреть. Оно открывалось не сразу, а как бы постепенно, и люди, из числа даже давно знавших Софью, вдруг замечали: «Какие редкие глаза у Великановой. Глубокие, мягкие... Смотришь в них, как в озёра».

Наступление утра всегда радовало Софью. Каждый день приносил ей что-нибудь новое: либо она находила какой-нибудь интересный документ, либо получала из того или иного научного учреждения справку по вопросам археологических изысканий, проходивших на территории Сибири. А главное было в том, что она жила в состоянии напряжённого ожидания удачи. В последнее время она усердно искала уваровский акт, значение которого для судьбы Алексея, может быть, даже преувеличивала.

Но сейчас, стоя перед зеркалом, она не ощущала обычного приподнятого настроения. От встречи с Бенедиктиным на душе остался неприятный осадок. Вяло и с тоской она подумала о подвалах, набитых пропыленными бумагами. Потом, пристально осмотрев себя, мысленно сказала: «Глаза, брови, нос, волосы в отдельности хороши, а вместе плохо! А всё губы! Будь они чуть потоньше!» И она почти со злостью прикусила белыми ровными зубами нижнюю губу.

Софья не любила это настроение, которое хотя и не часто, но всё-таки бывало у неё. Каждый раз она старалась вырваться из-под власти щемящего неудовлетворения собою и выровнять своё самочувствие. И теперь, бесцельно походив по комнате, она распахнула окно, глубоко вздохнула, закинув руки за голову, и подумала о себе как о постороннем человеке: «Что ты раскисла? День-то какой!»

И тут она услышала голос Бенедиктина. Он доносился из сада. По-видимому, Григорий Владимирович совершал вместе с отцом утреннюю прогулку. «Он уже опять тут! И когда успел? Времени всего восемь часов», – удивилась Софья.

Первым её желанием было закрыть окно и задёрнуть шторы. Но желание это было до того мимолётным, что она не успела исполнить его. «Пусть себе идёт. Интересно, какими глазами он посмотрит на меня», – подумала она.

Бенедиктин шёл рядом с отцом. Он был в белом чесучовом костюме и в лёгкой шляпе из жёлтой соломки.

Освещённый лучами солнца, пробивавшимися сквозь листву, он напоминал Софье английского учёного, посетившего однажды дом отца. Для полного сходства с иностранцем ему не хватало только трости с тяжёлым набалдашником и серебряной росписью. «Какой он, однако, эффектный», – отметила про себя Софья, сама не зная, чего в этом замечании больше: одобрения или порицания.

Увидев Софью, Бенедиктин остановился и отвесил глубокий поклон:

– С добрым утром, Софья Захаровна!

Софья кивнула головой и отошла от окна. В глазах Бенедиктина была ласковая усмешка. Софье почему-то стало страшно. «Он не даёт мне проходу», – подумала она. Но страшно было одно лишь мгновение, потом у неё родилось другое ощущение – приятное и будоражащее: она, по-видимому, очень, очень ему нравится.

Софья ещё посмотрела на себя в зеркало, улыбнулась: «А недурна всё-таки!» – и почувствовала, что настроение её вдруг стало лучше.

Она быстро позавтракала и отправилась на работу. День обещал быть душным и знойным. Солнце уже припекало, и асфальт на тротуарах становился горячим. По обыкновению, она шла пешком. После прогулки по людной, шумной улице, под горячими лучами приятно было войти в прохладные коридоры и полутёмные залы архива и оказаться наедине с кипами неразобранных бумаг.

Чувство глубокого волнения появлялось в душе Софьи всякий раз, когда она вытаскивала с длинных полок перевязанную шпагатом новую папку. Не раз ей приходилось слышать, что

архивная работа – это мёртвое дело, далёкое от живого потока жизни. Ничего более несправедливого она не могла себе вообразить. Для неё эти бумаги воскрешали эпохи, судьбы людей, и временами она до того проникалась страстями прошлых лет, что ей казалось, будто и сама она живёт в то далёкое, давно минувшее время. Особенно было приятно, когда она, познав то или иное событие, могла оценить его со стороны, с позиции уже прошедших лет и видела не только истоки, породившие это событие, но и всю внутреннюю механику, двигавшую им. Ей были понятны достоинства и пороки людей, их ошибки и заблуждения, мотивы их стремлений и поступков. И тогда она отчётливо и с гордостью ощущала свою эпоху, которая в соотношении с другими временами рисовалась ей огромной вершиной, возвышавшейся над необозримым полем жизни.

Софья зашла в свой кабинет, надела тёмный халат и по винтовой лестнице спустилась в подвальный этаж, забитый кипами бумаг. Всё это нужно было тщательно просмотреть, систематизировать, первостепенное отделить от малозначащего. Среди бумаг могли быть сокровища, неопределимые для науки. Софье нужно было не только проявить терпеливость и тщательность – от неё требовалось, чтобы она была настоящим представителем своего времени, которое лишь одно могло подсказать, что важно, а что несущественно.

Уже несколько месяцев Софья работала над разборкой церковных архивов. В толстых стандартных книгах шли бесконечные записи церковного имущества, средств, поступавших на нужды церквей от верующих, приводились бесконечные списки родившихся и умерших, перечислялись фамилии церковных старост, и всё это за многие десятилетия.

Но и среди этих однообразных записей Софья отыскивала несколько крайне важных для неё строк. В одной из книг, в перечне молебнов, отслуженных священником по случаю различных событий, была запись о молебне на поле крестьянина Власова Егора, сына Петрова. Что же это был за молебен на поле одного крестьянина? По какому поводу он был отслужен? Софья вчитывалась в корявые, выцветшие строки, но ответа найти не могла. Тогда, полистав ещё несколько книг, на что ушла целая неделя кропотливого и напряжённого труда, Софья наткнулась на разгадку. Тем же корявым почерком было записано, что в церковь поступило от Власова Егора, сына Петрова, для выпечки просфор два пуда муки из первого обмолота впервые возвращенной в «сих краях богоданной пшеницы».

Так вот почему на полях Власова Егора, сына Петрова, был молебен!

Софья установила год, в который происходил этот молебен, а потом сверила его с последними данными исследований. На целых тридцать лет раньше, чем указывалось в исследованиях, Власов Егор сеял в этих краях пшеницу! Не менее важной была и другая сторона факта: Власов Егор сеял пшеницу на сто пятьдесят километров севернее, чем сообщали исследователи.

Ради такой находки стоило рыться в скучных церковных архивах!

Привлекла внимание Софьи и вторая находка: не то дневник, не то записки какого-то безыменного дьячка. Софье не удалось узнать, из какой среды происходил дьячок, но по характеру записок чувствовалось, что принять церковный сан его заставила нужда: дьячок был совершенный атеист. С юмором, а местами с издёвкой он описывал проделки попа, нередко глумившегося над верующими. Вторая половина записок была посвящена любви к дочери попа. Поповна не разделяла чувств дьячка. Записки были полны горечи и пессимизма. Трагической

оказалась судьба автора записок. Чьей-то бесстрастной рукой на обложке было написано: «Помер от усердия к питию водки».

Софья долго сидела над полуистлевшей тетрадью, и ей живо представилось глухое, далёкое сибирское село, занесённое сугробами снега, бедная бревенчатая церквушка и жалкая одинокая жизнь молодого дьячка.

Софья вытащила с полки тяжёлую запыленную кипу, щёткой осторожно смела с неё пыль и поднялась на второй этаж в кабинет.

– Ну, посмотрим, о каких житейских страстях поведаете вы, – сказала она, развязывая папки с бумагами. Проводя дни в одиночестве, среди бумаг, она привыкла думать вслух.

Но, едва раскрыв первую папку, Софья решила, что ей предстоит провести много скучных часов. Перед ней был архив улуюльских староверческих поселений. И в самом деле: с первой же страницы начались перечисления имущества скита, записи заготовленных староверами ягод, грибов, кедровых орехов. В других папках Софья обнаружила копии различных деловых бумаг. Тут были сделки с купцами на поставку скиту муки, восковых свечей, топоров, лопат.

Между скитом и купцами шёл бойкий товарообмен, очевидно обоюдовыгодный.

Вдруг взгляд Софьи упал на чётко выведенное чёрной тушью слово: инженер. Далее шла витиеватая, с узорами подпись. Среди штампов торговых домов и подписей купцов и приказчиков это слово насторожило Софью. Невольно привстав, Софья взяла лупу и склонилась над продолговатым листком синей бумаги. Небрежным почерком на листке было написано: анализ руды (эти слова были выделены в заглавную строку и подчёркнуты).

Прочитав бумагу до конца, Софья узнала, что на чугунолитейном заводе купца Кузьмина было произведено испытание руд, доставленных в ящиках из Улуюльского скита. В табличке, помещённой над подписью инженера, приводились результаты исследования. Фамилия инженера долго не поддавалась разгадке, но Софья не отступила и всё-таки прочитала её: Э. фон Клейст.

Эту фамилию немецкого инженера она встречала в других бумагах. Э. фон Клейст выполнял заказ по отливке столбов и решёток для вновь строящегося собора.

Догадываясь, что она нашла документ большой важности и боясь ещё поддаться чувству радости, она несколько раз перечитала анализ. «Если даже результат исследования неудовлетворительный, то ведь важен сам факт», – думала она, всматриваясь в цифры анализа. Ей захотелось позвонить отцу и спросить его, как он оценивает результаты исследования, но через минуту Софья передумала: «Как только папа узнает, что это связано с Улуюльем, он сразу утратит объективность».

Софья направилась к директору архива. Он был сведущим человеком не только в истории.

По словам директора, анализ показывал довольно высокое содержание железа в улуюльской руде, несмотря на примитивные способы её исследования. Он посоветовал Софье проконсультироваться с отцом.

Софья принялась листать бумаги. Но работа на ум не шла. Её подмывало сейчас же сбегать на телеграф и послать Алексею телеграмму. Но вскоре она передумала: что Алексею даст

телеграмма? Уж лучше пусть узнает о находке по почте на два дня позже, но зато со всеми подробностями.

Не теряя ни одной минуты, она взяла чистый лист бумаги и написала Алексею письмо. Вначале Софья намеревалась отправить его после окончания работы, но ждать так долго у неё не хватило сил. Предупредив, что уходит на полчаса, она заторопилась на почтамт.

– Я вас очень попрошу проследить, чтобы письмо ушло сегодня, – сказала Софья девушке, принимавшей на почте корреспонденцию.

– Не беспокойтесь. Сейчас же я передам в экспедицию.

Девушка участливо смотрела на Софью и сдержанно, чтобы не обидеть её, улыбалась. Софья про себя подумала: «Ты думаешь, что в письме говорится о любви, а там речь идёт о железе».

По дороге в архив Софья вспомнила об этом противопоставлении – любовь и железо, и ей стало смешно. Так с улыбкой на губах она и шла по улицам.

Вернувшись в архив, Софья уже не могла сосредоточиться. Принялась было звонить отцу и Марине, но их телефоны безмолвствовали. Только за час до окончания занятий ей удалось дозвониться в институт.

– Ты знаешь, папа, у меня сегодня редкий день... – И она рассказала о своей находке.

– Ну, Сонечка, это всё забавы. Староверы такие же сочинители, как и наши современные охотники, – ответил Великанов, но по тону его голоса Софья поняла, что он озадачен. – Завтра утром я заеду в архив и посмотрю найденный документ.

Только теперь, когда ощущение радости, вызванной важной находкой, прошло, Софья задумалась над смыслом документа, который она обнаружила. Ей припомнились слова Алексея о том, что между профессором Великановым и им, аспирантом Краюхиным, существует не просто неприязнь, а состояние принципиальной борьбы. Алексей в данном случае выражал не только своё личное отношение к позиции профессора Великанова – за ним стояли новые силы.

«А ведь может же так случиться, что папа проиграет в этом споре. И тяжко ему будет признавать это, и ещё горше – переучиваться», – размышляла Софья. Ей вдруг стало жаль отца. «А прав-то будет Алексей! Твой любимый Алексей!» – пронеслось у неё в голове. Но странно, эта мысль не уменьшила её боли за отца.

Впервые Софья с такой силой почувствовала, что жизнь не позволит ей занимать двойственную позицию, как было до сих пор. Всё время она стремилась примирить Алексея с отцом. Но ведь это только слова! А на деле? Не щадя времени, она искала уваровский акт. А что такое уваровский акт? Это удар по взглядам отца. А сегодняшняя находка? Если староверы действительно не подсунили руду, а взяли её в недрах Улуюльского края, то что же остаётся делать профессору Великанову? Признать себя побеждённым?

Её душа переполнилась острой жалостью к отцу. Она забыла все его выходки, забыла недоразумения, происходившие между ними, и во всём винила только себя. Софье казалось теперь, что она доставила отцу столько горьких минут, что у него давно уже нет оснований любить

её. «Ведь и в том, что он после смерти мамы остался одиноким, виновата опять-таки я. Я капризничала, не хотела принять в дом и одну мачеху и другую. А он считался с капризами девчонки».

Пережив только что радостное удовлетворение, Софья как-то незаметно для себя занялась самобичеванием.

3

Раздался звонок телефона. Марина ещё не успела произнести ни одного слова, она лишь тихо кашлянула, а Софья уже знала, с кем она будет разговаривать. «Я её узнаю по дыханию», – подумала Софья.

– Соня, милая, мне нужно вас повидать, и немедленно. Если вы не возражаете, то я буду у вас самое большее через двадцать минут. Я думаю, что нам никто не помешает поговорить наедине и не спеша. – Марина говорила торопливо, тяжело дыша.

– А я вам сегодня звонила бесконечное количество раз, Марина Матвеевна! Вас всё нет и нет, а у меня такие новости! Приезжайте! Приезжайте скорее! – говорила Софья, и настроение её стало подниматься.

В ожидании Марины Софья продолжала беседу сама с собой. Её занимал всё тот же вопрос: как могут сложиться взаимоотношения Алексея и отца в случае, если окажется прав Алексей? «Папе по-хорошему надо признать ошибки, а если он признает их, то исчезнет и отчуждённость». Но Софья знала, каким упрямым бывает отец. И она боялась, что он начнёт сопротивляться и не пойдёт ни на какое сближение с Алексеем.

Она думала сейчас так, словно проблема Улуюльского края была уже решена в том плане, как предполагал Алексей. Она понимала, что забегает вперёд, упрощает сложный и длительный процесс борьбы вокруг Улуюля, но иначе она думать не хотела, а в эти минуты и не могла.

Вошла Марина. Она была вся в белом: белые туфли, белое шёлковое платье и светлая широкополая шляпа. Белый цвет очень шёл к ней. Она показалась Софье похожей на скромную берёзку. В иной берёзке ведь и красоты особой нет, стоит себе одиноко где-нибудь на поляне или на пригорке, но попробуй убери её, и весь уют этого места, вся его неповторимая прелесть, волнующая сердце человека, исчезнет.

С приходом Марины в кабинете Софьи будто стало светлее и уютнее. Софья пристально осмотрела гостью и заметила, что под глазами у неё синие круги. «Недоспала или переутомилась», – подумала она и бросилась усаживать Марину поближе к столу.

– Соня, вы какая-то сегодня праздничная, – сказала Марина, замечая, с каким оживлением встретила её Софья. – И вы садитесь, пожалуйста, не хлопчите возле меня, я уж как-нибудь сама.

– Праздничная, говорите? Вы не ошиблись! – воскликнула Софья, садясь рядом с Мариной, – Вот посмотрите, что я сегодня нашла в архиве Улуюльского староверческого скита!

Софья через стол подала раскрытую папку с бумагами. Марина приняла папку на ладонь и стала внимательно читать. Софья следила за её выражением. Тонкие изогнутые крутой подковкой брови Марины дрогнули, и бледное лицо порозовело.

– Соня, это такая важная находка, что я не знаю... – сказала Марина и глянула на Софью взглядом, в котором выразилась её большая радость.

– Я уже написала Алексею, а потом буду просить разрешения послать ему копию этого документа, – перебила её Софья, а Марина в этот момент подумала, что сегодня же ей надо рассказать о находке Максиму.

– Я представляю, Соня, как он обрадуется. Это даст ему в руки новое и очень серьёзное доказательство.

– А вот папа опять сомневается.

Марина заметила, что, сказав это, Софья помрачнела.

– Разумеется, что Захар Николаевич так просто не отступит. Поймите, Соня, что это не упрямство. Это убеждение. Мне понятна его настороженность. В самом деле: староверческий скит – и вдруг поставляет на купеческий завод железную руду. Почему бы это?

– Да, но документ фон Клейста подлинный. Его подпись встречалась мне ранее, – горячо возразила Софья.

– Я верю, Соня, и в подлинность документа, и в подлинность самого факта. И думаю, эта ваша находка поможет многое разгадать. А сомнениями, которые естественны в нашем деле, вы не огорчайтесь.

– А вы какая-то утомлённая, Марина Матвеевна.

– Я?..

Этим коротким вопросом, произнесённым с неповторимой интонацией, Марина невольно как бы сказала: «Да, утомлена, и даже более того – подавлена».

– Что у вас? – спросила Софья, приглядываясь к ней.

– Вы знаете, Соня, – Марина повела плечами, будто ей стало холодно, – сегодня такой хороший день. Я вначале решила ничего вам не говорить, чтобы не омрачить вашего светлого настроения, но чувствую, что не сказать я не могу, – Марина вздохнула и, глядя Софье в её мягкие, бархатистые глаза, дрогнувшим голосом сказала: – Соня, я так обманута!.. – Марина опустила голову и всхлипнула.

Опустила голову и Софья. Ей вдруг показалось, что Марина имеет в виду её. «Обманута!» Ну конечно! Какое же имела она право умолчать о своих встречах с Бенедиктиным? Нет, так

истинные друзья не поступают, так не поступают даже просто порядочные люди. Чувство острой неприязни к самой себе поднялось в душе Софьи. Она приготовилась выслушать упрёк Марины как заслуженный и сказать ей, что она ещё больше любит её за прямоту. Но Марина сказала о другом:

– Вы видели, Соня, последний том «Учёных записок» нашего института?

– Видела.

– Там есть статья Григория. Там многое заимствовано из моей докторской диссертации.

– Как заимствовано?

– Точнее – украдено.

– Что вы говорите?! – воскликнула Софья, поднимая руки к лицу, как бы стараясь защититься от удара.

– Правда, Соня, – чуть слышно отозвалась Марина, и губы её дрогнули.

– Какая низость! – брезгливо произнесла Софья. Ей стало стыдно. Нечего греха таить: сегодня утром она пережила минуты, когда ей подумалось, что Бенедиктин не такой уж заурядный человек, каким он ей всегда казался. В её душе тогда шевельнулось какое-то приятно-сладостное чувствико оттого, что он ухаживает за ней. Ей захотелось откровенно рассказать Марине о приставаниях Бенедиктина, но, взглянув на неё, она сдержалась. Марина сидела, закрыв лицо ладонями, и Софья поняла, что ей и без того горько.

Они долго молчали. Софья чувствовала, что она должна что-то сказать Марине, чем-то её утешить, но настоящих слов не было.

Марина заговорила сама:

– Соня, вы первая, кому я сказала об этом. Я ещё не знаю, на что решиться, что предпринять. То, что я должна покинуть его, – это разумеется. Ну, а дальше? Разве я могу замолчать этот поступок Григория, скрыть его от товарищей? Он же член партии! Ведь если разобраться, то это... это... Да, да, именно такие вещи мы и называем пережитками капитализма. И в то же время, как подумаю, что об этом будут говорить, склонять моё имя, мне становится противно, тошно. Хочется плюнуть на всё, уехать куда-нибудь в тайгу, в далёкую экспедицию и жить там безвыездно и год, и два, и три...

Как хорошо Софья понимала Марину! Конечно, самое простое – это промолчать. Разве оскудел ум Марины? Вместо десятка страниц, которые Бенедиктин так бесчестно присвоил, она сумеет написать двадцать, тридцать, сто новых, ещё более содержательных и ценных. Но дело не в этом. Какое она имеет право прощать зло? Чтобы зла не было, чтобы люди жили в постоянной, ничем не омрачённой дружбе, они должны преследовать зло, не давать ему пощады. Так думала Софья.

– Уезжать надо не вам, Марина Матвеевна, а ему. И он уедет, конечно, если в нём есть ещё совесть, – убеждённо проговорила Софья.

Она вдруг почувствовала, что должна поддержать Марину, дать ей дельный совет и уберечь от ошибок. Софья вспомнила выспреннюю надпись Бенедиктина на дарственном экземпляре «Учёных записок» и теперь вдруг ощутила в себе откровенную ненависть к нему.

Она встала из-за стола, подошла к окну. По улице, залитой солнцем, непрерывным потоком двигалась пёстрая толпа людей, мчались автомобили, поблёскивая разноцветными лаковыми боками. Лица у людей были открытые, загоревшие. И, глядя на эту пёструю, солнечную улицу, Софья подумала, что Марина выбита из общего людского потока, и сердце Софьи переполнилось ещё большей тревогой за неё. «Нет, нет, подлость не может взять верх!» – взволнованно размышляла Софья. Но то ли от горячности, с какой она думала об этом, то ли от недостатка жизненного опыта – она не знала, что посоветовать Марине, чем ей помочь вот тут же, не отходя от неё.

– Вы очень любите его, Марина Матвеевна? – спросила она вполголоса тем наивно-заговорщицким тоном, каким об этом могут спрашивать только девушки.

– Нет, Соня, всё рухнуло, – глухо, с отчаянием ответила Марина.

– Ну и замечательно! Вы такая хорошая, добрая, талантливая, и вы ещё будете счастливы, – подойдя к Марине и обнимая её, говорила Софья всё тем же горячим шепотком.

– Нет, Соня! После такой ошибки мне трудно найти нового друга. И лет мне уже столько, когда о друзьях перестают думать... Милая вы моя Соня! Я сама не знаю, почему я говорю всё это вам... – Марина опустила руки и посмотрела на Софью с лаской и страданием в глазах.

Софья схватила руку Марины, присела и прижалась к её плечу. Нет, быть старше, рассудительней, давать советы другим, как строить жизнь, она ещё не могла.

– Марина Матвеевна, неужели... неужели вы думаете, что вас уже никто больше не полюбит? – с трудом выговорила Софья.

– Может быть, Соня, меня кто-нибудь ещё и полюбит, но ведь этого мало.

– Почему же? – искренне изумилась Софья.

– Да ведь, для того чтобы сложилось счастье, надо, чтоб и я полюбила.

– Ну и что же! Полюбите ещё и вы!

– Едва ли, Соня!

– Почему?

– Ах, какая вы!.. Да потому, что прошло время.

– Как прошло время? Разве у любви есть сроки? – Софья всё больше и больше краснела от этого разговора, который требовал от неё усилий, так как по натуре она была замкнутой и не любила разговоров на «сердечные» темы.

– Вся моя ошибка, Соня, оттого, что я не посчиталась с законами жизни, хотела их обойти, а они жестоко отомстили мне. – Марина несколько оживилась, преодолевая состояние скованности, в котором она находилась с той минуты, как вошла сюда.

– Рассказывайте, Марина Матвеевна, рассказывайте, – горячо попросила Софья.

– На третьем курсе, Соня, я встретила человека, которого очень полюбила. Его звали Андрей Зотов. Он тоже любил меня и предложил выйти за него замуж. Я чувствовала, что жить без него не могу, но в те дни у меня была другая страсть – я так была увлечена наукой, что временами забывала даже о любви. Я думала: вот выйду замуж и может всё пойти прахом. И я решила: человек не должен делить себя – либо нужно отдаться науке, либо выйти замуж. С большой мукой я переборола в себе любовь, затратив на это столько сил, сколько от меня не потребовала бы, может быть, и сама любовь. А поступив так, я дала себе слово выйти замуж не ранее окончания аспирантуры. Пока эти годы шли, я отвергала одно увлечение за другим. Мне казалось, что я поступаю самоотверженно, а на самом деле я малодушничала, боялась трудностей, которые принесла бы мне любовь.

Потом я стала кандидатом наук; и когда это произошло, я увидела, что затянула с замужеством. Боязнь остаться одной охватила меня. Я поспешила, а поспешив – ошиблась, и, как видите, ошиблась жестоко и, возможно, непоправимо.

Софья смотрела широко раскрытыми глазами. Она думала о себе, пыталась понять всю сложность своих отношений с Краюхиным.

– Значит, я тоже ошиблась? Может быть, правильнее было бы уехать к Алексею? – без прежнего смущения, доверчиво спросила Софья.

Марина про себя отметила: «Уж истинно, что любовь эгоистична. Говорим обо мне, а думает она о себе».

– Вы хотите, Соня, знать моё мнение?

– Ну конечно, Марина Матвеевна! – воскликнула Софья, и напряжение на её лице сменилось живым, нетерпеливым любопытством, а смуглые щёки снова покраснели от смущения.

– Очень трудно говорить, Соня. Знаете старую мудрость: любовь не терпит советчиков. Но я всё-таки скажу: если б на вашем месте была я, я сделала бы то же, что делаете вы. Впрочем, какой я советчик! Сама заблудилась. А всё-таки! Знаете, правильно люди говорят: за битого двух небитых дают.

И Марина рассмеялась в первый раз после того, как пришла сюда.

– Вы говорите, говорите, Марина Матвеевна!

Марина беспомощно развела руками. О чём говорить? Сказала, кажется, всё, что думала. Но Софья всё смотрела на неё с пристальным вниманием, она ждала от неё новых слов и мыслей, в которых так нуждалась.

– Ну что ж, поговорим, Соня. – Она вздохнула, помолчала, лицо её стало вдруг серьёзным и ещё более привлекательным. – Недавно пришлось мне, Соня, разговаривать с одним металлургом. Он рассказывал много интересного о своей профессии. И вот оказывается, что самым прочным металлом является тот, который подвергся наиболее сложному процессу закалки. Извините меня за такую аналогию, но так бывает и в любви. Только те чувства настоящие, которые выдержали испытание, прошли сквозь невзгоды и трудности жизни. Я нижу, что у вас к Алексею большое чувство. В тех испытаниях, которые выпали сейчас на вашу долю, это чувство закалится, ещё больше окрепнет... Я рада, Соня, за вас. Вы не оставили Алексея в беде, помогаете ему бороться. Он чувствует вашу поддержку. А ведь это и есть любовь настоящая, как я её понимаю.

– И не обязательно к нему ехать? – спросила Софья, когда Марина умолкла.

– Ехать к нему? Я не знаю, право, что сказать вам на это. Быть вместе с любимым, конечно, приятно и радостно, но разве там, рядом с ним, вы нашли бы такой документ? Здесь вам важнее быть, Соня. А разлука не будет вечной. И помните, как хорошо сказал Тургенев: «Разлуку переносить и трудно и легко. Была бы цела и неприкосновенна вера в того, кого любишь, – тоску разлуки победит душа».

– Я не встречала этих слов у Тургенева, – сказала Софья задумчиво.

– Это точно тургеневские слова.

– Вы их выучили, когда были в разлуке?

– Я их не то что выучила, а сердцем прочувствовала. – В глазах Марины вспыхнула ясная улыбка, озарившая всё лицо, но улыбка эта быстро погасла, и беглая тень прошла по лицу, отразившись в каждой чётчке, в каждом мускуле. – Ах, Соня, если б я знала, что так будет!.. – продолжала Марина, с трудом удерживаясь от слёз.

– Почему людям не дано знать, что будет с ними? – с живостью подхватила Софья, думая сейчас о том, не подстерегает ли в будущем и её какая-то беда.

– А может быть, это было бы хуже? Знай я, что так получится, разве я могла бы перенести войну? Меня согревала надежда, она прибавляла мне силы. Столько в этом чистого и возвышенного, Соня! Нет, уж лучше пусть будет так, как есть, – заключила Марина, и Софья закивала головой. – И знаете, Соня, – помолчав, добавила Марина, – не всегда и не у всех складывается, как у меня. Плохое бывает реже, чем хорошее, а сколько есть людей, у которых все исполнилось, о чём они мечтали.

Марина сказала это, чувствуя по молчаливой задумчивости Софьи, что всё происшедшее с ней навеивает девушке горькие мысли. Марина умела угадывать настроения других, и, как ни требовала сейчас её душа людского сочувствия, она никому не хотела приносить не только страданий, но даже просто дурного расположения духа. Марина переменяла разговор: она принялась расспрашивать Софью о её работе, о находках в церковных архивах.

Они проговорили до потёмок и, разойдясь, ощущали себя укрепившимися в том главном, что определяло их жизнь на ближайшее будущее. Марина направилась к брату, чтобы сообщить ему о происшедшем изменении в её жизни и о находке Софьи Великановой. Софья же, проводив Марину до дверей, вернулась в кабинет, снова надела тёмный халат и спустилась вниз к полкам неразобранных бумаг, чтобы продолжать поиски уваровского акта.

Марина была убеждена, что Григорий ещё не раз попытается вернуть её расположение, Она знала, что он умел это делать, не щадя собственного самолюбия.

Втайне она боялась встречи с ним. Она боялась не его, а себя, своей доброты, своего благорасположения к людям. Она боялась, что и на этот раз может простить его, примириться с ним, не устоять перед его горячими просьбами и клятвами.

Григорий встретил её у дверей. Вид у него был виноватый, глаза тоскливые, волосы взъерошенные. Даже костюм, о котором он умел заботиться при любом настроении, сейчас был сильно измят. От мужа пахло водкой.

– Мариночка, я прошу тебя уделить мне полчаса, – сказал он тем вкрадчивым голосом, который как бы подчёркивал его миролюбие и готовность стать другим.

Марина посмотрела на него и, хотя в душе у неё что-то всколыхнулось ему навстречу, твёрдо ответила:

– Ни полчаса, ни десяти минут. Я прошу понять, что мы чужие. Я решила это окончательно. И ничто не изменит моего решения.

Григорий затряс головой, собираясь не то заплакать, не то закричать, но Марина опередила его:

– Всё!

– Всё, – механически повторил он.

– Я хочу знать, как поступить с квартирой? – спросила Марина, стараясь не глядеть на него.

Григорий молчал: об этом он не подумал ранее потому, что был уверен, что Марина остынет, успокоится. «Ей всё-таки четвёртый десяток. Не много до неё охотников найдётся, когда молоденьких девать некуда. Образумится!» – думал он с обычной для него самоуверенностью и цинизмом. И теперь он не знал, что сказать ей. Правда, квартира была её и он не имел на неё никаких прав, но он здесь был прописан и, уж во всяком случае, мог претендовать на одну комнату. Однако, быстро взвесив в уме все обстоятельства своего нового положения, он понял, что Марина не пожелает оставаться с ним под одной крышей. Она переедет, и вероятнее всего к брату. А это выбьет у него из-под ног почву для примирения с ней. Потерять же Марину как жену навсегда он пока не собирался. Григорий знал, что даже самые близкие друзья называли бы его за это глупцом. Марина была талантлива и обладала привлекательной внешностью, добрым, ровным характером, а главное, излучала то очарование, под воздействие которого попадали все, с кем она общалась, – и мужчины и женщины.

– Я перееду к маме, – кротко сказал Григорий, решив, что если Марина останется здесь, то у него будет больше шансов уже в ближайшем будущем вновь вернуться сюда.

– Прошу сделать это сегодня же. – Марина отметила про себя свою твёрдость и уверенность в том, что сейчас ничто не могло бы изменить её чувств.

– Ещё что ты требуешь от меня? – спросил Григорий, пытаясь усмехнуться.

– Об остальном будут говорить те, кому дано на это право.

– И тебе не кажется это жестоким? – голос Григория слегка дрогнул.

– Нет, не кажется... А если и жестоко, то всё же необходимо...

– Посмотрим, Марина Матвеевна, посмотрим... – произнёс Григорий, щуря свои чёрные блестящие глаза.

– Я не имею больше времени разговаривать, да и не считаю это нужным, – спокойно проговорила Марина и прошла в кабинет.

Только теперь она почувствовала, сколько сил отнял этот короткий разговор. Ноги в коленях дрожали, в руках была такая слабость, что она не могла ими шевельнуть, в ушах стоял звон. Марина опустилась в кресло и несколько минут сидела без движения. Но когда это состояние несколько улеглось, она передвинулась к столу и раскрыла третий том «Войны и мира».

Её восприятие творчества Льва Толстого сближалось с ощущением природы. Часто в минуты крайнего душевного напряжения, или, точнее, душевного беспокойства, и в годы войны, и до неё, и после, ей приходилось бывать в лесу. Оказавшись в лесу, в окружении берёз или сосен, прибрежных тальниковых и черёмуховых кустов, под высоким, бездонным небом, она чувствовала, как душой постепенно овладевает спокойствие, как разум, недавно скованный какой-то одной мыслью, начинает охватывать жизнь с самых разных сторон. Природа исцеляла её от дурного настроения, от бессонницы, рождала ощущение бесконечности и сложности человеческого бытия.

Творчество Толстого, по её ощущению, было столь же великим, вечным и мудрым, как природа.

Марина села поудобнее и принялась читать. Вскоре она была покорена и захвачена значительностью событий, которые развёртывались на страницах книги. Она не могла не вспоминать о только что случившемся, но чувствовала, что её столкновения с Григорием, все её неурядицы и терзания – это что-то маленькое-маленькое в сравнении с движением народов и судьбами государств.

Изредка до Марины из других комнат доносился шум передвигаемых кроватей, чемоданов, столов и стульев. Это собирался Григорий. Марина продолжала читать, будто это был не Григорий, а сосед по квартире, уезжавший в очередную командировку. Но Бенедиктин не хотел уйти незамеченным. Он громко стучал, хлопал одной дверью, другой, третьей. Потом он уронил какую-то посудину, и она со звоном разбилась. «Уронил кувшин с водой, нервничает», – подумала Марина и отложила книгу в сторону.

«Не жалеешь, что он уходит?» – спросила она себя, поглядывая на дверь, за которой он стучал башмаками, и не почувствовала ни малейшего сожаления. За последние сутки у неё ни разу не было ещё такой ясности в душе, такого сознания справедливости и нужности того, что она делает.

Вероятно, Григорий был уже готов к уходу. По звукам, доносившимся до неё, она поняла, что он вынес чемоданы в прихожую. Он усиленно кашлял, вздыхал, гремел ключами, всячески стараясь, чтобы она вышла. Видимо, Григорий ещё надеялся, что в эту последнюю минуту, когда он, жалкий и униженный, возьмётся за ручки чемоданов, она может броситься к нему, загородить собой дверь. Но надежды эти были напрасны. Марина не желала выходить.

Наконец он дёрнул дверь кабинета и, когда убедился, что она заперта, понял, что ему ждать нечего. Марина услышала, как он осторожно вынес чемоданы на площадку и захлопнул входную дверь. До неё донеслись его глухие, торопливые шаги. Она поняла, что он спешит выйти из дому, чтобы никого не встретить и не дать повода к разговорам. Но едва ли кого-нибудь он мог встретить в такой поздний час: было уже около трёх ночи.

Когда шаги его затихли, Марина встала. «Ну вот, осталась одна, как тогда, в войну», – остро пронзила её мысль. Ей казалось, что после всех стуков, шумов, громов, которые доносились до неё, она увидит в комнатах беспорядок. Но она ошиблась. В столовой горел свет, и она сразу же увидела, что в комнате всё на месте. «Он был аккуратен, как всегда», – заметила она про себя и прошла дальше, в спальню.

Здесь она увидела перемены. С одной кровати было снято одеяло и взята подушка. Шкаф с одеждой был раскрыт, и та его часть, в которой хранились его костюмы, пустовала.

Марина заглянула в эту пустую часть шкафа и почувствовала, что ей становится страшно. «Совсем, совсем одна, даже в войну так не было», – снова подумала она.

Когда Григорий был на фронте, Марина все его вещи держала на виду. Рядом с её пальто висело его пальто. Его кровать была так же застелена, как и её кровать. В буфете на полочке, где стояла её посуда, была и его посуда: стакан в золочёном подстаканнике, тарелки, нож, вилка, ложка. У неё часто возникало ощущение, что он дома, но только задержался где-нибудь на заседании. И это ощущение помогало ей жить.

Женщине, которая приходила к Марине готовить обеды и убирать в квартире, она наказала все вещи мужа оставлять на своих местах и ничего никуда не передвигать. Женщина не расспрашивала Марину, почему этого не следует делать. Она сама была женой фронтовика и так же берегла вещь своего мужа.

Словно очнувшись, Марина быстро направилась к буфету. Ни стакана в золочёном подстаканнике, ни столового прибора она не нашла. Это был её подарок Григорию, и он, конечно, взял его.

Горькое уныние с новой силой стиснуло её сердце. Голова закружилась. Стены комнаты и предметы, стоявшие в ней, задвигались и поплыли. Боясь упасть, Марина опустилась на диван. Мысли и чувства, только что текшие с такой ясностью и спокойствием, что она сама себе удивлялась, вдруг потеряли всякую стройность. Она почувствовала то, что чувствовала уже не раз: все противоречия людской жизни переместились в её душу и безжалостно рвут её на части. Что она сделала!.. Она добровольно наложила на себя оковы такого одиночества, которого у неё не было даже в самые трудные годы – в годы войны. Тогда у неё была надежда, а теперь не осталось

ничего. Ей захотелось заплакать, но глаза были сухими, и слёзы не появлялись. Она долго лежала, не замечая, что в окна неслышно вливается рассвет.

Мысли теснились беспорядочно, и ей не сразу удалось придать им стройность.

«Ну что ж, верни его, если тебе горько, – думала Марина, обращаясь к себе, как к постороннему человеку, с кем она имела право говорить прямо и открыто. – Верни, чтоб ещё и ещё раз быть обманутой и оскорблённой. Уж если у него хватило совести красть твои мысли, то неужели ты думаешь, он не обманывал тебя как женщину?» Голос, которым говорил её собственный разгорячённый разум, был жесток и неумолим. Она припоминала некоторые слова Григория, его отдельные поступки, поражавшие её, и видела, что все они имеют свои связи с этим последним его поступком.

Уснула она, обессиленная переживаниями, только под утро. Как это ни странно, она спала крепким, здоровым сном. Утром ей почему-то стало неудобно за этот глубокий, безмятежный сон. Принимая ванну, она думала над тем, что всё это значило. И вывод, к которому она пришла, обрадовал и успокоил её. Ей казалось, что она спала так хорошо потому, что решение порвать с Григорием было правильным.

За завтраком Марина на мгновение почувствовала тоску одиночества. Но это чувство не захватило её и не вызвало никакого раскаяния.

Она вышла из дому с твёрдым намерением сейчас же отправиться к директору института Водомерову и профессору Великанову и рассказать обо всём, что произошло у неё с Бенедиктиным.

Припоминая свои слова о жестокости, сказанные вчера Григорию, Марина и теперь повторила их. «Конечно, ему будет неприятно и горько. Возможно даже, что руководство института отчислит его, – думала она. – Но как же поступить иначе? Пока он ещё молод, это многому научит его. Он поймёт, как надо ценить чужой труд, и, поняв это, научится по-настоящему уважать и любить свой. И никто, ни один разумный человек не упрекнёт меня в жестокости».

Но чем ближе подходила Марина к институту, тем хаотичнее становились её мысли. Всё чаще и чаще возникали вопросы: «А уж так ли велико преступление Григория? Не прав ли он в том, что она, Марина, излишне щепетильна в отношении своего научного творчества? Не является ли её поведение эгоистичным?»

Вчера, задавая себе эти вопросы, Марина отвечала на них отрицательно. Сейчас же она не чувствовала себя уверенной, ей казалось, что она ещё не всё обдумала.

Не замечая ни расстояния, ни погоды, ни прохожих, занятая только своими мыслями, Марина подошла к институту.

Институт размещался в большом массивном здании на одной из главных и очень оживлённых улиц. Трудно было отнести его к какому-нибудь определённому архитектурному стилю. Дом представлял собой сочетание стилей, отражавших вкусы, потребности и характер различных эпох. Он был построен в восьмидесятые годы прошлого столетия просвещённым купцом как здание для гимназии. В начале первой мировой войны гимназия была закрыта и в здании разместилась юнкерская школа. Военное ведомство срочно пристроило к двухэтажному дому новое крыло. Пристройка казармы не соответствовала ампиру, в котором был сооружён основной фасад, и сделала здание просто уродливым. После революции здесь разместился государственный банк, а затем Коммунистический университет. К основному фасаду в тридцатые годы было пристроено ещё одно крыло – безвкусное, коробкообразное, с продолговатыми окнами здание в стиле тех, которые появились у нас кое-где в городах в первые пятилетки.

Когда этот дом был передан научно-исследовательскому институту, его вновь реконструировали, но теперь уже коренным образом. Надстройка двух новых этажей смягчила разностильность здания. Но всё же среди однообразных построек старой улицы институт выделялся своей необычностью.

Марина подошла к институту и остановилась в палисаднике, узкой полоской огибавшем фасад. Она стояла возле клумбы с буйно разросшимися цветами, но не цветы занимали её. Дорогой она так и не решила, пойти ли ей к директору института сейчас же или отложить это на завтрашний день. «Пожалуй, спешить не буду. Ещё и ещё раз взвешу и уж тогда без всяких колебаний пойду, если не раздумаю совсем». Чувствуя облегчение оттого, что склонилась наконец к этому решению, Марина быстро вошла в институт.

Кабинеты и лаборатории биологического отдела размещались на четвёртом этаже. Часть помещения представляли собой обширные оранжереи под стеклянной крышей, в них всегда было светло и солнечно. От цветов, свежей зелени небольших деревьев и земли на четвёртом этаже устойчиво держался запах леса и полей. Тут даже зимой, в декабрьские морозы, можно было наслаждаться ароматом цветов и трав.

Марина любила четвёртый этаж, любила так, как люди любят свой родной уголок, где они родились, встали на ноги и прожили в радостях и печалях долгие годы. Всё, всё здесь, начиная от микроскопов и длинных ящиков с образцами почвы и кончая шарообразными медными ручками на массивных дверях комнат, было дорого и близко Марине.

Институт развёртывался не только на её глазах, но и при её ближайшем участии. Марина любила четвёртый этаж ещё и потому, что стоило ей появиться тут, как тотчас же от строгой тишины, царившей на этаже, от белизны прочных каменных стен, от яркого, насыщенного солнцем света, вливавшегося в широкие окна, у неё непроизвольно возникало состояние особого расположения к работе.

И сейчас, проходя по длинному коридору к своему кабинету, Марина с волнением подумала о работе.

Вход в кабинет Марины был через зал, в котором работали лаборанты. Григорий как-то по этому поводу пошловато сострил: «Твои лаборанты каждого входящего осматривают, как телохранители. Я доволен. Сюда не пройдёт незамеченным ни один твой поклонник».

Лаборанты были уже на месте. По внутреннему распорядку института, они являлись на работу на час раньше руководителей отделов и секторов. Марина поздоровалась и хотела пройти к себе.

– Марина Матвеевна, вам срочный пакет, – сказала русоволосая девушка, сидевшая за продолговатым столом, заставленным микроскопами, весами и стеклянными пробирками.

Подходя к столу за пакетом, Марина подумала: «От Григория. Прощения просит». Но девушка подала Марине не письмо, а именно пакет. В плотном большом конверте из толстой бумаги лежала, по-видимому, какая-то книга или рукопись. Марина бросила взгляд на адрес, написанный размашистым почерком, но почерк был незнаком. «От кого же это?» – подумала она, перечитывая своё имя, начертанное на конверте, и задерживая глаза на слове «лично», заключённом в жирные скобки.

– Анечка, скажите, кто это доставил? – спросила Марина, останавливаясь у двери своего кабинета.

– Пакет передали, Марина Матвеевна, из комендатуры. Принесла какая-то женщина около восьми утра, – ответила девушка, которую Марина ласково назвала Анечкой.

Озадаченная Марина торопливо открыла кабинет и захлопнула дверь. Её так занимало содержание пакета, что, не сняв шляпы и лёгкого пальто, она подошла к столу, села в кресло и быстро концом ручки вскрыла конверт.

Из конверта она вытащила последний том «Учёных записок», в котором была напечатана злополучная статья Григория. «Неужели у него хватило совести прислать мне на память?» Марина быстро открыла обложку «Учёных записок» и прочитала написанное его рукой посвящение Софье Великановой.

Посвящение было выспренным и неумным, но тон его был совершенно определённым: так можно писать человеку, с которым либо установились, либо возникают интимные отношения.

Марине показалось, что она летит в бездну с какой-то невообразимой высоты и вот-вот её сердце не выдержит скорости этого падения. «Неужели?.. Неужели я ошиблась и ещё в одном человеке?» – сдерживая свои чувства, спрашивала себя Марина.

Взглянув на конверт, Марина увидела, что она не всё вытащила из него. Дрожащей рукой она извлекла из конверта лист голубой бумаги и, не прочитав ещё ни одного слова, только взглянув на бегущую вязь из синих чернил, поняла, что письмо было от Софьи.

«Родная моя Марина Матвеевна! Я не знаю, что вы в эту минуту подумаете обо мне, – это ваше дело, но не написать вам не могу. Я собиралась вчера ещё сказать вам всё это, и оттого, что не сделала этого, мне ужасно стыдно, стыдно до слёз. Я решила прибегнуть к бумаге, возможно, из-за малодушия, но иначе поступить не могу. Я посылаю вам подаренный мне Г.В. том «Учёных записок». Дарственная надпись поразит вас. Верьте мне, как самой себе: ничем, абсолютно ничем я не давала ему повода делать такую надпись.

И ещё одно я вам не сказала прежде, хотя по долгу нашей дружбы была обязана это сделать. Нынче весной Г.В. пригласил меня на вечеринку (вернее, попойку), устроенную его друзьями, сказав, что там будете и вы. Когда же вас не оказалось, он объяснил это вашей занятостью на лекции в каком-то рабочем клубе. Я сбежала с вечеринки в самом её начале. Это было в тот вечер, когда вы ждали меня у нас в саду с письмом от Алексея.

Я сообщаю вам всё это по двум причинам: во-первых, потому, что хочу, чтобы вы знали о нём всю правду; во-вторых, потому, что хочу, чтоб в моей душе не оставалось ничего-ничего для вас не известного.

Простите меня великодушно, если я вам сделала больно, и знайте, что я со вчерашнего дня уважаю и люблю вас ещё больше, чем раньше.

Преданная вам С. Вл.»

Первое ощущение, которое испытала Марина, прочитав письмо, было ощущение стыда. Как у неё могла шевельнуться мысль относительно нечестности Софьи? Это чувство было таким острым, что боль от новой раны, нанесённой Григорием, как-то сразу погасла, как гаснет вспыхнувший, но не успевший разгореться костёр. Марине захотелось сейчас же, не откладывая ни на одну минуту, сказать Софье, что она верит ей и ценит её дружеское участие. Она быстро набрала номер телефона Софьи, и, когда та, почувствовав, кто звонит, робко назвала себя, Марина, горячо дыша, сказала:

– Соня, вы благородный, хороший человек. Спасибо вам! Вы настоящий друг. Ещё раз спасибо вам!..

Софья крикнула в трубку что-то радостное, но внятно ответить ничего не смогла. Марина подождала несколько секунд и положила трубку.

– Что же делать дальше? – вслух произнесла Марина и с усмешкой подумала: «А дальше надо снять шляпу и пальто». Она подошла к вешалке, стоявшей в углу её кабинета, и не спеша, чтобы не рассыпались волосы, стала снимать шляпу.

«Не думаешь ли ты и теперь откладывать своё посещение директора на следующий день? Может быть, тебе всё ещё что-нибудь не ясно?» – спросила она себя мысленно, подошла к телефону и попросила телефонистку соединить с секретарём директора.

– Наталья Константиновна, добрый день!.. Скажите, пожалуйста, Илья Петрович у себя? – спросила Марина.

Наталья Константиновна, пожилая добродушная женщина, любила Марину, как и все служащие института, за её мягкосердечие и внимание к рядовым работникам и охотно сообщила, что директор у себя уже около часу, что недавно к нему в кабинет прошёл профессор Захар Николаевич Великанов и что оба они в чудесном настроении, так как, дважды побывав с бумагами в кабинете, она видела их смеющимися и необыкновенно весёлыми. «Ах, хорошо бы захватить их вместе! Можно сразу поговорить и о Григории и решить вопрос с поездкой в экспедицию», – подумала Марина.

Недавно было решено взамен отдельных экспедиций послать в Улуюлье одну комплексную, и Марина считала своим долгом принять в ней участие.

– Вы не могли бы узнать, Наталья Константиновна, можно мне сейчас зайти к Водомерову? Мне очень нужно повидать и его и Захара Николаевича, – сказала Марина.

Секретарь с готовностью согласилась сходить к директору и передать ему просьбу Марины. Марина ждала её возвращения, не кладя трубки.

– Приходите, Марина Матвеевна. Они ждут вас, – слышался голос секретаря.

Спускаясь по широкой лестнице, Марина думала, как ей лучше начать разговор с руководителями института. «Противно начинать с Григория, – размышляла она. – Сперва поговорю об экспедиции, а уж потом об остальном».

Марина довольно часто бывала и у директора и у профессора Великанова, и посещение их кабинетов было для неё делом обычным. Но сейчас она волновалась. Желая успокоиться и собрать мысли, которые вдруг стали расплываться, она шла по гранитным ступеням осторожно, не торопясь, и, глядя на неё со стороны, можно было подумать, что она идёт так потому, что боится поскользнуться и упасть.

3

Кабинет директора института представлял собой продолговатую комнату, но без того обилия света и солнца, которое было на четвёртом этаже. Света и солнца было мало здесь не из-за недостатка окон, а потому, что все они наполовину были закрыты двойными портьерами из белого шёлкового полотна и тёмно-шоколадной узорчатой тяжёлой ткани. Марину всегда раздражало, когда люди неразумно ограничивали доступ воздуха и света. Однажды она посоветовала директору раздвигать портьеры до конца карнизов, но Водомеров сказал, что у него часто болит голова и яркий свет ему мешает. Тут же он добавил, что любит электрический свет под абажуром, который успокаивает его и сосредоточивает внимание. С тех пор Марина, бывая в этом кабинете, всякий раз с трудом удерживалась от желания подойти к окнам и раздвинуть портьеры.

Центральное место в кабинете директора занимал письменный стол. Он был раза в два длиннее и шире тех столов, которые обычно стоят в кабинетах управляющих, директоров, начальников, заведующих. Кроме бумаг и книг, на столе на специальных металлических подставках лежали кусок торфа в целлофане и кусок соснового дерева. Под стеклом в аккуратном ящичке, разделённом на квадраты, хранились образцы семян льна, ржи, пшеницы. Рядом с письменным прибором стояла модель смолоперегонной установки. Практически всё это директору было не нужно, предметы лишь загромождали стол, но ни предшественники Водомерова, ни он сам не трогали их, очевидно потому, что они напоминали о назначении учреждения, расположенного в этих стенах.

Второй стол, длинный, на точёных ножках, стоял ближе к стене. Он был накрыт зелёным сукном. На нём стояли два кувшина с водой и три пепельницы. За этим столом проходили заседания.

В углу поблёскивал никелированными ручками сейф. По размерам комнаты вещей, находившихся в ней, было мало, и от этого кабинет напоминал скорее зал или аудиторию.

Водомеров и Великанов поднялись навстречу Марине. По лёгкому смущению на их лицах она поняла, что они говорили о ней. «Неужели Соня рассказала обо всём отцу?» – промелькнуло в голове Марины.

Директор института Водомеров, пристукнув каблуками сапог, наклонил крупную седую голову и крепко пожал Марине руку.

– Ну, вот хорошо, что вы сами пришли, – проговорил он чуть хрипловатым голосом.

Водомеров, как обычно, был одет в китель и брюки галифе защитного цвета. Он ходил в полувоенном костюме и зимой и летом, и никто в институте не видел его одетым иначе. Водомеров любил всё военное: вместо пальто он носил шинель, не признавал шляп и кепок и ходил в фуражке. Он всегда был тщательно выбрит, туго затянут широким офицерским ремнём, и если встречал кого-либо из знакомых на улице, то приветствовал непременно по-военному – прикладывая руку к козырьку. «Вы придёте ко мне в двадцать ноль-ноль» или «Заседание состоится в семнадцать тридцать», – любил говорить он, подражая военным. Когда к нему обращались с той или иной просьбой и он изъявлял желание удовлетворить её, то говорил: «Хорошо, я дам команду». Люди, общавшиеся с Водомеровым, были убеждены, что в прошлом он был человеком военным и к тому же в больших чинах. На самом деле Водомеров никогда в армии не служил. В молодости его не призвали потому, что он учился в планово-экономическом вузе, а потом находился на таких должностях, которые «бронировались». Вероятно, Водомеров был человеком, как говорят, с «военной косточкой». Ему, например, казалось, что, если бы пошире внедрить в работу учреждений и предприятий воинские порядки, дело двигалось бы лучше и чётче, а его самого меньше бы критиковали за упущения и недостатки.

После того как Марина поздоровалась с Водомеровым, она направилась к Захару Николаевичу, который стремительной, лёгкой походкой худощавого человека, не обременённого лишним весом, торопился к ней навстречу. Великанову было уже за шестьдесят; сухое, костистое лицо его и длинная шея были в морщинах, рыжеватые баки, победоносно торчавшие на щеках, подёрнулись сединой, но в его сухощавой фигуре, в светло-коричневом костюме, в поблёскивавшем пенсне было что-то молодое и задорное.

Не доходя до Марины двух-трёх шагов, профессор Великанов остановился, склонился в поклоне и протянул руку. Всё это он проделал изящно, и в каждом его движении чувствовалось, что хотя он и полон уважения к Марине, но при всём этом он, профессор, тут всему делу голова и ей, пока лишь кандидату наук, об этом забывать не следует.

– Как здоровье, как самочувствие, Марина Матвеевна? – щуря под стёклами пенсне свои чуть выпуклые глаза, осведомился Великанов таким тоном, в котором должностное внимание к младшему по чину и просто человеческий интерес были в равных дозах.

– Прошу, Марина Матвеевна, присаживаться, – в свою очередь, произнёс Водомеров.

– Благодарю вас, Захар Николаевич, благодарю, Илья Петрович, – проходя к огромному директорскому столу, сказала Марина, испытывая неловкость от преувеличенного внимания к себе со стороны руководителей института. «Эх, Соня, Соня, зачем же она поспешила рассказать обо всём отцу?» – с сожалением подумала Марина. Стараясь опередить и директора и профессора и взять инициативу разговора в свои руки, чтобы они не стали сразу задавать вопросы о происшедшем, Марина заговорила первой:

– Я пришла, Илья Петрович, к вам и к Захару Николаевичу по неотложному делу: сроки для посылки комплексной экспедиции в Улулюлье истекают, а её научный руководитель всё ещё не назначен.

Водомеров и Великанов переглянулись, и Марина поняла, что они ждали от неё каких-то других слов.

– А каковы ваши предложения, Марина Матвеевна? – баском спросил Великанов.

– Вам известно об этих предложениях, Захар Николаевич.

– Но вы же знаете, Марина Матвеевна, мою точку зрения, – сказал Великанов, и по раздражительности, которая прорвалась в его голосе, можно было понять, каких слов не договорил профессор: «Знаете и всё-таки настаиваете на своём».

– А что за предложения? – Водомеров взглянул на Великанова, а затем перевёл взгляд на Марину.

– Я уже вам как-то говорил, Илья Петрович, что Марина Матвеевна просит назначить руководителем экспедиции её, – сказал профессор, круто обрубив фразу на слове «её».

Директор побарабанил толстыми короткими пальцами по столу и произнёс, с опаской взглянув на Великанова:

– А может быть, в этом есть смысл, Захар Николаевич? Скоро на пленуме обкома будет слушаться отчёт Притаёжного райкома. Я заранее убеждён, что нас будут критиковать за невнимание к лесному хозяйству Улулюлья. Надо нам обязательно отправить экспедицию до пленума. Это будет большой козырь в наших руках.

«Какой ведомственный подход», – подумала Марина, но ничего не сказала, надеясь, что директор поможет переубедить Великанова.

– Критика критикой, Илья Петрович, – раздражаясь, заговорил Великанов, – но оставлять важнейший сектор института без руководителя, извините, я не могу.

– Всего лишь на три месяца, максимум – на пять, и с пользой для сектора, – попыталась убедить его Марина.

Великанов замахал рукой, затряс баками, и Водомеров, видя, что профессор не отступит от своего мнения, сказал:

– В ближайшие два дня, Марина Матвеевна, мы непременно решим этот вопрос. Экспедицию, Захар Николаевич, – он посмотрел на профессора, – не следует задерживать. Я дам сегодня команду, чтобы часть имущества и кое-кого из сотрудников отправить в Притаёжное с ближайшим парходом.

– Я полагаю, что это вполне целесообразно. На крайний случай руководитель может вылететь самолётом и даже опередить экспедицию, – сказал Великанов.

Наступило молчание.

Теперь нужно было приступить к тому, что Марина считала не менее неотложным: к делу Григория. Но вдруг в эту решающую минуту она почувствовала, что все слова, которые она приготовила, чтобы начать разговор о нём, вылетели у неё из памяти.

– У меня ещё есть один вопрос, Илья Петрович, – наконец начала Марина, краснея. – Может быть, этот вопрос покажется вам и Захару Николаевичу очень личным, но всё-таки... Я хотела бы...

Каждое слово Марина произносила со страшным напряжением. Она не знала, как говорить дальше. И вдруг Водомеров пришёл ей на помощь:

– Я уже в курсе этого события, Марина Матвеевна. И Захар Николаевич тоже.

Марина посмотрела на директора, и взгляд её спрашивал: «Откуда вы знаете? Кто мог рассказать вам о том, что происходит у меня в душе?»

– Мной получено заявление от товарища Бенедиктина, – внушительно сказал Водомеров, и в глазах его промелькнула усмешка превосходства: уж не такой, мол, Марина Матвеевна, у вас директор растяпа, чтоб не знать, как живут его подчинённые.

– Заявление? О чём же он заявляет? – с изумлением спросила Марина.

– Прочтите. – Водомеров раскрыл папку и подал Марине лист бумаги, исписанный крупным почерком Григория.

«Директору института И.П. Водомерову

Заместителю директора по научной части профессору З.Н. Великанову

Дорогой Илья Петрович!

Дорогой Захар Николаевич!

Зная, как вы загружены ответственной работой по руководству сложным и многообразным хозяйством института, тем не менее я вынужден жизненными обстоятельствами отрывать вас от непосредственной государственной работы и просить вашего внимания к моей скромной особе.

Как вам известно, в последнем выпуске «Учёных записок» опубликованы фрагменты из моей многолетней работы. Частично эта работа, особенно в последнее время, готовилась параллельно с докторской диссертацией кандидата наук М.М. Строговой. Будучи мужем и женой, и к тому же не один год, мы часто беседовали на темы, связанные с нашими научными исследованиями. Так как наши специальности в некоторых плоскостях смыкаются, то эти беседы были особенно плодотворными. Я должен признать, что М.М. Строгова как ботаник и большой знаток своего дела во многом помогла мне, так или иначе натолкнув на некоторые важные мысли. Думается, что и мои высказывания не были для неё бесполезными.

Опираясь на эту совместную работу, я счёл для себя возможным использовать в своей статье несколько положений, которые подвергались в наших совместных беседах обсуждению.

Разумеется, что я не допустил бы этого, если бы знал, что М.М. Строгова намерена включить эти положения в окончательный вариант своей докторской диссертации. Я признаю, что я допустил ошибку, предварительно не осведомившись по этому вопросу у М.М. Строговой. Но однако же я никогда не полагал, что мой поступок, имеющий под собой определённые моральные основания, вызовет со стороны М.М. Строговой такую реакцию! М.М. Строгова порвала со мной супружеские взаимоотношения и известным образом дала мне понять, что намерена поставить вопрос относительно меня в общественном и служебном порядке.

Как член партии я вынужден прежде всего дать позиции, занятой М.М. Строговой, политическую оценку. Я считаю её поведение недостойным советского учёного. Её собственнический, эгоистический подход к делу в данном случае находится в кричащем противоречии с установкой нашей партии на развитие коллективных форм научной работы. Если бы наши крупнейшие учёные, руководящие целыми коллективами научных работников, были столь щепетильны в отношении своего опыта и своих мыслей, то, естественно, в науке не было бы роста молодых кадров и исчезла бы всякая преемственность.

Я прошу руководство института разъяснить М.М. Строговой, что она стоит на идейно порочных позициях, что строительство коммунизма не может быть осуществлено, если каждый работник закупорится в личной скорлупе, что в настоящее время борьба с собственнической психологией перешла из области материальной (экономически капитализм у нас давно разбит) в область духовную. Это во-первых.

Во-вторых, поскольку я не отрицаю некоторой своей вины перед М.М. Строговой, я прошу руководство института обязать редакцию «Учёных записок» опубликовать в очередном выпуске «Записок» такие строки:

«В редакцию «Учёных записок»

В моей статье, опубликованной в предыдущем выпуске «Учёных записок», по моей вине выпала сноска следующего содержания: «Отдельные примеры и положения этой статьи возникли в результате совместной работы автора с кандидатом биологических наук М.М. Строговой». Считаю, что публикацией этого письма я исправляю допущенную ошибку.

Г.В. Бенедиктин».

Дорогие Илья Петрович и Захар Николаевич!

Заканчивая своё, вероятно, довольно сумбурное письмо, я прошу вас по-человечески понять меня. Конечно, в науке я сделал ещё мало. Но разве вам не известно, что свыше пяти лет я занимался другим видом «научной деятельности»: учил на фронте уму-разуму некоторых иноземных охотников до чужого добра?

На протяжении последнего времени я встречал со стороны руководителей института, и в особенности со стороны профессора Захара Николаевича Великанова, поддержку и трогательное внимание. И теперь, в минуты горестных осложнений в моей жизни, я осмеливаюсь рассчитывать на то же великодушие и заинтересованность.

С глубоким уважением Г. Бенедиктин».

Марине было противно и отвратительно читать заявление. Ей хотелось разрыдаться от обиды, гнева, от сознания, что столько хорошего, светлого она отдала этому более чем ничтожному человеку. Но Марина сдержала себя. Чтобы справиться со своим состоянием, она приблизила заявление Бенедиктина к лицу и сделала вид, что перечитывает его. И как только она подумала, что отныне Бенедиктин не только чужой человек, а враг ей, способный на любую гнусность и пакость, и что обижаться на врага наивно и глупо, что с врагом надо бороться, не щадя сил, она почувствовала, как к ней возвращаются спокойствие и ясность мысли.

Марина положила листок бумаги на стол, подняла голову и взглянула на Водомерова и Великанова. Они с напряжением ждали, что она скажет. Марина молчала, стараясь догадаться, что думают они по поводу этого заявления, но лица руководителей института были непроницаемы.

– Ну и как, Марина Матвеевна, вы смотрите на этот документ товарища Бенедиктина? – не выдержав молчания, спросил Водомеров.

По той серьёзности и тщательности, с какой директор произнёс эту фразу, Марина сообразила, что заявление Бенедиктина убедило Водомерова. Она перевела взгляд на Великанова. Профессор сидел выпрямившись, со строгим видом, будто принимал экзамен, и Марина поняла, что он осуждает её.

– Как я смотрю на этот документ, Илья Петрович? Я скажу. У меня есть о нём мнение, – горячо заговорила Марина, но сразу же спохватилась и стала говорить спокойнее. – Я думаю так, Илья Петрович и Захар Николаевич, если с этого, как вы говорите, документа сколупнуть позолоту, вроде рассуждений о коммунизме, то в нём останутся ложь и подхалимство.

Профессор Великанов от этих слов даже слегка подскочил.

– Мария Матвеевна, ну к чему такие слова! – воскликнул он, пожимая сутулыми плечами.

– Марина Матвеевна всё ещё ожесточена, – как бы отвечая Великанову, заметил Водомеров.

– Вы ошибаетесь, Илья Петрович, – спокойно сказала Марина, чувствуя в себе решимость ни в чём не уступить Водомерову и Великанову.

Марина всегда считала себя, и это было так на самом деле, человеком мягким, уступчивым, сговорчивым и порой до наивности доверчивым. Но она знала в себе и другую черту – неподкупность своей совести. Она могла делать уступки и быть сговорчивой лишь до известного предела. Как только она чувствовала, что её мягкосердечие начинает задевать её совесть, она обретала твёрдость и становилась неумолимой.

Об этом её качестве знали немногие, так как оно проявлялось лишь в сложных обстоятельствах жизни.

– А я думаю, Марина Матвеевна, что не ошибаюсь. Я сам человек женатый. И не раз мы с женой ссорились, собирались разводиться, а потом жалели об этом. Жизнь есть жизнь. А женщины, скажу я, народец неуживчивый, сварливый, – о грубоватым прямодушием заключил Водомеров.

– Я должен заметить, что, по моим представлениям, Григорий Владимирович человек деликатный и чудесного характера, – начал Великанов, но Марина не выдержала и перебила его:

– Помилуйте, Захар Николаевич! Вы, кажется, вместе с Ильёй Петровичем решили мирить меня с Бенедиктиным?

– Наш долг предостеречь младшего товарища от ошибки, – внушительно произнёс Водомеров, погладив себя по ёжику волос.

– По-моему, вы напрасно берётесь за это, Илья Петрович.

– Вы что же, считаете, что Бенедиктин не прав в оценке вашего поступка? – Водомерова задел резкий тон Марины. Глаза его расширились, в них вспыхнул неприятный злобный огонёк.

– А вы, Илья Петрович, считаете его правым? Объясните, я не понимаю его правоты.

– Знаете что, Марина Матвеевна, вы не уподобляйтесь, извините, простой бабе. Вам это не пристало. Вы человек подкованный, и вам ни к чему азы политграмоты читать, – всё больше сердясь, сказал Водомеров и побарабанил пальцами по столу.

– Напрасно, Илья Петрович, вы негодуете. Я вам искренне говорю: не вижу своей вины!

– Бенедиктин правильно вам на неё указывает. Вы посмотрите, в какую эпоху мы живём? Мы строим основы коммунизма! Разве достойно в такое время крупному и к тому же весьма одарённому научному работнику мелочиться?

Водомеров разволновался. Он тяжело дышал и не смог говорить дальше. Но Марина не успела произнести и одного слова, как заговорил Великанов:

– Послушайте, Марина Матвеевна, старого волка, съевшего на научном поприще и свои, и искусственные зубы. – Великанов усмехнулся. – Всю жизнь я работаю с молодыми учёными. Вы знаете, что многие из моих учеников сами доктора наук. Разве в их успехах и трудах мало моих усилий? Что было бы, если б я не делал этого или, делая, претендовал быть соавтором в диссертациях и других научных трудах? И потом глубоко прав Илья Петрович...

– Позвольте всё-таки прежде высказаться мне до конца, – перебивая поморщившегося Великанова, проговорила Марина. – Уж если на то пошло, то вы, Илья Петрович, и вы, Захар Николаевич, взялись рассуждать, выслушав только одну сторону, но ведь у меня, как у второй стороны, есть также и факты и доводы.

– Говорите, пожалуйста, но только мне всё ясно, – косясь на Водомерова, с недовольной гримасой на лице сказал Великанов.

Водомеров покорно наклонил голову и этим жестом заменил слова: «Что ж, говорите, если уж вам так хочется! Будем слушать».

– Прежде у меня несколько вопросов к вам... – начала Марина, но Великанов поднял руку.

– Извините, вы обещали факты и доводы.

– Не беспокойтесь. В моих вопросах и факты и доводы. Во-первых, вы сказали, Захар Николаевич, что отдавали молодым учёным и мысли и наблюдения и никогда не претендовали быть соавтором их работ. Но скажите, кто-нибудь из ваших учеников позволил себе брать ваши мысли и наблюдения в вашем письменном столе и выдавать это за своё?

– Но разрешите вам заметить, Марина Матвеевна, что никто из моих учеников не жил в моём доме, я никому из них не приходился мужем, и никто из них не был мне женой, – с саркастической улыбкой скороговоркой выпалил Великанов.

Водомеров метнул взгляд на Марину и ещё ниже опустил голову, выставив, как напоказ, свои полуседы волосы, стриженные «под ёжик».

– В том-то и сложность моего положения, что я была женой! Но сейчас скажу о другом. У меня есть ещё один вопрос. Бенедиктин в заявлении упрекает меня в переоценке своего научного творчества и ссылается при этом на коллективные формы работы в науке. Я чувствую, что и вы, Захар Николаевич, и вы, Илья Петрович, разделяете его точку зрения. У меня к вам такой вопрос: разве коллективизм в научной работе умаляет индивидуальные качества работника? По-моему, коллективизм как раз направлен на то, чтобы развить способности каждого до конца. Коллективизм существует вовсе не для тех, кто по своей неспособности или лени ничего не делает и скрывает это под маркой коллективизма. Так или не так, Илья Петрович?

– Уж не знаю, так или не так. Вы ударились в теоретические дебри, – сказал, совсем помрачнев, Водомеров.

– Извините, я не соглашусь с вами. Это не теоретические дебри, а дело нашей жизни. Вы упомянули о коммунизме. Мне кажется, что строительство коммунизма – это не только первоклассные фабрики, заводы, МТС, институты. Коммунизм строится и в такой сложной сфере человеческой жизни, как морально-этическая сфера. И, на мой взгляд, чем быстрее наше общество будет двигаться к своей главной цели, тем острее и значительнее будут становиться вопросы морально-этического характера.

– Вы опытный пропагандист, Марина Матвеевна. Я не подозревал в вас этого таланта, – недобро усмехнулся Великанов, а Водомеров опять исподлобья бросил на Марину короткий, как удар, взгляд.

Будь кто-нибудь другой на месте Марины, это едкое замечание профессора могло бы вызвать вспышку негодования или даже поток оскорбительных слов. Но душа Марины была защищена от подобных колючек той бескорыстной доброжелательностью к людям, той терпеливостью к скверным качествам их характеров, которые бывают лишь у матерей, когда они, не раздражаясь, не переставая любить, преодолевают капризы своих детей и наконец исправляют их.

В ответ на слова Великанова Марина засмеялась тихим, кротким смехом, будто профессор сказал ей не колкость, а какую-то весёлую банальность, и звонким чистым голосом, который чист и звонок был потому, что он был искренен, ответила:

– Вот уж спасибо вам, Захар Николаевич! Вы единственный признали меня политиком. А то ведь я в своём семействе, среди братьев, как белая ворона: беспартийная, неактивная, и всегда диалектика давалась мне с большим трудом.

Тихий и добрый смех Марины и в особенности её слова, сказанные с откровенностью человека, который не боится признать свою слабость или недостаток, не боится потому, что ему не нужно рисоваться или позировать – он и без этого богат душой, задела и Великанова и Водомерова. И профессор и директор не обладали таким щедрым простодушием, и оно не только удивило их, но и покорило. Великанов сконфузился за свой тон, принялся ожесточённо причёсывать пышные

баки расчёской, отделанной серебряным ободком. Водомеров поднял голову, и полное мясистое лицо его вдруг похорошело.

– А уж насчёт беспартийности вы не говорите, Марина Матвеевна. Никто не верит. Вам давно пора в партию, – с улыбкой сказал он, и Марина только сейчас заметила, что улыбка очень красит его, смягчает жёстковатое выражение лица.

– Как диссертацию, Илья Петрович, защищу, тогда подумаю. Нельзя идти в партию с неоконченным делом.

– Ну, быть по сему, – совсем уже весело сказал Водомеров.

Великанов молчал, он глухо и деланно покашливал, но Марина знала, что и он недоволен своим поведением, рад заговорить с ней другим тоном и не делает этого лишь потому, что не может преодолеть своего упрямства.

– И что же, Марина Матвеевна, с Бенедиктиным навсегда? – наконец спросил Великанов.

– Да, Захар Николаевич, навсегда, – твёрдо ответила Марина.

– А Григорий Владимирович был у меня утром, – помолчав, сказал Великанов.

– И у меня был, – вставил Водомеров.

– Потрясён... Придавлен и... рассчитывает на ваше благоразумие, – продолжал Великанов.

– Это его любимое словечко: благоразумие, – усмехнулась Марина.

– Я убеждён, что благоразумие не покинет Марину Матвеевну. Так ведь? – серьёзно спросил Водомеров.

– Конечно, Илья Петрович, – согласилась Марина. – Впрочем, я не знаю, что вы понимаете под благоразумием, – добавила она.

– Ах, Марина Матвеевна, – вдруг по-бабьи всплеснул руками Водомеров, и это выглядело так смешно, что она не сдержала улыбки. – Я буду откровенен с вами. По долгу руководителей нам приходится заботиться о многом: и о благоразумии сотрудников, и о выполнении плана научных работ, и о добром имени нашего учреждения...

Водомеров замялся, помолчал и, вздохнув, продолжал:

– Скажу прямо: если вы не примиритесь с Бенедиктиным, пойдёт проработка нашего института по всем инстанциям – от райкома до обкома. А осенью прогремим мы по всем партийным конференциям. Упомянут нас по такому случаю и на районной конференции, и на городской, и на областной. Ведь Григорий Владимирович не рядовой, он член нашего парткома, заслуженный фронтовик, в его научной судьбе мы заинтересованы, как ни в чьей другой. Такие люди нужны нашему институту...

– Чтобы прийти на смену нам, старикам, – вставил Великанов.

– Безусловно. В конечном счёте будущее института в руках научной молодёжи. Бенедиктину пока не хватает научного багажа, он спешит приобрести его, в этом он видит свою главную задачу, – продолжал Водомеров.

– И если вы помогли ему в этом, то честь и вам, – опять вставил Великанов.

– Да, да, честь и хвала! – энергично подхватил Водомеров. – И поймите, что наш институт и без того много упрекают: он-де отстаёт от запросов жизни, от роста области, мало выдвигает крупных проблем, медленно воспитывает новые кадры... И вдруг ещё такой факт прямо-таки аморального характера... С нас же за такой факт шкуру снимут!

Последнюю фразу Водомеров закончил глухо, на самых низких нотах, и на мясистом лице его было страдание.

Но страдание это не вызвало у Марины сочувствия. Она впервые поняла то, чего раньше не замечала: Водомеров боится критики. Все его старания примирить её с мужем подсказаны желанием уберечь себя от новых хлопот и беспокойства. Что же касается Великанова, то он оборочен Бенедиктиным и до поры до времени не хочет думать о нём иначе, чем думает.

Марине так всё это стало ясно, что весь разговор показался ей бесцельным. «Упрашивают и улаживают меня, как строптивую невесту, – подумала Марина, ощущая острое чувство неприязни к Водомерову и Великанову. – Уехать надо, чтобы не видеть и не слышать их», – пронеслось у неё в голове.

– У нас в институте до сих пор, Марина Матвеевна, на бытовом фронте, так сказать, было всё в порядке... – помолчав, продолжал Водомеров.

Марина поняла, что директор способен говорить на эту тему ещё битый час. У неё не было никакого желания больше слушать его, и, прервав Водомерова, она сказала:

– Как я поступлю дальше, Илья Петрович, я, право, затрудняюсь предположить. Но было бы хорошо и для меня лично, и для коллектива института в целом, если бы вы и Захар Николаевич разрешили мне уехать в экспедицию. Там, вдали от города и института, я могла бы подумать не спеша и о себе и о других. – Марине было противно произносить фамилию Бенедиктина, и она избежала этого. – Думаю, что и вам спокойнее было бы, Илья Петрович! Живя тут в такое время, я на самом деле буду возбуждать у некоторых излишний и нездоровый интерес.

Марина хитрила. Но хитрила не потому, что боялась того, чего боялся Водомеров. Ей хотелось в экспедицию!

Водомеров оживился, приподнялся в кресле и взглянул на профессора. Марина догадалась, что директор согласен отпустить её. Это по каким-то соображениям его вполне устраивало, но вот Великанов... Старик не любит менять своих решений даже тогда, когда это целесообразно.

– Думаю, Илья Петрович и Захар Николаевич, что я могла бы находиться в экспедиции не всё время, а лишь в период разворота работы, – сказала Марина больше для Великанова.

Водомеров опять взглянул на профессора и побарабанил пальцами по столу.

– А ведь это, пожалуй, приемлемый вариант. Улуюльская экспедиция имеет для нас большое значение. И на пленуме обкома у нас будет что сказать: экспедиция отправлена, возглавляет её один из ведущих работников института. Как, Захар Николаевич?

Марина затаила дыхание. Она думала, что Великанов вспылит, закричит ломким голосом подростка. Но этого не произошло. Великанов в упор посмотрел на Марину и сухо, официальным тоном сказал:

– Я согласен. Но учтите: ответственность за текущую работу с вас не снимается.

– В том смысле, что вы должны обеспечить нормальную работу на период вашего отсутствия, – уточнил Водомеров.

– Это само собой разумеется, – согласилась Марина.

– Ну вот и чудесно! – довольный общим согласием, весело сказал Водомеров. – Поезжайте, Марина Матвеевна, поезжайте! Я уверен, что в тайге, как говорится, на вольном ветерке, вся блажь из вашей головы улетучится. Ещё как будете жить с Бенедиктиным!

– Люди станут завидовать! – с доброй улыбкой воскликнул Великанов.

Глядя на сиявшего от улыбки Водомерова и на повеселевшего Великанова, Марина думала: «И откуда у них такое благодушие? За бабьи капризы мой поступок принимают. Ну, тем хуже для них!» Марине захотелось скорее уйти отсюда.

– Приказ не задержится, Илья Петрович? – спросила она.

– Сейчас же дам команду.

Марина поднялась, попрощалась и заспешила к себе на четвёртый этаж.

Глава тринадцатая

Чуть брезжил рассвет. Алексею не спалось. Он осторожно встал, подбросил в костёр дров и, присев на корточки, закурил. Лисицын спал, закинув руки за голову и вытянув голые ступни к

огню. В двух шагах от него, укрывшись с головой брезентовым дождевиком, спала Ульяна. Находка свернулась клубком, спрятала морду в лапах, прижалась к Ульяне. Стаи комаров с писком кружились над ними. Собака, заслышав хруст сухой земли под ногами Алексея, очнулась, вытянула шею, осмотрелась и снова свернулась клубком.

Был тот тихий предутренний час, когда в тайге замирают все звуки. Попыхивая дымком папироски, Алексей прислушивался к этой тишине. Даже ручеёк, звеневший с вечера на каменистом перекате, и тот будто исчез под землёй или, не желая петь свою песню в одиночестве, притаился в непроходимой таёжной чащобе.

Алексей бросил окурочек в костёр, посидел ещё с минуту без движения, потом поднялся и лёгкими шагами пошёл на берег реки.

Широкая пойма прямого плёса белела от тумана, словно она после многодневной метели была забита сугробами снега. С каждой минутой туман поднимался всё выше и выше, и местами он уже растекался по макушкам тальниковых зарослей, тянувшихся узорчатой каёмкой по песчаным отлогим берегам реки.

Алексей стоял, наблюдая, как рождается на просторах Улулюлья новый день. Солнце пришло не сразу: в вышине неба, кое-где ещё мерцавшего неяркими звёздочками, вспыхнули прозрачно-светлые полосы и пятна. Растекаясь по небосводу, они погасили тусклые звёзды, забрали в полон серо-мутную пелену, расстилавшуюся над горизонтом, и над тайгой засияла нежная голубизна. Потом откуда-то из-за леса в небо, в самый его зенит, ударил красно-огненный солнечный луч. И вот пронзительно вскрикнула тонким, надрывно-высоким голосом иволга, и вслед за ней затрезвонил весь птичий мир.

На реке слышались всплески рыбы. Проснулся и ветерок. Он пробежал по вершинам деревьев, озорно поиграл гибкими ветвями и затих. Туман заколыхался, и кудрявые шапки его, похожие на взбитую пену, поползли над рекой, становясь на глазах плоскими, как обмытые водой льдины.

Алексей вышел на кромку берега. Яр здесь выдвинулся, навис над рекой. Риска сорваться вниз вместе с накренившимися лесинами, Алексей стоял спиной к реке и увлечённо смотрел на холм, возвышавшийся вдали.

После заседания райкома Алексей две недели бродил по уваровским полям, тщательно осматривая все обрывы и промоины. Вчера Лисицын привёл его сюда уже в потёмках. Ему не терпелось увидеть Тунгусский холм, но как назло ночь выдалась тёмной, месяц прятался в облаках, и тайга сливалась с небом.

Тунгусский холм... Сколько слышал о нём Алексей от охотников Улулюлья!.. И в самом деле, холм был красив и загадочен. От самой реки берег, поросший кедром, постепенно подымался, уходил вверх, и в тайге вставала гряда, рассекавшая обширную лесистую равнину. Названная охотниками Кедровой, она тянулась от реки к самому горизонту. Тунгусским холмом называлась лишь одна часть гряды, самая высокая, островерхая, отделённая от всего полотна глубокой расщелиной. Холм стоял как бы у истока гряды, гордо вздымая свою вершину. Лисицын рассказывал, что гряда другим своим концом выходит к Синему озеру.

Алексей смотрел на природу глазами геолога. Для другого холмы и равнины, реки и озёра существовали лишь как украшение земли, для Алексея они были путеводителями в прошлые эпохи, вехами на трудном пути к сокровищам природы, нужным людям.

Окрашенный лучами солнца, все ещё не показавшегося над лесом, но уже разливавшего над землёй яркий свет, Тунгусский холм пламенел сейчас, как золочёная маковка древнего Кремля.

– Шпиль Улуюлья, – сказал вслух Алексей, чувствуя, что причудливая игра раннего солнца рождает в нём желание думать образно.

Но через минуту Алексей размышлял уже о другом. Перед ним была мощная гряда, величественный массив – результат сложнейших геологических процессов. Каких же? Может быть, это было то самое, что он искал? Древнейшие палеозойские породы, прикрытые в Улуюлье рыхлыми наслоениями третичного и четвертичного периодов, делали здесь резкий перелом, придавая местности иной рельеф. Ведь, кажется, именно об этом месте Улуюлья охотники рассказывали, что тут стрелка компаса ведёт себя беспокойно и делает сильные отклонения.

Позабыв, что оставшиеся на ночёвке Лисицын и Ульяна могут хватиться его, Алексей торопливо направился к Тунгусскому холму. Ему хотелось скорее добраться хотя бы до его подножия.

Да, кажется, он допустил ошибку, подробно исследуя левобережье Таёжной и не уделив внимания проверке сведений по району Синего озера и Тунгусского холма! Ну что ж, дело это поправимое. Он теперь не уйдёт отсюда до тех пор, пока не изучит, в каком направлении тянется Кедровая гряда, не осмотрит всех её балок и размывов, не изучит поведение магнитной стрелки.

Единственно, о ком он беспокоился, – это о матери. Он обещал ей вернуться недели через три, но работы здесь хватит и на три месяца. Она будет волноваться. Впрочем, есть выход. Ульяна, вероятно, скоро уйдёт в Мареевку, и он попросит её переслать письмо матери в Притаёжное... Возможно, у неё уже вышли деньги... Тогда пусть займёт у директора школы или продаст костюм. У него три костюма – на что они ему? Ходить в институт ему теперь не приходится, а когда возникнет в этом необходимость, будет и новый костюм. Вот только разве придёт вызов из обкома? Но в конце концов, и в обком ему лучше приехать с материалами не только по левобережью, но и по правобережью Таёжной. Возможно, пришло письмо от Софьи... Ничего, он напишет и ей, чтоб знала, где он и что делает.

Занятый этими мыслями, Алексей отошёл от реки и начал подыматься на предхолмье. Вдруг неподалёку от него в пихтовой чаще хрустнул валежник. Так хрустят старые голые сучья под ногами зверя или человека. Это был, конечно, зверь. Едва ли сейчас по всей Кедровой гряде, от Тунгусского холма до Синего озера, можно было встретить хотя бы одного человека. Время было летнее, непромысловое, охотники в эту пору, по обыкновению, становились рыбаками и держались у водоёмов.

Алексей остановился и, вспомнив, что он без ружья, замер в настороженной позе. Валежник захрустел вновь, и Алексею показалось, что зверь быстро приближается к нему. Оставалось одно: не теряя ни одной секунды, бежать. Алексей перепрыгнул через полуистлевшую колоду и, то и дело натываясь на сучья, побежал назад.

После того как заросли молодого пихтача остались позади и Алексей оказался среди крупных ветвистых кедров, он остановился. Здесь зверь был менее страшен ему. От него можно было укрыться за деревьями, да он сюда и не пошёл бы: ветерок, дувший с реки, доносил запах дыма.

Алексей осмотрелся, сложил ладони трубой и закричал что было мочи:

– О-го-го-го!..

Чуткое эхо в тысячи крат усилило голос и понесло его невидимыми волнами над просторами тайги. Алексей прислушался. Он знал, что сейчас будет: напуганный эхом медведь замечется, и по лесу пойдёт треск. Удирая, зверь будет ломать на своём пути и сухостойник, и валежник, и даже молодой хрупкий ельник. Но эхо смолкло, а треска Алексей не слышал. «Ушёл, подлый!» – подумал он с усмешкой и направился к месту ночёвки.

Ульяна и Лисицын готовили завтрак. Услышав крик Алексея, они недоумённо посмотрели друг на друга и молча ждали, когда он подойдёт: фигура Алексея уж мелькала среди деревьев.

– Ты что, Алёша, заблудился? – спросил Лисицын, когда Алексей приблизился.

– Едва удрал, дядя Миша. Пошёл без ружья, хотел, пока вы спите, посмотреть поближе Тунгусский холм, – с виноватой улыбкой ответил Алексей.

– Ты чужак какой-то, Алёша! Мы же в самое звериное место зашли. Тут без ружья шагу не ступишь, – сердясь сказал Лисицын.

Ульяна исподлобья с укором взглянула на Алексея, и этот взгляд говорил: «Жалко, что не имею права делать вам выговоры, я бы отчитала вас пуще тяти».

– Где он тебя прихватил, Алёша? – смягчаясь, участливо спросил Лисицын.

– Да вот тут близенько: за кедровником, в пихтовой чаще. Я иду, слышу хруст. И тут только вспомнил, что ружья не взял.

– Ты смотри, Уля, до чего здесь зверь домашний, идёт себе на костёр, – обратился Лисицын к дочери, щурясь от дыма и почёсывая худую длинную шею, поросшую редким седоватым волосом.

– Их тут никто не пугает, тятя, они и лезут дуроломом прямо на людей, – подбрасывая в костёр мелких сучьев, проговорила Ульяна.

Собака, лежавшая в сторонке, встала, потягиваясь, взвизгнула.

– Эх, Находка, Находка, проспала ты зверя! – Ульяна ласково потрепала собаку.

– А я тоже не учуял. Хруст под зверем я далеко слышу, – сказал Лисицын. – Может, тебе показалось, Алёша?

– Ну, если звери ходили – след увидим. – Ульяна сняла с таганка закоптелый чайник и пригласила Алексея и отца пить чай.

После завтрака они разошлись. Алексей и Ульяна пошли на Тунгусский холм. Лисицын взял направление на Синее озеро. Как ни близки были ему интересы Алексея, как ни хотел охотник ему удачи, всё же он был не в силах отложить своё дело.

Ответа на заявление, посланное заказным пакетом в Москву, в Центральный Комитет партии, относительно богатств Синеозёрской тайги ещё не было. Лисицын опасался: пока заявление идёт в Москву, из области нагрянут инженеры, подымут народ, и начнут лесорубы электрическими пилами полосовать лес. Зверь бросится дальше на север. Оскудеет Улулюлье, и тогда волей-неволей придётся знаменитым мареевским пушникам и рыбакам братья за другие дела.

Лисицын волновался и от безвестности страдал. Чтобы успокоить себя, он решил пройти Синеозёрскую тайгу насквозь от Кедровой гряды до истоков Гремучего ручья, что пробивался из земли в трёх-четырёх километрах юго-западнее Синего озера. Если на этом огромном пространстве он не встретит никого – значит, организация лесоучастков почему-то задержалась.

– Эй, Уля! – крикнул Лисицын, когда дочь и Алексей скрылись в лесу, а он сам, затоптав костёр, взялся за ружьё.

– Слышу, тятя! – отозвалась Ульяна.

– Темнота в дороге прихватит – заночую! – крикнул Лисицын дочери.

– Ладно, тятя, иди!

Лисицын, вскинув ружьё на руках, осмотрел его, и, перевернув вниз дулом, надел ремень на плечо.

2

Лисицын с первого взгляда определил, что в чаще по предхолмью ходил не зверь, а человек. Это было так неожиданно, что в первую минуту охотник не поверил самому себе. «Если б ходил человек, мимо нас не прошёл бы», – думал Лисицын. Но чем больше он присматривался к следам, тем больше убеждался, что зверя здесь не было. Зверь оставлял за собой особенный след: изломы на валежнике не цепочкой, а вразной, согнутые по ходу сучья деревьев, примятый бурьян, на земле царапины от когтей. Ничего этого охотник не обнаружил.

Зато в двух-трёх местах под покровом густого брусничника на песке отпечатались шляпки винтов, на которых держались подковки сапог.

«Видать, прибыли люди лесоучастки нарезать», – встревоженно подумал Лисицын.

– Кончилось, звери, ваше приволье, – вслух сказал охотник. Ему захотелось сейчас же увидеть Ульяну и Алексея и поделиться с ними своими тревожными предположениями.

– Уля, Уля! – крикнул Лисицын. Но на его голос никто не отозвался: Ульяна и Алексей ушли уже далеко и его не слышали.

Лисицын подождал ответа, крикнул ещё раз, с минуту постоял и пошёл дальше. «Почему же тот человек к нам на чай не подвернул? Может, они с Алёшей-то друг друга испугались? Алёша подумал про него, что идёт зверь, а тот про Алёшу. Нет, подожди... Алёша потом вон как зычно кричал. По всей тайге грохотало, не мог тот не слышать», – думал Лисицын.

Из-под ног вспорхнул рябчик. Лисицын даже вздрогнул, так увлечён был своими мыслями.

«Если лесотехники прибыли, – продолжал рассуждать про себя Лисицын, – то здесь им не место. Они в сосняке начнут работу».

Лисицын пересёк Кедровую гряду и по гладкой долине, поросшей ровным сосновым лесом, направился к Синему озеру. До Синего озера было от Тунгусского холма километров тридцать. Лисицын шёл, не замечая расстояния. Давно он не ходил по этим местам, и вид тайги радовал его. Молодой подлесок вырос, стал гуще. Зверьки сновали на глазах у Лисицына, стайки птиц, то рябчиков, то косачей, с шумом взлетали с земли и рассыпались по деревьям.

Пройдя километров десять, Лисицын вышел к маленькой речушке и прилёг на берегу отдохнуть. Речушка, названная Утиной, славилась своими омутами. В осеннюю пору, перед отлётом на юг, на омутах было столько уток, что от них чернела вода. Омуты и теперь не пустовали. Молодые выводки проходили тут первую школу жизни. С омутов долетало до Лисицына кряканье уток и дружное попискивание утят. «Ишь как они заливаются! Хорошо, что Находка не увязалась со мной, перепугала бы их, а которых и передавила бы», – подумал Лисицын, с улыбкой прислушиваясь к птичьему разговору и попыхивая трубкой.

Никто из охотников так строго не берёт богатств тайги, как Лисицын. Молодая птица или молодой зверёк не будили в нём охотничьей страсти. Он мог часами из какого-нибудь местечка наблюдать, как прыгает впервые с ветки на ветку ловкая, гибкая белка или как гусыня, загребая крыльями, сталкивает только что вылупившихся из яиц гусят в глубокое озеро. В эти минуты Лисицын забывал, что у него в руках ружьё. Весь он был поглощён бескорыстным интересом к живому существу, начинавшему на земле свою нехитрую жизнь. И потому, что Лисицын любил наблюдать и умел это делать, он знал все звериные и птичьи повадки. Это знание помогало ему на охоте. Глаз Лисицына был зорек, слух точен, рука никогда не дрожала, и неудачи если и случались у него, то в два-три раза реже, чем у остальных охотников.

«Богато нынче будет в тайге», – рассуждал Лисицын, по сотням примет, порой едва уловимых, угадывая, какой обильный урожай подымется на улуюльских просторах. «Добудем и зверя и птицу, насыплем в закрома и орехов, насбираем бочки ягод. Только...» Вот это «только», как заноза, не давало Лисицыну покоя ни днём, ни ночью.

Передохнув, он пошёл быстрее. У него в дороге был свой закон, выверенный многолетним опытом: хочешь сохранить силы до конца дня – не торопись, не пори горячку, особенно в начале пути, пока не втянулся в ходьбу.

Чем дальше шёл Лисицын, чем больше он приближался к Синему озеру, тем сильнее охватывала его радость. Тайга стояла нетронутая. Нигде он не встретил следов человека, зато во многих местах пролегали лосиные тропы. «Гляди, ещё и передумают власти насчёт вырубки синеозёрских лесов. Есть же там люди, понимающие в промысловом деле, из нашего брата, охотников. Уж они постоят за интересы таёжников!»

Эти мысли, теснившиеся в голове Лисицына, несли его, как на крыльях. Он дошёл до Синего озера. У одного из родничков попил прозрачной, играющей мелкими колючими пузырьками воды и без задержки направился к Гремучему ручью.

И тут была та же картина: лес стоял тихий, примолкший, и только птичьи песни оглашали его.

У истоков Гремучего ручья Лисицын сделал большой привал. Он разулся, освежился холодной водой, потом развёл костёр и вскипятил в котелке чай.

Настроение у него было светлое и тихое, под стать тишине, стоявшей в лесу. Он лёг у костра, закинул руки под голову и сладко задремал. Засыпая, он вспомнил о человеческих следах по предхолмью, но внезапно родившаяся догадка успокоила его. «Да ведь это Алёшка ходил! У него сапоги с подковами», – подумал Лисицын, засыпая.

Сон его был коротким, но до того целительным, что он проснулся, как обновлённый. Нудная ломота в ногах исчезла, нитьё в поясице как рукой сняло, голова была свежей и ясной. Он забросал чуть тлевший костерок землёй и пошёл назад, к Тунгусскому холму.

Теперь он шёл берегом. Местами густая, непроходимая чаща так сильно прижимала его к реке, что ему приходилось пробираться по самой кромке берега, нависшей над бурной, клубящейся водой. Но эти опасности были знакомы ему. Придерживаясь то за ветки черёмухи, то за макушки молодых пихт, то за берёзки, Лисицын пробирался дальше, рискуя при малейшем промахе оказаться под обрывом.

Эти опасные переходы увлекали его. Оказавшись над водой почти на весу, он посматривал вниз и с удовлетворением думал: «А не отвык ещё по верхам лазить. Голова в порядке – не кружится».

В молодости Лисицын был отменный верхолаз. Никто из его сверстников во время шишкобоя не умел с такой быстротой и проворством забираться на маковки вековых кедров, как это делал он. Лисицыну было приятно чувствовать, что, несмотря на годы, он и теперь мог бы потягаться в ловкости кое с кем из молодых.

Когда чаща отступала и путь становился ровным, Лисицын шёл, внимательно присматриваясь к берегам. Стояло ещё только начало лета, а он уже думал об осени. Чтоб не прозевать охоту и провести промысловый сезон с лучшими результатами, надо было в течение лета осмотреть тайгу, наметить наиболее удобные угодья, разбить их на участки, чтобы потом охотники из его бригады не ходили друг за дружкой, не мешали один другому. И он опытным, намётанным глазом примечал такие места, куда осенью можно было привести мареевских охотников.

Присматривался он и к реке. Мареевский колхоз намечал нынче расширение неводного промысла. Таёжная кишела рыбой, но добыть её было тут не просто. Дно реки десятилетиями захламлялось валежником, и требовалось расчистить многие песчаные плёсы. Правление колхоза поручило Лисицыну пройти по всему среднему течению Таёжной, осмотреть реку, определить, велики ли будут затраты труда на благоустройство хотя бы пока некоторых плёсов.

Лисицын решил вначале осмотреть плёсы с берега, а потом проплыть по реке на лодке. Два-три раза он останавливался и, встав на колени, умывал вспотевшее лицо. День стоял солнечный, в тайге от зноя, запахов смолы и трав было душно.

Даже с берега Лисицын видел, как сильно закорчёвано русло реки. То там, то тут из воды торчали сукастые лесины.

«Разве такие карчи вытащишь с лодки? Их надо стальным тросом с большого катера брать. Нет, не под силу такая работа нашему колхозу, – думал Лисицын. – Надо подмоги у Горного леспромхоза просить. Карчи и им мешают плоты водить».

В одном месте Лисицын снял с себя одежду и залез в реку. Он долго барахтался в воде, плескался, потом подошёл к торчавшему карчу и попробовал вытянуть его. Но лесина вросла в песок намертво, и, чтобы вытащить её, нужны были усилия многих людей.

Лисицын оделся и медленно пошёл дальше, обескураженный тем, что дело, о котором он столько думал, на поверку труднее, чем он предполагал.

Сумерки прихватили его километров за пять от ночёвки. «Алёшка с Улей теперь уже вернулись. Ужинать готовятся», – подумал Лисицын и ускорил шаги, но внезапно остановился как вкопанный.

В двух шагах от него, в маленьком заливчике, под нависшими кустами черёмухи, стоял плот. Это был плот из четырёх сосновых брёвен, скреплённых простым охотничьим способом: две берёзовые перекладины (одна сверху брёвен, другая снизу) были связаны жгутами из тальниковых гибких прутьев. На плоту лежал длинный шест. Песчаная кромка берега – вся в следах.

Лисицын нагнулся: на песке виднелись отпечатки подковок с винтовыми шляпками. Это были следы того же человека, который ходил по предхолмью. «Нет, это не Алёшин след», – окончательно решил Лисицын, припоминая, что подковки на сапогах у Краюхина прибиты простыми гвоздями. Приглядываясь к следам, Лисицын увидел в бурьяне топориче. Он взялся за него и вытащил из травы тяжёлый топор с глубокой щербиной посередине лезвия. Лисицын осмотрел топор и положил его так же, как он лежал, – вверх топоричем.

Заныло сердце охотника. Кто-то переплыл Таёжную, ходил по тайге, но встречаться с ним не спешил. Кто же это? Если в самом деле прибыли лесотехники, какой им расчёт скрывать своё появление здесь? Разве узнали как-нибудь относительно его письма в Москву и побаиваются, что он взъярится, бросится защищать тайгу? Что ж, это может быть... А только с ружьём он на них не полезет. Кто они? Простые исполнители. Им приказано...

Лисицын стоял, думал. Сумерки медленно и тихо наплзали на тайгу, и постепенно блекла яркая голубизна неба и затухал блеск раскинувшихся по прямому плёсу серебристых песков.

Вдруг до Лисицына донёсся из глубины леса сухой кашель. Кто-то шёл к берегу. Лисицын бесшумно кинулся в чащу, пролез сквозь густые заросли веток и стал, сдерживая дыхание. Уж коли так пошло, пусть будет хитрость на хитрость.

Через две-три минуты в сумраке показался человек. Лисицын привстал на носки, отогнул ветку. «Вон это кто – немой!» – чуть не вскрикнул он.

Охотник хотел выйти из зарослей, но не успел ещё сделать и одного шага, как Станислав схватил топор и, размахивая им, начал браниться. Он был сильно рассержен. Лисицына словно по ногам ударили: он присел, вытянул шею. Станислав, обычно мычавший, как бык, выговаривал слова отчётливо, kloкочущим грубоватым голосом.

Не переставая браниться, Станислав оттолкнул от берега плот, прыгнул на него и опустил шест в воду. Лисицын ползком выбрался на самую кромку берега и смотрел ему вслед. Ожесточённо работая шестом, Станислав быстро удалялся к другому берегу.

Когда плот причалил и немой поднялся на яр, Лисицын заметался по чаще, как птица, пойманная в силоч. Он готов был броситься в реку и переплыть её, лишь бы не отстать от Станислава и до

конца выследить его. Но Таёжная в этом месте была широкой, а у него, кроме одежды, было ружьё и сумка с припасами.

Натыкаясь в сумраке на сучья и рискуя в любую минуту выстегнуть ветками себе глаза, Лисицын побежал по берегу изо всех сил. Ему показалось, что до места, где стоит его лодка, остался один плёс. Но скоро он понял, что в горячке ошибся. До лодки оставалось ещё три длинных колена.

Лисицын от бессилья даже застонал. Он пошёл медленно, с трудом передвигая одеревеневшие ноги.

«Знать, чуяло моё сердце, что человек этот фальшивый. С первого взгляда не лежала к нему у меня душа, – думал Лисицын. – И кто его так рассердил? Уж не Алёша ли с Улей?»

Захваченный думами о Станиславе, Лисицын не заметил, как подошёл к ночёвке. Впереди заблестел огонь костра. Находка бросилась навстречу Лисицыну с лаем и визгом.

Приближаясь к костру, Лисицын решил Алексею и Ульяне о своей встрече с немым пока ничего не говорить, но завтра же с утра отправиться на левый берег Таёжной, чтобы побывать на пасеке и установить за Станиславом слежку.

«Хитрость на хитрость», – вновь сказал он себе.

3

– А дорогу-то к вершине холма ты хорошо знаешь, Уля? Не заплутаемся мы? – спросил Алексей, когда Лисицын свернул в сторону и быстро исчез в лесу.

Ульяна прищурившись, посмотрела на Краюхина и, обиженно поджав губы, проговорила:

– Вы всё меня, Алексей Корнеич, за трёхлетнюю принимаете.

– Да что ты, Уля, откуда ты это взяла?! – воскликнул Алексей.

– А будто и нет? О делах своих всё с тятей и с тятей. А я тайгу не хуже его знаю.

Она диковато покосилась на Краюхина, но, заметив на его лице улыбку, смутилась и опустила голову.

– Теперь, Уля, твой черёд наступил водить меня по тайге. Видишь, вот сегодня пошли и завтра пойдём. Ты ещё сама не рада будешь, отказываться начнёшь, – серьёзно сказал Алексей.

Ульяна вскинула голову и впервые посмотрела на Алексея таким смелым, пристальным взглядом, что он даже растерялся.

Не сводя с него строгого взора, она с какой-то особенной задумчивостью и рассудительностью много пережившего человека произнесла:

– Я и прежде, Алексей Корнеич, успеха вам хотела. А с тех пор как с доктором на Синее озеро сходила, у меня всё ваше дело мечтой жизни стало.

– Даже мечтой жизни? – переспросил Алексей.

– Мечтой жизни, – твёрдо повторила она.

Он понял, что девушка говорит об этом серьёзно, и погасил улыбку.

– Спасибо, Уля, спасибо! Ты, может быть, и не догадываешься, как дорога в моём деле всякая поддержка. – Алексей вздохнул, глядя куда-то вверх леса.

Ульяна промолчала. Во всей её тонкой, подобранной фигурке, перетянутой поверх простенького платья широким патронташем, чувствовались нетерпение и скрытая сила.

– Пойдёмте, Алексей Корнеич, – предложила она и зашагала легко и свободно, радуясь, что бездействию наступил конец.

Алексей шёл за Ульяной и, глядя на то, как подпрыгивают на её спине толстые светло-русые косы, думал: «А что, пожалуй, зря я с ней не считался... Тайгу она знает не хуже, чем старые охотники. Полна удали, энергии».

Алексей понимал, что девушка может увлечься им, но думать об этом всерьёз он не хотел. Ученицы старших классов школы, где он преподавал географию, как это обычно бывает, были все немного влюблены в молодого учителя той чистой и возвышенной любовью, которая непременно сопутствует этому возрасту. Как только придёт первая настоящая любовь и в душе возникнет большое чувство, это светлое увлечение бесследно исчезнет, не оставив по себе, может быть, никаких воспоминаний.

Ему и в голову не приходило, что Ульяна пережила уже эту пору и её чувство к нему было куда более сильным и сложным, чем простое увлечение.

Когда они поднялись на предхолмье и по ровной площадке, поросшей стройным, отборным сосняком, стали огибать Тунгусский холм в поисках более удобного подъёма, Ульяна, молчавшая всю дорогу, запела. Она вначале пела тихо, почти вполголоса, и Алексей улавливал лишь мелодию, не разбирая слов. Но постепенно её голос становился все громче и наконец зазвенел в полную силу:

Как бы мне, рябине, к дубу перебраться? Я б тогда не стала гнуться и качаться. Тонкими ветвями б к нему прижалась и с его листьями. День и ночь шепталась... Алексею много раз приходилось слышать пение Ульяны. Он слушал её и в клубе, и в доме Лисицыных, и в тайге, и даже на районном смотре самодеятельности. Он признавал за ней большие способности, советовал ей развивать их, однако пение Ульяны до сих пор его как-то не волновало.

Но в это утро голос девушки прозвучал для него по-иному. Алексей вдруг почувствовал, что простая, бесхитростная песня схватила за сердце, пробудила в нём не то тоску, не то грустное раздумье. Как брошенный в реку камешек вызывает круги на спокойной поверхности воды, так её

песня вызвала в его душе новый строй мыслей и чувств. В одно мгновение ему припомнилось детство, замелькали в памяти обрывки каких-то споров с профессором Великановым, отдельные фразы из писем Софьи, вспомнились её мягкие, бархатистые глаза, такие ласковые и внимательные и такие беспомощные, когда нужно рассмотреть что-нибудь вдали. Всё это пронеслось стремительно, как в вихре, но ощущение какой-то щемящей и приятной боли сердца не проходило.

– Уля, спой ещё раз эту песню, – горячо попросил Алексей и повернул к толстой сосне, вывороченной в бурю с корнями. Он сел на дерево и вытащил из кармана портсигар.

Ульяна не стала отказываться. Она как будто знала, что он попросит её повторить песню.

Ульяна стояла от него в пяти шагах, приподняв голову. Она пропела песню ещё раз. Живой и осязаемой почудилась Алексею горькая тоска, мрачное одиночество и тихая, но неиссякаемая страсть рябинки. И не то было удивительно, что голос Ульяны был звонким и свободным, а то, сколько чувства несло в себе каждое слово, сколько жизненного опыта угадывалось за каждой интонацией.

Ульяна взглянула на Алексея, ища в его глазах одобрения, но он сидел, опустив голову. Девушка подошла к лесине, села рядом.

Алексей подумал: «Таково уж свойство талантливого человека – вмещать в своей душе чувства, лежащие за пределом личного опыта и возраста. Откуда бы ей знать тоску одиночества?..»

– Ты лучше петь стала, Уля, – сказал Алексей и, помолчав, добавил: – И мой совет тебе: не откладывай учёбу, поезжай в город.

– Да что вы, Алексей Корнеич, разве срок мне ехать сейчас в город? – почти с обидой отозвалась Ульяна.

– А когда же будет срок?

– Когда? Как вы найдёте здесь руду и уголь, тогда и будет срок.

– А если я не найду тут ни руды, ни угля? – вполне серьёзно спросил Алексей.

Она приняла его слова за шутку и горячо сказала:

– Будет вам, Алексей Корнеич, смеяться надо мной! Этого быть не может. Даже дедушка Марей Гордеич и тот говорит: найдёте!

Алексей никогда не сомневался в правоте своих взглядов на геологию Улуюля, но, сталкиваясь всякий раз с той верой в него, которая была у людей, знавших, что он занимается изучением таёжного края, он чувствовал какой-то особенный подъём. В такие минуты ему казалось, что он не отступит, если даже потребуются отдать Улуюлю всю свою жизнь.

Испытывая чувство, близкое к гордости, Алексей повернулся к Ульяне и заговорил вдумчиво, серьёзно, так, как никогда ещё не говорил с ней:

– Если б мне, Уля, удалось найти хоть одно доказательство выхода на поверхность коренных пород, всё бы сразу переменялось. Я бы подорвал неверие многих учёных и хозяйственников в перспективность нашего края. Пошли бы сюда комплексные экспедиции, поисковые партии,

понаехали бы учёные... – Он помолчал, мечтательно вскинул глаза, но сразу же опустил их и глухо закончил: – Труден первый шаг, первый поворот, первое усилие, Уля, чтобы поколебать старое, годами утвердившееся!

– Я читала, Алексей Корнеич, одну книгу про Мичурина, – взволнованная доверием Краюхина, сказала Ульяна. – Его до революции не хотели признавать, считали чудаком...

– Куда мне до Мичурина! Тот гений.

– Я о другом говорю, Алексей Корнеич, – поспешила уточнить она. – Я о том, что большой или малый подвиг у зачинателя, а путь у него один – через препятствия.

Алексей поднял голову и посмотрел на Ульяну долгим удивлённым взглядом. Ульяна высказала мысли, пришедшие ей в голову не теперь. И он опять подумал о том же, о чём думал уже сегодня: как же он ошибался в своих представлениях! Он всё ещё считал её неразумной белобрысой девчонкой, способной лишь петь песни да бездумно, поражая всех своей смелостью и ловкостью, бегать по таёжным трющобам. Она ж, выходит, серьёзный, вдумчивый человек.

– Правильно, Уля! Путь у первооткрывателей один – борьба, – сказал Алексей. – Потом, когда новое победит, даже странным кажется, как это могли люди цепляться за старое, ведь оно сдерживало их собственное движение. Но уж такова сила старого.

Алексей заметил, что его слова преобразили Ульяну. Глаза её заблестели, и она подняла головку с длинными косами, став сразу внимательной до строгости.

– Уж это точно, Алексей Корнеич! Когда вы откроете Улююлье, ваши противники будут недоумевать, как могли они не верить вам.

– Но до того дня, Уля, когда это произойдёт, возможно, так же далеко, как от нас с тобой до вершины Тунгусского холма, – с усмешкой сказал Алексей, взглянув в ту сторону, где, темнея хвойным лесом, возвышалась, как сторожевая башня замка, шапкообразная маковка Кедровой гряды.

– А может быть, и ближе, Алексей Корнеич, – также с усмешкой, в тон Алексею, ответила Ульяна.

И они весело посмеялись над тем, что взялись измерять неизмеримое.

Алексей докурил, бросил окурочок на землю и затоптал его каблуком в песок. Ульяна поняла, что можно двигаться дальше. Она встала, поправила ремни ружья и сумки и, увидев, что Алексей поднялся, пошла.

Они шли молча, Ульяна вела Алексея на холм, избегая крутых подъёмов.

На пути часто попадались обнажения то в виде глубоких ям, взрытых вывороченными корнями деревьев, лежавших тут же, то в виде обвалов, промытых дождевыми потоками в ненастье.

Алексей в таких местах задерживался, осматривал обнажения, брал в руки камни, иногда глядел на них через лупу и сильным рывком отбрасывал их в сторону. Ульяна внимательно наблюдала за ним, терпеливо ждала, когда он скажет: «Дальше, Уля».

От зноя, от испарины, поднимавшейся с земли, стало уже трудно дышать, но и путь их подходил к концу. До вершины Тунгусского холма оставались считанные шаги.

Ульяна с Находкой, без устали с лаем метавшейся по лесу, первыми достигли вершины.

– Победа! – весело закричала Ульяна Алексею, который ещё был на подходе.

Тяжело дыша, Алексей остановился рядом с Ульяной. Осмотрелся. Трудно было поверить, что вершина Тунгусского холма, казавшаяся снизу островерхой, на самом деле представляла собой обширную площадку, окаймлённую лесом и заросшую густым кустарником. По-видимому, когда-то крупный лес здесь был выжжен. Правда, на середине этой площадки стояла огромная лиственница. Алексею никогда ещё не приходилось видеть такого толстого и высокого дерева. На самой площадке свободно бы уместился десятиэтажный дворец.

– Наши охотники говорят, что с этой лиственницы край света видно, – засмеялась Ульяна, показывая рукой на дерево.

– А ты была на ней, Уля? – спросил Алексей, закинув голову и осматривая острую, как шпиль, макушку лиственницы.

– Что вы, Алексей Корнеич! Я поднималась только до половины, а лезть дальше струсил. Качает сильно! А день был тихий.

– Кто-нибудь поднимался до вершины?

– Только мой тятя. Да ещё не раз! Рассказывал он, что с макушки даже Синее озеро видно.

– Представляю, какое зрелище!

– Полезете, Алексей Корнеич?

– Нет, Уля. От высоты голова кружится.

– И у меня тоже. И как взгляну вниз, сердце замирает.

– А где же камни? – нетерпеливо спросил он.

– Сейчас, Алексей Корнеич, будем искать! – С трудом пробираясь сквозь кустарник, Ульяна полезла в чащу.

О камнях на вершине Тунгусского холма Алексею рассказал Лисицын. Это случилось после того, когда Марей Гордеич посоветовал Алексею побывать там.

О камнях знал и Марей Гордеич. По его словам выходило, что в годы, когда он жил в Улуюльской тайге, к этим камням, похожим на два больших сундука, часто приходили с верховий Таёжной тунгусы. Камни считались у них священными, и они приносили сюда разноцветные лоскутки, которые оставляли на ветках деревьев.

Показания Лисицына несколько противоречили тому, что рассказывал старик. Лисицын с дочерью ежегодно в чернотропье ставили на Тунгусском холме капканы на колонков и камни видели каждый раз, но это были простые камни величиной с голову, с кулак, и на сундуки они никак не походили. Короче говоря, всё надо было осмотреть самому.

Чаща была такой густой, что Ульяна бесследно исчезла в ней, Алексей подождал немного, не зная, куда ему идти, и крикнул:

– Уля, где ты?

Ульяна ответила с противоположной стороны площадки:

– Не могу найти, Алексей Корнеич. Помнится, что лежали возле этой берёзки. Вы ждите. Я подам голос.

Алексей стоял молча, смотрел на простиравшуюся вдаль Кедровую грядку, думал: «Загадочная складка. И происхождение её с рекой не связано. Пойменная долина лежит намного дальше. Надо попробовать пройти с компасом». Он вытащил из кармана компас, встряхнул его, положил на ладонь. Стрелка задрожала, запрыгала, её сильно повело, но в тот же миг она отскочила и замерла. Алексей решил встряхнуть компас ещё раз, положить его на пенёк и сверить его показания с картой, но услышался голос Ульяны:

– Алексей Корнеич, нашла!

Пряча на ходу компас, Алексей бегом бросился на её зов. Но ветки кустов, стлавшиеся по самой земле, цеплялись за ноги, и ему пришлось идти шагом.

– Иду, Уля, иду! – крикнул он.

Когда Алексей подошёл к Ульяне, он увидел, что она, присев на корточки, внимательно осматривает грудку камней, сваленных под берёзкой. С первого взгляда Алексей определил, что камни лежат тут давно и берёзка на многие-многие годы моложе камней. Верхние камни подёрнулись мхом, дождевые капли продолбили в них круглые дырочки, прочертили извилистые канавки.

Алексей поспешно приблизился к Ульяне, опустился напротив неё. Взглянув на него, Ульяна поняла, что он возбуждён. Алексей раскраснелся, хватал один камень, другой, третий и торопливо откладывал.

Потом он выбрал камень тёмно-пепельного цвета и накапал на него из пузырька какую-то жидкость.

Как ни строг в эту минуту был Алексей, Ульяна засмеялась.

– Вы как колдун, Алексей Корнеич!

– Колдун! Тоже мне... студентка! Да ты знаешь, что в пузырьке? Десятипроцентный раствор соляной кислоты. Без неё я как без рук. Если кислота не вскипит – значит, камень этот кварцит. Он мне нужен, а всё-таки...

– А если вскипит? – оживлённо спросила Ульяна.

– Если вскипит – известняк.

– И что же, если известняк? – спросила Ульяна, когда Алексей умолк.

– Это значит, Уля, древнейшие породы, с которыми связаны месторождения железной руды, угля, нефти, не столь глубоко спрятаны в Улулюье, как утверждают некоторые учёные. Стало быть, их можно найти и... Тут начнётся другая жизнь.

– Да вы мне покажите, Алексей Корнеич, какие они, известняки. Я их вам сколько угодно в промоинах у Синего озера найду, – с запальчивостью сказала Ульяна.

– Больно быстрая ты!

– Найду! – горячо повторила Ульяна.

– Ну, давай, давай найди, – подзадорил её Алексей и кивнул на тёмно-пепельный камень с капельками кислоты. – А видишь, вот камешек не вскипает – и баста! Это кварцит, Уля. Нужная находка, но...

Он отложил камень и принялся перебирать остальные. Край одного камня поразил его гладкой, почти отполированной поверхностью. «Как отёсанный», – подумал он.

– Ты давно, Уля, об этих камнях знаешь? – спросил Алексей, повёртывая в руке камень с отполированным краем.

– Как начали мы промышлять на Тунгусском холме, с тех пор. Я ещё пионеркой была.

– Камни в таком же виде были?

– Их много тут было. Часть мы с тятьей растаскали на грузила к ловушкам. А что, Алексей Корнеич? – спросила Ульяна, видя, что Алексей чем-то озадачен.

– Я вспомнил слова Марeya Гордеича. Помнишь, он говорил, будто камни лежали, как сундуки... Походит. Видишь, какой край... И всё-таки откуда они взялись тут?

Алексей умолк и сосредоточенно принялся осматривать камни заново – на второй круг. Ульяна поняла, что он не собирается посвящать её во все свои сомнения, и отошла. Она долго стояла молчаливая, с опущенными руками и влюблённым взором смотрела на него: на его крупную голову с взъерошенными выцветшими волосами, свисавшими сейчас на лоб, на ловкие руки с длинными пальцами, на полные губы, шептавшие какие-то слова.

Он словно почувствовал на себе её долгий взгляд, поднял голову, и по мимолётной улыбке, которая озарила его лицо, она догадалась: он доволен сегодняшним днём.

– Алексей Корнеич, обед варить? Вот тут, в чаше, вода есть, – предложила Ульяна.

Он утвердительно закивал головой.

Уля выбрала чистую полянку, круглую как пяточок, и развела костёр. Дымок затрепетал и, расстилаясь дорожкой, пополз прямо на Алексея. Он зачихал и поднялся.

– Ты кашеварь тут, а я пройду по склону. Посмотрю, нет ли каких обнажений, – морщась от дыма, сказал Алексей.

– Как будет готов, я крикну.

Алексей скрылся в лесу. Находка, лежавшая под кустом в тени, вскочила и бросилась за ним. Ульяна посмотрела вслед и, зная, как преданно собака служит ей, удивлённо подумала: «Находка за ним, как за мной, начинает бегать». Ульяне было приятно видеть привязанность собаки к Алексею, а она не остановила её, хотя и чувствовала себя в тайге без Находки одиноко.

Она подбросила дров в костёр, взяла котелок и направилась в пихтовую чащу. Тут под защитой плотного слоя веток никогда не пересыхали глубокие ямки, наполненные отстойной снеговой водой.

4

Не спеша, напевая тихонько, Ульяна сварила обед.

– Эге-ге! Обедать, Алексей Корнеич! – крикнула она.

Алексей не откликнулся. «Под горой не слышно», – подумала она, вышла к месту, с которого начинался спуск, и опять закричала во всю мочь.

Голоса Алексея Ульяна не услышала, но до неё донёлся лай Находки. «Идёт», – решила она и вернулась к костру.

Через несколько минут на полянку с визгом и лаем вылетела из чащи Находка... Собака бросилась к Ульяне, лизала ей руки, волчком крутилась возле неё.

– Ну ложись, Находка, тут ложись, – строго сказала Ульяна, указывая собаке место.

Находка села, но подняла голову и завыла. «Уж не зверя ли она чует?» – подумала Ульяна, поглядывая на своё ружьё, висевшее на еловом сучке.

Собака вскочила и опротясь бросилась в ту сторону, откуда прибежала.

– Эге-ге! Алексей Корнеич! – закричала Ульяна во всю силу. Не дождавшись ответа, обеспокоенно оглядываясь, Ульяна опоясалась патронташем, сняла ружьё с сучка и, взяв его наизготовку, вышла к спуску.

Находка лаяла на прежнем месте. Ульяна прислушалась. Собака лаяла по-особенному: не сердито, с рычанием, как она обычно лаяла на зверя, а жалобно, с визгом и подвыванием. «Что-то случилось с ним», – ощущая холодок на спине, подумала Ульяна.

«Алексей Корнеич! Где вы?» – хотела крикнуть она, но спазма отчаяния перехватила ей горло. «Ну, зачем я отпустила его одного? Учёный он человек, не таёжник...» – упрекала себя Ульяна, быстро приближаясь к тому месту, где лаяла Находка.

– Алексей Корнеич!

– Ульяна!

Голос его доносился слабо, чуть слышно, откуда-то из-под земли. Она вообразила, что он лежит при смерти, растерзанный медведем, и закричала не своим голосом:

– Где вы?! Алексей Корнеич!

Алексей застонал. Ульяна напролом бросилась в кустарник и чуть не свалилась в яму. Обламывая сучья, подминая бурьян ногами, она проделала в чаще дыру и заглянула в яму. Оттуда на неё пахло сыростью. Алексей лежал, скрытый сумраком и ветками кустов, росших вокруг ямы.

– Алексей Корнеич, живы? – придерживаясь за кусты и повисая над ямой, спросила Ульяна.

– Шест или верёвку надо, Уля. Не выбраться мне! – Алексей опять застонал.

– Верёвки, Алексей Корнеич, нету, буду искать шест! – крикнула она.

– Ищи, Уля! – донеслось из ямы.

Ульяна заметалась по склону, выискивая в валежнике лёгкую гладкую жердочку. В одном месте она подняла с земли засохшую ёлку, ногами обломала сухие, хрупкие сучья и побежала к яме.

– Держитесь, Алексей Корнеич. – Ульяна осторожно, чтобы не уронить жердь и не ударить Алексея, стала опускать её в яму. – Взялись?

– Не могу дотянуться.

Ульяна встала на колени и, сгибаясь над ямой, насколько это можно было, опустила жердь примерно ещё на метр.

– Взялись, Алексей Корнеич?

– Не хватает, Уля.

– Много ли не хватает?

– Около метра.

– Побегу за топором. Топор у костра.

– Хорошо.

Ульяна бежала и в гору и под гору. Струйки пота сползали по её покрасневшему лицу, спина была мокрая, сердце колотилось. Но, зная, что каждая минута кажется Алексею бесконечной, Ульяна торопилась.

Неподалёку от ямы она срубила тонкую высокую берёзку, очистила её от сучьев.

– Опускаю, Алексей Корнеич! – крикнула Ульяна, подходя к яме с берёзовой жердью.

– Ой, скорее, Уля! Продрог я насквозь.

Ульяна концом жерди опробовала прочность кромки ямы, встала так, чтобы ноги имели больше опоры, и опустила жердь.

– Держись, Уля! – сказал Алексей.

– Взя-али! – крикнула Ульяна.

Перебирая руками, она потянула жердь вверх. В те моменты, когда Алексей, скользя ногами по стене ямы, терял опору и держался лишь за жердь, ей было невыносимо тяжело. Она шаталась, в глазах её темнело, но руки держали жердь мёртвой хваткой, и не было сил, которые могли бы вырвать её из рук. Но такие моменты продолжались две-три секунды, потом ноги Алексея находили выступ, и Ульяна несколько секунд отдыхала.

Наконец Алексей взялся за ветки. Ульяна отбросила жердь и схватила его за руку. Он громко застонал, скрипнув зубами, но Ульяна не выпустила его руки и помогла вылезти на кромку ямы.

Увидев его, она чуть не закричала от испуга. Щека Алексея была расцарапана, и глубокие ссадины кровоточили. Рубашка на плече и на боку пропиталась кровью. Весь он с головы до ног был выпачкан в студенистой зеленовато-серой жиже, стволы ружья, висевшего за спиной, были забиты грязью.

Поддерживая Алексея под руку, Ульяна вывела его из чащи. Он шёл пошатываясь, и она чувствовала, что он сдерживает стоны.

– Садитесь тут, Алексей Корнеич, – сказала она, бережно сняла с него ружьё, помогла опуститься на толстую валежину.

Он сел, привалился к осине и закрыл глаза.

– Снимите рубаху, Алексей Корнеич, а то прилипнет к ранам. Я побегу смолы наберу. – Ульяна взяла топор и побежала к семейке молодых кедров, расселившихся неподалёку на склоне.

Когда она вернулась, неся на топоре прозрачные, как хрусталь, капли кедровой смолы, Алексей сидел в той же позе, как бы впав в забытие.

– Снимите рубашку, – повелительно сказала она и, не дождавшись, когда он начнёт делать это, сама расстегнула ремень и катушкой свернула его.

Всего лишь час тому назад она побоялась бы даже подумать, что может сама взять его за руки и увидеть его тело обнажённым. Она краснела от застенчивости, когда он задерживал на ней свой взгляд. Она чувствовала себя с ним неловкой, нескладной и стеснённой как в словах, так и в поступках. Теперь же она не испытывала никакого смущения. Тревога за Алексея, желание помочь ему, сознание того, что она ответственна за его жизнь в тайге, переродили её.

Уля стащила с него испачканную мокрую рубашку и, отмахивая от его голой спины своей косынкой сердито жужжавших паутов и слепней, смазала ссадины кедровой смолой. Про себя она дивилась, что он беспрекословно делал всё, что она говорила, молча поднимая руки и поворачивая к ней то плечо, то бок. Он был беспомощен, как ребёнок, и эта беспомощность вызывала в ней такую нежность к нему, что она с трудом сдерживала себя, чтобы не прижать его голову к своей груди.

– Я пойду, Алексей Корнеич, обед принесу и рубашку вашу замою, а вы снимите сапоги, осмотрите, нет ли ссадин на ногах, – распорядилась Ульяна.

– Уля, молодец ты! Сидеть бы мне в яме, – произнёс Алексей, всё время молчавший, по-видимому, не столько уже от боли, сколько от психической встряски, вызванной падением в яму. Он хотел улыбнуться Ульяне и, чтобы взглянуть на неё, резко повернулся, но тут же сморщился от боли.

– Сидите смирно да паутам не давайте. Я скоро, – сказала она и с удивительной быстротой исчезла.

«Какая стремительная, как ласточка!» – подумал Алексей, поглядев ей вслед.

Когда она вернулась с котелком в руках и выстиранной рубашкой, Алексей ковырял палкой заросшую серым лишайником и коричневым мхом кромку ямы.

– Ой, смотрите, Алексей Корнеич, ещё раз упадёте! – обеспокоенно закричала она и подумала: «И что его туда тянет?»

– Уля, ты знала об этой яме? – спросил он, не оборачиваясь и увлечённо присматриваясь к разрытой земле.

– Нет, Алексей Корнеич!

– А Михаил Семёнович знал?

– Если бы он знал о яме, обязательно предупредил бы меня. Весь этот склон за мной был. Мои тут ловушки стояли. А что, Алексей Корнеич?

– Яма необычайного происхождения, Уля. Промоины тут не могло быть, обвала тем более. А как, по-твоему, Уля, на медведя могли вырыть такую яму?

– Нет, Алексей Корнеич. Медвежьи ямы меньше. Вот смотрите, какой широкий зев у ямы, тут пятистенный дом может уместиться.

– Возможно, ты права, Уля.

– Давайте обедать, Алексей Корнеич. Рубашку вашу я на кустах развешу, она через несколько минут будет сухой. Палит-то как!

Они сели обедать. Находка улеглась у ног Ульяны, высунула мокрый красный язык. Алексея, сидевшего без рубашки, донимали пауты. Он подёргивался всем туловищем, корчился от боли, но ел с аппетитом, похваливая Ульяну за вкусный обед.

Ульяна ела молча, не поднимая головы. Теперь, когда он не нуждался в помощи, ей стыдно было смотреть на его обнажённую грудь, на его голые плечи, исцарапанные камнями. Алексей, чувствуя смущение девушки, поспешил надеть рубашку, хотя местами она ещё не просохла.

После обеда Алексей достал из походного мешка лопату и насадил её на черенок, для которого вполне пригодилась верхинка берёзы, срубленной Ульяной. Попеременно с Ульяной они принялись разрывать кромку ямы. Боль от царапин и ранок сдерживала движения Алексея, но он и думать не хотел о прекращении работы. Ульяна топором вырубала кустарник, вытаскивала полуистлевшие корни когда-то стоявших здесь больших деревьев.

Когда кромка ямы была расчищена, кустарник, заслонивший солнце, вырублен, Алексей решил спуститься в яму с лопатой. Прежде чем это проделать, пришлось соорудить лестницу. Ульяна срубила высокую ель. Сучья она обрубила так, чтобы можно было на них вставать ногами.

Ель была сырой, тяжёлой, и они долго провозились, подтягивая её, а затем устанавливая в яму. Липкая и клейкая смола, выступившая на сучках, выпачкала их одежду, руки, но, по убеждению таёжников, древесная смола никогда не считалась грязью, и на это ни Алексей, ни Ульяна не обращали внимания.

Осторожно, боясь сорваться и упасть, Алексей стал спускаться в яму. Ульяна держала еловую «лестницу», вкладывая в это все свои силы и прилежание. Ей казалось, что он вот-вот соскользнёт и снова рухнет в яму.

– Вы потише. Не торопитесь, пожалуйста! – твердила она.

Алексей, не слушая её, весело говорил:

– Представь, Уля, если б я был один! Солоно мне пришлось бы!.. Иду себе спокойно, вдруг одной ногой ступаю в бездну, другая скользит, и я – ух! Свалился и не понимаю куда. Всё скрыто тенью и кустарником.

– А вы осторожнее ходите.

– Ладно, Уля, учту на будущее.

В яме Алексей принялся работать с азартом. Он расчищал стенки ямы от травы и зеленовато-серой слизи, выкапывал в них глубокие отверстия, потом взялся раскапывать дно. Лопата то и дело наткалась на камни, звякала, ожесточённо скрежетала в неподатливой, жёсткой земле.

Ульяне уже надоело сидеть без дела, она несколько раз хотела спуститься в яму и подменить Алексея, но он сказал:

– Ты займись, Уля, делом наверху. Выруби кустарник по левой кромке ямы, я там тоже копать буду.

Взяв топор, Ульяна усердно стала рубить кустарник. Они работали молча и с увлечением. Алексей позабыл даже о курении.

Расчистив кромку ямы от кустарника, Ульяна принялась за раскорчёвку корней. Вдруг она услышала громкий, нетерпеливый голос Алексея:

– Уля, держи скорее!

Ульяна оставила топор и бросилась к яме. Алексей уже подымался по сучьям и вдруг заметил, что сползает по обвалившейся кромке. Ульяна быстро схватила ёлку за вершину и выправила её.

Когда Алексей, потный и грязный, вышел из ямы, держа кепку с каким-то грузом, Ульяна по его виду поняла, что он, должно быть, наткнулся на ценную находку.

– Смотри, Уля! – радостно сказал он и раскрыл кепку. Она приготовилась увидеть что-то необычное, яркое и даже прищурила глаза, но, заглянув в кепку, увидела три камня, по цвету самых обычных.

– Это, Уля, шлак, – Алексей показал на серо-коричневый камень, похожий на спёкшуюся золу, – это самое обыкновенное железо. Смотри, оно подвергалось ковке. Видишь, какие плитки... – Он вертел в руках продолговатые расплюснутые чёрно-серые камни.

– А яма откуда взялась, Алексей Корнеич?

– Сам гадаю, Уля. Возможно шурф пробили в прошлом столетии улююльские староверы, а может быть, и ещё раньше – тунгусы.

Алексей перебирал слитки железа и шлака, осматривал их через лупу.

– Ты счастливая, Уля, – сиял он улыбкой, размышляя о чём-то своём. – Смотри, с тобой я в первый же день на какое место наткнулся!

– При чём же тут я? Ваши бока страдали! – засмеялась Ульяна.

– Бока выдержат! – воскликнул он и опустился на корточки. Вытащив тетрадь и карандаш из своей полевой сумки военного образца, он начал зарисовывать расположение ямы.

– Это для чего, Алексей Корнеич? – спросила Ульяна, наблюдая за его работой.

– Рисунки и описание Соне пошлю, – сказал он тихо, увлечённый своим делом.

– Кому пошлётё? – переспросила она.

– Соне Великановой, – ответил он так же тихо.

Словно что-то оборвалось в сердце Ульяны, хотя она ни о чём ещё не успела подумать. Она отступила от него на шаг, про себя повторяя: «Соне Великановой». Он обернулся и, взглянув на неё, заметил в её всегда настороженных голубых глазах печаль.

– В этом деле, Уля, нужен совет специалиста, а может быть, даже и его участие. А Великанова историк, работала много на раскопках.

Ульяна промолчала, стараясь сообразить, почему само звучание слов «Соне Великановой» вызвало в ней невыразимую тоску.

Они пробыли возле ямы до потёмок. Ульяна сидела в обнимку с Находкой и негромко пела самые печальные песни, какие только приходили ей на ум. Алексей увлечённо работал, и ей казалось, что в эти часы, кроме ямы и камней, его ничто на белом свете не интересовало.

Три дня подряд Лисицын просидел в прибрежной чаще возле того места, где он обнаружил в заливчике плот Станислава. Он уходил туда со стана на рассвете, когда Ульяна и Алексей ещё спали, и возвращался в потёмках. Но ожидания его были напрасными: Станислав больше не появлялся.

Лисицын приуныл. Размышляя, что ему предпринять дальше, он два дня работал вместе с Алексеем и дочерью на раскопке ямы. Усердно роя землю лопатой, Лисицын мысленно разговаривал с собой: «Брехун ты, Михайла. Давно ли ты бахвалился перед Краюхиным: «Тут, на Улуюльской земле, Алёша, я знаю каждую щёлку, каждого человека». А выходит, ничего-то ты не знаешь! Старую яму под носом у тебя нашли, о которой ты ни сном, ни духом не ведал, подозрительные люди по тайге шляются... Эх!» Чтобы Ульяна и Алексей не заметили его уныния, он принимался рассказывать всякие охотничьи побасенки.

– Мне, Алёша, – обращаясь к Алексею, сказал вечером Лисицын, – на пасеку придётся пойти. Правленцы туда хотели приехать. Будут выбирать место для нового дома пасечнику. Надо мне повидаться с ними. Пусть подмоги у леспромхоза просят. Одним нам не очистить плёсы от карча.

Утром Лисицын ушёл. Правленцев на пасеке он не застал. Они приехали утром, пробыли на пасеке два-три часа и направились обратно в Мареевку. Лисицын пожалел, что упустил возможность поговорить с председателем колхоза до возвращения из тайги, но делать было нечего. Остаток дня Лисицын провёл в разговорах с пасечником Платоном Ивановичем Золотарёвым. Они сидели возле избушки на старых колодах, не спеша курили, обменивались последними новостями, обсуждали дела колхоза. Помянули, конечно, Дегова: вот, дескать, везёт человеку – работает едва ли больше других, а почёт на всю область. Вспомнили и о молодости. Золотарёв был сверстником Лисицына. Они вместе служили в царской армии, вместе партизанили, вместе охотничали до той поры, когда гибкий черёмуховый прут ударил Золотарёву по правому глазу. Глаз заплыл, долго болел, а потом покрылся бельмом. Золотарёв всю жизнь при стрельбе прицеливался правым глазом. Левый глаз у него был с косинкой, да и не просто было натренироваться в такие годы. Платон, прежде меткий, безошибочный стрелок, начал палить мимо цели. Лисицын, в бригаде которого охотился Золотарёв, первый понял, что Платону надо менять занятие. Так охотник превратился в тихого пчеловода...

В трёх шагах от них за верстаком, стоявшим под навесом из еловой дранки, с рубанком в руках работал Станислав. Он остругивал плоские метровые плашки. Немой то и дело вскидывал плашки на руках, прищурился, осматривал их и либо откладывал в сторону, либо вновь опускал на верстак и брался за рубанок.

Разговаривая с Платоном, Лисицын ни на одну минуту не переставал следить за немым. Ему казалось: Станислав притворяется, что увлечён работой, – на самом же деле он напряжённо прислушивается к их разговору с Платоном. Лисицын решил провести небольшое испытание.

Когда Платон спросил у него, каковы дела Краюхина, Станислав весь насторожился: он быстро отложил рубанок и начал сметать с верстака лёгкие кедровые стружки, неестественно вытягивая свою бронзовую мускулистую шею.

Лисицын начал говорить громко – и Станислав поспешил взяться за рубанок. Но вот Лисицын снизил голос – и Станислав в тот же миг придержал рубанок, потом поднял плашку и долго приглядывался к ней.

Подозрение так и точило душу Лисицына. «Кто же ты есть, рыжая твоя башка? – глядя на Станислава, думал он. – Если ты в самом деле контуженный инвалид Отечественной войны и пострадал за Родину, то зачем ты скрываешь свой голос? Или думаешь, что так легче и выгоднее жить тебе? А зачем ты тайно по тайге шляешься, мой стан у Тунгусского холма обходишь? Нет, Станислав, не тот ты, за кого выдаёшь себя! И бумаги твои из военного госпиталя ненастоящие. И уж как ты ни хитри, Станислав, а теперь ты меня на мякине не проведёшь».

– Эй, Станислав, иди отдохни, покурим вместе, – предложил Лисицын, когда их разговор с Платоном начал иссякать.

Станислав послушно подошёл и сел рядом с охотником. Он был бос, в широких полосатых штанах, в длинной рубашке с расстёгнутым воротом, без пояса.

Лисицын протянул ему кисет и похлопал по широкой, крепкой спине.

– Богатырь ты! Как здоровье-то? Скоро начнёшь говорить?

Станислав расплылся в улыбке, замотал головой, развёл руками: рад бы, мол, заговорить, да что ж делать, коли не проходит контузия.

Немой оторвал клочок газетной бумаги, насыпал на него большую щепоть табаку и принялся свёртывать сигарку. Он делал всё это не спеша и уверенно. Лисицын наблюдал за его длинными сильными пальцами. «Никакой контузии у него, у чёрта, не было! Пальцы как железные, ни один не вздрогнет!» – отметил про себя Лисицын.

– На охоту бегаешь, Станислав, или нет? – спросил он.

Немой закивал головой, глотнув дыму, выпустил его с шумом: «Пуф! пуф!»

– За Таёжной у Тунгусского холма бывал нынче? Как там птица, гуртуется, нет? – скосив глаза на Станислава и придерживая дыхание, спросил Лисицын.

Станислав опять закивал головой: бывал, дескать, за Таёжной, птицы там видимо-невидимо, всюду кишмя кишит: «Фур! фур!»

– А давно бывал? – спросил Лисицын, ещё больше настораживаясь.

Станислав вскинул руки и, перебирая быстро-быстро пальцами, изобразил падение снега.

– Ага, ранней весной был. Снег ещё шёл, – сказал Лисицын и, когда немой согласно затряс головой, заглянул ему в глаза. Они были такие непроницаемые и холодные, что Лисицын поспешил отвернуться, подумав: «Как в мутном озере – ничего не видно».

Что бы ни делал теперь Станислав, каждый его поступок вызывал у Лисицына сомнение. Вечером, когда стали ложиться спать, Лисицын с удивлением увидел, что Станислав забрал свою старую шинель и вышел из избы.

– Он что у тебя, Платоша, на улице спит? – спросил Лисицын Золотарёва.

– На вышке устроился. Чистый воздух ему для излечения нужен, – участливо сказал Золотарёв.

«Чистый воздух! Боится, что сонный разговаривать начнёт», – подумал Лисицын, вспоминая, как Станислав, ночуя у него на стане, непременно укрывался с головой.

Утром на другой день Лисицын ушёл с пасеки. Он сделал вид, что направился к своему стану, но ещё вечером, лёжа на нарах рядом с Платоном, раздумывая над своими наблюдениями за Станиславом, решил побывать за пасекой, в осиннике, где погибла под Краюхиным от случайного выстрела лошадь. Лисицын сам бы не объяснил этого желания. Он чувствовал только безотчётный зов всей души, толкавший его в осинник, и был не в силах сопротивляться этому.

Лисицын знал осинник не хуже, чем Тургайскую гриву и Кедровую грядку. Каждую осень по первому снегу он охотился здесь на зайцев. Хорошо знал и то место, где приключилось с Краюхиным несчастье. Лесом, чтобы спрямить свой путь, Лисицын дошёл до кочкастого болота и отсюда по тропе направился обратно к пасеке. Шаг за шагом он следовал по той же дороге, по которой ехал Краюхин. Вот лог с тихим родниковым ручейком, вот подъём на взлобок, а вот и три толстые осины, окружённые непролазной чащей. Чуть дальше тропу пересекала полусгнившая колода. Об неё в темноте и споткнулся Краюхин, когда, вообразив, что его преследуют, бросился бежать к пасеке.

«И почему я раньше сюда не пришёл? Не раз же собирался сходить. Что я теперь тут увижу? Лист на деревьях да траву на земле!» – думал Лисицын.

Он долго стоял на тропе, что-то измерял быстрыми взглядами. «Нет, Алёша, ты ошибаешься: свалить твоего коня случайным выстрелом из лесу не могли, – мысленно обращаясь к Краюхину, рассуждал Лисицын. – Тут такая чащоба с обеих сторон, что пуля на первом метре застрянет».

Лисицын пригнулся и, осторожно разгребая осиново-пихтовые ветки, полез в самую чащу. В пяти шагах от тропы он наткнулся на глубокий затёс, сделанный на молодой осине. На другой, ещё более молодой осине он увидел обломленные сучья и сбитую топором кору. Лисицын осматривал затёс долго и тщательно. «Самострел кто-то ставил», – решил он.

Самострелы приходилось не раз ставить и самому Лисицыну, но делалось это в случаях крайней необходимости. Так, однажды за Мареевкой медведи повадились ходить ночью в колхозные овсы. Мало того что звери ели овёс, – наевшись, они ложились и принимались кататься. Более двух гектаров овса потравили медведи. И тогда-то правление колхоза поручило Лисицыну обезопасить посева. Михаил Семёнович на тропах, по которым ходили звери, выставил четыре самострела. Ружья при помощи сошек и гнёзд, вырубленных в стволах деревьев, были закреплены приблизительно по росту медведя, к взведённым куркам Лисицын привязал шнурок: стоило тронуть шнурок – курки спускались, и зверь попадал под кинжальный огонь самострелов.

Самострелы Лисицына сработали тогда с точностью часового механизма: в одну ночь напал были убиты два зверя. Но Лисицын помнил и другое: все жители Мареевки под личную расписку были оповещены о том, что возле овсов устанавливаются самострелы и эта местность объявляется опасной зоной. Даже в безлюдной тайге охотники окружали самострелы вешками: кол с защемленной веткой обозначал опасность. Кто же мог поставить без предупреждения самострел здесь, у тропы? И на какого зверя?

Лисицын ещё раз подошёл к осине с глубоким затёсом и, взглянув в направлении тропы, заметил, что пихтово-осиновые ветки были разведены и для пули был расчищен свободный путь. Лисицын прикинул уровень затёса к своему росту. Линия упиралась прямо в грудь. «На человека самострел ставили!» – убеждённо подумал Лисицын.

Не жалея времени, он начал осматривать каждое деревце, расположенное поблизости, каждый метр земли под ногами. Но ни щепок, ни изломанных сучьев, ни затёсов он больше не обнаружил.

Он собрался уже уходить, как вдруг увидел на берёзе, стоявшей с другой стороны тропы, глубокий след от топора. Весной, когда берёза пускала соки, рубец от удара затянуло, но не настолько, чтобы скрыть его совсем.

Лисицын подошёл к берёзе, стал на колени, чтобы лучше рассмотреть надруб. Разрубленная кора берёзы была как слепок с лезвия топора. В одном месте кора была не разрублена, а вдавлена в тело дерева и прорвана. И сразу припомнился Лисицыну топор с выщербленным лезвием, который держал он на берегу Таёжной. «Станислав! От его топора след», – решил старый охотник.

Он поднялся, испытывая желание сейчас же броситься на пасеку, рассказать всё Платону, а потом привести сюда Станислава и заставить его сознаться, зачем ставил он на этой тропе самострел. Но через минуту Лисицын одумался. Надруб на берёзе был слабой уликой, если даже он и был сделан Станиславом. Таких случайных ударов топором сам Лисицын разбросал по тем же осинникам десятки и сотни.

«Нет, Михайла, не спеши. Конфуз случится. Возведёшь хулу на человека, а тот человек, может быть, чист и прозрачен душой, как кедровая смола», – подумал он.

Бесцельно пробродив ещё по осинникам с полчаса, он направился к Тунгусскому холму, где его с новостями ждали Алексей и Ульяна, наказавшие расспросить у правленцев, что делается на белом свете.

И вновь два дня Лисицын провёл с Краюхиным и дочерью на раскопках. Но это была не жизнь, а маята. Наблюдая за Алексеем, за его увлечённой работой, Лисицын думал о своём: «Кто же он есть, этот Станислав? Если в самом деле самострел ставил он, то кого хотел погубить?» Лисицын припоминал всех, кто ходил и ездил по тропе, ведущей на пасеку. Таких лиц было ровным счётом пять-шесть: пасечник Золотарёв, он, Лисицын, председатель колхоза Изотов, Краюхин, Ульяна и агроном Епишев, работник областной конторы пчеловодства, изредка наезжавший на пасеку из города.

Несколько раз Лисицын хотел поговорить о всех своих наблюдениях и думах с Краюхиным, но всё откладывал. Не хотелось ему омрачать настроение Алексея, отвлекать его от работы. У Краюхина без того много было за этот год всяких неудач и печалей. «Подожду. Пусть себе занимается пока лишь своим делом», – приходил к одному и тому же решению Лисицын.

В один из дней Лисицын переехал Таёжную и направился левым берегом вверх по течению реки. В этой части тайги было много озёр и речек, в которых промысляли рыбу мареевские рыбаки. Лов обычно развёртывался в середине лета, когда уровень воды в Таёжной начинал снижаться и рыба устремлялась в глубокие омуты. Лисицыну хотелось осмотреть уголья, прежде чем решить вопрос о том, где и какими ловушками брать рыбу. Осмотр рыбных, как и охотничьих, уголдий он производил ежегодно. По опыту Лисицын знал, что в течение весны происходят такие перемены, что диву даёшься. Бывало так: курья с широким и свободным устьем, выходящим в реку, становилась озером, а иное озеро, отделённое от реки изрядным расстоянием, превращалось в курью, так как ручеёк, соединявший озеро с рекой, вдруг обретал силу, разбрасывал на своём пути слежавшийся тысячелетиями грунт и раздавался вширь. Правда, было у Лисицына и ещё одно дело, толкавшее его на этот берег Таёжной. «Не тут ли бродит немой? Если ему что-нибудь надо в тайге, сидеть на пасеке он не станет. Для тайных дел в лесу нет лучшей поры, чем начало лета: всякая тростинка листом одевается и в рост идёт и добрый и худой след в безвестность скрывает», – думал охотник.

Было раннее утро. Над рекой и в тенистых ложбинах курчавился ещё не осевший туман. После прохладной ночи в тайге было свежо и тихо. Идти сейчас было куда приятнее, чем днём, когда тайга томилась под знойным солнцем.

Лисицын решил воспользоваться прохладой и без остановки дойти до бывшего староверческого скита, там развести костёр, попить чайку, а затем на обратном пути не спеша осмотреть курьи, озёра, речки и к вечеру вернуться на стан.

Часа через три Лисицын приблизился к усадьбе скита. Прошли уже десятилетия с тех пор, как скит перестал существовать, но тайга повсюду хранила следы от долголетнего пребывания людей. В просторы, занятые вековыми деревьями, были вкраплены полосы молодого леса, родившегося на месте пашен. Дороги и тропы заросли кустарником, иван-чаем, березняком. Там, где были бревенчатые дома и хозяйственные постройки скита: амбары, сторожевая башня, – теперь рос густой малинник. Он поднимался непроходимой чащей и был на редкость рослым – выше человека.

Лисицын дошёл до скитского озера, осмотрел его и хотел пойти назад, но решил завернуть на малинник, поглядеть, какой урожай сулит на ягоду нынешний год. От озера до малинника было не больше километра.

Ещё не дойдя до малинника, Лисицын услышал стук. Стук был осторожный, глухой. Охотник сразу определил, что кто-то бьёт обухом топора по дереву. Не будь этого злополучного Станислава, Лисицын не стал бы прятаться. Открыто и смело он пошёл бы к человеку, оказавшемуся в тайге, предложил бы ему свой табак, и кто б тот человек ни был, знакомый или нет, он поговорил бы с ним с душевным удовольствием. Но теперь приходилось поступать по-другому.

Лисицын согнулся, рысцой перебежал чистую полянку и присел в малиннике. Редкие глухие удары доносились всё с той же стороны – от реки.

Когда Лисицын с большой осторожностью, где бегом, где ползком пересёк старую усадьбу и, разведя перед собой малинник, взглянул на равнину, простиравшуюся почти до реки, он увидел Станислава. Немой шёл вдоль равнины однообразным, точным шагом. В руке у него был топор, под мышкой колышек, за спиной ружьё. Вот он остановился возле пышного черёмухового куста, вколотил в землю колышек, замаскировал его ветками и вернулся назад.

Станислав прошёл мимо Лисицына в трёх шагах. Лисицын почувствовал, как на висках проступил холодный пот. «Ударит он меня топором – и «ох!» не успею сказать», – пронеслось у него в голове. Но Станислав даже и не взглянул в сторону охотника. Он был сосредоточенный, сердитый и бормотал под нос хриплым голосом песню: «Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя...» Эти слова Лисицын расслышал отчётливо.

Станислав подошёл к заросшему бурьяном земляному валу, которым когда-то был обнесён стоявший несколько поодаль от других построек дом главы староверческого скита, сел на траву и, сняв фуражку, закурил, то и дело поглядывая на небо.

«Что ему тут надо? Что он тут бродит? – думал Лисицын. – Подкрадусь сейчас к нему, наставлю ружьё в грудь и не отпущу, пока не признается».

Станислав встал и, держа в руке топор, а под мышкой новый колышек, пошёл прежним чётким шагом, но теперь уже в другом направлении. «Раз, два, три, четыре...» – донеслось до Лисицына. Станислав тщательно считал шаги.

«С ружьём не спеши, Михаила, – сказал сам себе Лисицын. – Может быть, он, Станислав-то, вроде Краюхина – богатства земли для Родины ищет». Эта мысль показалась Лисицыну убедительной, но через минуту он думал уже по-другому: «Если б не для себя искал, не таился бы. Вон Алёша Краюхин... Тот готов каждому о своих делах поведать. Не иначе как рыжий действует с каким-то скверным умыслом...»

Лисицын сидел в малиннике до полудня. Станислав ушёл только после того, как измерил шагами всю прибрежную равнину вдоль и поперёк. Лисицын кинулся к колышкам, но никаких пометок на них не отыскал.

6

Отец Станислава, Маркел Тихомиров, был купцом первой гильдии. В дореволюционные годы по всей Высокоярской губернии разъезжали его приказчики. Они скупали у крестьян и охотников воск, мёд, кедровый орех, ягоды. Но особенно привлекала их пушнина.

В отличие от других купцов Маркел Тихомиров вёл свои торговые дела без шума, пряча от людского глаза не только барыши, но и намерения. Правда, Маркел лишь продолжал дело, начатое его отцом. Гением в тихомировском роду был Засипатор Тихомиров – дед Станислава. Убеждённый старовер, один из самых энергичных деятелей раскола, он многое сделал, чтобы насадить в Средней Сибири и в Забайкалье староверческие поселения.

Вот что писал по этому поводу забытый ныне дореволюционный историк высокоярской старины, большой знаток жизни Улуюльского края середины девятнадцатого столетия протоиерей Беликов:

«Улуюльская тайга давно известна своим гостеприимством не только раскольникам Сибири, но и их собратям по вере в Европейской России... Почти каждый из последователей какого-либо раскольнического толка с наслаждением слушает рассказы об удобствах спасения души, предоставляемых тишиной этой обширной и глухой тайги... Заимщики, арендовавшие и арендующие в Улуюльской тайге места для действительного заведения пасек или только под предлогом такого заведения, все должны быть отнесены к разряду раскольников-пустынников, хотя бы и жили на своих заимках семейно... Имеются в Улуюльской тайге представители чуть не всех сект и согласий... Известны уже много лет существующие в Улуюльской тайге монастыри, принадлежащие австрийским согласникам. Один из них мужской, другой женский... Место для мужского монастыря арендует лжесвященноинок Феофилакт (Фёдор Савинов), он же является и полновластным хозяином обители, хотя звание её игумена ныне принадлежит другому лицу – некоему монаху Феодосию... Обительские постройки состоят из большой двухэтажной избы,

четырёх малых келий и особого помещения для иконописной мастерской и её мастеров... Монастырь славится в расколе в особенности в силу того обстоятельства, что служит постоянным местожительством австрийскому лжеархиерею Антонию... Ради этого обстоятельства сюда текут приношения не только от сибирских, но и российских старообрядцев, и в частности от богатых старообрядцев из г. Москвы. Женский монастырь расположен в восьми вёрстах от мужского... Отдельные пустынники и населённые скиты, за исключением скита Пушникова и монастырей на реке Таёжной, принадлежали странническому толку, пробуждали и поддерживали во всём сибирском расколе его жизненную энергию... подвигами пустынножительства, вероучительством, преимущественно чрез посредство массы рукописных изданий... Для поддержания той же энергии и сплочённости в расколе в высокой степени много значили соборы и съезды... Из пределов Высокоярской губернии раскольники выезжали на вероисповедания и совещания в Тобольскую, Пермскую и, несомненно, в другие губернии Сибири и Европейской России. Раскольнические съезды, иногда в составе нескольких сот хозяев, происходили главным образом в тех случаях, когда раскольники известной местности задумывали добиться для себя тех или иных прав, причём съезжались для выбора ходяков и денежных раскладок на расходы для ведения дел и вознаграждения ходатаям».

Конечно, историк не смог воздать должное предприимчивости Засипатора Тихомирова. Если б историк знал всю правду о жизни Засипатора, он, несомненно, отметил бы одну важнейшую черту во всех его деяниях, а именно: будучи ревностным сторонником старой веры, Засипатор сумел подчинить своим купеческим интересам добрый десяток таёжных скитов и монастырей.

Купец побывал со своим товаром в первых городах Европы: в Париже, Берлине и Вене. Связи, которые существовали у улуюльских староверов со своими единоверцами в России и Европе, являлись делом рук Засипатора. Как медаль имеет лицевую и оборотную стороны, так и эти связи были двуедиными. Лицевая, религиозная, сторона хитроумно прикрывала оборотную, экономическую, сторону, на которой зиждилось могущество не только Засипатора, но и многих подобных ему дельцов от религии.

Маркел Тихомиров как деятель был мельче отца. И всё-таки, если б не произошла революция, его сын Станислав по наследству завладел бы целым кварталом двухэтажных, из отборных лиственниц домов, пятью пасеками, разбросанными по Улулюлю, свечным заводом и сундуком с драгоценными изделиями и золотом.

Вышвырнутый из Высокоярска, Маркел Тихомиров попытался обосноваться в Улулюлье, но революция и там настигла его. Улулюльские партизаны под командой Корнея Краюхина изгнали белых из притаёжных селений. Купец с женой и сыном бежали на Украину в надежде перебраться в Польшу. Им это удалось.

Тихомировы поселились в маленьком городке возле польско-советской границы. Отец с матерью содержали захудалый трактир и медленно умирали, мечтая о возврате всего, что было потеряно. Родители не оставили Станиславу ни копейки, но зато своими рассказами об утраченном в революцию капитале навсегда заронили в его душу тревожную надежду. Конечно, ни домов в Высокоярске, ни свечного завода, ни пасек вернуть было уже невозможно, но оставалось в целости золото и драгоценности, запрятанные в Улулюльской тайге, где-то возле бывшего староверческого скита.

Когда в Западную Украину вошли войска Советской Армии, Станислав уже многие годы жил своим трудом. С юности он работал у крупного польского землевладельца в должности

объездчика. Здесь он приучился к одиночеству и жизни в лесу и поклялся побывать в Сибири, чтобы отыскать в улуюльской земле фамильные ценности. Он так свыкся с этой мыслью, что охотно верил беззастенчивому вранью польских жёлтых листков, которые пророчили скорую гибель Советской России.

Но вот Советская Россия пришла и сюда. Станислав был поражён, но не опечален: открывался путь в Сибирь.

Вторая мировая война задержала исполнение его замысла, но всё-таки в Сибирь он попал. В тысяча девятьсот сорок четвёртом году, после освобождения районов Западной Украины от фашистских оккупантов, он был мобилизован в Советскую Армию. Но прослужил всего лишь два месяца. Во время взрыва случайно оставшейся в тылу неразминированной немецкой мины он был тяжело контужен, потерял слух и речь.

Его принялись усердно лечить, передвигая из одного госпиталя в другой. Так оказался Станислав в Высокоярске, в специальной клинике. Слух его восстановился полностью, но расстройство речи не проходило. И тогда-то мареевский колхоз «Сибирский партизан» приютил его у себя.

Два года жил уже Станислав на вольном воздухе, занимаясь тихой, спокойной работой. Расстройство речи давно уже прошло. Оказавшись наедине с самим собой, он без умолку разговаривал и даже пел, но на людях прикидывался немым – так было удобнее для исполнения задуманного.

Зорко присматривался к людям Станислав. Не помнит ли здесь кто-нибудь Тихомировых? Нет, о них и поминать забыли. Всё же свою предосторожность он считал не лишней: в одном из госпиталей он назвался Тихомирновским Станиславом Меркурьевичем, и с лёгкой руки не в меру доверчивого писаря, предложившего ему самому заполнить бланк удостоверения, исправления в фамилии и отчестве прочно вошли во все его последующие документы.

Из людей, которые здесь, в Улуюлье, встречались с ним, только двое вызывали в нём чувство острого волнения: Краюхин с его планами пробуждения Улуюльского края и Ульяна со своей красотой.

7

Ульяна медленно брела по тропе. Слезы застилали ей глаза, спазмы перехватывали горло и душили. Ей хотелось зарыдать, но Алексей был ещё совсем близко и мог услышать её.

Под огромной лиственницей Ульяна увидела ровную полянку, поросшую сизым мягким лишайником. Она бросилась с тропы под лиственницу, упала на мох, обхватила голову руками и заплакала, как ребёнок, – навзрыд. Находка жалобно завизжала, беспокойно обнюхивая её и облизывая руки.

...Утром в этот день Краюхин за чаем сказал, что ему придётся на день, на два оставить работу и сходить в Мареевку: необходимо срочно сообщить специалистам в город, что на Таёжной, в районе Тунгусского холма, обнаружена яма, и хотя это, как ему кажется, не стоянка доисторического человека, но всё же она представляет большой интерес для науки.

Ульяна знала, как дорожил Алексей каждым днём своего пребывания в тайге. Едва он кончил говорить, как она предложила:

– Я схожу, Алексей Корнеич, в Мареевку.

– Правильно, – поддержал её отец. – Пусть идёт Уля. Тебя, Алёша, тут никто не заменит, а сходить большого труда не составит.

Алексей обрадовался: сберегалось для работы целых два дня. Он посмотрел на Ульяну с такой теплотой в глазах, что она без слов поняла всю глубину его благодарности.

Алексей быстро допил чай, взял свою сумку, набитую бумагами, и сел в стороне под кедром. Опираясь спиной о ствол дерева, он раскрыл тетрадь, заполненную зарисовками кусочков железа, найденных в яме, вырвал несколько страничек и засунул в конверт.

Наблюдая за ним, Ульяна видела, как, заточив перочинным ножом карандаш, он принялся писать. Загоревшая сильная рука его бегала по белому листу бумаги, на лице то вспыхивала, то исчезала улыбка, в ясных карих глазах был какой-то особый свет, придававший его взгляду мягкое, почти ласковое выражение.

Пока он готовил письмо, Ульяна перемыла посуду, осмотрела ружьё и приготовила свой заплечный мешок.

– Ты уже собралась, Уля? – спросил Алексей и торопливо написал на конверте адрес.

– Могу идти, Алексей Корнеич, – сказала Ульяна, приближаясь к нему. – Письмо готово?

– Отправь, Уля, пожалуйста, заказным. – Алексей протянул ей конверт, разбухший от бумаг.

Ещё не взяв конверт в свои руки, она поняла, что Краюхин чем-то смущён. «Он думает, что мне не хочется идти... Да ради тебя я понесусь, как на крыльях, хоть за тридевять земель», – подумала Ульяна.

Она взяла конверт, и первое, что увидела на нём, было слово «Софье». Это слово показалось ей единственным словом, написанным на конверте, хотя адрес занимал полных четыре строки.

На одно мгновение ей захотелось швырнуть конверт ему в лицо. Пусть не думает, что она будет почтальоном в переписке с той... Но какое-то другое чувство остановило Ульяну, она быстро повернулась и сделала два шага. Только теперь, несколько секунд спустя после того порыва, она с ужасом подумала, каким низким, недостойным был бы её поступок. Ведь сама же она видела, что он вложил в конверт зарисовки с находок... Но тут её мысли изменились. Да, да, это так, но разве она не видела, с каким особым выражением писал он письмо? Только слепой мог не угадать чувств, которые были в его душе в эти минуты...

Ульяне почудилось, что конверт жжёт ей руки. Она сунула его в карман платья, взяла ружьё, закинула его за плечо на ремень.

– Уля, а рублёвка-то у тебя найдётся на марки? Или дать тебе? – спросил Алексей скорее для того, чтобы заговорить с ней.

– Ой, батюшки мои, какой же вы, Алексей Корнеич... смешной! – с раздражением в голосе воскликнула Ульяна, и он понял, что ей хотелось сказать что-то более резкое.

Ульяна молча зашагала к лодке. Находка кинулась за ней.

– Я перевезу, дядя Миша, – предложил Алексей, видя, что Лисицын, сидевший на разборкой жерлиц и сетей, откладывает работу.

Алексей нашёл Ульяну возле лодки. Она уступила ему место на корме, сама села на вёсла и с такой силой гребла, что лодка неслась, как под парусом.

– Я тебя провожу, Уля, немножко. – Алексей начал подниматься вслед за ней на крутой берег.

Она промолчала, но, чувствуя, что он идёт за ней, не оборачиваясь, сказала:

– Ну что вы, Алексей Корнеич, будто я дороги не знаю...

Он остановился и, переждав, когда она отойдёт подальше, крикнул:

– Ни пуха ни пера, Уля!

Ульяна обернулась, и он увидел, как в улыбке сверкнули её белые зубы. Он и предположить не мог, каких усилий ей стоила эта улыбка. Как только Алексей, стоявший на тропе, скрылся за деревьями, она бросилась на мох и дала волю слёзам.

...Ульяна поднялась через несколько минут. Слёзы её были какие-то бездумные, чувства, вызвавшие их, мимолётные, и она подумала: «И чего, дурёха такая, нюни распустила? Сама же вызвалась помогать ему во всём».

– Айда, Находка! – проговорила бодрым голосом Ульяна и вышла на тропу.

Пройдя с полкилометра, девушка вдруг вспомнила о конверте. «Уж не обронила ли я его под лиственницей?» – ощупывая карман, подумала она. Но конверт был на месте. «Помяла, наверно, сильно», – забеспокоилась она, вытащила конверт и только теперь заметила, что он был не заклеен.

«Забыл, видно, Алексей Корнеич в спешке заклеить», – решила она и засунула конверт снова в карман. Но, сделав несколько шагов, Ульяна почувствовала острое желание посмотреть, что пишет Алексей той самой Софье. Желание было таким сильным, что Ульяна остановилась, намереваясь проделать это сию же минуту. Но стоило ей только прикоснуться рукой к конверту, как другое чувство, ещё более сильное, остановило её. «Что я делаю? Это же подлость – читать чужое письмо», – пронзила её мысль. Отдёргнув руку от кармана, она быстро пошла, сурово осуждая себя.

Потом ей стало казаться, что она излишне строга к себе. Может быть, Алексей нарочно не заклеил конверт? Чем вести с ней длинные разговоры о том, почему он не может полюбить её, Ульяну, пусть, дескать, прочтёт письмо к Софье. Как всё это просто!

Девушка останавливалась раз, другой, третий, чтобы прочитать письмо, но в самые последние мгновения, когда нужно было вынуть его из кармана, решимость покидала Ульяну. Стыдно и страшно! Читать чужое письмо – это всё равно что подглядывать. И потом, лучше ничего не знать, чем узнать всё сразу. Да разве исчезнет её чувство, если даже она и узнает, что Алексей никогда-никогда не полюбит её? Она будет любить его всегда, вечно, где бы он ни был и кого бы он сам ни любил...

Ульяна шла к Мареевке, чувствуя сильную усталость. Так она редко уставала. Болели ноги, ныли руки, от раздумий как-то тяжело было в голове. Хотелось скорее лечь в постель и крепко заснуть, забыв на час-другой о всех своих огорчениях.

Но, как ни устала Ульяна, она помнила наказ Алексея: письмо отправить как можно скорее. Не заходя домой, она переулком вышла к почте.

Заведующий почтовым отделением Тимоша, черноглазый, румянощекий паренёк, давно был к Ульяне неравнодушен. Увидев девушку, он поспешно крикнул в трубку телефона: «Районная! Давай отбой. Телефонogramму передам позже». Поблёскивая глазами и сияя радостной улыбкой, Тимоша бросился к Ульяне, схватил её руку и долго не отпускал.

– Ой, как хорошо у тебя, Тимоша! Прохладно, тихо, чисто. Только вот мух многовато.

– Травлю их, проклятых, день и ночь, а все не могу до конца вывести, – смущаясь и ещё больше краснея, сказал Тимоша.

– Когда почту, Тимоша, отправлять будешь?

– Как обычно: в пять утра. У нас осечек не бывает. Недаром наше отделение передовое в области, – с гордостью произнёс Тимоша.

– Тогда прими важный пакет.

– В университет посылаешь или, может, женишку какому-нибудь настрочила? – хитренько ухмыляясь, поинтересовался Тимоша.

– Ну что ты! В университет сама поеду, а женишкам писать не надо: они все тут, в Мареевке, – засмеялась Ульяна.

Тимоша бросил на девушку вопросительный взгляд и, сразу нахохлившись, серьёзно сказал:

– Смеёшься всё, Уля! Давай-ка пакет-то!

Она подала ему конверт Алексея и, видя, что он быстро взялся за кисточку с клеем, со вздохом сказала:

– Всяко бывает, Тимоша! Когда смеюсь, а когда и плачу...

– Заказным? – спросил Тимоша.

– Обязательно! И чтоб квитанция была.

– Это уж само собой понятно. Согласно правил.

Ульяна ещё немного поговорила с Тимошей о всяких сельских новостях и пошла домой. Она спускалась уже с крыльца, когда услышала голос Тимоши:

– Уля, вернись-ка!

Ульяна вернулась, остановилась на пороге, сердито поморщилась.

– Ну что тебе, Тимоша? Устала я.

– Этот учитель из Притаёжного, Краюхин, не у вас?

– У нас, Тимоша.

– Письмо ему из Притаёжного переслали. Возьмёшь?

– Конечно.

Тимоша открыл стол, нашёл в толстой книге письмо и подал его вместе с книгой, говоря:

– Авиа, заказное. Под расписку идёт. Вот тут удостоверь получение.

Ульяна расписалась и, взяв письмо из рук Тимоши, в тот же миг выронила его. Ей показалось, что на голубом конверте под жирной линейкой, где пишут обратный адрес отправителя, она увидела всё то же тревожившее её слово «Софья».

Тимоша быстро наклонился и поднял конверт.

– Пожалуйста, держите крепче, Ульяна Чеевна, – по сибирскому шутивому обычаю сказал он, вытягиваясь на носках и поднося письмо на ладони.

– Ах, кавалер какой! – засмеялась Ульяна, взяла письмо, сунула его в карман и вышла.

Улицей до дома Лисицыных было гораздо ближе, чем задами, но Ульяна поспешила свернуть в переулок.

Выйдя за огороды, девушка вынула из кармана письмо и прочитала адрес отправителя: «Город Высокояorsk (областной), улица Набережная, 18, кв. 1. Софья Захаровна Великанова».

Ульяна опустила голову. Лёгкий ветерок, налетавший с лугов, вырывал письмо, но Ульяна крепко держала его, стиснув пальцами.

Арина Васильевна с первых минут заметила, что дочь чем-то сильно огорчена. Ульяна старалась быть оживлённой, разговорчивой, но вдруг неожиданно замолкала, с трудом вспоминая, о чём она говорила.

– Ты не заболела, дочка? – наконец спросила Арина Васильевна.

– Устала сильно, мама. Ночь не спала, комары не давали, а потом шла без отдыха, торопилась.

– Иди в горницу, отдохни.

Ульяна напилась чаю и легла в постель. Ей хотелось заснуть, она ворочалась с боку на бок, вздыхала. Из головы не выходило всё то же имя: «Софья... Софья... Софья...»

Девушка так и не уснула. Когда стало вечереть, она надела новое платье и пошла к подружкам. Вместе с ними Ульяна посидела возле клуба. Пели песни, шутили, но ничто не могло принести Ульяне прежней беззаботности. Мозг словно сверлило всё то же: «Софья... Софья...»

Кое-как переколотав ночь, Ульяна на рассвете поднялась и ушла в тайгу. «Ну что я бегу? Зачем я стремлюсь к нему?» – сдерживая себя, думала Уля.

В полдень она вышла на берег Таёжной. Лисицын и Алексей только что вернулись с раскопок. Время было обеденное. Ульяна подозвала Находку, закричала:

– Лодку! Эй, вы там, искатели, лодку!

Через минуту Ульяна увидела на другом берегу Краюхина. Он быстро бежал по тропе к лодке, размахивая руками, что-то кричал. Отросшие волосы спустились на лоб, закрывали ему глаза. «Бежит-то как! Видно, чует, что весточку от милой привезла, – решила Ульяна. – А может быть, спешит меня увидеть?» – вдруг подумалось ей.

– Как сходила, Уля? Почему так быстро вернулась? – работая веслом, кричал Алексей с середины реки.

– К вам, Алексей Корнеич, спешила.

– Ну и молодец! Я уж соскучился без тебя.

– Насмешник вы, Алексей Корнеич!

– Честное слово, Уля!

Ульяна подтолкнула собаку в лодку, прыгнула сама, взялась за вёсла. Ещё только завидев Алексея, она решила, что с письмом торопиться не будет. Пусть он не думает, что её занимает и беспокоит его переписка с городской девушкой Софьей. Таёжницы тоже знают себе цену, и у них тоже есть своя гордость. Пусть произойдёт всё так: они придут на стан, Ульяна поговорит с отцом, сходит на реку умыться и только потом, сделав вид, что только что вспомнила, отдаст ему письмо.

Но то ли потому, что Алексей с радостью встретил её, или скорее потому, что любящему сердцу не прикажешь, Ульяна сказала о письме, едва вступив в лодку.

– Письмо? От кого, Уля? – удивлённо спросил он.

– Чужих писем, Алексей Корнеич, не читаю, даже когда они бывают незапечатанными, – глядя в упор на Краюхина, проговорила Ульяна.

– Но, во всяком случае... на конверте должен быть обратный адрес. – Алексей как-то виновато посмотрел на неё.

Ульяна хотела сказать, что и адресов чужих она не читает, но лгать она не умела. Поджав губы, Ульяна замолчала.

Алексей читал письмо всё там же, под кедром. Ульяна сидела с отцом у костра, исподлобья поглядывала на Алексея. Вдруг он вскочил и, размахивая письмом, закричал:

– Уля, дай я тебя поцелую!

Ульяна поднялась, видя, что он решительно приближается к ней. «Что он, умом рехнулся?» – подумала она, обеспокоенная его необычным видом.

Алексей подошёл к девушке, нагнулся и поцеловал её в голову. Лисицын удивлённо щурился, ничего не понимая.

– За такую весть, Уля, тебя озолотить мало! – сказал с волнением Алексей и повернулся к Лисицыну. – Новость, дядя Миша, да какая! В архиве найден анализ руд, доставленных в прошлом веке из Улююльского староверческого скита.

– Знать, в самом деле богаты наши края! – вскочил Лисицын.

Он вынул из сумки принесённую Ульяной бутылку с водкой:

– Садись, Алёша! Добрую весть обмыть надо. А я-то думал: за что бы выпить? – старуха водочки послала. А оно, вишь, обернулось как...

Глава четырнадцатая

1

Долго Марей был между жизнью и смертью. Он часами лежал, дыша так тихо, что Арина Васильевна то и дело подходила к нему убедиться, не отошёл ли он.

– Почему он такой смиренный-то, доктор? Ни застонет, ни заохает... Будто нет его, – говорила Арина Васильевна, когда врач, осмотрев Марая, складывал свои инструменты в чемоданчик.

– Потому он тихий, Арина Васильевна, что стар. Смерть придёт к нему как вполне закономерное явление, – поблёскивая очками в золочёных ободках, отвечал врач.

– Пожалуй, за Михайлой надо посыльного отправить. Они с Улей в тайге.

– Лучше послать, – посоветовал врач.

Когда врач ушёл, Арина Васильевна решила с посыльным переждать до утра. Была у неё какая-то внутренняя вера, что старик выкарабкается. И в самом деле: на другой день утром она услышала его голос, который не раздавался в стенах дома уже несколько суток.

– Ариша, подойди, голубушка, ко мне.

Арина Васильевна подошла к кровати, села на табуретку.

– Как, Марей Гордеич? Может, чайку тебе с клюквой дать?

Старик не ответил, но, повернув к ней кудлатую седую голову, заговорил о своём:

– Сон, Ариша, сейчас видел: иду будто я к Мише на стан, иду, тороплюсь, и надо мне идти ещё быстрее, а в ногах силы нету. Взошёл я тут на высокий яр, посмотрел вниз и думаю: а зачем я пешком иду, когда лететь можно? Разбежался я что было мочи и прыгнул с яра. И чую, как ветер подхватил меня и понёс. Лечу я так быстро, что дух захватывает. Взглянешь вниз – лес приветно зеленеет, Таёжная играет; посмотришь вверх, а там небо синее, облака плывут... Лечу, и вся-то Улуюльская тайга из конца в конец мне видна. Вижу: в одном месте дымок над лесом струится. «Знать, думаю, стан Михаила Семёныча». Узнал меня Миша, шапкой размахивает, кричит: «Ты что, Марей Гордеич, давно ли летать по-птичьему научился?» Тут я, Ариша, и проснулся.

– Хороший сон, Марей Гордеич. На поправку пойдёшь, – сказала Арина Васильевна и подумала: «Очкастый-то доктор, кажется, пальцем в небо попал!»

– И то правда, Ариша. Проснулся, дышать легче, головой вот свободно ворочаю, в ногах охотку на ходьбу чую.

– Блинков тебе со сметаной испечь, Марей Гордеич? – спросила Арина Васильевна.

– А что ж, съем, пожалуй, Ариша, – ответил старик и проглотил слюну, вдруг почувствовав острый приступ голода.

Печь у Арины Васильевны уже пылала. Она налила в глиняную чашку два стакана сливок, положила горсть белой муки, щепотку соли, всё это тщательно взболтала, и минут через десять блины были уже готовы.

Арина Васильевна помогла старику приподняться, положила ему под голову ещё две подушки.

Марей ел медленно, рука его сильно дрожала. На лбу выступили крупные капли пота. Но все три блина, что дала ему Арина Васильевна, он съел с удовольствием, выпил большую кружку крепкого чая.

– Ещё бы, Ариша, блин съел, а всё-таки не стану. Подожду. Как бы хуже не было.

– Добро, Марей Гордеич, добро. Лучше почаще кушай, чтоб желудок пообвык. Как захочешь опять, позови, я тут в кухне буду, – собирая посуду, сказала Арина Васильевна.

– Спасибо, голубушка! Уж так ты меня уважила, как отца родного! – Старик вытер концом полотенца вспотевшее лицо.

– А ты и есть, Марей Гордеич, отец родной. Да не одной мне, а всему нашему селу. О твоём здоровье каждый день в сельсовет и колхоз сообщаю. Председатель нашего колхоза Изотов наказал. «Ухаживай, говорит, Арина Васильевна, за ним как можно лучше. Труд, говорит, твой колхоз берёт на себя. Трудодни тебе идут. И всё, что надо – муку, мёд, масло, – в кладовой колхоза бери».

– И за что только почёт такой?! – произнёс старик, и улыбка промелькнула на его исхудавшем лице.

– Как за что?! За то, что первую избу на нашем яру срубил...

Старик скосил на Арину Васильевну глаза и вздохнул. Она посмотрела на него и поняла, что он утомился.

– Отдыхай, Марей Гордеич, отдыхай. Я – на кухне.

Она вышла. Марей лежал на спине, смотрел в потолок, шепча слова, запомнившиеся навечно со времён его бродяжьей жизни: «Пошли тебе господь счастье и избавленье от мук мирских...»

С этого часа Марей стал быстро поправляться.

Однажды Арина Васильевна, войдя в дом, застала Марей у окна. Он сидел на стуле, облокотившись на подоконник. Услышав её шаги, он обернулся, и она увидела, что морщинистое лицо старика необыкновенно похорошело и к нему возвращается та красота долголетия, которой природа одаривает немногих по какому-то неизъяснимому выбору.

– Радёшенек, Марей Гордеич, что в силуходишь? – спросила Арина Васильевна.

– Благодать-то какая! Лист шумит, а тихо, – сказал старик. – А что, Ариша, Мишу с Улей не ждёшь?

– Кто-нибудь будет на днях. Хлеб у них на исходе.

– Ты подготовь харчи, Ариша, унесу.

– А не рано, Марей Гордеич, в путь собираешься?

– В тайге скорей наберу тело, Ариша.

Дней через пять Марей ушёл в тайгу.

2

Марей шёл медленно, отдыхал через каждые два-три километра. Присев на пень или на колоду, старик дышал глубоко, чувствуя, что целительный таёжный воздух возвращает бодрость.

Как дитя, впервые познающее белый свет, Марей радовался всему, что видел: солнцу, сверкавшему с высокого голубого неба, шуму деревьев, аромату трав, цветов, журчанию таёжных речек на пенистых перекатах, звонким птичьим голосам, раздававшимся по таёжным просторам.

Болезнь надолго оторвала старика от дела, ради которого он появился в Улуюлье, но винить в этом он мог только себя.

Много лет тому назад Марей ушёл из Улуюлья, гонимый произволом и нуждой. Он жил здесь, как затравленный зверь, боясь показаться в людных местах. Он был бродягой, а бродяга считался хуже бездомной собаки. Бездомная собака могла свободно передвигаться от двора ко двору, из деревни в деревню. У бродяги не было и этой жалкой возможности.

Как ни тяжела была его жизнь, а и в ней изредка выпадали свои радости, правда короткие, неустойчивые.

Марфуша, его невеста, пошла за ним в Сибирь. Он сбежал из-под стражи, они поженились и несколько месяцев прожили у одного купца на пасеке. Потом подошёл срок Марфуше родить. После трёх суток мучений Марфуша родила сына. Марей сам принимал ребёнка. Позвать повитуху было неоткуда. Пасека одиноко лежала в лесах, занесённых глубокими снегами. До ближайшего села Притаёжного было больше сорока вёрст. Ни троп, ни дорог туда в зимнее время не было. И это хорошо! Хоть зиму можно было прожить, не беспокоясь, что нагрянет полиция, схватит и закуёт в кандалы. Но дорога в эти места потребовалась Марею самому, и раньше, чем он ожидал.

Двадцать дней спустя после родов Марфуша скончалась в горячке. В ста шагах от избушки, на бугорке, поросшем молодым березняком, Марей расчистил землю от снега и запалил костёр. Промёрзшая земля отходила трудно. Не то что лопата – топор отскакивал от неё, как от железа, со звоном и искрами. Марей схоронил жену и заторопился в избушку.

Он запеленал сына, привязал его полотенцем к своей груди, встал на лыжи и по сугробам, через холмы, закованные льдом реки и озёра, через лесную чащобу направился в Притаёжное. Он сам не знал, что сделает с сыном, как поступит.

В Притаёжное Марей пришёл в глухой ночной час. Село лежало в сумраке. Мела позёмка. Небо было беззвёздное, низкое. У первого же двора собаки с рычанием бросились на Марея. Лай услышали псы из соседних дворов, и всё село от края и до края огласилось тревожным лаем. Марей остановился, раздумывая, что делать. Идти дальше было опасно. Лай мог поднять мужиков, а среди них были такие, которые не упустили бы случая заработать на поимке беглого человека. Но и стоять посреди улицы дальше он не мог. Ветер пронизывал его сквозь изношенную шубёнку. Сын проснулся, изо всех сил сучил ногами, требуя пищи и тепла.

Вдруг в одной избе блеснул огонёк. Ступая как можно легче, чтоб не скрипел под ногами снег, Марей заглянул в промёрзшее окно. Мороз разрисовал стекло затейливыми узорами, но в узенькую полоску, не подёрнутую льдом, Марей увидел мерцавший ночничок, молодую женщину, склонившуюся над зыбкой, раскалившуюся докрасна железную печку. Марей постучал в раму окна.

Женщина испуганно подняла голову, постояла, взглядываясь в окно. А когда Марей постучал второй раз, она подошла к кровати и разбудила мужа.

– Кто там? – услышал Марей голос мужика.

Мужик притиснул бородатое лицо к стеклу, стараясь рассмотреть, кто стоит под окном.

– Пустите, ради Христа, обогреться, – сказал Марей громким протяжным голосом.

Мужик отошёл от окна, поговорил с женой, набросил на плечи полушубок и вышел в сени.

Через минуту-другую Марей сидел в жарко натопленной избе. Ребёнка распеленали, и, почувствовав тепло, он снова уснул.

Муж и жена выслушали Марея. По их участливым лицам, по добросердечию, таившемуся в глазах, Марей понял, что попал к хорошим людям, и не утаил от них, что он беглый каторжанин.

– Возьмём, Тиша, ребёночка. Пусть растёт вместе с нашими! – со вздохом произнесла женщина, ласково беря на руки сына Марея.

– Возьмём, Палаша! А на селе скажем – подбросили нам.

Марей зарыдал. Такое участие, такое истинное благородство могло быть только у людей, которые сами хорошо знали лихо.

Марей поцеловал сына, поцеловал в последний раз, чтобы никогда больше не видеть его и не знать ничего о нём...

– Пошли вам бог здоровья и счастья! – сказал Марей и обнял незнакомого бородатого мужика, как кровного брата.

Близился рассвет. Надо было уходить, и не улицей, а огородами, как ему советовал мужик. Марей вышел к ельнику, где были спрятаны его лыжи, встал на них и, не видя от слёз ни неба, ни земли, побрёл к пасеке, где поблизости от могилы жены ждало его ещё горшее одиночество.

Весной, когда обнажились из-под снега дороги, на пасеку явился из города хозяин. Он приехал с ватагой офицеров жандармского управления. Офицеры охотились на косачей, пьянствовали, заставляли Марея прислуживать им. Марей чувствовал, что ходит по острию ножа. Чуть провинись – и начнутся допросы: кто ты такой? откуда взялся? Не сносить ему головы, если дознаются, что он беглый каторжанин.

Марей решил бежать с пасеки. Он запасся дробью, порохом, пистонами, но ружья не было.

У хозяина с офицерами был целый склад оружия. Марей выбрал себе длинноствольный капсюльный дробовик и собрался на рыбалку. В ночь подул сильный ветер, разлившаяся река покрылась белыми гребешками. Хозяин не советовал Марею ехать: «Ничего не добудешь». Марей объяснил: «Гости уши желают, ваше благородие. Попробую налимов в карчах поймать». – «Ну, поезжай, да с пустыми руками не явись. Оскандалишь меня», – переменял тон хозяин.

Утром хозяин и гости поднялись, вышли на реку и увидели перевёрнутую вверх дном лодку, прибитую ветром к берегу. Ясно было, что работник утонул. «Ах, сукин сын, ружьё загубил!» – только и сказал хозяин.

А Марей между тем уходил от пасеки всё дальше и дальше, пробираясь по лесистым берегам реки Большой к северу.

Три зимы прожил Марей в избушке на высоком яру. Вокруг были глушь, безлюдье. Изредка его навещали охотники-тунгусы. Они помогали ему добывать ружейные припасы, хлеб, соль. Особенно сдружился Марей с кривым тунгусом Осипом. Он был уже старик, лучше других объяснялся по-русски. Старый тунгус любил Марея за его доброту и бескорыстие. Они часто охотились вместе, и никогда русский не пытался присвоить труд Осипа.

Летом на четвёртый год на стан Маррея нахлынули люди. Это были российские крестьяне, бежавшие в Сибирь от нищеты и голода. Им приглянулся яр, на котором стояла избушка Маррея, и они решили поселиться здесь. Рядом с избушкой Маррея задымили трубы восьми новых изб. Марей соскучился по людям и помогал новоселам чем мог: показывал лучшие охотничьи угодья, учил бывших хлеборобов ловить рыбу и птицу. Так в далёком Улуюлье, среди неоглядных лесов, возникла Мареевка.

Но самому основателю деревни не пожилось тут. На второй год наехали новые переселенцы. Кто и где прознал про тайну Маррея, он и сам не мог сказать, но один из первых переселенцев, Семён Лисицын, предупредил его: «Уходи, Марей, объявились злые люди».

Марей бросил свою избушку и ушёл к тунгусу Осипу в верховья Таёжной. Уж тут ли была не глушь? Две-три заимки да староверческий скит – вот и всё население на округу в сотни вёрст. Кажется, живи себе и не беспокойся, что пострадаешь от руки худого человека.

Но в ту пору разгоралась в Сибири «золотая горячка». Тысячи людей из купеческого, торгового и чиновничьего сословий были охвачены жаждой наживы. Группы и даже целые отряды таких людей ринулись в тайгу.

Улуюлье влекло всех слухами о затерянном караване золота. Пришельцы безуспешно ощупывали баграми реки и озёра и всю злость за свои неудачи вымещали на тунгусах. Тунгусов выбивали и в одиночку, и целыми семьями. Считалось, что тунгусы знают, где захоронено золото, но молчат, не желая отдавать его.

Марей понял, что жить в такое время среди тунгусов опасно. Искатели золота могли убрать его как своего конкурента. Марей ушёл в староверческий скит.

Около восьми лет прожил Марей со староверами. Жизнь в скиту была каторгой. Однажды кто-то не вынес этой постылой жизни и подпалил староверческий посёлок. Люди разбрелись кто куда; Марей пошёл в глубь тайги искать Осипа. Надо было где-то в безопасном месте пересидеть год-другой, пока уляжется вся эта история с поджогом скита. Горячка с поисками золота в Улуюлье к этому времени пошла на спад. Многие на поисках затерянного каравана с золотом разорились, и их горький опыт удерживал других.

Марей нашёл Осипа в верховьях маленькой речки, впадавшей в Синее озеро. Старик жил в полном одиночестве. Из всей многолюдной ветви древнего тунгусского рода он остался один. Остальные или разбрелись, или погибли. Старый тунгус обрадовался приходу Маррея. Осип был уже дряхлым. Однажды он сильно заболел. Марей поил его настоем брусничного листа, выпекал на кедровом масле лепёшки из толчёной сушёной рыбы, но здоровье старика не улучшалось. Марей понял, что поправиться тунгус не сможет.

Как-то раз на рассвете Осип разбудил Маррея. В руках он держал кисет из выделанной оленьей кожи, расшитый окрашенной оленьей жилой.

– Умираю, друг Марей, – тихо сказал тунгус. В глазах его стояли слёзы. Путая русские слова с родной речью, старик сказал: – Возьми кисет. Это тебе от тунгусов за сердце твоё. Кисет покажет тебе богатства Улуюлья.

Старый тунгус пытался что-то объяснить Маррею, но голос его слабел и оборвался на полуслове.

Оставшись опять в одиночестве, Марей подолгу просиживал над кожаным кисетом. Он видел, что на кисете вышиты приметы Улуюльского края. Вот этот полукруг – река Большая, вот эта извилистая полоска – река Таёжная. Этот кружочек – Синее озеро. Этот кружочек – Тунгусский холм. Но что обозначали разбросанные по кисету крестики, Марей, догадаться не мог. Не их ли значение пытался объяснить Осип перед смертью? Не показывают ли они места, где запрятано золото ограбленного каравана? Ведь все золотоискатели утверждали, что тунгусы знали, где было запрятано золото. Больше того, многие искали не золото, а кисет, на котором якобы были показаны все потайные места последнего тунгусского рода на Таёжной. Разговоры об этом Марей слышал не раз.

После смерти Осипа Марей прожил в Улуюльском крае полгода. Кисет с вышивкой он берёт, но разгадывать его тайну не пытался. Не золото он искал, а свободы, права на человеческое существование.

Однажды весной Марей ушёл из Улуюлья на восток. Началась новая пора его жизни. Под чужой фамилией он работал на золотых приисках на Лене. Там и застала его революция. Он был уже в годах, но именно теперь-то и почувствовал молодость. Когда Советская власть приступила к освоению Алдана, Колымы, Индигирки, Марей ходил в экспедиции с геодезистами и геологами. В эти годы он почти и не вспоминал об Улуюлье.

Однако с приближением старости мысль об Улуюлье всё чаще и чаще беспокоила его. Бессонными ночами стали вспоминаться ему молодость, жизнь с Марфушей на пасеке, её смерть, сын... Виделись ему сны, в которых Улуюлье и Марфуша вставали как наяву. О сыне он думал особенно горячо. Что с ним? Выжил ли он? А если выжил, где он и кто он? Могло быть так, как это чаще всего было у крестьян: сын живёт в доме своего отца... Хоть бы одним глазком взглянуть на сына. Пусть носит он фамилию человека, вырастившего его, и не ведаёт, что настоящие отец и мать его совсем другие люди. Он дорог и близок Марею, он от крови и плоти его. «Кровь моя там осталась, кровь зовёт», – думал Марей.

Чаще задумывался Марей и о кисете. Может ли он умереть, не попытавшись разгадать тайну тунгусского кисета? Нет, ему такого права не дано. Осип не просто от себя дал ему кисет. Он сказал: «От тунгусов». Значит, старый тунгус передал ему дар от всего своего народа. И передал он этот дар не ему одному, а всем русским, у которых было доброе сердце в отношении к таёжным людям.

И так и этак прикидывал Марей в уме, и всё выходило одно: надо идти в Улуюлье. И, как это часто бывает со стариками, Марей почувствовал, что он не обретёт покоя до тех пор, тюка не сделает этого, как ему казалось, последнего шага в своей многотрудной жизни.

Ещё до Великой Отечественной войны Марей вышел на пенсию, но здоровье у него было крепкое, и работу он не бросал.

Весной тысяча девятьсот сорок седьмого года Марей Гордеевич Добролетов покинул ставший ему родным Крайний Север и отправился в далёкий путь. Он ехал не спеша, останавливался в больших городах Дальнего Востока и Сибири, о удивлении смотрел на те великие перемены, которые происходили на русской земле.

Улуюлье оставалось прежним. Перемены пока мало коснулись этого края. Марей недоумевал.

Оказавшись в Улуюлье, Марей первым делом решил отыскать могилу Марфуши. Но годы наложили свой отпечаток и на местность. От бугра, поросшего березняком, и следа не осталось. Река год за годом точила берег, отодвигала его, и русло её извивалось теперь гораздо дальше того берёзового бугра, на котором он когда-то похоронил свою жену.

Не было в Притаёжном и той улицы, на которой стояла изба, ставшая приютом его сына.

– Где же она, эта улица? – спросил он одного жителя в Притаёжном.

По возрасту тот едва ли был моложе его самого. Старик охотно вступил в разговор.

– Как после грозы разметало. Которые подались в Мареевку, поближе к лесам, а больше ушли в город – заводы строить, – сказал он.

«Мареевка», – от этого слова Марей даже вздрогнул. «Неужели здесь ещё помнят меня?» Он спросил, как проехать в Мареевку.

– Если рекой, то всё по течению до соснового бора на красном высоком яру.

Ну, конечно же, он помнил это место! Здесь был его стан, сюда пришли переселенцы, которых он обучал охоте и рыбалке. Он вспомнил одного молодого мужика, того самого, который спас его, предупредив, что Марей хотят изловить. Мужика звали Семёном. У него был сынишка. Он, Марей, терпеливо учил мальчика стрелять из своего ружья.

Марей поплыл на лодке в Мареевку, и, как ни изменился за десятки лет мальчишка, ставший уже стариком, он узнал его. Это был Михаил Семёнович Лисицын.

Торопиться со своими делами Марей не хотел. Он охотно знакомился с людьми, опытным глазом присматривался к каждому из них.

Но если люди с лаской и заботой встретили его, то природа оказалась к Марее суровой. Он простудился и выжил, наверное, только потому, что оставалось дело, которое он не сделал и сделать которое он мог лишь один во всём белом свете.

В начале болезни его мучила ноющая боль в пояснице и ногах. Но не болезнь была его главным врагом. Его изводили мысли о смерти. Марее казалось, что стоит ему крепко уснуть – и он больше не проснётся. И он много ночей гнал от себя сон, забываясь в короткой, беспокойной дремоте.

Теперь всё это было позади. Вспоминая о пережитом в последние дни, он с одобрением думал о себе. Умирать в его возрасте было просто, а выжить стоило больших трудов. И он вынес все боли, бессонницу, встал на ноги и вот движется по земле.

Шагая по тропе, Марей думал, как ему жить дальше. Лисицын принял его как родного отца, и совесть подсказывала ему, что он не должен иметь от Михаила Семёновича никаких тайн. Но какая-то неясная ему самому мысль останавливала и удерживала его от того, чтобы рассказать Лисицыну всё. Так было до болезни. Он чувствовал, что и теперь эта мысль имеет над ним большую власть. Что же это была за мысль? Он хотел это понять сам для себя, и думал, думал... Тайна его была действительно необыкновенной тайной. До сих пор только он да те люди, которые усыновили его ребёнка, знали о ней, но он понимал, что отыскать сына, отыскать своих потомков, если сын жил семейством, он не сможет без помощи близких ему. И Марей видел, что ближе Лисицына у него нет никого. Он решил при первой же встрече обо всём поведать Лисицыну. «А как же с кisetом?» – спросил он себя и, обдумав опять-таки всё не спеша, склонился, остановился на том, что с этим стоит повременить. Слов нет, Лисицын был близок и дорог ему, но кiset он хотел передать человеку, в котором билась его, мареевская, кровь. Это говорил в нём голос родства, голос, пробудивший в нём тоску по потомству, голос, толкнувший его на закате жизни в далёкое путешествие.

Марей пришёл на берег Таёжной на другой день к вечеру. На стану была одна Ульяна. Она готовила ужин. Лисицын и Алексей работали ещё на раскопках.

Услышав голос Маррея, Ульяна бросилась к лодке, быстро переплыла реку и радостно обняла старика:

– Дедушка, живой-здоровый и какой худой-то! А уж мы то что только не передумали!

Ульяна ласково заглядывала старику в лицо. Она помогла ему сесть в лодку и, ловко работая вёслами, говорила, говорила... Он поднял взлохмаченную голову, слушал её с улыбкой, не понимая, о чём она говорит, и лишь улавливая её настроение и сам подчиняясь этому настроению. «Ах, как щебечет, как птаха небесная!» – думал он, и что-то далёкое-далёкое, похожее на происходящее сейчас, всплыло в его памяти. Что же это вспомнилось?

Он взглянул на Ульяну, на её раскрасневшееся лицо, на лучащиеся глаза, и ему на мгновение представилось давно минувшее: он вернулся с охоты, Марфуша в лодке перевозит его через реку Большую. Они пробыли в разлуке целый день. Марфуша что-то говорит-говорит, словно они не виделись год, а он не слышит, о чём она говорит, он лишь чувствует теплоту её голоса, и ему от этого хорошо-хорошо...

Лодка ткнулась в белый песок прибрежной косы.

– Приехали, дедушка! – сказала Ульяна, видя, что он задумался и не встаёт.

Марей поднялся. Выходя из лодки, он думал: «Спешить надо, спешить! Видно, смерть всё-таки не за горами – уж очень часто про молодость думается».

Марей шёл за Ульяной по тропе, а навстречу им от стана торопились Лисицын и Алексей. Ещё не дойдя до них, Марей почувствовал, что они торопятся ради него, что они очень ждали его, что он нужен им. Это чувство захлестнуло его, и он думал, как хорошо он поступил, приехав сюда, на улуюльскую землю.

– Здравствуй, Миша! Здравствуй, Алёша! Уж не чаял, что увижу вас, – сказал Марей, смаргивая с ресниц слёзы и беря горячие, не остывшие ещё от работы руки Лисицына и Алексея в свои слабые старые руки и испытывая душой счастье от этого прикосновения.

Растроганный встречей, Марей решил про себя, что он расскажет и о сыне и о кисете – сегодня же. «Они как родные мне... Куда ещё роднее?» – думал Марей о Лисицыных и Алексее. Но случилось так, что весь вечер говорил не он, а они. Алексей рассказывал о своём падении в яму, о раскопках в ней, об анализе улюльской руды, произведённом когда-то в литейне завода купца Кузьмина. Едва Алексей умолк, заговорил Лисицын. Он похвалился Марею, что как ни трудно ему одному, а всё-таки он и новые плёсы для рыбалки нашёл, и участки для охотников наметил, и, главное, высмотрел, где, в каких местах тайги гуртуется зверь и птица. Раз-другой вставила своё словечко и Ульяна. Но Марей заметил, что девушка была необыкновенно сдержанна. Она сидела несколько поодаль от костра, на отшибе от всех. Лицо её, освещённое огнём костра, было то задумчиво-серьёзным, то тоскливым и сумрачным. Правда, стоило Ульяне встретиться взглядом с Мареем, как выражение её настороженных глаз менялось: они становились ласковыми, приветливая улыбка трогала губы.

Марей нравился Ульяне. Она принимала его всей душой. Его высокий рост, длинная борода, медленная, плавная речь, скупые и выразительные жесты, долгий, внимательный взгляд – всё это поражало Ульяну и располагало её к нему. Но больше всего располагало к Марею то, что он был человек необычный, исключительный. Он был каторжанин, пострадавший от царя, перенёсший муки старой, дореволюционной жизни, борец против капиталистов и помещиков. Он рисовался ей героем, и она гордилась перед подругами тем, что он, основатель их села, живёт именно у них, у Лисицыных. И в то же время Ульяна испытывала жалость к старику. Ей жалко было его за те страдания, которые он перенёс, за старость, за одиночество. И потому ей хотелось, чтоб дедушке было хорошо, чтобы он ни в чём не нуждался, чтобы всегда у него было доброе, весёлое расположение духа, чтоб он хотя бы в конце своего пути пожил в счастье и довольстве.

Марей это отношение к себе не только чувствовал, но и видел. И прежде и в этот вечер Ульяна так и ждала повода, чтобы чем-нибудь выразить своё внимание к старику. Сейчас она подливала ему чай, подносила то хлеб, то масло. Когда собрались спать, она сбегала, невзирая на темноту, куда-то на берег и притащила охапку свежей травы, чтобы его постель была мягче.

Марею хорошо и приятно было и от этого внимания Ульяны, и от той доверчивости, с какой ему рассказывали о своих делах Алексей и Лисицын. «Родные они мне... Куда ещё роднее?..» – снова подумал он, осуждая уже себя за то, что столько времени от них скрывал свою тайну.

И он непременно в этот вечер рассказал бы Лисицыным и Алексею обо всём, но Михаил Семёнович, заботясь о старице, неожиданно прервал беседу.

– Ну, голуби, – глядя то на Алексея, то на Ульяну и щурясь от усмешки, сказал Лисицын, – будем укладываться на отдых. Марей Гордеич как-никак с дороги.

– Да что ты, Миша? Я шёл тихонько и совсем не устал, – пытался Марей остановить Лисицына, намереваясь сейчас же рассказать о том, что заставило его прийти сюда, в Улююлье.

Но Лисицын и слушать его не хотел: сложив трубочкой ладони и подражая звуку военной трубы, он проиграл сигнал отбоя.

Марей понял, что сегодня ему уже не удастся обо всём рассказать, и покорно согласился.

– Ну, спать так спать...

Укладываясь в шалаше на мягкую, пахнущую свежей травой постель, Марей решил: «Завтра утром расскажу».

Однако утром его намерения переменились. Он увидел, что Ульяна, как и накануне вечером, была грустной и задумчивой. С Алексеем она совсем не разговаривала. Отцу отвечала кратко и оживлялась лишь тогда, когда к ней обращался он, Марей. «Какие-то у них тут нелады», – думал старик, не испытывая уже того страстного желания высказаться, какое у него было вечером. «С Мишей вначале поговорю», – решил он.

После завтрака Алексей ушёл на раскопки. Ульяна вымыла посуду, взяла лопату и пошла туда же. Лисицын намеревался наступавший день провести на рыбалке и сел за починку сетей.

– Давай, Миша, помогу, – предложил Марей, присаживаясь на песок рядом с Лисицыным.

– Ну и зверюга, какие дыры пробил, – работая плицей с намотанной на неё ниткой, говорил Лисицын.

– Щука? – спросил Марей, осматривая дыру в сети.

– Пуда на два, видать, была, – ответил Лисицын.

Они помолчали. Марей ещё ближе подсел к Лисицыну, понизив голос, сказал:

– Что-то, Миша, молодёжь наша не в миру. Уля прежде песни все пела, а теперь и голоса её не слышно.

– Девичье дело, Марей Гордеич! – отмахнулся Лисицын.

– Он что же, Алексей Корнеич-то, как? – не желая заканчивать этот разговор, неопределённо спросил Марей.

– Да уж парень куда там!.. Я-то обеими руками голосую. Но не прикажешь ведь! Да и дела у него! Ходит как чумной, всё одно у него на уме, работой бредит. А Уля-то что ж, девка, Марей Гордеич. Ей бы где и повеселиться и поласкаться, а ему недосуг, всё заботы, всё хлопоты.

– Ну-ну, – задумчиво отозвался Марей, слушавший Лисицына с особенным вниманием.

Когда Лисицын починил сеть и погрузил её в лодку, Марей решил сходить на раскопки.

– Сходи, Марей Гордеич, сходи, – поддержал его Лисицын. – Может, что и посоветуешь Алёше. Он всё поджидал тебя. Про левый берег расспросить тебя хочет.

Они встретились взглядами и несколько мгновений смотрели друг на друга с таким выражением, которое говорит: «Есть ещё одно дело, и важное дело, но о нём как-нибудь потом».

И действительно, такое дело было не только у Марей. Лисицын тоже испытывал желание рассказать старику о Станиславе, о своей слежке за ним. Лисицын чувствовал, что жить рядом со Станиславом и спокойно наблюдать, как тот шарит по тайге неизвестно с какими целями, ему становится не под силу. Старик мог что-нибудь посоветовать. Несмотря на большие годы, разум у него ясный. Но в сознании Лисицына, как и в сознании Марей, не наступило ещё крайней потребности высказаться. И у того и у другого в тайниках души были ещё какие-то неясные, неосознанные сомнения и колебания. Они были вполне объяснимы: Лисицын не спешил, надеясь узнать про Станислава что-то большее, а Марей минутами думал: «А вдруг как-нибудь сам, без других, про сына дознаюсь».

Они расстались, оба чувствуя, что не сказали друг другу самого важного. Лисицын оттолкнул лодку от берега и всё посматривал на удалявшегося Марей. А тот, будто чувствуя это, то и дело оборачивался.

На раскопках Марей застал одну Ульяну. Он подошёл тихо, и девушка, увлечённая работой и какими-то своими мыслями, не слышала его приближения.

– Ой, дедушка! Идите сюда, отдохните! – приветливо позвала Ульяна, увидев Марей, и, отбросив лопату, направилась к нему.

Она была в ситцевом платье, в голубой косынке. От работы щеки её пылали. Волосы, заплетённые в две толстые длинные косы, блестели на солнце, как посеребрённые. В глазах опять светилась ласка.

Марей ощутил, как тёплое, охватившее всю его душу чувство поднялось в нём. Из каких свойств состояло это чувство, он не знал, да и не задумывался над этим. Ему просто было приятно и радостно видеть её, слышать её голос, знать, что она живёт тут же, рядом с ним. «Родные они мне... Родные», – опять подумал он, подходя к Ульяне, которая стояла уже возле кучи камней и укладывала их так, чтобы ему удобнее было сидеть.

– Ну как, доченька? – спросил он, садясь на камни.

– Копаю, дедушка. Велели мне возле этого кедра шурф пробивать.

– Кто велел? Ты разве не по доброй воле?

– Сама, дедушка, сама. А велел Алексей Корнеич... – Ульяна говорила торопливо, а живое, подвижное лицо её на мгновение будто застыло.

– А он где, Алёша-то, Алексей Корнеич? – спросил Марей, внимательно наблюдая за Ульяной.

– Он другой шурф пробивает, дедушка. Вон там, в ельнике.

– Вместе легче шурф бить. Что ж вы вместе не работаете?

Ульяна что-то хотела сказать, но только кашлянула, вся сжалась и опустила голову. И, взглянув на её согнутую спину, на опущенную голову, Марей понял, что живёт она в большой заботе. «Ах ты печаль какая!..» – подумал старик, испытывая желание чем-нибудь помочь девушке. Он не знал,

что произошло между ними, но понимал, что её озабоченность и молчаливость связаны с ним, с Алексеем.

– Ты бы сходила опять, доченька, домой, с мамой повидалась, с подружками. Какое тут веселье – в тайге, – ласково заговорил Марей.

– Нет, дедушка, некогда мне ходить. Слово я дала: пока Улююлье не разгадают, никуда я не пойду.

Ульяна сказала это таким убеждённым и твёрдым голосом, что можно было не сомневаться: никакая сила не заставит её изменить своё решение.

– Слово дала? Кому же ты это слово дала?

Ульяна потупилась, и Марей понял, что она не хочет говорить этого. «Далеко у них зашло. Даже имя Алёши не называет», – отметил про себя Марей.

– Хочу я, дедушка, чтоб зашумел наш край на всю страну, – помолчав, с прежней убеждённостью произнесла Ульяна.

«А я-то разве против? Дивлюсь, как до сей поры не шумит он», – подумал Марей.

– Хорошее, доченька, желаешь, а старые люди раньше говорили: когда сильно желаешь, то желание сбывается, – сказал Марей, думая про Ульяну: «А папаша твой, видать, плохо тебя знает. Нет, не глупая ты, и не про веселье твои думы».

Из ельничка, где работал Алексей, доносился стук топора. Марей посматривал на ельничек, думал: «Ах, какие молодцы! Между собой неполадки, а дело не бросают».

Но вид Ульяны всё-таки беспокоил старика: она сидела тихая, молчаливая, как пришибленная. Он знал Улю весёлой, бойкой, песенницей; и оттого, что она оказалась иной, непохожей на себя, Марей чувствовал в душе тревогу и острое желание вернуть её в прежнее состояние.

– Ну что же, доченька, иди. Сидеть со мной – веселья мало, – ворчливо произнёс Марей, сердясь на себя за то, что он ничем не может помочь девушке.

– Пойду, дедушка. – Ульяна, не торопясь, пошла к месту, где лежали кучи земли, набросанные её лопатой.

Марей проводил её взглядом и тоже пошёл к стану. По дороге он рассуждал вслух:

– Расспросить бы её, как и что. Да ведь не скажет! А если и скажет, что толку? Можно навредить только. Пусть само собой уладится. Сами поссорились, сами и помирятся...

Марей не знал, да и знать не мог, что никакой ссоры между Алексеем и Ульяной не было. Доставив письмо Алексею от Софьи, Ульяна поняла то, о чём раньше лишь догадывалась: у Алексея есть девушка, которая любит его и преданно помогает ему. Ульяне стало совестно за себя, за своё чувство к Алексею, за свои мысли о себе как о единственной помощнице в его работе. Проведя в слезах две бессонные ночи, Ульяна пришла к той мысли, что на любовь Алексея у неё нет никаких прав, а помогать ему она обязана, потому что их работа связана с будущим её родного края, и это выше всех личных переживаний.

Однажды, когда они утром подошли к месту раскопок, чтобы продолжать работу, она сказала, напрягая всю свою волю:

– Теперь, Алексей Корнеич, я одна буду работать.

– Как это – одна? – не понял он.

– Как? А вот так: вы в одном месте, а я в другом.

– Почему же, Уля? – добродушно спросил он, осматривая яр и думая, по-видимому, совсем о другом.

– Почему? Уж вам про то лучше знать, – сказала она, чувствуя, как что-то перехватывает горло.

Только теперь он по-настоящему понял, о чём она говорит. Он вдруг выпрямился и незнакомо жёстким голосом сказал:

– Хорошо, Уля, работай как хочешь, – и пошёл прочь.

Ульяна не знала, что делать. В первый момент ей захотелось броситься ему вдогонку и просить у него прощения. Совсем некстати сунулась она с этим разговором. Ведь она же видела, что он живёт только работой. Она знала, что ни о чём другом, кроме раскопок, он в последнее время не говорил. Дело так захватило его, что он забывал о себе: оброс бородой, ходил в пропотевшей рубашке, набил на ладонях кровавые мозоли. Ежедневно он столько перекапывал земли, сколько было бы не под силу и трём землекопам. По ночам он сидел у костра, то вчитываясь в геологические справочники, то всматриваясь в карту Улуюля. Он нёс на своих плечах столько тяжести, сколько порой не выпадет на целый коллектив людей. И в такую пору она рискнула говорить с ним о своих чувствах.

Но это был лишь первый порыв. Когда Алексей скрылся в лесу, Ульяна решила, что она поступила правильно, удержав себя от желания броситься за ним. Она напустила на себя равнодушие и несколько дней скрывалась под этим покровом. Но равнодушие быстро иссякло: так легко и незримо исчезает от лучей солнца утренняя роса.

5

Как-то раз утром Ульяна проснулась от надсадного кашля Алексея. Она приподняла уголок одеяла. Он стоял у костра с книгой, и лицо его было серо-зелёного цвета. «Как бы не заболел он», – подумала она с тревогой. Целый день она работала с ощущением этой тревоги.

Как и прежде, она старалась быть подальше от него, чтобы меньше видеть его и меньше разговаривать с ним. Ей хотелось приучить себя к мысли, что Алексей Краюхин как человек обычен для неё, обычен, как сотни других людей, которых она знала. Но приучить себя к этой

мысли она не могла и в мучительном смятении чувствовала, что стал он в эти дни ещё ближе и дороже ей.

Марей, конечно, всего этого не знал. Но, тревожась за Ульяну, он на второй же день после встречи с девушкой возле раскопок вновь заговорил о ней с Лисицыным.

– Пройдёт, Марей Гордеич, пройдёт! Не без того, где и потоскует. Знаем!.. Сами молодыми были! – торопливо выпалил Лисицын.

Марей недовольно покачал головой, но Лисицын, как и в первый раз, слушать его не стал. Он взял ружьё и, думая о чём-то своём, пошёл к лодке. Через несколько минут он скрылся в лесу, на другом берегу Таёжной. Озадаченный его поспешностью, Марей сидел у костра и думал: «Что с ними? Миша всё куда-то бежит, Ульяну как подменили, Алёша изработался – один нос да глаза остались».

День-два Марей испытывал острое одиночество, Лисицын не приходил даже ночевать. Чем он был занят в тайге, Марей и предположить не мог. Алексей и Ульяна с утра и до сумерек работали на раскопках и приходили молчаливые и уставшие.

«А что ж я-то бездельничаю?» – как-то спросил себя Марей, чувствуя, что жить дальше он так не может. Быть просто сторожем стана он не желал, да в этом и не было никакой нужды. «Буду помогать Уле. За молодыми, может быть, и не угонюсь, а делу польза», – решил он.

Ульяна попыталась отговорить старика от работы, но Марей пришёл с лопатой и принялся помогать ей.

Работали они молча. Лопаты звякали о камни, хрустели старые, но крепкие ещё корневища росших когда-то здесь деревьев. Яма с каждым часом становилась глубже.

Отдыхали не в яме, а наверху. Марей видел, что Ульяна мыслями там, с Алексеем. Она настороженно ловила каждый звук, доносившийся из ельника. Когда на минуту Алексей вышел из лесу, чтобы срубить берёзовый шест, она смотрела на него то с восторгом, то с тоской и мукой. «Ах ты, бедняжка! Ну чего бы им вместе-то не работать?» – думал старик, наблюдая за девушкой.

– А что, доченька, не обидел ли он тебя? – осторожно спросил Марей, не рискуя начать этот разговор прямо.

– Что вы, дедушка! Разве Алексей Корнеич может обидеть?! – воскликнула она, и Марей увидел, что глаза её увлажнились.

Именно в эти минуты Марей и решил открыть Ульяне тайну кисета и сам кисет отдать ей. «Куда же дальше таить? И так чуть не унёс с собой в могилу», – укорил он себя. Марей надеялся, что кисет вновь сблизит Ульяну с Алексеем. Когда они поднялись из ямы наверх для очередного отдыха, Марей поближе подсел к девушке и рассказал ей, как тунгусский кисет попал в его руки.

Ульяна слушала Марей, неотрывно глядя на расшитый кисет. Ей верилось и не верилось, что эта вещичка имеет такую необычайную историю.

– Дедушка, неужели это правда, что столько тунгусов было перебито из-за какого-то золота? Ведь об этом страшно подумать.

Ульяна, как и все люди нашей эпохи, относилась к человеку с уважением независимо от того, какой он был национальности. И сейчас, представляя судьбу таёжных людей, она испытывала ужас.

– Уж это так. Кривой Осип и был последним из их рода. – Марей помолчал и добавил: – Много, Уля, в этих лесах разбросано человеческих костей. Не одни тунгусы тут пострадали. Наши русские из беглых тоже гибли, как мухи. Когда я пришёл в староверческий скит, там сказывали, что года за три до того, как мне прийти, великий был мор на людей: опустели избы и зимовья.

Они долго молчали. Марей отдался воспоминаниям, а Ульяна всё ещё думала о том же: как это можно убивать ни в чём не повинных людей?

Потом они заговорили о вышивке на кисете, о тайных сокровищах, которые были обозначены крестиком, о том, сказка это или правда. Ульяна при этом посматривала в ту сторону, где работал Алексей, и Марей понял, что мысленно она разговаривала с ним.

– Ты вот что, Уля, спрячь пока кисет подальше, – посоветовал Марей. – Мне он больше не нужен, а тебе, гляди, и пригодится. Кто его знает, может, тунгусам и в самом деле было что-нибудь известно. Люди они лесные и жили тут долгие годы.

Разгладив спокойными движениями ладони бороду, Марей продолжал:

– А насчёт того, кому сказать, а кому нет, тоже подумай. Народ какой? Пойдёт слух, ну и бросятся в тайгу, а там, может, тлен один.

– Не бойся, дедушка. Уж если скажу, то скажу верным людям.

– Вот это ладно. Это хорошо, – одобрил Марей, вставая и берясь за лопату.

Вечером, когда ужин был закончен, Ульяна ушла на берег, и над тайгой разнёсся её звонкий голос. Она пела так хорошо, так задумчиво, что ни Алексей, ни Лисицын, ни сам Марей не проронили ни одного слова. Марей сидел с приподнятой головой и думал: «Опять запел наш соловей. Уж не я ли своим подарком разберёдил её душу?»

Марей не ошибся. Его рассказы о прошлом Улююля, о лесных людях, его дар, овейный романтикой, – всё это взволновало Ульяну, настроило её на раздумье. Но пела она не только поэтому. К раздумью её примешивалась радость. Загадочный кисет лежал у неё в кармане, и он сулил новые тихие беседы с Алексеем и новые встречи с ним.

Получив приказ о назначении её начальником Улуюльской комплексной экспедиции, Марина отложила все дела и заспешила к брату. Максима ещё не было дома, но Анастасия Фёдоровна уже вернулась с работы и, как обычно, очень обрадовалась Марине.

– Ну как, Мариша, твои дела? Едешь или передумали твои начальники отпускать тебя?

Анастасия Фёдоровна одновременно говорила, закрывала дверь, здоровалась за руку с Мариной.

– Еду, Настенька, еду! Сама ещё плохо верю. Но теперь всё: уже есть приказ, – оживлённо говорила Марина.

– Уезжай скорее, чтобы с глаз начальства долой.

– Дел ещё много, Настенька, раньше чем через неделю не выберусь.

Они вошли в столовую, и Марина увидела, что широкий стол, стоящий посередине комнаты, беспорядочно завален раскрытыми журналами мод, шёлковыми пёстрыми материалами, свисавшими со стола до самого пола.

– Вот как? Ты опять наряжаешься? Ну и модница же ты, Настенька! – лукаво сказала Марина.

– Иди, иди, Мариша, посоветуй. Если этот фасон, а? Как смотришь? Ничего? – подала Марине раскрытый журнал Анастасия Фёдоровна.

Марина взглянула на фотографию полной высокой женщины в лёгком шёлковом платье, окинула взглядом Анастасию Фёдоровну и перевела взгляд на стол.

– А из какой материи думаешь делать? – спросила она, беря в одну руку креп-жоржет стального цвета, весь расписанный бело-розовыми цветами, а другой рукой сжимая густо-коричневый крепдешин с жёлтыми пятнами наподобие сентябрьских берёзовых листьев.

– Ну, конечно, из этой, – сказала Анастасия Фёдоровна, указывая на креп-жоржет.

– А это тоже для платья? – откладывая креп-жоржет и рассматривая коричневый крепдешин, спросила Марина.

– Ой, не говори, Мариша! Так мне попало за него от Максима!.. – воскликнула Анастасия Фёдоровна и сжалась, будто ей и в самом деле было страшно от проборки мужа.

– Ты что же, купила на свой вкус?

– Разумеется. С неделю тому назад захожу в магазин тканей, – опускаясь на стул и жестом приглашая сестру и Марину, начала рассказывать Анастасия Фёдоровна. – Вижу, на прилавке лежит кусок материала. Спрашиваю продавца: «Что это?» Отвечает: «Крепдешин «Осень» для женщин сорока лет и более». Ну, вот, думаю, и отлично, как раз для меня. Прошу продавца отмерить три с половиной метра, плачу деньги, забираю и, довольная, ухожу.

Дома перед зеркалом раскинула материю, стою, люблюсь, думаю: «Ах, какая прелесть, как раз по мне! Ничего кричащего, скромно, прилично». Стою и не вижу, что в комнату вошёл Максим и тоже смотрит и на меня и на материю.

«Где, говорит, ты такую материю нашла?» – «Известно, отвечаю, где, в магазине тканей». – «Это что же, говорит, за пестрота такая?» – «Называется, отвечаю, «Осень». Продавец сказал, что товар для женщин сорока лет и выше». Тут уж Максим разошёлся. «Сама, говорит, на себя старость нагоняешь! От одного, говорит, чувства, что на тебе платье из такой материи, постареть можно». И как начал, как начал... Я стою и слова вымолвить не могу.

– Ну-ну, интересно! Что же он говорил? – оживлённо спросила Марина.

– Про нас. Впрочем, ты ещё молода, это для таких, как я, – заливаясь смехом и всплескивая полными руками, говорила Анастасия Фёдоровна.

– Почему же? Правильно: про нас! Намного ли я моложе тебя? – сказала Марина, чувствуя, что ей всё-таки приятно оттого, что она моложе Анастасии Фёдоровны.

Став серьёзной, Анастасия Фёдоровна продолжала:

– Максим говорит, что женщины часто стареют не от физического нездоровья, а от ущербности сознания. По его мнению, полоса сорокалетия может длиться шесть-семь и даже десять лет, а многие заканчивают её в два-три года и сами себя обрекают на старость. Иная женщина, говорит Максим, так рассуждает: «Муж есть, дети подросли, дела по службе идут сносно. Чего же ещё надо?» И не замечает, что, лишившись больших стремлений, она сама себя добровольно приговорила к ранней старости. Вот и опускается понемногу, и чаще всего это начинается с внешнего облика. Смотришь, на бывшей моднице появляется платье некрасивого фасона и мрачной расцветки. Потом встречаешь такую женщину и видишь, что она и вовсе опустила: волосы не чёсаны, чулки висят гармошкой, платье не глажено. Да и на душе у неё так же хаотично. Проходит год-два – и совсем невозможно узнать женщину: ходит она сгорбившись, одета кое-как. В общем, почти старуха. А ей сорок пять лет, и впереди у неё ещё двадцать – тридцать лет жизни, и каких лет – зрелости! А зрелость – это же пора человеческих свершений. В юности мы лишь мечтаем об этих свершениях, а исполняем их в зрелые годы. «Как же, говорит Максим, не ценить и не беречь это золотое время?»

– Да ведь это же правда, Настенька! Правда! – воскликнула Марина, слушавшая Анастасию Фёдоровну с волнением.

– И вот, – продолжала Анастасия Фёдоровна, – отчитав меня так, Максим говорит: «Унеси ты свою «Осень» в комиссионку или куда ещё – твоё дело. Материю на платье я тебе куплю сам». Вчера он приходит, расстёгивает портфель и подаёт мне вот этот отрез креп-жоржета. «Это, говорит, тебе будет хорошо». И в самом деле, Мариша, хорошо! Каково, а? Посмотри. Я боялась, не крикливо ли? Просто не переносу, когда немолодые женщины молодятся во что бы то ни стало: украшают волосы бантиками, шьют платья из ярких материй, ходят без чулок...

Анастасия Фёдоровна набросила на себя материю, купленную Максимом, и отошла на несколько шагов в угол комнаты. Марина вместе со стулом отодвинулась от стола и с минуту присматривалась к Анастасии Фёдоровне.

– Одно могу сказать, Настенька: вкус у Максима хороший. Ты знаешь, эта материя не то что молодит тебя – это тебе ни к чему, – просто стальной тон и цветочки как-то очень освежают. Ты когда-нибудь, Настенька, обращала внимание на свежееумытые лица? После воды и полотенца люди становятся розовыми, привлекательными. Вот и ты в этом платье будешь такая.

– Правда? – радостно и недоверчиво спросила Анастасия Фёдоровна и, как бы желая проверить слова Марины, повернулась к зеркалу.

– Очень хорошо будет, Настенька, – ещё раз подтвердила Марина, любуясь её полной фигурой.

В прихожей раздался звонок.

– Максим пришёл! – Анастасия Фёдоровна сняла с себя материя, положила её на стол и лёгкими шагами заспешила к двери.

2

– А-а, да у нас гостя! – протяжно сказал Максим, входя в комнату и подавая руку сестре.

Марина встала и ласково, любящими глазами улыбнулась Максиму. Осматривая светло-серый костюм брата, голубую рубашку с полосатым галстуком, начищенные коричневые ботинки, она как-то невольно подумала о Бенедиктине: «У того опрятность, как пижонство, только раздражает».

– Ну, когда отплываешь, Мариша? – спросил Максим, присаживаясь к столу.

– Осталось упаковать и отправить имущество и окончательно утрясти дела со штатами. Спасибо твоей статье, а то ещё пять лет не собрались бы послать экспедицию. – Марина придвинулась ближе к брату. – Большая трудность, Максим, с рабочей силой. Остаются вакантные места. А где я возьму людей в Улуюлье? Заранее программа экспедиции ставится под удар. Ходила я к Водомерову, просила работников из обслуживающего персонала института. Отказал. «Что же, говорит, прикажете свернуть институт?» И по-своему он прав.

– А по-моему, Мариша, это хорошо. Пусть в штатах будут вакансии. Найдутся люди на месте. Я советовал бы тебе местных товарищей пригласить в экспедицию.

– Артём посоветует. Всё-таки секретарю райкома виднее, – сказала Марина.

– Конечно, людей он знает, – согласился Максим и, подумав, добавил: – А некоторых товарищей я порекомендую. Присмотришь.

Марина вопросительно взглянула на него, явно недоумевающая, откуда Максим знает людей, живущих в далёком Улуюлье.

– Я же ездил туда по заданию обкома. Разве забыла? – сказал он, заметив удивление сестры.

– Да, да! – оживилась Марина. – Из головы вон.

– Первым делом, Мариша, познакомься с лесообъездчиком Чернышёвым. Помнишь, я тебе о нём рассказывал?

– Это который называет кедр плодовым деревом?

– Вот-вот! Если он с экспедицией поехать не сможет, ты всё-таки повидай его. Мысли и наблюдения у него интересные.

– Знаю. По кедру он выдвигает ряд верных положений.

– Потом в Мареевке... – продолжал Максим, но Марина его перебила:

– Подожди, я запишу. – Она открыла свою большую белую сумку, вынула записную книжку и ручку с золочёным пером.

В Мареевке живут несколько самобытных людей. Попробуй вовлечь в свою экспедицию Лисицыных: отца и дочь.

– Ты знаешь, Мариша, у этого охотника Лисицына есть дочь Уля. Ах, какая яркая девушка! – вступила в разговор Анастасия Фёдоровна.

– Хорошая девушка! Она нам с Настенькой пела, и так славно, задушевно – за сердце берёт, – глядя на жену, сказал Максим.

– Она талантливо поёт. Я обязательно привезу её в город, – откликнулась Анастасия Фёдоровна.

– Этих людей ты непременно найди. Сам Лисицын – большой знаток Улуюлья. Потом там, в Мареевке, есть колхозник Дегов Мирон Степанович. Знатный льновод района. Старик понимает в сельском хозяйстве и имеет ценные наблюдения по климату.

– Это всё очень для меня важно, Максим, – заметила Марина, не переставая писать.

– Ну конечно же, не забудь также и учителя Краюхина.

– Уж его вернее назвать сотрудником нашего института в отставке, – чуть улыбнулась Марина и, помолчав, добавила: – На Краюхина я во многом рассчитываю. Правда, в экспедицию его не возьмёшь. Этого не перенёс бы профессор Великанов.

– По-моему, Мариша, если делу на пользу, то самолюбие можно не щадить.

Пока Марина и Максим разговаривали, Анастасия Фёдоровна освободила стол.

– Вы разговаривайте, а я пойду обед подогрею, – сказала она.

– Может быть, тебе помочь, Настенька? – поднялась Марина.

– Сиди, Мариша, сиди, пожалуйста, я всё сделаю сама, – удержала её Анастасия Фёдоровна и ушла на кухню.

Максим проводил жену глазами и, понизив голос, произнёс:

– Мариша, в заговор хочу с тобой вступить. – Он серьёзно посмотрел на неё спокойными серыми глазами, и она поняла, что брат не шутит.

– В заговор?.. – На лице её появилось выражение растерянности.

Максим уловил это движение её души и улыбнулся:

– Ничего, Мариша, страшного. Я хочу предложить в твою экспедицию ещё одного сотрудника.

– Кого, Максим? – с облегчением спросила Марина.

– Настю мою.

Марина знала, что Максим любит жену, что живут они дружно, но эта фраза: «Настю мою», сказанная тихим голосом, передала ей его большую тревогу. «Ну, продолжай, продолжай, я всё, всё пойму», – мысленно торопила она брата.

– Настя мечется, Мариша.

– Она же весёлая.

– На перевале она, Мариша. – Он помолчал, подбирая слова. – Знаешь, как бывает, когда поднимаешься в гору и ты – на полдороге. Всё время идёшь и думаешь: а что, не вернуться ли? Откроется ли с вершины что-нибудь новое? Стоит ли идти? И вдруг кто-то крикнет: «А ну, живее! Скоро вершина!» Откуда и силы возьмутся: идёшь, идёшь – и усталости нет.

– Я не заметила у неё усталости, – возразила Марина.

– Усталости нет, но дружеская поддержка ей всё-таки нужна. Ты же знаешь, какая она. Только забот о семье, только работы Настеньке мало. Вспомни, сколько у неё было всяких дел. Весной она вернулась из поездки по Улуюлю – и я не узнал её: кончились разговоры о возрасте, она жила мыслями об открытии курорта на Синем озере. Я чувствовал: Настенька нашла в этом для себя большую цель. Но, видишь ли, там в облздраве, расценили её поездку в тайгу как самовольную отлучку. Её это очень задело, и она не то что оставила свои стремления, а как-то затаила их в себе.

– Да разве это единственный случай?! Сколько ещё у нас формалистов! Надо в душу человека глядеть, а им бумага всё загораживает, – проговорила Марина, думая о судьбе Краюхина.

– Ты возьми её, Мариша, с собой, возьми сверх всяких штатов. Уговори, если она начнёт вспоминать обиду на облздрав.

– А они отпустят её?

– Тут одно новое обстоятельство может помочь: обкому профсоюза ассигнованы центром средства на строительство дома отдыха для рабочих лесной промышленности. Профсоюз просит при выборе площади учесть перспективы развития лесной промышленности. Исполком поручил здравотделу срочно внести свои соображения о месте строительства.

– Да, но могут послать кого-нибудь другого, – обеспокоенно сказала Марина.

– Могут, конечно. Но если она сама захочет, пошлют её. Она знает Улуюлю, прежде ей приходилось вести такую работу.

- А я-то как рада, Максим! Мне с ней легче будет. Боюсь я за себя. Какой из меня организатор?
- Дело нелёгкое, но ведь ты не одна. Побольше опирайся на людей. И не пренебрегай советами практиков. У них иногда недостаёт знаний, зато есть верное понимание смысла дела, чего часто не хватает людям с учёными степенями.
- Учту, Максим твои советы, спасибо! Ну, а у тебя-то что слышно?
- Собираюсь в Москву. Назрело немало мыслей, сомнений, предложений и претензий к министерствам и главам. Для меня Москва, знаешь, что? Я всегда возвращаюсь оттуда с такой зарядкой энергии, что мне ничего не страшно, никакие трудности не пугают!
- А ребяташки в лагере? – спросила Марина.
- На два месяца. Если Настенька уедет, одной Петровне домовничать придётся.
- Вошла Анастасия Фёдоровна со стопкой тарелок в руках.
- Как твои сердечные дела, Мариша? – меняя разговор, лукаво спросил Максим.
- Всё по-прежнему, – тихо, со смущением ответила Марина.
- С Бенедиктиным окончательно разошлись? – Максим говорил уже по-другому: серьёзно и участливо.
- Бесповоротно! – Марина вздохнула, грустно усмехнулась. – Многому я научилась, Максим, на этой истории. И больше у меня нет желания экспериментировать в области любви. Хватит!
- Ну-ну, Мариша, не надо так, – расставляя тарелки на столе, сказала Анастасия Фёдоровна.
- А что не надо-то? Наоборот, надо. У меня столько дел, что и без любви жизни не хватит. Раз не повезло – значит, не повезло! – Марина безнадежно махнула рукой.
- А возьмёт да и повезёт! – задорно возразила Анастасия Фёдоровна.
- Нет, нет, закую сердце в броню, – невесело пошутила Марина.
- Наше бабье сердце отходчиво, Маришенька. Задумаешь одно, а сделаешь другое...
- Не до того мне, Настенька. Одно у меня теперь: работа, Улуюлье, экспедиция... Поедем со мной, Настенька! Как бы мне с тобой было хорошо!..
- Я бы на крыльях полетела! – мечтательно проговорила Анастасия Фёдоровна.
- Ну и что же, лети! – воскликнула Марина.
- Да разве мне разрешат? Бумажки подшивать заставят, а к живому делу не допустят.
- Да, я забыл тебе сообщить, Настенька, одну важную новость, – заговорил Максим. – Сегодня облизполком рассматривал вопрос о строительстве дома отдыха для рабочих лесной промышленности. Поручено облздравотделу внести свои предложения. Некоторые товарищи авансом высказались за Улуюлье.
- Анастасия Фёдоровна посмотрела на Максима с недоверием.

– Я не шучу, – сказал он.

Анастасия Фёдоровна перевела взгляд на Марину, потом ещё раз на мужа и захлопала в ладоши.

– Ура-а!.. Bravo!..

– Что с тобой, Настя? – спросил Максим и, глянув на улыбающуюся сестру, засмеялся.

– Правда на моей стороне – вот что! Тра-ля-ля!..

Пританцовывая, Анастасия Фёдоровна выбежала из столовой. И трудно было поверить в этот момент, что этой высокой полной женщине за сорок лет и что временами её неотступно преследуют невесёлые, тревожные мысли о своей женской доле.

– Поедет! – довольно сказала Марина.

Максим, улыбаясь, утвердительно кивнул головой.

Глава шестнадцатая

1

Жизнь Софьи осложнялась с каждым днём. Бенедиктин с утра до ночи сидел теперь на половине отца. Его раскатистый смех становился всё более громким и вызывающим. Смелее входил он и к Софье. При каждом его появлении она как-то вся внутренне сжималась, словно он мог оскорбить её. К счастью, он подолгу не задерживался и, рассыпав тысячи извинений, удалялся. Но по его пристальным взглядам, по тем нежным ноткам, которые иногда прорывались в его голосе, Софья угадывала, что он исподволь готовит её к чему-то более значительному, чем все эти мимолётные разговоры. «Господи, неужели он вздумает опять объясняться в любви?» – обеспокоенно думала она.

В её душе всё сильнее и сильнее нарастало чувство протеста. Но вместе с тем её ни на минуту не покидало сознание своего бессилия перед ним. Всякий раз, когда он входил, Софья переживала мучительное состояние скованности. Его изысканность, смешанная с нагловатостью, парализовывала её волю. Она чувствовала, что то же самое может произойти и в тот момент, который неотвратимо приближался. Она боялась этой минуты, но, боясь, готовила все свои силы для отпора.

Однажды вечером к ней зашёл отец. Было уже близ полуночи. В большом доме стояла тишина. В широкое окно тянуло свежестью реки. Изредка в комнату врывались отголоски той хлопотливой трудовой жизни, которой жила многоводная река и днём и ночью. Свистки пароходов, то низкие и густые, то пронзительно-звонкие, хруст цепей на ковшах землечерпалок, шум пара, вырывавшегося в паротводные клапаны, слышались иногда так отчётливо, будто всё это происходило за стеной, иногда же доносились ослабевшими, едва слышимыми, словно перед этим они прошли неисчислимые расстояния. Это в ночи совершалась вместе с людской работой незримая и вечная работа природы: капризные потоки воздуха то гасили силу звука, то отступали, как бы освобождая им путь.

Софья сидела за столом, заваленным книгами и журналами. Возле чернильного прибора лежали карандашные зарисовки улуяльских находок Алексея. Вот уже несколько дней Софья старалась разгадать эти находки, не только напрягая свою память и вспоминая всё виденное в музеях материальной культуры, но и прибегая к помощи книг. Но дать находкам Алексея точное определение ей не удавалось. Ни рисунки, ни описания находок не совпадали ни с одним известным Софье типом древних человеческих культур. «Взглянуть бы на всё своими глазами!» – вздыхала Софья и ещё пристальнее вчитывалась в академические вестники, всматривалась в альбомы рисунков по истории материальной культуры.

За этим занятием её и застал Захар Николаевич.

– Ты ещё не спишь, Соня? – спросил он, входя в её комнату. Захар Николаевич был в длинном халате без пояса. Халат висел на его острых плечах, подчёркивая худобу тела.

– Входи, папа. Мы с тобой теперь так редко встречаемся, что я и не помню, когда ты был у меня, – сказала Софья, отодвигая книги и приглядываясь к отцу.

– И ты меня тоже не жалуешь частыми посещениями, Соня. – Он невесело усмехнулся и, сняв пенсне, посмотрел на неё подслеповатыми, но такими родными и милыми глазами. – Живём по всем правилам коммунальной квартиры: меньше встреч – меньше неприятностей и скандалов, – сказал он тихо, тяжело опускаясь на стул.

– У тебя всегда люди. К тебе не войдётся. – Софья проговорила это несколько обиженно.

– Да, Соня, у всего есть свои сроки. Есть они и у одиночества. Сколько лет высидел я как затворник! Теперь мне нужно внимание окружающих. Это не прихоть, а потребность души.

Захар Николаевич говорил унылым тоном, и мрачные тени, лёгшие от лампы на его худощавое лицо, двигались по щекам к подбородку.

– Окружающие – это Бенедиктин? – спросила Софья с иронией.

Захар Николаевич резко вскинул голову, глаза его сверкнули, и Софья решила, что он сейчас вспылит. Но, к её удивлению, он сдержался и сказал всё так же спокойно и неторопливо:

– Чужая беда всегда кажется простой, Соня.

– Какая же беда у Бенедиктина? Стыдно от людей за неблагоприятный поступок?

– О нет! Бенедиктин откровенен со мной, как ни с кем. Всё обстоит, Соня, гораздо сложнее. Марина Матвеевна – прекрасный научный работник, но, право же, для семейной жизни одного этого качества мало. В женщине должно быть врождённое свойство создавать уют в доме.

– Бенедиктин бессовестно наговаривает на Марину Матвеевну. Ему ничего не остаётся, как лгать и вывёртываться, – перебила Софья отца.

Захар Николаевич, обычно вспыльчивый и нетерпеливый к возражениям, будто не замечал возбуждения дочери.

– Видишь ли, Соня, я думаю, что ты теперь стала взрослой и с тобой можно говорить серьёзно на такие темы, – подбирая слова и волнуясь, сказал Захар Николаевич.

Софья поняла, что ей предстоит услышать что-то особенное, и насторожилась.

– Григорий Владимирович признался мне в большом чувстве к тебе, Соня, – с некоторым усилием продолжал Захар Николаевич. – Это было одной из причин его ухода от Марины Матвеевны, – пояснил он, видя, как лицо Софьи становится злым.

– Гадко и гнусно! – сказала Софья и поднялась, с силой отодвинув кресло. Она отошла в угол комнаты и, протянув руки к отцу, блестя глазами, с жаром спросила: – Ну скажи мне, скажи, почему ты сблизился с ним? Что вас роднит? Что есть у вас общего? Скажи! Только правду! Правду!..

Захар Николаевич повёл плечами, водрузил пенсне на переносье и с полминуты молчал.

– Ну вот, ты молчишь. А я знаю почему!

– Нет, я скажу. Ты знаешь, Соня, мою особенность. Я всегда вставал на защиту слабого. Люди бывают безмерны в своей жестокости. Если б я не оградил Бенедиктина, его могли бы заклевать в порядке, так сказать, «развёртывания критики и самокритики». А ведь он не пропащий человек, у него есть способности и ряд таких качеств, которые мне весьма импонируют...

– Нет, папа, ты говоришь наивные слова, которым сам не веришь.

Софья вышла на середину комнаты, а Захар Николаевич ещё больше втянул голову в острые костистые плечи. Софьи на мгновение стало жалко его, худого и уже постаревшего, но остановиться она не могла. Ей было ясно, что Бенедиктин настолько вошёл в доверие к отцу, что между ними стал возможен разговор на самые интимные темы. И это подогревало гнев Софьи и делало её прямодушной и жестокой до крайности.

– Раз ты сам не можешь, я тебе скажу правду. Слушай! Имей мужество выслушать! – говорила Софья. – Не слабость Бенедиктина привлекла тебя, а его безликость. Свойства, которые тебе в нём весьма импонируют, таковы: угодничество и ограниченность. Слушай, пожалуйста, дальше! Ты не любишь приближать к себе людей, отмеченных дарованием. С одарёнными хлопотно: они имеют свою точку зрения и могут подвергать твои слова и поступки критике. Так было с Краухиным. Скажи, ну, скажи, за что ты его невзлюбил? Бенедиктин куда удобнее! Он делает вид, что каждое твоё слово, каждый твой поступок для него святы!

Софья собиралась сказать, что отец не имел никакого права вести с Бенедиктиным разговор о ней – это равносильно заговору, но, увидев на глазах Захара Николаевича слёзы, замолчала.

– Ты что, папа, обиделся? – растерянно глядя на отца, тихо спросила Софья.

Захар Николаевич опустил голову, и дочери показалось, что он сейчас разрыдается. Софья подошла к нему и обняла его за плечи. «Он может оттолкнуть меня за то, что я так с ним говорила», – мелькнуло у неё в голове.

Но отец не только не оттолкнул её, он прижал голову Софьи к своей груди и с минуту сидел молча, погружённый в какие-то свои, не известные ей переживания.

– Соня, ты так напомнила мне сейчас маму, – запинаясь, сказал Захар Николаевич. – В любом деле она горела, как факел: ярко и всегда своим светом.

Софье были дороги эти слова. Рано умершая мать вставала в сознании Софьи в романтическом ореоле, каким-то почти неземным существом.

Но, пережив волнение от воспоминания о матери, Софья всё же была встревожена и озадачена. Отец ни единым словом не отозвался на её слова, в которые она вложила многодневный запас своих раздумий. Вполне возможно, что он воспринимал её в эти минуты только внешне, не вслушиваясь и не вдумываясь в то, что она говорила.

Ей казалось, что отец сейчас встанет и энергично, но, как всегда, немного напыщенно произнесёт: «Да, Соня, я не хочу углублять своих ошибок. Я был не прав трижды: первый раз, поставив твою самостоятельность в любви под сомнение, второй раз, лишив Краюхина своего расположения и, наконец, увидев в Бенедиктине поводыря своей старости». Но проходили секунды, минуты, а Захар Николаевич сидел, склонив голову на руку. Вдруг он встал. Софья замерла в ожидании. Если только он скажет то, что она ждёт, что ей так хочется услышать от него, – она бросится к нему и крепко-крепко обнимет. Но Захар Николаевич сказал совсем о другом, словно и не было между ними тяжёлого спора.

– Соня, приближается день твоего рождения. Ты не забыла?

Захар Николаевич опять снял пенсне, будто знал, что это преобразует его, делает каким-то более близким Софье.

Никакой другой праздник не чтит так Захар Николаевич, как день рождения дочери. Прежде они вместе с Софьей садились за стол и составляли список гостей. Захар Николаевич и теперь собирался проделать это. Вместе со стулом он придвинулся к уголку стола. Софья наблюдала за ним, и, видя, как он спокойно берёт бумагу, она поняла, что он ни в чём, совершенно ни в чём не уступил ей сегодня. Она живо представила, кто соберётся на её именины, и вдруг самодовольное, гладкое лицо Бенедиктина заслонило всех. Он, конечно, не упустит такого случая, если даже она и не позовёт его. Зато не будет того, кто особенно дорог ей.

– С праздником, папа, нынче у меня ничего не получится, – сказала Софья, стараясь быть спокойной.

– Почему? – Отец торопливо надел пенсне, и близорукие глаза его стали опять строгими и чужими.

– Я собираюсь на той неделе уехать. Поеду, папа, в Улуюлье. Представь себе, что до сих пор я не могу объяснить характер находок Краюхина. Мне надо самой побывать на раскопках.

Это было для Захара Николаевича так неожиданно, что он даже встал.

– И надолго? – голос отца дрогнул.

– Пробуду, сколько потребуется для дела.

– Следовательно, меня оставляешь на попечение того самого Бенедиктина, которого ты только что поносила?

Захар Николаевич смотрел дочери прямо в глаза. Софья заметила, как зрачки отца расширились и взгляд его стал совсем холодным. Она растерялась и не смогла промолвить ни одного слова.

– Вот, Соня, цена твоих поучений: ни чувства, ни логики, – Захар Николаевич говорил, отчеканивая каждое слово, и Софья видела, что он сдерживался, чтобы не закричать.

«Ни чувства, ни логики! – мысленно повторила она. – Что он говорит?! Уж я ли не приносила в жертву свои желания ради любви к нему?!» – думала Софья. Ей вспомнилось, как он методично уничтожал в доме всё, что могло напомнить об Алексее, и она покорно, почти молча переносила это.

– Думай всё что угодно, папа. На этот раз я поступлю так, как мне это нужно, – сказала Софья твёрдо.

– Я не держу тебя, Соня, поезжай хоть сегодня, – Захар Николаевич старался придать своему голосу безразличие, но, выходя из комнаты, он сильно хлопнул дверью, и Софья поняла, что её решение крайне ожесточило его.

2

Сказав отцу, что она едет в Улуюлье, Софья выдала желаемое за существующее. Пока она ничего не сделала, чтобы совершить такую поездку. Правда, с тех пор как экспедиция Марины выехала к месту работы, Софья не один раз с тоской думала: хорошо бы и ей побывать сейчас в Улуюлье. О многом хотелось поговорить с Алексеем. Столько дней и событий пронеслось с момента их разлуки!.. Он писал ей, но письма были редкими и короткими. По отдельным фразам, иногда прорывавшимся в его деловых записках к ней, она чувствовала, что ему трудно, очень трудно... Сознание того, что она помогает ему отсюда, из города, успокаивало её. Но за последнее время всё чаще и чаще её стала охватывать какая-то безотчётная тревога за Алексея, за будущее их отношений. «Разве так по-настоящему любят? Любовь должна быть слепой. Надо бросить всё и ехать к нему, чтобы только быть вместе с ним всегда, до конца жизни», – рассуждала она. Но

бросить всё ей не позволяли другие чувства: ответственность за работу, чувство привязанности к отцу, чувство осёдлости и уюта.

Но как накапливающаяся вода в конце концов подымается над уровнем берегов и неудержимо прорывается через плотину, устремляясь вперёд, так и душа Софьи после всех раздумий и тревожений вышла из того обычного равновесия, которое удерживало её в городе, и в доме отца, вдали от Алексея. «Ехать, немедленно ехать в Улуюлье!» Этот зов души не покидал её в последнее время. Днём она слышала его всюду, чем бы ни была занята, а ночью ей снились бесконечные хлопоты, связанные со сборами в дорогу.

Высказав отцу горячо и запальчиво своё желание, она сделала первый шаг на пути к исполнению этого желания.

Теперь, когда отец ушёл и она осталась одна, ей, несмотря на горький осадок от разговора, было радостно. Вот и случилось самое трудное: шар, лежавший неподвижно на одном месте, от толчка со стороны тронулся и покатился. Она была убеждена, что ей уже не остановиться теперь на полдороге.

Софья прошла по комнате. «Что же дальше?» – спросила она себя. Она подошла к своей кровати, сняла покрывало и легла, закинув руки за голову.

«Надо всё не спеша обдумать... С папой ничего не случится. Поживёт один!.. Бенедиктин... Что я о нём думаю? Для меня он безразличен, а на всё остальное наплевать. Алексей... Как он обрадуется, что я приеду, приеду сама!.. Да, но с чего всё-таки начать?» – проносилось в мыслях Софьи.

Если бы в городе была Марина, Софья поспешила бы к ней. Но Марина уже вторую неделю в Улуюльском крае. Может быть пойти к директору архива? Человек он просвещённый и добрый и относится к ней с искренним уважением, но не имеет права отпустить её с работы, и тем более на длительный срок.

А не лучше ли поговорить с директором института Водомеровым? Ведь она может помочь в работе комплексной экспедиции. Тем более что в её составе нет никого из историков. Поразмыслив, она решила, что так и поступит. Но не прошло и пяти минут, как новые сомнения стали беспокоить её. «Конечно, Водомеров мог бы решить этот вопрос, – думала она, – но он наверняка будет советоваться с отцом, тот расскажет обо всём Бенедиктину, и, чего доброго, меня начнут отговаривать от поездки». И Софья решила, что к Водомерову она не пойдёт.

Задумавшись, Софья перебирала в памяти всех тех лиц, к которым может обратиться за помощью. «А что, если пойти в обком к Максиму Матвеевичу Строгову?» – мелькнуло у неё в голове. Она вспомнила, что однажды Максим Строгов ей уже помог. Это произошло в тот момент, когда Алексей обратился к ней с просьбой переслать копию анализа руд, произведённого инженером фон Клейстом. По установленному порядку для этого требовалось специальное разрешение. Софья рассказала о своих затруднениях Марине, и та пообещала поговорить с братом. Вскоре директору архива было дано указание всячески содействовать А.К. Краюхину в проведении работы по изучению истории, экономики и геологии Улуюльского края.

Вспомнив всё это, Софья успокоилась. Она погасила лампу и быстро уснула.

Утром Софья позвонила Максиму. Он согласился принять её немедленно.

От Марины Софья слышала о Максиме немало всяких домашних подробностей, но, увидев его в строгой, просторной комнате обкома, она почувствовала волнение. Навстречу ей от большого стола шёл высокий светло-русый человек, одетый в хорошо отутюженный костюм. Несколько мгновений он смотрел на Софью прямым, спокойным, необычно серьёзным взглядом. Подавая ей руку, улыбнулся, и лицо его стало приветливым и похожим на лицо сестры.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Максим, указывая Софье на глубокое кожаное кресло, придвинутое к столу.

Софья села.

Максим обошёл вокруг стола, на котором, кроме чернильного прибора и папки с бумагами, ничего не лежало. (Софью это удивило: она привыкла к столам учёных, всегда заваленным бумагами, книгами, микроскопами, рукописями.)

«С чего же я начну? Ему с первой минуты станет ясно, что я хочу ехать в Улулюье ради Алексея», – обеспокоенно подумала Софья.

Максим понял её состояние и, давая ей возможность подготовиться к беседе, заговорил совершенно о другом.

– Ну, как вы пережили утреннюю грозу? – спросил он. – Ну, гроза!.. С детства я не помню такой грозы.

– А вы знаете, я самое страшное проспала. Когда проснулась, сияло уже солнышко и гром погромыхивал где-то далеко-далеко, – простодушно призналась Софья.

– Крепкий у вас сон. Завидую! – засмеялся Максим, продолжая присматриваться к Софье и думая: «Правду Марина про неё говорила: необыкновенная она».

– На сон не жалуюсь! – усмехнулась Софья. – Но бывает и так: не спится, хоть глаз коли, и будит не то что гром, а шелест листвы под окошком.

– О! Это плохо... В таких случаях убегайте скорее от бессонницы в природу. По личному опыту знаю...

– Это не всегда возможно.

– Представляю...

То, что Максим не начал разговора сразу о деле, угадав её затаённое волнение, тронуло Софью. «Умница он! Другой бы сразу с ножом к горлу: «Докладывайте», – отметила она про себя.

– Вы, вероятно, удивлены моим визитом к вам? – спросила Софья, чувствуя, что ей самой надо заговорить о главном.

– Как вам сказать?.. – замялся Максим. – Пожалуй, что нет. Я ведь о вас многое знаю от сестры.

– Ну, тем лучше, – сказала Софья. – Это меня избавляет от некоторых излишних пояснений.

Она вдруг почувствовала такое доверие к Максиму, что её несколько не испугало бы, если б пришлось заговорить и о своей любви к Алексею.

– Я пришла просить у вас помощи. Может быть, я должна была пойти к кому-нибудь другому, тогда извините меня.

Она опустила свои мягкие бархатистые глаза, и подбородок её задрожал. Максим понял, что её приход потребовал от неё усилий над собой и этому, вероятно, предшествовали какие-то долгие и нелёгкие размышления.

– Я слушаю вас, – переждав несколько секунд, сказал Максим.

Эти секунды молчания Софья оценила. Ей было тяжело начать сразу.

– Вы торопитесь? – Она обеспокоенно взглянула на Максима.

– Нет, нет, пожалуйста.

– Тогда я буду говорить подробнее. – И она опять посмотрела на Максима, желая убедиться, в самом ли деле он готов слушать её.

Максим сидел, опёршись щекой на руку. В позе и особенно во взгляде его серых глаз было такое спокойствие, что она невольно подумала о себе: «Волнуюсь, порю горячку, будто произошло что-то неслыханное».

– Вы, вероятно, знаете, что я по образованию историк, – сказала Софья.

– Мне рассказывала сестра.

Максим чувствовал, что Софье трудно говорить, но ему хотелось понять её как человека, и он ничем не старался облегчить её затруднений. Не так уж мало он знал о ней по рассказам Марины.

Софья наконец успокоилась. Не спеша, она подробно рассказала Максиму о поисках уваровского акта, о разборке церковного архива, о загадочном анализе улуюльских руд в литейне купца Кузьмина, о находках Краюхина, которые пока не поддались разгадке, и, наконец, о своём желании поехать в Улуюлье немедленно.

Максим выслушал её, не перебивая. Всё, что она рассказывала, он знал, но Софья все эти события окрашивала своим заинтересованным отношением. И это-то было особенно дорого Максиму.

– Кажется, ваш отец не очень верит в возможности Улуюльского края? – осторожно спросил Максим, когда Софья умолкла.

Глаза Софьи стали страдальческими.

– Теперь он отмалчивается. Его озадачили находки, – сказала Софья торопливо, и Максим понял, что ей не хочется задерживаться на этом вопросе.

– А в Краюхина вы верите? Не думаете, что он может остаться ни при чём? – всё так же осторожно спросил Максим, внимательно наблюдая за Софьей.

Её щёки зарделись, из глаз брызнули сияющие лучики, и он почувствовал, что душа её встрепенулась, как лист на дереве при порыве ветра.

– Вы знаете, Максим Матвеевич, – Софья впервые назвала его по имени и отчеству, – когда Краюхин опирался на одну лишь карту своего отца и показания краеведов, я очень, очень боялась за него. Мне временами казалось: он рискует, не имея оснований на успех. Но теперь у меня никаких колебаний не существует. Загадки мы разгадаем, и это принесёт нам новые подтверждения. Как-никак лук спущен, стрела – в полёте.

Последние слова Софья произнесла энергичным тоном, пристукнув крепко сжатым кулачком по столу.

Сам для себя Максим делил всех людей, с которыми встречался, на две категории: «борец» и «неборец». Это деление выражало его внутреннее отношение к человеку – не более. Но в то же время, как компас помогает следопыту держаться верного направления в самых глухих таёжных дебрях, так это чувство помогало Максиму чутко разведывать свойства людские, познавать, каков в человеке запас его творческих сил, угадывать степень устойчивости против встречных потоков жизни.

Столкнувшись с глазу на глаз с Софьей, выслушав её сбивчивый рассказ о себе, Максим понял, что в своих представлениях о ней он был во многом далёк от истины. Со слов сестры, Софья рисовалась ему безвольной профессорской дочкой, вялой, кроткой, неспособной на самостоятельные решения.

Он быстро понял, откуда произошло такое смещение в его понятиях. Он слишком доверял Марине, упуская из виду особенность её восприятий. Сестра умела до удивления точно передавать со всеми оттенками ту или иную сцену, или разговор, или реакцию, но она никогда не пыталась взять всё это в истоках и связях, понять происходящее в неразрывном единстве. И потому до Максима доходило лишь то, что трогало незащищённое сердце Марины, что западало в её открытую душу по первому впечатлению: «Соня плачет от непримиримости отца», «Соня в страшной тоске по Краюхину», «Соня до самозабвения ищет уваровский акт» и т. д.

Теперь же Максим понял, что все эти якобы далёкие друг от друга события выражали одно: Софья вырабатывала свою линию жизни, и, хотя это рождалось в трудной борьбе, она не приняла бы ничего, что могло бы быть подготовлено для неё другими.

Охватив состояние Софьи умом, Максим, как это всегда с ним происходило в подобных случаях, испытал сильное желание действовать.

– Вы хорошо сделали, что пришли в обком. Мы поможем вам, и поможем незамедлительно, – сказал Максим и встал. – Я на некоторое время оставляю вас и попрошу подождать моего возвращения.

– Пожалуйста. – Софья благодарно взглянула на Максима.

Максим вышел. Ему надо было переговорить относительно поездки Софьи в Улуюлье с директором архива и руководителями краеведческого музея. Сделать всё это, разумеется, было удобнее без Софьи, почему он и не воспользовался своим телефоном.

«Улуюльская проблема», как он сам для себя называл задачу разворота производительных сил северных районов области, начинала обретать живой и действенный характер. Эта проблема уже входила в быт определённого круга людей, создавая драматические изломы в их биографиях и порождая почву для острой борьбы. По понятиям Максима, это означало, что в недрах жизни

созревало новое явление. Не стараясь предугадать точный ход развития этого явления, Максим предчувствовал его масштабы и делал всё необходимое, чтобы содействовать пробуждению сил, способных оказывать воздействие на движение «улуюльской проблемы».

Максиму не пришлось уговаривать ни директора архива, ни директора музея. Тому и другому было известно, что в Улуюльской тайге инженером Краюхиным обнаружены ценные находки, требующие специального изучения историками и археологами. Директор архива согласился предоставить Софье двухмесячную научную командировку, а директор краеведческого музея принял за счёт своего учреждения часть расходов по этой поездке.

– Ну вот, всё согласовано и увязано, – входя в кабинет и встретив напряжённый взгляд Софьи, с улыбкой сказал Максим.

Софье ещё не верилось, что вопрос, о котором она так долго и мучительно думала, решён. Она порывисто поднялась.

– Значит, осложнений не будет? – В голосе её звучало сомнение.

– Можете ехать хоть завтра.

– Я вам очень благодарна, – подавая руку Максиму, горячо сказала Софья.

– Счастливого полёта! Встретите мою жену и сестру – поклон им.

– Непременно! – сияя от счастья, воскликнула Софья.

Глава семнадцатая

1

Случилось то, чего больше всего опасался Водомеров. На пленуме райкома, членом которого он был избран, обсуждался вопрос об улучшении идеологической работы. Ни докладчик, ни выступающие в прениях ни слова не сказали о научно-исследовательском институте. «Нас пока не задевают!» – не без удовольствия отметил про себя Водомеров. Как большинство руководителей учреждений и предприятий, он ревниво относился ко всему, что говорилось об институте и институтской парторганизации. Очевидно, это качество, которое он никогда не скрывал,

позволяло людям, стоящим в общественном и должностном отношениях выше него, говорить о нём: «Болеет Водомеров за дело».

Но когда список желающих выступить на пленуме был, как говорят, исчерпан, слова попросил Петрунчиков. Услышав эту фамилию, Водомеров настороженно поднял голову. Доцент Петрунчиков был примечательной личностью в городе. Очень маленького роста, щуплый и вёрткий, как подросток, он носил большие роговые очки и завивал в парикмахерской густые светлые волосы. Петрунчиков отличался тем, что всегда всё знал. Он мог рассказать анекдот о международной встрече дипломатов, воспроизвести острый разговор, якобы состоявшийся в обкоме, сообщить непременно в тоне «между нами» о тех или иных ожидающихся перестановках в руководящих органах города и области. Его любопытство простиралось, так сказать, и в сферу личной жизни и поведения окружающих его лиц. Он знал, кому и сколько платит алиментов директор филармонии, за кого собирается выйти замуж певица из оперного театра, на сколько лет уменьшает свой возраст местная поэтесса. Петрунчиков обо всём говорил с юмором, с улыбкой, и многие воспринимали это как признак жизнелюбия, оптимизма, как выражение того, что ничто человеческое ему не чуждо.

Но Водомеров, многие годы общавшийся с самыми разнообразными людьми, был стреляный воробей, и кажущийся оптимизм Петрунчикова не мог обмануть его. К тому же не раз он слышал от других, что Петрунчиков не чист душой. В городе поговаривали, что доцент пописывает в обком и ЦК анонимные письма с клеветами, поддерживает и разносит сплетни, осторожно ссылаясь на какого-то мифического «одного научного работника», ловит всякого рода «сенсации» и, порой выказывая свою бдительность и используя то, что называется «ситуацией», выступает с обличительными речами.

Чутьё не обмануло Водомерова. С первых же фраз речи Петрунчикова он понял, что «всезнающий доцент» будет говорить о научно-исследовательском институте.

– Уважаемые товарищи! – несколько патетически начал Петрунчиков. – Мы живём в пору, когда коммунизм, его зримые черты всё больше и больше обретают вещественное и материальное выражение. Прошло лишь два-три года с тех пор, как отшумела война, а взгляните вокруг, сколько чудес натворил в мирной обстановке советский народ. Но было бы неппростительной ошибкой упрощать сложный процесс коммунистического строительства. Ведь мы должны строить не только новые города, заводы и сёла – мы должны строить новые души, а это самое сложное.

Петрунчиков поднял худощавое, бледное лицо и остановил свой бегающий взгляд на Водомерове. «Сейчас начнёт говорить о Бенедиктине», – ощущая сильное сердцебиение, подумал Водомеров.

– В свете этого положения, – понизив голос и с угрожающей ноткой продолжал Петрунчиков, – мне странным кажется то, что ни докладчик, ни выступающие в прениях совершенно не коснулись таких вопросов, как морально-этические вопросы. А всё ли у нас на этом участке в порядке? Нет, не всё! Весь город сейчас говорит о тех событиях, которые недавно произошли в научно-исследовательском институте. Почему же товарищ Водомеров отмалчивается здесь? Или не хочет выносить сор из избы?

– В чём дело? Говорите яснее! Что вы загадками занимаетесь? – слышались из зала нетерпеливые голоса.

– Я прошу минуту внимания! – возвысил голос Петрунчиков. – Я доложу пленуму всё, что было здесь недосказано.

Зал мгновенно затих, и Петрунчиков при всеобщем повышенном интересе с увлечением опытного оратора рассказал о статье Бенедиктина в «Записках», о протесте Марины Строговой и, наконец, о её разводе с мужем.

Петрунчиков пока ничего не преувеличивал и не перевирал, и Водомеров, слушая его, с удивлением думал: «Откуда всё это ему известно? Неужели в аппарате у меня завелись сплетники?»

В конце своей речи Петрунчиков поставил в категорической форме ряд вопросов перед райкомом, чем особенно взвинтил Водомерова. Наблюдая за лицами слушающих, Водомеров видел, что, если он сейчас же не выступит и какими-то решительными доводами не опровергнет Петрунчикова, бенедиктинская история войдёт в доклады партийных комитетов на конференциях, и тогда поневоле придётся выступать и каяться. От Водомерова не ускользнуло то, что другие, может быть, и не заметили: инструктор обкома Пашкова, сидевшая в уголке зала, когда заговорил Петрунчиков, поспешно вытащила из портфеля блокнот и, пока он выступал, непрерывно писала. «Для доклада секретарю обкома записывает», – отметил про себя Водомеров.

Выждав, когда в зале стихнут хлопки, вызванные эффектной речью Петрунчикова, Водомеров поднял руку и громко сказал:

– Николай Михайлович, прошу три минуты для справки.

Секретарь райкома, глядя в зал, спросил:

– Есть ли желающие выступить в прениях? Нет? В таком случае предоставляю слово товарищу Водомерову для справки.

Водомеров поднялся и, преодолевая волнение и негодование к Петрунчикову и в то же время какую-то непривычную робость перед широким собранием, спокойными, уверенными шагами вышел на трибуну.

– Товарищи! Выступление Петрунчикова могло бы принести пользу, если бы оно опиралось на действительные факты. Но товарищ Петрунчиков думал не о фактах, а о том, как похлеще преподнести пленуму сплетни... Да, сплетни... – Он говорил спокойно, понимая, что, если он начнёт нервничать, цель его не будет достигнута.

После первой же минуты Водомеров понял, что он близок к цели. В зале стало шумно: участники пленума переговаривались, переглядывались, многие, не скрывая своего нерасположения, посматривали на Петрунчикова, сидевшего на стуле и сучившего своими коротенькими ножками по паркету. «Ага! Ты из этой табакерки не нюхаешь?» – с ожесточением подумал Водомеров, поглядывая на Петрунчикова.

– Я должен совершенно официально сообщить пленуму следующее: научный работник Строгова возглавляет экспедицию в Улуюлье. Завтра-послезавтра туда же выезжает её муж, младший научный сотрудник Бенедиктин, – твёрдо заключил Водомеров.

Теперь в зале стало совсем шумно. Водомеров взглянул на Петрунчикова и не увидел его: тот стал таким маленьким, что голова его скрывалась за спинкой впереди стоящего стула.

Но, проходя мимо Петрунчикова, Водомеров поймал его взгляд: он был холодный, ненавидящий. «Ну, нажил ещё одного смертельного врага», – подумал Водомеров, морщась от острого покалывания в области сердца.

2

Григорий Владимирович Бенедиктин жил у матери. Конечно, эта квартира не имела тех удобств, к которым привык он, но всё-таки жить здесь было можно. Из большого дома, бывшего когда-то собственностью матери, ей принадлежала теперь только одна четвёртая часть.

Григорий был единственным сыном, и старушка не чаяла в нём души. В ту же ночь, когда он пришёл с чемоданами в руках и горькой гримасой на лице, мать уступила ему свою маленькую уютную комнатку, а сама устроилась на диване в кухоньке.

– Поселюсь у тебя, мама, временно, – сказал Григорий и, помолчав, добавил, что он будет благодарен ей, если она не станет допытываться, что именно произошло между ним и Мариной.

Мать обещала. И вот уже несколько дней, втайне терзаясь за сына, она продолжала хранить свой обет.

Григорий лежал в постели с книжкой в руках, когда в окно ударил ослепляющий свет фар и за стеной дома послышался хруст гальки под колёсами автомобиля. Через минуту в дверь раздался стук. Бенедиктин быстро вскочил с кровати, торопливо надел пижаму и, стараясь опередить проснувшуюся мать, подошёл к двери.

– Товарищ Бенедиктин, это я – Мартынов, шофёр директора. Мне велено привезти вас в институт, – услышал Бенедиктин в ответ на свой вопрос: «Кто там?»

– Что стряслось, товарищ Мартынов? – обеспокоенно спросил Бенедиктин, открыв дверь.

– Не могу знать, – сказал шофёр, продолжая стоять за порогом.

– Проходите.

– Спасибо. Я жду вас в машине. – И шофёр исчез в темноте, сгустившейся перед наступлением рассвета.

«Что же могло произойти? Уж не умер ли Захар Николаевич? Старик в последнее время часто жаловался на нездоровье. А может быть, что-нибудь произошло с экспедицией Марины?.. Но к чему такая срочность?» – раздумывал Бенедиктин, сидя в машине рядом с шофёром.

Длинный массивный корпус института был погружён в темноту и выглядел таинственно и загадочно. У Бенедиктина засосало под ложечкой. Предъявив вахтёру пропуск, Бенедиктин беспокойно запетлял по тёмным коридорам. «Идиоты! Копейки экономят на электричестве, а того

понять не хотят, что от этой экономии неудобство на душе», – про себя ругался Бенедиктин, прислушиваясь к протяжному гулу, возникавшему от его шагов.

Возле директорского кабинета Бенедиктин остановился и, вытирая платком вспотевший лоб, заглянул в полуоткрытую дверь. Водомеров сидел за столом, уставший и озабоченный. По обыкновению, в кабинете стоял сумрак – горела только настольная лампа.

Бенедиктин потоптался возле двери и, сказав себе для ободрения: «Чему быть, того не миновать», – вошёл в кабинет. Водомеров, откинувшись на спинку кресла и устремив взгляд куда-то в угол, сосредоточенно думал. Он так был увлечён своими мыслями, что на Бенедиктина даже не посмотрел. Бенедиктин расценил это по-своему: «Пропал я!..»

– Прибыл по вашему вызову, Илья Петрович, – сказал наконец Бенедиктин, чувствуя, что он не в силах больше переносить этого молчания.

Водомеров дёрнулся всем своим полным, тяжёлым телом и поднял сонные глаза.

– Хорошо, Григорий Владимирович, хорошо, – усиленно растирая короткопалой рукой мясистое лицо и теребя седой ёжик волос, сказал Водомеров.

То, что директор назвал его по имени и отчеству, и то, что в его голосе не слышалось никакой угрозы, приободрило Бенедиктина.

– Утомились, Илья Петрович? – выразил сочувствие Бенедиктин.

– Ужасно, ужасно! Никакой личной жизни. Скоро жена даст отставку, – позёвывая, пробубнил Водомеров.

– На юг бы вам, Илья Петрович, в санаторий, – с ещё большим сочувствием в голосе проговорил Бенедиктин, присматриваясь к директору и стараясь догадаться, что заставило Водомерова вызвать его глубокой ночью.

– Какой там юг! – безнадёжно махнул рукой Водомеров и опять на минуту как бы впал в забытье.

«Что же он тянет, почему ничего не говорит?» – думал Бенедиктин, томясь каждой секундой директорского молчания.

– Эх, Григорий Владимирович, нелёгкая это штука – строить новый, социалистический мир! – глубоко вздохнув, сказал Водомеров.

– Устали вы, Илья Петрович, устали, отдохнуть вам надо. – Бенедиктин говорил только затем, чтобы как-нибудь заполнить паузы.

– Нет, братец мой, Григорий Владимирович, отдыхать не придётся. Не то время! Ты знаешь доцента Петрунчикова? – не замечая, что переходит на «ты», спросил Водомеров.

– Слышал.

– Так вот этот Петрунчиков пошёл на нас в наступление.

Как ни утомлён был Водомеров, он рассказал о выступлении Петрунчикова на пленуме райкома со всеми подробностями. Не умолчал и о своей краткой речи. Когда директор заговорил об этом,

в его голосе слышались виноватые нотки: как, мол, хочешь суди меня, Григорий Владимирович, а иного выхода не было.

Бенедиктин словно переродился. Всего лишь несколько минут тому назад он сидел напротив Водомерова в страшном смятении, придавленный тревогой и страхом, и самые мрачные мысли теснились в его голове. «Вот оно что: Петрунчиков! Ну, это ещё терпимо, как-нибудь перенесём!» – приободрил себя Бенедиктин.

– Мудрый вы человек, Илья Петрович! – смело придвигаясь к столу и беря Водомерова за руку, воскликнул Бенедиктин. – Будь на вашем месте другой, менее опытный товарищ, плохо бы нам всем пришлось. Ох, как плохо!..

Водомеров выпрямился в кресле и закашлял в кулак. Бенедиктин знал эту привычку директора – кашель был деланным, глуховато-добродушным, как будто Водомеров хотел сказать: «А, что там считаться! Не первый год с людьми работаю!»

Они помолчали, думая каждый о своём. «Зря я опасался, что не поймёт он моего дальновидного хода. Видать, и он бывал не раз в сложных переделках», – думал Водомеров о Бенедиктине. А тот сидел, и мысли его уносились далеко вперёд: «Как всё складывается! Сама судьба сводит меня с Соней. Глупец я буду, если не воспользуюсь этим случаем. Там, в лесной глуши, она лучше поймёт меня». В эти мгновения мысли Бенедиктина так высоко воспарили, что он видел себя в доме Великановых на правах полновластного хозяина. «А как Марина? – спросил он сам себя и тут же ответил: – А что Марина? Пусть себе живёт, я мешать ей не стану».

– Не знаю вот, как посмотрит на ваш отъезд Захар Николаевич, – прервав затянувшееся молчание, сказал Водомеров.

Бенедиктин словно очнулся. Он встряхнул головой и посмотрел на Водомерова с благодарностью. В самом деле, а как отнесётся к этой затее профессор? Он загрузил Бенедиктина срочной работой, установил ему жёсткие сроки для подготовки диссертации. Менять же своих решений старик не любит.

– Да, да, Илья Петрович, это вопрос законный, и вы хорошо сделали, что его поставили, я совершенно упустил из виду Захара Николаевича, – торопясь, проговорил Бенедиктин.

Водомеров промолчал, но по тому, как он забарабанил толстыми короткими пальцами по стеклу, прикрывавшему стол, Бенедиктин понял, что директор испытывает затруднение.

– Я думаю, Илья Петрович, профессор не враг институту, – заговорил Бенедиктин с жаром, – он заинтересован в его расцвете и добром имени не меньше вас. Объясним ему: так, мол, и так. Партийные органы считают, что в Улулюльской экспедиции необходимо усилить партийный глаз, посоветовали сверх комплекта командировать члена партбюро...

Бенедиктин говорил, не глядя на Водомерова, но, сказав последние слова, он бросил на директора мимолётный взгляд и замер. Водомеров нахмурился, и даже при тусклом освещении было заметно, что лицо его стало багровым.

– Нет, нет, ваш проект не подходит, – сердито забубнил Водомеров. – Мы не можем обманывать Великанова. Хотя он беспартийный, у нас нет от него никаких секретов. Полное до-ве-рие!

– Ну как же, зачем же, я всё абсолютно понимаю, я лишь говорю, что это тоже истина, такие голоса раздавались на партбюро, и это могло быть очень убедительным для Захара Николаевича, – сказал Бенедиктин.

– Нет, нет. Об этом не может быть и речи, – решительным тоном отрезал Водомеров. – Мы обязаны доложить Захару Николаевичу правду – всё как есть.

Говорить всю правду Великанову Бенедиктин не хотел. «Это неостроумный шаг, но деваться некуда», – думал он с унынием.

– Я полагаю, что Захар Николаевич противиться вашему отъезду не будет. Он любит дочь и беспокоится за неё ежечасно. А вы всё-таки где надо и присмотрите за девушкой и поможете в трудную минуту.

Водомеров говорил всё это мучительно долго. Он ворочал челюстями с усилием. Но всё-таки это было уже отступлением от его первоначального замысла, и Бенедиктин приосанился.

– Ну, конечно же, само собой разумеется, Илья Петрович! – всё больше и больше оживляясь, восклицал Бенедиктин. – Я ежедневно имею честь наблюдать, как страдает, как изнывает в тоске мой учитель. Я прошу вас, Илья Петрович, в своей беседе с ним, так сказать, специально подчеркнуть эту сторону дела. Пусть для старика это будет утешением...

– А как же, скажу! Все мы люди, все человеки и живём не одной службой, – как бы в поучение и потому несколько живее сказал Водомеров.

– Совершенно верно! Более того: отмеченные вами свойства несколько не унижают даже великих мира сего. Они очеловечивают их, делают земными, как всех смертных...

Водомеров недослушал Бенедиктина и громко зевнул, прикрывая рот толстой ладонью.

– Домой пора, Григорий Владимирович! Добрые люди вставать скоро будут. – Водомеров поднялся.

– Такова уж нелёгкая доля руководителей, – испутив протяжный вздох, посочувствовал Бенедиктин.

– Да... – неопределённо протянул Водомеров и, замыкая стол и погромыхая связкой ключей на серебряной цепочке, сказал: – А только никто с этим считаться не станет. Чуть чего, тебе же в вину и поставят: дескать, сидел по ночам, себя замотал и людям не давал жизни.

– Ну что вы, Илья Петрович! У кого же повернётся язык сказать такое? Право же, это было бы высшей несправедливостью...

– Так вот что, Григорий Владимирович, – второй раз переходя на «ты» и не замечая этого, сказал Водомеров, – извини, но вначале доставь домой меня, а потом поезжай сам. Тут хоть разница в пятнадцать минут, но я просто уж обессилел.

– Пожалуйста, Илья Петрович, поступайте как удобнее. Я, если сказать честно, всё ещё не утратил фронтовой привычки: два-три часа сна в сутки для меня вполне достаточно.

– Молодость. Кровь сильней кипит.

– И это правда, Илья Петрович, – поспешил согласиться Бенедиктин.

Они вышли из института и сели в автомобиль. Через полчаса Бенедиктина встретила в дверях обеспокоенная мать.

– Что-нибудь случилось, Гриша?

– Всё идёт нормально, мама, – сбрасывая с себя шуршащий макинтош, спокойно ответил Бенедиктин.

Мать вопросительно смотрела на сына.

– Собери мне, мама, завтра чемоданчик с самыми необходимыми вещичками. В командировку отправляют, к Марине в Улуюльскую экспедицию.

– Вот как! Значит, все ваши дела уладятся сами собой?

– Посмотрим, мама, посмотрим... Ты знаешь меня, я не люблю преждевременно делиться своими замыслами, – произнёс Бенедиктин, проходя в свою комнату.

– Ну иди, иди, отдыхай. Не сердись, – мелко и суетливо крестя его спину, прошептала мать.

Глава восемнадцатая

1

В Москве, в одном из переулков Арбата, в старом каменном доме жил профессор, доктор экономических наук Андрей Калистратович Зотов.

Андрюша, как обычно называл его Максим, был самым близким, самым дорогим, самым доверенным человеком из всех с кем Максим Строгов когда-либо водил дружбу.

Они родились в один год, в одной и той же деревне. В гражданскую войну, совсем ещё мальчишками, они были призваны в колчаковскую армию. Совершив оттуда побег, они

примкнули к партизанам, воевали за освобождение своего края, а когда война окончилась, вступили в комсомол, работали инструкторами уездного комитета РКСМ, оба закончили рабфак.

После рабфака пути их разошлись. Максим, тяготевший к философии и естественным наукам, поступил на физико-математический факультет, а Андрей – на геологоразведочный. Потом партия направила их в Институт красной профессуры: Андрея на экономическое отделение, а Максима на философское.

По окончании института Андрей Зотов остался в Москве, занимая ответственные посты в центральных органах, а Максим Строгов уехал в Сибирь на партийную работу, а потом был директором политехнического института.

В годы Великой Отечественной войны Андрей Зотов по-прежнему жил в Москве, совмещая работу в Госплане с преподаванием в одном из экономических вузов столицы. Максим добился мобилизации на фронт и командовал вначале артиллерийским дивизионом, а потом артиллерийским полком резерва Главного Командования.

По-разному сложилась у друзей и семейная жизнь: Максим рано женился, Андрей после неудачной любви к Марине Строговой остался холостяком.

Чем старше становился он, тем сложнее ему было выбрать подругу жизни. Наконец незадолго до войны, когда Андрею Зотову перевалило за тридцать пять лет, он женился.

Жена его была пианисткой. Она часто разъезжала с концертами, исчезала из Москвы то на неделю, то на месяц. Всю нежность и ласку, которые оставались нерастраченными в душе Андрея, он обратил теперь на жену, считая себя человеком редкого и завидного счастья. Правда, частые разъезды жены – она работала в Гастрольном бюро – несколько омрачали существование Андрея, но они же и создавали то состояние постоянного волнения и беспокойства, которые всегда сопутствуют настоящей, глубокой любви.

Но счастье Андрея Зотова было недолгим. В начале июня жена уехала на гастроли в Минск. В день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз она попала под бомбёжку и погибла.

...Последние двадцать лет Максим и Андрей встречались не часто, с промежутками в несколько лет, но это не охлаждало их дружбы.

Зотов ходил по комнате из угла в угол. Временами он останавливался возле своего письменного стола, брал из портсигара папиросу и продолжал ходить.

Час тому назад он вернулся из Центрального Комитета партии. Беседа, состоявшаяся там, до крайности его взволновала: ему поручалось выехать в Сибирь, в Высокоярскую область, и на месте ознакомиться с возможностями развития Улуюльского края.

Высокоярск! Высокоярская область! Один звук этих слов поднимал в душе Зотова такие чувства, которые невозможно было даже приблизительно самому для себя обозначить каким-нибудь одним словом. В этих чувствах соединялась в сложном сплаве тоска с радостью, раздумье с весёлостью, спокойствие с порывом.

Зотов прожил в Москве многие годы и считал себя коренным москвичом. Правда, о родной области, в которой он родился и вырос, он вспоминал часто, но с той внутренней невозмутимостью, с какой вспоминают люди о событиях или годах давно прожитых и невозвратных.

Он никогда не подозревал, что в его душе до сих пор сохранилось столько живых и трепетных ощущений, которые могут вспыхнуть и гореть таким мятежным огнём, какой он чувствовал в себе сейчас.

Зотов ходил, ходил без устали. Это доставляло удовольствие. Мысли текли плавно и широко, как течёт река в половодье. В памяти всплывали отдельные сценки, пережитые в детстве и юности, лица родных и близких людей, обрывки только что состоявшегося разговора в Центральном Комитете. Всё это было окрашено одним общим чувством светлого и радостного волнения, которое как бы окрыляло душу и придавало собственному существованию особое значение.

Летний день близился к концу. На синеватые стёкла продолговатых окон легли оранжевые пятна заката.

Зотов направился к столу, чтобы позвонить и сообщить, что на заседание он не приедет. Но когда до стола оставался один шаг, телефон залился протяжным, настойчивым звонком. Брать трубку или нет? Мог звонить директор института, любивший перед заседаниями предварительно советоваться по вопросам, поставленным на повестку дня. Обычно Зотов охотно разговаривал с ним, но сейчас у него не было ни малейшего желания вступить в беседу, которая могла затянуться на четверть часа, а то и больше. «Не возьму трубку», – решил Зотов и сел в качалку.

С утра до ночи он жил в напряжении, с трудом вырывая редкие часы для своих научных занятий. Ему приходилось общаться с сотнями, если не с тысячами людей, начиная с руководителей хозяйственных и научных учреждений и кончая аспирантами и студентами экономического вуза.

Телефон вновь огласил комнату протяжными звонками. Зотов посмотрел на аппарат невидящим взором и продолжал сидеть, покачиваясь. В эту минуту мысленно он представлял себя в охотничьей лодке меж крутых лесистых берегов реки Таёжной. Зная, как переменилась жизнь, как даже в самых далёких углах страны сложился новый уклад, Зотов всё же не мог вообразить себя летящим в самолёте над Улуюльской тайгой.

Минут через пять телефон зазвонил вновь. Звонки были протяжные, до ожесточения громкие и какие-то даже повелительные. Кто-то хотел говорить во что бы то ни стало.

– А, чёрт вас возьми! – выругался Зотов, вскакивая с качалки и беря трубку. – Слушаю вас! – сердито сказал он.

Но голос его осёкся, и на рассерженном лице на мгновение отразился конфуз, а потом появилась улыбка.

– Да ты где? Откуда говоришь? Ну, иди скорее, жду тебя, иди! – с горячностью прокричал он в трубку.

Оказывается, так настойчиво звонил не кто-нибудь, а Максим Строгов! Час тому назад он приехал с Внуковского аэродрома и, выйдя из машины на Арбатской площади, направился к другу на квартиру, позванивая к нему из будочек телефонов-автоматов, зная, что вот-вот он должен вернуться с работы.

Ещё минуту тому назад медлительный и сосредоточенный, Зотов носился теперь по кабинету, освобождая диван и стулья от залежей газет, журналов, книг и папок с рукописями.

«Как он вовремя приехал! Ни раньше и ни позже, а в тот час, когда он особенно мне нужен!» – думал Зотов, испытывая новый прилив радости, которая в этот памятный день так щедро омывала его душу.

3

Друзья сидели в столовой друг против друга. Будучи одногодками, они не походили на ровесников. Максим был ширококостный, крупноголовый, с сильными, широкими в кисти руками и спокойным молодежавым лицом. На Максиме был светло-серый костюм, шёлковая тёмно-синяя сорочка без галстука. Рядом с Максимом Андрей казался старше. Он был худощавым, тонким, с бледным, усталым лицом, носил длинные, зачёсанные назад волосы, стриженные чуть ли не под кружок. Часто его принимали то за художника, то за поэта. Цвет волос у него был необычный: золотисто-ржаной. Он носил очки без ободков, с позолоченными дужками. Очки придавали его не улыбочивому лицу и неторопливому взгляду жёстковатое выражение. Андрей ростом был выше Максима, но сидя он сутулился и казался меньше своего товарища.

Зотов любил коричневый цвет. И сейчас на нём было всё светло-шоколадное, однотонное: широкий костюм, рубашка с тугим высоким воротником, галстук, туфли.

На круглом столе стояла бутылка виноградного вина и тарелки с закусками.

Максим мог пить всё, начиная с пива и кончая спиртом. «Двести граммов любого зелья выпью без вреда для здоровья», – в шутку говорил он о себе. Особого удовольствия от выпивки Максим не ощущал, совершенно не хмелел и признавал право выпить лишь в том случае, когда видел, что вино рождает в людях доверчивость и расположение к задушевной беседе.

Зотов пить вино избегал. Временами у него случались приступы боли в почках, и он берёт себя. Только в исключительных случаях Зотов выпивал две-три рюмки. Сегодня как раз был такой

исключительный случай, когда невозможно было не выпить. Друзья не виделись с тех пор, как Максим, пройдя краткосрочные курсы при одной из военных академий, получил назначение командовать артиллерийским полком и снова уехал на фронт.

– Ну, ты расскажи, пожалуйста, расскажи, как живёшь, какие у вас там новости? И не торопись, а подробно, – разливая вино в рюмки и улыбаясь помолодевшим лицом, попросил Зотов.

– А может быть, с тебя, Андрюша, начнём, а?

– Нет, нет, обо мне разговор в последнюю очередь. Самое главное, что произошло сегодня, я тебе сказал, а остальное несущественно. Давай уж ты! Пойми – не терпится!

– Ну, с кого же начать? – задумался Максим.

– Начинай с самых близких!

– Что же, с Настеньки придётся. Ближе никого нет.

– Ну, как она, милая Настасьюшка, жива-здорова? – Зотов посмотрел на Максима. Глаза их встретились. И Максиму и Зотову вспомнилось прошлое, связанное с этим протяжным, ласковым именем – Настасьюшка, и они заулыбались.

– Ну вот, значит, приехал я домой, – наконец заговорил Максим. – Настенька встретила меня и с радостью и с настороженностью. Как-никак не виделись мы с ней больше четырёх лет! Я чувствовал, что она пристально и придирчиво изучает меня: «Ну-ну, покажись, каков ты теперь?» Этот вопрос так и стоял в её глазах. И представь себе: я испытывал то же самое! Мы как бы заново сближались, отмечая про себя все перемены, происшедшие в нас.

Я уехал на войну, когда Настеньке шёл тридцать шестой год. Она жила тогда с поколением тридцатилетних. А теперь я встретил её сорокалетней. И возраст и трудная жизнь военного времени оставили на ней свой след.

Постарела ли? Нет. Я ждал, что она внешне больше изменится. А вот в характере появились новые свойства. То вдруг ходит весёлая, разговорчивая, дурачится с ребятишками, то замолчит, задумается, станет ко всему равнодушной. Ведь знаю я её, как себя.

Недавно проводил её в экспедицию в Улуюлье. Задалась она большой целью: открыть в Улуюлье курорт. Летел я сейчас и всё о ней думал: «Как она там? Какой вернётся? Увлечёт ли её эта работа дальше?» Счастлив я с ней, Андрюша. Долгая разлука, жизнь в тревоге друг за друга так нас опять соединили, что мне страшно становится от одной мысли: а вдруг это может когда-то исчезнуть, утратиться?..

Они снова замолчали, не спеша подняли рюмки, чокнулись.

– За ваше с Настенькой счастье, Максим, – сказал Зотов. – Ну, а детишки как? Олюшка теперь, наверное, большая, почти девушка? – продолжал спрашивать он.

– Время идёт, Андрюша. Выросли и ребятишки. Первые встречи у меня с ними были довольно сдержанные. Был я для них фигурой и желанной и загадочной. Приглядывались они ко мне. «Посмотрим, дескать что это такое – папа! Не вздумает ли он как-нибудь перетряхивать всю нашу

жизнь? Не занесёт ли руку на наши порядки?» Но все эти тревоги и опасения, конечно, быстро рассеялись.

Потом ребятишки принялись за моё боевое прошлое. Ордена, медали, орденские книжки, фотографии, листовки с приказами Верховного Главнокомандующего – всё это было подвергнуто самому тщательному просмотру. Иной раз казалось мне, что это спрашивают с меня отчёт не только дети мои, а и новое поколение людей, перед которым мы в ответе. И ты знаешь, Андрюша, в такие минуты моё чисто личное чувство умиления собственными детьми смешивалось с большим и гордым чувством за наше поколение. Какие только испытания не выпали нам на долю, и нигде и ни в чём не уронили мы своей чести.

Хорошо было бы отправиться с ребятишками в какое-нибудь маленькое путешествие. Тянутся они ко мне, и чувствую, что это влечение мне необходимо поддержать. Мечтаю повозить их по местам своего детства и юности. Но нынче вряд ли это удастся. Загадываю на будущий год...

Максим долго молчал. Взяв папироску, он осторожно разминал её в пальцах. Зотов терпеливо ждал, когда Максим продолжит свой рассказ. Лицо у Зотова было спокойным и серьёзным, и только одни глаза сверкали из-под очков. «Теперь ему надо о Марине рассказать. Ждёт, наверное. Может быть, не всё ещё перегорело в его душе», – подумал Максим.

Любовь Зотова к Марине ни для кого из окружающих не была секретом: Зотов полюбил Марину, когда та была ещё угловатым подростком. Когда же Марина поступила в институт, он сделал ей предложение, но она затягивала с ответом, а Зотов всё ждал, ждал... Переехав из Сибири в Москву, он не переставал звать её к себе.

Максим знал, что, вступая в брак с артисткой, Зотов не скрыл перед нею своего долголетнего чувства. Он честно сказал ей, что на земле живёт женщина, которую он любит так, как полюбить уже больше никого не сможет, но та женщина далеко-далеко, и самое главное – она не разделяет его чувства.

Правда, письма Марины были собраны и уничтожены, но её давняя фотография, на которой она была изображена худенькой девушкой в обнимку с собакой, так и осталась висеть в кабинете Зотова над его большим столом.

Максим взглянул сейчас на эту фотографию и опять невольно подумал: «Да, да, видно, ещё не совсем он забыл Марину!»

– Ну, кто там у меня дальше, Андрюша? Артём, Марина, сам я... пожалуй, расскажу кое-что о Марине, – раздумывая вслух, сказал Максим.

Он взглянул на Зотова, на его плотно сомкнутые губы, на глаза, устремлённые куда-то в синевшее предвечернее небо. Ничто не переменилось в лице Зотова при имени Марины. Он сидел как каменный. «Сколько лет прошло. Видно, время сделало своё!» – подумал Максим.

– Марина... – с напряжением в голосе начал Максим и вдруг, помолчав, весело засмеялся. – Вот теперь мы оба с ней уже в годах, а я часто воспринимаю её такой, какой она была в детстве: в длинном платьишке, с косичками, которые торчат, как овечьи хвосты, босая от снега до снега и всегда с мальчишками. Недавно был такой случай: она пришла к нам, начала что-то говорить о серьёзном. Я слушал-слушал её и расхохотался. Марина даже опешила, спрашивает: «Что тебя так

рассмешило?» А мне вдруг представилась она той, с косичками, и так это не вязалось с тем, что она говорила...

Сам знаешь, Андрюша, как любит она своё дело. Давно уже подготовила докторскую диссертацию, но защищать не спешит, выжидает, что-то её удерживает. Может быть, излишняя требовательность к себе. Недавно проводили её в экспедицию. Хорошо, что Настенька вместе с ней. Мариша не привыкла управлять людьми, да и экспедиция досталась ей нелёгкая...

Максим прервал свой рассказ и взглянул на Зотова. Тот сидел в той же позе, с окаменевшим лицом.

– Говори, пожалуйста, говори, – глухо сказал Зотов и, чтоб Максим не увидел его потемневших и увлажнившихся глаз, отвернулся.

Максим понял, что ошибся со своим поспешным выводом.

А в душе Зотова словно всколыхнулось что-то. Вспомнилась юность, студенческие годы в Сибири, как живая, вся в белом, с сияющими карими глазами предстала перед его мысленным взором Марина.

Марина... О ней можно было забыть на время, но вытеснить её образ из души навсегда Зотов не мог. Это чувство было подобно незаживающей ране: хочешь не хочешь, а она напоминает о себе. И пока к ней не прикасаешься, её можно терпеть, но стоит только чуть-чуть тронуть её, подымается такая боль, что хоть кричи на весь белый свет.

Максим на мгновение заколебался: «А надо ли беречь его душу? Не лучше ли скорее заговорить об Артёме?» Но Зотов почувствовал колебания Максима и нетерпеливо взглянул на него.

– Ну, что тебе ещё о ней рассказать? – продолжал Максим, подыскивая слова. – Личная жизнь, Андрюша, у Марины не клеится, – сказал наконец Максим, не найдя других, более гибких и менее определённых слов.

Зотов слушал Максима, стараясь быть спокойным, потом порывисто поднял рюмку.

– Давай выпьем за Марину. Чтоб переборола её душа подлость и чтобы не согнулась она от всех невзгод. – Зотов поднял глаза и посмотрел на фотографию Марины, словно хотел, чтоб она сама услышала его.

– Давай выпьем, Андрюша, с верой в её звезду, – поддержал Максим.

Они дружно выпили.

– Ну, про Артёма много говорить нечего, – возобновил свой рассказ Максим. – У него всё без особенных перемен. Седьмой год секретарствует в Притаёжном. Был я недавно у него в гостях. Постарел Артём и, кажется, засиделся на одном месте. Хорошо, что Марина с Настенькой поживут у него в районе.

– Да уж Настасьюшка расшевелит хоть кого!.. Помнишь, как она заставила нас танцам учиться? Я-то какой тогда увалень был, а поди ж ты, обучила наперекор всему, – засмеялся Зотов, повеселевшими глазами посматривая на Максима. – Ну, а ты, Максим, как? Вошёл в курс мирных дел? – снова переходя на серьёзный тон, спросил Зотов.

Максим откинулся на спинку стула, приподнял голову в задумчивости. Зотов задал ему трудный вопрос, над которым он и сам много размышлял за последнее время.

– Ну, как тебе сказать, Андрюша? Если считать вхождением в курс дела знание того, что и где делается в области, то, пожалуй, я уже на высоте. Но не в этом суть...

– Руководитель должен знать положение вещей. Это первое и элементарное требование, – заметил Зотов.

– Согласен. Но чтобы руководить правильно, руководитель обязан выработать общий взгляд на обстановку. Это определит его принципиальную линию в работе, вооружит перспективой.

– Ты прав.

– Я ещё не выработал этого общего взгляда.

– Но ведь это и не такая простая штука. Умозрительно общего взгляда не разработаешь. Он, вероятно, должен сложиться в ходе жизни.

– Конечно же, Андрюша, ты прав. Качества, о которых я говорю, складываются в борьбе.

– А ты ещё слишком мало времени работаешь в обкоме, Максим.

– Это верно, Андрюша. Пока я изучал лишь тенденции, которые таит в себе жизнь, и мало, очень мало сделал, чтобы воздействовать на развитие их в нужном направлении.

– Я вижу, что ты недоволен собой.

– Я рад, Андрюша, что судьба вновь сводит нас.

Максим долго и обстоятельно говорил о поездке в тайгу, о дискуссии в научно-исследовательском институте, о людях, которых он встретил на просторах Улукюля.

Было уже половина двенадцатого ночи, когда Максим предложил выйти из дому и прогуляться.

– Давно, Андрюша, я не бродил по московским ночным улицам, кажется, с тех пор, как закончил Институт красной профессуры. Бывало, читаешься «Феноменологии духа» Гегеля или «Критики чистого разума» Канта до ломоты в висках, выйдешь на улицу и ходишь, пока усталость из головы не переместится в ноги.

– Пойдём, Максим, вспомним старинку! И я ведь таким же способом Смита и Рикардо переваривал, – вставая из-за стола, сказал Зотов.

Они шли не спеша. После томительного, жаркого дня приятно было ощущать прохладный ветерок, освежавший тело. Улицы ещё не спали, но прохожих становилось меньше. Попадались кварталы совершенно пустынные, с тёмными окнами в домах, с тусклыми ночниками над таблицами с номерами и названиями улиц и переулков.

На Манежной площади Зотов и Максим попали в людской поток, катившийся с говором и гамом от подъездов Большого и Малого театров, где только что закончились вечерние спектакли. Но живая эта волна была подобна быстротечному, горному потоку после короткого ливня – прошумела и стихла.

Зотов и Максим вышли на прогулку с намерением «вспомнить старинку», но не прошлое, а будущее владело сейчас их чувствами и мыслями. Максим расспрашивал Зотова, как человека более осведомлённого, о том, что делается в центральных органах.

– В Госплане у нас сейчас горячие дни и ночи, – рассказывал Зотов. – И Центральный Комитет и правительство не дают нам никаких отсрочек и промедлений. Давно ли мы начали мирную жизнь? А посмотри, какие горизонты открываются перед нашей страной! Восстановление разрушенного войной народного хозяйства – это первая ступень. Как только мы на неё встанем, мы так двинем производительные силы, что это даже трудно себе представить.

– Мне часто, Андрюша, вспоминаются слова Ильича: «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, – чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

– Действительно могучую и обильную Русь, – вслед за Максимом, так же как и он, растягивая слова, повторил Зотов.

Они миновали Исторический музей и вышли на Красную площадь.

От прожекторов по площади из конца в конец разливался неяркий, ровный электрический свет. При этом мягком свете Максим утратил ощущение расстояния. Ему показалось, что Ленинский мавзолей, собор Василия Блаженного с памятником Минину и Пожарскому, белокаменные кремлёвские дворцы и башни с зубчатой стеной и резными игольчатыми елями – всё это монумент, высеченный одними руками из одного материала. «Что же, это так и есть, – подумал о своём чувстве Максим. – Этот монумент возводился веками. Его материал – жизнь, его мастер – народ».

Максим был настроен приподнято. Вся их с Зотовым беседа рождала чувства, которые захватывали его всё больше и больше, вытесняли прочь усталость от длительного полёта и разливали ощущение бодрости и нерастроченной силы.

Максим хотел сказать Зотову о своих мыслях, но тот опередил его:

– Представь себе, Максим, тысячи раз я проходил по Красной площади и всегда, ступив на эти камни, чувствовал волнение. Здесь как-то по-особенному ощущаешь, что ты не просто ты, а часть величайшего государства, винтик сложного механизма, соединившего прошлое с грядущим.

– Это правда, Андрюша, истинная правда!..

Они замолчали и всё так же не спеша, погружённые каждый в свои чувства, прошли по Красной площади.

Перед ними лежал широкий залитый светом Москворецкий мост. Он был пустынным и от этого казался ещё более обширным. По осевой линии моста, разделявшей его на две половины, по которым в обычные часы оживления шумели встречные потоки людей и машин, медленно и торжественно шагал милиционер.

Зотов и Максим дошли до того места, где мост нависал над тёмной, тихо плескавшейся рекой, и остановились, чтобы закурить и насладиться видом переливающихся огней, ласковым небом, тишиной, охватившей великий город.

Максим достал портсигар, и они не торопясь закурили, поглядывая то под мост, в темень, то ввысь, в бескрайнюю ширь зарева, стоявшего над Москвой.

– Ну и что же, Андрюша, выпадает на матушку-Сибирь по тем проектам, над которыми в Госплане ломают головы? – попыхивая дымком, спросил Максим, возвращаясь к прерванному разговору.

Зотов отбросил за высокий парапет моста не потухшую ещё спичку и тоном, по которому чувствовалось, что он рад вернуться к этому разговору, произнёс:

– То, что было сделано в Сибири, в сущности, только начало. Её возможности неисчислимы. Тебе ли говорить об этом! Думаю, что развитие края пойдёт по двум направлениям: будут совершенствоваться и расширяться существующие производственные районы, а вместе с этим возникнут новые мощные экономические очаги.

Милиционер давно уже заметил, что два гражданина остановились на мосту, стоят себе покуривают, бросают непотухшие спички в реку, где может оказаться в этот момент либо речной трамвай с людьми, либо (что ещё хуже!) судно с легковоспламеняющимся грузом. Поразмыслив немного о своём долге, милиционер свернул с дорожки и пошёл к Зотову и Максиму. «Граждане, стоять так долго на мосту не рекомендуется!» – хотел сказать он, но, не вымолвив ни слова, круто повернул и, стараясь ступать как можно осторожнее, удалился. «Пусть себе граждане беседуют на речной прохладе», – подумал милиционер, увидев, с каким увлечением разговаривали в глухой ночной час два товарища.

Лето стояло над просторами Сибири знойное и грозное. Солнце поднималось по утрам над землёй раскалённое, жёлто-оранжевое и начинало гореть нестерпимым, нещадным жаром. К исходу дня становилось так душно, что люди хватались за сердце и, ошалевшие от зноя, лезли в озёра и реки или забивались в прохладные, с заросшими паутиной углами чуланы и сараи. Если бы не грозы, давно бы засохла трава, опали листья с деревьев и земля лежала бы пепельная, вся в трещинах и морщинах.

Грозы проносились через каждые три-четыре дня. Они были короткие, стремительные и дождевые. Небо полыхало зелёными огнями молний. Земля содрогалась от оглушительных раскатов грома. Упругие дождевые струи сгибали ветки кустов до самой земли.

От обилия солнца и влаги на полях Высокоярской области созревал на редкость богатый урожай.

В один из таких знойных дней Артём Строгов ехал из Притаёжного в Высокоярск на пленум обкома партии. Накануне вечером прошёл сильный дождь. По дороге в ложбинах разлились лужи. Лес, тянувшийся вдоль тракта, стоял чистый, свежий, щедро омытый водой. Уже припекало, но воздух оставался пока влажным и дышалось легко.

Придерживая рукой портфель, в котором хранился отчётный доклад Притаёжного райкома партии пленуму обкома, Артём думал: «Хороший, отличный урожай подымается нынче. При таких видах на сбор хлеба и льна можно смелее говорить о наших делах на пленуме... Да, как ни силен человек, а всё-таки ещё далеко не во всём владыка он над природой. Вот стоит погода как по заказу – будет и урожай, будет и весомый трудовень, будет у людей и веселье в домах... Осень бы выдалась сухой и долгой...»

С содроганием в душе Артём вспомнил осень позапрошлого года. Она была ранней, мокрой, холодной. С пятнадцатого сентября над Притаёжным районом зарядили дожди, уборка урожая и хлебозаготовки затормозились. Артёма вызвали тогда на бюро обкома, и ему пришлось пережить тяжёлые минуты. Его упрекали в бездеятельности и самоуспокоенности. На следующий день в передовой статье областной газеты его назвали «носителем мокрых настроений».

Конечно, в обкоме понимали, что погоду в Притаёжном районе невозможно улучшить постановлением. Речь велась о другом: необходимо в сельском хозяйстве так организовать дело, чтобы с успехом вести уборку и хлебопоставки в любых условиях. Понимал это и сам Артём. Он поднял тогда в районе на ноги всех от мала до велика. Урожай был спасён, но какой дорогой ценой досталась людям эта победа!.. Нет, не хотел Артём, чтобы всё пережитое тогда повторилось снова. «Нынче осень должна быть затяжной, – размышлял Артём, – весна была поздней, лето

стоит хотя и знойное, но с дождями. А среднегодовая всегда своё возьмёт... На худой конец, и ненастье теперь не принесёт такого урона: поокрепли колхозы, больше стало в них людей, прибавилось в деревне машин. Одним словом, мир, мирное время...»

Когда границы Притаёжного района остались позади и начались поля соседнего Батуринского района, Артём попросил шофёра остановить старую, облупившуюся «эмку». Шофёр не понял, зачем это потребовалось секретарю райкома, по просьбу исполнил. Только когда Артём вылез из машины и направился к посевам льна, шофёр догадался: «Лён пошёл смотреть».

С полчаса Артём ходил возле посевов льна, присматривался к зелёному массиву, занимавшему площадь никак не меньше трёх гектаров, потом встал на колени и, вырвав несколько стеблей льна вместе с корнями и землёй, долго и тщательно разминал их пальцами.

– Ну, как у них, Артём Матвеевич? – спросил шофёр, когда секретарь райкома с довольной улыбкой сел с ним рядом.

– Я тебе скажу: лён неплохой, а всё-таки у нас лучше. Про деговский лён я уже не говорю, до нашего старика батуринским, как до неба... Они, батуринские, хвастаться любят! Нынче весной такой звон в областной печати подняли насчёт увеличения площадей – удержу нет! А увеличили посевной клин на одну тысячу пятьсот гектаров всего лишь... Ну, давай трогай!

Проехали они не больше пяти километров. Когда за поворотом дороги открылась долина, засеянная хлебами, Артём сказал:

– Придержи-ка, Константин, возле пшеницы.

На этот раз Артём вернулся быстрее, и вид у него был нахохлившийся и хмурый.

– По зерновым обойдут нас батуринские, – горячо заговорил он, подавая шофёру пучок пшеничных стеблей. – Ты смотри, какой хлеб!.. Если налив добрый будет, минимально по двадцать центнеров с гектара снимут...

«Везёт этому хохлу Бондаренко, – думал Артём о секретаре Батуринского райкома. – Второй год как приехал в район, и второй год урожайный. А до него Котельников пять лет сидел, здоровье в этом районе подорвал, язву желудка нажил и ушёл бесславно. Бондаренко, гляди, орден дадут, а ведь и Котельников вложил здесь труда немало. Кто председателей колхозов и бригадиров растил? Кто севообороты внедрял? Кто из-за машин со всем областным начальством перессорился? Кто ночей недосыпал, колеся по колхозам? Котельников! А теперь сунули Котельникова в обллегпром на третьестепенную работу, и сидит он, бумажки со стола на стол передвигает...»

– Эх ты доля наша секретарская! – тяжело вздохнув, сказал Артём.

Шофёр Константин, рябоватый пожилой мужчина, из тех сельских коммунистов, которые пришли в партию в разгар коллективизации, вопросительно взглянул на секретаря райкома, стараясь угадать его думы. Но Артём крепко сжал губы и долго сидел в глубоком молчании.

– А что, Константин Петрович, нет у тебя желания вспомнить что-нибудь про нашу улукульскую старину? – спросил Артём, когда молчать ему надоело.

По тону голоса шофёр понял, что секретарь райкома не спрашивает, а скорее просит.

Константин до коллективизации батрачил по сёлам Улуюльского края. Он знал много таких подробностей из бытового уклада крестьян, о которых Артём и не подозревал. Как человек, знающий свой предмет досконально, Константин любил рассказывать об этом со многими подробностями и нередко сопровождал свои рассказы песенками – он помнил их без числа. Конечно, временами Константин повторялся, но слушать его Артёму не надоедало. При обширных расстояниях, которыми был известен Притаёжный район, это качество шофёра было незаменимым, когда приходилось коротать время в длинных дорогах.

– Ты знаешь, Артём Матвеич, – оживляясь, сказал Константин, – жил я как-то у одного мужика в старосибирском селе Спасове. Интересный обычай подметил я там. Назывался он так: «Разводить тоску». Высватает парень невесту, а потом начинает «разводить тоску» чуть не до самой свадьбы. Вечером, а то и ночью вдруг слышишь: поют парни под окнами дома невесты. Богатые женихи даже нанимали певцов. Особо ценили с жалобными голосами. Я сам за полтинник с одним богатеньким женишком целую неделю «разводил тоску». Придём, бывало, на берег речки, встанем напротив дома невесты и запоём:

Ой ты, Маша, Маша моя дорогая, Подари мне, Маша, Свет очей своих ненаглядных... Константин пропел эти слова тоскливым тоном. Артём, дослушав его до конца, сказал:

– Сердцещипательно получается.

– В том и ценность! – воскликнул Константин, польщённый оценкой секретаря райкома. – И ты знаешь, Артём Матвеич, по-моему, не все обычаи на свалку надо выбрасывать. Я хоть не скажу, что этот, например, обычай самый хороший из всех, а всё-таки разумного в нём много.

– Что ж в нём разумного, на твой взгляд? – с усмешкой спросил Артём.

– А то, Артём Матвеич, что жених душой живёт, он не ходит по улицам шалопаем, не пьянствует, а страдает сердцем. Я хоть не поборник старого, но и теперешний порядок не по душе мне. Сходят жених с невестой в сельсовет, распишутся, только и всего. А ведь человек женится раз в жизни... В таком деле святость должна быть. Как, Артём Матвеич, прав я или нет?

– А почему не прав? Прав, конечно! Только, милейший Константин Петрович, не так просто разумные обычаи внедрить. Обычаи складывались веками...

Они проговорили об этом почти до самого города.

2

Бывая прежде в Высокоярске, Артём останавливался либо в гостинице, либо в общежитии обкома. Марина всякий раз зазывала брата к себе, но жила она далеко от центра, и Артём, обременённый хлопотами и разговорами в областных организациях, ценил каждую минуту пребывания в городе и редко пользовался гостеприимством сестры. Теперь ни в гостинице, ни в общежитии надобности не было: в Высокоярске неподалёку от обкома жил Максим.

Артём любил бывать с Максимом. Сотни самых различных тем и вопросов находились у него для бесед с братом. Но сейчас его влекло к Максиму прежде всего одно практическое соображение: Артёму хотелось, чтобы Максим прочитал его доклад.

Поздно вечером братья сидели за столом, пили чай. В квартире было тихо и пусто. Братья были одни. После отъезда в экспедицию Анастасии Фёдоровны дети жили в лагере.

– Доклад у тебя, Артём, обстоятельный получился, – сказал Максим, посматривая то на брата, то на коричневую папку, лежавшую на столе. В неё были вложены семьдесят страниц напечатанного на машинке отчётного доклада райкома.

– С большой ответственностью подошли мы к этому делу. – Артём был доволен, что Максим одобрительно отнёсся к его докладу, и весь преобразился, стал веселее, разговорчивее. – Готовили мы доклад коллективно, много раз перерабатывали, а потом обсуждали на расширенном пленуме райкома, – продолжал рассказывать Артём. – Когда стало известно, что пленум обкома будет слушать наш отчёт, я собрал районный актив и говорю: «Вот, братцы, что: редко, очень редко анализируем мы свою работу. Теперь возник для этого прямой повод. Давайте посмотрим, что мы тут, в Улуюлье, наработали, не задаром ли хлеб едим у государства?» Ну, сам видел, какие цифры привожу я в докладе...

– Цифровой материал у тебя показательный, – заметил Максим, но Артём перебил его:

– По урожайности льна все годы идём первыми в области. По зерновым мы уступаем только Батуринскому району. В фонд восстановления разрушенных фашистскими оккупантами областей мы дали и зерна, и скота, и пушнины в два раза больше, чем соседние районы...

– Это всё правильно, – опять повторил Максим, но Артём, не слушая его, продолжал:

– Возьми опять же рост партийных рядов: за счёт кого мы росли? Лучшие люди колхозов и фронтовики, пришедшие из огня боёв, – вот кто шёл у нас в партию... Ты знаешь, Максим, когда живёшь в районе и безостановочно кипишь в котле, никак не удаётся подняться над текучкой и подумать: «А каковы результаты твоих усилий? Не впустую ли ты тратишь время и энергию?» И вот когда удаётся это сделать, отрадно знать, что, как ни трудно нам, всё-таки идём мы вперёд...

– Это всё правильно, – опять повторил Максим, намереваясь добавить что-то ещё, но Артём снова перебил его:

– Конечно, недостатков у нас много. Я прямо говорю о них в докладе. Ты читал это место?

– Я всё прочитал от первой строки до последней. Самокритики у тебя достаточно, но не об этом, Артём, я хочу сказать...

Артём поднял голову, насторожился. В глазах его появилось беспокойство: «Что же я мог упустить?»

Максим заметил тревогу брата, поспешно сказал:

– Доклад у тебя всесторонний, всё в нём охвачено, обо всём упомянуто: и сельское хозяйство, и промыслы, и народное образование, и культурно-просветительная работа, и партийное просвещение. Всё это есть. А вот чего нет: необходимой глубины анализа.

– Теперь поздно углублять, – понуро, с усмешкой заметил Артём.

– Конечно, поздно. Но мне просто захотелось поделиться с тобой своими мыслями. – Максим взглянул на брата в упор, опустил глаза, подумал: «Неужели он может обидеться?»

– Ты говори, говори, Максюша, мне это наука.

Артём посмотрел в глаза Максиму, и тот понял, что старший брат хочет быть искренним в разговоре, но что-то мешает ему. «Привык к району, сжился с ним. Всё, что б ни говорилось о районе, воспринимает как разговор о своих личных свойствах», – отметил про себя Максим.

– Видишь ли, в чём дело, – сказал он спокойно, – своим докладом ты должен чему-то научить пленум обкома, а у тебя итоги подведены, а выводов нет. Вот ты приводишь интересные цифры по урожайности льна. Какие же отсюда выводы вытекают? Может быть, в связи с тем, что лён так круто подымает состояние колхозов, надо решительно пересмотреть планирование посевного клина? И не только по Притаёжному району, а в целом по области или, на крайний случай, по группе северных районов? Дальше: ты приводишь показательные данные роста денежных доходов колхозов от охотничьего и рыболовного промысла. Ну, а выводы какие? Ведь ты учи, что Притаёжный район во многом характерен для всей Высокоярской области. А Высокоярская область не одинока в стране. В ней много общего с другими областями и Сибири, и Дальнего Востока, и Урала, и Европейского Севера. А это значит, что ты своим докладом должен обогатить и обком партии и Центральный Комитет. Короче говоря, на примере одного района ты имеешь возможность поставить общие вопросы политики партии...

– Ну, Максим, ты истинно философ! – засмеялся Артём. – Если обо всём этом говорить – четырёх часов будет мало. А мне Ефремов сразу сказал: «Имей в виду: больше одного часа и тридцати минут на доклад не дадим!»

– Нет, ты выслушай меня до конца. – Максим приподнял руку, как бы прося брата повременить со своими возражениями.

– Давай, давай говори, – торопливо произнёс Артём, втягивая голову в плечи и принимая покорную и жалкую позу.

– Доклад твой сильно перегружен фактами и примерами. В нём ты называешь десятки лучших людей района. Это необходимо, и всё-таки о людях у тебя говорится мало. Они даны у тебя только в одной плоскости, как производители материальных ценностей. А почему же ты умалчиваешь о другой, не менее важной стороне жизни людей: об их духовном облике, об их думах, чувствах, мечтах? Конечно, цифра высокой производительности труда характеризует в какой-то степени людей, но, по-моему, не настолько, чтобы сказать о них больше было нечего. По моим представлениям, дело складывается как раз наоборот: если у человека в нашем обществе высокая производительность труда, то и внутренний духовный облик его наиболее содержательный и сложный. Вспомни хотя бы Дегова. Его трудолюбие и новаторство проистекают не от духовной нищеты, а, наоборот, от богатства его интересов и запросов. Но даже и о Дегове ты говоришь только при помощи процентов. А он, между прочим, имеет свои взгляды на многие крупные вопросы нашей современности. Я вспомнил твой рассказ о его рассуждениях по поводу больших семей при коммунизме. Почему ты считаешь, что это неинтересно пленуму обкома? Ведь это вопрос глубоко теоретический, и то, что он занимает всерьёз простого человека, немаловажная черта нашего времени.

Умалчиваешь ты в докладе и о прямой инициативе простых людей, направленной на развитие района. Я припоминаю лесообъездчика Чернышёва. Помнишь его предложения об

использовании лесов? Мне кажется, что таким фактам нельзя не придавать значения. Не знаю, как ты думаешь, а я вижу в этом народные помыслы, чаяния людей, к которым надо чутко прислушиваться.

Максим отодвинул стакан с недопитым чаем, поднялся со стула. Ему хотелось походить: так лучше, свободнее думалось.

– Видишь ли, какое дело, Артём, – продолжал Максим, то отступая от стола, то вновь приближаясь к нему. – Я не настолько наивен, чтобы предполагать, что каждое предложение, или высказывание, или дума колхозника, рабочего, интеллигента содержит в себе готовое решение сложных вопросов развития нашей жизни. Не так всё просто на деле. Но вместе с этим я совершенно твёрдо убеждён: в сумме эти высказывания людей часто выражают обобщение народного опыта и народной интуиции. Познание этого нелегко даётся. И, заметь, народный опыт и народную интуицию ничто не заменит: ни книга, ни наука, хотя они сами отчасти выразители этого. Я говорю о народном духе. Партия многому учит народ, но она прежде всего и учится у него. Мне жаль, что ты в своём докладе как-то совсем обошёл вот эту сторону жизни. Если б коснулось меня, я бы постарался выдвинуть это на первый план.

– Ну и надавали бы тебе за это! – воскликнул Артём и тоже встал.

Теперь братья стояли: Артём в позе разгорячённого спорщика, Максим в позе заинтересованного слушателя.

– Был у меня однажды на совещании секретарей райкомов такой случай, – заговорил Артём, волнуясь и даже краснея от этого волнения. – Докладывали секретари райкомов о ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. Выступил с сообщением и я. За неделю до этого совещания объездил я весь район, побывал на многих собраниях, беседовал и с мужчинами и с женщинами, с молодыми и старыми. Много скопилось у меня живых, интересных наблюдений. И вот на этом совещании начал я рассказывать о своих впечатлениях. Вдруг Ефремов прерывает меня и говорит: «Ты что же, Строгов, побасенками думаешь отделаться? Ты нам о главном скажи: как ход подготовки к выборам в Верховный Совет содействует проведению зимовки скота в колхозах?» Давай я на ходу перестраивать речь. Вижу, Ефремов злится, а он первый секретарь обкома и, скажу тебе, много значит в нашей жизни. Поживёшь – сам увидишь.

Артём грустно засмеялся и, усаживаясь на прежнее место, с дружелюбной ноткой заключил:

– Нет, братец мой, философские поиски и обобщения – это удел работников областного масштаба, а с нашего брата, районщика, требуют только конкретное. Мы, секретари райкомов, и сами к этому привыкли. Иной раз и хочется на том же пленуме обкома поразговаривать на общие темы, потренировать мозг: ведь живёшь, наблюдаешь, думаешь – а не приходится... У нас особенно председатель облисполкома большой любитель конкретного. «Не прикрывайтесь общими фразами: говорите конкретно, каков удоёй на одну фуражную корову? Какова выработка на один условный трактор в переводе на мягкую пахоту?»

Артём артистически изобразил начальственный, с хрипотцой голос председателя облисполкома Соломина, хорошо знакомый Максиму по речам на заседаниях и разговорам по телефону.

– Ай, здорово ты его копируешь! – весело засмеялся Максим, вытирая платком вспотевшее лицо.

Артём смотрел на брата с усмешкой и думал о нём: «Погоди, поработаешь вот с годок и сам начнёшь с районов процентики требовать!»

– Я тебе скажу вот что, Максим, – после долгого молчания сказал Артём, расстёгивая свой полувоенный китель. – Конечно, наш Соломин временами грубоват, а всё-таки он прав. Цифра, она лучший показатель положения вещей. Многое в ней, братец мой, сокрыто. Я вот недавно перечитывал некоторые статьи Ильича, посвящённые экономике дореволюционного крестьянского хозяйства. Любил же он опираться на цифры.

– Да я не против цифр! Более того, я решительно за них! – воскликнул Максим.

Он подошёл к своему стулу, опустился на него и, вытянув руки чуть не через весь стол, принялся убеждать Артёма:

– Ты вот говоришь, что Ильич любил цифры, это верно. Но Ленин не просто приводил цифры, он показывал, что скрыто за ними. Опираясь на отдельные примеры положения крестьян той или иной губернии, он умел делать выводы о важнейших явлениях в политической и экономической жизни огромного государства. А у тебя иначе. Ты приводишь цифру только с одной целью: выполнили, не выполнили. А чтобы докопаться до истины, надо показать то самое, о чём ты сейчас сказал: что же скрыто за каждой цифрой? Думаю, при этом ты ни за что не обойдёшься без глубокого анализа настроений людей, их интересов и побуждений. Этого-то как раз и не хватает твоему докладу...

– Я рассчитываю, что мой доклад пополнит бригада обкома, – снова помрачнев, сказал Артём, наклоня свою сидящую голову над блюдцем с густым парящимся чаем.

– Бригада, конечно, выступит, но мне хотелось, чтобы ты сам кое-что поправил в докладе.

– Посмотрю ночью, посмотрю, – торопливо произнёс Артём.

Максим понял, что брат устал от этого разговора, и поспешил закончить его.

– Да, я совершенно забыл отдать тебе подарок из Москвы. – Максим встал и вышел в соседнюю комнату.

Артём отодвинул блюдце, выпрямился, с любопытством и напряжением ждал возвращения Максима. Брат вернулся с коробкой в руках.

– Видел, что я тебе привёз? – засмеялся Максим и, шутливо покрутив рукой над коробкой, снял с неё крышку.

В коробке на белой вате лежал набор блёсен. Блёсны были сделаны из жёлтой и красной меди и из латуни. Новенькие, не успевшие ещё потускнеть от времени, они блестели и переливались, как драгоценности.

Артём с детства увлекался охотой, но с возрастом, когда стали от долгой ходьбы побаливать ноги, он отдался рыбалке. Дни и ночи напролёт мог сидеть Артём с удочками где-нибудь под черёмуховым кустом, на крутом, заросшем бурьяном берегу тихого омута.

– Ну и уважил! Вот это да! Ну, спасибо тебе, Максюша! – Артём принял коробку от Максима, бережно поставил её на стол, продолжая смотреть на блёсны восхищёнными глазами.

Пленум обкома проходил в уютном зале Дворца пионеров. Было что-то глубоко символическое в том, что большой государственный разговор об урожае хлеба и льна, о лесозаготовках, о пушнине и рыбе, о строительстве новых клубов и школ, о внедрении типовых скотных дворов на фермах, об электрификации деревень и рабочих посёлков ведётся в этом зале, стены которого расписаны картинами из жизни советских детей. Вот ребяташки собрались на зелёной поляне и запускают в безбрежное голубое небо крылатые планеры; вот они, подтянутые, строгие, с задумчивыми лицами смотрят на учителя, который, стоя у доски, объясняет сложную алгебраическую формулу, вот на жёлтых дорожках обширного стадиона они выстроились, чтобы по первому взмаху флажка рвануться навстречу упругому ветру; вот они сгрудилась на золотом пшеничном поле и увлечённо рассматривают чудо-машину, которая сама жнёт, молотит, сеет и зерно в мешки ссыпает...

Участники пленума не раз бывали в этом зале, но многие из них, снова и снова посматривая на роспись стен, думали: «Ради вас, дети, живём, боремся, преодолеваем трудности. Ради вас и вашего счастья».

На повестке дня пленума стояло два вопроса: утверждение статистического отчёта областной партийной организации за первое полугодие и отчёт Притаёжного райкома партии.

Первый вопрос был рассмотрен в течение часа. Секретарь обкома Грумов, низкорослый круглоголовый человек в больших очках, доложил пленуму цифры, характеризующие состав областной партийной организации. Члены обкома сделали короткие замечания, и отчёт был единогласно утверждён.

Потом на трибуну поднялся Артём. Он сильно волновался и начал свой доклад вяло, неотрывно глядя в папку с бумагами.

«Что это он волнуется, как новичок?» – с неудовольствием подумал Максим о брате. Но через несколько минут Артём преодолел волнение. Голос его зазвучал спокойно и громко, и казалось, что он не читает, а говорит свободно, не заглядывая в заранее написанный отчёт.

«Ишь как разошёлся! Старый боевой конь!» – усмехнулся про себя Максим.

Слушая доклад брата, Максим понял, что их вчерашний разговор не пропал даром. Артём внёс в доклад некоторые весьма удачные дополнения. Одобрительное оживление в зале вызвал рассказ Артёма о льноводке Дегове, о его большой семье, о рассуждениях старика относительно коммунистического общества. Очень едко высмеял Артём отдельных руководителей областных учреждений и организаций, которые не знают особенностей Притаёжного района, никогда не бывали в Улуюльском крае. Особенно досталось управляющему областной конторой, ведающей сбором металлического лома. Артём зачитал телеграмму, которую прислал на его имя

управляющий этой конторой, призывавший Притаёжный райком возглавить кампанию по обследованию несуществующих в районе станционных посёлков на железной дороге, «захламленных отбросами металла, без которого металлургические заводы страны испытывают крайне большие трудности».

Когда Артём читал эту телеграмму, в зале стоял громкий хохот. Управляющий конторой сидел красный и потный и готов был провалиться сквозь землю.

Как только объявили перерыв, Артём бросился к Максиму.

– Ну как, Максюша, получилось? Не наплёл я случайно лаптей? – заглядывая Максиму в глаза, возбуждённо допытывался он.

– По-моему, неплохо получилось. Слушал тебя народ с интересом.

– Ну пойдём выпьем минеральной водички. Горло высохло.

Артём подхватил брата под руку, и они направились в буфет.

Затем начались прения по докладу Артёма. Первым выступил заместитель председателя облисполкома Васильев, говоривший от имени комиссии обкома по Притаёжному району. Оратор напал на Притаёжный райком за допущенные просчёты в руководстве жизнью района. С гневом он говорил о случаях падежа скота в колхозах. Притаёжный райком и райисполком, по его мнению, «проявляют примиренчество к фактам антигосударственного отношения к сохранности поголовья». Васильев привёл несколько фамилий председателей колхозов, в которых особенно неблагополучно «на фронте социалистического животноводства». Потом Васильев отодвинул в сторону бумаги, сошёл с трибуны и, придавая голосу обличительный тон, сказал:

– В Притаёжном до того распоясались, что губят скот, так сказать, походя. Вот учитель Краюхин поехал – кстати, в рабочее время – на прогулку в тайгу и застрелил школьную лошадь... И что вы думаете? До сих пор этот разгильдяй живёт в своё удовольствие, где-то, говорят, охотится в тайге, а короче, браконьерствует в летнее время под крылышком районного руководства.

– Краюхин понёс наказание, товарищ Васильев, ты же знаешь, – перебил Артём, сидевший по праву докладчика за столом президиума.

– За такие факты под суд надо отдавать, товарищ Строгов, а вы исключили человека из партии и сами испугались: не круто ли взяли? – ответил Васильев под смехок в зале.

«Неудачными примерами оперируешь, товарищ Васильев!» – захотелось вставить Максиму, но он вовремя спохватился: участники пленума могли истолковать его вмешательство как попытку взять брата под защиту.

После Васильева на трибуну поднялся директор научно-исследовательского института Водомеров. Он признал справедливым упрек секретаря Притаёжного райкома в адрес возглавляемого им института. Да, действительно, учёные области ещё мало помогают развитию Притаёжного района, но дело это уже исправляется. В Улуюлье приступила к работе большая комплексная экспедиция, в состав которой включены лучшие научные силы области, цвет института. Можно не сомневаться, что в ближайшее время учёные скажут своё слово. Притаёжному району будут даны серьёзные, научно обоснованные рекомендации в области

сельского хозяйства, лесозаготовительной и лесохимической промышленности, в области организации промыслового хозяйства.

Максим ожидал, что обсуждение отчёта Притаёжного райкома вызовет на пленуме горячие споры. Но этого не случилось. Выступали главным образом руководители областных ведомств и в своих речах держались того круга вопросов, который был им всего ближе. Заведующий областным дорожным отделом говорил о дорожном строительстве в Притаёжном районе, заведующий облоно – о работе школ, заведующий облздравотделом – о состоянии больниц и медпунктов, управляющий трестом «Высокоярслес» критиковал райком за упущения в руководстве леспромхозом «Горный». Секретари других райкомов отмалчивались.

Максим с минуты на минуту ждал, что вот подыметесь первый секретарь обкома Ефремов и поправит ход прений, но тот продолжал хранить молчание, по-видимому считая, что пленум идёт в нужном тоне.

«Чёрт его знает, может быть, я что-то недоучитываю? Возможно, так и надо и всё моё недовольство от какой-то излишней возбудимости?» – размышлял про себя Максим.

Выступить на пленуме он не собирался, но вялые, малосодержательные речи изменили его намерения.

Когда председатель заседания второй секретарь обкома Грумов предоставил слово Максиму, по залу прокатился шепоток. Нелёгкое положение у Строгова-младшего! Хвалить работу Притаёжного райкома неудобно, ну, а критиковать тоже нелегко: как-никак секретарь райкома не чужой человек – родной брат!

Озабоченно посматривали на Максима и секретари обкома. Ефремов, перебиравший какие-то сводки, положил их в папку и повернулся всей своей крупной, тяжёлой фигурой к трибуне.

– Я не собираюсь, товарищи, говорить долго, но в то же время чувствую, что не могу не сказать то, о чём думаю. – Максим проговорил это просто, словно он был не на трибуне, а сидел среди товарищей, с которыми решил поделиться самыми сокровенными своими думами.

В зале сразу стало тихо, и Максим почувствовал на себе пристальные, заинтересованные взгляды.

– Мне кажется, мы не выполним своей задачи, если обсуждение отчёта Притаёжного райкома сведём только к критике недостатков его текущей работы. Это одна сторона дела, и далеко не главная. Самым основным вопросом мне представляется вопрос перспективного развития Притаёжного района как наиболее населённого в Улуюльском крае. Вот об этом мало и глухо было сказано в докладе райкома и совершенно ничего не говорилось в выступлениях.

И Максим заговорил дальше о том, что его всего больше волновало в последнее время. Притаёжный район, как и вся Высокоярская область, малопроизводителен. Теперь, когда победоносно завершена война и перед страной встали новые, мирные задачи, с этим нельзя мириться. Притаёжный район должен давать зерна, льна и конопли, пушнины, леса в два-три раза больше. Высокоярская область, и в особенности её северная часть – Улуюльский край, располагает неисчерпаемыми ресурсами и возможностями. Эти резервы необходимо привести в действие.

Хозяйство Высокоярской области пока что крайне ограничено как по объёму выдаваемой продукции, так и по видам: лес, зерно, технические культуры, промыслы. Так дальше продолжаться не может. В самое ближайшее время необходимо превратить Высокоярскую

область в область многоотраслевую, промышленную. Поэтому вопросы природных ресурсов района, в особенности вопросы энергетики и топлива, должны стать в порядок дня всех партийных организаций.

Максим свернул свои записки, положил их в карман пиджака и, помолчав несколько секунд, сказал:

– В заключение одно замечание по выступлению товарища Васильева. Я ознакомился с делом учителя Краюхина. Считаю, что судить его не за что. Мне кажется, что Притаёжный райком сам должен пересмотреть вопрос о Краюхине в связи с началом работы в Улуюлье комплексной экспедиции.

– С тебя, Максим Матвеевич, не спрашивают за село, а я два раза предупреждение за падёж скота от бюро обкома имею! – обиженно сказал Васильев, когда Максим проходил мимо него к своему месту.

Слова Васильева разнеслись на весь зал. Его обида показалась участникам пленума мелкой, и в зале и в президиума послышался смех.

4

Пленум обкома закончился поздно вечером. Максим и Артём возвращались домой пешком. Стоял тихий летний вечер. Было душно. Где-то далеко-далеко вспыхивала молния, и, возможно, там лил дождь, но здесь, в городе, на это не было и намёка.

Братья шли медленно – спешить было некуда. Артём был в приподнятом, возбуждённом настроении и без умолку говорил:

– Ну вот и отчитался! Хоть и влетело мне, а всё-таки можно было критиковать ещё резче. Упущений у нас в районе больше чем надо. А Васильев-то каков? В прошлую уборочную был он у нас уполномоченным. С планом хлебозаготовок мы справились в срок. Когда начали возить хлеб в счёт хлебозакупа, он всю душу из нас вымотал: «Мало даёте! Не понимаете, что хлеб – это золотой фонд государства!» Я его сразу предупредил: «Смотри, Валентин Гаврилыч, оставим мы с такой установкой колхозы без семян». – «Ты, говорит, брось мне отсталые настроения поддерживать». Три раза увеличивали мы задания колхозам. Ну и что же? Что я предвидел, то и случилось: в «Таёжной зорьке» и «Северном сиянии» не хватило семян, пришлось просить займы у государства. А теперь, слышал, куда Васильев гнёт? «Притаёжный райком не смотрит вперёд, не умеет планировать с перспективой». Ну, не наглец ли? Сам нас подстрекал брать семенной хлеб, а когда дело дошло до ответа, он в кусты. И такие факты с областными работниками не редкость. И знаешь, почему это происходит? Потому, что оторвались многие работники от масс. Конечно, если б Васильев, как мы, земные, почаще бы сталкивался с рядовыми колхозниками, он бы иначе вёл себя. А то приедет в район на день, на два, накричит – и дальше! У нас мареевский председатель

колхоза Изотов очень удачно его окрестил: «Высокоярский метеор». Истинно метеор! Блеснёт звездой и тут же погаснет в небесной тьме...

Максим слушал Артёма, а думал о своём. «В чём же всё-таки дело? Или я отрываюсь от реальной почвы, или Ефремов не чувствует, что наступило новое время и перед областью стали другие задачи», – размышлял Максим.

На пленуме первый секретарь обкома Ефремов подробно рассказал о задачах, которые стоят перед партийной организацией области. В конце своей речи он дал оценку некоторым выступлениям. О выступлении Максима он сказал:

– Товарищ Строгов – я имею в виду нашего, обкомовского, – не во всём прав. Мы не можем согласиться с его отношением к так называемой текучке. Надо понять, что без хорошо налаженной текущей работы у нас не может быть никакого серьёзного разговора о перспективах развития области. Текущая работа – это наша дорога в будущее. Иных путей туда не существует. Вот почему нужно поддержать всех товарищей, которые критиковали Притаёжный район и областные организации по конкретным вопросам нашей деятельности.

И всё! Ни единым словом Ефремов не обмолвился относительно основной мысли Максима. Неужели Ефремову не ясно, что жизнь не позволит держать дальше производительные силы области в скованном состоянии?

Артём не замечал, что Максим занят какими-то своими раздумьями и потому молчалив. Он продолжал увлечённо говорить, перескакивая с одной темы на другую.

Уже дома, за чаем, Максим спросил брата:

– Скажи, Артём, что ты думаешь о моём выступлении? Непонятно мне всё же, почему первый секретарь по существу никак не отозвался на мои предложения.

– Я тебе скажу, Максюша: ты дельно выступил, но всё-таки немножко теоретически.

– Что же у меня было теоретического? – удивился Максим.

– Ты так сказал: «Притаёжный район и вся Высокоярская область малопродуктивны, они должны давать продукции в два-три раза больше».

– Ну какая же это теория?

– Это? Конечно, теория! Все отнеслись к этому как к лозунгу. Ты знаешь, что такое увеличение продукции в два раза? Это, братец мой, нелёгкое дело...

– А разве я сказал, что это лёгкое дело?

– На это потребуются, Максюша, годы. Кстати, когда ты говорил, Грумов в президиуме заметил: «А Строгов-младший куда более широкая натура, чем Строгов-старший». А Ефремов ему отвечает: «Так он же на то и философ, чтоб жизнь охватывать в астрономических масштабах». Ну, посмеялись они добродушно, без всякой злости... Они к тебе, Максюша, неплохо относятся, ты это заметь. Ефремов сказал: «Он у нас умница!» – поспешил успокоить брата Артём.

– Да я и не обижаюсь, тем более на шутки. А всё-таки это показывает их позицию. Они думают, Артём, что рост производительности пойдёт в довоенных темпах, но они ошибаются. Жизнь их

серьёзно поправит. Вот увидишь: не пройдёт и года, как Высокоярской области обстановка продиктует новые требования. Вспомни тогда наш разговор!

– Вспомню, Максюша! А только ты всё-таки хватил: в три раза! Сознайся, что увлёкся, преувеличил. Бывает, конечно, с нашим братом такое, – поглядывая на Максима ласковыми, смеющимися глазами, сказал Артём.

– Нет, не преувеличил! – снова загорячился Максим. – И более того: преуменьшил. И хочю тебе сказать вот что: если не хочешь отстать от жизни, подготовь себя к крутому повороту.

– Ты так говоришь, будто бы только что побывал в Центральном Комитете!

– В Цека я сейчас не был, но зато Ленина помню. Вытекает это из его трудов, из хода всей нашей жизни...

– Ну, я отступаю. В теории ты меня на обе лопатки в два счёта положишь.

Братья молча допили чай и поспешили лечь спать. Но сон их был недолгим. Глубокой ночью послышались телефонные звонки. Артём соскочил с кровати босой, в нижнем белье, заторопился в соседнюю комнату, где стоял телефон.

– Ты спи, Максюша, это, наверное, меня из Притаёжного второй секретарь вызывает, расспросить о пленуме хочет...

Но Артём ошибся. Звонили не из Притаёжного, а из обкома.

– Кто это полуночничает? – спросил Максим, когда Артём вернулся в спальню.

– Что-то загадочное, Максюша! Звонил помощник Ефремова, обрадовался, что я ещё не уехал. Велел в девять утра явиться в обком. Говорит, что пленум будет продолжаться. Я спросил, в чём дело. «Узнаете, говорит, утром». Просил тебя известить.

Максим был удивлён не меньше Артёма.

– Интересно! Таких случаев я не помню: вечером пленум закрыть, а утром начать его снова.

– Ну, поживём – увидим, – зевнул Артём и принялся укладываться на кровати.

Остаток ночи братья провели беспокойно, в полудрёме. Поднялись рано, разговаривали о том о сём, а думали об одном и том же: «Что же могло случиться? Зачем же снова собирают пленум обкома?»

Минут за тридцать до назначенного времени Максим и Артём были уже в зале. К их удивлению, все секретари райкомов и члены обкома, приехавшие из области, уже собрались.

Кое-кто, увидев Максима, бросился навстречу, полагая, что он как работник обкома знает, что произошло ночью. Но Максим только руками развёл.

В девять часов пришли Ефремов и члены бюро обкома.

– Товарищи! Мы решили продолжить работу пленума в связи с некоторыми чрезвычайными обстоятельствами, – начал Ефремов. Вид у него был озабоченный и усталый. – Вчера вечером получена особо важная телеграмма. Центральный Комитет партии и правительство сократили

топливные фонды, отпускаемые для Высокоярской области. Вызвано это необходимостью решительно усилить помощь делу восстановления хозяйства районов, подвергавшихся немецкой оккупации.

ЦК и правительство выражают надежду, что высокоярские коммунисты не растеряются перед лицом новых трудностей, сумеют мобилизовать местные ресурсы и этим самым уменьшат напряжённость топливного баланса страны. Центральный Комитет и правительство ставят перед нами задачу – в ближайший год-два полностью обеспечить область своим топливом, с учётом перспектив её промышленного развития...

Максим и Артём сидели рядом. Артём склонился к брату, горячо зашептал ему в самое ухо:

– Вот они, новые требования, Максюша! Ты только в сроках немного ошибся.

– Подожди... давай дослушаем до конца, – тоже шёпотом попросил Максим, увлечённый тем, что говорил Ефремов, и слегка отодвинулся от брата.

Глава вторая

1

В первый же день по прибытии экспедиции в Мареевку исполком сельского Совета переехал в новый дом, построенный правлением сельпо под контору, а свой дом, принадлежавший когда-то купцу Тихомирову, уступил экспедиции.

Дом был большой, крестовый, рубленый в «замок», с двумя широкими крыльцами из крепких лиственничных плах, с разными перилами под покатой крышей, на фигурных прочных стойках. Дом был удобен тем, что имел два входа: один, парадный, в восточную половину, второй, со двора, в западную часть дома.

Председатель сельсовета Севастьянов посоветовал Марине разместить штаб экспедиции в той части дома, которая имела парадный вход, а вторую половину дома занять под квартиру.

– Вам, Марина Матвеевна, как начальнику экспедиции, нельзя жить далеко от штаба. Народ будет и днём и ночью с делами идти. По себе знаю, – сказал Севастьянов.

Марина так и сделала. Оправдалось и предупреждение председателя сельсовета. Работы было так много, посетителей шло столько, что Марина не всегда успевала пообедать.

Первую неделю заняли организационные хлопоты. Хотя население Притаёжного района встретило экспедицию с большим сочувствием, но всё-таки укомплектовать штаты оказалось делом не простым. Колхозы и учреждения неохотно отпускали людей, желавших временно перейти на работу в экспедицию.

Ярое сопротивление оказал Марине директор Веселовского лесхоза: он решительно отказался отпустить в экспедицию лесообъездчика Чернышёва.

Марина обратилась за помощью к Максиму. Вскоре в экспедиции была получена копия телеграммы облисполкома, в которой предписывалось всем руководителям советских и хозяйственных органов Притаёжного района оказывать экспедиции всяческое содействие.

Только в середине второй недели (вместо двух-трёх дней, как это предусматривалось планом) отряды экспедиции выехали в поле.

В ответ на донесение Марины, что практическая работа экспедиции началась, директор института Водомеров прислал авиапочтой многословное письмо, в котором указывал, что нерасторопность, допущенная начальником экспедиции с разворотом исследований, крайне тревожит руководство института. В письме Водомеров строго предписывал: «Принять исчерпывающие меры к быстрейшему преодолению организационной неразберихи и безусловно выполнить план исследований, памятуя, что вложены огромные государственные средства, не менее нужные народу в другом месте».

Марина читала письмо Водомерова с чувством негодования. Будь у неё меньше неотложной работы, она немедленно ответила бы директору, но времени на ведение переписки никак не хватало.

Перечитав через день-другой директивы Водомерова, Марина поняла то, что вначале как-то ускользнуло от её сознания: письмо Водомерова было подсказано желанием застраховать себя на случай, если работа экспедиции пойдёт плохо и вышестоящие органы предъявят институту какие-либо претензии. Руководство, мол, института своевременно сигнализировало и указывало, а начальник экспедиции не обеспечил. «Ах ты страус пугливый!» – подумала Марина о Водомерове, и его письмо вызвало теперь уже не возмущение, а усмешку.

2

– Куда же вы исчезли, Алёша? Две недели я разыскиваю вас по всему Улуюлюю, – пожимая руку Краюхина, говорила Марина.

Краюхин стоял перед ней смущённый и обрадованный. О том, где он был и что делал, можно было судить по его костюму. Старые армейские сапоги от ходьбы по траве и кустарникам

порыжели, зелёная выцветшая гимнастёрка была вся в пятнах от смолы и какой-то красящей почвы, брючишки со свежими швами на коленях давно потеряли свой первоначальный вид и были того цвета, который можно определить только приблизительно как серый.

Алексей похудел. Скулы его круглого лица заострились, волосы отросли чуть не до плеч. От загара он был коричневым, под цвет своих карих глаз. Руки Краюхина заскорузли, огрубели, покрылись ссадинами и царапинами. Но взгляд его был отчаянно весёлым, и от всей его ладной фигуры, перехваченной в тонкой талии офицерским ремнём, веяло силой и здоровьем.

– Всё-таки приехали?! Молодец вы, Марина Матвеевна! Пробили стену!

– Моих заслуг в этом нет, Алёша! Сама жизнь подталкивала. Ну, у вас-то как? Садитесь, пожалуйста.

Марина усадила Краюхина на табуретку, а сама опустилась на деревянный жёсткий диван, стоявший у стены. Они вдруг замолчали, не зная, с чего начать разговор.

– Вы где были-то, Алёша, в последние дни? Почему никто о вас ничего не знает? – наконец спросила Марина. – Ведь не я одна вас искала. Ищет вас по каким-то партийным делам и Притаёжный райком.

– Жил в тайге, Марина Матвеевна, на Таёжной, в районе Тунгусского холма. А последние десять дней вместе с одним старожилом Улуюлья, Мареем Гордеевичем Добролетовым, осматривал таёжные озёра. Когда-то староверы находили там уголь.

– И что же у вас нового? – Марина не в силах была сдержать своего нетерпения.

– Подождите, Марина Матвеевна, всё расскажу по порядку.

– Слушаю вас, Алёша. – Марина села поудобнее, а Краюхин открыл офицерскую сумку, туго набитую бумагами, вытащил тетрадь в клеенчатой обложке и принялся задумчиво её листать.

Он рассказывал о своём житье-бытье в Улуюлье подробно, день за днём. О многом Марина знала из его писем к ней и Софье, но только теперь она поняла, какую важную работу проделал молодой учёный.

Слушая Краюхина, Марина вспомнила свою беседу с Водомеровым перед отъездом из Высокоярска. Она предложила директору института организовать в составе Улуюльской экспедиции геологическую группу под руководством Краюхина. Водомеров ответил отказом: штаты экспедиции утверждены, программа работ также, нецелесообразно возвращаться к этому вопросу снова, тем более что в состав экспедиции входит топографический отряд.

– Я должен вас предупредить, Марина Матвеевна, что ни я, ни Захар Николаевич не одобрим никакого самоуправства с вашей стороны ни в отношении перестановки штатов, ни в отношении какого-либо изменения плана исследований.

Это были последние слова директора, которыми он заключил своё напутствие начальнику экспедиции.

И вот теперь, столкнувшись с жизнью, Марина видела, что она уподобится тупоголовому чиновнику, если в самом начале деятельности экспедиции не внесёт серьёзных поправок в организацию работ. В самом деле, как можно было изучать Улуюлье, не учитывая краюхинские

материалы, его уже немалый опыт, его определённые взгляды на перспективы этого района? Можно было любить или ненавидеть его как человека, принимать его душой или не принимать, но закрыть глаза на вопросы, которые он ставил перед наукой, было невозможно. «Нет, дорогой Илья Петрович, – мысленно обращаясь к Водомерову, размышляла Марина, – придётся мне кое в чём поломать установленные вами распорядки, поступить так, как велит жизнь и интересы науки. Чувствую, что это не понравится вам, вызовет гневные слова и грозные приказы, но чему быть, того не миновать».

– Вы знаете, Алёша, почему я усиленно искала вас? Я надеюсь, что вы не откажетесь поработать в экспедиции, – проговорила Марина убеждённо и твёрдо.

– Разве у вас найдётся мне дело?

– Конечно, найдётся!

– Но ведь в составе экспедиции нет геологического отряда? Куда же вы меня приспособите? – Краюхин замялся, смущённо помолчал, махнул рукой и продолжал: – Впрочем, у меня такое положение, что я пойду к вам и простым рабочим.

– За откровенность плачу откровенностью, – усмехнувшись уголками губ, сказала Марина, – Дело обстоит так: в экспедиции остались незамещёнными несколько должностей рабочих и лаборантов. Но сейчас у меня возник план: сегодня же я пошлю Водомерову телеграмму, в которой предложу включить вас в состав экспедиции консультантом. Тут же я укажу, что своими последними изысканиями вы приблизились к важным открытиям...

Краюхин засмеялся, но глаза его остались грустными.

– Неужели вы надеетесь на положительный ответ? – спросил он.

– Честно сказать, не надеюсь.

– Тогда к чему расходовать государственные деньги на телеграммы?

– Капля камень долбит.

– Если так, действуйте!

3

Марина вставала с восходом солнца и, перекинув через плечо полотенце, шла купаться на реку. Так начинался её день.

Однажды, возвращаясь с реки, она ещё издали увидела, что на крыльце штаба экспедиции её ждёт какая-то женщина. «Кто же это? Неужели Ульяна Лисицына с Синего озера вернулась?»

Может быть, что-нибудь с Настенькой случилось?» – с беспокойством подумала Марина и ускорила шаги. Но вскоре Марина разглядела, что женщина с опущенной на лицо косынкой сидела, опёршись на чемодан, поблёскивающий на солнце металлическими наугольниками. «Вероятно, кто-то из другого села в сельсовет приехал. Сколько раз просила Севастьянова снять вывеску!»

Женщина, подняв руки, потянулась, потом отодвинула от себя чемодан и опустила на него голову. И Марина сейчас же узнала её.

– Соня! Откуда вы появились?! – закричала она и, размахивая полотенцем, побежала с резвостью девочки.

Софья Великанова встала и, щуря близорукие глаза, ослеплённая ярким солнцем, с полминуты беспомощно смотрела вдоль улицы. Потом она бросилась навстречу Марине и обняла её.

Софья Великанова приехала из Притаёжного с попутной машиной, проведя ночь в дороге. Марина расспросила её о всех новостях, накормила, уложила спать и ушла на работу.

Вскоре заведующий отделением связи Тимоша принёс ей принятую по телефону из Притаёжного телеграмму. Текст её Тимоша записал на листке бумаги, вырванной из ученической тетради.

Марина знала, что это был ответ Водомерова на её просьбу о зачислении Краюхина в состав экспедиции. Но то, что она прочитала, изумило её так, как не изумил бы, наверное, гром, прогремевший над Мареевкой в этот безоблачный день.

В телеграмме говорилось: «С целью усиления научной части Улуюльской комплексной экспедиции руководство института направляет в ваше распоряжение младшего научного сотрудника Бенедиктина тчк Обязываем вас использовать товарища Бенедиктина по специальности с учётом потребностей экспедиции вытекающих из программы исследований Водомеров».

Марина скомкала телеграмму и с такой силой отшвырнула её, что бумажный комочек, ударившись об пол, подскочил и выкатился за порог двери.

Тимоша понял, что принёс неприятную новость, сконфузился и поспешил уйти.

– Лицемеры! Не мытьём, так катаньем думают меня взять!

С яростью отталкивая стулья и скамейки, Марина выскочила на крыльцо с намерением разбудить Софью и обо всём рассказать ей. Но, взглянув на часы, Марина удержала себя.

Она вернулась обратно, села за свой стол, взяла чистый лист бумаги и крупным размашистым почерком написала: «Высокоярск Научно-исследовательский институт Водомерову Удивлена вашим решением относительно Бенедиктина тчк Его присутствие экспедиции не оправдывается никакими деловыми соображениями тчк Вторично прошу положительно решить вопрос привлечения экспедицию Краюхина».

Марина перечитала написанное, подумала: «А может быть, отмолчаться? Пусть себе тешатся руководители института». Но сейчас же она изменила свои мысли. «Нет, нет, отмалчиваться нельзя. В этом случае Водомеров решит, что я своим молчанием одобряю его поступок».

Марина переписала телеграмму набело и заторопилась на почту.

И вот прошло ещё пять дней, а ответа насчёт Краюхина не поступало.

Марина понимала, в состоянии какого нетерпения живёт Краюхин. После их встречи он уехал в Притаёжное и там дожидался вестей от неё.

Начала томиться от безделья и Софья. Всё, о чём можно было переговорить с ней, они переговорили. Теперь Софья стремилась к Тунгусскому холму на раскопки. Она рвалась туда, конечно, не только из-за работы – ей хотелось скорее быть вместе с Алексеем.

Прождав ещё два дня, Марина решила, что она не имеет никакого морального права ни перед Софьей, ни перед Краюхиным, ни перед наукой ждать дальше. «Уж раз они там молчат, то возьму всю ответственность на себя. Пусть потом меня прорабатывают или снимают. Их дело! А только, видя, какими фактами располагает Алексей Краюхин, я не могу остаться к его судьбе равнодушной и не привлечь его к работе в экспедиции», – размышляла Марина, терзаясь и уставая от этих мыслей.

Она позвала к себе Софью. Девушка в тёмном чулане проявляла фотоплёнку и прибежала встревоженная, с мокрыми руками, в косынке, небрежно сбившейся на затылок.

– Телеграмма? – Она остановилась возле дверей с горящими глазами.

– Нет, Соня, телеграммы нет и, вероятно, не будет. Я решила всё сама.

Софья, видя, что разговор будет совсем другой, чем она предполагала, перешагнула порог и вошла в комнату.

– Что же вы решили, Марина Матвеевна?

– Я зачисляю Алексея Корнеевича на два вакантных места лаборантов моего ботанического отряда, то есть я объединяю две ставки в одну.

– А можно так делать?

– А можно закрывать глаза на серьёзные доказательства учёного?

Софья беспомощно пожала плечами и вопросительно посмотрела на Марину. «Ну и что же вы всё-таки решили?» – говорил её взгляд.

– Я сейчас написала приказ о назначении Краюхина старшим геологической группы. Вас, Соня, поскольку вы приехали помогать нам, я зачисляю также в эту группу. Ваша общая задача: выехать на Тунгусский холм, произвести геологическое и археологическое обследование этого района...

– Я готова ехать хоть сейчас, Марина Матвеевна! – воскликнула Софья.

– Одна вы поехать не сможете. Нужно вызвать из Притаёжного Алексея Корнеевича. Я сейчас напишу ему телефонограмму и отнесу Тимоше. – Марина быстро прошла за стол и принялась писать.

– Телефонограмму я отнесу, Марина Матвеевна, а вы работайте, – сказала Софья и поспешно скрылась за дверью.

Она вернулась через две-три минуты совсем в другом виде. На ней было ярко-красное шёлковое платье, лаковые босоножки и широкополая шляпа из золотистой соломки. Софья так вся и светилась.

Марина проводила её взглядом, усмехнулась, подумала: «Чего не делает любовь!»

4

Группа Краюхина, в которую, кроме него и Софьи, входили ещё четверо рабочих, двинулась к Тунгусскому холму на лодке. Этот способ передвижения предложил Алексей, так как набралось ещё много всякого имущества, главным образом инструментов.

Услышав, что речь идёт о Краюхине, правление мареевского колхоза в порядке помощи экспедиции выделило новую, только что просмоленную лодку с высокими тёсовыми бортами и крышей из лёгких, сшитых еловыми сучьями листов бересты.

Марина стояла на берегу до тех пор, пока лодка не скрылась за крутым поворотом берега. Поднимаясь на высокий мареевский яр и всё ещё посматривая вниз по течению реки, Марина думала: «Уехали! И, может быть, привезут большое будущее и Улюлюлю и себе...»

Она представила искрящиеся радостью глаза Софьи, румянец, проступавший на её всегда смугло-бледном лице, голос её, какой-то особенно мягкий, ласкающий слух, и ей не то что стало завидно, а чуть-чуть горько за себя, за свою жизнь, в которой почти не было вот такого же безотчётного счастья.

«Только разве в ту весну, когда Андрюша Зотов сказал, что любит меня, было мне хорошо-хорошо», – подумала Марина. Она вспомнила, как они просиживали в университетской роще всю ночь, от зари до зари, а в течение дня по нескольку раз гоняли знакомых девчонок с записками.

Марина шла по Мареевке, захваченная воспоминаниями, и улыбка освещала её лицо.

Разгоралось утро знойного летнего дня, какие бывают только в Сибири. Нежно-голубое, без единого пятнышка и до бесконечности обширное и ласковое небо простёрлось над землёй в торжественной неподвижности. Солнце только поднималось из кедровников. Каждый, кто видел его в этот час, не мог не подумать, что ночку солнышко скоротало здесь, в тиши вековых деревьев, как коротает её охотник, когда прихватит его в тайге темнота.

Живой мир встречал новый светлый день стоголовым трезвоном и суетой. Звонко кричали петухи, рассыпали трели шумные стайки скворцов, собаки щурили глаза на малиновый шар, поднимавшийся чуть ли не с хозяйских огородов, и яростно брехали на него, подзадоривая друг друга. А во дворах гремели уже подойниками, и коровы, мыча, с охотой отдавали располневшие за ночь соски в ловкие руки хозяек.

Марина поднялась на крыльцо и остановилась. Из приоткрытых дверей на неё пахнуло табаком, и не просто табаком, а тем неповторимым запахом, который издают папиросы, смоченные одеколоном. Такие папиросы всегда курил Бенедиктин.

Озадаченная этим запахом и в особенности тем, что двери её квартиры открыты, Марина вошла.

В прихожей было пусто. Марина поспешила в комнату. Она перешагнула низкий, крашенный под цвет пола порог и отпрянула назад. На стуле, рядом с её кроватью, привалившись головой на подушку, спал Бенедиктин. Марина хотела уйти незамеченной, но Бенедиктин очнулся, кинулся вслед за ней:

– Мариночка!..

Марина остановилась, повернулась лицом к Бенедиктину, чувствуя полную растерянность.

– Здравствуйте! Как вы здесь оказались? – спросила она.

Как ни находчив был Бенедиктин, но и он растерялся.

– Я? Я захожу, женщина прибирает в комнате. Я отрекомендовался, и она разрешила мне остаться.

– Что значит: «Я отрекомендовался»?

– Я сказал, что я... твой муж.

Марина мучительно поморщилась, ей стало больно и противно.

– Зачем вы приехали?

– Я выполняю приказ директора... Кроме того, я рассчитывал, что ты одумалась...

Сверкнув глазами, Марина приблизилась к Бенедиктину, твёрдо сказала:

– Я ещё раз прошу вас ни теперь, ни в будущем не говорить об этом. Мне незачем одумываться. Я сделала то, что сочла нужным.

– А как же мне к тебе обращаться: товарищ начальник экспедиции? – Бенедиктин попробовал засмеяться.

Направляясь в Мареевку, он самонадеянно думал о том, что «Марина уже, наверное, кусает локти. Ну, ничего, пусть себе помучается. Он ещё посмотрит, как быть дальше». Приём, который он встретил у Марины, был иным, и это начинало его злить.

– Как обращаться? Так же, как обращаются все. У меня есть не только должность, но имя и отчество.

Марина прошла по комнате и, видя, что Бенедиктин снова опустился на стул, продолжала:

– Я прошу вас, Григорий Владимирович, пройти в соседнюю половину, где помещается штаб экспедиции, и дождаться меня. Я скоро приду, и тогда решим вопрос о вашей работе.

Ну, этого Бенедиктин не ожидал! Никогда он не думал, что у Марины найдётся столько твёрдости. Ему всегда казалось, что при его настойчивости он может из неё, что называется, «верёвки вить». И вот на тебе! Тактично, но решительно она выставляет его из своей комнаты.

Бенедиктин вскочил со стула, схватил свой чемодан, тук с постелью, портфель и, скрипя зубами от злости, вышел.

Марина посмотрела ему вслед, и ничто: ни жалость, ни сочувствие, ровным счётом ничего – не шевельнулось в её душе. Так надо было сделать, и так она сделала.

Через полчаса Марина вошла в штаб экспедиции. Бенедиктин, захохлившись, сидел возле своих вещей в углу.

– Чем вы намерены заняться? – спросила Марина, открывая ключиком стол, в котором лежали её бумаги.

– Я прибыл в распоряжение начальника экспедиции. Как ты решишь... Как вы решите, – поспешил поправиться Бенедиктин.

– Хорошо. Я направляю вас в ботанический отряд, который работает по правобережью Таёжной, в районе Заболотной тайги. Там найдётся вам работа по специальности. У нас крайне слабые представления о растительности того района.

– А Софья Захаровна там же? – не дав Марине договорить до конца, спросил Бенедиктин.

– Нет, она выехала в том же направлении, но в другое место.

– В таком случае есть просьба – не от меня, конечно, а от профессора, Захара Николаевича... Он очень беспокоится за дочь и просил меня быть по крайней мере поблизости от неё.

– Софья Захаровна в полной безопасности... А вас послать туда я не могу. Нет дела.

– Но когда такой человек просит, то ваша обязанность – выполнить.

– Я прежде всего отвечаю за работу.

– Просит научный руководитель института!

– Просьба непосильная.

– Просьба начальника равнозначна приказу!

– Тогда я предпочту послушаться начальника.

– Вы знаете что, Марина Матвеевна, вы слишком много на себя берёте.

– Я считаю наш разговор бесполезным.

– Но я намерен...

Трудно сказать, сколько ещё времени Бенедиктин надоедал бы Марине своими домогательствами, если бы в комнату не вошла пожилая женщина – посыльная из правления колхоза.

– Меня послал председатель, Терентий Петрович, – заговорила женщина, едва переступив порог. Грудь её высоко вздымалась, она шумно дышала. – Велел спросить вас: не надо ли что отправлять на Таёжную? От колхоза туда подводы сейчас идут со снастями для рыбаков.

– Ну вот, Григорий Владимирович, и оказия! Отправляйтесь с этими подводами. Другого такого случая не будет, придётся тащиться по тайге пешком.

Не дожидаясь, как к этому отнесётся Бенедиктин, Марина повернулась к женщине.

– Передайте, пожалуйста, Терентию Петровичу, что я прошу возчика подвернуть к нашему дому. Мне нужно отправить вот этого товарища.

– Передам. Беспременно передам, – закивала головой женщина и заторопилась из комнаты.

Бенедиктин был ошеломлён всем происходившим и долго смотрел на Марину молча.

– Так скоро... А я хотел поговорить с тобой, Мариночка... Поговорить по душам, – наконец тихо сказал Бенедиктин. Он подошёл к столу, за которым сидела Марина, постоял, ожидая её ответа, но, не дождавшись, отступил назад.

Марина, чуть приподняв голову, взглянула на него. Бенедиктин стоял в раздумье, не зная, чем ещё можно обратить на себя внимание. Он был одет, как городской охотник-любитель: сапоги с длинными голенищами, брюки с шевровыми леями, спортивная курточка с бесконечными «молниями» и вдоль и поперёк. Через плечо на узком коричневом ремешке висел в новом кожаном футляре фотоаппарат.

«Вырядился-то как! Ну, подожди, комары сотрут с тебя лоск», – с внутренней усмешкой подумала Марина и нарочно низко склонилась над папкой.

Бенедиктин тяжело зашагал по комнате, вначале очень медленно, потом быстрее; затем он остановился напротив Марины, желчно сказал:

– Твоё упрямство я объясняю одним: ты ревнуешь меня к Софье, конечно же, ревнуешь!

Марина посмотрела на него серьёзным взглядом, покачала головой, с сожалением проговорила:

– Надо же так любить себя! Буквально до умопомрачения... Несчастный!

Бенедиктин только этого и ждал. Он вскинул руки, сложил их по-наполеоновски на груди, собираясь сказать что-то длинное и, с его точки зрения, важное. Но в открытое окно послышался скрип телеги.

– За вами едут, – сказала Марина.

Бенедиктин с отчаянием махнул рукой.

– Эй, кто там у вас на Таёжную? Выходи! – раздался голос возчика.

Максим шёл по густому сосновому лесу. После короткого, но сильного ливня, пронёсшегося вечером, в лесу было свежо и влажно. Деревья, кусты, цветы, травы стояли чистые, опрятные, тщательно промытые до корней упрямыми струями дождя. В канавах и ложбинах поблёскивали лужи, покрытые лесным мусором, принесённым сюда потоками воды. В лужах плавали хвоинки, листики, куски коры, похожие на заплатки, кедровые скорлупки, паутинки, сучки самых причудливых и неожиданных форм, в виде маленьких человечков, змеек с поднятыми головками, игрушечных домиков. Густотерпкий настой запахов, стоявший тут в знойные дни, улетучился, и сейчас в лесу разливались и благоухали топкие, щекочущие ноздри ароматы смолы.

Для Максима летом на природе не было другого, более увлекательного занятия, чем собирание грибов. Он шёл медленно-медленно, присматриваясь к земле, покрытой травой, слоем рыжей хвои, прошлогодним жухлым листом кустарников. Острый взгляд схватывал каждую пядь пространства. В одной руке Максим держал сплетённую из гибкого краснотала корзину, в другой – тонкий длинный прут. Вдруг его глаза останавливались на коричневом или нежно-жёлтом пятнышке, мелькнувшем сквозь зелень травы. Осторожно разгребая прутиком стебли и листья земляники, вязеля, пырея, метлицы, Максим убеждался, точно ли он наткнулся на гриб. Если ошибки не было, он опускался на колени, осматривал гриб и, если тот оказывался молодым, нечервивым, срезал его под самый корень узким острым ножом. Ощущение, которое возникало у Максима, когда он брал гриб в руки, было ни с чем не сравнимо. Пожалуй, только ребёнок, которому вдруг свалилось счастье завладеть какой-то необыкновенно интересной игрушкой, поразившей его, испытывал такую же полноту удовольствия, которую испытывал Максим. Ему приятно было разгребать траву, скрывавшую гриб, приятно смотреть на него, ощупывать его рукой, приятно было взять гриб на ладонь, почувствовать кожей его холодок, а потом не спеша положить его в корзинку в рядок с другими грибами.

Случались порой ошибки, но они всегда были забавными и неожиданными. Иногда вместо гриба Максим поднимал из травы гальку такой диковинной расцветки, что она могла сойти и за гриб, и за осенний берёзовый лист, и даже за утиное яйцо. Такой камешек Максим прятал в карман, чтоб потом дома вытащить его и ещё раз подивиться причудам природы. Бывали случаи просто потешные. Как-то раз Максим принял за гриб обыкновенный сосновый сучок. Прикоснувшись к нему ножом, он понял свою ошибку, но ещё долго сидел, любуясь находкой. В конце концов Максим поднял сучок и был удивлён, что в нём ничего не было похожего на гриб. Максим крутил в руках сучок, стараясь уяснить, чем же всё-таки он мог обмануть его.

Особенное удовольствие доставляли Максиму запахи леса грибной поры. Временами воздух в лесу был таким густым и сытным, что, казалось, его можно было резать кусками и складывать в штабеля про запас, для зимы.

Максим прежде очень любил ходить по грибы вместе с Анастасией Фёдоровной. По обыкновению, они вспоминали юность или пели старинные русские романсы. Правда, нетерпеливый характер Анастасии Фёдоровны часто брал своё. Как только они замолкали, она исчезала и возвращалась с переполненной корзиной.

– Ого, сколько ты набрала, Настенька! – удивлялся Максим и, оправдывая свою медлительность, говорил: – А ведь я собираю только первый сорт!

Она смеялась, шуточно журила его:

– Ну, ну, первый сорт! Руки и глаза у тебя второй сорт! Проворства у тебя нет!

– Уж это верно! В старое время меня ни один хозяин не взял бы в работники.

– Наговариваешь на себя! Ты порой бываешь быстрый, как огонь! А тут «на грибах» словно цепенеешь.

Максим замолчал. И в самом деле, оказавшись «на грибах», он менялся. Если у Анастасии Фёдоровны вид грибов пробуждал азарт, то в душу Максима он вселял какое-то необычное умиротворение и успокоенность. У него пропадало всякое желание куда-то спешить и по поводу чего-то волноваться. Может быть, поэтому после похода по грибы он физически чувствовал себя обновлённым. Вероятно, в природе не существовало другого занятия, за которым так хорошо отдыхали бы нервы, мускулы, мозг. Безделье его утомляло. А тут, «на грибах», вроде и дело-то было пустяковое, а всё-таки оно увлекало, и порой так сильно, что забывалось время.

Так было и сегодня. Максим без усталости шёл всё дальше и дальше, не замечая, что сосновый лес с каждым шагом редееет, забитый осинником и мелким кустарником. Грибы попадались реже. Следовало бы давно уже вернуться, но Максима словно несло течением.

Круглая большая корзина до самых краёв была наполнена маслятами. Грибы были сложены один к другому. Природа покрыла их каким-то клейким веществом, и вид их не мог бы оставить равнодушным ни одного человека. Они лежали, как живые существа, готовые в любую минуту встрепенуться.

Не меняя направления, Максим прошёл ещё с километр и остановился на маленькой поляне. Под ногами у него на траве валялся небрежно свёрнутый светло-синий плед, а в трёх шагах от пледа лежала круглая, покрытая лаком трость. «Чьи же это вещи?» – подумал Максим, недоумённо оглядывая полянку и присматриваясь к малорослому лесу, окружающему её со всех сторон.

– Удивительно! – произнёс вслух Максим и поднял палку, а потом плед.

«Кто-нибудь из грибников бродил тут и потерял, – решил он и усмехнулся в душе. – Видно, не один я забываю на грибах обо всём на свете».

Он пошёл дальше, то и дело посматривая по сторонам и надеясь встретить хозяина этих вещей. Но поляна кончилась, лес опять стал гуще, впереди заблестела полоска речки, а никто не встречался. Максим хотел уже повернуть назад, как вдруг увидел под черёмуховым кустом

незнакомому человеку. Он был в белом парусиновом костюме, в широкополой соломенной шляпе, в пенсне; его морщинистые щёки прикрывали седые взлохмаченные баки. Человек сидел перед мольбертом и, то и дело взглядывая на прибрежные кусты, торопливо тыкал кистью в холст.

– Простите, пожалуйста, не ваши ли вещи я подобрал? – приближаясь к художнику, спросил Максим.

Человек так был увлечён работой, что даже вздрогнул от неожиданности. Он быстро поднялся с походного складного стула и, заслоня ладонью глаза от лучей солнца, пробивавшихся сквозь листву, в упор посмотрел на Максима.

– Покорно благодарю. Я считал их безвозвратно потерянными.

Максим подошёл к художнику и подал ему плед и палку. Тот принял их, но тотчас же бросил траву, под куст.

– Ай, какая прелесть у вас! – сказал он и уставился своими близорукими глазами на грибы в корзине.

– Набрал в сосновом лесу, – встряхивая корзину, сказал Максим, чувствуя неудобство за то, что отвлёк художника от холста, и собираясь поскорее оставить его в одиночестве.

Но тот словно угадал, что было на душе у Максима.

– Не спешите, пожалуйста, – просяще сказал художник и присел, чтобы лучше рассмотреть грибы.

«Быть может, натюрморт с грибами решил написать», – подумал Максим и чуть приподнял корзину.

– Как на подбор, один к одному! – снова начал восхищаться художник. – Вы не простой сборщик грибов, а талант в своём роде. И сколько же времени вы затратили, молодой человек, на эту корзину?

«Молодой человек? Неужели он не видит, что я уже далеко не молодой? Или это только сравнительно с ним?» – пронеслось в уме Максима.

– Сколько времени? Брожу с утра. Как говорят хозяйственники: работа малорентабельная, – засмеялся Максим.

Засмеялся и художник, подёргивая себя за пышные баки.

– В старину-то не зря говорили: охота пуще неволи. Это останется истиной для всех поколений.

Максим понял, что художник, по-видимому, за день натосковался без людей и рад этой встрече с незнакомым человеком.

– А вы что же... на этюдах здесь? – спросил Максим, присматриваясь к старику и думая: «Видимо, художник из приезжих. Высокоярских я всех как будто знаю».

– Как вам сказать, – замялся художник. – Есть старинная русская пословица: «Каждый по-своему с ума сходит». Я с юности слышу чужаком оттого, что имею вот эту слабость, – он потряс в воздухе

кистью. – Но эта страсть, знаете, безобидная. Кроме меня, от неё никто не страдает. Ещё вот только вышка дома. Она забита холстом и картоном...

– Ну, зачем же на вышку?! У нас в городе есть выставочный зал! – воскликнул Максим, про себя подумав: «Художник в припадке самокритики».

Но тот словно не слышал его слов.

– Среди моих сверстников есть люди со всякими странностями. Одни пристрастился к рюмке, другой... – художник засмеялся, давась словами и откашливаясь: – Другой равнодушен к кошкам... Нет, знаете, увольте от такого занятия... И отчего всё это?.. От одиночества!

– Вы что же, совершенно одиноки? – спросил Максим, когда художник умолк.

Старик не сразу ответил, присматриваясь к Максиму и про себя взвешивая, доступен ли ему такой сложный разговор.

– Формально – нет, фактически – да, – наконец сказал он, по-видимому решив, что с Максимом можно говорить откровенно.

Максим вопросительно взглянул на художника, ожидая, что он расскажет о себе. Но тот замолчал, и у него был такой вид, что казалось, к начатому разговору он уже не возвратится.

– Если вы не торопитесь, – тихо и как-то особенно проникновенно сказал художник, – то я вам расскажу... то ли быль, то ли притчу.

– Пожалуйста, – ответил Максим.

– В таком случае присядем, – предложил художник и, разостлав на колоде свой плед, только что подобранный Максимом в лесу, первый сел на него.

Максим примостился на краешке, намереваясь за разговором покурить.

– Так вот. Жили-были на белом свете три друга, и каждый мечтал о своём счастье. Но счастье представлялось им по-разному. Первый думал, что счастье – это богатство, второму счастьем казался талант, а третий считал, что счастье – семья... Долго ли, коротко ли, но все они достигли своего счастья. Однако у всего есть конец, есть конец и у человеческой жизни. Перед смертным часом собрались друзья, чтобы подвести итоги. Первый сказал: «Богатым я был, а счастья не испытал. Умираю скрягой и человеконенавистником». Второй сказал: «Талантливым я был, а счастья не испытал. Ухожу из жизни истёрзанный одиночеством». Третий сказал: «А я познал, что такое счастье. Ухожу обласканный близкими и оставляю земле самое ценное – новых людей».

Художник взглянул из-под стёкол пенсне на Максима и засмеялся, хотя ему было совсем невесело.

– Вот как бывает!

– Бывает! В притче много смысла, – сказал Максим, раздумывая, к какому роду счастья относит он своё собственное.

– Но случается и так: человек обеспечен, талантлив, имеет семью, а настоящее счастье его идёт где-то рядом. – Старик произнёс эти слова глухо, угрюмым тоном, и Максим понял, что всё это он сказал о самом себе.

– Случается и так. Всяко случается, – поспешил согласиться Максим.

– Пора домой. Я могу подвезти вас до города. Не хотите? – спросил старик.

– Если вас это не обременит, то я с огромным удовольствием. У меня уже ноги гудят.

– Ноги гудят? Никогда не слышал такого выражения, – складывая кисти и краски в ящичек, удивился художник.

– Что вы! Это очень ходовая фраза, и не только у охотников.

– Тогда, вероятно, запомнил.

2

Через десять минут Максим сидел в легковой машине на заднем сиденье. Рядом с ним лежал ящичек с красками, складной мольберт и свежий, ещё не просохший этюд в грубом подрамнике из плохо оструганного соснового дерева. Художник разместился рядом с шофёром и всю дорогу молчал. Максим подумал, что старик утомился и задремал. Но когда машина покатила по мостовой окраинных улиц города, он вдруг бодрым голосом спросил:

– А где вы живёте, молодой человек?

– Я живу где-нибудь у трамвайной остановки.

– О нет! Так не пойдёт. Услуга за услугу, – засмеялся художник, полуобернувшись к Максиму. – Вы спасли меня от нареканий домашней работницы. Она бы за такую потерю перепилила мне шею.

Вскоре машина свернула на набережную и остановилась у ворот дома профессора Великанова, который благодаря великолепному саду был известен всему городу.

– Ну вот я и приехал, – сказал художник, открывая дверцу машины.

– По-моему, это дом профессора Великанова, – взглянув в окно, сказал Максим.

– Совершенно правильно. Я и есть профессор Великанов, – проговорил художник.

– Ну, знаете, случай! Давно собирался с вами познакомиться, – смутился Максим. – А я-то вас за профессионала-художника принял!

Он вышел из машины, помог Великанову вытащить его вещи и, пожимая руку, сказал:

– Позвольте и мне назваться. Я брат вашей сотрудницы Строговой.

– Максим Матвеевич? – Великанов был изумлён и смущён не меньше Максима. – Я же о вас много слышал и от сестры вашей, и от других работников... Это вы были директором политехнического института в предвоенные годы?

– Да, я. И странно, что, живя в одном городе, мы нигде не встретились раньше.

– А что тут странного? Вы были в политехническом, а я в университете... Два «хозяйства», две дороги... тысячи научных работников... К тому же перед войной сидел я в Москве по пять-шесть месяцев в году, проталкивая в Учпедгизе свой учебник.

– А потом началась война... Пять с половиной лет Высокоярск только снился мне.

– Ну вот видите! Душевно рад, что случай свёл нас.

– Взаимно рад и я. И не будь этого случая, всё равно напросился бы к вам, Захар Николаевич. Есть к вам дела, и неотложные дела.

– Прошу! В любое время дня и ночи прошу.

– Спасибо вам и до свидания.

Они попрощались. Максим вернулся в машину.

«Как это хорошо, что встретился я с ним не в кабинете, а в лесу. Всё получилось просто, человечно, без официальных сложностей... Хорошо, очень хорошо!» – думал Максим.

Глава четвёртая

1

Анастасия Фёдоровна была человеком беспокойным, неугомонным, умеющим даже в самое маленькое, порою пустяковое дело вносить азарт и страсть. Где бы она ни оказывалась – дома ли, на службе ли, в командировке ли, – всюду её кипучая энергия находила применение. Она не любила никакого бездействия, презирала тугодумов, ипохондриков, нытиков и любила людей, скорых на руку и на слово. Временами она была резковатой, но всегда справедливой.

Работая в Новоюксинском районе заведующей райздравом, она добилась образцового порядка и чистоты в общественных помещениях. Рассказывали, что однажды, появившись на заседании исполкома райсовета в прокуренном, замусоренном зале районного Дома советов, она отказалась докладывать о санитарном состоянии района, публично пристыдила председателя райисполкома за такое позорное содержание зала. Заседание было прервано и началось только после тщательной уборки.

Председатели сельских Советов, правлений колхозов, заведующие почтовыми отделениями, директора магазинов, различных контор, больниц, школ знали, что если Анастасия Фёдоровна обнаружит грязь и беспорядок в помещениях, она с такой яростной силой начнёт отчитывать, что не приведи господь. А она была вездесущей, и уж если за что бралась, то бралась цепко, рьяно и надолго.

Был, говорят, в том же Новоюксинском районе с ней и такой случай: зашла она однажды в крестьянский дом. Это было у неё правилом – заходить в дома, знакомиться с женщинами, разговаривать с ними о жизни, узнавать нужды, давать советы. И вот заходит и видит непролазную грязь, беспорядок, сущий ералаш. На кровати лежит хозяйка. Анастасия Фёдоровна к ней:

– Вы что, больны?

Слово за слово – разговорились. Женщина оказалась здоровой, малодетной, но уже изрядно обленившейся.

– Не стыдно, что в такой грязи живёте? – спросила её прямо Анастасия Фёдоровна.

Женщина смутилась, стала ссылаться на занятость колхозной работой. Анастасия Фёдоровна не отступает. Та возьми да и скажи: «Вам, мол, интеллигентным, хорошо попрёкать. Сами ничего не умеете, за вас всё домработницы делают». Анастасия Фёдоровна говорит ей:

– Где у вас ведро и тряпка?

Та вначале на попятную, да не тут-то было! Не на таковскую нарвалась. Анастасия Фёдоровна сбросила с себя пальто, туфли, чулки – и за работу. Не прошло и двадцати минут, а изба словно помолодела. У хозяйки один выход: помогать врачу.

В деревне, известно, секретов нет. Не успела ещё Анастасия Фёдоровна пол домывать, а под окнами уже замаячили доглядчики. И пошёл слушок из дома в дом: «Фекла-то на весь район опозорилась. Стыд головушке! Самая главная врачиха из района пол ей мыла. Знать, в самом деле лень до добра не доводит».

Случай этот дошёл до многих. И не только женщины, многие мужчины, услышав об этом, тоже призадумались.

Анастасия Фёдоровна не гнушалась никакой работы и всякое дело исполняла с усердием, которое было не напускным, а идущим от её характера, от её натуры.

Придя с Ульяной на Синее озеро, Анастасия Фёдоровна взялась сооружать стан. К её группе были прикомандированы трое рабочих. Мужики оказались из Подуваровки. Они были приезжие, жить в тайге им не доводилось. Пошли в экспедицию с настроением проболтаться лето, подзаработать денег и вернуться домой, когда в колхозе все горячие работы будут свёрнуты. То, что в группе

начальником будет женщина, их вполне устраивало. «Баба не мужик, с ней легче столковаться», – переговаривались между собой подуваровцы.

Посоветовавшись с Ульяной, Анастасия Фёдоровна решила разместить стан на одной из гладких площадок, на спуске к озеру. Место было во всех отношениях отменное: за ветром, над водой, в окружении разнолесья и вблизи от родников. Было решено также поставить навес на случай, если начнётся ненастье, а в палатках сколотить нары, чтобы при стоке воды с косогора не оказаться в сырости.

И тут-то подуваровские мужики показали себя. Они заявили, что не к чему тратить такую уйму сил и сооружать стан. Не навек, мол, поселились тут.

Анастасия Фёдоровна попыталась уговорить их, но они замахали руками. На крышу навеса дранку, мол, надо, а драть дранку не простое дело. К тому же нужен инструмент. Можно, конечно, заменить дранку берестой, но время уже не весеннее, сок на берёзах отошёл, бересту разом не сдерёшь.

– Ну, если так, то поселимся отдельно. Мы с Улей устроимся, а вы как хотите, – сказала Анастасия Фёдоровна.

На том и порешили. Целых два дня обстраивались женщины. Поставив палатку, они окопали её канавами со спусками к озеру. Потом соорудили навес, крытый берестой и еловой корой. Под навесом сделали из плах столик для занятий. Пока Анастасия Фёдоровна и Уля работали, мужики курили возле костра, спали, ходили на озеро удить рыбу, тихонько насмехались: «Вот дуры бабы! Можно подумать, что они вековать здесь собрались».

Когда Уля стала забивать стойки для навеса, мужики устыдились, решили помочь. Но Анастасия Фёдоровна резко отвергла их помощь.

– Нет, нет, мы сами! Уговор дороже денег, – сказала она мужикам.

Несколько сконфуженные, мужики ушли на озеро.

– Ну и работнички, язви их, попали! – выругалась Ульяна. – Замучаемся мы с ними, Анастасия Фёдоровна. Откуда они такие недотёпы взялись? По всему видать, никогда в тайге не бывали.

– Воспользовались нашей оплошностью. В договоре ни слова не сказано, что работа по сооружению стана входит в их обязанности.

– Да ведь это само собой разумеется. Жить-то им придётся! – возмущалась Ульяна.

– В случае чего выгоню их! – сказала Анастасия Фёдоровна.

– Одним-то нам тоже будет не сладко, – беспокоилась Ульяна.

Но недаром говорится, что самый мудрый судья – жизнь. Она и примирила Анастасию Фёдоровну и Ульяну с мужиками.

Как-то ночью, когда тайгу окутывала непроглядная тёмная летняя ночь, надвинулась на Улюлюлье страшная гроза.

С вечера небо было чистым и кое-где поблёскивали звёзды. Мужики легли спать у костра, даже не растянув над собой брезента.

Вдруг послышались раскаты грома. Анастасия Фёдоровна и Ульяна проснулись и вылезли из своей палатки посмотреть, что делается на небе. Оно было освещено текучим негаснущим огнём зеленовато-белого цвета. Молнии вспыхивали непрерывно по обширному полукругу. Удары грома, усиленные в тысячи раз эхом, сливались в протяжный рокот, сотрясавший землю и воздух.

Ульяна сразу поняла, что на тайгу идёт фронтальная гроза.

Чтобы спастись от смертельной опасности, звери и птицы забиваются в эту пору в землю. Громоздкие, рослые сохатые втискиваются под обвалы берегов, белки, колонки, лисицы, соболи, горностаи уходят в норы, оказываясь по соседству со своими врагами. Птицы прячутся под кочками и корнями деревьев. Воздействие стихии на всякую живность так велико, что она смиряет даже самых отчаянных хищников. Страх сковывает все другие инстинкты.

Ульяну уже однажды застала такая гроза в тайге. Но тогда она была с отцом, и они заранее выкопали в яру землянку. Как и теперь, гроза пришла ночью, но Михаил Семёнович по каким-то одному ему известным приметам узнал об этом ещё в полдень. Ульяна пока не обладала таким знанием природы, какое было у отца. Однако, взглянув на небо, она решила, что нельзя упускать ни одной минуты.

– Надо палатку забросать землёй, – сказала Ульяна, видя, что Анастасия Фёдоровна растерялась и смотрит на неё испуганными глазами.

– Зачем, Уля? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Чтобы не сорвало ураганом. А потом под слоем земли спокойнее, – объяснила Ульяна.

Она уже поддевала лопатой землю и бросала её на палатку. Анастасия Фёдоровна принялась помогать ей.

Подуваровские мужики тоже проснулись. Но пока они курили, раздумывая о том, как им быть, стал надвигаться шум ливня. Кинулись они к топорам, давай тесать колья и забивать их в землю, чтобы растянуть брезент. Но было уже поздно. Совсем близко от стана хрустнули деревья, сломленные налетевшим ураганом. В ту же минуту полил такой дождь, что под тяжестью упругих струй обламывались ветки. Костёр сразу погас. Анастасия Фёдоровна и Ульяна укрылись в своей палатке, мужики бросились под навес, сделанный женщинами. Навес был маленький, при порывах ветра дождь захлёстывал под крышу; мужики сбились в кучу, стояли, вздрагивая при каждом ударе грома. Словно назло им, после короткого затишья гроза возобновилась с новой силой.

Ульяна знала, что такую грозу в народе называют «кольцевой». Тучи в таких случаях не уходят за тридевять земель, в неведомую даль, а ползут по горизонту, и молнии мечутся то на востоке, то на западе, то на юге, то на севере.

До рассвета продолжалась гроза. Анастасия Фёдоровна и Ульяна не сомкнули глаз, но дождь всё-таки не коснулся их, и они лежали в сухих постелях.

Положение подуваровцев было отчаянное. Они несколько часов простояли на ногах и промокли до нитки.

Когда гроза стихла, Анастасия Фёдоровна и Ульяна вышли из палатки. Мужики суетились возле огневища, пытаюсь развести костёр.

– Ну как, два Петра и один Кондрат, переночевали? – лукаво переглядываясь с Ульяной, спросила Анастасия Фёдоровна.

Два Петра уныло промолчали, а Кондрат отбросил топор, выпрямился, сердито сказал:

– Шестьдесят седьмой год живу, а ужаси такой не видел! Всё наскрозь промокло. Вон бревно тешу, тешу, а вода так и брызжет!

– Вот что, два Петра и один Кондрат, – строго сказала Анастасия Фёдоровна, – сегодня же сделайте себе землянку или шалаш. Терпеть больше вашего самоуправства не буду!

И тут два Петра заговорили, перебивая друг друга:

– Беспременно, товарищ начальница!

– Вишь, ослушались вас и попали в конфуз. Покорно просим – извиняйте.

2

Анастасия Фёдоровна умела ценить время, как никто другой. Она поднималась на восходе солнца и сразу бралась за работу. Ульяна и мужики ещё спали, а на костре уже пыхтел кипящий чайник. Когда к завтраку всё было готово, Анастасия Фёдоровна будила Ульяну.

Под утро Ульяна спала особенно крепко и безмятежно. Так спится только в юности, когда физические недуги и психические изломы не терзают человека. Но как бы ни был крепок сон Ульяны, она просыпалась от первого прикосновения. Ей мучительно хотелось спать. Открыв глаза, она одаривала Анастасию Фёдоровну сиянием своих глаз и кроткой улыбкой и вполне серьёзно просила:

– Ещё десять минуточек, сон хочу досмотреть.

Анастасия Фёдоровна уступала:

– Ну и усни, Уленька.

Девушка закрывала глаза и в то же мгновение засыпала. Вторично будить её не приходилось. Минут через десять – пятнадцать Ульяна быстро вскакивала и бралась за гребень. Самое трудное в её утренних сборах было причёсывать волосы. Она расчёсывала их долго и тщательно, потом заплетала в косу. Остальное – умывание и уборка постели – отнимало секунды, и голос Ульяны звенел над Синим озером, отзываясь то там, то здесь гулким протяжным эхом.

Прежде чем сесть завтракать, Ульяна кормила Находку: заводила в котелочке болтушку из ржаной муки и мелко раскрошенного хлеба и, перемешав всё это лопаточкой, выливала в корытце, вытесанное топором самой же Ульяной из крупного кедрового сунунка.

Её забота о собаке умиляла Анастасию Фёдоровну, и та с усмешкой говорила:

– Ты, Уля, скоро будешь кофе подавать Находке в постель.

Ульяна заливалась звонким смехом, ласково трепала собаку, потом, став серьёзной, рассказывала:

– Тятя меня к этому приучил. «Сама не поешь, а собаку накорми, собака для охотника всё равно что конь для хлебороба», – повторял он мне тысячу раз. Да я и сама не бездумная, знаю, что без собаки как без рук. А уж какие они милые, собаки эти! Умницы, только что не говорят, а понимать – всё понимают! Вот взгляните, Анастасия Фёдоровна, Находке в глаза. Видите, она смеётся и довольнѐхонька, что мы о ней разговариваем.

– Скажешь ещё, что и плакать она умеет! Выдумщица же ты, Уля! – засмеялась Анастасия Фёдоровна.

– Плакать? Конечно, умеет! – с воодушевлением воскликнула Ульяна. – Был у меня такой случай: как-то раз обидел меня Алексей Корнеич. Тошно мне стало. Бросилась я под кедр и давай реветь. Находка – тут как тут, уткнулась мордой мне в бок, повизгивает, руки горячим языком лижет. Смотрю я, а в глазах у неё слѐзы, крупные-прекрупные...

– А ты что ж позволяешь, чтобы тебя обижали? – Анастасия Фёдоровна с осуждением взглянула на девушку.

Ульяна вспыхнула, потупила взор.

– А я и не позволяла! Скорее всего сама на себя обиделась. Алексей Корнеич в этом ни капельки не виноват.

– Ишь ты, как его сразу под защиту берѐшь. Значит, сердечко твоѐ сильно к нему расположено. Ну, твоѐ дело – сама смотри, а только учти один совет: будь к своей чести щепетильной, не поступайся гордостью. Потом пожалеешь, да поздно будет.

Ульяна посмотрела на Анастасию Фёдоровну и промолчала.

С того самого памятного дня, когда девушка встретила на стане невесть откуда появившуюся докторшу, Ульяне хотелось поговорить с ней о самом сокровенном, но, как только возникал повод к такому разговору, она робела, прятала под густыми длинными ресницами беспокойный взгляд и замыкала свои чувства в собственном сердце, как замыкают до поры до времени невестино добро в лиственничном сундуке.

Анастасия Фёдоровна отлично понимала, по ком тоскует ретивое Ульяны, по, видя её смятение, всякий раз, как только они заговаривали о Краюхине, останавливала себя, зная, что в таких делах надо быть осторожной. И как-то так случалось, что эти разговоры-перемолвки происходили у них утром, когда впереди был хлопотный день, полный забот и труда.

После завтрака они спешили к ручьям. Работа, которую они выполняли, была довольно однообразной, но по-своему интересной. Им предстояло отыскать, взять на учѐт и дать краткое

описание всех ручьёв и выходов тёплой грязи по побережью Синего озера. Но главное их желание состояло в том, чтобы найти источник – путь к «основному резервуару», который поставлял с неведомых земных глубин целебные воды и тепло. Для этого приходилось то там, то здесь пробивать шурфы, канавы, вскрывать бугры. Этим занимались землекопы – «два Петра и один Кондрат». Самой Анастасии Фёдоровне и Ульяне хватало другой работы. Босые, с подобранными выше колен юбками, с измазанными в иле лицами, с лопатами в руках, они бродили по берегу озера, стараясь не пропустить ни одного метра земли. То и дело им приходилось вытаскивать из портфеля Анастасии Фёдоровны, в котором она обычно носила медицинские инструменты, толстую книгу и записывать новые данные. Между собой в шутку они называли эту книгу грессбухом.

Изредка они перебрасывались фразами, которые посторонним могли показаться непонятными и просто смешными:

– Смотри, Уля, клубится ручеёк!

– Дешёвка, дождевой!

– А вдруг нет?

– По цвету воды вижу.

– Подожди, возьму на язык... О, безвкусица! Пошли дальше.

И они медленно-медленно, вглядываясь в грязь, в траву, в обвалы берега, шли и шли, хлюпая ногами по грязи и воде и отбиваясь от комаров, которые преследовали их на каждом шагу, особенно в тихие, безветренные дни.

– А я-то, дурёха, думала, что курорты открывают иначе.

– Как же, Уля?

– Сама не знаю, но как-нибудь красивее. А тут сколько грязи ногами перемесишь, сколько комаров своей кровью накормишь!

– А ты думала, белая палата с мягкой кроватью в роскошном дворце падает с неба в готовом виде? И всё так! У каждого дела есть две стороны: неприятная и приятная. Расскажу тебе маленькую притчу. Мне её часто повторяла мать Максима, когда я ещё молоденькой была.

– Ой, расскажите, Анастасия Фёдоровна! Только, чур, я сначала лопату обмою, глины с пуд налипло...

– Ну вот слушай. Жили-были две женщины по соседству. Одна приходит к другой, а у той в избе поросята: «Ой, кума, чем это у тебя так плохо пахнет?» Та объяснила. Наступила весна, пасха. Прибегает та же женщина к соседке. «Ой, кума, чем это у тебя так вкусно пахнет?» – «А тем же самым, кумушка, чем зимой плохо пахло!»

Ульяна звонко рассмеялась.

– Ну, конечно же, хорошо пахнет, когда поросят жарят! Моя мама в сметане их подаёт. Объедение! – Ульяна аппетитно причмокнула языком. – А что, Анастасия Фёдоровна, разве кто-нибудь вспомнит о нас, когда люди жить тут в курортных дворцах будут?

– Думаю, что не вспомнят, Уля. Будут знать архитектора, будут знать хороших врачей, которые людей лечить станут, а о нас могут и забыть. Да и так ли это важно? Сделано нужное дело – и отлично! На том и свет держится, что люди друг для друга добро делают.

– А всё-таки немножко обидно, правда? Я бы, например, ваш портрет обязательно здесь на курорте бы вывесила. А надпись такую дала бы: «Доктор Анастасия Фёдоровна Соколовская-Строгова. Она первая пришла на Синеозёрские источники, первая приступила к их изучению. Все остальные пришли по её следам».

– Ну и фантазёр же ты, Уля! Недаром ты охотница. Охотники все сочинители. – Анастасия Фёдоровна весело смеялась, втайне признаваясь самой себе, что от этой милой болтовни становится хорошо на душе и та далёкая-далёкая цель, ради которой она пришла в эти таёжные дебри, кажется совсем близкой. – Нет, Уленька, с моим портретом подожди, не торопись. Есть другие кандидаты, – со смехом сказала Анастасия Фёдоровна.

– Не знаю. А кто? – растерянно и недоумённо развела руками Ульяна.

– Кто? Во-первых, твой батюшка Михаил Семёныч. Он ведь мне сказал об этом озере. Да что сказал! Он испытал всё на себе – вылечился от ревматизма. А потом ты, ты меня привела сюда. Вспомни-ка!

– Ну, это не в счёт! – воскликнула Ульяна и, став вдруг строгой, заговорщически щуря глаза, сказала: – А вот уж чей портрет должен обязательно быть – так это дедушки Марeya Гордеича. Он об этом озере раньше всех знал. У него даже документ имеется...

Ульяна хотела рассказать Анастасии Фёдоровне о таинственном кисете, на котором вышитым кружочком обозначено Синее озеро, но та перебила её:

– Ну, Уленька, поговорили мы с тобой всласть о всяких приятных вещах, теперь давай полезем вот сюда, под яр. Надо всё-таки посмотреть, что там за родничок бьёт. Как думаешь, этим часом вон та толстая берёза не прихлопнет нас?

Ульяна кинула быстрый взгляд на яр, мысленно примерила расстояние.

– Что вы! Берёза ещё двадцать лет простоит. – И первая спустилась под яр, чуть не до бёдер подбирая юбку и утопая в вязкой и пышной, как тесто, тине.

И опять весь день то там, то здесь слышался однообразный и для посторонних непонятный разговор:

– Осторожно, клубится ещё один!

– Пустоцвет! И холодный, аж зубы ломит.

– А этот мутный и тёплый...

– Подожди, Уля, возьму на язык.

– Осторожно, яма здесь! Фу, продыху от проклятого комарья нету!

– Ой, Уленька, дай скорее руку! Меня в трясину тянет.

– А здесь твёрдо, как на железе!

– Источник бьёт!.. Ура!

Долгое молчание, и вдруг в голосе разочарование и даже отчаяние:

– Опять дождевой! С Кедровой гряды подлый примчался, только его и ждали!

Вечером после ужина не засиживались. «Два Петра и один Кондрат» выкуривали по сигарке и первыми уходили спать. Потом уходила Анастасия Фёдоровна. Ульяна ложилась последней. Иногда перед сном она, позвав с собой Находку, поднималась на Высокий мыс, и тогда синеозёрская тайга затихала, слушая песни девушки.

3

Но однажды произошёл такой случай, после которого вечернее время стало протекать иначе.

Как-то утром Ульяна проснулась, не дождавшись, когда её позовёт Анастасия Фёдоровна. Девушка тихонько оделась и, выглянув из палатки, обмерла от изумления.

Анастасия Фёдоровна сидела возле костра на кедровом чурбачке, и плечи её вздрагивали от рыданий, которые она сдерживала изо всех сил. И в этом печальном шевелении сильных полных плеч, в жалком изгибе спины, казавшейся Ульяне всегда статной и величавой, девушке почудилась страшная безутешность. «Неужели её мужики оскорбили?» – подумала Ульяна, готовая сейчас же схватить лопату к с криком броситься на них. Но вокруг никого не было, стояла тишина раннего таёжного утра, и даже листья на берёзах не шевелились. Озеро переливалось под первыми лучами солнца то серебром, то золотом, то медью. На самой середине его под прикрытием клочковатого туманца копошился утиный выводок. «Нет, нет, никто её не обидел. Мужики ещё дрыхнут вовсю. Что же у неё случилось?» – с тревогой думала Ульяна, не зная, что ей делать: подойти ли сию же минуту к Анастасии Фёдоровне и попытаться утешить её или переждать, не мешая женщине выплакать свою печаль до конца?

Пока Ульяна про себя решала это, прячась за полог палатки, Анастасия Фёдоровна, точно почувствовав, что за ней наблюдают посторонние глаза, вскочила и быстро-быстро направилась к озеру. Тут она забрела по колени в воду и поспешно умылась.

Ульяна вышла из палатки, остановилась возле костра.

– Здравствуй, Уленька! Как спалось тебе нынче? – по-обычному ласково сказала Анастасия Фёдоровна, вытирая мокрое лицо.

– Хорошо! А вы как спали? – заглянув в синеву глаз Анастасии Фёдоровны, спросила Ульяна.

– Сносно, Уленька! Спасибо! – ответила Анастасия Фёдоровна и поспешила заговорить о другом. – Я думаю, Уля, послать сегодня рабочих на восточный берег, пусть они попробуют пробить шурф возле дальнего ручья. Может быть, он-то и есть главный источник.

Ульяна согласилась, но не это занимало её сейчас. «Почему же она плакала? Что у неё случилось?» – испытующе поглядывая на Анастасию Фёдоровну, спрашивала себя Ульяна.

Тревога не покинула её и на работе. Она так пристально смотрела на Анастасию Фёдоровну, с такой готовностью исполняла все её просьбы, что та, заметив её особое внимание, сказала:

– Ты что, Уленька, сегодня смотришь на меня как-то особенно?

И тут Ульяна, сама с трудом сдерживая слёзы, воскликнула:

– А почему вы утром плакали?!

– Я плакала?! Что ты, миленькая! Тебе показалось, – попыталась отговориться Анастасия Фёдоровна, но Ульяна стояла на своём:

– Конечно, плакали! Я видела: у вас плечи вздрагивали!

Анастасия Фёдоровна пыталась отделаться шуткой:

– Ну если и плакала, что за беда? Бабы слёзы как роса; солнце выглянуло – и сухо.

– А что мне тятя наказывал, вы знаете? – горячо возразила Ульяна. – Он велел не спускать с вас глаз. «Знай, Улька, докторша у тебя в гостях. Мы в тайге хозяева, она в городе. Смотри, чтоб всё было в аккурате».

Анастасия Фёдоровна виновато опустила голову. Нет, пренебречь сердечностью этих людей она не могла.

– Родненькая моя! – полуобняв девушку, воскликнула Анастасия Фёдоровна, чувствуя, что никаких тайн не может быть у неё от Ульяны. – Я в самом деле всплакнула. А почему – я тебе потом, вечером, расскажу. Не так-то просто объяснить это...

В летнее время в Сибири бесподобно прелестны таёжные вечера.

От заката солнца до наступления полной темноты в тайге происходит такая причудливая игра красок природы, что дух захватывает. Начинается это с той самой минуты, когда багряная кипень солнца повисает на макушках деревьев. Нет в сутках другого времени, в которое тайга, её самые непроходимые и затаённые уголки с такой силой освещались бы солнцем. Именно об этих

минутах охотники метко говорят: вечер с утром спорит. И правда, если утреннее светило всем своим порывом устремлено ввысь, то вечернее целиком отдаёт себя земле. Лучи вечернего солнца всегда растекаются по горизонту, и полёт луча ограничен четвертью небосклона. Крестьяне и охотники Улуюлья давно восславили утро, ибо утро вечера мудренее, но и вечеру они отдают должное. Вечер – это рубеж прожитого дня, время освобождения от забот, время любви и утех, время сокровенных бесед, из которых черпается мудрость предстоящего утра. По народным преданиям, бытующим в Улуюлье, луч вечернего солнца чудотворен, и есть в природе такие растения, которым его прикосновение даёт жизнь.

Анастасия Фёдоровна и Ульяна сидели на Высоком мысу и молча любовались на живое течение таёжного вечера. Вот чащоба леса, пронизанная до самой последней былинки солнцем, запылала, как волшебный костёр, вот это пылание вдруг стало затихать, наконец погасло, и откуда-то, из невидимых буераков и низин, поползли длинные угловатые тени. Это с неумолимой силой надвигались сумерки. Солнце уже опустилось в лес, и только тонкий, как сухой таликовый прут, лучик всё ещё мятежно скользил по небу. И чудилось, что он, наподобие солдата-героя, не покинет своего поста до тех пор, пока тьма-тьмущая не прихлопнет его сильное гибкое тело всей своей громадой.

Синее озеро в этот тихий вечер, как самое правдивое в мире зеркало, отражало всё, что свершалось в природе. Вначале оно было голубым, потом загорелось пурпурным пламенем, ещё некоторое время спустя оно стало плотно-серым, как пыльная наезженная дорога, только что смоченная редким дождём, а ещё через четверть часа озеро было непроглядно тёмным, как вспаханный чернозём. И вдруг в глубине этой мглы робко заблестел светлячок. Прошло десять – двадцать минут, светлячки рассыпались по всему озеру.

Не подымая головы и не глядя на небо, Ульяна сказала:

– Звёзды высыпали. Тятя говорил: в этот час самые большие рыбы выходят из омуты посмотреть, что делается на белом свете.

Анастасия Фёдоровна долго молчала. Не первый раз она переживала это странное состояние восторга, порождённое чудесными, почти сказочными свершениями природы.

– Ах, как мне жаль их! – вдруг воскликнула Анастасия Фёдоровна, поглощённая своими думами.

Ульяна посмотрела на неё, но в темноте трудно было заметить удивлённое выражение её глаз.

– О ком вы говорите, Анастасия Фёдоровна?

– Ой, Уленька, о многих! Я пожалела сейчас тех, кто не подозревает, что существуют на свете такие дивные чудеса природы. Ты знаешь, Уля, у нас в облздравотделе есть секретарь Аделаида Николаевна. Она никогда в жизни никуда не выезжала. Даже за городом по-настоящему не была. А ведь ей и в голову не приходит, как она обкрадывает собственную жизнь! Бывало, приедешь, из Новоюксинска, а у неё только одно на языке: «Ну, что, комары вас не заели там?» Будто в природе одни комары существуют!

– Чудаков не сеют, не жнут, они сами произрастают, – со спокойной снисходительностью сказала Ульяна.

Она редко восторгалась красотами природы, потому что жила в природе, трудилась в ней, любила её, как любят мать, – всем существом своим, всеми чувствами, данными человеку. Да и не

об этом сейчас хотелось говорить Ульяне. Она помнила утреннее обещание Анастасии Фёдоровны рассказать о причине своих слёз. Опасаясь, что «два Петра и один Кондрат» обязательно втянут начальника отряда в какой-нибудь длинный производственный разговор, Ульяна после ужина увела Анастасию Фёдоровну на Высокий мыс.

Конечно, когда вечер играл всеми красками, тут было не до разговоров, но вот темнота окутала притихшую тайгу, и надвинулась ночь. Уж не забыла ли Анастасия Фёдоровна о своём обещании? Напомнить бы ей, да неудобно как-то. Но напоминать не пришлось.

– Вот, дружок мой, послушай теперь, почему я утром плакала, – заговорила Анастасия Фёдоровна, беря руку Ульяны и бережно пожимая её. – Перед тем как проснуться, увидела я сон. Сижу я будто у себя в облздраве, разбираю бумаги. Вдруг открывается дверь, и входит мой Максим. Весь какой-то взлохмаченный, взъерошенный, с воспалёнными глазами, как в лихорадке. Медленно-медленно и как-то боком подходит ко мне, становится вполоборота и, глядя в глаза таким взглядом, что душа во мне перевернулась, говорит: «Здравствуй, Настасьюшка! Ну, скажи мне по совести, долго ты от меня прятаться будешь? Десять лет моё сердце томится по тебе: три года ждал я тебя в Москве, потом три года ждал тебя в Высокоярске, потом на пять лет разлучила нас война. И вот опять ты ушла от меня. Смотри, как бы не сгорел я от тоски-печали...» И только он сказал эти слова, как вокруг разлился сине-зелёный туман, запылала белые огни. Бросилась я тут на пол, обхватила руками его ноги и кричу во всю мочь: «Не дам сгореть, ни на минуту больше не отпущу тебя!»

Видимо, и в самом деле я кричала. Проснулась сама не своя. Вскочила с постели, сбегала на озеро и давай скорее костёр разжигать. Сижу у костра, а слёзы душат, и не могу никак остановиться. Сон-то по живой ране пришёлся! Сколько мы с ним, с Максьюшей, прожили в разлуке! То его нет, то меня. Другие от таких разлук чужими становятся, а мы... К старости уже скоро года покатаются, а люблю его сильнее прежнего.

Держа Ульяну за руку, Анастасия Фёдоровна тоном предельной доверительности говорила:

– Ты, Уленька, возможно, думаешь, что я только по ласкам его тоскую? Нет. Ещё тяжелее оттого, что не вижу его глаз, не слышу его голоса, не ведаю его дум. Ты знаешь, он какой? Он особенный! И мысли у него всегда впереди жизни. Ещё ничего не случилось, а Максим уже успел подумать об этом. Совсем недавно, перед тем как наши улуюльские дела начались, пришла я из своего облздрава и рассказываю ему о том о сём... Он выслушал меня, улыбнулся и говорит: «Вполне возможно, что у тебя будут служебные неприятности. Подготовь себя, чтобы не растеряться перед неизбежностью». Я так и ахнула: «Да что ты, милый друг, я тебе про Фому, а ты мне про Ерёму». Он стоит, посмеивается: «Ну ладно, я ведь что? К слову пришлось». А через недельку-другую и завертелось всё! Влепил мне заведующий выговор за самовольную поездку на Синее озеро, а потом вскоре и Маришина экспедиция потребовала мою собственную персону...

Анастасия Фёдоровна долго молчала. Горячие пальцы её вздрагивали, и Ульяне казалось, что ещё миг, и эта сильная женщина разрыдается.

Ульяна словно замерла, сидела, боясь шелохнуться. Больше всего на свете она боялась людских слёз, хотя сама часто омывала ими свои горести, а порой и радости.

Анастасия Фёдоровна тяжело вздохнула, обняв Ульяну, прижалась к её плечу, стараясь быть весёлой, сказала:

– Ну вот и всё! Как видишь, ничего страшного не произошло! Уж ты, друг мой Уленька, извини меня, старую да дурную, что своими слёзами причинила тебе беспокойство. Утром как проснулась да раздумалась... Вот меня в слёзы и кинуло... – И опять пальцы Анастасии Фёдоровны задрожали и горло стиснули спазмы.

– Ведь ненадолго! Скоро и домой. А смотрите, Максим Матвеич сюда придет. Помните, весной-то приехал же! – прочувствованно сказала Ульяна, всеми силами души стараясь вернуть Анастасию Фёдоровну в её обычное деятельное состояние.

Этот день и в особенности этот вечер принесли Ульяне поразившие её открытия. Ей и в голову не пришло бы раньше, что такие цельные, опытные, умные и даже боевые женщины, как Анастасия Фёдоровна, вступившие давно в пору зрелости, так остро переживают свою любовь. В представлении Ульяны это рисовалось иначе: любовь с её неожиданными переливами радости, восторга, очарования, с её сложностями и испытаниями – удел тех, кто, подобно ей самой, вступает в жизнь. Что касается людей пожилых – а пожилыми Ульяна считала даже тридцатилетних, – то у них если и существовала любовь, она была какая-то совсем другая, как ей казалось, скучная, без тех взлётов и падений, которые заставляли её собственную душу то парить в атмосфере безотчётного ликования, то безутешно биться в острой тоске. Неужели она ошиблась? Анастасия Фёдоровна – исключение? Ну, конечно же, ведь таких замечательных женщин, как она, Ульяна больше не знала. Годы её немолодые, уже морщинки легли возле ярких синих глаз, но зато сколько в ней энергии, полнокровного здоровья и женственности! Несмотря на свой высокий рост и полноту, она такая ловкая, быстрая, что удержу нет. А уж как сильно она, должно быть, нравится мужчинам! Даже такие олухи, как «два Петра и один Кондрат», и те посматривают на неё с затаённой нежностью и смущением. Ульяна помнила, как однажды дедушка Марей Гордеич сказал про Анастасию Фёдоровну: «Королева наш доктор. Чистая королева». Видеть живую королеву Ульяне не доводилось, но на картинках в исторических книгах она встречала изумительно красивых женщин. Анастасия Фёдоровна не только ни в чём не уступала им, но казалась Ульяне ещё более красивой. У тех и лица и вся фигура скованы сознанием своей величественности, а у Анастасии Фёдоровны трепетно жила каждая частичка лица, каждая линия, каждый изгиб её тела. Но нет, она не была исключением. Об этом Анастасия Фёдоровна сказала сама.

– Ты не думай, Уленька, что я одна такая. Все мы, бабы, на один манер. Помню, во время войны, особенно когда немец гнал наших до самой Москвы, много пролили мы слёз. Бывало соберёмся у кого-нибудь из соседей пораньше, пока детишки спят, начнём вспоминать свои счастливые денечки, когда жили вместе с любимыми мужьями, и... в слёзы. Плачем, а сами в окна посматриваем, чтоб не увидел какой-нибудь недобрый человек наши слёзы да не подумал, что русские бабы от тоски-кручины силы потерять могут. А ведь сама знаешь, на нас-то и тыл держался. Прятали, Уленька, слабость свою подальше, загоняли её в самый дальний уголок души, а другому подлецу казалось, что мы бесчувственные, чёрствые, расчётливые...

– А вам встречались такие?

– Конечно! Один в Новоюксинске даже сватался ко мне.

– Неужели?

– Да, да. Был он какой-то заготовитель из области. Такой солидный, на вид красивый, с седоватыми волосами с пробором. Вначале ко мне в райздрав по делам пришёл. Потом зачистил чуть ли не каждый день. Наконец, приглашает к себе в гости. Жил он у кого-то из своих подчинённых...

– И вы пошли? – с испугом спросила Ульяна.

– Пошла. Почему же не пойти?

– И что же?

– Встретил меня замечательно. Угощал вкусно, обильно – так в военное время ели немногие. К концу нашей встречи сказал мне, что я ему очень нравлюсь и он готов жениться на мне.

– Так вы же замужня! – воскликнула Ульяна, несколько задетая спокойным тоном Анастасии Фёдоровны.

– Я ему сказала об этом. Да он и сам знал.

– И?..

– И это его не смутило. «Странно, говорит, если б такая женщина, как вы, была бы незамужней. Но сейчас, говорит, война, среди людей, как никогда происходит переоценка и обстоятельств жизни, и ближних, и самих себя. Я, говорит, вижу, что вы будете для меня счастьем, и я постараюсь оказаться достойным этого счастья». И всё это серьёзно так, душевно, без тени плохого ухажёрства. Я его слушаю, отказываюсь, но не грубо, а тоже серьёзно, сама про себя думаю: нельзя же бить человека, если он этого не заслужил. Он же не виноват в том, что полюбил меня. Это скорее для него трагично...

– И всё-таки дали бы ему от ворот поворот! Максим Матвеевич на фронте, а он сует своё рыло, – со злостью сказала Ульяна.

– А ты послушай, что было дальше... Ну вот, проходит неделя или две, и вдруг привозят мне от него ящик с продуктами. Смотрю, туесок масла, жбан с мёдом, почти пудовый кусок лосевого мяса, мороженая рыба. Привезли ящик без меня. Пришла с работы – глазам не верю! Читаю записку: нежные слова, тоска, мол, гложет, жду встречи, а главное, жду ответа. И в конце называет: «родная». Прочитала я это слово, и затрясло меня как в ознобе. Вон, думаю, какой ты приткий! И сразу поняла я, что заготовитель прохвост. «Что же, думаю, делать с продуктами? Отправить назад? Отвезти к прокурору? Да ведь такой от ста судов и прокуроров отговорится». И решила я тогда, Уленька, передать всё это в больницу. Вызвала главврача и велела ему написать письмо заготовителю в таком духе: «Руководство больницы высоко ценит ваш патриотический поступок. Продукты заприходованы и будут использованы для питания тружеников героического тыла».

Ульяна звонко рассмеялась.

– Хорошо, очень хорошо вы с ним обошлись! Только я бы его ещё в тюрьму посадила.

– Ну уж и в тюрьму сразу! Кто его знает, откуда он эти продукты взял? Может быть, купил за свои любезные. Когда человек любит, он ничего не пожалеет.

– Вы же сказали, что он прохвост.

– Видишь ли, Уленька, это по моим представлениям он прохвост, а другая могла бы расценить это как заботу, была бы счастлива...

– А вы его когда-нибудь ещё встречали?

– Нет, конечно! Он был человек неглупый, всё понял и сам исчез с моего горизонта.

– И как это вы так... спокойно? Он же хотел вас с Максимом Матвеевичем разлучить!

– Не он один хотел разлучить. Были похлеще этого, понапористее, да, пожалуй, и похитрее.

– Страшно даже!

– Страшно? Было бы страшно, если б Максим не был мне дороже всего на свете.

– А вы давно его так любите?

– С самой юности, Уленька. А только любовь не стоячая. Она течёт, как река. И бывает так: течёт, течёт и вдруг иссякнет, и начинается не жизнь, а маята. А случается и так: чем больше течёт, тем полноводнее становится. Я иной раз вспомню, какой была наша жизнь тогда, в молодости, и мне немножко грустно делается. Хоть жаль молодости до слёз, а всё-таки и после неё сколько всего хорошего было! Дети у нас родились. Забот не перечесть! Потом учение мы кончили. Стали опытные, умные. А тут война, победа. Он вернулся цел и невредим. Ах, Уленька, как страшно мне было, когда война шла, когда кругом падал один, другой, третий...

Анастасия Фёдоровна помолчала.

– Какое это счастье, какое счастье, когда он пришёл! Многие, очень многие этого не испытали, – сказала Анастасия Фёдоровна и опять замолкла.

– Хочешь, расскажу, Уля, как я его полюбила? – вдруг спросила она.

– Хочу, хочу! Расскажите, пожалуйста, всё-всё!

– Ну, слушай. Вскоре после окончания гражданской войны на Дальнем Востоке пришёл Максим Матвейич на рабфак. Я уже там второй год училась. Пришёл он худой, утомлённый и только начал учиться, заболел сыпняком. Тиф тогда косил чуть ли не всех подряд. Положили его в заразный барак. Оттуда немногие возвращались.

Проходит день-другой, а я места себе не нахожу, болит у меня душа за этого паренька. Пошла я к больнице, брожу возле: туда, внутрь, никого не пускают. Вижу, выходит из барака пожилая женщина в белом халате, по всему видать – санитарка. Я к ней: «Скажите, пожалуйста, тётушка, каково здоровье Строгова Максима?» – «А он кто вам будет?» Зарделась я вся и говорю: «Братик он мне. Всего только на годок старше». Санитарка пристально посмотрела на меня и говорит: «Походит он на тебя. Плохое его дело, сестричка, без памяти который день. Боюсь, как бы не прибрал его господь бог». Я тут чуть с ног не повалилась. А санитарка о своём: «Его б сейчас молочком почаще поить, да разве за всеми уследишь, на ночь всего две санитарки на весь барак остаются».

Ушла она, а я стою как прикованная. «Нет, думаю, я не допущу, чтобы такого парня господь бог прибрал».

Ринулась я тут к доктору, заведующему инфекционным отделением: «Пустите меня в тифозный барак. Брат там у меня при смерти». Доктор слушать меня не желает: «Вы заразитесь! Мы вшей ежедневно с больных снимаем. Кто будет в ответе, если вы заболете?» Я стою на своём: «С вас ответа не спросят. А вот если братец мой умрёт, я вам жизни не дам, я вас по пятам буду преследовать». Вижу, задумался доктор, был он, видимо, не из храбрых. Я заметила, что он колеблется, подошла к нему, говорю: «Чтоб вы не боялись, расписку вам дам – сама настояла, сама и в ответе». Он дал лист бумаги, диктует: «Я предупреждена об опасности и в случае заболевания никаких претензий никому предъявлять не буду». Я дала подписку, он вызвал фельдшера, и тот повёл меня в барак.

Зашла я туда и чуть не бросилась назад. В бараке душно, стонут больные, пахнет карболкой и камфарой...

Старая санитарка привела меня в самую крайнюю палату. «Тут, говорит, твой братик, умирать его сюда привезли».

Лежали в этой палате пять человек. Четверо умерли, а Максим Матвеич выжил. Трое суток просидела я возле его кровати, поила с ложечки, ждала, когда наступит кризис, и укараулила! Стал он постепенно поправляться. Я сама так измоталась, что еле на ногах держусь. «Неужели, думаю, доктор прав и я заболела?» Но всё-таки ничего, выстояла.

И случилось в эти дни одно страшное событие. Прихожу я как-то утром в палату, где Максим Матвеич лежал. Он увидел меня, смутился и обрадовался. И вдруг говорит мне: «Настенька, мои родители приехали. Остановились они на Извозной улице, дом номер семь, квартира семнадцать. Сходи к ним, пожалуйста, скажи, что я поправляюсь. А по дороге забеги в какой-нибудь магазин, купи гостинец сестрёнке. Сестрёнка у меня есть, Маришкой её зовут».

Я слушаю, а сама про себя соображаю: «Что-то несурзное ты, парень, бормочешь. Когда же могли приехать твои родители? Как ты узнал об этом? Я ведь уходила из барака почти в полночь и вернулась чуть свет. Никого не было». Но всё-таки говорю ему: «Сходить схожу, почему бы не сходить? И гостинец куплю. Ты лежи, не беспокойся, знай поправляйся себе. Ребята и девчата со всего рабфака тебя ждут, проходу мне не дают, все о твоём здоровье справляются». Он помолчал, улыбнулся, а потом спрашивает: «А ты видела, Настенька, какую шинель мне военком выдал? Новую, длинную, с кавалерийским разрезом. Посмотри, она там, в коридоре, возле пирамиды с винтовками висит». Я сжала зубы, чтобы не закричать. Потом взяла себя в руки, встала и говорю: «Сейчас я посмотрю». И скорее за дверь!

Бросилась я к тому доктору, которому подписку давала. «Доктор, милый вы человек, он с ума сошёл, спасите братика». И сама перед ним на колени.

Он поднял меня, посадил на стул и совершенно спокойно говорит: «Тёмный вы человек, молодая барышня. У вашего брата психоз – следствие многодневной высокой температуры. Это скоро пройдёт. Не раздражайте его ничем, делайте вид, что он говорит разумное, только слушайте его».

Ах, Уленька, я всё это помню как сейчас. Обняла я доктора и давай целовать. Он отбивается от меня: «Вы, говорит, сами-то, молодая барышня, в своём уме?»

Ну, помчалась я снова в палату.

Прошло после этого недели две, и его разрешили выписать. Собрали ребята со всего рабфака денег на извозчика, и мы привезли его домой. Домой – это в общежитие. И тут он начал быстро поправляться... А вскоре он признался, что любит меня. Обычно как бывает? Девчонки млеют от таких слов, а я сделалась строгой-престрогой и говорю: «Ты, может быть, полюбил меня в благодарность за то, что я за тобой в тифозном бараке ухаживала? Имей в виду, что мне благодарности не нужно, я проживу и без неё». Я, конечно, говорила это с хитринкой и никак не думала, что это обидит его. А он так обиделся, что жутко смотреть стало. Глядит на меня в упор, в глазах у него и слёзы, и мука, и черти прыгают, и говорит: «Я считал, что ты в людях разбираешься, можешь улавливать движения их души, а ты тупая дурёха». И ушёл.

Я проревела всю ночь. Девчата валерьянкой меня отпаивали, холодное полотенце на голову клали. Чем бы всё это кончилось, не знаю, если б не выручила меня из этой беды Машенька Дорохина, подружка моя, теперь тоже врач. На другой же день, не говоря ни слова, она пошла к Максиму и принесла от него записку. «Настенька, прости, если обидел тебя. Беру свои грубые, недостойные тебя слова обратно. Ещё раз повторяю то, что говорил: я люблю тебя, и не только потому, что ты ходила за мной в тифозном бараке. Любил бы и без этого, но за это люблю ещё больше».

Прочитала я записку, и такое охватило меня счастье, что взлететь готова. Девчата вернулись с занятий, а я пою на всё общежитие. Они смотрят на меня, удивляются: «Что такое с Настей случилось? Ночью хворала, а сейчас песни поёт!» А мы с Машенькой переглядываемся и молчим. Пусть себе, мол, гадают, много будут знать, скоро состарятся!

Анастасия Фёдоровна глубоко вздохнула, со смешком закончила:

– Всякое, Уленька, было... и смешное и печальное. Поживёшь вот побольше, сама всё испытаешь...

– Нет уж, я ничего такого не испытаю, – мрачно, упавшим голосом сказала Ульяна.

– Это почему же? Что ты, не такой человек, как все? – удивилась Анастасия Фёдоровна.

– Не такой.

– Вот что! А я этого не знала. А чем же ты отличаешься от других?

Ульяна молчала.

– Ну что же не говоришь? Скажи! Мне же это очень важно знать.

– А тем, – начала Ульяна и замолчала, перебарывая нахлынувшие слёзы, – а тем отличаюсь, что я никого не люблю и меня никто не любит.

При иных обстоятельствах Анастасия Фёдоровна рассмеялась бы, но сейчас она сдержала себя, понимая, что своим рассказом разберёдила душу Ульяны.

– Ну, это, Уленька, ты глупости говоришь. И тебя любят, и ты полюбишь. У тебя ещё всё впереди, – ласково полуобняв и притянув к себе девушку, проговорила Анастасия Фёдоровна.

– Нет, нет, этого никогда не будет! – заупрямилась Ульяна и даже отстранилась от Анастасии Фёдоровны.

– Да ведь ты уже любишь! Ты думаешь, я слепая? Ты Краюхина любишь!

Ульяна сжалась так, что захрустели суставы, плачущим голосом протянула:

– Больно-то я нужна ему. Он и без меня найдёт, кого полюбить.

– Ну, родненькая, это ещё неизвестно!

– Он всё со мной обращается, как с девчонкой. Шуточки да прибауточки, спеть ему, сбежать куда...

– И что же? Очень хорошо! И ты не смей отказываться. Что просит, то и делай. Они, деловые-то ребята, все такие. Они не очень-то в слова верят, им дело подай.

– Уж насчёт дела он горяч! Не щадит себя ни капельки! – с восторгом сказала Ульяна и, помолчав, продолжала: – На раскопках работали. Он весь в поту, весь мокрый, а копает. Посмотрит на меня, скажет: «Ну ты, Уля, сядь отдохни, ты за мной не гонись, я дурной на работе, а ты молоденькая, тебе надрываться нельзя».

– Вот видишь, как заботится, значит, ты ему не безразлична.

– Не знаю, – растерянно протянула Ульяна.

– А я знаю. На белом свете побольше тебя пожила, повидала таких, как вы с Краюхиным, немало.

– Не знаю, – менее растерянно сказала Ульяна.

– Знаю – не знаю, гадать не будем. Если любишь, так крылья-то не опускай! Верь в себя и начеку будь! – Анастасия Фёдоровна засмеялась. – А будешь зевать, девчат хороших везде полно. Невеста для такого жениха найдётся!

– Найдётся! – почти шёпотом повторила Ульяна и замолчала, снова охваченная тревожными думами.

Ночь текла над тайгой тихая, тёмная. Вечерние птицы отрезвонили своё и смолкли. Утки, то и дело перекликавшиеся надсадными голосами, уплыли в дальний край озера, поросший камышом, и там затихли в дрёме. На самой большой глубине озера звонко всплескивалась рыба.

– О, Уленька, а времени-то уже много! – рассматривая в темноте часы со светящимися стрелками, сказала Анастасия Фёдоровна.

Но Ульяна словно не слышала её и заговорила совсем о другом:

– Хотите, я вам один секрет открою? Только не знаю, интересно ли вам будет, – вдруг забеспокоилась Ульяна.

– Лучше уж давай так сделаем. Чтоб ты потом не терзалась, что секрет раньше времени выдала, ты обдумай сначала. В случае чего завтра расскажешь. А сейчас пойдём спать.

– Хорошо! – с радостью воскликнула Ульяна и первой пошла в темноту.

Анастасия Фёдоровна не напоминала Ульяне о её обещании открыть «секрет». Пряча улыбку, она про себя думала: «Какой уж там секрет! Знаю я эти девичьи секреты, у самой они в юности бывали. Не иначе как любовные письма хочет показать».

Но Анастасия Фёдоровна ошиблась в своих предположениях.

Дня через три после первого разговора Ульяна, приоткрыв утром полог в палатке, сказала:

– Смотрите, Анастасия Фёдоровна, вот он, секрет-то!

Анастасия Фёдоровна занималась уборкой – был её день. Они убрали в палатке поочерёдно.

– Подожди минуточку, Уля, сейчас выйду.

Вскоре она вышла, а вернее, выползла из палатки.

– Ну, что у тебя?

Ульяна подала мешочек, сшитый из мягкой и уже поизносившейся от времени оленьей кожи. Вид у мешочка был изрядно потёртый, и Анастасия Фёдоровна, не прикасаясь рукой и с брезгливостью на него косясь, воскликнула:

– Что это за тряпка, Уля?

– Это не тряпка. Это тунгусский кисет. Дедушка Марей Гордеич мне подарил. Вот смотрите – здесь карта Улуюльского края вышита.

– При чём тут карта? – недоверчиво спросила Анастасия Фёдоровна, собирая волосы в причёску.

– А вот смотрите: этот кружок – Синее озеро, а этот – Орлиное озеро. А эта извилистая нитка – река Таёжная. Тут вот ещё какие-то крестики... Дедушка Марей Гордеич сказал, что, возможно, это обозначены стойбища тунгусских племён.

Ульяна поставила ногу на чурбак и растянула кисет.

Анастасия Фёдоровна, вначале смотревшая на «секрет» равнодушно, придвинулась к Ульяне вплотную и склонилась, разглядывая незатейливую вышивку.

– Марей Гордеичу этот кисет тунгусы подарили. Они дедушку от царских властей укрывали, когда он в бегах был, – рассказывала Ульяна, понизив голос и этим подчёркивая значение своего «секрета».

– А давно этот кисет у тебя?

– С весны. Как раз мы с Алексеем Корнеичем на раскопках работали. Он тогда был какой-то сердитый, неразговорчивый... Я с дедушкой копала, а он сам по себе. Раз как-то разговорились мы

с дедушкой о прошлом Улуюля, он и говорит: «А сейчас, Ульянушка, я тебе передам кисет. Мне его подарил один старый тунгус, когда умирал. Тут, на этом чертеже, будто бы обозначены богатства, о которых только одни тунгусы знали».

– Занятная вещичка! Но зачем же тебе кисет? Марей Гордеич хотел, наверное, чтобы ты его Краюхину передала. Он и курящий и старину всякую собирает.

– Это возможно. А только я обиделась тогда на Алексея Корнеича...

– За что же ты обиделась на него?

Ульяна понурилась, помолчала и, преодолевая смущение, неожиданно для себя призналась:

– Он меня в Мареевку отправлять письмо Софье Великановой посылал.

– Приревновала! – засмеялась Анастасия Фёдоровна. – Ну вот, а говоришь, что никого не любишь. Нет, родненькая, это не такая простая штука – любовь!

Ульяна молча свернула кисет и ушла в палатку, чтобы спрятать его подальше. Анастасия Фёдоровна, посматривая вслед девушке, думала: «Ой, сильно захватил он твоё сердчишко! Несладко тебе будет, если он на твою любовь не отзовётся».

Вскоре Ульяна принялась готовить на костре завтрак. Подошли рабочие, и Анастасия Фёдоровна начала разговор о заданиях на этот день.

Потом мужики отправились своей дорогой, а Анастасия Фёдоровна с Ульяной – своей.

В тот день женщины намеревались побывать у истоков Гремучего ручья. Ульяна давно уже твердила о нём. Она помнила, что именно в этом ручье её отец вылечился от ревматизма. Но пока не был обследован весь берег Синего озера, Анастасия Фёдоровна каждый раз отводила настояния Ульяны.

– Нам, Уленька, не надо с методики сбиваться. Вот обследуем весь берег, тогда начнём выше по ярусам холмов идти.

И Анастасия Фёдоровна, конечно, была права. При таком подходе к делу исключалась всякая возможность пропуска необследованной территории, а ведь только это могло дать полное представление о водоисточниках Синего озера. Теперь эта работа была закончена, и можно было уходить в глубь тайги.

Гремучий ручей на самом деле был тихим и робким, как все ручейки Улуюльской тайги в летнюю знойную пору. Кто его назвал Гремучим – было неизвестно, но, по-видимому, для этого имелись какие-то основания.

– Я думаю, его назвали так в шутку, – высказала своё предположение Анастасия Фёдоровна.

Ульяна с ней не согласилась и привела свои доводы.

– Нет, Анастасия Фёдоровна, название это дано всерьёз. Возможно, весной, когда тает снег, ручей в самом деле становится шальным и гремучим. Смотрите, какая здесь местность! То склон, то

перевал... А вернее всего, – помолчав, продолжала девушка, – назван он так потому, что воды и грязи придают ему необыкновенную силу... Гремучий – дающий жизнь, здоровье...

Анастасия Фёдоровна не ожидала, что названию ручья можно дать такое толкование. Она обернулась, серьёзным взглядом окинула Ульяну, сказала:

– А что, Уленька? Это вполне возможно.

– Конечно! Люди выразили в названии самое существенное. Название зря никогда не даётся. Вот я сейчас припоминаю: есть тут где-то речка Утиная. Тятя меня водил туда по весне. Уток там действительно масса. Или вот возьмите: Синее озеро. Уж не правда ли? Синь, гладь, покой. А за Мареевкой, Анастасия Фёдоровна, – со смехом продолжала Ульяна, – есть болото, прозванное Вонючим, И в самом деле, такое вонючее, будто в него дохлых кошек набросали, прёт, как со свалки. Тятя мой, шутник, говорит раз Алексею Корнеичу: «Тут, говорит, Алёша, по всей видимости, скотское кладбище у бога когда-то было».

– А что Алексей Корнеич сказал? – живо спросила Анастасия Фёдоровна.

– Алексей Корнеич посмеялся, конечно, над тятьей. «Это, говорит, Вонючее болото в будущем, Михаил Семёныч, люди сильно прославят». Тятя мой так и ахнул: «За что же?» – «А за то, говорит, что оно показывает наличие газа в Улуюлье».

– Газа? Он что же, всерьёз о газе сказал или ради забавы? – спросила Анастасия Фёдоровна.

– Не знаю, – покачала головой Ульяна. – Может быть, всё это одни мечты его, а может, и в самом деле он верит в это.

– Интересно! Уж как-нибудь при встрече расспрошу его об улуюльских чудесах, – сказала Анастасия Фёдоровна и в недоумении остановилась. – А где же ручей-то? Мы потеряли его, Уля!

Ульяна нагнулась, разгребла руками пихтовые ветки и долго присматривалась к земле, застланной плотным слоем таёжного мусора.

– Да вот он! Смотрите, он стал тонким, как нитка, и под коренья деревьев ушёл.

Анастасия Фёдоровна опустилась рядом с Ульяной на колени и не сразу увидела узкую струящуюся полоску прозрачной воды.

– Ну и Гремучий! Иди, Уля, ты впереди, а то я опять собьюсь.

Они пошли дальше. Ручей петлял по пихтачу, прятался куда-то под землю, потом выскакивал на поверхность, становясь шире и многоводнее.

Пройдя ещё километра два-три, они наткнулись на цепь маленьких озёр, похожих скорее на лужи, какие образуются в ложбинах и ямках после проливного дождя. Земля вокруг этих лужиц была истоптана. Ульяна заметила отпечатки птичьих и звериных лап.

– Следов-то тут сколько! Как бы не наскочить на кабана, – проговорила она и, сняв ружьё, висевшее на ремне за спиной, приказала собаке: – Находка, будь со мной!

Анастасия Фёдоровна молчала. Она всё ещё была под впечатлением того, что сказала Ульяна о происхождении названия этого ручья. «Гремучий ручей! Странное название!.. Что же, может быть,

Ульяна и права... Люди здесь обитали давно... жили, трудились, болели, а значит, искали исцеления от болей...»

Вдруг Находка ошетижилась, зарычала и с лаем бросилась вперёд. Ульяна вскинула ружьё, зажала ложе под мышкой, готовая в любой миг поднять его к плечу и выстрелить.

– Ближе ко мне, Анастасия Фёдоровна, – не оборачиваясь, встревоженно сказала девушка, не зная ещё, что сулит ей следующая минута.

Послышался сильный хруст, дрожание земли, и в десяти шагах от женщин промчался огромный серый зверь. Рога его были выше пихтача, гордо вскинутая голова рассекала заросли леса. Крупный дикий глаз источал зеленовато-красное свечение.

– Сохатый! – провожая зверя восторженным взглядом, отметила Ульяна и опустила ружьё. – Цыц, Находка, ко мне! – закричала девушка.

– Какой красавец! – воскликнула Анастасия Фёдоровна, всё ещё чувствуя сердцебиение и глядя в чащу леса, скрывающую зверя.

– Пить приходил. Спугнули мы его, – с сожалением произнесла Ульяна. – Находка, ко мне! – вновь закричала девушка, услышав лай.

Находка вернулась, виновато виляя хвостом. Она повизгивала, заглядывая хозяйке в глаза.

Дивясь скорости зверя, его стремительности и пугливости, они постояли ещё несколько минут, потом направились вдоль ручья.

– А я уж думала: не медведь ли? Вижу, ты, Уля, вся собралась в комок. Заныло у меня под ложечкой...

– И я об этом же подумала. А на такой случай у меня в правом стволе патрон с разрывной пулей да ещё пяток в патронташе.

Пройдя метров сто, они оказались на круглой полянке. Гремучий ручей растекался здесь в болотце, и в траве, покрывшейся ржавчиной, трудно было отыскать его главное русло.

– Куда же идти? – растерянно спросила Ульяна и остановилась, охватывая взглядом всю поляну.

И вдруг в трёх шагах от себя она увидела лежбище зверя. Сырая земля с точностью слепка отпечатала его могучие лопатки, рёбра и мослаки ног. В том месте лежбища, где на земле отпечатались шея зверя, сохранились кровавистые пятна и клочки шерсти. По тёмному цвету крови и в особенности по сукровице на шерсти Ульяна определила, что зверь ранен давно. Ей даже показалось, что рана у зверя была не пулевая. Слишком большим было поле, отмеченное кровью. «Либо на сушину напоролся, либо в драке пострадал», – решила она.

Анастасия Фёдоровна стояла неподалёку от Ульяны, не видя следов лежбища и не подозревая, что могло заинтересовать девушку.

– Сохатый сюда лечиться приходил, – уверенно сказала Ульяна.

– Он тебе что, записку оставил? – усмехнулась Анастасия Фёдоровна, с любопытством глядя на девушку.

Ульяна на шутку не ответила, подозвала к себе Анастасию Фёдоровну и так убедительно рассказала о страданиях зверя, что та только развела руками.

– Этот факт, Анастасия Фёдоровна, вы непременно запишите в дневник. Ну, сами посудите, – пылко говорила Ульяна, – если зверь по своему животному инстинкту приходит сюда, чтобы исцелиться, то разве можно не верить, что вода и грязи здесь целебные?

– Да что ты меня, Уленька, уговариваешь! Я точно так же думаю. И вот сейчас запишу это во всех подробностях. – Анастасия Фёдоровна вытащила из портфеля, висевшего у неё через плечо, тетрадь и стала записывать.

Пока Анастасия Фёдорова писала, Ульяна пристально осматривала следы лося. Крови она нигде не увидела, и это подтверждало её догадку. Зверь жил с застарелой раной.

Через полчаса, следуя по ручью, они поднялись на крутой холмик, заросший разнолесьем. Ручей попетлял по холмику, поводил их взад-вперёд и скрылся под корнями полусгнившей, исковерканной ураганами лиственницы.

Не веря ещё, что они дошли до истока Гремучего ручья, Анастасия Фёдоровна и Ульяна принялись искать его продолжение. Они ходили туда-сюда, ползали на коленях, разгребали хвою, разбрасывали валежник – ничего не помогало: ручья не было. Отчаявшись найти его, они стали копать под лиственницей. Лопату захватили с собой только одну и копали попеременно. Копать было трудно. Лопата ударялась в старые корни, твёрдые, как железо, и обжигала руки. Наконец Анастасия Фёдоровна предложила выкопать несколько ямок в небольшом отдалении от лиственницы. Вскоре полуметровые лунки стали сочиться водой. Потом отошли от лиственницы по прямой метров на сто в западном направлении и выкопали ещё две ямы. Воды здесь не оказалось.

– Значит, Уленька, точно: мы наткнулись на исток Гремучего ручья. Причём вода идёт только в направлении Синего озера, – проговорила Анастасия Фёдоровна, вытирая снятым с головы платком вспотевшее лицо. Потным было не только лицо. По шее стекали струйки, сквозь пёструю ткань платья на спине и боках проступали мокрые пятна.

– Да вы сядьте вон на валежник, отдохните хорошенько, – посоветовала Ульяна, отнимая у Анастасии Фёдоровны лопату.

– Баста, на сегодня хватит! – объявила Анастасия Фёдоровна, устало опускаясь на полусгнившую колоду. – День сегодня, Уля, прожит не зря. По-хорошему, нам бы теперь пробурить здесь скважину, подсчитать суточный дебит источника и отправить воду на химический анализ. Вдруг это то, что надо! – мечтательно заключила Анастасия Фёдоровна.

– Конечно, то! – присоединилась к ней Ульяна и, помолчав, добавила: – Пробурить бы, да чем?

– Вот что, Уля, я думаю: ступай-ка ты завтра на Тунгусский холм, расскажи обо всём отцу. Ещё лучше, если Краюхина встретишь. Кстати, покажи ему обязательно свой «секрет». Как знать, вещица-то может оказаться полезной.

Ульяна зарделась как маков цвет.

– А как же вы? Одна с мужиками останетесь?

– А что же?! Не съедят меня твои мужики, Уленька, – с ласковой усмешкой сказала Анастасия Фёдоровна, заметив, как преобразилась девушка от мелькнувшей надежды на встречу с Краюхиным.

Глава пятая

1

На всю жизнь запомнился Софье путь от Мареевки до Тунгусского холма.

Первый день они плыли по широким прямым плёсам реки Большой. Справа и слева от них сбегали к тихой жёлтой воде отлогие песчаные берега, поросшие то гибким ветвистым тальником, то могучим, разлапистым, наподобие шатров, кедровником.

В устье Таёжной их гружёная лодка подпрыгивала на упругих волнах, прозванных местными жителями плескунцами. От натуги повизгивали в уключинах вёсла, поскрипывали от ударов взъярённой струи тесовые бортовины.

Стиснутая крутыми ярами, Таёжная катила свои воды с шумом, на перекатах клубилась, как живая, вздувалась ноздреватыми шапками кремовой пены.

Небо над Улуюльем было нежно-синим, чистым-чистым, без единого облачка. Изредка из тьмы неохватных улуюльских лесов в самое поднебесье, распластав в вольном полёте крылья, взмывали крутогрудые беркуты. Они часами висели в синем безбрежном просторе, и казалось, что эти сильные, вольные птицы зорко сторожат тишину и покой Улуюльского края.

Мужчины не подпускали Софью к вёслам. Она то сидела напротив Алексея, исполнявшего работу рулевого, то лежала на жёстких тюках, прикрытых брезентом. Глядя в небо, Софья думала о чём-то неясном, постороннем, не касавшемся её жизни. Ей было просто хорошо. Так бывает хорошо человеку, который долго, мучительно искал свой путь, в поисках его ошибался и, наконец, достиг своего – вышел к цели. Если б можно было зрительно представить состояние её души, то оно сейчас напомнило бы гладкую поверхность озера, которое долго было взбаламученным от сильных ветров и вот улеглось, затихло, озаряя берега лучащимся блеском спокойных вод.

Минутами в сознании Софьи вспыхивали, как далёкие зарницы, тихие, но радостные мысли: «Снова Алёша со мной... Всё как прежде... и папа, кажется, переменялся... Как здесь красиво! Какой простор и какие леса!»

В городе, в пору горячих хлопот перед отъездом в Улуюлье, она много думала о предстоящей работе. Впервые она приступала к большому и сложному делу самостоятельно. Её очень беспокоило: а хватит ли у неё опыта и знаний, чтобы разобраться в загадках истории? Не подведёт ли она Марину, которая верила в её способности без всяких сомнений? Странно, но как только она встретила Алексея, её беспокойство бесследно исчезло.

Да, ей было очень, очень хорошо! Выпадают же человеку в жизни дни, которые подобны сплошному празднику: душа полна ликования, вокруг всё светится, сияет, земля торжественно поёт птичьими голосами, звоном таёжных ручьёв, шумом леса, весёлым, задорным голосом Алексея, который и существует-то на белом свете ради неё одной.

С того часа, когда они встретились в Мареевке, они ещё по-настоящему не разговаривали, всё откладывали на будущее. Едва появившись, Алексей куда-то исчез и потом вертелся как белка в колесе: готовил лодку, собирал инструменты, доставал через сельпо продовольствие, нанимал рабочих.

Но Софья и не жалела, что все происходит таким образом. Ведь главное она знала, в главном она была уверена: она любит Алексея и он тоже любит её. А с остальным она не спешила. Её даже радовало то, что впереди у них часы сокровенных бесед, часы не испытаного ещё счастья.

Во время обеденной остановки они пошли по песчаному берегу вдоль реки. Было знойно, душно, безветренно. Они шли босиком по воде, оставляя на песке отпечатки своих ног. Это было так приятно, что трудно передать. Жара не казалась изнуряющей, тёплая вода ласкала голые ступни осторожными прикосновениями. Когда за изгибом тальниковых зарослей скрылся костёр, вокруг которого сидели рабочие, Софья взяла Алексея за руку.

– Лохматый ты мой, почему ты ничего не расскажешь о себе? Что у тебя на сердце?

Краюхин поднёс её руку к губам и несколько раз горячо поцеловал. Но сказал он совсем о другом:

– Знаешь, Соня, о чём я сейчас подумал?

– Не знаю, Алёша. Но должен был думать обо мне! – Она рассмеялась и, с озорством заглядывая ему в лицо своими большими близорукими глазами, погрозила пальцем: – Думать об ином я тебе не позволяю.

Он оставался серьёзным и на её шутку даже не улыбнулся.

– Ты знаешь, Соня, если б человек в часы болезни мог почувствовать всю прелесть мира, увидеть краски земли, услышать её звуки, он исцелился бы от любой болезни в самый короткий срок.

– С чего это тебя на философские размышления потянуло? – Она усмехнулась, но втайне была раздосадована тем, что он заговорил не о ней.

– Да ты посмотри, Соня, вокруг. Какая покоряющая сила в природе! Кстати, и о сердце. – Помолчав, он сказал: – У меня, Соня, больше нет сердца...

– Как же ты живёшь, Алёша?

– Сердце моё, Соня, деформировалось. Это не сердце, а просто сгусток желаний. Вот какой я чудной на этом свете! – Краюхин скорчил потешную гримасу.

– Сгусток желаний? Каких желаний, Алёша? – Софья обеспокоенно смотрела на него.

– Точнее сказать, одно желание захватило моё сердце. Ты о нём знаешь...

– Улюлюлье?

Краюхин кивнул.

– Ты одержимый, Алёшка! Такие, как ты, никогда не живут спокойно, они всё куда-то идут и идут, лохматые, нечёсанные, упорные и в своём упорстве не щадящие ни себя, ни других...

– Возможно, ты и права, Соня. Я не умею смотреть на себя со стороны.

– А жаль!

– Конечно, жаль! Я вполне допускаю, что выгляжу страшилищем.

– И всё-таки я тебя люблю, люблю, чучело моё таёжное!

Краюхин засмеялся весело и заразительно, а Софья обняла его коричневую от загара шею и крепко поцеловала в губы.

– Хорошо с тобой, Соня! – Он ответил ей таким же крепким поцелуем. – А теперь пойдём, Соня, к лодке. Пора ехать.

– Но почему так скоро, Алёша? Побудем ещё минутку одни. – Софья обиженно и просяще посмотрела ему в глаза.

– Ах, Соня, Соня... – Алексей покорно сел на песок. Софья опустилась рядом.

Обнявшись, они посидели недолго, и Краюхин снова стал торопить:

– И всё-таки, Соня, пора идти.

– Ну, пойдём, если уж тебе не терпится.

– В самом деле не терпится. Интересно, что ты скажешь о ямах.

– А вдруг, Алёша, я не смогу разгадать их?

– Ну что ж, привезём кого-нибудь из профессоров.

Лодка, разрезая продолговатым носом быстрое течение реки, двинулась дальше. Софья сидела напротив Краюхина, наблюдая, как он широким веслом поддевает глыбы воды и сильным толчком подаёт лодку вперёд.

На стан к Тунгусскому холму они приплыли в сумерки. Сумерки – самое невыгодное время в тайге. Всё многоцветье природы исчезает в этот час. Тьма, смешавшись с туманом, скрывает очертания берегов и лишает их обычной выразительности. Отдельные деревья и складки земли, придающие местности неповторимость, расплываются, становятся бесформенными.

– Вот это место, Соня, самое прелестное по побережью Таёжной, – сказал Краюхин, когда лодка ткнулась носом в берег.

Софья берёзовым веничком ожесточённо отбивалась от комаров, которые, казалось, кусали только её, и в ответ равнодушно протянула что-то неопределённое.

– Ну, ничего. Вот дождёмся утра, и тогда заговоришь по-другому, – задетый её равнодушием, сказал Краюхин.

От палаток, возле которых приветливо светился костёр, шёл человек. В сумраке он показался Софье огромного роста.

– Кто это прибыл? Кого бог послал? – слышался густой певучий голос.

– Здравствуйте, Марей Гордеич! Ну, как вы тут живёте-можете? – спросил Краюхин.

– О, да это Алексей Корнеич? Здравствуй, Алёша, здравствуй, родной! Давно тебя поджидаем. Миша сегодня на Синее озеро умчался, проведать Улю с докторшей! И всё о тебе толковал. А ты – вот он, сам припожаловал! А ещё кто с тобой, Алёша?

– Нас тут целая артель, Марей Гордеич. Вот Софья Захаровна – специалист из Высокоярска, а это изыскатели, из Мареевки. Будем работать по поискам металлов.

– Знать, добился своего! Ай, молодчина, Алёша! Михаил Семёныч всё утро нынче тебя хвалил. «Вот, говорит, Марей Гордеич, попомни моё слово, а он добьётся своего».

– Люди добились, Марей Гордеич!

– Люди, они чувствуют, на чьей стороне правда. Ну, проходите, проходите к огню! Сейчас чаевать будем.

Марей взял из рук Софьи её чемодан. Она попыталась остановить его:

– Не беспокойтесь. Я сама донесу.

– А вы бегите скорее к костру. Как дымком хватит, комар сразу отстанет. Дождь, видать, ночью будет, к дождю комар свирепеет.

– В самом деле, Соня, иди: с грузом без тебя справимся. И вы, Марей Гордеич, идите.

Марей и Софья пошли на стан. Краюхин принялся помогать рабочим разгружать лодку.

Только у костра Софья по-настоящему рассмотрела Марей. Она много слышала о нём от Краюхина и готова была встретить человека удивительного и необыкновенного. И её ожидания оправдались. Старик был прост, но эта простота захватывала с первой минуты. Он делал и говорил самое обычное, а всё получалось как-то величественно.

– На минутку встаньте сюда. – Марей осторожно взял Софью под руку и вместе с ней спокойно шагнул в поток густого дыма. Потом он так же спокойно объяснил: – Теперь комар вас обходить будет. Дымком вас обдало. А через полчаса он и вовсе до рассвета уляжется. Чуете, свежинкой от реки потянуло?

– Да, да, посвежело, – сказала Софья.

– Вы тут присядьте, – Марей показал Софье на круглый чурбак, – а я тем часом чайники навешу.

Старик из ведра наполнил водой один чайник, потом другой, поменьше, и повесил их над костром. И опять Софья залюбовалась, глядя на то, как он все это делал: неторопливо, точно, без единого лишнего движения.

– Ну вот, теперь и поговорить можно. – Марей сел напротив Софьи.

– Быстро вы с чайниками управились, – сказала она, желая хоть как-нибудь выразить своё отношение к старику.

– Нехитрое дело! За мои годы этому-то можно научиться. – Он добродушно засмеялся, и Софья почувствовала, что старик не принял её похвал. – Ну, а вы, голубушка, не запомнил, как вас звать-величать, бывали в наших краях или в первый раз? – разглаживая ладонью бороду, спросил Марей.

– Впервые, Марей Гордеич.

– Вон оно как! А вы по какой части образованны: по лесам или, как Алёша, по земным богатствам?

Софья помолчала, затрудняясь с ответом. Ей казалось, что старику надо объяснить всё как можно проще, иначе он не поймёт. Но едва Софья начала говорить об археологии, как старик прервал её:

– Да не поясняйте, голубушка. Приходилось мне работать на Дальнем Востоке на таких раскопках. Один учёный приезжал, северные народы изучал. Вскрывали мы их древние поселения и захоронения. Был этот учёный предоволен!

– Зовите меня, Марей Гордеич, Соней, – сказала Софья, радуясь тому, что старик оказался сведущим в её специальности.

– О нет! Не могу так звать, голубушка. Беспременно скажите своё имя-отчество.

– Почему же, Марей Гордеич? – изумилась Софья. – Я ведь совсем ещё молоденькая, мне будет неудобно, если вы начнёте меня навеличивать.

– А я поясню почему. Дело тут не в годах. Вы хоть молодая, а учёная. А учёный человек к мудрости людской прикоснулся. Сотни лет люди эту мудрость по зёрнышку собирали, чтоб через книги по белому свету сеять. Вот и выходит, что учёный человек не годами славен, а своими познаниями.

Объяснение Марей показалось Софье довольно убедительным.

– Если так, то зовите меня Софьей Захаровной.

– Вот и добро! И скажу вам, Софья Захаровна, в нетронутый край вы попали. Много он людям сулит.

– И Алексей Корнеич вот так же думает!

– И не он один! Люди так думают.

– А как по-вашему, Марей Гордеич, обитает был этот край в далёком прошлом?

– Беспременно. Тут жили тунгусские племена. Они знали улуюльские места куда лучше, чем русские люди. Только оказалось это знание ни к чему. Погибли эти племена.

– А как думаете, памятники о тех временах сохранились?

– Во множестве! Только разгадать надо, где поселения у них были. Куда их пути лежали? С кем они торговлю вели?

– Если б это разгадать, Алексею Корнеичу легче бы с поисками пришлось.

– Уж это беспременно!

Вдруг послышался голос Краюхина:

– Спасай, Марей Гордеич! До крови нас заели!

К костру подошли рабочие, а за ними и Краюхин.

– Под дымок вставайте! Трутю сейчас подброшу, – сказал Марей и бросил в костёр несколько грибов-наростов, сбитых со старых берёз и осин.

Тихая, густо замешанная темнота непроглядным покрывалом укрыла тайгу. В вышине над Тунгусским холмом загорелись неяркие летние звёзды.

3

Софья проснулась оттого, что в её маленькой одиночной палатке стало жарко. Солнце поднялось уже над лесом и припекало. После дождя, прошумевшего на рассвете, земля была влажной и сейчас, под жаркими лучами, дышала терпкой испариной.

Софья вылезла из палатки, потянулась всем телом, приподымаясь на носках, но тут же опустила руки и осмотрелась.

В какую бы сторону она ни повёртывала голову, перед её взором возникали чудесные картины природы. В это солнечное утро каждое дерево, каждая хвоинка, каждый лепесток были ослепительно зелены, и только бесчувственный человек мог остаться спокойным перед этими живыми чудесами. Софья вспомнила слова Краюхина, сказанные им в дороге, о покоряющей силе природы. «И в самом деле, как много в жизни теряет тот, кто не видит природы или не научился любить её», – подумала она. Софья долго любовалась Тунгусским холмом, вершина которого с гигантскими лиственницами была залита солнечным светом. Тут её застал Краюхин.

– Ну как, Соня? Нравится? – спросил он, подходя от реки.

– Очень красиво, Алёша!

– А как спалось?

– Спала крепко и, кажется, долго.

– Ну, давай завтракай, и пойдём к яме. Марей Гордеич и рабочие уже пошли туда.

– А вы завтракали?

– Давно. Тебя решили не будить на первый раз, но учти: на будущее пощады не будет, – усмехнулся Краюхин.

– Обязательно подымай меня, Алёша. Иначе мне стыдно будет: явилась барынька.

– Ну, ничего, не терзайся. Начнёшь работать, сама чуть свет вставать будешь.

Софья быстро умылась и позавтракала. Через полчаса она пробиралась сквозь чащу вслед за Краюхиным. На спине на ременных помочах Софья несла сундучок со своими инструментами: долотцами, скребками, ножами, увеличительными стёклами, фотографическими плёнками.

Марей и рабочие с лопатами и кирками были уже возле ямы. Один из рабочих, крепкоплечий молодой парень Сёма, от избытка сил, игравших в его мускулах, рубил широкой лопатой кромку ямы.

Софья ещё не видела его из-за кустов, а только слышала глухие удары об землю и звон лопаты.

– Что они там делают? – обеспокоенно спросила она и, не дождавшись ответа Краюхина, как вспугнутая внезапным выстрелом лосиха, кинулась в чащу с криком: – Перестаньте копать!

Удары лопатой тотчас же затихли.

Софья выбежала к яме встревоженная, с покрасневшимся лицом, с испуганными глазами и, с трудом переводя дыхание, сказала:

– Ну зачем вы копаете? Первое правило у нас такое: ничего не копать зря.

– А я ведь только крапиву и бурьян обрубил, чтобы виднее было, – смущаясь, сказал парень.

– Я тебе говорил, Сёмушка, а ты, видать, ещё неслух, – добродушно улыбнулся Марей.

– Кровь в нём бушует, – пояснил пожилой рабочий.

Подошёл Краюхин. Узнав, что произошло, он долго смеялся, ласково поглядывая то на Софью, то на парня с лопатой.

– А я ведь, Соня, не понял, что произошло. Я решил, что ты испугалась осинового гнезда и бросилась наутёк.

Софья не отозвалась. Она увлечённо осматривала яму, заходя к ней с разных сторон и пощёлкивая фотоаппаратом. Потом она открыла свой сундучок и вытащила из него верёвочную лестницу.

– Держите, Сёма, меня, – подавая парню концы лестницы, сказала Софья, стараясь скорее сгладить осадок от своего выговора.

– А может быть, Соня, сначала мне спуститься? – предложил Краюхин. – Я ведь уже бывал в этой яме.

– Ни в коем случае. Я должна всё сама осмотреть. Помоги-ка вот Сёме, а то он один не удержит меня, – попросила Софья. Она надела на себя брезентовую сумку, положив туда из сундучка какие-то инструменты, взяла в руку электрический фонарик.

– Осторожно, Софья Захаровна, не соскользните или на змею не наткнитесь, – напутствовал её Марей.

– Бог милостив, Марей Гордеич. К тому же здесь не очень глубоко. Алёша падал и цел остался. Мы так и назовём эту яму: Купель Краюхина.

Софья скрылась в яме. Через минуту-другую она крикнула оттуда:

– Подтяните лестницу, она мне мешает.

И вот для всех сидящих наверху наступило томительное ожидание. Софья словно забыла обо всём на свете. Из ямы доносился то скрежет стального долота о камень, то дробные удары молоточка, то пощёлкивание фотоаппарата. Наконец, и это затихло.

Заглянув в яму, Краюхин увидел Софью в мучительной позе. Протиснувшись под выступ, Софья, скорчившись, лежала на спине и делала зарисовки.

– Чем она там занимается, Алёша? – спросил Марей.

– На спине, Марей Гордеич, ползает.

Всех это так заинтересовало, что рабочие один за другим стали подходить к яме и заглядывать в неё. Не устоял от этого соблазна и Марей.

– Ах ты господи, на какие только муки не идут люди, чтобы жизнь была лучше! – воскликнул он.

– А я так скажу: не женское это дело, Марей Гордеич, – заметил пожилой рабочий, поражённый видом Софьи. – Мыслимо ли молодой красивой девушке такое мучение принимать? Прямо акробат в цирке!

– То-то и оно! – многозначительно отозвался другой. – Ты, Никифор, про это самое в глаза ей не ляпни – на всю жизнь обидишь!

– Ах, Емельян Васильевич, напрасно меня за тумака принимаешь!

Вдруг послышался голос Софьи:

– Лестницу мне!

Краюхин и Сёма опустили один конец лестницы в яму, за другой взялись сами.

Софья быстро поднялась наверх. Руки и лицо её были испачканы в земле, а серый комбинезон стал пёстрым от налипшей на него глины и студенисто-зелёной жижи.

– А, чёрт, мерзлячка! Замёрзла! – поводя плечами, обругала сама себя Софья, с удовольствием подставляя мокрую спину под горячее солнце.

Неподалёку от ямы, которую Софья назвала Купелью Краюхина, были пробиты Мареем, Ульяной и Краюхиным ещё два обнажения. Как и первая яма, они были расположены в чаще, выше по косогору.

Софья решила сейчас же обследовать и эти ямы. Они были неглубокими, и лестница не потребовалась. Софья опустилась при помощи жердей с сучьями, поставленных Краюхиным и Ульяной, когда они работали здесь.

Обследование этих ям Софья провела быстрее. В них больше было света, а главное, тут она не обнаружила той сложной структуры почвы, которой отличалась первая яма.

Когда она поднялась из второй ямы, её окружили изрядно уставшие от ожидания в течение нескольких часов Краюхин, Марей и рабочие.

– Ну что, Соня, скажешь? – спросил Краюхин.

Софья рукавом комбинезона вытерла вспотевшее лицо, стряхнула с себя налипшие комья земли.

– Купель Краюхина – загадка. Понимаешь, совершенно отчётливо прослеживается слой почвы, который, как шов, соединяет два этажа этого углубления. Как всё это произошло – ума не приложу.

– И не только шов, Соня. Я обратил внимание ещё на одну деталь. Вторая половина ямы как бы смещена в сторону. Поэтому яма одна, а горла в ней два: одно – поверхностное, другое – внутреннее.

– Да, да! Я тоже обратила на это внимание.

– Что ты думаешь предпринять?

– Во-первых, я продолжу обследование Купели Краюхина. Во-вторых, ниже этой ямы начнём обнажать горизонты. Причём не спеша и на широкой площади. В-третьих, придётся произвести обнажения на вершине холма. Вполне возможно, что очажок, на который ты наткнулся в яме, образовался в результате оползней. Ну, что же ещё? – Софья беспомощно развела руками. – Да, вот ещё что! – спохватилась она. – Обнажения, сделанные вами, малоинтересны. На мой взгляд, ценнее было бы поискать на вершине холма.

– А мне сдаётся, Софья Захаровна, ниже надо пробовать, – вступил в разговор Марей. – Человек всегда стремится ближе к воде. Там, наверху, – Марей поднял кудлатую голову и махнул рукой в

сторону вершины Тунгусского холма, – едва ли люди могли жить, скорее всего они там молились у больших камней.

– Это верно, Марей Гордеич, – горячо сказала Софья. – Если люди обитали тут, то, конечно, они обитали по косогору и в особенности по самому подножию. Это так, но всё-таки если иметь в виду доисторического человека, то холм для него был очень удобен. Он менее доступен для зверя, зато выгоден для охоты на него.

– Так-то оно так, а всё-таки попробуйте обнажить ниже, – сказал Марей.

– Неужто, Софья Захаровна, здесь жил первобытный человек? – изумлённый услышанным разговором, спросил Сёма.

За Софью ответил Краюхин:

– Вполне возможно, Сёма. Но пока доказательств нет.

– Найдём! Весь Тунгусский холм перероем, а найдём, – с неподдельным энтузиазмом проговорил молодой изыскатель.

Все дружно засмеялись, а Сёма продолжал стоять на своём:

– Во что бы то ни стало найдём!

Время уже приближалось к полудню. Краюхин распорядился идти на стан – обедать. Пока варился обед, Софья и Краюхин уточняли план раскопок. Было решено так: основное обнажение произвести в тридцати метрах от Купели Краюхина в направлении реки. Одновременно к этому обнажению будут проложены веерообразным порядком траншеи, которые начнутся в самой близости от ямы и вольются в широкое обнажение. Таким образом, исследованием будет охвачена довольно большая площадь на склонах Тунгусского холма.

– Если это не принесёт ценных находок, тогда попробуем копать на вершине холма и на его плечах, – сказала Софья, когда схема, вычерченная на блокнотном листке, была перенесена в официальный дневник археологических раскопок.

Краюхин согласился с ней.

После обеда бригада вышла на работу. Софья и Краюхин рулеткой измерили площадь обнажения и колышками обозначили его границы. Таким же способом были отмечены и линии траншей.

Потом Софья рассказала рабочим о цели раскопок и о правилах ведения всей работы.

Застучали топоры, зазвенели лопаты. Глухо втыкались в землю тяжёлые кайла.

Марей запалил костры, подтаскивал к ним сушняк и вырубленные с корнем ёлки.

Софья и Краюхин опустились в яму. Ножами и долотами они осторожно очищали с боков ямы траву, мох, слизь, прослеживая изломы буро-серого шва, отыскивая его новые выходы.

Оттого, что работа пошла на лад, и в особенности потому, что рядом был Алексей, Софья переживала такой душевный подъём, какого она никогда ещё не испытывала. Теперь она бестрепетно верила и в себя и в неизбежность интересных открытий здесь, в Улулюье.

Однако вечером её настроение сильно омрачилось. После ужина, когда рабочие и Марей улеглись спать и они остались вдвоём, Краюхин сказал:

– Завтра утром, Соня, я исчезну.

– Как это – исчезнешь? – не поняла она.

– Натуральным образом, – засмеялся он. – Уйду, Соня, в Заболотную тайгу, в группу Бенедиктина. Мне ведь поручено возглавить её и придать ей геологическое направление.

– Я знаю, что это тебе поручено. А надолго, Алёша, уйдёшь? – упавшим голосом спросила Софья.

– Дней десять пробуду, самое меньшее.

– Ой, как долго! – с болью воскликнула Софья и, помолчав, добавила: – А вдруг, Алёша, в эти дни на раскопках что-нибудь окажется интересное и мне потребуется посоветоваться с тобой? Марина Матвеевна сказала, чтобы я ни одного важного донесения не посылала без тебя.

– Гм, – задумчиво протянул Краюхин. – А ведь верно! – Он замолчал, прикидывая что-то в уме, и, решив, сказал: – Через неделю, Соня, я обязательно приду.

– И опять я осталась одна-одинёшенька, – с горечью проговорила Софья и положила голову на плечо Краюхина.

– Ну, ничего, Соня, будут ещё денёчки, – попытался успокоить её Краюхин.

– Будут денёчки... Ты какой-то равнодушный стал ко мне, Алёша...

– Оставь, Соня. Ты не представляешь, сколько сил потребует от нас Улуюлье!

– Помешался ты на Улуюлье, стал фанатиком и чудаком, милый мой!

– Какой есть, Соня! Лучше быть не могу...

– ...да и не хочу, – с иронией в голосе закончила она за Краюхина.

– Скрывать не стану: и не хочу! – твёрдо, с ноткой ожесточения подтвердил он.

– Ну ладно, ладно, ёжик! Не выставляй колючки. Всё равно ведь я люблю тебя до умопомрачения! – примирительно сказала она и принялась жарко целовать его в губы, в лоб, в глаза.

Утром Софья поднялась на солнцевсходе. Марен, как всегда, с обнажённой головой, в широких штанах и широкой рубахе без пояса, босой, хлопотал возле костра. Увидев её, он сказал:

– Доброе утро, Софья Захаровна! А сокол наш уже взмыл.

Софья поняла, что старик говорит о Краюхине. Она не раз слышала, как он называл Краюхина соколом.

– Он же хотел уйти после завтрака, – подавляя в себе обиду, сказала Софья.

– А он позавтракал один. Встал на рассвете, тихонько вскипятил чай – да и был таков! «Пока, говорит, прохладно, я половину дороги пройду». И вот всегда так: быстёр, как ветер!

Марей говорил это, не скрывая восхищения Краюхиным, а Софья чувствовала, что от его слов душа её переполняется счастьем. «Алёша, неугомонное сердце, быстёр, как ветер». Ей казалось, что она думает этими словами, на самом деле она стояла возле своей палатки, смотрела на вершину Тунгусского холма и шептала всё это.

4

Софья наткнулась на ценные находки гораздо раньше, чем предполагала, и причиной её быстрого успеха отчасти был старый Марей.

Когда рабочие начали вскрывать горизонты на основном обнажении, Марей попросил Софью разрешить ему выемку одной из траншей. Софья вообще не хотела, чтобы человек такого преклонного возраста работал на тяжёлой землеройной работе. Но Марей заявил, что он всю жизнь был землекопом и если ему придётся бросить это занятие, то не раньше того, как наступит его смертный час. Софья согласилась и стала помогать старику вначале просто потому, чтобы не оставлять его одного, а потом из интереса, который таила раскопка.

Проходку траншеи Марей начал от Купели Краюхина, то есть сверху вниз. Софья сказала старику, что идти снизу вверх удобнее. Но у старика был свой расчёт.

– Удобнее – это верно. Я об другом замысел таю, Софья Захаровна: так ближе к яме и скорее можно проверить, нет ли по соседству с ней каких-либо других пустот. А на такую мысль наводят меня вот эти бугры. Чудится мне, что образовались они не сами по себе, а как обвалы.

Софья присмотрелась к мелкому ельнику и березнику, и ей бросилось в глаза то, о чём говорил старик. В трёх-четырёх местах земля как бы пузырилась, а рядом с этими пузырями угадывались заросшие и потому малоприметные углубления. Софья всё это взвесила, подумала: «А возможно, и прав старик. Попробуем!»

Марей и в самом деле оказался опытным землекопом. Он работал очень спокойно, даже медленно, но продуктивно. Его полукруглая лопата с залоснившимся от ладоней черенком всегда несла увесистую порцию земли.

Софьиная лопата то и дело мелькала в воздухе полупустой. Иногда Софья пыталась подравняться под темп работы старика, поднимать свою лопату только с полной нагрузкой, но через несколько минут в пояснице у неё начиналась ломота, и она выпрямлялась, чтобы отдохнуть.

Софья сказала Марей о его умении работать, попросила совета, как ей копать лучше.

Старик ответил:

– Освойтесь, Софья Захаровна! Пройдёт неделька-другая, и не узнаете сами себя. А уж я-то где только земельку не побросал! И тут, в Улуюлье, копал, и на Лене копал, и на Колыме копал, и на Индигирке копал... Если б всю землю, взрытую мной, собрать в одно место – горы бы образовались!

В минуту отдыха Софья пыталась расспрашивать Марeya о его жизни. Ей очень хотелось понять, откуда у старика такие широкие познания в самых различных областях истории и такой жадный интерес к Улуюлью.

Марей был внимательным к вопросам Софьи, обо всём, что не касалось его собственной жизни, говорил охотно и подробно, о себе же – скупое, сопровождая свои ответы улыбочкой и поговоркой: «Жил-был, сплыл».

Чем больше рабочие расширяли и углубляли основное обнажение, тем чаще Софья уходила от Марeya. Она часами теперь задерживалась на главном участке работы, всматриваясь в обнажённую, пахнущую вековой сыростью землю. Особенно тщательно осматривала она всякие камушки, раковинки, сучочки. Когда рабочие выбрасывали крупные комья земли, Софья голыми руками разламывала их и подносила из-за близорукости к самым глазам.

Под вечер на пятый день работы Софья, покинув на время Марeya, пришла на основное обнажение. Рабочие отдыхали, попыхивая папиросами. Сёма, как наиболее молодой и горячий, начал уже испытывать нетерпение оттого, что до сих пор не встречается никаких следов первобытного человека.

– Роем, роем, Софья Захаровна, и всё без толку, даже копать охота пропадает, – чистосердечно признался он.

– Ну, милый мой дружок, быстро тебе надоело. А ведь может случиться, что нынче ничего не найдём и будем искать на будущее лето. Годами ищут, Сёма! – сказала Софья с самым серьёзным видом.

– Годами?! Ну уж нет, мы нынче найдём! Я ведь страсть какой фартовый! – прихвастнул Сёма. – В прошлом году дали мне путёвку в геотресте в Крым. Поехал я. И пока жил, три раза на пляже деньги находил. Другие идут не видят, а я тут как тут!

– Нашёл, чудак, с чем сравнивать! – засмеялся пожилой рабочий.

И вдруг со стороны траншеи послышался голос Марeya:

– Софья Захаровна, идите-ка сюда скорее!

Софья бросила комок земли и заторопилась к Марeyю. Она увидела его сейчас же, как только вылезла из чащи. Марей стоял на самой кромке траншеи, оставив лопату, и во всей его костистой рослой стати, несмотря на излишне просторные шаровары и рубаху, угадывалось особенное напряжение.

Сердце Софьи заколотилось часто-часто. «Неужели Марей Гордеич наткнулся?»

– Вы звали меня? – спросила она, всё ускоряя и ускоряя свои шаги и не замечая этого.

– Как же, звал, Софья Захаровна, – спокойно, очень спокойно произнёс Марей.

Сердце её так и сжалось: «Пустяк какой-то!»

– Я наткнулся на шлаки, Софья Захаровна. Посмотрите сами.

Не заботясь о собственной безопасности, Софья скатилась в траншею, глубина которой превысила уже три метра. И, едва оказавшись на дне траншеи, вопреки своей близорукости, Софья увидела то, что рассмотреть издали было не просто: в правом углу траншеи в спрессованном слое земли лежали ноздреватые, трудно определяемые на цвет тяжёлые комочки.

– Давайте, Марей Гордеич, мою сумку! – крикнула Софья, и, когда Марей передал ей сумку с инструментами, всё на свете, кроме этих невзрачных комочков, перестало для неё существовать.

Марей долго сидел на кромке траншеи, ничем не нарушая Софиной сосредоточенности. Только когда она сама попросила его помочь подняться наверх, он спросил:

– Имеет ценность?

– По моим представлениям, это следы стоянки.

– Вот оно что! – протянул Марей, по-видимому, вполне понимая, что это значило. – И как дальше будем, Софья Захаровна? – спросил старик.

– А дальше сделаем так, Марей Гордеич: все силы стянем сюда и попробуем пройти ещё глубже и дальше в направлении Купели Краюхина.

Софья позвала рабочих. Они выслушали её и согласились продолжать работу, хотя уже наступила пора идти на отдых.

– Вишь, как, Семён, бывает! Фартовым-то не ты оказался, а Марей Гордеич! – шутили рабочие.

Но напрасно горячилась Софья – этот день ничего нового больше не принёс.

С большой неохотой Софья ушла с раскопок. У неё пробудилась такая жажда работы, что она готова была провести здесь ночь и работать при кострах. Но это было бессмысленно.

На рассвете Софья поднялась, намереваясь до завтрака сходить к траншее. Но её уже опередили. Жарко пылал костёр. Возле него сидели все рабочие (кроме Сёмы, ещё спавшего в палатке) и Марей.

– Что это вы так рано поднялись? – подходя к костру, спросила Софья. Ей и в голову не пришло, что они озабочены тем же, чем и она.

– По одной, видно, причине не спится всем нам, Софья Захаровна, – сказал Марей. – Идите кушать, и тогда за работу!

Софья ходила на реку, выкупалась. Тем временем встал Сёма, и завтракали они уже все вместе подогретыми мясными консервами в продолговатых бланках, оставшимися где-то на складах с военного времени.

День выдался, как по заказу. Раскалённое солнце, начавшее нещадно палить, вскоре закрыли облака. Ветерок от реки освежал воздух и разгонял гнуса, заставляя его прятаться в траву. Работали увлечённо, споро.

Перед обеденным перерывом Сёма наткнулся на целое гнездо находок. Он так бурно обрадовался, его возглас был таким яростно восторженным, что откликнулось даже таёжное эхо.

– Первобытный человек! Софья Захаровна, первобытный человек! – орал во всё горло Сёма.

Софья бросилась к нему, взглядом умоляя не прикасаться больше лопатой. Она стремительно, с разбегу опустилась на колени и под пристальным взглядом всех работавших замерла над находками.

– Да ты и в самом деле, Сёма, фартовый, положительно фартовый! – взволнованно заговорила Софья, пересыпая с ладони на ладонь тяжёлые плиткообразные камушки и спёкшиеся кусочки буро-серого шлака. Она бережно сложила их на свою парусиновую зелёную сумку и принялась ползать на коленях по траншее.

– Смотрите, Марей Гордеич, а тот самый шов, который в Краюхинской купели, сюда вышел! Вот он!

Марей тоже опустился на колени и, осмотрев рыжую прослойку земли, сказал:

– Как две капли воды походит. Глубже надо взять, Софья Захаровна.

– Попробуем взять глубже, – согласилась она.

И вот, вместо того чтобы идти на обед, рабочие стали углублять траншею и прокладывать её дальше в направлении Купели Краюхина. Вдруг Сёмина лопата взвизгнула так тонко и пронзительно, что этот резкий звук отозвался болью у всех в ушах. Так взвизгивает лопата только в скользящем соприкосновении с металлом. Сёма копнул ещё раз, и опять громкий визг огласил тайгу. Третий раз Сёма не успел ударить лопатой: Софья отстранила его и, упав на колени, стала осторожно копать маленькой, почти игрушечной лопаточкой. Через минуту она извлекла из земли кусок грубо кованного железа величиной с её ладонь.

В траншее было довольно тесно, но все сгрудились возле неё, осматривая находку, которая видом своим не походила на прежние.

– Что это, Софья Захаровна? – спросил за всех Марей.

Софья вздёрнула в недоумении плечами.

– Железо. Будем копать глубже, вот только обедать пора.

– Потерпим! Разве при таком деле до обеда? – заговорили в один голос рабочие.

Софья взглянула на них с благодарностью. Нельзя было бы сейчас придумать для неё большей кары, чем оторвать от работы.

– Возьмём ещё в сторону Купели Краюхина, – распорядилась Софья.

И снова застучали кайлы, заскрипели о крепкий песчаный грунт затупившиеся лопаты.

Часа через два Сёма, шедший всё время впереди, наткнулся на новую находку. Это была куча шлака. Когда Софья тщательно, с помощью всех рабочих и Марей вскрыла эту кучу и обследовала, стало ясно, что шлак здесь собран неодинаковый. В спёкшихся кусках Софья увидела застывшую накипь железной руды и каменноугольную золу.

– Копать дальше не будем! – решительно заявила Софья.

Рабочие и Марей были уже в состоянии крайнего утомления, мокрые от пота, сразу осунувшиеся от голода и усталости, но решение Софьи их удивило. Несмотря ни на что, они готовы были работать и работать.

– Если вы об нас заботитесь, то напрасно, Софья Захаровна. Привычные! Нас ещё надолго хватит! – сказал пожилой рабочий Емельян Васильевич.

– Честно скажу, товарищи, – обратилась она ко всем сразу, – не о вас я сейчас забочусь. Дело в том, что я окончательно запуталась, а продолжать работу, когда нет ясности, нельзя. Надо кое в чём разобраться.

– А что за трудность у вас, Софья Захаровна? – спросил Марей.

– А вот в чём сложность, Марей Гордеич. Первые находки относятся к древним временам. Это совершенно очевидно. Находки сегодняшние не древние. Они сближаются с находкой Алексея Корнеича.

– Ага, вон оно как дело оборачивается, – понимающе сказал Марей и многозначительно посмотрел на рабочих.

– А что это – лучше или хуже? – прямо спросил простодушный Сёма.

– Лучше, Сёма, лучше! Это даёт больше данных об Улуюлье. Вот смотри: это накипь от железа, а это каменноугольная зола. Следовательно, в этих краях есть и железо и уголь! – объяснила Софья.

Затаив дыхание, её слушал не только Сёма, а и все.

– Ага, видел как! Оно ещё покажет себя, наше Улуюлье! – с восторгом произнёс Марей и гордо приосанился.

Теперь можно было идти на обед, но никто не уходил. Все с интересом наблюдали за Софьей. Она вначале сфотографировала траншею, потом сделала зарисовки в большой, в твёрдых корках альбом.

– А что, Софья Захаровна, завтра будем копать? – спросил сутулый Емельян Васильевич, исполнявший обязанности старшего артели.

– Всё теперь зависит от Алексея Корнеича. С ним надо совет держать.

– Ум хорошо, а два ещё лучше, – промолвил Марей.

– А он когда будет?

– Обещался быть сегодня-завтра.

– Эх, сходить бы к нему! Будь я помоложе... Обрадуется он! – сказал Марей.

– Для него это так важно, Марей Гордеич, что я просто не знаю, как он рад будет! Ах, так бы и взлетела! – Софья всплеснула руками, а в глазах её были печаль и досада.

– А что, если мне пойти поискать Алексея Корнеича? – с готовностью и без всяких колебаний вызвался Сёма.

Но Марей остановил его:

– Нет, сын мой, это дело тебе неподходящее. Тайги не знаешь, заблудишься, что тогда?

Софья поддержала Марeya.

– Нет, Сёма, не пойдёшь. Алексей Корнеич сам явится. Ну, обедать и отдыхать! – скомандовала она.

Весь остаток дня и вечер провели в ожидании Краюхина. Сидели у костра, пили чай со смородиновым листом, рассказывали по очереди всякие были и небылицы, а сами посматривали на окружающий лес, чутко прислушивались к каждому звуку, доносившемуся оттуда. Но Краюхин так и не пришёл.

Утром Софья ушла на раскопки, наказав, чтобы её немедленно кликнули, если появится Краюхин. Но шёл час за часом, а зова со стана не слышалось. Софья ходила по траншее, спускалась в Купель Краюхина, перебирала находки, но стройного, убедительного вывода не складывалось. Что же это такое? С чем она столкнулась? Что это за явление! Как нужен Краюхин! Крайне необходимо обменяться с ним мнениями, высказать свои догадки... Ну, где же он, где же? Почему он не идёт?

5

К обеду Софья вернулась на стан. Вид у неё был сумрачный и усталый.

– Всё нету нашего сокола, – не глядя на неё, произнёс Марей.

Софья раздражённо махнула рукой.

– Обещал же! Я не знаю, право, что за человек!

– Что-нибудь его держит, Софья Захаровна, какой ему резон зря-то по тайге мотаться? Тут комаров невпроворот, а уж там, в Заболотной тайге, совсем от них продыху нет. Бывал. Знаю.

По голосу чувствовалось, что Марей хочет защитить Краюхина. Софья уловила это и уже спокойнее сказала:

– Конечно, Марей Гордеич, без дела он в Заболотной тайге сидеть не будет, но у меня-то всё остановилось.

– Гляди, вот-вот явится.

Во время обеда из таёжной дали послышалось пение. Разобрать слов было невозможно, но пение приближалось. Всех это настолько заинтересовало, что, отложив ложки, стали прислушиваться с серьёзными и удивлёнными лицами. Улыбался один Марей.

– Соловей наш летит, – наконец проговорил он.

– Кто это – соловей? – спросила Софья.

– А это Уля – дочка Михаила Семёныча Лисицына. Мы её соловьём прозвали за голос. Уж такой голос – на редкость!

«Уля... Странно! Почему же мне Алёша никогда о ней не рассказывал?» – с каким-то смутным беспокойством подумала Софья и спросила:

– Она откуда же появилась тут?

– Уля-то? Она тут почти всегда живёт. Летом на рыбалке, осенью и весной на охоте. Сходит зимой к подружкам, повеселится – и опять в тайгу. Отменная охотница! А сейчас она на Синем озере жила с докторшей Анастасией Фёдоровной, – объяснил Марей.

Софья слушала Марей одним ухом, а другим ловила мелодию, доносившуюся из леса. Ульяна пела свою любимую песню: «Не брани меня, родная, что я так люблю его».

Вдруг из чащи с весёлым визгом к Марей на грудь бросилась собака.

– Ах ты, бесёнок! Ну будет, будет тебе, Находка! – теребя визжавшую собаку, говорил Марей.

Находка не унималась. Подпрыгнув, она горячим красным языком лизнула Марей в нос. Чтоб остановить её буйство, Марей был вынужден прицыкнуть. Находка прижала уши и легла в тень, всё ещё игриво повилявая длинным загнутым хвостом.

– Ишь какая животное! Ни на шаг от Ули не отстанет. Ну, правда, и та ей добром за преданность платит. И кормит и поит! А вот и она сама! – под конец воскликнул Марей.

Он очень обрадовался приходу Ульяны. Встал, широко раскинул руки, с лаской в голосе сказал:

– Ну иди, иди, соловушка, обедать будем. Как раз вовремя угадала!

– Дедушка, здравствуй, родименький! Уж так по тебе соскучилась! – Ульяна говорила это ещё на ходу, не видя из-за палаток чужих людей, сидевших вокруг костра. Увидев их, она остановилась, смущённо опустила голову, но, что-то решив про себя тряхнула своими тяжёлыми косами и пошла прямо к костру.

Софья смотрела на неё, как на привидение. Что-то чудесное было в появлении девушки. Невольно вспомнились знакомые с детства сказочные слова: «Жили-были... Кругом на тыщу вёрст таёжное окиян-море... Вдруг однажды откуда ни возьмись выходит девица-красавица...»

Ульяна была в розовом ситцевом платьице, голубенький платочек парусил над плечами, за спиной ружьё, вместо пояса – патронташ. Загоревшее лицо пылает румянцем смущения, но голубые глаза глядят смело, пристально, чувствуется, что всё видят, всё примечают.

– Здравствуйте, приятного аппетита! – произнесла Ульяна, и первый раз глаза её встретились с глазами Софьи. «Она. Ей письмо в Мареевку от Алексея Корнеича носила», – подумала Ульяна и потупилась, сразу оцепенев.

– Иди, Уля, на речку, искупайся, да и обедать. – Это сказал Марей.

Ей показалось, что голос его доносится откуда-то издалека. Она поняла, что надо на этот голос как-то отозваться, и махнула рукой.

– Что, не хочешь купаться? – Старик воспринял её жест по-своему. – Ну, тогда садись, Уля, бери вон чашку.

– Алексея Корнеича мне надо. К нему меня послали, – всё ещё не двигаясь, тихим, сдавленным голосом сказала Ульяна.

– А что он тебе, дочка? – спросил Марей.

– Ручьи новые Анастасия Фёдоровна отыскала. Исследовать надо. Вот и послали меня. Если, мол, Краюхина нет, иди в Мареевку, к начальнику экспедиции.

– Ай да, докторша! Она своё возьмёт! – обрадовался Марей.

– А мы тоже его ждём, Уля. Он был тут, а потом ушёл в Заболотную тайгу. И у нас есть новости. Садитесь, расскажу, – сказала Софья и придвинула свободный круглый чурбачок.

Ульяна сняла ружьё, патронташ и села, чувствуя под взглядами Софьи непонятную скованность.

– И мы тут тоже кое-что нашли. – Софья подробно рассказала о работе на раскопках.

Ульяна слушала, не пропуская ни одного слова, и всё поглядывала на Софью. «Красивая! Ишь глаза-то какие – большие и влекущие!.. А брови-то как дуги... И счастливая! Пришла и сразу нашла. А я копала, копала... И добрая, видать, она, рассказывает всё-всё. И простая... Увидела и с первого раза: «Садитесь».

Мысли неслись в голове Ульяны в стремительном вихре.

А Софья продолжала рассказывать:

– Он так нужен – прямо позарез! Сегодня утром вышла я на берег и давай орать во всё горло: «Алёша! Алёша!» Вдруг, думаю, где-нибудь он неподалёку ходит, услышит, поймёт, что нужен. Марей Гордеич смеётся, я тоже, а всё-таки кричу.

Ульяна про себя отметила, что Софья назвала Краюхина Алёшей. «Ну ясно, всё ясно. Разве я-то позволила бы себе так назвать его?» – подумала она, и ей стало неудобно сидеть на чурбачке, и вдруг какая-то озорная мысль промелькнула в её голове: «Ну и кричи и зови его, а я-то найду его хоть на краю земли».

Ульяна вскочила на ноги, быстро повесила на плечо ружьё, опоясалась патронташем, крикнула:

– Находка! Ффью! Айда!

– Ты куда, Уля? – удивлённо спросил Марей.

Софья и рабочие так были поражены всем происходящим, что не нашли слов и только переглянулись.

– В Заболотную тайгу, дедушка, к Алексею Корнеичу! – оборачиваясь на ходу, бросила Уляна и скрылась в пихтовой чаще.

Софья кинулась вслед за Уляной.

– О нас не забудьте сказать! Мы ждём его! – крикнула она вдогонку.

Уляна не отозвалась. И оттого, что она не отозвалась, Софья почувствовала, как сердце её стиснула боль. Ну, почему она-то не может вспорхнуть вот так же, как эта таёжная птаха? Почему? «Да потому, что ты воробей, под застрёхами твоё место», – ожесточённо подумала она о себе.

Софья побежала в чащу. Ей захотелось догнать Уляну, сказать ей, что она любит Краюхина, и попросить взять её с собой в эту далёкую и загадочную Заболотную тайгу. Но Уляны и след уже простыл. С минуту Софья стояла, опустив руки, сама не своя. Находка залаяла где-то очень далеко, потом донеслись отзвуки голоса Уляны: она пела.

Сама не зная отчего – от обиды ли на Уляну, от досады ли на свою неспособность к таёжной жизни или от неутолённой любви к Алексею, – Софья заплакала, и опущенные плечи её вздрагивали, как в ознобе.

Долго бродила она по лесу. В одном месте под густым кедром Софья увидела ямку, наполненную водой. Она склонилась над ямкой, чтобы посмотреть на себя. Гладь воды отражала как зеркало. Софья поправила волосы, намочила ладонь и приложила к глазам. Убедившись, что на лице не осталось никаких следов слёз, она пошла на стан. Ей хотелось, чтоб никто-никто во всём белом свете не узнал об этих минутах её горького и безутешного отчаяния, объяснить которое толком она не смогла бы и сама.

Глава шестая

Заболотная тайга – это непроходимые тёмные леса, глубокие лога, взрытые весенними потоками, ребристые бугры с голыми плешинами, возникшими после гроз-лесоломов, бездонные озёра, вечно затянутые паутиной, затхлые болота, покрытые кочкарником, сивым мхом, вонючим багульником-клоподавом, и ручьи, бессчётные ручьи, то прозрачные и звонкие, как хрустальное стекло, то чёрно-бурые, как дёготь, и угрюмые, совершенно безмолвные в своей немоте.

Случается часто так: над Улуюльем светит солнце, сияет голубое небо, а Заболотная тайга курится испариной, хмурится клубами тумана, заунывно шумит без ветра, поскрипывает, постукивает сушняком.

Краюхин шёл не спеша, поглядывал по сторонам, насколько это было возможно в зарослях кедрача, ельника, черемушника, осинника, черносмородинника. Временами он останавливался, прислушивался: «Э, чёрт её возьми, эту Заболотную тайгу! Неуютно, неприветливо и в любой миг на медведя можно наскочить!» Стараясь хоть как-нибудь спастись от надоедливых и липких комаров, заполнивших весь воздух, то и дело впивавшихся в самые чувствительные места шеи и лица, Краюхин беспрестанно курил.

«У тайги, как у города, есть свои проспекты и закоулки. Тунгусский холм – это Дворцовая площадь, Синеозёрская тайга – Невский проспект, а Заболотная тайга – старая Нахаловка», – рассуждал он сам с собой. Он припомнил, что о Заболотной тайге сказал старый Марей: «Если, Алёша, черти и лешие есть, они все там водятся».

Краюхин любил большие переходы по тайге, особенно по местам, мало знакомым ему. Во время ходьбы хорошо думалось. То, что не успевал Краюхин обдумать дома, он часто додумывал в пути. Именно в эти часы он мысленно вёл полемику с противниками своих взглядов, строил новые догадки, мечтал о широком развёртывании капитальных изысканий по всему Улуюльскому краю.

Сейчас, присматриваясь к сумрачным краскам Заболотной тайги, он вспоминал всё, что хранилось в его записях об этой части Улуюлья.

Прежде всего он подумал о карте отца. На ней Заболотная тайга была заштрихована прямыми чёрточками. В двух местах на этой части карты отец оставил прямоугольники, слегка затушеванные красным карандашом. Краюхин был убеждён, что пометки отца относились к периоду гражданской войны. Партизан здесь не было. Самой крайней точкой их пребывания в тайге был улуюльский староверческий скит, а это от Заболотной тайги самое меньшее двадцать километров.

Что же в таком случае обозначил отец своими пометками?

Думал Краюхин и над рассказами охотников, записанными им в разное время, об ошибках компаса, которые случались в Заболотной тайге.

Марей Гордеич подтвердил всё это без колебаний:

– В Заболотной тайге, Алёша, магнитные земли близко. Там на компас надежда плохая. Уведёт куда не надо. Я один раз и сам испытал это: три дня мы кружили с братией на одном и том же месте...

Дорого бы дал Краюхин за то, чтобы попасть в подобные обстоятельства. Правда, проверить точность компаса в Заболотной тайге было не просто. Карта Улуюльского края не отличалась большой точностью. В таком деле могли бы пригодиться геодезические приборы, но их Краюхин

не имел. Вся надежда была на самого себя: надо было обшарить всю Заболотную тайгу руками, глазами и поставить показания компаса под проверку.

Краюхин понимал, что ему предстоит тяжёлая и длительная работа, но это нисколько не пугало его. И понятно почему: никакое другое желание не владело им в эти дни с такой силой, как желание познать Улуюлье, приблизиться к разгадке его захороненных сокровищ.

Стан заболотной группы Улуюльской экспедиции находился на Кривой речке, впадавшей в Таёжную вблизи западной лесосеки леспромхоза «Горный». Речка Кривая в истоке брала свои воды из Голубичного болота и катила их по руслу, которое на каждом километре выписывало то восьмёрки, то фигуры, похожие на витиеватые буквы из старославянского алфавита.

Краюхин вышел к стану довольно точно. Он нашёл устье речки Кривой, а тут ему помог утренний ветерок, тянувший пахучий дым костра по узкой горловине, стиснутой крутыми обнажёнными ярами. Краюхин пошёл, ориентируясь на запах дыма, вверх по течению Кривой.

2

Стан заболотной группы имел обжитой вид. Неподдалёку от костра стояли в ряд три палатки, под навесом из свежей, не успевшей ещё почернеть сосновой дранки валялись лопаты и топоры. Возле дымившегося костра лежал ворох дров, напиленных из кедрового сушняка. «Десятник в группе толковый», – отметил про себя Краюхин.

На стане было пусто. Вероятно, люди ушли на работу.

Краюхин подошёл к костру, присел, намереваясь прикурить от уголька, и вдруг увидел то, чего вначале не заметил. Напротив него на могучем кедре, на выгнувшемся толстом суку висел на верёвке короб. Как и навес, он был новый, только что сделанный. Красно-зелёные прутья ивняка не утратили ещё глянца и блестели, как лаковые.

«Что же это такое? – с недоумением подумал Краюхин. – Вероятно, склад продовольствия», – мелькнуло у него в уме, но тут же он понял, что его догадка нелепа. По опыту таёжного жителя он знал, что продукты в тайге обычно хранят в ямах, вырытых в земле. «Может быть, это какой-нибудь метеорологический пост? – продолжал рассуждать сам с собой Краюхин. – Но почему он в коробе? Удивительно!»

Вдруг короб задвигался, заскрипели верёвки, на которых он был подвешен, и послышался кашель человека.

«Что за чертовщина? С какой целью он туда забрался?»

Над коробом всплыло облачко табачного дыма, а спустя минуту в нём показался взлохмаченный полуголый человек. Зевая и потягиваясь, человек постоял в коробе, потом вылез на сук и по лестнице, сбитой из длинных еловых жердей, начал спускаться на землю.

«Что за чудак?» – наблюдая за ним, думал Алексей.

– Здравствуйте! – сказал Краюхин, чувствуя неудобство оттого, что человек до сих пор не видит его.

– Доброе утро! – не оборачиваясь, ответил человек, очевидно решив, что с ним здороваются кто-то из живущих на стане.

«Ну, если, по-твоему, сейчас утро, то когда же наступит день?» – про себя усмехнулся Краюхин.

Человек скрылся в палатке и вышел из неё минут через пять уже одетый. На нём были сапоги с высокими голенищами, брюки галифе с кожаными леями, лёгкая парусиновая курточка, исчерченная застёжками-«молниями». Соломенная шляпа с широкими полями покрывала его голову. «Бенедиктин! Как он изменился! До войны был худенький и щуплый студентик, а теперь раздобрел», – удивился Краюхин, вглядываясь в Бенедиктина и втайне дивясь тому, как тот, живя в тайге, ухитряется сохранить свой лощёный, франтоватый вид.

– С кем имею честь разговаривать? – слегка склонив голову, негромко сказал Бенедиктин.

«Не помнит меня! А может быть, делает вид, что не помнит», – подумал Краюхин и отрекомендовался.

– О, инженер Краюхин! Премного о вас наслышан! – воскликнул Бенедиктин и, как показалось Краюхину, с теплотой и доброжелательством в голосе продолжал: – Присаживайтесь, пожалуйста, вот сюда. На это круглое кресло! – Он указал рукой на кедровый чурбак, поставленный на попу. – Рассказывайте, как живут там, на Большой земле?

Бенедиктин сел напротив Краюхина, осматривая его с ног до головы блестящими чёрными глазами. По-видимому, жилось Бенедиктину в тайге не сладко. Полное выбритое лицо его было припухшим, шея и лоб покрылись коростой от укусов комаров и слепней. Руки огрубели от загара и стали шершавыми.

– Я давно уже не был, как вы говорите, на Большой земле, так что от новостей отстал, – проговорил Краюхин, чувствуя, что Бенедиктин ждёт ответа. – А что у вас слышно? – Краюхина интересовала работа заболотной группы экспедиции.

– Ах, коллега, – всплеснув руками, заговорил Бенедиктин, – какая это жизнь?! Прозябание! Почти пять лет провёл в нечеловеческих условиях на фронте и вот опять... – Полные губы Бенедиктина сомкнулись, он закрыл глаза, и на припухшем румяном лице его появились скорбь и уныние.

Краюхин сидел молча, ждал, когда Бенедиктин заговорит снова.

– И кому это пришла в голову нелепая затея посылать сюда людей? И разве это мыслимо, чтобы семь малограмотных мужиков нашли что-нибудь полезное в этой труппе?

Но тут Бенедиктин понял, что он увлёкся и сказал лишнее.

– Допускаю, коллега, что на этих просторах и есть что-то. Но всему своё время. Вот разовьётся техника изысканий, и тогда здесь не потребуется таких усилий, – поспешил закончить Бенедиктин.

– Никакая техника не заменит человека. Если даже рентгенология и геофизика получат развитие, то и тогда за человеком останется первичное обследование земной поверхности. Уверяю вас, что молоток геолога будет жить ещё многие десятилетия. И потом, разве можно упускать время? Никто нам спасибо не скажет, если мы будем ждать, когда придёт техника...

Алексей сказал всё это твёрдо, и Бенедиктин понял, что спорить с ним бессмысленно. В ответ Краюхину он неопределённо протянул:

– Мда...

– А что у вас в коробе? – разжигаемый любопытством, спросил Краюхин.

– Как это что? Моя постель! – пожав плечами и, видимо, поражаясь недогадливости Краюхина, сказал Бенедиктин.

– Постель? Не ожидал! Что же вы так низко устроились? – лукаво усмехнувшись, спросил Краюхин.

Бенедиктин уловил его усмешку и, стараясь казаться внушительным более, чем это требовалось, спокойно ответил:

– Может быть, и смешно, но спать на земле не могу. В юности жестоко был покусан гадюкой. Едва спасли. А потом, коллега, здесь столько зверья! Вчера два медведя вышли к самому стану.

– Ну, от медведя в коробе не спасёшься, – снова не сдержал усмешки Краюхин.

– А представьте себе, самочувствие там, – Бенедиктин кивнул в сторону короба, – более сносное. Психологический самообман, а всё-таки!

Краюхин в упор посмотрел на Бенедиктина. Самоуверенность, так и сквозившая в каждой черте его облика, вдруг померкла, но растерянная, вымученная улыбка ещё держалась на полных, скривившихся губах. «Насчёт гадюки ты всё придумал, гражданин Бенедиктин. Просто тебе тут неуютно, непривычно, боязно. Оттого ты и полез в короб», – думал Краюхин.

– А вы надолго, коллега, пожаловали на наш стан? – торопливо проговорил Бенедиктин, стараясь скорее перевести разговор на другую тему.

– Навсегда.

– То есть как это – навсегда? – недоумённо вздёрнул плечами Бенедиктин.

– Ну, не навечно, разумеется, а пока существует заболотная группа.

– Вас послали помогать мне? – сверкнув белыми зубами, спросил Бенедиктин.

– Наоборот. Вы будете помогать мне. Я назначен руководителем заболотной группы. Вот приказ начальника экспедиции.

Краюхин вытащил из своей неразлучной полевой сумки приказ Марины и подал его Бенедиктину.

Меняясь в лице, Бенедиктин читал приказ долго и мучительно. Можно было подумать, что он заучивает его наизусть.

– Не кажется ли вам, что Марина Матвеевна берёт на себя слишком много? – В блестящих глазах Бенедиктина металась ярая ненависть.

– Не думаю. Начальник экспедиции имеет большие полномочия, – спокойным тоном возразил Краюхин.

– Большие полномочия! Баба! Сводит счёты, мстит, жестоко мстит, что нету меня в её постели...

Бенедиктин вскочил, отбросил приказ и разразился по адресу Марины отборной бранью.

Краюхина опалило чем-то горячим, у него закружилась голова, в глазах поплыли тёмные пятна. Он бросился к Бенедиктину и, сжимая кулаки, закричал:

– Я набью тебе морду, Бенедиктин! Ещё одно слово – и вот!

Жёсткий, как увесистая литая гирька, кулак Краюхина повис на уровне глаз Бенедиктина.

– А, вон оно что! – попятился Бенедиктин. – Уступаю, уступаю без сожаления и скорби.

– Пошляк! Судишь о людях по своей мерке! – Негодование клочкотало в груди Краюхина, и кулак его в любую секунду мог ударить Бенедиктина в переносицу.

– Я... я... не потерплю... я буду жаловаться профессору Великанову, – продолжая пятиться, бормотал Бенедиктин. Полные губы его тряслись, глянцевые, в комариных укусах щёки налились кровью, стали ярко-пунцовыми. Он пятился всё быстрее и быстрее. Наконец ноги его упёрлись в кедровый сутунок. Бенедиктин взмахнул руками и свалился на кучу дров.

Краюхин повернулся, отошёл в сторону и сел на чурбак спиной к Бенедиктину. Негодование не покидало Краюхина. «Я собью с тебя спесь, я с тобой цацкаться не буду!» – шептал про себя Краюхин.

Они сидели молча и неподвижно. Каждый думал о своём. Потом Краюхин встал, повернулся к Бенедиктину, сказал:

– Ну вот что, Бенедиктин, расскажите, как идут дела? Где рабочие?

Бенедиктин молчал. Краюхин бросил на него взгляд, полный ожесточённого нетерпения.

– Давайте поговорим о деле. Дело не позволяет нам молчать.

Бенедиктин украдкой взглянул на Краюхина, стараясь убедиться, так ли спокоен тот, как держит себя.

– Вы её любите? – вдруг жалким голосом спросил Бенедиктин.

– А как можно не любить такого человека? Её любят все, кто её знает. Вы единственный, кто посмел её оскорбить.

– Но я тоже люблю её, – всё таким же жалким голосом сказал Бенедиктин.

– А я сомневаюсь, – резко оборвал его Краюхин и заговорил о другом: – Чем занималась ваша группа? Расскажите мне всё по порядку.

– Вёлся дневник. Простите, одну минутку, – Бенедиктин поднялся и скрылся в палатке.

«А всё-таки человек он воспитанный, – невольно усмехнулся Краюхин. – Другой бы это «простите» ни за что не сказал бы».

Бенедиктин вернулся с толстой тетрадью в руках.

– Вот прочтите.

Краюхин раскрыл тетрадь, начал читать. Дневник вёлся аккуратным изысканно-каллиграфическим почерком и давал полную картину работы группы.

Пока Краюхин читал, Бенедиктин неотрывно наблюдал за выражением его лица. Краюхин чувствовал это и старался ничем, ни единым движением не выдавать своего отношения к прочитанному. «Хочет знать, как я отношусь к его работе, – думал Краюхин. – Ну, я оценок выставлять не собираюсь».

– Вы на фронте были? – вдруг спросил Бенедиктин. – Не там ли встречал вас?

– Да, был. После ранения лежал в корпусном госпитале, где вы состояли в должности замполита. У нас с вами был небольшой конфликт. Мы, раненые, не имели газет, нас плохо обслуживали. Я покритиковал вас за это. Вы запомнили мой «выпад» и записали в характеристике, что я нарушил воинскую дисциплину. Когда меня исключали из партии, ваша характеристика, представьте, сыграла свою роль...

По лицу Бенедиктина пошли красные пятна. Он замотал головой так отчаянно, что Краюхину на мгновение стало не по себе.

– Не помню! Совершенно не помню! Не помню! – бормотал Бенедиктин, вертя головой так, словно она едва держалась на тряпочной шее.

– Да и я забыл! А вот при случае вспомнил...

– Великодушно простите! Если б знать, что встретимся...

– Да будет вам трястись-то! Что было, то прошло.

Бенедиктин благодарно взглянул на Краюхина, но Алексею от этого взгляда стало ещё тошнее. «И как только я с ним работать буду... Бедная Марина Матвеевна, как же она жестоко ошиблась!» – подумал Краюхин.

– А ведь верно – было! Я припоминаю, – подобострастно заговорил Бенедиктин. – И знаете, тут чья вина? Начальник госпиталя у нас был нелюдимый, жестокосердный майор. На операции ходил, как на праздник. Мясник! Вот он-то и узнал о вашем выпаде и настоял, чтоб было занесено в характеристику! Да, да вспоминаю...

От этих слов Краюхина бросило в дрожь. Минутами раньше, когда Бенедиктин оскорбил Марину, у него еле хватило сил сдержаться, чтобы не ударить его, и сейчас снова нестерпимое пламя гнева обожгло его, и руки инстинктивно потянулись к ружью.

– Какая же ты мелкая сволочь, Бенедиктин! Видно, привык всё отвратительное приписывать другим. Смотри, долго так не проживёшь! – с ярой жёсткостью в голосе сказал Краюхин.

Бенедиктин не ждал таких резких слов и сжался под их тяжестью. Наглые глаза его потухли.

Краюхин отшвырнул дневник и пошёл, не глядя, в чащобу. Он был в состоянии того незрячего отупения, которое сковывает человека только в единственном случае – когда чувства так сильно бушуют, что нет слов, равных их силе.

Вдруг в лесу на взлобке послышались громкие голоса и смех. Это возвращались рабочие. «Люди! Идут люди!» – с радостным озарением подумал Краюхин и, ощущая свирепую тоску своего одиночества, стиснувшему сердце, чуть не бегом поспешил им навстречу.

3

Над Улуюльем стояла звонкая, солнечная погода; день начинался в четыре часа и продолжался чуть ли не двадцать часов. Темнело в двенадцатом часу ночи. Такой длинный день Краюхин воспринимал как награду ему, как счастье. Сколько можно было за такой день сделать!

Краюхин не терял зря ни одной минуты. Знал он, что в Сибири погода переменчива – сегодня стоит ведро, всё сияет и светится, на небе ни облачка, а завтра надвинется ненастье, тучи обложат горизонт, и дождь зарядит на неделю. Недаром говорится, что Сибирь имеет крутой нрав: с характером она, тут не бывает «серединок на половинку». Тепло так тепло, хоть жарься на солнцепёке: холод так холод, аж дух захватывает!

Краюхин вставал на рассвете, выпивал кружку крепкого чая с сухарями и уходил по своим маршрутам. Он торопился, спешил, пока природа дарила ему свет солнца.

Приняв от Бенедиктина руководство группой, Краюхин изменил направление её работы. Всех рабочих, занятых раньше учётом лесов на холмах Заболотной тайги, он перевёл на землеройные работы. Речка Кривая вполне оправдывала своё наименование. Она петляла, кидалась из стороны в сторону, пересекала болота, гривы, опоясывала горы, вгрызалась в их бока, сдирала с них лесисто-травяной покров.

Краюхин поручил рабочим идти вдоль речки, пробивать один шурф за другим. Кое-где встречались обвалы – рабочие углубляли их. Если б Краюхин обладал такой силой, то взял бы он в руки великанью лопату и всё, всё, что скрывали в Заболотной тайге глубины земли, соскрёб бы напроць, чтоб окинуть взором все потаённые места. «Должен же где-то быть выход коренных пород», – продолжал твердить Краюхин.

Пока рабочие производили обнажения, Краюхин был занят своим делом, которое сделать за него никто не мог. Он начал эту работу ещё весной, вскоре после злополучного выстрела в осиннике.

Прочертив на карте четыре линии, расходящиеся от стана веером, Краюхин принялся прокладывать их по земле. Он уходил от стана километров за пятнадцать, стараясь не сворачивать даже в тех случаях, когда на пути встречались заросли мелкого ельника, буераки или кочкарник. Делал он это для того, чтобы тщательнее обследовать местность и убедиться в точности карты. Краюхин умел хорошо «читать небо». По солнцу, звёздам и луне он ориентировался почти с такой же точностью, как по компасу. И это помогло ему сейчас. Его условные линии были прямые, как стрелы.

В течение пяти дней он исходил всю Заболотную тайгу из конца в конец. Разбил её на квадраты, обозначив их различными приметными деревьями или речками. Захваченный темнотой, он дважды ночевал у костра. Не желая оставлять рабочих на шурфах без присмотра, он появлялся у них только ранним утром.

С Бенедиктиным Краюхин встречаться избегал. Правда, тот сам старался не попадаться ему на глаза.

– Товарищ начальник группы, позвольте доложить: я продолжаю геоморфологические обследования хребтов Заболотной тайги согласно программе. У вас возражений не имеется?

Бенедиктин чуть не с полуночи до рассвета ждал Краюхина у его палатки, чтобы сказать это.

– Пожалуйста, продолжайте. Таково было и указание начальника экспедиции, – спокойно ответил Краюхин.

Но этот мимолётный разговор сильно взволновал его. За день Краюхин несколько раз вспоминал почтительный, подобострастный тон, каким произнёс эти слова Бенедиктин, умильное выражение его припухшего лица.

Осматривая в одном месте причудливое сплетение сросшихся сосен, их уродливый изгиб над ручьём, Краюхин подумал: «Каких только деревьев не встретишь в тайге!» И тут все его мысли перенеслись к людям. «А люди? И они не одинаковы. Каков, например, Бенедиктин? Едва почую мою власть, он готов подчиняться, но если представится случай, он первый подаст голос против».

На второй день Краюхин встретил Бенедиктина в тайге далеко от стана. Его сопровождал рабочий, так как один он ходить опасался. «Удивительно, как могли сойтись наши пути? И что он тут делает? Неужели он закончил всю работу на холмах по Кривой речке?» – удивлённо раздумывал Краюхин.

Он и предположить не мог, что Бенедиктин появился в глубине тайги не зря. Услышав от рабочих, что Краюхин разыскивает очаги магнитной аномалии, Бенедиктин решил попытать счастья. «Пусть он не думает, что открытие магнитной аномалии в Заболотной тайге будет принадлежать ему одному. Я тоже здесь не зря кормлю комаров собственной кровью. Мы ещё потягаемся!» – думал Бенедиктин. Воспаряясь до небес в своих честолюбивых замыслах, Бенедиктин видел уже свои портреты в газетах с громкой подписью: «Исследователь Заболотной тайги Григорий Владимирович Бенедиктин. Им установлена магнитная аномалия». Иногда какой-то трезвый голос прерывал полёт его безудержной фантазии, и он соглашался на более скромную роль: «Магнитная аномалия, установлена совместно с инженером Краюхиным».

«Пусть будет, на худой конец, так. Мне с ним детей не крестить. А всё-таки мой авторитет пойдёт в гору, и диссертация двинется как по маслу», – размышлял Бенедиктин.

Так они – Краюхин и Бенедиктин – жили под одним улуюльским небом, которое для одного было самым желанным, родным и ласковым, а для другого чужим и ненавистным.

В тот день, когда Краюхин решил выйти в тайгу для проверки компаса, рассвет был медленный, тягучий, солнце томительно долго прорывалось сквозь клубы тумана, стоявшего над тайгой. Потом поползли облака, и солнце то скрывалось за ними, то выглядывало, одаривая Улуюлье потоками яркого света и тепла. «Только бы на ненастье не повернуло, осложнит мне всё дело», – опасался Краюхин. Но приметы не сулили ненастья. С вечера выпала такая обильная роса, что трава стала мокрой, как после дождя. Несмотря на сумрачный рассвет, птицы пели заливисто и звонко, что тоже предвещало хороший день. По макушкам деревьев пробегал ветерок, раскачивал их, освежая застоявшиеся таёжные запахи. «Это хорошо, что зноя не будет, легче идти», – осматривая небо, думал Краюхин. Он так привык к преодолению трудностей, что, когда становилось чуть полегче, радовался этому как доброму предзнаменованию. «Может быть, успею по двум маршрутам пройти», – рассчитывал он.

Краюхин отошёл уже от стана метров на пятьдесят, когда вдруг услышал голос откуда-то сверху:

– Товарищ начальник группы, позвольте спросить вас об одном деле.

Это говорил Бенедиктин, высунувшись из своего короба. Краюхин остановился. Возвращаться ему не хотелось, и он громче обычного сказал:

– Что у вас, товарищ Бенедиктин?

– Вы, говорят, на контрольные маршруты пошли?

– Да, пошёл.

– А я ведь тоже этой работой по выявлению магнетизма занимаюсь.

Краюхин сделал несколько шагов назад, чтоб лучше слышать, что скажет Бенедиктин.

– Я пытаюсь совместить собственные геоморфологические наблюдения с... – Бенедиктин замялся, подыскивая точное слово.

– А вы что, уже так освоили местность, что можете контролировать компас? – спросил Краюхин, не скрывая недоверия.

– В известной, конечно, мере. Но уже не новичок, – скромно ответил Бенедиктин.

– Что же, пробуйте! Ошибки компаса случались здесь у многих охотников. Это факт.

Краюхин не мог больше задерживаться, его влекло в тайгу; он зашагал дальше, но хорошо слышал то, что ему крикнул вдогонку Бенедиктин:

– Буду стараться, товарищ начальник группы!

Краюхин оглянулся. Если б Бенедиктин мог в это мгновение видеть глаза Краюхина! «Ну что это за отвратительная манера чиновничества! Как гадко!» – говорил его взгляд.

Но вскоре Краюхин забыл и думать о Бенедиктине. На линии, по которой он двигался, начались его памятные вехи. Он вынул из полевой сумки карту с планшетом, компас, тетрадь и начал наблюдения. Он то и дело останавливался и, положив компас то себе на ладонь, то на пенёк,

подолгу всматривался в показания стрелки. В течение дня он проделывал эту однообразную работу много раз и выполнял её с удовольствием. Он хотел сейчас только одного: чтобы этот круглый, умный предмет под стеклянной крышкой увёл его совсем-совсем не туда, куда могла привести его условная тропа. Но компас не хотел ошибаться и вёл его строго по карте. Стрелка компаса, как ни встряхивал её Краюхин, не металась, не дрожала, она спокойно скользила по циферблату и замирала на одном и том же месте. И показания её опять-таки совпадали с картой.

К концу первого маршрута Краюхин пришёл так точно, что сам подивился. Можно было подумать, что он шёл не по условной линии, а по тропе, проложенной с помощью приборов. Нет, на магнитную аномалию тут не было даже и намёка!

Прошло уже немало дней, как он покинул раскопки у Тунгусского холма. Вероятно, Софья ждёт его. Возможно, там есть уже какие-нибудь важные новости. Но возвращаться туда, не сделав до конца своей работы, Краюхину не хотелось. «Уж пусть лучше подождёт Соня. Если ей удалось наткнуться на новые данные, то день-два не решат вопроса, а если ничего нет, пусто, тем более моего присутствия не требуется», – думал он.

Правда, втайне какой-то червячок сомнения точил его. «Соня, вероятно, скучает. Ведь не ради же этих несчастных раскопок приехала она сюда! Ради тебя, только ради тебя она оказалась здесь. Не будь тебя, она могла бы сидеть в своём архиве или вести поиски в самом городе. Иди, иди к ней, побудь возле неё, порадуй её».

Этот червячок сомнения минутами так начинал точить его душу, что он готов был бросить все дела и скорее бежать к Тунгусскому холму. Но, поразмыслив, он откладывал всё на следующий день. «Ладно, сегодня пробуду здесь, а завтра видно будет. Соня? Ну что же, если и поскучает... Она ведь знала, что я возле неё сидеть не буду, у меня нет для этого времени, я должен ходить и ходить по тайге. Геолога, как волка, кормят ноги...»

Начав мысленно оправдывать себя перед Софьей, он обычно и приходил всё к тому же выводу: «Подожду. Сегодня кое-что сделаю, а завтра видно будет...»

4

Краюхин сидел у тихо дымившегося костра, опустив плечи и тупо уставившись в раскрытую тетрадь. Рука его неподвижно лежала на колене. В стиснутых пальцах торчал остро отточенный карандаш. Только что Краюхин написал этим карандашом строки, каждое слово которых отзывалось болью в сердце:

«Прошёл по всем четырём маршрутам безрезультатно. Пробивка шурфов продолжается пока так же безрезультатно».

Перечитав, он подумал: «Написано, как у плохого десятника: безрезультатно – безрезультатно, будто слов других нет». Но исправлять ничего не стал. «Неловко сказано, но зато верно. Правду не подмалюешь даже самыми звучными словами».

Краюхин закрыл тетрадь и засунул её в полевую сумку. Потом он развернул карту Улююля, положил её на чурбак и, запустив пальцы в свои густые, сильно отросшие волосы, задумался: «Что предпринять дальше?»

Вдруг совсем неподалёку от стана залаяла собака. Краюхин быстро свернул карту, встал. «Кто же это идёт?» Ещё через минуту послышалось лёгкое посвистывание – так удерживают собаку, когда не хотят, чтоб она уходила далеко. Было очевидно, что на стан шёл кто-то чужой. «Уж не посыльный ли из штаба экспедиции?» – мелькнула догадка в уме Краюхина. С нетерпением он ждал появления человека, всем существом чувствуя приближение какого-то очень важного момента в своей жизни. У каждого случается подобное – ничего, совершенно ничего не ведаешь, а каким-то неизъяснимо сложным озарением всех чувств уже знаешь, что вот сейчас произойдёт особенное, неповторимое...

Густые пихтовые ветки осторожно раздвинулись, и в маленьком оконце показалась голова Ульяны, повязанная платочком. Лицо её было серьёзным, глаза настороженными. Ожидание, любопытство, волнение, игра солнечных лучей придали выражению её глаз незабываемый блеск. Ульяна не знала, кого встретит на стане заболотной группы, и до поры до времени сохраняла осторожность. Повинуясь манере хозяйки, Находка ползла вслед за ней на брюхе, то и дело выткаясь в пятки Ульяны своим влажным чутким носом.

Увидев, что Краюхин на стане один, Ульяна шагнула смелее, свободнее. Находка почувствовала, что притеснять её больше хозяйка не будет, и клубком выкатилась вперёд.

Краюхин отбросил карту, широко раскинув руки, пошёл навстречу Ульяне.

Она сделала ещё шаг, и пихты, заслонявшие её, остались позади.

– Голубь ты мой! Вот уж кого не ждал! – Голос Краюхина, звонкий и удивлённый, передал его неподдельную радость. Карие глаза его искрились, словно высекали буйные, радужные брызги. – Спасибо тебе, что пришла! Спасибо, Уленька!

Он крепко обнял её, прижал к себе, поцеловал в голову.

Она не уклонилась, но вся сжалась в комок, чувствуя, как кровь прихлынула к сердцу, обожгла шею, руки, щеки. Язык онемел, ноги сделались тяжёлыми и неподвижными.

Он обнял её, как брат, как старший товарищ, движимый чувством благодарности, что она явилась к нему в такой тяжёлый, безрадостный час неудачи. Но когда головка Ульяны оказалась на его груди и горячее дыхание девушки коснулось его лица, он вдруг почувствовал, как встрепенулось в нём какое-то другое чувство. Чуть приподняв её милую головку, Алексей поцеловал её в лоб. И хоть это прикосновение было мимолётным, на губах его будто запеклось что-то терпкое и сладкое, а запах, который исходило её пылающее лицо, был тоже удивительно приятным.

Не задерживая её больше ни на секунду в своих объятиях, он взял в свои руки её горячие шершавые пальцы.

– Ну, скажи скорее, скажи, как ты здесь очутилась?

Она хотела что-то сказать, знала, что молчать нельзя, неудобно, но язык не повиновался ей. Она не могла не только вымолвить ни одного слова – у неё не было сил вздохнуть. Она вся горела и, зная, что щёки её сейчас ярче красно-малинового цвета кипрея, горела ещё больше, горела неугасимым огнём, каким может гореть только первая и большая девичья любовь.

Краюхин посмотрел на неё в упор, уже чуть досадуя, что она молчит. И в тот миг, когда его глаза встретились с её глазами, такими сияющими и доверчивыми, такими встревоженными и зовущими, он понял, что она пришла к нему, влекомая той самой силой, которую не передать словами. И, ещё не успев обо всём этом подумать, он почувствовал в себе неудержимое желание снова прикоснуться к ней, чтобы ещё раз ощутить на своих губах то самое терпкое и сладкое, что он уже ощутил минутой раньше. Он порывисто притянул Ульяну к себе и поцеловал в губы.

– Как же всё-таки ты нашла меня, Уленька? – снова спросил он.

Из всего, что он говорил, она прежде всего отметила главное для себя: «Уленька... Он раньше не называл меня так».

– Как нашла? Сердце привело, – прошептала она, заглядывая ему в глаза.

– Хорошее у тебя сердце, Уленька! Ой, какое хорошее!

Она заметила, что сказал он это без улыбки, серьёзно-серьёзно и даже с печалью в глазах. Уля больше всего боялась, что он улыбнётся, обернёт всё только что происшедшее в шутку. Но нет, он не шутил. Он говорил строго, и печаль долго не уходила из его отчаянных глаз.

– Добрые вести я принесла вам, Алексей Корнеич.

Он так и подскочил, снова схватив её за руку.

– Уленька, говори, друг!

И едва он сказал это, как в её мозгу засверлило это новое словечко, обращённое к ней: «Друг, друг, друг!»

– У Синего озера нашли мы расщелину, из которой бьёт горячая вода...

Он с такой силой стиснул её руку, что она едва не вскрикнула. Стиснул, отпустил и замер в ожидании.

– А на раскопках она нашла железные слитки... – Ульяна хотела назвать имя: «Софья Захаровна», но в самый последний миг эти слова исчезли с языка и подвернулось другое – «она».

Но Краюхин понял, о ком идёт речь.

– Она тебя ко мне послала? – спросил он, и Ульяна тоже поняла, о ком говорит Алексей.

– Зачем же? Я пошла сама. Она бегает, хватается за голову, ждёт вас... – сказала Ульяна.

– Конечно, ждёт... – поспешил согласиться Краюхин.

Что-то тёмное-тёмное мелькнуло в ясных глазах Ульяны, и она опустила голову.

– Я обещал прийти на раскопки через неделю, а видишь, сколько времени сижу здесь. Ну, а ей совет нужен... Вот какие дела, – смущённо сказал он и, помолчав, скорбным голосом добавил: – А у меня, Уленька, полная неудача.

Она вскинула головку, быстрые глаза её взметнулись, вспыхнули, крутые подковки бровей дрогнули, и он понял, что она готова ради него в огонь и в воду.

5

– Ты посмотри, Уленька, сюда внимательнее, посмотри, – возбуждённо говорил Краюхин, склонившись над развёрнутой картой отца и кисетом Марея. – У отца здесь заштриховано, на кисете тоже отметка – кружок. Подожди, посмотрим по моей новой карте, какому месту в Улуюлье эти отметки соответствуют... Так... так... Синее озеро! Смотри, как точно совпадает... А ну-ка, посмотрим эти отметки... Тунгусский холм! Так... верно... Ну, а эти отметки?.. Заболотная тайга! Какая точная схема... а всего лишь кисет... А что же это? Смотри, вот на кисете кружок, а за ним крестик... Кружок приходится на Заболотную тайгу, а крестик чуть подальше... А как на отцовской карте? Гляди-ка, у него здесь тоже заштриховано... Ты знаешь, Уля, отец наверняка пользовался данными тунгусов... совпадает, многое совпадает... И тебе не стыдно? Столько времени таила от меня такую вещь?! Да и Марей-то Гордеич каков! Я думал, у него от меня тайн нет... А Михаил Семёныч неужели ничего не знал? Вот подпольщики, вот конспираторы!.. Ну, ничего, хорошо, что не сгнуло всё это, оказалось в наших руках... тут есть над чем подумать... – Краюхин запустил свои длинные пальцы в отросшие густые волосы, устремил взгляд на карты и замер.

Ульяне показалось, что с этой минуты он забыл обо всём на свете и даже о том, что рядом с ним она, уставшая с дороги, не евшая с самого рассвета, ждущая от него ласковых слов, дружеского одобрения. В какую-то минуту её стало точить раскаяние. Уж очень поспешила она со своей тайной. Кисет можно было пока не показывать. Ещё, чего доброго, он заберёт его и помчится к Тунгусскому холму, отдаст той. И Ульяне живо представилось, как та склонится вместе с ним над кисетом, и они будут долго разговаривать о чём-то очень сложном, недоступном её, Улиному, пониманию. Но через мгновение Ульяне стало не по себе от этого дурного чувства: «Какая же я плохая! Разве это моя собственность? Дедушке от целого народа, на общее благо всех людей это передано... А Алёша-то как обрадовался! Нет, нет, недопустимо было молчать! И уж если понесёт той, то пусть несёт! Она-то не чета мне – учёная, помогает ему Улуюлье открывать. А я буду жить как жила – таёжной птахой».

Этот мысленный разговор с собой, как всегда, прямой и резкий, наваял на Ульяну грусть. Она опустила плечи, согнулась, обняла руками свои колени и затихла, чувствуя, что из глаз катятся слезинки, падают на губы, растекаются на подбородке.

– Чёрт возьми, Уля, я понял свою ошибку! – вдруг закричал Краюхин. Не зная, как излить своё возбуждение, он принялся ногами расшвыривать дрова.

Уголком платочка она поспешила вытереть глаза. Но её опасения были напрасными – он ничего не заметил.

– Мокрый угол Заболотной тайги надо проверить! Вот смотри, Уленька, у отца на карте это место покрыто штрихом, а у тунгусов отмечено крестиком...

Он вернулся на прежнее место, приблизил к Ульяне карты и кiset и принялся горячо объяснять.

Из лесу вышел Бенедиктин. Увидев Ульяну, он остановился поражённый, едва сдержав возглас удивления. Девушка показалась ему настоящей красавицей. Осматривая её с ног до головы, он услышал слова Краюхина: «Мокрый угол Заболотной тайги», – и насторожился, чтобы понять, о чём идёт речь.

6

Мокрый угол! Назван-то так, что лучше не придумаешь. Растёт тут главным образом ельник, и всё крупный, сукастый, покрытый сивым, жёстким, как щетина, мохом. По сухому шагу не ступишь – всюду хлябь, ржавая вода, тухлые болота с голыми кочками. А уж гнусу такое множество, что рта невозможно раскрыть! И комары тут рослые, горбатые, с тёмными пятнами на крыльях и липкие-прелипкие, будто вымазанные в каком-то клейком веществе. Кусают так чувствительно, что вздрагиваешь, как от укула иголкой шприца.

В Мокром углу Заболотной тайги для человека одна отрада – красная смородина, или, как её называют в Сибири, кислица. Столько её тут, что диву можно даваться! Вот поди ж объясни, почему она здесь так изобильно произрастает! Солнца в Мокром углу куда меньше, чем в других местах Улуюля, а ягода вырастает сочная, крупная, сладкая.

Мокрый угол Заболотной тайги – это северо-восточная окраина Улуюля. А что дальше? По всему видать, то же самое: леса, болота, глушь первозданная... Но там уже другая земля, не высокоярская. И хоть нет в тайге пограничных застав и таможен, каждый обитатель держится своих областных пределов.

Три дня и три ночи провели Краюхин и Ульяна в Мокром углу. Первые и вторые сутки познакомились с местностью, прокладывали маршруты, наносили их на карту. По ночам Краюхин изучал небо, уточнял «обстановку» по звёздам. Ночевали у костра; на рассвете поднимались и снова брались за работу.

Видя, как осунулась, похудела Ульяна, Краюхин говорил ей:

– Зря ты, Уленька, пришла. Сгублю я твою молодую жизнь. И расцвести не успеешь!

Ульяна косила на него глазом, деланно сердитым тоном отвечала:

– А вы бы о себе подумали, Алексей Корнеич. У вас тоже на лице одни глаза остались.

– Вот подожди немного: кончится лето – на курорт поеду. Вернусь полный, красивый, мареевские девушки проходу не дадут, сами ловить в проулках будут.

Ульяна становилась строгой, серьёзной, пыталась съязвить:

– На что они вам, мареевские, сдались? У вас и высокоярсские на примете имеются!

Краюхин смеялся, отшучивался:

– Что ты, Уленька! Разве высокоярсские чета нашим мареевским?

Так и говорили они шутками-прибаутками. Никакие неудобства таёжной жизни не омрачали их настроения.

На третьи сутки предстояло самое главное – проверка показаний компаса. Только стала заря заниматься, они поднялись на ноги. Ульяна быстро вскипятила чай, покормила Находку. Оба молчали. Вернее, молчал Краюхин, а Ульяна не считала себя вправе начинать разговор первой. Она чувствовала, что Краюхин волнуется, и волновалась сама.

Когда они вышли к начальной точке своего маршрута, Краюхин сказал:

– Итак, Уленька, уточним задачу: выйдя отсюда, мы должны прийти к вершине Кривой речки. До неё прямая линия, но мы пойдём сейчас не по вехам, а по компасу. Пусть он нас ведёт. Если... да... если бы...

Краюхин не договорил, но Ульяна и без слов знала, какое желание скрывалось за этим «если бы...».

Они зашагали. Хрустели под ногами сучья, чавкала жижа, то и дело из бурьяна выпархивали таёжные птицы. Находка с лаем бросалась за ними, стараясь поймать птичку, падала на сучья, повизгивала.

– Перестань, Находка, попусту брехать! – прикрикнула Ульяна.

Находка затихла, покорно побрела следом за хозяйкой.

Краюхин шёл впереди, не оглядываясь. Он часто на ходу поднимал планшет, взглядывал на компас и молча шагал дальше.

Глядя на его загорелую, измазанную смолой шею, на качающиеся плечи, прикрытые выцветшей военной гимнастёркой, на отросшие длинные волосы, запорошенные таёжным мусором, Ульяна чувствовала, что нет для неё на свете человека дороже Краюхина. Она то шептала вдогонку ему нежные слова, то вдруг мысленно обращалась к природе с горячей мольбой: «Матушка природа, ты такая сильная, широкая, ну открой ему свои богатства, послужи на пользу людям!» Сердце Ульяны до боли сжималось, когда она представляла, что проверка компаса в Мокром углу может ничего не дать. «Ну и что же? Зато нашла она у Тунгусского холма и они с Анастасией Фёдоровной открыли источник на Синем озере. Ведь всё равно это Алёшино достижение», – пыталась успокоить себя Ульяна. Но успокоение не приходило. Вот именно потому, что та наткнулась у Тунгусского холма на важные находки, ей, Ульяне, и хотелось, чтобы Краюхин тоже достиг здесь, в Заболотной тайге, каких-то результатов.

И вдруг он приостановился, посмотрел на компас, а потом повернулся к ней.

«О матушка природа, неужели ты открываешь ему свои тайны?!»

В его глазах засветились огоньки. Они горели ярче солнечных лучиков. Она не могла ошибиться. Она это видела. Он зашагал дальше и по-прежнему молчал, и всё-таки что-то произошло! Он шагал шире, быстрее, расстояние между ними стало увеличиваться. Ульяна заспешила, чтобы не отставать от него.

Но вот он остановился, снова положил компас на пенёк и повернулся к ней:

– Уля, стрелка мечется! Ты заметила, что мы идём на юго-восток от маршрута?

Он говорил громко, в его голосе что-то звенело, растекаясь протяжным отзвуком по тайге.

– Значит, есть Алексей Корнеич?!

– Есть, Уленька, есть!

Она подбежала к нему, боясь стряхнуть компас, схватила его за руку, прижала её к своему лицу и всхлипнула.

– Устала ты, голубь! – сказал он с нежностью в голосе.

– Я рада за вас, как я рада! – прошептала Ульяна.

Краюхин обнял её, целуя в мокрые глаза, вполголоса проговорил:

– Какая ты родная мне стала! И в какой час пришла! И долго ты меня на «вы» величать будешь?

Ульяна стояла, чувствуя, что ноги её подламываются, а по всему телу растекается истома, усталость, блаженство.

Они постояли с минуту в крепком объятии. Потом Краюхин вытащил из полевой сумки тетрадь и начал снимать показания компаса.

В полдень они вышли на Кривую речку. Смещение их пути против намеченного маршрута было так значительно, что Краюхин сказал:

– Отныне, Уля, магнитная аномалия в Заболотной тайге из преданий тунгусов и легенд охотников стала фактом науки. Ты понимаешь, что это значит?

Ульяна хотела сказать, что она не такой уж тёмный человек, чтобы не понимать, какое имеет значение его открытие, но Краюхин был сильно возбуждён и заговорил сам:

– Это в корне меняет взгляд на геологию Улулюля, обогащает науку. Как бы я хотел повидать сейчас своего учителя – профессора Великанова!..

– Великанова? Вы же сами говорили, что он против вас, – перебила Краюхина Ульяна.

– Был против. До поры до времени. А только, Уленька, в науке он столп, он столько знает, что мне нужны ещё годы и годы... И совет его мне нужен вот позарез!

– Ну уж вы и себя-то сильно не унижайте! – не в силах подавить в себе досады, возникшей от похвал Великанову, твёрдым смелым голосом сказала Ульяна.

Он посмотрел на неё долгим, внимательным взглядом, и она выдержала этот взгляд. Впервые что-то сильное и властное почудилось ему в этом привычном прищуре её зорких голубых глаз. И он сказал как бы в своё оправдание:

– А я не унижаю себя, Уленька. Я только за то, чтобы каждый человек знал своё место.

– Ваше место, Алексей Корнеич, на самой вершине Тунгусского холма. Пусть-ка другой туда доберётся! Мне не верите – сходите к народу, его спросите. Тятя мой часто у нас говорит: «Народ – всему делу голова, он всё знает верное верного».

– И мой тятя, Уленька, об этом же говорил. Помнишь, что на его карте написано: «Трудовой народ – вот кто соль земли».

– Так и Ленин учит. Я хоть немного, а читала.

– И я читал. И вот сейчас думаю: кто нам сберёт в течение тяжких и долгих десятилетий эти ценнейшие крупницы знаний об Улуюлье? Народ, люди, вот такие труженики, как Марей Гордеич, Михаил Семёныч, ты, Уля...

Этот разговор происходил у костра, когда они хлебали деревянными ложками уху из одного котелка, наслаждаясь пищей и отдыхом.

На стан они пришли в сумерках. Весть, принесённая ими, обрадовала рабочих. Даже Бенедиктин, всегда державшийся поодаль, и тот ужинал вместе со всеми. У кого-то из рабочих в тайнике походной сумки отыскалась чудом уцелевшая четвертинка водки. Её разделили по кружкам с величайшей тщательностью и справедливостью.

Утром Краюхин и Ульяна отправились к Тунгусскому холму.

Когда Ульяна надела на плечо ружьё и свистнула Находке, её остановил Бенедиктин. Сияя крепкими зубами и «молниями» на курточке, он с подчёркнутой изысканностью в голосе сказал:

– Позвольте, Ульяна Михайловна, попросить вас об одном одолжении: когда с Тунгусского холма будет отправляться посыльный в Мареевку, не откажите переправить и это письмо.

Ульяна мимолётно взглянула на письмо и аккуратно положила его под крышку патронташа, боясь измять. «Господи, и этот Великановым бредит, настрочил сколько! И что это за мудрец такой, хоть взглянуть бы разок на него», – подумала Ульяна.

Не было ещё произнесено ни одного слова, а Софья уже знала, что там, в Заболотной тайге, между ними что-то произошло; значит, не зря так вострепелось её сердце две недели тому назад, в тот час, когда Ульяна как ошалелая, не договорив, не дослушав, кинулась искать Краюхина, мгновенно исчезнув в лесу.

Они подошли к стану не друг за другом, как обычно ходят таёжники, а рядом – плечом к плечу. Они были молчаливые, уставшие, оборванные, но счастье – буйное, неукротимое, как пламя таёжного пожара, – пылало в их глазах.

Что-то оборвалось внутри у Софьи, и щемящая боль стиснула ей грудь.

– Мы так ждём, тебя, Алёша! Я приостановила работы на яме. Не могу понять, с чем мы встретились. Я измучилась... – Софья заплакала, тихо и безутешно всхлипывая.

И все, кто видел её слёзы: и Краюхин, и Ульяна, и старый Марей, – все поняли, что плачет она совсем по другому поводу. Именно поэтому никто не стал утешать её. Каждому было ясно: её слёзы безутешны, как безутешно её горе.

– Ну, что же вы стоите надо мной, как над мёртвой?! Садитесь, надо же вам с дороги отдохнуть и поесть! – Софья принялась хлопотать возле костра.

Марей отстранил её плавным движением руки.

– Уж я сам тут всё налажу!

Краюхин и Ульяна сняли с себя ружья, сели поблизости друг от друга.

Софья тоже села, но тут же поднялась, не зная, что дальше делать, что говорить.

– Я задержался, Соня, и задержался не зря. Результаты отличные: Мокрый угол Заболотной тайги показал магнитную аномалию. – Краюхин посмотрел на Софью, словно проверял, как она отнесётся к его словам.

Чёрные крутые брови Софьи дрогнули, поползли высоко на лоб, под самые пряди волнистых волос, глаза заискрились, и чуть продолговатое лицо, только что опечаленное, с не высохшими ещё слезинками, озарилось неподдельной радостью.

– Сбылась твоя мечта! Алёша, я поздравляю тебя, поздравляю! – Не в силах сдержать своего порыва, Софья схватила его за руку, намереваясь пожать её, но, кинув взгляд на Ульяну, не спускавшую с неё своих непроницаемо-холодных глаз, отпустила руку Краюхина с той поспешностью, с какой опускают раскалённый предмет, обжигаясь об него и сдерживая рвущийся крик боли. Озарение, которое осветило лицо Софьи, померкло, а через миг исчезло совершенно. Она поспешно села, опустила голову, и Краюхин увидел, что возле глаз её собрались коротенькие морщинки, которых раньше он никогда не замечал.

– Вначале, Соня, всё сложилось крайне неудачно, – заговорил он громко, более громко, чем это требовалось, скрывая внутреннее смущение перед ней и за то, что он так долго заставил ждать себя, и в особенности за то, что произошло с ним в Мокром углу после прихода Ульяны. – Я исколесил всю прибрежную часть Заболотной тайги, и напрасно! Компасная стрелка лежала неподвижно, как прибитая. И представляешь, кто помог мне докопаться до истины, кто дал мне

повод для догадки? Я знаю, ты очень обрадуешься! История! Два документа истории. Вот они, посмотри!

Краюхин достал из полевой сумки старый, потёртый кожаный кисет и карту отца. Осторожно, на вытянутые ладони, с благоговением Софья приняла эти документы. Пока Краюхин рассказывал ей, как они оказались у него, Софья тщательно рассматривала и кисет и карту. Лицо её выражало то сосредоточение, какое бывает у человека, когда он поглощён одной мыслью.

– Ты знаешь, Алёша, я вся трепещу от сознания, что в моих руках сама история. Это же я не знаю что!.. Это... мосты... которые соединяют времена и поколения... Вот она, история! А ты как называл нас, историков? Бумажными жуками? Да?

Улыбка раздумья и радости тронула полные губы Софьи, глаза её на мгновение вспыхнули, излучая ласковое сияние.

– За тобой, Соня, уваровский акт!.. Я не знаю, что я сделаю, если ты отыщешь эту бумагу. Я твоё имя высеку... на вершинке вон той лиственницы. – Он махнул рукой на вершину Тунгусского холма.

Она звонко засмеялась и, поддаваясь настроению шутовости, прозвучавшему в его словах, сказала:

– Ты лучше высеки моё имя в собственном сердце...

Ульяна вдруг вскочила, схватила закопчённый котелок и, размахивая им, не оглядываясь, побежала к реке.

– Боже мой, ну почему я такая несчастная! – воскликнула Софья, и лицо её омрачилось. С болью она посмотрела на Краюхина. – Она любит тебя! Я поняла это давно... И ты её любишь... любишь, да... да... любишь! – Спазмы перехватили ей горло, и последние слова она произнесла шёпотом.

Краюхин встал, растерянно глядя то на Софью, то на Ульяну, убегающую к реке. Что он мог ответить? Если б Софья была не права, он попытался бы разубедить её, но она говорила правду, истинную правду! С того самого часа, когда Ульяна своим приходом в Заболотную тайгу разбудила в нём глубокое чувство, очарованность ею всё сильнее и сильнее захватывала его душу. Ещё недавно полный спокойствия, шутивого безразличия к её влюблённости, сейчас он не мог обходиться без неё и одного часа. Её отсутствие томило, угнетало его, он вдруг начинал терять то ощущение ясности, бодрости, слитности всех душевных и физических сил, которое она как бы открыла в нём. И теперь, прожив несколько дней в этом приподнятом состоянии, он понял, что его любовь к Софье, даже тогда, в первые дни их знакомства, это что-то совсем другое в сравнении с его нынешним чувством к Ульяне. Что же он мог сказать ей сейчас? Что? Молчание становилось тягостным, мучительным. Он ждал уже, что оно прорвётся слёзами Софьи. Но ошибся.

В эти минуты молчания Софья мысленно охватила всё пережитое за последние два года. С того часа, когда Алексей решил покинуть аспирантуру, он стал на путь, который уводил его всё дальше и дальше от неё. Неужели ей не было ясно это с самого начала? Она не пошла с ним, и вот... и вот жизнь сводит с ней свои счёты.

Софья была слабовольной, нерешительной лишь до той поры, пока в ней не просыпалась гордость. «Что же я молчу? Он ещё вздумает меня жалеть. Нет, нет, всё что угодно, но не жалость», – решила она и встала.

– А ты ничего не написал, Алёша, папе о своём открытии? – спросила Софья слегка дрожащим голосом, но спокойно.

И по тому, как Алексей посмотрел на неё, она поняла, что он бесконечно благодарен ей за то, что она не пощадила себя и заговорила о том, о чём могла и не говорить.

– Соня, ну что ты, Соня, как же я мог не написать ему? Я написал всё подробно и прошу его дать прогноз. Понимаешь, одно дело представления и убеждения, другое – знания, опыт... У меня мало этого... Не охватываю...

Она почувствовала, что во всём, что он сказал, два смысла. «Соня, ну что ты, Соня», – эти слова относились совсем к другому, чем все остальные. Этими словами он как бы говорил ей: «Ты не упрекаешь меня, не допрашиваешь. Не просто тебе, и мне не просто. И спасибо тебе, спасибо».

– Чай готов, Софья Захаровна, зовите! – старчески слабым голосом крикнул Марей.

– Пойдём, Алёша, – сказала Софья. – После чая ходим на раскопки. Мы наткнулись на кузницу. Там железо. Но в этом и загвоздка.

– Я предчувствовал кузницу. По шлаку.

Теперь нужно было позвать Ульяну. Она стояла на берегу и неизвестно зачем размахивала котелком.

Краюхин посмотрел на Софью, и она поняла, что ему хотелось. Она опустила глаза и через мгновение подняла их снова. И он понял без слов, что говорил её взгляд. Ему хотелось, чтоб Ульяну она позвала сама, чтоб поступок девушки, таким образом, оказался как бы незамеченным или по крайней мере сглаженным. Но Софья не могла сделать этого, если б даже и хотела. У неё не было на это сил, да, пока не было... И тогда он крикнул сам:

– Эй, Уля, иди пить чай! – И, помолчав немного, добавил: – Иди скорей! Марей Гордеич зовёт.

Девушка обернулась на зов и, помедлив немного, направилась к костру.

Весь окружающий его таёжный мир Лисицын воспринимал как мир, населённый живыми, разумными существами, отданными природой под власть человека. С юных лет он воспитал в себе убеждение, что если умело, по-умному пользоваться этой властью, то тайга обильно будет кормить и поить человека. Немало бы подивился на Лисицына посторонний человек, если бы удалось ему незаметно пожить с охотником неделю-другую в тайге. Лисицын не только берёт зверя и птицу, когда они были не нужны ему, он берёт каждое дерево, каждый куст, каждый ручеёк в тайге. И часто охотник разговаривал то с птицей, то со зверьком, то с деревом, не видя в этом никакого чудачества.

– Ишь какой на тебе, кедр, урожай зреет! Ты поди думаешь: вот Лисицын полезет с шестом, начнёт тебя по веткам дубасить. А зачем мне это? Я уж лучше подожду... Когда шишки вовсе поспеют, ты сам мне отдашь их...

И действительно, кедр отдавал Лисицыну весь урожай, и Лисицын приходил сюда именно в тот день, в тот час, когда наступал срок.

– Э, да ты от меня хоронишься! И зря! Всё равно я тебя найду. Уже чему быть, того не миновать. Пойдёшь ты у меня в план пушнозаготовок. А только не нужен ты мне раньше времени. Приплод мне твой надо знать, – говорил Лисицын, стараясь проникнуть к гнездовьям белок или колонков.

Охотник вполне серьёзно рассказывал:

– Иду я, смотрю – лосиха с детушкой гуляет, увидела человека, обеспокоилась, детушку прячет в чащобу, а сама скрадывает. Я говорю ей: «Ну что ты, дурная, испугалась? Ни тебя, ни детушку пальцем не трону. Гуляй себе на здоровье, наедай тело. Зима впереди, с кормёжкой будет нелегко». Услышала лосиха мой голос, чует, что худа ей не хочу, прошла возле меня спокойно; смотрю, она обучает детушку травами и мохом питаться.

Молодые охотники иногда подшучивали над Лисицыным:

– Ну что, дядя Миша, виделся с царицей белок? Что она тебе сказала?

Лисицын отвечал также шуточно:

– Виделся! Перво-наперво она велела сказать, чтоб вы не были дураками и не палили в белый свет без толку в кедрках, не пугали её приплод; а потом, говорит, по осени ищите меня в ельниках. Нынче, говорит, белого хлеба, то есть кедровых орехов, мало, придётся еловыми шишками кормиться, значит аржанухой.

Везде и всюду Лисицын твердил охотникам одно и то же:

– С тайгой не хитрите, идите в неё с открытой душой. Хитрить с ней – всё равно что хитрить с собственным карманом. Сколько в него положил, столько и возьмишь!

Именно это убеждение – жить в тайге бесхитростно, жить по правилу – свято хранил Лисицын. Поэтому его особенно беспокоило, когда он убедился, что пришлый невесть откуда Станислав бродит по лесам с недобрым умыслом.

Беспокойное и хлопотливое лето выпало Лисицыну в этот год! Он разрывался на части, чтобы успеть и там и тут. Раньше-то как было? Он справлял все дела по бригаде – и только! А теперь навалилась куча забот. И днём и ночью он держал ухо востро. И причиной тому был не только Станислав. С тревогой он поджидал появления Дегова. При податливости районных властей и при своём авторитете Дегов очень просто мог оттяпать синеозёрские земли под посевы льна. Затем синеозёрские кедровники... Ведь этот симпатичный представитель из области, что приходится братом секретарю райкома, определённо сказал, что они предназначены под вырубку. Разве мог он, Лисицын, прозевать появление лесоустроителей?.. Да и центр... Не могли там отмолчаться на его жалобу. Наконец, экспедиция... Правда, он в штате не состоял, хотя сама начальница зазывала его. Не пошёл он в штат не потому, что много работы выпало по бригаде, а потому, что это могло привязать его к одному месту. Ему же нужно было в это лето беспрестанно передвигаться из конца в конец Улуюлья. И всё-таки он не мог оставить экспедицию без своего внимания. Опять-таки не только потому, что там работали Ульяна, Марей Гордеич, Краюхин – люди, близкие ему, а потому, что экспедиция затрагивала интересы всех охотников и рыбаков Улуюлья. В одном случае он готов был уступить, потесниться, окажись, как предсказывал Краюхин, несметные сокровища в Улуюлье. «С этим спорить только круглый дурак станет. Если такое дело выпадет, жизнь круто переменится не в одном Улуюлье – всю область перетряхнёт», – размышлял Лисицын.

При одном из своих обходов тайги Лисицын снова побывал на месте староверческого скита. То, что он увидел здесь, повергло его в нерадостные раздумья. В пяти местах он приметил следы свежего рытья. Станислав не хотел привлекать к себе внимания и забрасывал ямы землёй, прикрывая дёрном, травой, ветками. Лисицын вырубил шест, очистил его, попробовал любопытства ради измерить глубину ям. Шест свободно, легко, как нож в масло, вошёл в землю на целых полтора метра.

«Нет, дальше тянуть некуда! Надо заставить Станислава признаться, по какой нужде он тут шарится. Если по пустяку – живи на здоровье, а если вредное что задумал, держи ответ перед государством», – решил Лисицын.

Не откладывая больше ни на один час, Лисицын отправился на пасеку. Прежде чем предпринять что-то, ему хотелось поговорить с Платоном Золотарёвым. «Ведь тот днюет и ночует со Станиславом. Неужели до сих пор Платон не замечает, что человек этот совсем-совсем не тот, за кого он выдаёт себя?»

Платон Золотарёв оказался на пасеке один.

– А где у тебя, Платоша, народ-то? – спросил Лисицын, узнав вначале о его здоровье, о медосборах, о роении пчёлы.

– А какой народ-то, Миша? Возчик уехал в Мареевку: зубы у него разболелись, спасу никакого нету, а немой, видно, рыбачит на озере. К вечеру теперь явится, не раньше.

– Ну, как он?

– Поправляется! Уже выговаривать кое-какие слова стал. Чистый ребёнок! – щуря свой единственный глаз, с искренней добротой рассказывал пасечник.

– А ты ничего за ним не примечал? – понизив голос и заглядывая Платону в лицо, спросил Лисицын.

– Нет, Миша, не примечал. А что? – насторожился Платон.

– А то, что скрывается он! И не за добрым делом пришёл он сюда. – И Лисицын рассказал пасечнику всё, что он знал о Станиславе.

Платон по-бабьи всплескивал руками, щурил круглый совиный глаз, покачивался из стороны в сторону.

– Ох, головушка ты моя бедная! А я-то перед ним и так и этак: «Ешь, Станислав, отдыхай, Станислав, береги нервы, Станислав. Пострадал ты за народ, пролил свою кровушку!» А он-то вон кто, рассукин сын! – приговаривал Платон.

– А я почему, Платоша, молчал? Думал, что и ты примечаешь. Как-никак охотник был – дай бог другому. Правда, думаю, глаз потерял... Ну так что ж! Ухватка таёжная осталась. А ты, Платоша, совсем с этими пчёлами курёнком стал...

Лисицын не скрывал досады на Золотарёва. Впрочем, тот чувствовал свою вину и не пытался преуменьшить её.

– Истинно, Миша! Совсем никудышный стал, живу, а сам всё думаю: вот когда жизнь-то настоящая наступает – умирать не захочешь. Немца побили, японца побили, своих врагов, которые против колхозов шли, тоже к ногтю прищемили. Тишь да гладь на земле, знай теперь только работай. Жизнь быстро настроится. Через пять – семь лет достатку всякого по горло будет. Он ведь, достаток-то, у народа как дрожжи в квашне. Замесил мучицы пригоршню, а начнёшь тесто вынимать, там его на три каравая хватит... Да, видать, рановато я на мир да покой настроился. На наш век, Миша, хватит ещё паскуды всякой...

– И вот что, Платоша, я думаю, – сдвигая сплюснутую шапку-ушанку на затылок, перебил Лисицын разговорившегося Платона. – Выстрел в Краюхина по весне – его рук дело! Он, Станислав, стрелял. Больше никому! Из наших ни один человек не подымет руку на краюхинскую родову. Я ему этот выстрел припомню! Я его возьму самого на мушку!

И тут произошло то, чего Лисицын никак не ожидал.

Платон Золотарёв стал белее стены, сполз с чурбачка, встал на колени, устремив немигающий круглый глаз на Лисицына, с горячим покаянием сказал:

– Хошь, Миша, сам казни, хошь, на народ веди – я этому выстрелу виновник!

– Окстись, Платон! – не веря Золотарёву, крикнул Лисицын.

– Истинный Христос, Михаил Семёныч!

– Так ты, может, со Станиславом заодно?! – придвигая к себе ружьё, прислонённое к рамчатому недоделанному улью, безжалостным голосом спросил Лисицын.

– За кого ты меня принимаешь? – с болью выкрикнул Платон. – Сам по себе я набедокурил. И никто, ни одна душа об этом не знает. Изболелось у меня сердце. Сразу хотел тебе признаться и...

– Струсил?

– Струсил, Михаил Семёныч!

– Как же это ты? За что же это ты его? Он ведь сын нашего партизанского командира... Или тебе память отшибло?

– Не кори, Михаил Семёныч! Сам от переживания умом скоро рехнусь. – Платон всхлипнул, высморкался. – Жадность меня обуяла. Тайком от властей сохатого хотел подвалить. По весне-то голодно было. Думаю, сам попытаюсь и тихонько кое-кому из людишек мясо сбдуду. Ну вот, и поставил самострел. Он и сработал... Да разве я посмел бы, если б знал, что он этой ночью сюда поедет?..

– Гадина ты, Платошка, – жёстко сказал Лисицын.

– Да ещё какая гадина-то! Сколько натворил всякого беспокойства, – трясущимися губами промолвил Золотарев. – А только, Михаил Семёныч, это наука мне на всю жизнь – такая наука, что слов нету!

– Что мне делать с тобой? – уничтожающим взглядом окидывая Платона, спросил Лисицын. – Скажи ты об этом в другой час, я б измолотил тебя, как самую несчастную суку, а потом бы к Севастьянову в сельсовет свёл, чтоб прочитал он тебе политграмоту да штраф рубликов пятьсот назначил...

– Всё бы снёс, Миша. Заслужил! – Золотарёв сжался, готовый к любому возмездию за свой проступок.

Лисицын покосился на него, стараясь убедиться, действительно ли он переживает или только вид делает. И сомнений у него в искренности Золотарёва не закралось: пасечник сидел униженный, скорбный, пришибленный до крайней степени. И как ни был ожесточён Лисицын, сердце его обмякло.

– Что было, то быльём поросло! – сказал он твёрдо. – У Алёшкиного коня и кости, пожалуй, теперь сопрели. Райком, видать, тоже его помилует, потому что услуги его району стоят поболее, чем эта полудохлая кляча, которую ты по своей дурости на тот свет отправил. И выходит, что должен я, Платон, вместе с тобой взять твой грех и на свою душу. В самом деле, не волочить же тебя к властям! Конфуз получится... Партизан, зазывала в колхоз, колхозный пасечник – и вот тебе на! На какой позор самовольно пошёл! А только знай: грех твой на свою душу принимаю не за так. Должны мы на этого чёрта рыжего набросить узду. Пусть скажет по совести, кто он есть!

Золотарёв выпрямился, посмотрел на Лисицына круглым глазом в упор, осмелев, сказал:

– Приказывай, Миша! Всё справлю, что скажешь, и свою голову не пощажу.

– Приказывать тут особо нечего. И голову свою ты побереги. Хоть она и дурная у тебя, а без этого предмета не проживёшь. План наш простой: придёт Станислав, окружим его с ружьями: «Выкладывай всю душу начистоту перед старыми партизанами, как перед господом богом. Мы эти края для Советской власти отвоёвывали, мы перед ней и теперь за них в ответе...» Как у него с оружием? Не перестреляет он нас из какой-нибудь многострельной военной машинки?

– Да нет! У него, кроме дробового ружья, ничего нет. Это-то я точно знаю.

– Ну смотри, Платоша, не ошибись. Иначе отправит он нас к богу Саваофу, и пикнуть не успеешь.

И хотя Золотарёв чувствовал за собой провинку, был он не из робкого десятка, прошёл крепкую партизанскую закалку.

– Двое одного, Миша, всегда сумеют к рукам прибрать! – уверенно сказал он. – Ты начинай следствие, допрос веди, как, мол, и почему ты, бандюк толстомордый, дошёл до такой жизни, а я тихонько на караул возьму. Чуть он шелохнётся не в ту сторону, я ему ружьём знак дам: хватит, дескать, отпуск твой закончен, получай предписание в тюремное заведение. А будешь артачиться, брыкаться, ну тогда пеняй на себя!

– Пусть будет так, – согласился Лисицын. – Только ружьишко своё повесь сейчас вот сюда поближе. И патрон с пулей вставь. При случае такого дробью не проймёшь...

Золотарёв исполнил всё, что велел Лисицын. Потом они вскипятили чай, и Золотарёв принёс из амбара аппетитные, пахучие соты свежего мёда.

Они пили чай не спеша, разговаривали о том о сём, а сами всё поглядывали в чащобу леса – не идёт ли с рыбалки Станислав? Но прошёл день, наступила ночь, а Станислав не возвращался.

Лисицын и Золотарёв просидели у костра до утра.

– Сбежал, вражина! Зачуял что-то и сбежал! И как мы с тобой, Платоша, опростоволосились?! – негодовал Лисицын.

– Подожди, Миша, авось придёт. Случалось с ним, что он и по три ночи пропадал где-то, – утешал Золотарёв.

Они прождали Станислава ещё сутки, но он не появился.

2

Ульяна не шла, а будто летела на крыльях. Она то пела, то громко разговаривала с Находкой. Давно не испытывала она такой радости, как теперь. Всё, что она пережила за последние дня в Заболотной тайге, так волновало её! Она припоминала каждое движение, каждое слово Алексея.

Отправляя её с донесением в штаб экспедиции и с письмом к профессору Великанову, Краюхин сказал:

– Отнеси, Уленька, пакеты на пасеку, отдай их Золотарёву. Пусть при первой же возможности переправит их в Мареевку. У него там почти ежедневно кто-нибудь из села бывает.

Ульяна с готовностью спросила:

– А может быть, Алексей Корнеич, мне самой в Мареевку пакеты унести?

Краюхин подумал, твёрдо сказал:

– Не нужно, Уля. Это всё-таки в два раза дальше. Отнеси на пасеку и быстро возвращайся. А то тоскливо мне без тебя будет.

Она всё ещё не доверяла ему, думала, что эти последние слова о тоске он обернёт в шутку. Но он даже не улыбнулся, а только добавил:

– Ну, лети, голубь! Счастливого пути!

И она летела, не чуя под собой ног.

Привал на отдых Ульяна решила сделать возле староверческого скита. Здесь, на старом пепелище, было столько малины, что, имея кусок хлеба, можно было хорошо подкрепиться.

В полдень Ульяна дошла до того места, где нужно было свернуть с тропы, чтобы через несколько минут оказаться в малиннике. Ульяна свистнула Находке, которая бежала впереди, и, когда собака вернулась, сказала ей, как человеку:

– Пойдём, Находка, малинки поедим и отдохнём у ручейка.

Находка завиляла хвостом, взвизгнула и пошла за хозяйкой. Вдруг собака зарычала, ощетинилась.

– Кого ты там учуяла, Находка? – Ульяна передвинула ружьё из-за спины на плечо.

Вскоре беспокойство Находки объяснилось: Ульяна услышала какие-то глухие удары. Под кустом старой черёмухи, разросшейся на широкой полянке, Станислав копал землю. Ульяна так осторожно подошла, что он вздрогнул, когда она поздоровалась с ним.

– Здравствуй, Ульяша, здравствуй, – отбрасывая лопату и разгибаясь, уверенно произнёс Станислав.

Ульяна просияла.

– Наконец-то заговорил! Радуюсь за тебя, Станислав, а вместе и за наши благодатные улуюльские места. Видишь вот, вылечился! Нет, что ни говори, а можно жить в наших краях! Давно заговорил-то?

– Мало-мало давненько, а по-настоящему вот сейчас. Увидел тебя и вдруг почувал, что конец пришёл моей болезни.

Ульяна потупилась, но ничего не сказала. Что ж, могло быть и так. Вид у Станислава действительно был какой-то необыкновенный, возбуждённый и праздничный. Он торопливо прихорашивался: поддёргнул голенища кирзовых сапог, подтянул армейские брюки, расправил гимнастёрку под широким солдатским ремнём, причесал пятернёй взмокшие от пота рыжие волосы. Зеленоватые, всегда непроницаемые, холодные глаза его теплились сейчас ласковым светом.

«А, бедняжка, как он настрадался! Подумать даже страшно, сколько он пережил. И какое счастье, что немота кончилась и он снова полноценный человек», – с сочувствием думала Ульяна, нисколько не дивясь состоянию Станислава.

– Тебя, Ульяша, сам бог ко мне послал. Само провидение одобряет мои помыслы, – торжественно сказал Станислав, вскинув глаза к небу и мелко помахав возле груди рукой.

«О чём он говорит? Так обрадовался, что несёт уже какую-то несурязицу», – недоумевала Ульяна.

– А что ты здесь делаешь, Станислав? Ты что, пошёл по стопам Алексея Корнеича и решил искать в Улююлье сокровища? – со смешком спросила Ульяна.

Станислав заговорил совсем о другом:

– Я хотел, Ульяша, сегодня-завтра идти к твоим родителям и просить у них благословения.

– Какое благословение? О чём ты говоришь, Станислав? – насторожившись, воскликнула Ульяна.

– Люблю я тебя, Ульяша. И нету мне жизни без тебя. Люблю с тех пор, как увидел. Ты будешь моей женой?

Станислав попытался взять Ульяну за руку.

– Да ты что, в своём уме, Станислав?! – резко отстранилась от него Ульяна. – Во-первых, о замужестве я и думать сейчас не хочу. Какая из меня в такие годы жена? А во-вторых, за тебя я и в двадцать пять лет не пошла бы. Так что прошу выбросить эту дурную мысль из головы.

«Благословение! Будешь моей женой!..» Нет, Станислав, ты явно ослаб на разум.

Ульяна весело рассмеялась, поправила ружьё, собираясь повернуться и уйти.

Станислав схватил её за плечо, удерживая, сказал:

– Ради Иисуса Христа послушай, Ульяша!

Голос его был таким умоляющим, что Ульяна уйти не посмела и сняла ружьё.

– Давай сядем вот здесь, – предложил Станислав и опустился на взлобочек, покрытый мягкой травой.

Ульяна заколебалась: садиться или нет? Не сесть и уйти – это значило оказаться к человеку невнимательной и нечуткой. Ульяна не так была воспитана. И, поколебавшись ещё две-три секунды, она села возле Станислава.

– Учти только, Станислав, я очень тороплюсь. Несу важную почту начальнику экспедиции, – предупредила девушка.

– Эх, Ульяша, выходи за меня замуж! Сделаю тебя счастливой, богатой, будешь настоящей королевой, – закидывая руку и намереваясь обнять Ульяну, заговорил Станислав.

Ульяна отодвинулась, так чтобы рука Станислава не достала её, и шутливо сказала:

– Вот какой ты щедрый, Станислав! Откуда же ты счастье и богатство возьмёшь? Они что, у тебя в сундуке запрятаны?

Станислав искоса посмотрел на неё и понял, что, если он сейчас же всего не скажет, эта ловкая, быстрая девушка, так сильно захватившая его воображение, уйдёт и никогда уже не вернётся.

– Именно запрятаны! Говорю тебе об этом, как своей судьбе. Ты знаешь, кто я? Я сын высокоярсского купца Тихомирова, жил с детства в Польше. Отец оставил мне в наследство много драгоценностей. Их хватит не только нам, но и нашим детям, Ульяша...

Ульяна взглянула на Станислава, и в глазах её было больше недоверия, чем удивления.

– Ну и фантазёр же ты, Станислав! Так ты в самом деле можешь меня на какой-нибудь королевский престол возвести? – Ульяна звонко рассмеялась.

Свернувшись в тени под кустом Находка подняла свою мохнатую голову и осмотрелась, как бы желая понять, что здесь происходит.

– Не веришь? А я вот ищу эти ценности. Потому и копаю. Вот яма и вон яма. Это план захоронения, оставленный мне отцом. – Станислав достал из кармана гимнастёрки листок бумажки, развернул его на коленке.

Ульяна увидела примитивный чертёж, перевела глаз на яму под черёмуховым кустом. Станиславу показалось, что она начала колебаться, и он торопливо заговорил:

– Заживём, Ульяша, припеваючи, другие завидовать станут! Торчать в этой комариной дыре и часу не будем! Купим в Высокоярске дом, квартирантов пустим... Деньги к деньгам! А где богатство, там и счастье. Платьев себе заведёшь, каких душенька пожелает! Жизнь-то какая будет! А то ведь сгубишь свою красоту в деревне, и люди её не увидят!

Ульяна сидела как пришибленная. От всех этих слов Станислава на неё повеяло смрадом старой купеческой жизни, о которой она читала в книгах и знала из рассказов старших. Она ненавидела эту жизнь всей силой своей души, искренне убеждённая, что нет на свете уклада лучше и дороже для человека, чем тот, в котором она жила.

– Полно тебе, Станислав, уговаривать-то меня! Всё равно не уговоришь! – не скрывая осуждающего тона, сказала Ульяна. – Слушаю я тебя, и кажется мне, что я пьесу из прежней жизни смотрю. Ты подумай-ка, о чём говоришь. На душе даже стало тошно! Да я из этих мест никуда шагу не шагну! Краше их нет для меня! А богатство твоё меня нисколечко не манит. Я хочу жить, как живут все люди. Купишь дом в Высокоярске? Ты чудак, ты опоздал родиться лет на пятьдесят по крайней мере! «Где богатство, там и счастье...» Это же знаешь что? По нашим временам – это капиталистические пережитки! И как только всё это в голове твоей укладывается?! Хочешь, Станислав, человеком остаться, сдай свои драгоценности государству. Не будь рабом собственности, жалкие это людишки! И о женитьбе на мне забудь!

Поник головой Станислав. Из холодных зелёных глаз исчезло тёплое выражение, и они снова стали непроницаемыми, как стоячие омуты в Заболотной тайге. Побледнела его бронзовая шея, ноздри мясистого носа задрожали, стиснулись крепкие челюсти так, что на щёках выступили желваки. Да, немного поспешил Станислав со своим предложением Ульяне. Убеждён был, что как только эта смазливая девчонка услышит о драгоценностях, о платьях, о богатстве, о собственном доме в Высокоярске, так и размякнет её сердчишко, засветятся жадностью глазёнки. И возьмёт он её – тёпленькую, доверчивую, неразумную, как подлинявшую утицу. Казалось ему, что у них, у советских, только одни политруки каменные, а остальных – помани рублём, побегут за тысячу

вёрст... Ан нет! А нравится она ему, нравится до головокружения. Вот и сейчас взглянул на её гибкий стан, и кровь бьёт в виски, звенит в ушах...

– И ещё, Станислав, скажу тебе вот что: нехорошо ты поступил, трусливо! Обманул всех колхозников. Уж тебя ли не жалели в Мареевке? Все думали, что ты советский боец, открытая душа, а ты затаился, как улита в скорлупе. Ну зачем ты обманывал? Думаешь, кто-нибудь отца стал бы тебе вспоминать? Какой же ты тупой умственно!

Станислав молчал, сопел, моргал зелёными глазами.

«Возможно, он ещё поймёт, как ему поступить надо. С ним ведь никто не беседовал по-человечески», – оценивая по-своему молчание Станислава, думала Ульяна.

Но девушка явно переоценила воздействие своих слов. Всё, что она говорила, совершенно не поколебало Станислава. Её спокойную рассудительность он воспринимал по-своему. «Дитё! И слова-то чужие говорит! Надули ей политруки в уши, вот она и повторяет их поучения к месту и не к месту. Когда разберётся в том, что я говорю, рада будет».

Станислав почувствовал, что не может отступить, не выполнив своих намерений. «Самому господу богу было угодно подослать её мне в час моей телесной тоски по ней», – думал он, припоминая, как прошедшей ночью разбушевавшееся воображение рисовало ему девушку и его утечи с ней.

– Ну, Станислав, бывай здоров! Подумай насчёт своих драгоценностей. Тятя мой часто говорит: «Доброе имя дороже золота», – сказала Ульяна, поднимаясь, чтобы взять ружьё, висевшее на черёмуховом сучке, и идти дальше. «Покупаю уж теперь на пасеке, что ж время попусту терять», – решила она.

Вдруг Станислав на четвереньках, как борзой кобель, кинулся к Ульяне, схватил её за ноги и повалил в траву.

– Богом ты мне дана! Богом! – обезумев, забормотал он, хватая её за руки и вытягивая их.

– Ты что, одурел?! – крикнула Ульяна не своим голосом, и ужас охватил её. Она изогнулась, приподнялась, упираясь о землю ногами и головой.

Но Станислав уже держал её мёртвой хваткой, и вывернуться ей не удавалось.

– Находка! Взять его! – крикнула Ульяна.

И тут произошло то, на что Станислав никак не рассчитывал: в одно мгновение собака прыгнула ему на спину, разъярённо вцепилась клыками ему в плечо. Пронзённый острой болью, Станислав заорал что было мочи и отпустил руки Ульяны. Ульяна собралась в комок, сбросила Станислава с себя и, не вставая, придвинулась к черёмухе. Станислав схватил Находку за горло, начал душить. Между тем Ульяна была уже на ногах. Она схватила своё ружьё и выстрелила. Пламя полыхнуло над головой Станислава. Он отпустил собаку, встал на колени.

– Ульяна, не губи мою грешную душу! – молитвенно сложив руки, завопил Станислав.

Лицо его, измазанное кровью, было до омерзения искажено животным страхом. Находка насакивала на него, хватала то за ноги, то за руки.

– Только шевельнись, купеческий выродец, я тебя убью, как змею подколенную! И знай, низкая твоя душа, патрон у меня с разрывной пулей, на медведя вставлен!

Эти слова Ульяна прокричала сдавленным голосом. Её всю трясло, как в лихорадочном ознобе. В эту минуту она не знала, что сделает дальше, как поступит. Она была в таком состоянии, когда действия человека безотчётны, разум их не контролирует.

Станислав чувствовал это и стоял на коленях, боясь шевельнуться и бормоча молитву.

«Что же мне делать с ним? Отпустить? Он может убить меня. Да и разве можно такого гада держать в тайге? Он будет пакостить на каждом шагу», – лихорадочно думала Ульяна, продолжая стоять с ружьём, взятым на изготовку.

– Эй ты, грешная душа, выходи на тропу. Пойдёшь впереди, поведём тебя с Находкой на пасеку. Если вздумаешь убежать, пуля догонит. Вставай! – Ульяна попятилась на несколько шагов в бурьян. – Находка! Иди за ним вслед. Чуть с тропы свернёт – грызи его без пощады!

Собака угрожающе зарычала, закрутилась возле Станислава, сердито залаяла на него.

– Ну иди! Чего ждёшь? – бросила Ульяна.

– Ружьё у меня осталось и тужурка, – с трудом выговорил Станислав.

– Ишь ты, чего захотел! Никуда не денется твоё ружьё и тужурка, шагай! – прикрикнула Ульяна.

Станислав пошёл. Ступив раза два, оглянулся. Собака шла от него в двух шагах. Ульяна – самое большое в десяти. Ружьё она несла на руках. Ствол был направлен прямо ему в затылок.

Когда выбрались на тропу, Станислав, чуть замедлив шаг, начал умолять отпустить его.

– Половину всех драгоценностей отдам! Буду вечно поить-кормить тебя! Всё, что захочешь, сделаю для тебя! Рабом твоим стану! – говорил он.

– Ну-ка, замолчи! – повелительно сказала Ульяна. – Да перестань говорить мерзости и руки закинь назад, чтоб я видела их! И не вздумай сбежать! Я и второй ствол перезарядила. Одной пули для тебя будет мало, вторую дошлю! И не смей оглядываться!

Станислав замолчал, опустил плечи, закинул руки за спину. Неподалёку от пасеки Станислав попытался ещё раз уговорить Ульяну:

– Поимей сердце, Ульяна Михайловна! Ну за что вы меня так жестоко наказываете? Да, я оказался грубым с вами, но я уже понял и пережил своё недостойное поведение. Зачем же казнить и без того несчастного человека?!

Станислав громко всхлипнул, широкие плечи его затряслись.

– Я тебя, кажется, почию всё-таки, Станислав! Нет моих сил больше слушать твои изуверские речи! – выходя из себя, закричала Ульяна.

«Скорей бы дойти до пасеки! И почему её так долго нету? О, батюшки, каким невыносимо тяжёлым стало ружьё!» – думала Ульяна, с каждым шагом, чувствуя, что усталость овладевает всеми её членами и вот-вот свалит с ног.

Наконец пахнуло дымком. Этот лёгкий, чуть уловимый среди аромата трав горьковатый запах ободовал и обеспокоил её. «А вдруг случится, что на пасеке никого нету? Что я с ним буду делать? Неужели в Мареевку вести? Сбежит ещё... Сделаю так: посажу в избушку пасечника и подопру дверь бревном», – решила Ульяна.

Через несколько минут сквозь ветви деревьев показались строения пасеки. Пройдя ещё несколько шагов, Ульяна увидела под навесом, возле таганка, Платона Золотарёва и отца. Старые таёжники давненько уже слышали, что кто-то идёт на пасеку со стороны тайги. Они насторожились, приготовились. Увидев на тропе Станислава с закинутыми за спину руками и Ульяну с ружьём наперевес, Платон и Лисицын встали, с нетерпением ожидая их приближения.

– Тятюшка! – обрадованно воскликнула Ульяна. – Ты посмотри на этого изверга! Ты знаешь, кто он? Урод капитализма! Он вовсе не воин Советской Армии, а сын купца Тихомирова. Пробрался сюда отцовские драгоценности на усадьбе староверов искать!

Ульяна возбуждённо говорила всё это на ходу. Она подвела Станислава к навесу, тяжело опуская ружьё, сказала:

– Посторожите его.

Но бывалые партизаны и без неё знали, что делать. Они взяли за ружья, пропустив Станислава к самому костру.

– Он меня замуж, тятя, за себя сговаривал. Богатством своим завлекал, а когда я отказалась, бросился на меня... Если б не Находка, погубил бы совсем... Насильник он – вот кто! Тёмная у него душа!.. – И Ульяна заплакала горькими слёзами.

Платон и Лисицын насупились, крепче сжали ружья. Разве нужно было им, людям, прожившим на земле многие-многие годы, повидавшим на своём веку всякие виды, испившим из чаши житейской и горького и сладкого, объяснять, что значили эти слёзы девушки? И без объяснений они хорошо поняли, какое ужасное душевное потрясение пережила Ульяна и какая невыразимая крепость таилась в душе её, чтоб исполнить всё, что она исполнила.

Ненавидящими глазами глядя на Станислава, Лисицын обнял дочь, поцеловал её в русую головку со сбившимся платочком и тихо, больше сам для себя, сказал:

– А мы-то, старые глухари, видать, совсем негодные стали! Сидим у моря, ждём погоды... А ты почему сел? Кто тебе позволил сесть? – повернулся Лисицын к Станиславу.

Тот покорно встал.

– За Улю с тебя, грязный человечиска, будет спрос особый, а теперь слушай, что я тебе скажу: зря ты ищешь отцовские драгоценности, ничего не найдёшь, хоть сто лет копать будешь. И знаешь почему? Советская власть эти ценности конфисковала много лет тому назад. Ни тобой, ни твоим отцом не наживались они. Народное это достояние! Твой дед и отец не щадили нашего брата, охотника-промысловика, сосали кровь из трудовых людей, как пауки. Тебе известно это?.. Слушай, Платон, в каком году мы тихомировские сундуки с золотом-серебром нашли? Что-то я запамятовал, – обратился Лисицын к Золотарёву.

– В тот год, Миша, когда наш колхоз организовался, – в тридцать первом, по весне. Помнишь, ты принял бригадирство в охотничьей бригаде, и мы пошли с тобой участки нарезать по левобережью Таёжной?

– Правда, Платоша, в тридцать первом! – Лисицын снова повернулся к Станиславу. – Вот сколько этому делу лет! А ты, чурбан осиновый, копать вздумал! Ты бы лучше полезным делом занимался, мирную жизнь людям помогал настраивать.

– Два сундука было. Один большой, другой поменьше. Оба под замками, железом окованные, – вспоминал Платон.

– Не первый раз, видать, награбленное добро в земле хоронили. Думали: не узнается! А от народа не скроешь ничего, хоть к чёрту на рога запрячь. Об этих сундуках слух давно шёл. Ещё в гражданскую войну, когда в партизанах сражались, мы искать их пробовали, да не до этого было. И долежали они до своего срока. Испросили мы, охотники, у властей разрешение и нашли! Благодарствие нам тогда из самого центра по телеграфу отбили. Ясно тебе или не ясно? – в упор взглянув на Станислава, спросил Лисицын.

– Ясно, товарищ Лисицын, – обливаясь потом и бледнея от всего услышанного, еле слышно произнёс Станислав.

– Ну, насчёт товарища ты не торопись. Я тебе такой же товарищ, как орёл сове, – возмутился Лисицын. – Орёл всё старается в ясное небо взмыть, чтоб видели его и человек, и зверь, и птица, а сова норовит в чащобу забиться. Когда потёмки наступят, она тут как тут. По птичьим гнёздам шарится зверьков уснувших давит... У тебя замашки точь-в-точь совиные. А только и на сову бывает проруха: заклёвывают её малые птички, соберутся артелью и давай клевать. Да как клюют-то, смотреть страшно! Только перья летят. И каждая птаха всё ей в голову метит, чтоб было разбойнице-сове почувствительнее. Давай-ка, господин сова, садись вот сюда, а потом, поведём тебя в Мареевку, будешь ответ перед Советской властью держать.

Станислав сел на сосновый сугунок, опустил голову, струйки пота стекали по его толстой шее, на спине проступили мокрые пятна.

– Ишь как тебя разморило! Накопил на колхозных харчах жиров! Ведь я же тебе, паскуда, самый лучший кусок отдавал. Я тебя, как сына, жалел. А чем же ты отплатил мне за это? – с болью и обидой в голосе спросил Золотарев.

Станислав вскочил. Красное, обветренное лицо его перекопилось от злобы:

– Ведите меня скорее к властям! И хватит меня начитывать! Ишь какие политруки выискались!.. Я хозяин этих сундуков, у меня от отца завещание на руках. Через суд вытребую! Моё это сокровище! Моё! Моё!

– Ты смотри-ка, Миша, какой он приверженный к «моему». Ой-ой! – искренне изумился Золотарёв.

– Уля-то в точку попала: урод капитализма! Да ещё какой уродина-то, давно таких наша земля не видала! Много с ним будет хлопот, пока из его головы эту дурь выбьют... Становись, Платоша, впереди, а я за ним пойду.

Через минуту Золотарёв, Станислав и Лисицын вышли на дорогу. Находка заняла своё место – в двух шагах от Станислава. Ульяна шла позади всех. Теперь, когда всё пережитое у малинника отодвинулось в прошлое, она снова думала о Краюхине, и ей радостно было, что она сумела сберечь свою девичью честь.

Глава восьмая

1

Постукивая и бренча старым, много раз чиненным мотором, катер преодолел пережат и сбавил ход напротив избушки Лисицына.

– Эй, люди! Стан Лисицына этот будет? – крикнули с катера.

– Этот самый, – ответил Лисицын с берега.

Катер круто развернулся и, рассекая собственную волну, ткнулся в песчаный яр.

Лисицын стоял на самом краю обрыва, сдвинув шапку-ушанку на затылок, смотрел на катер и невесело думал: «Ну вот, и лесоустроители припожаловали. Что же мне с ними делать?»

Вечерело. Предзакатное солнце на чистом, голубом небе пылало огненным шаром. Но сибирский август уже делал своё дело: в воздухе веяло прохладой, и солнечные лучи, растекавшиеся над тайгой, были не горячими, а чуть тёплыми. От заросших кустарником берегов Таёжной тянуло густым смородиновым настоем. Созревала ягода.

Не дожидаясь, когда будет положен трап, с катера выпрыгнули двое: очень маленькая, большеголовая, черноволосая женщина лет сорока двух – сорока пяти, с жгуче-чёрными, продолговатыми, как у египтянки, глазами и острым носом, и высокий, стриженный под бобр, припадавший на одну ногу мужчина с увесистой клюшкой в руках. Женщина была одета в мужское: сапоги, брюки из чёртовой кожи и тужурку-спецовку из тонкого брезента: на плечах мужчины, одетого в такой же покрое, висел накомарник, сплетённый из конского волоса.

На катере, кроме моториста, Лисицын приметил ещё двух мужчин. Едва катер приткнулся к берегу, они принялись перекаладывать какие-то ящики и тюки.

– Вы что же, Лисицын будете? – спросила женщина, поднявшись на яр.

– Точно так. Он самый. А вы «здравствуйте» в городе забыли или у вас не полагается? – не в силах сдержать враждебного чувства к прибывшим, с ехидным смешком спросил Лисицын.

– Здравствуйте, товарищ Лисицын, здравствуйте! Я хотела вначале удостовериться, вы ли это, – смутилась женщина и подала руку Лисицыну, назвав себя: – Надежда Андриановна Соловушкина, инженер из треста «Высокоярссклес».

Лисицын слегка сжал маленькую руку женщины, подумал: «Соловушкина? Фамилия подходящая! Послушаем, как петь ты будешь, оправдаешь ли своё прозвание».

Мужчина с бобриком тоже подал руку.

– Никандр Николаевич Хомутников, техник-землеустроитель.

– А кто же из вас за старшего, позвольте спросить, граждане хорошие? – обратился к прибывшим Лисицын.

Почему-то этот вопрос пришёлся не по нраву мужчине с бобриком, и он недружелюбно сказал:

– Вы где-нибудь видели, товарищ Лисицын, чтоб техник занимал положение более высокое, чем инженер?

– Чего не знаю, того не знаю. Совать нос не в свои дела не обучен, – резко ответил Лисицын.

– Начальником нашей группы являюсь я, товарищ Лисицын, – сказала Соловушкина. – А какое имеет это значение?

– А такое имеет значение, что будет важный с вами разговор, – пояснил Лисицын и подчёркнуто небрежно повернулся к технику, как бы наказывая того за грубиянство.

– Я много слышала о вас, товарищ Лисицын, как о прекрасном знатоке улуюльских лесов и очень рада, что именно вы будете нашим проводником, – произнесла Соловушкина мягким, учтивым голосом, явно намереваясь придать этой первой встрече с охотником более душевный характер.

Но Лисицына трудно было поймать на лесть.

– А я к вам, товарищ Соловушкина, в проводники не нанимался и не собираюсь этого делать. У меня своей работы по самое горло. Вот-вот сезон шишкобоя начнётся, а потом охота.

– Но, позвольте, я имею официальное согласие от Мареевского сельсовета относительно вас. Товарищ Севастьянов меня заверил! К тому же от него к вам имеется пакет. Никандр Николаевич, – обратилась она к мужчине с бобриком, – пакет товарищу Лисицыну у вас?

Хомутников вытащил из внутреннего кармана своей куртки-спецовки конверт, сложенный вдвое, и подал его Лисицыну.

Развернув письмо, Лисицын читал его не спеша, с трудом.

– Нет, товарищи хорошие, распоряжение Севастьянова мне не указ. Моё начальство – правление колхоза. Тут Севастьянов пишет, что, мол, председатель колхоза Изотов не возражает, он поставлен в известность... Я бригадир, и пусть мне укажет правление. Вот так, товарищи хорошие...

Лисицын победоносно посмотрел на Соловушкину и перевёл взгляд на Хомутникова.

– Но это же формальный подход, товарищ Лисицын! – воскликнула Соловушкина. – Поймите, что вы ставите нас в безвыходное положение... У нас предусмотрены сроки, мы не можем их срывать, нас взгреет за это трест, а трест получит нахлобучку от министерства. А ведь и министерство тоже в ответе. И перед кем? Перед самим правительством! Это же надо понимать, товарищ Лисицын.

Соловушкина сопровождала свой залп красноречия выразительными жестами. Руки у неё были маленькие, пальчики короткие, на ногтях краснели пятна маникюрного лака.

– А вы думаете, вы одни с понятием? Вы думаете, если вы трест, то умнее вас нету? Если ваш трест такой умный и всё понимает, то зачем он вас послал в синеозёрские леса, где вам совершенно нечего делать? – Лисицын отступил немного от Соловушкиной, уткнув руки в бока.

– Вы смотрите, Надежда Андриановна, какой товарищ Лисицын критик! Для него ни трест, ни министерство, ни правительство не авторитет, – усмехнулся Хомутников, пристукивая своей клюшкой.

– А вы, товарищ, не помню, как вас по имени-отчеству, трест с правительством не путайте. Я тоже на плечах голову ношу, а не кочан капусты и понимаю, что к чему. Если б у правительства руки до вас дошли, оно бы вам так всыпало, что вы бы сюда дорогу забыли...

– Нам эти массивы, товарищ Лисицын, облизполком выделил, – вставила Соловушкина.

– Тем хуже! Облизполком хозяином области считается, а лесов своих не знает! Ну зачем вы лезете в синеозёрские леса? Неужели в других местах вам леса мало? Вы же природу под корень губите! Обнищает Улуюльский край на всякую живность, если леспромхозы в Синеозёрской тайге посадить. Природа! Вы понимаете, что такое природа? Без неё человек шагу ступить не может...

– Природа? – иронически перебил Лисицына Хомутников. – Природа человеком организуется. Вы что-нибудь слышали, товарищ Лисицын, о полезащитном лесоразведении, о водохранилищах, об искусственных лесопарках, о звероводческих питомниках? Природа в наших условиях на новые рельсы ставится. Человек покоряет природу в своих интересах. Если по-вашему рассуждать, то сиди у природы, любуйся на неё и пальцем не трогай.

– Эх, товарищ землеустроитель! Родине лес нужен! Вижу я, что хоть ты и учёный человек, а дело не с той стороны понимаешь. По-твоему так: вырубай лес подряд, истребляй зверя и птицу, а потом начинай всё это разводить сызнова. Так только глупые или нерадивые люди могут делать. А я так понимаю: всё, что есть у нас от природы, мы должны сберечь и приумножить. У нас в клубе в Мареевке висит плакат, на нём слова самого Ленина. Затрудняюсь я вам, товарищи инженеры-техники, в точности их повторить, память стала дырчатой, а скажу по-своему: «у нас в России всё есть: и крепкие, сильные люди, и замечательная природа, чтобы сделать её, матушку, самой богатой державой в мире». – Лисицын, довольный тем, что ему удалось складно пересказать слова Ленина, с гордецей поглядывая на Хомутникова, продолжал, обращаясь больше к Соловушкиной: – А теперь посмотрим, что в жизни? Читаю я как-то нашу областную газету «Высокоярскую правду» – и глазам не верю. Какой-то писака пишет: «Отступает тайга, падает кедр за кедром». Да знаете, что надо сделать за такие слова этому писаке? Дать по затылку, и так, чтоб навек забыл он подобные слова: кедр триста – четыреста лет плодоносит, человека кормит, зверя кормит, птицу кормит, за что же над ним такая расправа?

– Недостатки в работе, товарищ Лисицын, у нас ещё встречаются. Есть они у лесозаготовителей, – с достоинством сказала Соловушкина.

– Недостатки? Вы, извиняюсь, мягко стелете! С этими недостатками такой час наступит, что тот же кедр только на выставке нам будут показывать под стеклянным колпаком, к тому вы дело ведёте.

– Перегибаешь палку, товарищ Лисицын. Зачем же так рассуждать? Мы ведь не для себя стараемся, – с той же внушительностью сказала Соловушкина.

– Стараться надо с умом! Поезжайте в Заболотную тайгу или ещё куда и рубите сколько влезет, никто вам слова не скажет! А рубить Синеозёрскую тайгу – это всё равно что разорять птичье гнездо! Мы детишек за такие проказы наказываем, а тут трест с облисполкомом встрял в такое постыдное дело. И знайте, товарищи начальники, я вам в этом не помощник. Плывите себе на здоровье вверх по Таёжной, там лесов видимо-невидимо.

– Товарищ Лисицын, – воскликнул Хомутников, – вы же вносите анархию! Вы только что на Ленина ссылались, а сами против него идёте. Ленин был за строгий порядок...

– По-твоему, выходит, я против Ленина?! – оскорбился Лисицын. – Ты, гражданин землеустроитель, несурзные слова говоришь! А ты знаешь, что я за Ленина ещё в гражданскую войну раны принял?! Вот, смотрите, распотенные мои начальники! – Лисицын поднял рубашку, и Соловушкина и Хомутников увидели на его тощем, впалом животе белые рубцы от старых ран.

– Вы неправильно поняли, товарищ Лисицын, Никандра Николаевича. Он ни в чём вас не обвиняет, – попыталась успокоить Лисицына Соловушкина. – Но порядок есть порядок. Раз мы посланы сюда, то обязаны свою работу выполнять, обследовать синеозёрские леса и дать их распланировку. Будут здесь создавать леспромхозы или не будут, это покажет время.

– А где палатки разбивать, Надежда Андриановна? – спросил один из рабочих, принёсший с катера брезентовые тюки.

– Где вы нам позволите обосноваться? – обратилась Соловушкина к Лисицыну.

– А по мне хоть нигде, – резко ответил Лисицын и ушёл в избушку.

2

Весь вечер Лисицын просидел на парах. Вышел на простор, когда уже наступила ночь.

Лесоустроители спали. В густой темноте, обложившей тайгу, переливались красными огоньками угли не потухшего ещё костра.

Лисицын остановился на берегу, прислушался. Таёжная катила свои воды с тихим, едва уловимым шелестом. Лес шумел, но шум этот был однотонный, глубокий-глубокий и тоскливый до ужаса. Тупая ноющая боль стиснула немолодое сердце Лисицына. И как-то непроизвольно

пришли на память стихи Николая Алексеевича Некрасова, которые Лисицын выучил наизусть давным-давно, когда ходил в церковноприходскую школу в Притаёжном:

Саше случалось звать и печали: Плакала Саша, как лес вырубали, Ей и теперь его жалко до слёз, Сколько тут было кудрявых берёз! Раньше, в далёкие, невозвратные дни детства, покорённый простыми и в то же время чеканными словами стиха, Лисицын никогда не задумывался над горем Саши. Это горе было непонятным ему, и безысходные слёзы Саши не вызывали горького отзвука в душе. Но каким же близким, совсем родным показалось ему это горе и эти слёзы сейчас, в тёмную ночь, стоящую над Улулюьем! Да если в самом деле надвинется жестокая беда и начнёт падать сражённый лесорубами синеозёрский лес, он не то что плакать будет, он будет рыдать от горя и кататься по земле от яростного бессилия.

Лисицын курил то трубку, то сигарку. Его уже тошнило от табачного яда, но он курил и курил, не ведая, каким способом ещё можно заглушить боль, которая разрывала на части его сердце и мозг.

В голове возникало то одно намерение, то другое. Минутами ему казалось, что стоит сойти к реке, снять катер с цепи, пустить его по воле течения со всеми инструментами и материалами лесоустроителей, и беда, нависшая над синеозёрскими лесами, отодвинется сама собой.

Через некоторое время он уже отвергал возникший план. Нет, это всё не то! Просто ему надо взять ружьё, встать на правом берегу и не допустить высадки лесоустроителей. Пусть убираются восвояси! Но и это отвергал Лисицын. Вероятно, самое лучшее – это не выполнить распоряжение сельсовета. Без проводника лесоустроители шагу шагнуть не смогут. Они будут неделю-две толочься на берегу, а затем погрузят свои вещи на катер и уберутся туда, откуда прибыли.

Только к исходу ночи Лисицын пришёл к решению, которое его успокоило. Нет, ни на какие ухищрения он не пойдёт! Подло и низко поступать так ему, старому партизану и колхознику! Он попробует доказать свою правоту иным способом. Он сам поведёт Соловушкину и Хомутникова по синеозёрским лесам. Он покажет им всё, чем богата эта тайга – золотой, бесценный дар улулюльской природы. Пусть смотрят сами, эти многоопытные инженеры и техники. Если у них есть советская совесть и разум, они не подымут руку на синеозёрские леса. Ну, а если ни того, ни другого у них нет, то есть на свете Москва. Не медля ни одного дня, Лисицын поедет в Высокояorsk, а там сядет на самолёт и помчится в столицу. Пусть месяц, пусть два уйдут на эту поездку, но своего он добьётся. Есть же кто-нибудь там на высоких постах, кто выслушает и поймёт его!

Успокоенный собственным решением, Лисицын вернулся в избушку, лёг на нары и сейчас же уснул. Он спал, может быть, час, может быть, два, но встал отдохнувший, полный сил.

Лесоустроители ещё не подымались. Лисицын разжёл костёр, сварил в большом котелке глухаря, вскипятил чайник. Когда Соловушкина, Хомутников и моторист с рабочими встали, у Лисицына завтрак был готов полностью.

– Заспались вы, товарищи лесных дел устроители, подсаживайтесь вот сюда, под навес. Закусим чем бог послал, – добродушно, с усмешкой сказал Лисицын.

Соловушкина и Хомутников переглянулись, дивясь перемене, которая произошла с охотником. Вчера вечером он фактически выгонял их со своего стана, а сегодня любезно приглашает откусать хлеб-соль. Всё ещё с опаской поглядывая на Лисицына и втайне подумывая, не закончится ли это каким-нибудь подвохом, Соловушкина и Хомутников сели на чурбаки, стоявшие под навесом.

Видя, что моторист и рабочие не решаются присоединиться к своим начальникам, Лисицын пригласил их особо. И так всё это выглядело душевно, просто, что у Соловушкиной и Хомутникова отпали всякие подозрения.

– О, да у вас завтрак, товарищ Лисицын, по высшей категории, – судорожно поводя ноздрями от вкусного запаха, струившегося из котелка с глухарём, и глотая слюну, сказал Хомутников.

– Завтрак наш таёжный. Едим мы тут без всяких категорий, не то что у вас в городе. Вот, пожалуйста, кушайте! – Лисицын подал Хомутникову алюминиевую миску, в которой лежал кусок глухарятины весом никак не меньше килограмма. Так же щедро Лисицын наделил дичью и Соловушкину, и моториста, и рабочих.

– Нет, что ни говорите, а вкусна таёжная еда! К ней бы ещё полстопочки водочки, и тогда такой пище позавидовал бы сам шахиншах Ирана, – восхищённо причмокнув языком, проговорил Хомутников.

– Водочки нету. Извиняйте. Когда она появляется, то долго не держится, – шутливо промолвил Лисицын.

– У меня поллитровочка припрятана, пойду принесу, – проворно поднимаясь с чурбака, сказал молодой рослый моторист.

– А что ж, случай подходящий. Начало работы, начало нового знакомства, – предвкушая удовольствие, заключил Хомутников.

Поллитровку выпили за один приём. Предисловие произнёс Лисицын:

– Ну, как говорится, со свиданьем и чтоб выпала каждому удача!

После выпивки никто, конечно, не захмелел: слишком мало было выпито, но знакомство как бы получило своё надлежащее оформление.

– А что, товарищи устроители, если сегодня я вас поведу осматривать синеозёрские леса? – предложил Лисицын. – Сухо пока, а то как бы дождичек не надвинулся. Давно его не было.

– Лучше бы через денёк. Кое-какую документацию необходимо подготовить, – поглядывая на Соловушкину, сказал Хомутников.

– Нет, Никандр Николаевич, терять дни не будем. Прежде чем начинать работу, нам нужно произвести общий осмотр лесов. Какая вам для этого нужна документация?

– Можно и сегодня, – поспешно согласился Хомутников.

После завтрака Соловушкина, Хомутников и двое рабочих с рюкзаками двинулись в путь.

Впереди шёл Лисицын.

Всё лесное Улуюлье, примыкавшее к берегам реки Таёжной, разбивалось на обширные районы, и каждый район носил своё наименование.

Вначале границы той или иной тайги были совершенно условными, но впоследствии, когда геодезисты и картографы составили карты севера Высокоярской области и передали их для использования в хозяйственные органы, наименование таёжных районов стало входить в официальный обиход. Теперь на карте лесов Улуюлья значились: «Мареевская тайга» (это были леса, примыкавшие к Мареевке, расположенные по нижнему течению Таёжной и по берегам реки Большой), «Заболотная тайга», «Весёлая тайга» (сюда входили кедровые массивы, примыкавшие к селу Весёлому, и сосново-еловые леса, на которых размещались лесоучастки леспромхоза «Горный») и, наконец, «Синеозёрская тайга». Всё это объединялось одним общим понятием – Улуюльская тайга, которая, в свою очередь, была составной частью Улуюльского края, представлявшего по территории, как справедливо писал один высокоярский экономист, «целое, средней величины, европейское государство».

Синеозёрская тайга начиналась от пасеки Мареевского колхоза, захватывала староверческий скит, Тургайскую гриву, на которой находился постоянный стан бригады Лисицына, и, перейдя на правый берег Таёжной, простиралась к северу до моховых болот километров на сто. Ширина Синеозёрской тайги была различной: на левом берегу она не превышала тридцати – сорока километров, а на правом берегу растекалась веером – до шестидесяти километров, а может быть, и больше.

Осмотреть все уголья Синеозёрской тайги за два-три дня было немыслимо, и потому Лисицын составил специальный маршрут. На просторах Синеозёрской тайги было несколько удивительно красивых мест. К ним относились само Синее озеро, Тунгусский холм, омута Утиной речки, Широкий плёс Таёжной. При других обстоятельствах Лисицын не позволил бы себе миновать эти места, не дав возможности свежим людям вдоволь налюбоваться красотами природы, но в данном случае это не входило в его расчёты. «Проймёшь их красотами природы, дожидайся! Как они были губители лесов, так они ими и останутся! Им надо выгоду неприкосновенного содержания тайги показать, чтоб закрались в их мозги сомнения насчёт порубки», – размышлял Лисицын.

Первым делом Лисицын повёл лесоустроителей на Широкий плёс. Путь туда лежал по правому берегу через великолепные кедровые леса.

День выдался жаркий. К полудню солнце поднялось в зенит и палило с яростной силой. Вокруг стоял звон, казалось, что звенит сам воздух.

Соловушка набросила на свою чёрную голову белый платок. Хомутников нахлобучил парусиновую панаму.

Заметив, что лесные специалисты изнемогают от жары, Лисицын успокоил их:

– Ничего, потерпите ещё малость, товарищи начальники, скоро прохлады наступит.

– На небе ни облачка, товарищ Лисицын! – усомнилась Соловушка.

– Уж как-нибудь освежимся и без облачка, – загадочно усмехнулся Лисицын.

Пройдя с километр по мелкому разнолесью, они вошли в густой кедровник. Деревья здесь были до удивления толстые, высокие и с такой густой кроной, что солнце до земли не пробивалось. В кедровнике не было ни кустарника, ни трав, ни завалов суньяка. Землю здесь покрывал толстый слой хрустящей хвои.

– Вот где благодать-то! – воскликнула Соловушкина, испытывая истинное наслаждение от прохлады, стоявшей в кедровнике.

– О том-то я и говорил вам, товарищи начальники! Часок пробудете тут, на солнышко запроситесь, – с лукавинкой в голосе сказал Лисицын.

– А что, кедровник этот плодоносит или уже в тираж вышел? – спросил Хомутников.

– И как ещё плодоносит! В урожайные годы по пяти мешков шишек с каждого кедра собираем. – Лисицын задержался возле одного кедра, похлопал ладонью по могучему стволу, покрытому капельками прозрачной смолы, восторженно продолжал: – Это же не дерево, а дойная корова! Ни сена, ни поила не требует, а молочко даёт!

Но рассуждения Лисицына не увлекли его спутников. Осмотрев дерево от корня до вершины, Соловушкина поделилась своими мыслями с Хомутниковым:

– Посмотрите, Никандр Николаевич, древесина далеко не высшего качества. Сучок идёт почти от земли.

– Мда! Впрочем, на карандашную дощечку пойдёт, – отозвался Хомутников.

«Губители! Отъявленные губители лесов! Ничем не проймёшь! Зря затеял я этот поход!» – с упавшим сердцем подумал Лисицын.

Дальше шли молча. Давно уже можно было выйти на берег, но Лисицын не спешил. Казалось ему, что синеозёрские кедровники не могут оставить равнодушными даже тех, кто всю свою жизнь обмерял леса, чтобы потом пустить их под вырубку. И Лисицын дождался своего.

– Какие леса! И чистота какая, хоть в орлянку играй! Смотрите, Никандр Николаевич, дерево к дереву, будто посажены человеческой рукой, – восторженно говорила Соловушкина.

– Отличные леса, Надежда Андриановна! – отозвался Хомутников. – И поглядите, почти от земли усыпаны шишками. А что, товарищ Лисицын, весь урожай собираете? – спросил Хомутников.

– Какой там весь! – с горечью воскликнул Лисицын. – Добываем только поблизости от берега. Вывозить не на чем. Катеров нету, на лодках сплавляем. Просили райпотребсоюз подмогу оказать, пока ни с места. Живём, как при купце Тихомирове!

Хомутников посочувствовал Лисицыну, но тут же, как бы спохватившись, сказал:

– А потому, товарищ Лисицын, живёте, как при царе Горохе, что нерентабельное это дело. Государству интереса в этом нет. Если б был этот интерес, давно и катера и прочая техника появилась бы!

– Ну, насчёт интереса подожди, земельный устроитель! Попробуй посчитай вначале! Я прибрассывал как-то на бумаге, и получается так: если собрать весь урожай кедровых лесов Улуюлья и переработать на масло, то каждому жителю Высокоярской области придётся его по пяти пудов на год.

– Подсчёт с потолка! – авторитетно заявил Хомутников.

– Нет, товарищ земельный устроитель, не с потолка. Вот придём на стан, так и быть, покажу я тебе всю свою бухгалтерию.

– Крайне интересно, товарищ Лисицын, познакомьтесь с вашими подсчётами, – с живостью отозвалась Соловушкина.

«Спасибо и за это на первый случай», – с надеждой подумал Лисицын и произнёс:

– Ну вот, любуйтесь, товарищи начальники! На Широкий плёс вышли.

Он уже стоял на кромке высокого берега, с которого открывался вид на прямой плёс реки Таёжной. Течение реки тут как бы замирало. Вода серебрилась, поблёскивала в своём спокойном величии. Крутые берега курчавились роскошными кронами кедров и сосен.

– И чем же знаменито это место? Красотой? Красота сама по себе в наше время, товарищ Лисицын, не самое главное... Польза! Вот в чём собака зарыта! – вставая рядом с Лисицыным, проговорил Хомутников.

– А наш брат, таёжник, любит живописные места! Поглядишь вот на такое местечко, и жить как-то легче становится, – вполне серьёзно сказал Лисицын, подумав про Хомутникова: «Чурбан бесчувственный!»

– Я согласна с вами, товарищ Лисицын! – поддержала его Соловушкина. – В самом деле, чудесная долина, Никандр Николаевич!

– Понятно, есть доля прелести, – уступил Хомутников.

– А польза этого места такая – скот сюда ходит, – сказал Лисицын. – Вот видите, в берегах промоины. По ним скот спускается к реке, пьёт воду, купается. Берега тут плотные, песчаные, нет ни водоворотов, ни ям.

– Скот, говорите?! А что, разве тут поблизости есть населённые пункты? – спросил Хомутников.

– Ближе Мареевки никаких селений нету. А скот ходит наш, таёжный! Да вон, смотрите на ту сторону, идёт как раз стадо на водопой.

Соловушкина, Хомутников и рабочие устремили глаза на противоположный берег. По тропе в промоине спускались к реке лоси. Вначале виднелись только их головы, потом показались спины, наконец первый лось вышел к воде.

– Смотрите, их сколько! Ах, какие красавцы! – воскликнула Соловушкина, всплеснув маленькими ручками.

Хомутников принялся считать зверей:

– Один, два... пять... восемь... десять... пятнадцать... семнадцать! В самом деле – целое стадо!

Лоси выстроились в ряд, пили воду. Должно быть, до них доносился людской говор. Они вскидывали головы, прислушивались, раздували ноздри.

– И много их тут водится, товарищ Лисицын? – спросил Хомутников.

– По моим подсчётам, только в Синеозёрской тайге голов триста – триста пятьдесят. Нынче обещают нам дать лицензию на отстрел двадцати скотин.

– Вот это рентабельное дело! – с восхищением сказал Хомутников. – А без лицензии не убивают?

– В войну случалось. Теперь не слышно. Да и бережём мы тайгу. Охотники у нас круглый год дежурство несут. Я тут с дочкой почти безвыездно...

Разговор о лосях затянулся. Соловушкина наперебой с Хомутниковым расспрашивали Лисицына о повадках зверей, о кормах, о способах охоты на них. Лисицын на все вопросы отвечал подробно и с таким знанием, которое приобретается долголетним опытом.

Охотник чувствовал, что лосиное стадо произвело большое впечатление на лесоустроителей. «Ну-ну, походите, поглядите на таёжную живность, может быть, ваше жестокосердие пообмякнет малость», – думал он.

Поразмыслив про себя, куда теперь выгоднее вести лесоустроителей, чтобы впечатление от Синеозёрской тайги не ослабло, Лисицын взял направление на ягодники.

Западная обочина кедрового массива представляла собой тоже своеобразное чудо природы. Местность здесь становилась всхолмленной, кедровник редел, чаще появлялись сосны, кое-где попадались берёзовые островки. Широкие поляны между деревьев, особенно склоны холмов, были заняты ягодниками. На обочину синеозёрского кедровника слетались стаи птиц, сбегались звери, и невесть сколько их собиралось сюда на щедрую, сытную кормёжку!

Пока шли к ягодникам, снова встретили лосей. Звери паслись на полянке, поросшей мшаником. Склонив свои ветвистые рога, они толстыми мягкими губами выискивали растения и бережно выщипывали их.

Увидев людей, звери подняли головы, встрепенулись в испуге, но, словно почуяв, что люди не таят против них ничего дурного, опять опустили головы.

– Смотрите, Никандр Николаевич, пасутся себе, и хоть бы что! Смирный зверь в синеозёрских лесах! – удивлялась Соловушкина.

– А отчего ему беспокоиться? Он тут дома, обжился, присмотрелся. Знает, что завсяк просто его никто не тронет. Мы тут без надобности выстрела лишнего не делаем. Зачем? Зверь и птица существа нервные. Они хоть бессловесные, а за покой добром человеку платят. Вот возьмите, к примеру, птицу. – Лисицын на миг приостановился, не желая упускать случая для полезного разговора с лесоустроителями. – Сидит она, сердешная, на яйцах, весь жар своего тела отдаёт потомству, и вдруг поблизости: «Трах! Бух!» Она пугается, взлетает. А яички тем временем стыннут. А тут, глядишь, и хищник начеку. Подойдёт время потомство ей выводить, а у ней, у сердешной, в гнезде почти ничего не осталось. Кому потеря? Не только птице – перво-наперво убыток человеку. Тишина и порядок, товарищи лесные устроители, в тайге нужны не меньше, чем в населённом пункте...

– Послушай, товарищ Лисицын, как вы отстрел лося производите? Какой попадётся или ещё как?
– заинтересовался Хомутников.

– Нет, дорогой товарищ, не какой попадётся, а какой нам нужен: тот, что постарее годами, поболее весом, – заметно воодушевляясь, продолжал Лисицын. – И учти, в моей бригаде такой порядок: забивать зверя в одиночку, чтобы стада поблизости и не было. Лось – чувственный зверь, он переживает пальбу так, что аж весь дрожмя дрожит. А ведь охотник – человек, он не истязатель какой-то, ему мучения живой жизни, хоть бы птичьей или звериной, ни к чему! Я сам как приучился? Бью сразу наповал. Этому и дочку свою обучил, этого от всей бригады требую. Вот оно какое дело!..

– Ишь какие у вас премудрости! – воскликнул Хомутников, увлечённый рассказом.

– А без премудрости и дела нет! Хвати любое занятие – во всём так! А тайга, – Лисицын разбросил руки, обвёл ими круг, – она, товарищи начальники, жизни от человека требует, от самых юных годов до гробовой доски.

– Правильно говоришь, товарищ Лисицын. Тайга – это свой мир. Его и знать надо и понимать надо. Вы, видать, немало в этом преуспели, – искренне изумлённая хозяйскими рассуждениями Лисицына, сказала Соловушкина.

– Ну, есть знатоки похлеще меня... – Лисицын сказал это и задумался: «А кто похлеще-то? Разве Марей Гордеич только».

Вдруг Соловушкина остановилась, схватила шедшего впереди неё Лисицына за рукав рубахи, спросила:

– А что там краснеет?

– Брусника, товарищ Соловушкина.

– Брусника? Боже мой, как её много.

И правда, по склонам холмов брусники было столько, что земля краснела от неё. Казалось, что кто-то расстелил здесь зелёно-красный ковёр и вот не убирает его, пока не подивятся пришлые люди.

Чем гуще становился брусничник, тем чаще выпархивали из него птицы. Рябчики взмывали ввысь быстро, крылья их свистели в воздухе. Они пролетали всего лишь сорок – пятьдесят шагов и садились то на берёзу, то на пихту. Деревья покрывались серыми пятнами. Тетерева взлетали с хлопаньем крыльев и падали снова на землю, как брошенные камни. Тяжело, с сильным шумом поднимались грузные глухари. Сторожки птицы разлетались вокруг и вскоре чернели на сухих вершинах кедров и сосен.

– Ай-ай, сколько же тут птицы! – изумился Хомутников, оглядывая деревья, унизанные рябчиками.

– Набирает птица силу на вольных хлебах, – пояснил Лисицын, сдерживая довольную улыбку.

– А заготовку ягод, товарищ Лисицын, производите? – спросила Соловушкина.

– За морем телушка – полушка, да рубль перевоз. Райпотребсоюз обещал катер со сборщиками прислать, да пока не слышно, – ответил Лисицын. – По-хорошему тут бы на месте ягоду надо было обрабатывать: на варенье сварить, засахарить в кадках, сок отжать.

– Неужели такое богатство под снег идёт?! – В голосе Соловушкиной прозвучало возмущение.

– Конечно! Много ли птица съест? Я-то что советовал нашим начальникам: вы, мол, отведелите часть ягодника для птицы и зверя, а остальное под сбор. Дал в райисполком все расчёты. Чистый доход! А уж какая подмога населению!.. Обещали посоветоваться, обсудить... Лён их за горло держит! Область только за лён с них спрашивает... Да вы не думайте, что тут только одна брусника. Вон, глядите, какая там чернота! Это черника растёт. Её видимо-невидимо тут! Она уже отходит. А по берегам Таёжной и речки Утиной тут столько чёрной смородины, что от неё иной год кусты ломаются. Есть и малина! Да что там, вот остановимся на ночёвку, сами все сорта отведаете.

Упоминание Лисицына о ночёвке было вполне уместным. Приближался вечер, к тому же и расстояние, пройденное по тайге от стана Лисицына, было немалым. Лесостроители устали, и сам охотник, почти не спавший в предыдущую ночь, тоже подумывал об отдыхе.

Костёр разожгли у родничка, клубившегося из земли возле черёмухового куста. Лисицын повесил чайник с водой и неслышно исчез в зарослях черносмородинника.

Он вернулся через полчаса. В руках бережно нёс огромные листы лопуха, сложенные наподобие тарелок, стопкой.

– Ну вот, граждане-товарищи, испробуйте сами, – сказал Лисицын и, боясь рассыпать с листьев ягоду, осторожно опустился на колени. – Это вот брусника, это черника, это чёрная смородина, это красная смородина, а это княженика.

Лесостроители с говором окружили Лисицына, пробовали ягоду, восхищались её запахом и вкусом. Лисицын зорко наблюдал за ними, и в его прищуренных глазах с лукавинкой горел огонёк радости.

– Я так размышляю, – вставая с колен, сказал Лисицын многозначительным тоном, – южный фрукт – ценность, а только целительности в нашей сибирской ягоде куда больше. Ягода – бесподобное лекарство! Всё в ней: вкус, сладость, пользительность. Скажем, вот черника. Уж не вкусна ли? А вряд ли какое другое снадобье сравнится с ней, когда животом занеможешь. Или брусника! По осени, перед снегом, она слаще сахара, а если у человека недомогание от давления кровей – лучше ничто не поможет, как брусничный сок. Пей его себе на здоровье сколько влезет! Приятность в нём, как в хорошем вине или в медовой браге, и в то же время не пьянит и облегчение приносит. А возьмите чёрную смородину? Она от тыщи болезней помогает. Устал ли ты, томление в тебе или в грудях покалывает – она в момент успокоит. А уж о клюкве и говорить не приходится! Всяк знает – горло перехватило, остудился, ревматизм тебя сокрушает – ешь её с мёдом, а то и без, если, конечно, желудок кислое воспринимает...

– Ну, а княженика как, товарищ Лисицын? – перебила Соловушкина, вертя на стебельках пахучие ягоды княженики.

– Княженика? О, это же благородная ягода! Недаром ей и прозвание такое дадено: то есть вроде княгини, которые прежде при царских особах находились. Ягода эта отменная для варений.

Много её у нас не произрастает, а всё-таки можно было бы подходяще набрать. Таким вареньем, скажу вам, не совестно в Кремле заморских гостей угощать. А уж какое душистое, ну просто от запаха захлебнуться можно! И опять же польза есть, а не только вкус: сильно облегчает, когда человека кашель давит или дышится тяжело при жабе в грудях.

– Да вы, товарищ Лисицын, прямо академик! – с усмешкой воскликнул Хомутников.

Но Лисицын отвёл похвалу. Он взглянул на Хомутникова с укором, с прямодушной резкостью сказал:

– А зачем ты, гражданин-товарищ, одурачиваешь меня? Ты думаешь, если я таёжный человек, то у меня и понятия нету насчёт академика? Я тебе от душевности всё это говорю. Не мной это придумано. Ты поди думаешь, что ты первый сюда пришёл? А тут, милый человек, люди давным-давно живут. И, заметь, они не дурнее нас с тобой были. Люди на своей жизни всё это испытали.

– Зря вы обиделись, товарищ Лисицын. Я же пошутил, – сконфуженно промолвил Хомутников.

– А я ничуть не обиделся. А только шутка, она место своё знает, – не отступил Лисицын и в доказательство того, что он действительно не обиделся, придвинул чайник и стал наливать из него в кружку Хомутникова.

– Есть у нас ещё одна ягода, – увлечённо продолжал Лисицын, – огромная от неё польза. Прозывается – калина. Парят её бабы в корчагах в русских печах, пироги с ней пекут. Особенно хороша, как морозцем её хватит. Её у нас в пучки связывают наподобие веничка и вывешивают на вышках. Зимой снимают её оттуда, как с куста. Вкуснота – на редкость! И на желудок оказывает полезное действие... Есть и другие ягоды: малина, черёмуха, голубица, костяника, земляника – и всего тут, в синеозёрских лесах, в большом достатке. А вот ещё есть одна ягода, та язви её, идёт для водочки. – Лисицын засмеялся, и смешок этот как бы говорил: «И эту, будь она неладна, нуждишку людскую предусмотрела природа». Прозывается эта ягода – жимолость. Растёт в болотистой местности на таких же, чуть разве поболее, кусточках, как и голубица. Ягодки у неё продолговатые, голубые, с густой просинью. Собирают её, сушат, в мешочки ссыпают. Подойдёт праздник, её берут и сыпят десятка по два ягодинок в графин с водкой. Постоит водка с недельку и такой становится вкусной, благодарственной, что водка уже не водка, а как прежнее церковное причастие, только, конечно, силой покрепче разочков в сто.

– Непременно попробую! – увлечённо произнёс Хомутников.

– Спробуй, – поддержал его Лисицын. – Набрать жимолость и тут можно, и возле моего стана болотце есть. Вот так-то, почтенные товарищи-граждане городские начальники.

– А грибы здесь бывают? – спросила Соловушкина.

– Отчего им не быть? По берегам Таёжной любой гриб найдёшь: груздь, маслёнку, подосиновик, волнушку, рыжик. По-хорошему, райпотребсоюзу всё это собрать бы надо, засолить, замариновать. Сколько пищи народу вдобавок можно предоставить! А у нас так: приезжаю я как-то в Притаёжное, там у меня свояк в райпромкомбинате работает. Вижу, он на зады усадьбы навоз возит. Спрашиваю: «Не огурцы ли задумали выращивать?» – «Хватай, говорит, выше: шампиньоны будут тут произрастать. Райисполком директиву дал – для райстоловой». Я чуть со смеху не помер. «Вот, говорю, и всё у вас с райисполкомом так. Мать-природа чего только не рождает! Знай собирай, обрабатывай на удовольствие людям, а вы на то ноль внимания, зато на

чепуху всякую народную деньгу заколачиваете. Неужели, говорю, у вас другой нужды нет?» Ну, свояк мой, конечно, человек маленький, развёл руками, говорит: «Да я им об этом самом же все уши прожужжал, да только проку никакого нету. Собираюсь, говорит, ещё на партийном собрании критику на них навести».

– Крайне неостроумно выращивать в Притаёжном шампиньоны, – засмеялся Хомутников. – Этот гриб – деликатес, он больше подошёл бы для Высокоярска, где ресторанов много.

– Что в Высокоярске! Я там тоже всякого насмотрелся, – подхватил Лисицын. – Приезжаю как-то зимой, областной слёт бригадиров проводили. Посидел на заседании денёк, томление меня взяло, дремота, как жернов, давит. Говорят больше про лён. Наш Дегов там тоже поучал... Встал я, вышел из зала помаленьку, оделся, затопал на воздух. «Дай, думаю, схожу по магазинам, посмотрю, чем наши советские торгаши народ радуют. Захожу на главной улице в самый большой магазин под названием «Гастроном». Товаров подходяще, цены, правда, за карман хватают без жалости. Ну что же, дело ясное, после такой войны разве можно ждать сразу полегчания? Стою рассматриваю товары. И вот вижу стеклянную банку с маринованной капустой. Пригляделся я к ней, читаю наклейку: «Херсонская белокочанная». Ого, думаю, откуда её, бедную, приволокли! Иду дальше. Опять стеклянные банки. Эти с огурцами. Читаю наклейку: «Полтавские». И злость и оторопь меня взяла. Что они, думаю начальники – дураки или умные? Неужели в Сибири капусту и огурцы нельзя вырастить, везут их из таких далёких краёв?

Продавец подходит ко мне, спрашивает: «Ты что, старик, молча стоишь, о чём затосковал?» Я говорю ему: «А что, заведующий ваш хорошо по ночам спит?» – «Жалоб, отвечает, от него не слышал». «Так-так, говорю, а тот начальник, который над ним власть имеет, тоже хорошо спит?» – «Этого, говорит, точно не могу сказать, редко с ним вижусь, но, по всей видимости, сон у него хороший, так как вид он имеет всегда свежий, даже румянец на щеках играет». – «Совести, говорю, у них нету! Казённые они люди! Если б совесть у них была, мучились бы они без сна, переживали бы за свою безобразную работу!» Продавец в лице переменялся, видать, стало обидно ему за своё начальство. «А чем вы недовольны, гражданин, что вам ещё нужно? Товаров у вас согласно ассортиментному списку имеется на все сто процентов». А я ему в ответ: «Нет, товарищ хороший, на список вы не ссылайтесь, лучше посмотрите на наклейки. Почему у вас капуста и огурцы с Украины? А варенье у вас вон из Киргизии! А маринованные грибы из Подмосковья?» – «А вы, говорит, гражданин, забыли, где вы живёте? Вы живёте в Сибири!» Ну, тут меня затрясло! Закричал я на весь магазин: «Да будет вам на Сибирь-то поклёп возводить! Привыкли всё готовенькое получать. Вы лучше под ноги посмотрите, по золоту ходите!» Продавец развёл руками, говорит: «А что вы на меня кричите? Моё дело продать. Идите в облизполком и там доказывайте».

А тут уже и народец подсобрался, кое-кто ещё в наш разговор встрял. Одна старушка поддакивает мне, кричит: «Куда подевали кедровое масло? В магазинах у купца Голованова, бывало, его хоть ведрами черпай. И халва кедровая, и конфеты, и сбой, и печенье из ореха – всё было».

Продавец видит, что разговор крутой пошёл, шмыгнул в дверь, в складское помещение, ведёт этакую толстую тётку: вот вам помощник заведующего! Та послушала, послушала и говорит таким ласковым голоском: «Что же, товарищи, работа торговой сети у нас не без изъянов. На той неделе мы проводим конференцию покупателей. Милости просим, приходите, охотно выслушаем ваши замечания».

Ну, я вижу, делать мне больше тут нечего, говорю ей: «Спасибо за приглашение. Привет и лучшие пожелания заведующему, а что касается замечаний, то вам их передаст товарищ продавец».

Вот как бывает в вашем Высокоярске, дорогие начальники, лесных дел устроители!..

Рассказ Лисицына развеселил всех, Соловушкина долго рассыпала звонкий смешок, всплескивая маленькими ручками, Хомутников гудел, как шмель, откашливался, гладил бобрин седых волос. Рабочие посматривали на Лисицына с восхищением. Бойкий на язык, подвижный, как юноша, охотник нравился им всё больше и больше.

4

Спать улеглись вокруг костра.

Лисицын и тут не изменил своей привычке: сбросил сапоги, лёг с голыми ногами, вытянутыми к самому огню.

Ночь была прохладная, чуть потягивало ветерком. Свежинка прижала комаров и мошку в траву. Дышалось легко.

Сражённые усталостью, все уснули в момент. Спали хорошо, крепко – так не спят на перинах. Костёр горел ровно и источал тепло, как добрая печь.

Когда чуть забрезжило, послышался шустрый голос Лисицына:

– Товарищи начальники, отчизна призывает нас пробудиться. Пойдёмте скорее на омута – иначе не увидим ответственной картины в жизни природы.

Просыпались неохотно. Хомутников долго перекалывал свою раненую ногу с места на место. Соловушкина судорожно вздрагивала, позёвывала.

Лисицын подал ей чайник с родниковой водой.

– Ополоснись, товарищ инженер. Холодная водичка сразу приведёт тебя в чувство.

Соловушкина умылась, подала чайник Хомутникову. Тот уже встал, опираясь на клюшку, растирал ногу, кряхтел.

– Завтракать будем, товарищи начальники, впоследствии. Теперь же прошу не терять дорогих минут. Прозеваем – придётся ждать до завтрашнего утра.

И вот цепочка людей в сумраке рассвета двинулась по лесу. Изредка слышался предупреждающий голос Лисицына:

– Под ноги глядите, яма!

– Глаза береги!

– Колода!

Через полчаса Лисицын остановился, вполголоса сказал:

– Теперь, граждане-товарищи, чуть пройдем и замрём, будто нету нас в живых. До омутов рукой подать.

Лисицын сделал двадцать – тридцать шагов, остановился, сдвинул шапку-ушанку на самое ухо и, вскинув руку, замер в настороженной позе. Лесоустроители тоже остановились, прислушались.

Утреннее спокойствие тайги огласилось странными скрежещущими звуками. Они всё нарастали и нарастали. Казалось, что кто-то очень сильный с треском раздирает воздух.

– Это что же такое, товарищ Лисицын? – удивлённо округлив глаза, прошептала Соловушка.

– Щедрость нашей природы, – шевельнув пальцами приподнятой руки, тихо и загадочно ответил Лисицын.

Он согнулся и пошёл дальше, осторожно раздвигая ветки черёмуховых кустов и то и дело останавливаясь. Наконец он развёл руками чашобу и, шевельнув губами, едва слышно сказал:

– Смотрите...

Лесоустроители сгрудились возле охотника. Перед ними лежала изогнутая полуподковой долина, поблёскивавшая круглыми зеркалами воды в окаймлении ярко-зелёных зарослей хвоща, камышника и осоки. Зеркала были сейчас заполнены копошащимися серыми пятнами. От них, от этих серых пятен самой разнообразной формы, и взлетал над тайгой этот монотонный скрежет. Лесоустроители стояли в молчании, удивлённые таким бессчётным числом уток.

– Вот как солнце взойдёт, начнёт эта утва расползаться по траве. А ещё через недельку-другую выводки потянутся отсюда на новые места, поближе к полям, где хлеба созревают.

Лисицын сказал это громко, без опаски. Потом он деланно закашлял, громко захлопал в ладоши. Утреннее чуткое эхо отозвалось сразу со всех сторон. И тотчас же серые пятна на ближайшем омуте пришли в сильное движение. Послышался шум, посвистывание крыльев, и в небо взмыла живая туча.

Через минуту, встревоженные беспокойством соседних стай, всколыхнулись утки на дальних омутах. Небо, освещённое первыми лучами восходящего солнца, запестрело от клубящихся и вскинувшихся ввысь утиных потоков.

– Вот это чудеса! Шестьдесят лет прожил, сколько земли перемерил, а такого чуда не видел! – возбуждённо говорил Хомутников, всматриваясь в голубеющие просторы небес.

– А что, товарищ Лисицын, не пробовали вы этому поголовью счёт произвести? – спросила Соловушка, всё ещё не отрывавшая своего взора от неба.

– Прибрасывал! Многие тысячи получают.

– Богатство! Огромное богатство! – восклицал Хомутников.

– Ну, теперь пора чаевать, – предложил Лисицын, видя, что лесостроители попритихли, исчерпав свои восторги.

Из всех наиболее поразительных чудес, которые была в Синеозёрской тайге, оставались не показанными лесостроителям тёплые источники. Но путь туда был неблизкий. Однако не только расстояние сдерживало Лисицына: там, на берегах Синего озера, работала группа экспедиции. Со слов Ульяны Лисицын знал, что Анастасия Фёдоровна заканчивала описание источников и готовилась к отъезду в город с образцами вод и грязей. Лисицын раздумывал: «А чёрт их знает, этих лесных строителей, что они за народ? Приведёшь их туда, а они и повернут все эти изыскания в свою пользу. Нет уж, на источники я их не поведу».

За чаем, когда лесостроители в один голос снова нахваливали ягоды Синеозёрской тайги, Лисицын сказал:

– Показал бы я вам, товарищи начальники, ещё одно расчудесное место, но идти туда далековато. Скажу на словах. Хотите – верьте, хотите – нет. Бьют в том месте тёплые ручьи и лежат полезительные грязи. За других говорить не хочу, а сам я годов пять тому назад, а может, поболее, обезножил окончательно. И если б не эти грязи, сидел бы сиднем и по сей день.

– Охотно вам верим, товарищ Лисицын. На таких просторах не может не быть целебных источников, – самоуверенным тоном произнесла Соловушкина. – Наша сибирская земля такая щедрая, чего-чего в ней только нету.

И тут в разговоре у костра наступило долгое и не предвещавшее ничего отрадного молчание. И Лисицын и лесостроители понимали, что надвигается трудная, жестокая минута, когда должен быть поставлен неотвратимый вопрос: что же делать дальше? Ни у Соловушкиной, ни у Хомутникова не хватило духу заговорить об этом. Лисицын поглядывал на них вопрошающим взглядом, но, видя, что они молчат, заговорил сам:

– Ну что же, товарищи начальники, понимаете вы теперь, на какие леса вы замахиваетесь? Или у вас по-прежнему рука не дрогнет разорить это улуюльское гнездо?

– Не так, товарищ Лисицын, вопрос ставишь, – сказала Соловушкина.

– А как вы хотели бы его поставить, товарищи начальники?

– А вот так: есть ли в Улуюлье леса, которые можно взять вместо синеозёрских? Таких лесов нет!

– А Заболотная тайга?! – воскликнул Лисицын.

– Поймите, товарищ Лисицын, нам не просто нужен лес, нам даны показатели по сортименту. Заболотная тайга – это леса среднего качества, мы обязаны дать стране древесину высшего качества.

– Возьмите её в других местах. Вон верховье Таёжной – отменные леса!

– Синеозёрская тайга предусмотрена генеральной схемой.

– Вы меня не пугайте учёными словами! Генеральную схему составляли люди. Схема не с потолка упала.

– Но она утверждена, и её не просто изменить!

– Непросто, но можно изменить! – не отступал Лисицын. – Изменить можно всё на свете. Была бы охота! Триста лет народ жил при Романовых, а потом взял и дал им лопатой по месту, которое ниже поясицы.

– Спор этот бесполезный, товарищ Лисицын, – вступил в разговор Хомутников. – Вы учтите, что ни я, ни Надежда Андриановна ничего изменить не можем. Нет у нас такой власти! Мы простые служащие треста. Если мы не будем выполнять указаний треста, нам не будут платить заработной платы.

– Эх, товарищи начальники! – страдальчески морщась, вздохнул Лисицын. – Какие же вы робкие... Трест! Власти нету! А подумайте лучше: разве вы тресту служите? Вы государству рабочих и крестьян служите! Вы государственные служащие! А рассуждаете как?

– А что бы вы хотели от нас, товарищ Лисицын? – спросила Соловушкина, краснея от сильного возбуждения.

– А вот что: вы посылаете в трест бумагу. Так и так, дескать, осмотрев синеозёрские леса, подтверждаем, что губить их – дело недопустимое. Народ за это спасибо не скажет ни теперь, ни в будущие годы. Надо на эти леса наложить запрет. Без них рухнет природа всего Улуюльского края... Можете вы это сделать или нет?

– Ни под каким видом! – крикнула Соловушкина. – Если мы это сделаем, завтра же последует приказ: вместо того чтобы обмерить синеозёрские леса, специалисты треста Соловушкина и Хомутников занялись подсчётом того, сколько птиц село на берёзу и сколько зверьков пробежало в норку. Да вы знаете, товарищ Лисицын, что нам за это будет?!

– Ну, коли так, товарищи начальники, знайте: нету у меня в жизни врагов более лютых, чем вы, истребители природы! И выход у нас с вами один: либо вы закопаете Лисицына в землю, как старую дохлую собаку, либо он вас выпрет отсюда, да так, что вы навсегда забудете пути-дороги в Синеозёрскую тайгу!

Лисицын сдёрнул шапку с головы и, яростно стиснув её в кулаке, стремительно скрылся в лесу.

Утром следующего дня по тропе от стана Лисицына на Тургайской гриве шли двое. Они держались друг от друга на почтительном расстоянии. Впереди шагал Лисицын. Он торопился в Мареевку, к начальнику экспедиции научного института, чтобы посоветоваться с ней, как отвести беду, надвинувшуюся на природные сокровища Улуюлья. Вторым человеком была Соловушкина. Она шла в Мареевку, чтобы нанять здесь для своей изыскательской партии нового проводника по синеозёрским лесам.

И надо же было такому случиться! Заболеть в разгар лета, заболеть после пленума обкома, когда требовалось немедленно созывать партийный актив, ехать в колхозы, поднимать народ на практические дела... И как глупо заболеть! По собственному легкомыслию!

Они возвращались из Высокооярска. Над трактом стояли зной и пыль. Переезжая речку, надумали искупаться. Подвернули к омутку. Артём разделся, нисколько не остыв, потный бросился в воду. А омуток оказался с родниковой водой. Холод обжёг разгорячённое тело. Надо было не дурачиться, не изображать из себя семнадцатилетнего бесшабашного парня, выскочить скорее на берег, погреться на солнцепёке. Но он не сделал этого, наоборот, подбадривая себя криком, он поплыл на самую глубину омута. Тут он вскинул руки, набрал в себя воздух и скрылся под водой. Когда его ноги коснулись песчаного дна, ему показалось, что он стал на ледяную глыбу. Он с силой выпрыгнул на поверхность омута, поплыл к берегу. Мелкая дрожь трясла его. Даже под нещадно палящим солнцем ему было холодно, нестерпимо холодно...

К вечеру они приехали в Притаёжное, а ночью егохватила такая боль, что он готов был на стенку лезть. Жена Дуня предложила вызвать кого-нибудь из врачей. Артём остановил её:

– Не трогай ты их. У них завтра рабочий день, пусть хоть ночью отдохнут. Да и что мне врач? Я сам себе профессор... У тебя соль есть? Ну вот и хорошо! Высыпь её скорее на сковородку да прожарь как можно сильнее. Потом насыпь в мешочек. И ещё дай свой шерстяной платок.

Дуня быстро сделала всё, что просил Артём.

Положив мешочек с горячей солью на поясницу, прикрытую платком, Артём почувствовал облегчение. Острая боль постепенно затихла, но стоило чуть шевельнуться, как она пронизывала насквозь. Болезнь эта была ему знакома. Радикулит! Случалось с ним такое и прежде. Он лежал в постели по две, по три недели, пока с помощью самых разнообразных грелок не изгонял из своего тела эту изнуряющую боль.

Первые два дня Артём метался в постели, не зная, как и чем успокоить себя. Теперь же его терзала не столько боль, сколько горечь сознания своего бессилия. Вот он лежит тут в тиши и прохладе большого бревенчатого дома, а там, за стеной, течёт жизнь: люди готовятся к уборке урожая, охотники осматривают свои угодья, отряды экспедиции уходят всё дальше и дальше в тайгу... И всё это происходит без его участия, он ничего не знает, ничего не видит. И это называется секретарь райкома! Нет, настоящий секретарь райкома должен быть не неженкой, а человеком железного здоровья. У всех людей есть право уставать, болеть, не успевать; у секретаря райкома такого права нет. Он должен быть всегда начеку, должен всё замечать, всё знать, всегда должен быть здоровым и бодрым, ибо секретарь райкома – это не должность, не

пост – это призвание, это подвижничество. И далеко не все коммунисты обладают этим призванием, способны на это подвижничество.

Болезнь ли, или разговоры на пленуме обкома, или ночные беседы с Максимом настроили Артёма на раздумье?

Утром Дуня уходила на службу в райпотребсоюз, где она работала товароведом, и он почти на весь день оставался один. О чём только не передумал в эти часы вынужденного одиночества он, Артём Строгов, отец разлетевшегося семейства (дети давно жили самостоятельно!), старый опытный районщик!

Мысли его уносились и в прошлое и в будущее, вспоминались и родные и друзья, но больше всего думалось о том, без чего он не мыслил своей жизни, без чего она не стоила бы ломаного гроша: о работе, о людях, о районе, который он любил, которому отдал немало сил, да и здоровья.

Дней через десять самочувствие его настолько улучшилось, что он решил понемногу заниматься делами. Подняться с кровати ему всё ещё не удавалось. Всякое резкое движение отзывалось болью в ноге. Ну что ж, он мог пока обойтись и без ног, тем более что голова его работала в эти дни много и напряжённо.

Он написал записку в райком, прося прийти к нему членов бюро и кое-кого из партийного актива.

Люди собрались точно в назначенное время. Всем хотелось послушать рассказ «первого» о пленуме обкома, о новостях в жизни области, о новых установках, которые, судя по статьям «Высокоярской правды», серьёзно должны были изменить требования к районам.

Окна комнаты, в которой лежал Артём, были завешаны скатертями, иначе к полудню в доме становилось жарко и душно. Полумрак нисколько не угнетал, напротив, он создавал в комнате особый уют, настраивал на тишину и задумчивость.

Пришло человек пятнадцать. Были тут и председатель райисполкома Череванов, и заведующий районо Терновых, и начальник милиции Пуговкин, и секретарь райкома комсомола Татаренко, и прокурор, и секретари, и заведующие отделами райкома партии. Когда все расселись, Артём приподнялся на локте, осмотрел своих товарищей, безжалостно казня себя раскаянием, сказал:

– Вот к чему приводит бездумность! Ради минутного удовольствия влип в такую историю! Лежу как балласт, никому не нужный.

– А мы хотели навестить вас, Артём Матвеевич, а потом решили не беспокоить, – откуда-то из угла сказал второй секретарь райкома.

– Во всём виню себя, – снова опускаясь на подушку, вздохнул Артём. Помолчав, он заговорил: – А позвал я вас, товарищи, не потому, что соскучился без работы. Большую науку за эту поездку я прошёл. Нельзя дальше оставлять её при себе.

Артём с трудом повернулся со спины на бок. Теперь он видел лица товарищей, ловил на себе их нетерпеливые, заинтересованные взгляды.

– Ну вот, как видите, отчитался! Приехал обратно не только не снятым с работы, а даже без выговора. – Артём усмехнулся, но усмешка не изменила задумчивого выражения его смуглого

худощавого лица. – Скажу вам откровенно: случись это год-полтора тому назад, был бы я доволен. Всё-таки пройти через пленум обкома с благополучным итогом не так просто. Вам ли говорить об этом? А сейчас вот лежу, и нету на душе покоя, точит меня дума, да как точит! Прямо как червь сушину изводит.

– Болееешь ты, Артём Матвеич. Тебе в Высокоярске, в стационар надо на месяц, полечиться, – с откровенным сочувствием сказал председатель райисполкома Череванов. – Я вот вернулся с курорта и чую, что помолодел на десять лет.

Артём порывисто вздрогнул всем телом, преодолевая боль, приподнялся на локте. Сквозь загар и смуглоту кожи на щёках проступили красные пятна. Даже в сумраке они были заметны. В тёмных, всегда добродушных глазах сверкнули гневные искорки.

– Брось, Черепанов, жалеть меня! Голова моя сейчас ясная как никогда. И учти, много горького и о себе и о тебе скажу! Боже упаси, не вздумай отнести и это за счёт болезни: уж если на то пошло, поверь, болезнь даже помогла мне. В райкоме в текучке не так часто есть возможность подумать о делах наших.

Все переглянулись, посмотрели на Череванова. Он смущённо теребил свои густые непокорные волосы. Да, начало беседы было необычным и, конечно, неожиданным. Думалось, что «первый», так удачно отчитавшийся перед обкомом, прежде всего непременно поставит себе это в заслугу. И все с этим согласятся, никто этого не подвергнет сомнению. Факт – неопровержимая вещь.

– Перво-наперво сообщу вам две важные новости. – Артём не удержался на локте, положил голову на подушку, стиснув её. – Пленум получил телеграмму из Центрального Комитета. Вопрос поставлен так: Высокоярская область не может больше сидеть на шее у государства. Должна она иметь своё топливо, энергетику, по-настоящему производительное сельское хозяйство. Пришла эта телеграмма после моего отчёта. Если б поступила она раньше, была бы совсем другой атмосфера на пленуме. Покрепче бы с меня спросили! Ну, а вторая новость ещё больше нас касается: едет к нам в Улуюльский край уполномоченный Центрального Комитета. Профессор. Крупный работник Госплана. Даны ему большие полномочия.

И снова все переглянулись взглядами, полными удивления и тревоги. И понятно почему: сколько лет существует Притаёжный район, не было в нём ни одного ответственного представителя из Москвы. Да что из Москвы! Не очень часто заезжали сюда руководящие работники из области. И само собой у актива Притаёжного района складывалось убеждение, что живут они у чёрта на куличках, что, как ни велик разворот послевоенных строительных работ, очередь до них дойдёт очень не скоро, если вообще дойдёт когда-нибудь. И вместе с этим каждый подумал о себе, о своей работе. Уполномоченный Центрального Комитета едет, конечно, не ради прогулки! Уж коли с большими полномочиями, да ещё человек учёный, начнёт он шерстить всех, подбавлять кому огоньку, кому перчику! А уж, чего греха таить, недостатки в работе найдутся, стоят на постах люди – не святые! Призадумались притаёжные руководители, чуть даже затуманились их лица.

Артём заметил это, решил подбодрить товарищей.

– А с уполномоченным ЦК нам просто повезло. Товарищ Зотов – наш земляк.

Все оживлённо задвигались, послышался одобрительный говорок. Земляк! Это вовсе не значит, что будут какие-то поблажки, но всё-таки земляк не посторонний, он знает местные условия, он не

выдвинет непосильных требований, наконец, то, что новому человеку надо изучать долго и тщательно, то земляку известно по опыту собственной жизни.

– И вот, дорогие товарищи, скажу вам что, – продолжал Артём после паузы, – ждут нас большие перемены. Брат Максим недавно вернулся из Москвы, ездил туда, чтобы увязать кое-какие вопросы по новым леспромхозам. Рассказывал он, что в ЦК и правительстве ночей не спят, составляют новый план развития страны. Большие дела выпадают по тому плану на Сибирь! Брат читал мой доклад ещё до пленума. Потом долго мы с ним говорили о делах, о жизни... Он мне прямо сказал: «Жить так, как живёт Высокоярская область и в том числе наш Притаёжный район, нам никто не позволит. Мизерное, примитивное хозяйство при огромных возможностях! Разве это допустимо? Разве это можно дальше терпеть? Готовьте, говорит, своё собственное сознание и сознание всех людей к новым требованиям». В два-три раза больше давать всей, и промышленной и сельскохозяйственной продукции – вот что от нас потребуют, если не сегодня, то завтра, партия и государство... Крепко нам обо всём этом стоит подумать. А мы не подумаем, другие за нас будут думать. Держать у руководства безынициативных, малосведущих людей сейчас не станут. Заменить нашего брата есть кем. С фронта вернулись замечательные товарищи – орлы боевые.

Артёма слушали с тем предельным вниманием, которое бывает у людей, когда речь идёт о самом насущном и сокровенном. У многих были раскрыты записные книжки, но записывать – значило отвлекаться от того, что говорил «первый», и потому никто ничего не записывал.

– Нелегко нам придётся, прямо скажу! Во время войны привыкли мы собственные недостатки и ошибки относить за счёт трудностей военного времени. Теперь это не выйдет... На пленуме обкома досталось мне на орехи за работу с кадрами. Не умеем подбирать людей, вовремя поддерживать их, не умеем слушать ценные советы...

Артём помолчал, окинул взглядом сидящих в комнате, словно убедившись в том, что они слушают, воскликнул:

– А за дело Краюхина было мне так стыдно, что лучше бы провалиться сквозь землю! Обком не стал рассматривать это дело. Нам рекомендовано самим разобраться во всем. И вот тут упомяну недобрым словом и себя, и тебя, Череванов, и тебя, Пуговкин! Мы больше всех виноваты, что увели бюро райкома на ошибочный путь. Как только мы не критиковали Краюхина! А выходит, он открывал перспективу району, звал нас прислушаться к голосу народа. Вот что, Татаренко, – взглянув на совсем юного краснощёкого секретаря райкома комсомола, сказал Артём, – среди членов бюро ты был единственный, кто голосовал против исключения Краюхина из рядов партии. Поручаю тебе разработать проект постановления бюро райкома. Надо немедленно восстановить Краюхина в партии и дать политическую оценку нашей ошибке. Особо там подчеркни мою персональную ответственность как первого секретаря...

– Все виноваты, Артём Матвеич. А коня-то он всё-таки загубил! – писклявым голосом сказал начальник милиции Пуговкин.

Артём бросил на Пуговкина гневный взгляд.

– Припудриваешь, Пуговкин, собственное ротозейство: «Все виноваты!» Больше всех виноват я, а потом ты. Председатель комиссии кто у нас был? Ты что же теперь за спины других прячешься?

Недостойно так вести себя коммунисту. Сделал ошибку, пойми её, признай и исправь. Так учит нас партия. А ты всё ещё упорствуешь, цепляешься за старое. «Коня загубил!» Взыщи с Краюхина за коня, если у тебя есть данные, что он погубил его по халатности. А действиям и стремлениям инженера Краюхина мы обязаны дать положительную оценку, одобрить их, а не осуждать.

Пуговкин шумно вздохнул.

Артёму показалось, что он подавляет в себе чувство несогласия с ним.

– Что, протестуешь? Говори!

Пуговкин развёл руками.

– Что вы, Артём Матвеевич?! Линия райкома для меня закон. Не один я, в деле Краюхина ошибся. Товарищ Череванов требовал его ареста, а товарищ Терновых снял его с должности.

– О Череванове и Терновых разговор будет дальше, а ты имей в виду, Пуговкин, райком недоволен работой милиции. Наведи у себя порядок.

– Я снял с должности Краюхина не самовольно. Было указание товарища Череванова, – испуганно и поспешно сказал заврайоно Терновых.

– Что было, то было! – буркнул Череванов, подбирая привычным жестом волосы, опустившиеся на лоб.

– Череванову тоже надо уроки извлечь. Груб ты, Павел Павлыч, с людьми. Тебе уже говорили об этом на районной партконференции. Подумай, пока не поздно... А на тебя, Семён Иванович, – взглянув на Терновых, продолжал Артём, – люди просто жалуются. От всего ты уходишь, ничего не решаешь, боишься всякой ответственности. Трудно нам с тобой будет дальше работать. Учти, райком за тебя не будет решать текущих дел.

Череванов и Терновых слушали Артёма молча. Тихий, робкий Терновых не любил противоречить начальству, а деятельный, но самолюбивый Череванов молчал по необходимости, понимая, что времена меняются, в жизнь незримо входят новые требования и критерии.

– Учту, Артём Матвеевич, ваши замечания. Ни себе, ни другим худого не желал. Если ошибался, то ошибался искренне. Череванов никогда и ни в чём не лукавил...

– Ну вот так: критику учесть и поправиться на практической работе, – выждав, когда Череванов закончит, сказал Артём. – Тебе, Татаренко, на составление проекта решения о Краюхине сроку два дня. Достаточно? На другом предложении не настаиваешь?.. А теперь, товарищи, давайте подумаем, что нам сделать, чтобы уже в будущем году решительно расширить посевные площади, особенно под лён. И ещё вот о чём нам необходимо подумать: как больше взять продукции с таёжных площадей? Пусть наш разговор будет не официальный, побеседуем без протокола. Важно нам подумать, как району жить дальше... Через недельку, как встану, надо созвать пленум райкома, а потом провести собрание актива. Поставим перед народом новые задачи. После этого все в район, в колхозы, чтобы ни одной души не видел в райцентре!

Заметив, что кое-кто вытащил папиросы и, не решаясь закурить, разминает их в пальцах, Артём предложил:

– А товарищи курящие могут курить. Я не лёгочный больной, и нечего надо мной трястись. По себе знаю, что с папироской лучше думается! – Артём весело рассмеялся: – Вот ведь какая хитрая штука жизнь! Табак – яд, а не испив этого яда, иной раз сидишь как безмозглый. Диалектика! – Он приподнял руку, выставив указательный палец, и поводил им.

Послышалось чирканье спичек, и в комнате взвились клубы табачного дыма.

2

Поднявшись с постели, Артём заспешил в отъезд. Была в разгаре его самая любимая пора: лето уходило, осень ещё не наступила, но, как говорят, стояла у околицы. Августовские утренние инеи оставили свой след: жарким багрянцем горел осиновый лист, зелень березняка подёрнулась жёлто-прозрачным отливом, поникли полевые цветы, поблекли краски лугов и широких еланей. В воздухе носились сытные запахи. Плодородная улуюльская земля томилась под солнцем, пахуче дышала полной грудью.

Артём колесил по полям. Побывав на полевых станах колхозов, расположенных поблизости от Притаёжного, он направился в Мареевку. Нужно было повидаться с Мироном Степановичем Деговым. Артём был убеждён, что льновод в такую пору живёт не в селе, а на полях. И не ошибся. Дегов обосновался со своими людьми на полевом стане, поджидая страдного часа.

Появление секретаря райкома не удивило льновода. За лето Артём приезжал сюда раз пять. Теперь приближалась уборка, и, если б секретарь райкома в такое время не заглянул, Дегов мог бы разобидеться.

На стане было пусто. Дегов сидел на дровах. Перед ним на табуретке лежали маленькие снопики только что надёрганного льна. Он брал отдельные стебельки, быстрыми движениями пальцев стискивал их, потом, взявшись одной рукой за корешки, другой за макушки, дёргал, стараясь разорвать.

– Ну как, Мирон Степаныч, лён? – вылезая из машины, крикнул Артём.

Дегов оторвался от своего занятия, встал, тщательно вытер руки о длинную рубаху-верхницу. Они поздоровались.

– Леноч-то? Местами отменный, а местами толстоват. Кострики будет много, – почёсывая крупными заскорузлыми пальцами заросшую бородой щёку, сказал Дегов.

– Толстоват? А по-моему, это хорошо. Волокна будет больше, – значит, выход на гектар выше.

– Хорошо бы, а всяко бывает. Года три тому назад уродился у меня лён чуть не в мизинец толщиной. Я думал: «Ну, возьму волокна небывало!» – а он как пошёл в кострику, как пошёл...

– Неужели меньше возьмёшь, Мирон Степаныч, чем в прошлом году? – с тревогой спросил Артём.

– Меньше нельзя. Хотел взять много больше, а как получится – не знаю.

– Обязательства у тебя, Мирон Степаныч, немалые.

Дегов понял, что секретарь райкома всерьёз беспокоится за его работу.

– На обязательства хватит, Артём Матвеич. Была дума – перекрыть их.

– Ну и перекроешь, Мирон Степаныч! Не первый раз тебе обгонять других!

Артём усмехнулся, зная, что старый льновод, как обычно, немножко хитрит, сознательно занижает свои возможности.

– А где у тебя люди? – спросил Артём.

– Одних послал в село золу привезти, другие отправились в лес за жердями. К будущему году готовлюсь.

– Вот как у настоящих хозяев! Нынешний урожай ещё на корню, а они о будущем думают.

Похвала пришлась по душе льноводу. Он расплылся в улыбке, не спеша разгладил окладистую бороду.

– Мой родитель говаривал: земелька ласку любит.

«Было бы у каждого колхозника такое высокое сознание, за один-два года сколько мы в сельском хозяйстве хорошего сделали бы», – думал Артём.

– Да что же мы стоим-то? Садись, Артём Матвеич, сюда, – вдруг спохватился Дегов. Он смахнул с табуретки снопики льна, передвинул её поближе к Артёму.

– Что ты, Мирон Степаныч! Зачем так? – Артём торопливо подобрал снопики, положил их обратно на табуретку. – Это же золото, наше золото! А я и вот здесь посижу. – Артём снял брезентовый плащ, положил его на сушник, сел. – Я к тебе, Мирон Степаныч, по большому делу приехал. Садись, посеCRETничаем, пока никого нет.

Дегов, тяжело передвигая ноги в кирзовых сапогах, прошёл на своё прежнее место, садясь с тревогой посмотрел на секретаря райкома. «О чём ты секретничать думаешь? Мне секретничать не о чем», – сказал его взгляд.

– Ты, конечно, знаешь, Мирон Степаныч, о наших новостях. Область недавно нашу работу проверяла.

– Слышал, кажись, в «Притаёжной правде» писали...

– Вот-вот! Ну, если коротко сказать, то недовольна область нашей работой. Мало производим продукции.

– На том и жизнь стоит. Область недовольна районом, а Москва недовольна областью. Если б довольны все друг другом были, не пошло бы дело, жизнь остановилась бы.

– Совершенно правильно, Мирон Степаныч, – горячо согласился Артём. Он передвинулся ближе к Дегову и задумчивым тоном продолжал: – И вот долго мы в районе ломали голову: как двинуть дело вперёд? Наметили ряд мероприятий. Думаем, в частности, шире опыт наших передовиков пропагандировать. Пусть другие учатся у настоящих мастеров. Наметили мы, Мирон Степаныч, и тебя немного расшевелить. Думаем создать школу опыта Дегова.

Льновод кашлянул в ладонь, поглядывая прищуренными глазами на секретаря райкома, сказал:

– То есть как – школу опыта? Не понял, Артём Матвеич.

– А так: зимой к вам в Мареевку приедут по два человека из каждого льноводческого колхоза. Будут они жить у вас до осени. Всё станут делать как рядовые колхозники, чтобы под твоим руководством пройти всю науку выращивания льна. А потом вернутся к себе в колхозы, начнут полученный опыт внедрять на своих полях. Ведь земли-то у нас, Мирон Степаныч, одни по всему району, а результаты разные. У тебя лён, а у других метёлки из сорняка. И надо нам как можно скорее ликвидировать этот разрыв между передовиками и остальными. Тогда и продукции мы будем давать в несколько раз больше, чем теперь. Как видишь, задача простая, ясная, хотя, скажу тебе, нелёгкая.

И тут произошло то, чего секретарь райкома никак не ожидал: Дегов стал мрачнее тучи и впал в тяжёлое раздумье. Горькие предчувствия стиснули сердце Артёма. Чутьём опытного человека, привыкшего общаться с различными людьми и угадывать их мысли и чувства, он понял, что Дегов не принимает предложения райкома. «Славой своей не хочет поступиться! Какой же ты собственник, Мирон Степаныч! Недаром, видать, тебе коммунизм представляется как общество, состоящее из больших семей во главе со старейшинами», – подумал Артём, вспоминая свои прежние беседы с льноводом.

– Дегова, Артём Матвеич, никто в школе опыта не обучал, он сам до всего дошёл, – не поднимая головы, сумрачным голосом сказал старик.

То, что в ответственный момент жизни льновод не проявил готовности, на какую рассчитывал Артём, так сильно задело Строгова, что он мог сейчас наговорить ему самых резких слов. «Ну, какой же ты партизан и орденосец?! Ты закоренелый частник! Неужели тебе не стыдно носить на груди орден с образом Ленина?» Эти слова уже вертелись на языке у Артёма, но в самый последний миг он сдержал себя. «Нет, подожди, товарищ. Ты будешь никудышным секретарём, если наговоришь резкостей и отступишь. Ты идеализировал Дегова, а сейчас он выступает в своём подлинном естестве. Это не его вина, а твоя беда», – пронеслось в мыслях Артёма.

– Скажу тебе, Мирон Степаныч, не прав ты, – стараясь говорить как можно спокойнее, начал Артём. – Не с неба свалился наш знаменитый льновод Дегов. С помощью людей он вырос. Разве агрономы у тебя не бывали? Разве райком и райисполком не поддерживали тебя? А ну-ка, вспомни, кто тебе помогал удобрения добыть? Первый секретарь областного комитета партии! Так это или не так?

– Так-то так, а только, Артём Матвеич, первооснова всего – прилежность к земле. Её Дегов ни у кого не занимал, Дегову внушил её собственный родитель.

– А кто тебе славы помог достичь? Кто тебе ордена давал? Люди, народ! Правительство только волю народа выполняло, когда указы о твоём награждении в свет выпускало. Так или не так?

– Так, Артём Матвейч. А только я перед народом не в долгу. Я государству больше многих других давал! Пусть другие столько попробуют дать.

– Вот и помоги другим, они хотят давать больше, но пока не умеют. Научи!

– А как сам? Других обучишь, а сам позади останешься. Нет, Артём Матвейч, плохой из меня учитель.

– Скажу тебе, Мирон Степаныч, не ожидал я от тебя таких отсталых взглядов. Был уверен, что пойдёшь ты на это дело с открытой душой. Ты подумай только, о чем идёт речь? О повышении производства льна в наших притаёжных колхозах. Это же наше общее дело...

Вдруг за мелким березничком, отделявшим стан от дороги, послышались возгласы ребятишек. Из-за кустов показались две вихрастые головы. Они быстро-быстро двигались к стану. Рослый бурьян скрывал их, и Артём долго не мог понять, на чём они так стремительно движутся. Только когда они оказались на открытом месте, он увидел, что ребятишки едут на велосипеде. Один из них держался за руль и работал ногами, а второй примостился на багажнике и от восторга то кричал, то визжал, как поросёнок. Это были внуки Дегова. Артём прежде встречал их в доме льновода в Мареевке. «Эх, некстати они появились, помешают мне поговорить с ним», – с неудовольствием подумал Артём. Но помощь Артёму в его трудном разговоре с Деговым пришла с той стороны, с какой он её никогда не ждал, – именно от ребятишек. Они ворвались в беседу секретаря райкома с льноводом как дуновение самой жизни.

Поздоровавшись с Артёмом, ребятишки передали деду котелок с едой и, перебивая один другого, стали рассказывать о сельских новостях.

– Немой-то воин, деда, вовсе не немой! Он купецкий сын, искал отцовы клады. Дядя Миша Лисицын под ружьём его в сельсовет привёл.

– Ульяна, лисицынская певунья, из тайги приходила. Сказывала, что нашли в экспедиции всё, что хочешь!

– А вчера вечером была пальба за Мареевкой. Дядя Миша Лисицын всей своей бригадой ружья пристреливал. Школа охотников у него будет. Со всего района охотников он будет обучать.

Ребятишки не подозревали, что каждое их сообщение переворачивало Дегову всю душу. «Знать, мой дружок Лисицын в самом деле в гору пошёл. Школа охотников! Вот какой профессор сыскался, – думал Дегов, испытывая острый приступ зависти к Лисицыну. – Удачлив Михайла! Ничего ещё не сделал, ровным счётом ничего не сотворил, а молва летит вместе с ветром!»

– А ты отпустишь нас, дедуня, в школу охотников? Отпусти! Маленьких дядя Миша Лисицын будет в лесах за Мареевкой обучать, а потом уж в тайгу поведёт.

– И меня, деда, отпусти! Беспременно отпусти!

– Ну-ка, замолчите! Я вот вам покажу охоту! – взревел Дегов, замахиваясь на внуков еловым сучком.

Ребятишки схватили велосипед, кинулись с ним под навес, где стояли колхозные машины.

Как ни раздосадован был Артём Деговым, появление ребяташек, их весёлый, безостановочный говорок развеселили его. Услышав о школе охотников, которую создаёт Лисицын, Артём с удовольствием подумал: «По всему видать, верный мы курс взяли на организацию школ передового опыта».

– О графике уборочных работ, Мирон Степанович, не спрашиваю. Надеюсь, он у тебя имеется, – сказал Артём.

Дегов долго не отзывался. Он с ожесточённым упорством ломал через колено толстую палку. Артём без слов понял, что Дегов встревожен и смущён всей этой на первый взгляд безобидной сценой с внуками и сейчас старается подавить свои чувства. Давно ли он, Дегов, хвалился Артёму, что воспитывает у внуков горячее прилежание к земле, к делу, которому он отдал свою жизнь? И вот тебе на: «Деда, отпусти в школу охотников!» Да ещё в чью школу-то? В школу его бывшего друга, а ныне соперника – Михаила Лисицына!

Было над чем Дегову задуматься!

– График-то? График правление нам утвердило. Погода будет – выполним, – наконец сказал Дегов, чувствуя неловкость от затянувшегося молчания и преодолевая душевное смятение.

Артём встал, понимая, что в эти нелёгкие минуты в жизни Дегова его надо оставить наедине с самим собой, заторопился.

– Ну, будь здоров, Мирон Степаныч! Поеду посмотрю семёноводческие участки ваших уваровских соседей. Денька через три-четыре загляну к тебе. По всему видать, начнёте уборку.

Против обыкновения, Дегов не задерживал Артёма и не проводил до машины. Он стоял с опущенными руками, захваченный своей думой.

Возле машины Артём остановился, обернувшись к Дегову, произнёс:

– Ты вот что, Мирон Степаныч, о школе опыта всё-таки подумай. Если не захочешь, мы её тогда в уваровском колхозе организуем. Ихний бригадир Прошкин нынче отменный лён вырастил.

Дегов порывисто шагнул, но тут же остановился. Возможно, он хотел что-то сказать Артёму, но сразу же раздумал.

Артём сел в автомобиль, Взглянув через стекло на Дегова, подумал: «Ну-ну, поборись с собой в одиночку, милейший Мирон Степаныч! Душа твоя, видать, ещё не совсем очистилась от скверны собственничества. А школа опыта у тебя будет! Ни за что на свете ты не отдашь этого дела Прошкину».

– Трогай, Константин, в Уваровку, – сказал Артём шофёру.

Когда выпадали свободные минуты, Артём проводил их у себя на огороде. Здесь Дуня содержала небольшое, но образцовое хозяйство. Огурцы, морковь, брюква, репа, капуста цветная и обыкновенная, мак, подсолнухи... Чего тут только не было! Овощи были посеяны на узких продолговатых грядках.

Второй год Дуня выращивала цветы. На середине огорода ярким многоцветьем пылали георгины, гладиолусы, левкои, ирисы, флоксы, розы. В селах Улуюльского края не знали раньше цветоводства. Сбивать цветы за деньги было некому, а для глаза и души их сколько угодно росло в полях!

Почин положила Дуня. Она любила цветы. В доме подоконники были забиты горшками с зеленью. Теперь она вырвалась на простор. Марина с охотой присылала ей семена и наставления.

Во всяком деле велико начало. На второе лето цветы появились чуть ли не во всех огородах Притаёжного, а на комсомольских собраниях уже поговаривали, что такими цветами надо украсить братскую могилу, где похоронены отважные герои гражданской войны, и разбить клумбы на площади.

Артём любил – с лопатой или тяпкой в руках – сделать одно дело, потом не спеша начать другое. Но что бы он ни делал, в огороде его неизменно влекло к молодым густо-зелёным кедёркам. Может быть, это было на самом деле, а скорее, ему так казалось: кедёрки представлялись Артёму самыми восхитительными растениями. Он тщательно наблюдал за их ростом, пропалывал вокруг сорняки, подсыпал в землю то песок, то перегной и заботливо прятал от дождей и ветра памятные дощечки отца.

Как-то неожиданно по срочным делам экспедиции в Притаёжное приехала Марина. Сделав свои дела в Госбанке и райисполкоме, она заглянула к брату домой. Артём был на огороде.

Они долго бродили между грядок. Артём втайне позавидовал сестре: она о каждом растении говорила так уверенно, словно всю жизнь свою провела в садах.

– А ты читала, Мариша, записи нашего отца по этим кедровым посадкам? – спросил Артём, когда они остановились возле первого кедра. – Я их отдал весной Максиму.

– У меня его дневники. Читала я, конечно, с огромным вниманием. Во-первых, это делал отец, а во-вторых, его эксперименты представляют интерес для науки.

– Ну и как? Что-нибудь они дают вам? – с живостью спросил Артём.

– Видишь ли, Артюша, эксперимент тогда даёт науке неопровержимые выводы, когда он многократно повторён. Отец только начал экспериментировать, к тому же у него не было условий.

– А какие же тут нужны особые условия?

– Особых условий не требуется, но нужна программа исследований и её практические исполнители.

– Народу у нас не занимать!

– Согласна с тобой. Мы можем экспериментировать, опираясь на широкие массы людей. Но для этого вы, практические руководители, должны всегда и во всём учитывать интересы науки.

– А разве кто-нибудь кому-нибудь отказывал?

– Да разве в этом дело? Хотя таких случаев немало. Важно другое. Наука, научное исследование должно сопутствовать всякому делу, входить в него как составная, неотрывная часть. В промышленности такая форма найдена – заводские лаборатории. Постепенно они будут перерастать в цехи научно-исследовательской работы. В сельском хозяйстве хуже. А в сущности, каждый колхоз тоже должен иметь свои научно-исследовательские лаборатории с опытными участками, с программой научной работы.

– Вот немножко разбогатеет – всё заведём! Война, Мариша, задержала нас.

– Я понимаю. Но не только война. Кроме неё, есть ещё одна отвратительная сила – косность, неповоротливость.

– На голом месте государство построили сами, без посторонней помощи.

– Ты не снижай, Артюша, моего критического запала. Я всё это знаю и не хую сделанного. Хочу, однако, чтоб мы шли ещё быстрее.

– А как по-твоему, эксперимент отца можно повторить в более широком масштабе?

– Почему же нельзя? Но учти, отец в своём начинании не одинок. Есть люди, у которых имеется более внушительный опыт. Ты лесобъездчика Чернышёва знаешь?

Артём не сдержал улыбки.

– Ещё бы! Могучий фантаст улуюльской земли!

– А ты знаешь, что у этого фантаста огромные знания? Он сейчас в моей группе выполняет ответственную работу по классификации лесов Улуюлья. Леса он знает лучше, чем я, хотя тебе известно, что твоя сестра почти доктор наук.

– Удивительно!

– Скажу тебе, откуда проистекает твоё прохладное отношение к Чернышёву. В данном случае ты излишне практичен. Ты смотришь так: «А что он, Чернышёв, может дать сегодня реально?» Оказывается, что реально сегодня он ничего дать не может. Твой интерес к нему падает. Но у него есть интересные мысли, есть взгляд на вещи, и это огромная ценность. Сегодня это ещё, допустим, практически не нужно, а завтра без этого не обойдётся.

– Если быть честным, скажу тебе – ты права. И говоришь ты то самое, что говорил мне Максим.

– Вполне возможно, что говорю его словами. Мы много с ним рассуждали на эту тему.

– Очень права ты, Мариша. Отсюда же проистекала ошибка в моём подходе к делу Краюхина. Только отсюда! Казалось мне, что не реальны все его взгляды, что в них нет практической ценности.

– Я рада, что ты понимаешь это.

– Скажу тебе, краюхинское дело – это сильная для меня встряска. И вот что, ты не очень рассердишься, если я попрошу прислать Чернышёва на денёк в райком? Пусть он расскажет нам о всех своих замыслах...

– Хорошо, я пошлю его завтра же.

Они поговорили о делах в экспедиции, и Марина заторопилась. Артём отпускал её с неохотой. Оставшись один, он вернулся к молодым кедркам, рассматривал их с удивлением, как будто впервые видел их в это лето, отмечая, как выросли и поднялись они. В памяти стояли слова сестры: «Сегодня это ещё практически не нужно, а завтра без этого не обойдёшься».

2

Афанасий Федотович Чернышёв принёс в кабинет секретаря райкома запахи тайги. От рождения он был очень смуглым, но сейчас он был не просто смуглым, а тёмно-коричневым. Крупные руки и лицо его были в пятнах смолы. Брюки, рубаша, сапоги тоже были в смоле и пахли смолевым дымом.

Он волновался, мял в руках пилотку, одёргивал гимнастерку.

– Садись сюда, товарищ Чернышёв. Чувствуй себя просто, свободно, как дома. И говори всё, что думаешь и знаешь относительно улуюльских лесов. Давно бы следовало нам пригласить тебя в райком, послушать. Ну извини, что так затянули. Другие дела за горло держали. Это но в оправдание, а в пояснение. А вы, товарищи, чего расселись по всему кабинету? Двигайтесь сюда, к столу.

Члены райкома и руководители районных организаций сгрудились напротив Чернышёва; заслышав стук карандаша о чернильный прибор, смолкли.

Чернышёв положил перед собой тетрадь, развернул карту Улуюльского края.

– Как мне, Артём Матвеевич, касаться только Притаёжного района или говорить обо всём Улуюлье?
– спросил Чернышёв.

– Говори, как думаешь. Притаёжный район, конечно, интересует нас прежде всего, но и об остальных нам полезно послушать.

– Ну вот, товарищи, наше родное Улуюлье – край лесов. Леса у нас разные. Основные площади заняты сосной, елью, пихтой, кедром, берёзой. Большие площади заняты кустарником, причём кустарники есть плодоносящие: чёрная и красная смородина, голубица, жимолость... Леса Улуюлья обладают неисчерпаемыми запасами кормов для животного мира. По этой причине животный мир Улуюлья несравнимо богаче других местностей. Человек ищет, где лучше, рыба – где глубже, зверь и птица – где кормов больше.

Чернышёв передохнул, вытащил из кармана платок и вытер выступившие на лбу крупные капли пота.

– Использование природных ресурсов улуюльских лесов составляет, по моим подсчётам два целых семь десятых процента.

– А как по Притаёжному району? – спросил Артём.

– По Притаёжному району показатель намного выше. Он доходит до пяти процентов.

– Скажи, товарищ Чернышёв, как ты исчисляешь процент? – слышался голос Череванова.

– Я исчисление веду от площади полезных угодий. В графу «Использование» вношу все виды эксплуатации, а именно: лесоразработки, охотничий промысел, подсочку лесов и заготовку живицы, добычу кедрового ореха. Следовательно, фактический процент использования площадей ещё ниже, так, как к примеру, лесоразработки и подсочка лесов на живицу происходят на одной и той же площади.

– Боже мой, до чего же мы богаты, сколько ещё у нас нетронутых сокровищ! – обводя всех взглядом сияющих глаз, воскликнул Артём.

Чернышёв подхватил слова Артёма:

– Нетронутых сокровищ у нас ещё столько, что дух захватывает. И всё же бездонные сундуки бывают только в сказках. Вопрос стоит так: можно на этих сокровищах ещё больше разбогатеть, а можно все сокровища пустить на ветер.

– Этого никто не позволит! – отрубил Череванов.

– А ты потерпи со своими возгласами, Павлыч, любишь ты резолюции выносить. – Артём погрозил Череванову карандашом.

– Чтобы на этих сокровищах разбогатеть, надо с большим умом произвести планировку лесов, – продолжал Чернышёв. – Тут вначале семь раз отмерь, а потом уже отрезай. Чтобы планировка была правильной, необходимо иметь зоны. К примеру, зона лесопорубок, зона запретных, или заповедных, лесов, зона кедропромысловых лесов, зона для раскорчёвки и увеличения пахотных площадей, зона восстановления лесов и расширения площадей леса. Без этого Улуюлье можно погубить.

– Этот принцип, товарищ Чернышёв, и теперь действует, – заметил Артём.

– Действует, но не всегда. Часто зона определяется без обоснования или же обоснование даётся сегодняшнее, без загляда в завтрашний день.

– А как ты размещаешь эти зоны? Ну-ка, расскажи нам!

Беседа с Чернышёвым всё больше увлекала Артёма.

– По схеме, которую я разработал, зоны по Улуюлю размещаются таким образом: всё правобережье верхнего течения Таёжной, включая Заболотную тайгу, – лесопорубки, подпочка, добыча живицы. Левобережье, или, точнее, Весёлая тайга, – кедропромысловая зона. Синеозёрская тайга и часть Мареевской тайги – запретные, заповедные леса. Уваровская тайга – зона увеличения пахотных площадей.

– А куда ты относишь затаёжные болота? Бросовые земли? Там же миллионы гектаров!

– Нет, Артём Матвеевич, затаёжные болота не бросовая земля. Бросаться такими кусками нельзя. Я думаю, когда страна наша оправится от войны и появится у нас побольше техники, мы болота осушим, спустим их воды в реки и получим условия для расширения площадей под лесом. Была у меня мысль заселить эти площади кедром. Грунты там подходящие.

– Ну и мечтатель же ты, Чернышёв! – не то с осуждением, не то с похвалой воскликнул Череванов.

Все добродушно засмеялись.

– Мечтай, товарищ Чернышёв, мечтай! Живём мы в век мечтателей! – энергично пристукнув ладонью по столу, сказал Артём, вспомнив, что именно этими словами Максим в свой приезд весной охарактеризовал Чернышёва и Краюхина.

Восклицание Череванова и смешок слушателей смутили Чернышёва.

– Сорок годов я о лесах думаю, – попытался объяснить своё пристрастие к лесу Чернышёв.

О многом он мог бы рассказать сейчас, но стоит ли говорить о собственной жизни?.. Чернышёв умолк, опустив голову. Вспомнился один случай: он идёт вместе со старшим сыном Сеней по широкой поляне, поросшей густым подлеском. У сынишки в руках таликовый прут. То и дело он со свистом опускает прут на макушки молодняка, и они падают, словно от сабельного удара. «За что же ты их, сынка, так нещадно сечёшь? Ведь они живые, им больно!» – говорит он сыну. Сынишка опускает прут, и вдруг раздаётся плач: «Тятюшка, я никогда-никогда не трону больше ни одного деревца, буду беречь их, как ты». И сын сдержал слово. Он работал вместе с отцом, пока не вырос, не ушёл на войну... А теперь его нет. Пал смертью храбрых. И он, отец, должен теперь работать в лесах за двоих. Не рассказать ли райкому об этом? «Нет, не надо, а то ещё расчувствуюсь, расплачусь, стыдно будет», – решил Чернышёв. Он снова вытер лоб платком, понимая, что молчание его затянулось, торопливо сказал:

– Каждой зоне я даю обоснование. Есть у меня труд, в котором приводятся экономические, географические, лесотехнические и даже исторические доказательства этих зон.

– Прости, товарищ Чернышёв, что перебиваю. Этот труд, товарищи, как сообщила мне сестра, имеет научную ценность и будет напечатан в сборнике Улуюльской комплексной экспедиции, – сообщил Артём.

– Вот это да! Вот какие объездчики есть в Притаёжном районе! – на этот раз с искренним восторгом воскликнул Череванов.

И снова все рассмеялись. Чернышёв тоже смеялся. Артём безуспешно стучал карандашом.

– А как ты смотришь, товарищ Чернышёв, на обмер Синеозёрской тайги, который сейчас производится? – спросил Артём, когда в кабинете наступила тишина.

– Обмер сам по себе не страшен, но если будут там развёрнуты леспромхозы, это нанесёт ущерб Улуюлю. Вот вам пример, когда обоснование даётся поверхностно, без учёта интересов других отраслей хозяйства.

– Слушай, Череванов, слушай, как люди о Синеозёрской тайге отзываются. Это тебе пригодится для разговора в облисполкоме, – сказал Артём.

Обмер Синеозёрской тайги вызывал протест населения. Притаёжный райисполком принял решение, в котором просил облисполком приостановить выполнение своего постановления. Череванову поручалось выехать в Высокоярск и поставить этот вопрос в облисполкоме. Об этом-то и напоминал Артём.

– Теперь скажу о хозяйственных формах использования лесных богатств Улуюлю, – продолжал Чернышёв, раскладывая перед собой бумаги. – Считаю, что леспромхоз как форма хозяйства вполне разумная организация. Своё назначение давать лес для промышленности, для народного хозяйства эта организация оправдывает. Лесхоз как хозяйственная форма сбережения леса, наблюдения за разумным его использованием также себя оправдывает...

– А что, по-твоему, у леспромхозов и лесхозов нету недостатков? – спросил нетерпеливый Череванов.

– Недостатки есть, и большие недостатки, но это вопрос их практической работы. Я его сейчас не касаюсь.

– Категорическим образом ещё раз прошу не перебивать товарища Чернышёва, – сказал Артём, кинув на Череванова откровенно сердитый взгляд.

– Но леспромхоз и лесхоз не в состоянии исчерпать всех полезных возможностей наших лесов, – продолжал Чернышёв, – Остаются обойдёнными, не включёнными по-настоящему в систему народного хозяйства все промысловые отрасли. Охотничьи бригады колхозов не могут освоить всего, что даёт природа. С одной стороны, потому, что их мало и они малочисленны, а с другой – потому, что они не имеют техники, не могут вести дело с размахом... Какую же хозяйственную форму можно предположить, которая будет наиболее универсальной в деле промысловых отраслей хозяйства? – спросил Чернышёв и сам же ответил: – Кедропром!

– Кедропром? Кедровый промысел? Ну-ка, расшифруй, товарищ Чернышёв! – воскликнул Артём, забыв о своём категорическом требовании не перебивать докладчика.

– Оговорюсь сразу: название «кедропром» не мной придумано. Ещё в первые годы Советской власти Владимир Ильич Ленин подписал декрет о создании кедропрома. Кедропрому было поручено производить заготовку кедровых орехов и их переработку. В условиях голода и послевоенной разрухи это имело большое значение.

– Совершенно правильно, товарищ Чернышёв. Я помню, в наших сибирских городах детям выдавали питательную муку «Нестле», смолотую из кедровых орешков, – подтвердил Артём, совершенно уже забыв о том, что он вторично сам нарушает порядок. Беседа Чернышёва всё больше и больше увлекала его, находя в душе живой, трепетный отклик.

– И кедровое масло в паёк выдавали, Артём Матвеич. Но потом кедропром был ликвидирован. Возможно, это была ошибка. Его функции были возложены на потребительскую кооперацию. Но кооперация не сумела развить дело, начался упадок таёжных промыслов. Теперь мы должны всё это поднять, но уже на новой основе.

Прежде всего о характере кедропрома. На мой взгляд, кедропром может быть как государственный, так и колхозный. Возможны даже кедропром объединённые, то есть такие, которые принадлежат не одному, а нескольким колхозам. Из чего складывается хозяйство кедропрома? Чтобы это хозяйство было рентабельным, оно должно быть многоотраслевым и комплексным.

Кедропром, во-первых, ведёт добычу кедровых орехов и перерабатывает их на месте. Так как кедровые массивы расположены по берегам речек, то в таком хозяйстве должны быть легкопроходимые по мелководью моторные лодки, мотоколяски для перевозки груза по тропам, а также установки по выжимке масла, сосредоточенные на центральной усадьбе кедропрома. Выработкой масла не должно завершаться использование продуктов кедр. Шелуха и хвоя должны перерабатываться с помощью химии в полуфабрикат пластмассы.

Вторая отрасль кедропрома – заготовка древесины путём вырубki сухостойных и перестойных деревьев, переработки этой древесины в полуфабрикаты для мебельных, тарных и карандашных предприятий. Замечу, что кедр как строительный материал обладает многими редкими свойствами. В опытном порядке я разработал технологию его закаливания путём распарки в кипятке, спиртования и томления в почвах. Образцы находятся в тресте «Высокоярсклес» и у меня дома. Кроме того, кедропром ведёт заготовку кедровой живицы, которая, как известно, явилась в годы Великой Отечественной войны заменителем в госпиталях бальзама и используется в производстве ценнейших лекарственных веществ.

Третья отрасль кедропрома – охотничье и рыболовное хозяйство. Кедропром производит отлов зверя, птицы. Само собой разумеется, он заботится о животном мире, о сохранности естественных кормов, о производстве искусственных кормов – короче, кедропром ведёт дело на научной основе.

В-четвёртых, кедропром должен заботиться о восстановлении и расширении площадей кедровых насаждений. Каждый кедропром имеет питомник и в плановом порядке, с участием населения насаждает кедровые рощи возле населённых пунктов, а также продвигает кедровые насаждения на новые площади в промысловых зонах.

Пятая отрасль кедропрома – заготовка ягод, грибов, лекарственных растений.

Кадры рабочих кедропрома должны быть постоянными, обученными, вести работу по всем отраслям хозяйства кедропрома.

В своей повседневной деятельности кедропром опирается на общественность: комсомол, пионерские организации, школы, краеведческие кружки, нашу советскую печать.

Одновременно с производственной работой каждый кедропром под руководством научных учреждений ведёт научные исследования и ставит опыты. Современная биологическая наука, мичуринские принципы открывают для этого неограниченные возможности. Программа такой работы, конечно, не выдумывается в каждом кедропроме, а разрабатывается в научном институте, и усилия кедропромов координируются...

И Артём и другие руководители Притаёжного района были удивлены не только тем, что говорил Чернышёв, но и тем, как он говорил.

«Какой он образованный, начитанный человек! Сколько же он перечитал, передумал! И как говорит! В пору в институт его везти – лекции читать. Ах, брат мой Максюша, до чего у тебя глаз острый, приметливый на умных людей!» – слушая Чернышёва, думал Артём.

Череванов выразил свои размышления вслух.

– Ты прямо профессор, товарищ Чернышёв! – сказал он. – Ты изложил здесь целую программу кедропромов. Толково это у тебя получается. Но вот что меня интересует. Как ты мыслишь остановить беспорядочные вырубki кедрочей?

– Во-первых, надо кедровым лесам дать другую классификацию. Кедр не берёза, не осина и даже не сосна. Кедр – орехонос! Стоит только перевести кедровые леса в класс плодоносящих, как возникнет необходимость применять к ним совершенно иной подход.

Во-вторых, важнейшей предпосылкой созданий кедропрома являются лесоустроительные работы, которые должны сопровождаться паспортизацией кедрового парка.

И, наконец, создание вокруг кедровых лесов общественного, народного мнения как о ценности, посягать на которую бессовестно. Разве можно, например, представить себе такую картину: человек взял топор и без особой необходимости отправился рубить яблони? Это же дикость! А сколько у нас такой дикости в отношении кедра?!

– А как по-твоему, товарищ Чернышёв, где практически целесообразно развёртывать кедропромы в нашем Притаёжном районе? – спросил Артём, глядя на Чернышёва ласковыми глазами.

Чернышёв разгладил карту Улуюльского края, поведив по ней длинным, с рубцами от порезов пальцем, сказал:

– Один кедропром можно посадить в Весёлой тайге. Будет мощный кедропром. Условия позволяют. Черновые расчёты у меня имеются... Второй кедропром хорошо бы разместить в Синеозёрской тайге по левобережью. Третий – в Мареевской тайге по берегам рек Большой и Таёжной...

– А надо ли мельчить? Может быть, стоило бы иметь один кедропром и его отделения? – вслух выразил свои сомнения Артём.

– Может быть, и так... Но всё это надо по-хозяйски обдумать. А потом сама жизнь подскажет.

– И ещё к тебе один вопрос, товарищ Чернышёв. Вот мой отец перед смертью начал на огороде опыты по выращиванию кедра путём посева орешков в грунт и пересадки молоди. Как ты смотришь на это?

– Мне доводилось тоже проводить такие опыты, Артём Матвееч. Они дают неплохой результат. Но дело это новое и много трудностей. Вот возьмите, к примеру, посев ореха в грунт. Первый вопрос: каким зерном сеять? В какие сроки? Этого пока никто не знает. Второй вопрос: как убережешь высеянный орех от грызунов? По-видимому, надо создать какую-то блокаду вокруг зерна из ядохимикатов. Как это делать – тоже никто не знает. Третий вопрос: как убережешь кедровые всходы от истребления? Зелёный кедровый росток очень любят птицы, особенно сороки. Я пробовал прикрывать росток проволочным колпачком. Но сколько же надо иметь таких колпачков! И этот вопрос пока неясный. А возьмите вопросы гибридизации. Кое-кто из учёных пробовал скрещивать сибирский кедр с итальянской сосной. Результаты очень хорошие! Наш кедр начинает плодоносить лет в тридцать – тридцать пять. При скрещивании с итальянской сосной плодоношение начинается с восемнадцати лет. Может быть, можно влиять как-то и на урожайность, и на сроки созревания...

– Никто этого не знает, изучать всё это надо, – сказал Артём.

– Пока изучать некому. По кедру нет не только специального института, но даже нет сектора ни в одном из научных институтов лесного хозяйства. Нету и опытных станций.

– Это непорядок. Надо нам добиваться, ставить эти вопросы перед центром и областью. Ты подготовь, товарищ Чернышёв, все материалы. На днях должен к нам прибыть уполномоченный Центрального Комитета партии. Доложим ему, попросим поддержки, постараемся убедить.

– Материалы при мне. А разговаривать об этом я могу в любое время дня и ночи, Артём Матвееч.

3

Дуня застала мужа в весёлом настроении. Артём ходил по дому в пижаме, в тапочках, напевал вполголоса какую-то песенку.

...Есть люди, которые через всю жизнь проносят свойства, приобретённые ими в детстве или в юности. О таких людях говорят, имея в виду не внешность, а черты характера: «Их время не берёт. Годы идут, а они остаются прежними». Именно таким человеком и была жена Артёма.

Что бы ни происходило в жизни: радостное ли, печальное ли, Дуня умела оставаться спокойной, даже степенной, но этому спокойствию во всякую пору сопутствовала ироническая усмешечка, которая очень хорошо уравнивала мысли и чувства, поступки и действия окружающих её людей.

В жизни семьи Артёма Строгова случались радости: рождались дети, потом они, дочь и два сына, заканчивали образование; район успешно справлялся с государственными заданиями; правительство отмечало наградами труд лучших тружеников района (в этом числе был и первый секретарь райкома). Да мало ли в жизни выпадает людям радостных дней!

Артём по складу своего доброго, искреннего характера всякому чувству отдавался полностью, без остатка. И всегда-всегда уместной была в его жизни Дунина мягкая ироническая усмешечка.

Случилось однажды: дочь, окончившая медицинский институт, привезла родителям напоказ диплом с отличием. Отец, что называется, купался в восторге. Мать, Дуня, тоже радовалась. Но когда этот взлёт радости был в самом зените, Дуня, как бы спуская всех с небес на грешную землю, сказала, сверкнув смешинкой своих живых глаз:

– А самый лучший диплом, доченька, доброе слово людей. Как услышу о тебе доброе слово, уж так возрадуюсь! Будет мне это самой высокой наградой за муки, в которых тебя родила.

Так Дуня поворачивала полёт чувств и мыслей в совсем ином направлении.

Однажды в годы войны наградили большую группу колхозников района за беспримерный труд во имя победы. Артём радовался, Дуня тоже радовалась. Артём каждый день то в одном колхозе на митинге, то в другом. Как-то утром, когда муж собирался снова в отъезд, Дуня пристально посмотрела на него, смешинки в её глазах, обычно прятавшиеся где-то в глубине зрачков, вспыхнули, и она ласково спросила:

– А ты горло не надорвёшь на речах, драгоценный мой?

Артём уже опаздывал, в горячке вспылит:

– А ты о моём горле не беспокойся! Без тебя знаю, что делать!

Но, выйдя из дому и сев в машину, он подумал: «А в самом деле, пора с митингами заканчивать. Людей от работы отрываем».

Ещё более уместной была Дунина мягкая ироническая усмешечка в часы неудач и печалей. Сколько таких часов пришлось пережить семье секретаря райкома!

Бывало, возвращался Артём из Высокоярска с выговором от обкома или приходил очередной номер областной газеты «Высокоярская правда» и на её страницах Артёма критиковали не стесняясь в выражениях, то за одно, то за другое. Нередко приносили огорчения и дети: проваливались на экзаменах, вступали в дружбу с хулиганами, теряли хлебные карточки. Всякое бывало!.. Артём хмурился, негодовал, становился то излишне разговорчивым, то излишне молчаливым, курил без передыха, терял сон.

Дуня переживала всё вместе с мужем. Печалилась, плакала втихомолку. Но вдруг то самое чувство ясной осознанности, что в жизни ничто не стоит на месте, что жизнь течёт как река и бессмысленно излишне долго задерживать себя на одном событии, озаряло её душу и мягкой иронической улыбкой освещало её миловидное, несмотря на прожитые годы, лицо.

– Ну и что же, если и выговор! Что ты, полиняешь от него или душой переменишься? Нет же, нет! А уж зато как возликуешь, когда похвалу от обкома услышишь! Вот подумай-ка, каково тому, кто ни холодного, ни тёплого не знает? А ты всё испытал!

Артём отмахивался от неё: слова, мол, всё это, брось утешать! Но как это ни странно, незатейливая житейская философия жены успокаивала, невольно настраивала на другие размышления. «Пожалуй, права Дуня, хватит тратить силы на это. Жизнь не вся соткана из неприятностей, будут ещё и радости, не могут они не быть». И снова к нему возвращалось нетерпение, жажда работы, и всё, что омрачало его, отодвигалось в прошлое.

Да, что бы ни говорилось о прелести юношеской любви, о её высоком взлёте и романтическом парении, есть своя суровая прелесть и нелёгкая высота в любви людей, прошедших рука об руку через десятилетия, преодолевших вместе не один и не два, а много трудных перевалов, научившихся понимать друг друга с полуслова, с полунамёка.

– Ты весёлый сегодня, Артём Матвеевич, хорошие новости есть? – спросила Дуня с усмешкой, приглядываясь к мужу особым зорким взглядом, какой может быть только у любящей жены.

– Твоя правда, Дуня, весёлый. И знаешь почему? Старость свою к делу определил. Вот садись за стол, расскажу тебе, как это случилось.

– Только свою старость? А мою? О моей старости подумал? – с той же усмешкой спросила Дуня.

– И о твоей подумал, Евдокиюшка. Мы ведь с тобой как монета: взял бы одну сторону, да нельзя её взять без другой стороны.

Высокая, стройная не по годам Дуня с радостной благодарностью посмотрела на мужа, подумала: «Иные мужья и жёны под старость становятся сварливыми, делят между собой неделимое: любовь и привязанность детей, совершённые в совместной жизни ошибки, успехи. У нас этого не будет. До конца дней своих рядом пойду с тобой, Артюша, как с собственной судьбой».

Когда Дуня, переодевшись в домашнее простенькое платьице, вернулась, на столе стоял чайник, чашки, сахар, хлеб, молоко в синей эмалированной кружке. (Молочник давно разбили, а купить новый пока не удавалось. Посуды в магазины поступало так мало, что Артём не раз звонил в облпотребсоюз, кричал в трубку: «Поймите, дорогие товарищи, в послевоенное время живём! Люди из консервных банок чай пьют. Давайте посуду!»)

– Ну-ка, расскажи-ка, что у вас там сегодня было, куда ты нашу старость определил? – с живостью заговорила Дуня, садясь напротив Артёма.

– Ах, Дуня, какая хитрая штука жизнь! Живёт человек, а жизнь его учит, учит, и нет той науке конца и края. Ты помнишь лесообъездчика Чернышёва?

– Это который тебе насчёт лесов всё надоедал?

– Вот-вот! Помнишь, я всё ругался по поводу его надоедливости? То он требует в леспромхозе «Горный» цех деревообработки открыть, то шлёт протест в область насчёт отвода новых делян под вырубку возле села Весёлое, то предлагает новый способ молевого сплава. А тут нет никаких возможностей практически осуществить это: ни людей, ни техники, ни средств! Сколько я объяснительных записок переписал в обком, сколько раз поминал я его недобрым словом, сама знаешь... И вот представь себе, Дуня, он-то, этот самый Чернышёв, и озарил наши будущие годы таким светом, что у меня на душе праздник сегодня.

– Ты так говоришь, будто тебе семьдесят лет. А тебе ещё пятидесяти нету.

– Ну так что же?! Я сейчас в старики и не записываюсь, но дело-то всё-таки к тому идёт! Вечно секретарём райкома я не буду. Ты смотри, сколько появляется новых людей! Пройдёт год-два, ну, от силы – три, и мы в своём районе найдём любые кадры. А уж как это хорошо, когда секретари райкома из местных товарищей выдвигаются! Я тебе скажу, что Татаренко, нашего комсомольского секретаря, через три года можно смело «первым» в райком партии избирать. Толковый парень! Как он верно и глубоко краюхинское дело оценил! А ведь мог бы пойти на поводу у других, слепо довериться нашим суждениям.

– И что же Чернышёв? Чем он завоевал, Артюша, твоё непокорное сердце? – мягкая ироническая улыбочка снова засияла на лице Дуни.

Сейчас, в минуту его доброго раздумья, неохватного по искренности чувства расположения к Чернышёву, эта улыбочка жены уколола Артёма в самое сердце. Он горячо, увлечённо принялся пересказывать всё, что сегодня говорил Чернышёв о лесах Улулюля, о зонах, в особенности о кедропроме.

– И вот, Дуня, вижу я и себя и тебя у посильного дела в таком хозяйстве. Весной, когда приезжал к нам Максим, ходили мы с ним по огороду, и тогда сказал я ему, что хотел бы свои немолодые годы провести где-то в лесах, поближе к природе. И то и это прибрассывал... Леспромхоз? Не по душе! Как-никак, а дело это связано с уничтожением леса. Лесхоз? Не живое дело! Сиди у моря, смотри, как оно плещется. А вот кедропром – это то самое, что надо. Природа! И не просто природа для любования, а природа производящая. Она рождает, производит, а ты при этом, как акушер, облегчаешь ей роды, ухаживаешь за ней, принимаешь её дары. Ах, как расшевелил, Дуня, меня Чернышёв! Чую я, что заронил он в мою душу такую искру, которая уже не погаснет! Буду биться в обкоме за кедропромы, как за святое и правое дело...

Дуня слушала мужа, и мягкая ироническая улыбочка постепенно пряталась в уголках её губ, в чёрных зрачках её приветливых глаз. Она чувствовала, что Артём сейчас в том самом зените своих мечтаний, когда уместной была бы её недремлющая ирония, но шли минуты за минутой, и Дуня всё больше покорялась его мыслям и чувствам. Среди этой, как он сказал, «производящей природы» она видела и себя, и, конечно же, как всегда, рядом с ним.

Глава одиннадцатая

Захар Николаевич вернулся в сумерках. Серая муть сумрака липла к черёмуховым и яблоневым ветвям. Бревенчатый, с широкими верандами дом погружался в надвигавшуюся из сада темноту и оттого, что вокруг было тихо и пусто, казался покинутым.

Тяжёлой походкой старого, уставшего человека Захар Николаевич шёл по дорожке, усыпанной белесым речным песком, и с грустью думал: «Ну вот и дом твой. Сколько усилий вложил ты, чтобы он стоял тут, смотрел на белый свет этими глазастыми итальянскими окнами! А к чему всё это? Ради чего были все мои усилия? Одинокому старому человеку гораздо лучше жить в коммунальной квартире. В случае какой беды пожалеют сердобольные соседи...» И вспомнилось ему заветное желание: живёт он в окружении жены, дочери, внуков, любимых учеников... «Но всё зря, всё напрасно... Суета сует и всяческая суета...» – шептал он беззвучно.

Пристукивая тростью о ступени крыльца, Захар Николаевич остановился возле дверей, нажал на белую пуговку звонка.

Дверь открыла тётя Луша.

– Лукерья Трофимовна, есть что-нибудь от Сони? – подходя к вешалке, спросил Захар Николаевич.

– Два письма на вашем столе. Не разобрала только, от неё ли?

Захар Николаевич заспешил в кабинет.

Тут, в большой комнате, заставленной массивными, тяжёлыми шкафами с книгами и ящиками с камнями и образцами почв, было уже совсем темно. Ветви черёмухи заслоняли и без того скупой серый свет.

Захар Николаевич зажёл настольную лампу, поднёс конверты к близоруким глазам и отбросил их один за другим. Первое письмо, тощее, лёгкое, как сухой берёзовый лист, было от Григория Владимировича Бенедиктина, второе – толстое и увесистое, точно свинцовая плитка, – от Краюхина, от Алёшки Краюхина.

Нет, не этих писем ждал Захар Николаевич! Ему даже не хотелось читать эти письма. Он переоделся в мягкую просторную пижаму и лёг на диван, намереваясь подремать в сумраке.

Но едва он положил голову на подушку, как тотчас невольно подумал о Софье. Щекой он ощутил что-то шероховатое и провёл рукой по наволочке. «А, да это Сонечкино вышивание», – догадался он. Ещё в детстве Софья вышила отцу подушку: «Папа, приятных сновидений». Вышивка была неумелой, крупные, неровные буквы разбегались, прыгали, занимая целый угол наволочки. Однако Захар Николаевич очень ценил этот подарок дочери. «Луша надела, чтобы я о Соне не забывал. Да разве можно забыть? Её, единственную, родную... мою?.. У кого-то из древних, кажется, сказано... Как же сказано? Слабеет память... забыл... нет... вспомнил: «Дети – это прошлое счастье родителей, повёрнутое в будущее...» Или нет. Не то и не так...»

Захар Николаевич закрыл глаза и несколько минут лежал, припоминая изречение. Вдруг он вскочил, зажёл люстру и сел за стол. «Неужели с Соней что-нибудь случилось? Два письма, и оба из Улуюлья... Как я не подумал об этом сразу?»

Он взял письмо Бенедиктина, судорожными пальцами оборвал его по кромке и начал читать. С первых же слов Захар Николаевич понял, что беспокоиться о Софье нет никаких оснований, она в

тайге изучает какую-то загадочную яму, обнаруженную этим чудаком Краюхиным. «Ну и пусть себе забавляется!..» Бенедиктин сетовал на Марину, она не выполнила указания директора института и отправила его, Бенедиктина, подальше от Софьи. По своей женской неразумности и мстительности хотела сделать ему хуже, но, как всегда, попала впросак. В течение нескольких дней он открыл такое, что в тысячу, в миллион раз дороже всяческих пустопорожних предположений Краюхина. Да, теперь он, Бенедиктин, убеждён, что Улулюлье действительно нуждается в солидном изучении. «Что же он такое открыл?» – подумал Захар Николаевич и нетерпеливо забегал глазами по строчкам письма.

Бенедиктин сообщал, что по правобережью Таёжной, в Заболотной тайге, он установил магнитную аномалию.

Письмо на этом обрывалось. Бенедиктин обещал в следующем письме изложить все подробности; свою краткость он объяснял нежеланием обременять учителя. «Ненужная, глупая учтивость! Неужели ему не ясно, что мне дороже всего подробности?» – сердито пощипывая себя за баки, подумал Великанов.

Досадуя на Бенедиктина, он засунул письмо в конверт и бросил его в ящик. «Быстро, быстро Григорий Владимирович приобщился к новой вере: «Улулюлье нуждается в солидном изучении», «магнитная аномалия». Что они, с ума там посходили? Будто я против... Насчёт магнитной аномалии надо ещё посмотреть, очень внимательно посмотреть... Откуда она может появиться в этом рыхлом царстве?» – размышлял Великанов. Он старался быть спокойным, но всё-таки сообщение Бенедиктина волновало его, и он не мог не думать об этом. «Магнитная аномалия?.. Удивительно!.. Ошибка?.. Поспешный вывод?.. Ну, а если не ошибка?.. Какой же удачливый этот юноша Бенедиктин... и способный какой!»

Захар Николаевич покосился на письмо Краюхина, подумал: «А этому не везёт...» И впервые сочувствие к судьбе Краюхина коснулось его сердца. «А был одарённейший ученик!»

Захар Николаевич взял письмо Краюхина, подержал его на ладони, точно взвешивая, и осторожно вскрыл конверт белым ножом из слоновой кости.

Письмо было написано убористым почерком и испещрено карандашными чертёжиками. «Вот этот знает толк в подробностях и не скупится на них», – пронеслось в уме Великанова, но он сейчас же поймал себя на этом чувстве и, стараясь возбудить в себе недружелюбие к Алексею, подумал: «Опять доказывает недоказуемое».

«Глубокочитимый Захар Николаевич!

Не отбрасывайте моего письма, не прочитав его. В нём идёт речь о вещах, которые гораздо дороже и выше личных взаимоотношений одного человека с другим, и не ради собственной участи, а ради того большого дела, которое мы называем наукой и жизнью, дайте совет, помогите!»

Захар Николаевич даже привстал. Не веря своим глазам, он ещё и ещё раз перечитал начало письма. «Глубокочитимый», «дайте совет», «помогите». Хотя эти слова произносил человек, который был в последнее время крайне антипатичен ему, он почувствовал, что они берут его за сердце. «Так-так! Выскочка Краюхин бьёт челом перед настоящим учёным. Это я предвидел. Ну что же, хорошо, значит не пропащий он всё-таки человек», – рассуждал Великанов. Но, не дочитав даже до середины, Великанов понял, что «выскочка Краюхин» никакого помилования за свои

прегрешения не просит. Наоборот, он по-прежнему твёрд в своём убеждении и в доказательство собственной правоты приводит данные. Да какие ещё данные-то!

Краюхин исколесил всю Заболотную тайгу. И не просто исколесил. Он выверял и выверял с поразительной тщательностью отклонения магнитной стрелки компаса. Ему пришлось много поработать. Карта, которой он располагал, оказалась не везде точной. Он вначале исправил и уточнил её. «Вглядитесь в чертёжик, который приводится здесь на пятой страничке письма. Кружочками показаны места, на которых стрелка ведёт себя беспокойно и даёт смещение». Он попытался очертить границы районов магнитной аномалии, но это оказалось свыше его сил. Он ждал и верил, что Улуюлье откроет ему свои тайны, но теперь, когда оно чуть приподняло над собой завесу, он оказался в полной растерянности. Он честно признается, что у него не хватает теоретического багажа, попросту знаний, чтобы построить какой-либо прогноз.

Ещё в начале лета на склоне Тунгусского холма он открыл двухъярусную яму, до сих пор им не объяснённую. Он извлёк из неё железный шлак. «Что, если между магнитной аномалией и этой ямой есть прямая связь?»

Великанов читал письмо Краюхина, испытывая самые противоречивые чувства. «Всё это вранье, типичное охотничье враньё, сдобренное учёной терминологией. В корзину, скорее в корзину всю эту фантастическую пачкотню!» – думал Великанов. Но какое-то другое чувство удерживало его. Он читал письмо и, подобно человеку, входящему в реку, всё глубже и глубже погружался в размышления молодого учёного. Позабыв о своём недружелюбии к Алексею, он мысленно то оспаривал его слова, то одобрял. «Глуп ты ещё, зелен! Дуроломом лезешь в Заболотную тайгу, а главное не установил: а не даёт ли магнитную аномалию сам Тунгусский холм?» Великанов был так захвачен письмом Краюхина, что теперь никто даже силой не смог бы оторвать его от этого занятия.

2

Наконец письмо было прочитано, и Великанов зашагал по кабинету. Горько ему было. Уязвлённое самолюбие клокотало, рождались свирепые, изничтожающие слова. Он ходил с понурой головой, опустив плечи, ссутулив спину, – старый, дряхлый. Спокойствие долго не возвращалось. Измученный, он опустился на диван, раскинул руки. Ну что он в самом деле разволновался, как мальчишка? Краюхин, в сущности, ничего не сообщил такого, что может изменить взгляд на Улуюлье. Ведь все его данные ещё столь шатки, что при серьёзной, настоящей проверке они могут исчезнуть, как исчезает ночной ледок под упругими лучами весеннего солнца.

Но тут его мысли ещё больше возбудились. Конечно, он, Великанов, самолюбив, несдержан, порой деспотичен, но совесть человека, отдавшего десятилетия науке, совесть учёного – она беспорочна! И она диктует другие мысли и чувства. Напрасно он сопротивляется этой совести. Да, Краюхин далёк ещё от настоящего открытия, но он, кажется, схватил уже быка за рога. Он на

подступах. И откуда у него, у Великанова, возникло такое нетерпимое и потому ошибочное отношение ко всей этой проблеме Улуюлья?.. Но не об этом теперь идёт речь... У него просят совета, и дать этот совет может только он, и никто другой. А угрызения совести, психоанализ – это его личное дело, и другим от этого ни холодно, ни жарко...

Великанов снова сел за стол, разложил перед собой странички письма Краюхина.

Магнитная аномалия в Заболотной тайге... Двухъярусная яма на Тунгусском холме с железным шлаком... Нет ли между этим связи?

«Конечно, такой вопрос возникает, он вполне законный, но ответ на него может осветить лишь частность всей проблемы. Важно объяснить другое: откуда и как могло появиться здесь железо!» – думал Великанов.

Вдруг он вспомнил, что в одном из шкафов лежит его улуюльский архив. Много лет тому назад, после двух экспедиций в Улуюлье, не принёсших никаких обнадеживающих результатов, он связал папки с бумагами и положил их в шкаф. Где они, эти папки? Как их найти?

Великанов подошёл к одному шкафу, к другому, к третьему. В шкафах лежали тысячи книг и сотни папок с бумагами. Искать подряд – это потеря времени. И тут ему неожиданно помогла предусмотрительность Софьи. Она вела памятные записи больше для отца. В толстую бухгалтерскую книгу, лежавшую у него на столе, она записывала адреса и номера телефонов знакомых, различные юбилейные даты друзей и соратников (чтобы Захар Николаевич не забыл вовремя послать поздравление). Были в книге и другие записи: о домашних расходах, плате домработнице, расходах по содержанию квартиры и автомобиля.

Великанов раскрыл книгу с надеждой найти хоть какую-нибудь справку о своём архиве. На первой же странице он увидел описание отделов библиотеки, а дальше описание архива. Под номером седьмым значилось:

«Улуюльские экспедиции» – нижний правый ящик четвёртого шкафа».

Шепча какие-то бессвязные, но бесконечно ласковые слова о своей дочери, со слёзами умиления на глазах Великанов открыл четвёртый шкаф.

3

Улуюльский архив оказался столь увесистым, что Великанов с большим трудом выволок его из ящика. Часть папок была набита картами, и он отложил их на диван. Карты его не интересовали. Ему хотелось найти свой путевой дневник, перечитать записи, обновить в памяти впечатления тех дней. Он быстро нашёл две толстые клеенчатые тетради. Это и были его полевые дневники периода улуюльских экспедиций.

С большим интересом он принялся читать свои записи. Деловой, чисто производственный материал экспедиции перемежался то рассуждениями о жизни человека, то пространными описаниями красочных улулюльских пейзажей. Что касается специальных геологических вопросов (именно это больше всего интересовало сейчас Великанова), то в дневнике им было отведено самое минимальное место. «Пустота!», «Тартарары!», «Бесперспективность!» – такими словами характеризовал Великанов своё отношение к геологическим возможностям Улулюля.

Перечитывая сейчас эти записи, Великанов чувствовал, что хотел он этого или не хотел, но уже тогда им владело предвзятое отношение к изучению Улулюля. Конечно, в те годы у него не было ещё такого опыта, какой он имеет теперь, и записки не обнаруживают глубокого подхода к делу. Слишком поверхностно подошёл он к своей задаче. Записки не показывают его раздумий, поисков, колебаний. А ведь он был уже профессором университета! Как мог он так упрощённо судить?!

«Не ты стал мудрее, а время стало мудрее», – вспоминалась старая истина. Но это утешило его только на секунды.

«Да, да, учиться надо не только у старости, но и у молодости. Вот она, молодость, ставит какие вопросы», – думал он, бросая мимолётные взгляды на письмо Краюхина.

– Нет, подожди, не суди себя так жестоко, – сказал он громко и встал.

Если б посторонний человек мог наблюдать за ним в эти часы, он не узнал бы Великанова. Захар Николаевич стоял сейчас по-юношески стройный, с поднятой головой и блестящими глазами. На его ладони лежала всё та же клеенчатая тетрадь. Нет, нет, напрасно он порицал себя за легкомыслие в дни улулюльских экспедиций! Вот они, его размышления. Он просто забыл об этих записях. словно перед ним были собеседники, Великанов принялся читать вслух:

– «Продолжаю много думать об этих пространствах, названных, очевидно, тунгусами или татарами «Улулюльем». Сегодня, рассматривая карту бассейна реки Большой, впервые обратил внимание на то, что Улулюлье с рекой Таёжной лежит между двумя обширными районами выхода коренных пород: с северо-востока – каменноугольный бассейн, с юго-запада – колоссальные железорудные месторождения.

Могут ли эти районы так резко обрываться, как изображается это ныне? Не имеют ли месторождения продолжения в стороны Улулюля? Может быть, не обнаруженные пока улулюльские месторождения – интрузивного характера? Тунгусский холм, Синее озеро и другие высоты Улулюля – не есть ли это изломы коренных пород, прикрытых здесь рыхлыми отложениями? Высоты. Загадка. Проверка».

Ниже этой записи Великанов увидел схематический чертёж, сделанный его же рукой. С левой стороны странички кружок с подписью «Каменноугольные месторождения», с правой стороны второй кружок с подписью «Железорудные месторождения». В середине страницы слегка заштрихованный квадрат с подписью «Улулюлье». Под квадратом поставлен жирный, с кляксой вместо точки вопрос.

Великанов не мог больше сидеть. Он встал, снова принялся ходить. Теперь, когда подтвердилась магнитная аномалия в Заболотной тайге Улулюля, его старая догадка получила новое подтверждение.

«Синее озеро... Горячие ручьи... Тунгусский холм... Вот где необходимо искать окончательную отгадку! И он тысячу раз прав, этот упрямец Краюхин: что бы нас ни разделяло, как бы мы ни относились друг к другу, интересы науки превыше всего, я должен высказать ему свои советы», – думал Великанов.

Он взял лист чистой бумаги и, присев к уголку стола, решил написать ответ Краюхину. Но в последний момент его начали обуревать сомнения: «Получив мой ответ, этот наглец вообразит чёрт знает что! Она наверняка станет бахвалиться, изобразит моё поведение в самых неправильных красках... Нет, нет». И тут, как это часто случалось с Великановым, дух противоречия обуял его. Он отложил бумагу и ручку в сторону и задумался. Как же быть?

«Напишу Бенедиктину, он тоже сообщает о магнитной аномалии», – промелькнуло в уме Великанова. Но, перечитав письмо Бенедиктина, Великанов заколебался. Младший научный сотрудник Бенедиктин установление магнитной аномалии приписывал себе. «Болтун! Отклонения магнитной стрелки в Улуюльской тайге установили впервые охотники», – с возмущением подумал Великанов. Он так сердито отшвырнул письмо Бенедиктина, что оно взвилось к потолку, как бумажный голубь, и упало за шкаф.

Великанов снова присел к столу и, пододвинув к себе чистую бумагу, крупным, уже постариковски дрожащим почерком написал:

«Мареевка Притаёжного района экспедиция Строговой.

Получил сообщение Краюхина и Бенедиктина относительно Заболотной тайги тчк Это подтверждает мой старый вывод что Улуюлье не оторвано от известных месторождений северо-востока и юго-запада а возможно находится в этой же цепи несмотря на огромные расстояния которые разделяют эти районы тчк Чтобы подтвердить эту гипотезу новыми доказательствами необходимо подвергнуть тщательному изучению Улуюлье на участках Синего озера и Тунгусского холма с включением Кедровой гряды».

Великанов перечитал телеграмму, подписал и решил немедленно отправить её.

– Луша! Лукерья Трофимовна! – позвал он домработницу, намереваясь сейчас же послать её на телеграф.

И когда никто не отозвался, он вспомнил о времени. На больших круглых часах, висевших над столом, было уже половина третьего.

Великанов зашпешил в соседнюю комнату, где стояла его кровать. Он лёг и сейчас же уснул крепким, лёгким сном, словно в его жизни ничего, ровным счётом ничего не произошло.

Когда экспедиция института ещё только формировалась, Максим понимал, что ей будет очень трудно. Он был убеждён, что, как только её работники столкнутся с Улуюльем, программа изучения края, тщательно разработанная учёными, полетит вверх тормашками. Сейчас, всего лишь через два месяца после выезда экспедиции, это стало фактом.

В его руках было три документа, говоривших об одном и том же: мерка, с которой институт подошёл к Улуюлю, оказалась тесной. Об этом писала в своём докладе на имя руководителей института Марина. Этому же было посвящено постановление Притаёжного райкома партии. Наконец, об этом, в сущности, писала ему и Анастасия Фёдоровна в личном письме.

Читая и перечитывая копию доклада Марины, постановление Притаёжного райкома, письмо жены, Максим думал о людях, которые были близки и дороги ему. И думал он о них с радостным удивлением. Поставленные жизнью в новые и трудные обстоятельства, они вдруг выявляли такие качества характера, о которых он раньше и не подозревал.

Он любил Марину трогательной любовью брата, но ему всегда казалось, что добрая, умная Марина чересчур эмоциональна и потому не способна трезво оценивать людей и события, не способна устоять перед жестокими выводами, которые – увы! – часто, чаще, чем хочется, проистекают из хода жизни.

Сейчас Максим видел, что Марина, когда это нужно, может быть иной. В своём докладе она не щадила ни собственного самолюбия, ни самолюбия директора института Водомерова и профессора Великанова. Она утверждала, что биологическое, точнее – ботаническое, направление экспедиции не может быть оправдано большими государственными соображениями. Каковы бы ни были результаты этих исследований, они не могут повлиять на решение коренных проблем использования природных богатств Улуюля. Она настаивала, чтобы теперь же придать экспедиции геологическое направление, перестроить её структуру. После новых данных Краюхина есть к этому полное основание. Что касается места его самого в экспедиции, то ей казалось более правильным именно Краюхина назначить начальником экспедиции, а ей остаться заместителем, отвечающим за биологические и ботанические исследования. Она убеждала руководителей института, что это перемещение нисколько («ни капельки!» – восклицала она) не обидит её, а, наоборот, обрадует, так как будет оправдано всячески: человечески и практически.

«Вот тебе и «сладостная Мариша»! («Сладостной Маришей» когда-то, давным-давно, называл её отец.) Она прямая, мужественная женщина», – думал Максим.

Порадовала его и новая позиция Притаёжного райкома. Райком в сильных выражениях осуждал своё прежнее поведение в деле Краюхина. «Ни первый секретарь тов. Строгов А.М., ни бюро райкома не поняли всей серьёзности намерений члена партии Краюхина А.К. Комиссия райкома, её председатель тов. Пуговкин отнеслись к делу Краюхина предвзято и подтолкнули своими

выводами бюро райкома на ошибочное решение. Бюро райкома отменяет своё решение об исключении тов. Краюхина А.К. из рядов партии как грубо неправильное и заявляет, что люди, подобные тов. Краюхину, достойны не осуждения, а всяческой поддержки со стороны районной партийной организации».

В таких же энергичных выражениях Притаёжный райком высказывался о помощи Улулюльской экспедиции.

Но о положении экспедиции, о её нуждах проще и прямее всех написала мужу Анастасия Фёдоровна, с обычной для неё искренней непосредственностью:

«Максим! Шлю тебе, родной, тысячи поцелуев. Как ты там живёшь один? Почаще бывай с ребятишками, чтоб не росла безотцовщиной. Не забывай меня, одинокую, горемычную.

Работаю на Синем озере. Обнаружила ещё три источника. Анализы воды и грязи произвожу языком, на вкус.

Был как-то Михаил Семёныч Лисицын, обещал приручить сороку, которая будет летать в Высокоярск с пробами в лабораторию.

Мариша мечется с места на место на попутных подводах и рыбацких лодках. Сам посуди: штаб в Мареевке, одна группа на Синем озере, вторая на Тунгусском холме, третья в Заболотной тайге. Попробуй поруководи! Ваш этот знаменитый институт – шарашкина контора, столкнули человека в омут с цепями на ногах, а для спасения соломинку бросают в виде циркулярных распоряжений. Ты бы им хоть мозги немножко прочистил. Особенно этому балбесу Водомерову.

Я здорова и даже весела, но так мне без тебя тошно, что, если б не Мариша, да не певунья мареевская Уля, да не клятва перед собой открыть курорт для улулюльских лесорубов и охотников, явилась бы пред твои ясные очи...»

Максим перечитал письмо жены; тихая ласковая улыбка тронула его губы. Бывает в жизни так: живёт человек на твоих глазах год-два, что-то делает, что-то говорит, а попробуй по его поступкам и словам составить о нём представление – и ничего не получится. Будто бы он такой и в то же время не такой. Одним словом, ни то ни сё. И вот Анастасия Фёдоровна, жена его Настенька... В этой краткой записке вся она, со своей манерой вечно спешить, рассуждать резко, с грубоватым юморком, со своим беспокойным сердцем, которое способно легко приобретать привязанности, но совершенно не способно терять их. Даже незнакомый человек, никогда не видевший её в глаза, мог бы много верного сказать о ней, прочитав эти строчки. Ах, чёрт возьми, как неуютно и тоскливо без жены, которую любишь больше, глубже, многообразнее, чем любил когда-то в юности, и которую сам, по собственному настоянию отправил в тайгу, к чёрту на кулички!..

Максим провёл несколько дней в раздумьях. С тех пор как в один из весенних вечеров он неожиданно попал на заседание бюро Притаёжного райкома, обсуждавшего проступки Алексея Краюхина, он понял, что Улулюлье входит в его жизнь прочно и надолго.

Своими усилиями весной и летом он немало содействовал всему, что происходило вокруг Улулюлья. И теперь многое зависело от него.

Андрей Зотов мог бы стать его сильным союзником, но его приезд снова отодвигался ввиду каких-то более срочных дел, возникших в напряжённой жизни Госплана.

И тут-то Максим подумал о Великанове: «Вот кто мог бы помочь двинуть всё дело вперёд! Только захочет ли он это сделать?»

2

Встречу Максима с Великановым ускорила телеграмма Марины. Сестра телеграфировала: «Софья Великанова закончила обследование краюхинской ямы на южном склоне Тунгусского холма. По её заключению, яма хранит следы древней стоянки и признаки современной кузницы, вероятно, какого-то тунгусского рода. Оба факта заставляют думать, что железо добывалось в Улуюлье».

Максим немедленно позвонил Великанову.

– Здравствуйте, Захар Николаевич! Говорит спаситель вашего плета и трости...

Великанов узнал Максима и ответил тоже шуткой:

– О, приветствую вас, грозный покоритель груздей, волнушек, маслят и прочая и прочая...

Они сговорились встретиться вечером дома у Великанова.

...Великанов столкнулся с Максимом у ворот. Он недавно приехал из института и, как у него было заведено, совершал вечернюю прогулку.

– А я уже начал беспокоиться, появитесь ли вы? Кругом тучи, дождик скоро начнётся, – пожимая руку Максиму, оживлённо говорил Великанов.

– Дождь меня не остановил бы. И как можно не прийти, раз дано слово? – сказал Максим, про себя подумав: «Кажется, зря на него наговаривают, он общительный человек. А может быть, он из породы тех людей, которые только на службе неуживчивы?»

– А я вот гуляю, дышу речным воздухом... Благодать! – Великанов взмахнул руками, трость его описала полукруг, сбила несколько листиков с ближних веток. Трепыхаясь, как пёстрые весенние бабочки, листья плавно легли на дорожку, посыпанную желтоватым песком.

– В самом деле благодать! – воскликнул Максим и с шумом втянул в себя воздух.

– Наголодались за день в душном кабинете, Максим Матвеевич, – смеялся Великанов довольным, воркующим смехом. Он был рад, что его усадьба поправилась гостю. – А всё-таки, пожалуй, нам пора в дом, – произнёс Великанов.

– У вас нет времени?

– Я совершенно свободен, а вы? Вероятно, вечером куда-нибудь помчитесь на заседание?

– Ну уж нет! Отсюда меня калачами на заседание не заманишь. Готов пробыть с вами, Захар Николаевич, хоть до полуночи.

– Вот и чудесно! В таком случае пошли на берег. Там воздух ещё свежее.

Поскрипывая песком, они медленно вышли на берег.

Река пестрела от сновавших по ней пароходов, катеров и лодок. Несмотря на то что собирался дождь, берега были усыпаны купальщиками и рыбаками. Неподалёку от усадьбы Великанова дымился костёр, и ветерок приносил оттуда запах смолы. Максим разглядел, что люди, суетившиеся у костра, конопатили с помощью пакли и разогретого вара большую тёсовую лодку.

Смолевой запах напомнил Максиму детство, сборы в тайгу – на шишкобой, и он мысленно перенёсся в Улуюлье, к жене. «Ах, как одиноко без тебя и как бы хорошо пожить в тайге нам вместе!» – промелькнуло у него в мыслях.

Запах смолы пробудил новые чувства и у Великанова.

– Чуете, Максим Матвеич, тайгой пахнет! Поманило в экспедицию, на простор... – мечтательно сказал он.

Максим посмотрел на Великанова: тот стоял с поднятой головой, глаза его блестели, взъерошенные ветерком баки торчали клиньями. «Ну, какой же он сухарь? И что они в самом деле наговаривают на человека!» – думал Максим.

– Нам бы сейчас с вами, Захар Николаевич, в Улуюлье, туда где ваша дочь и моя жена! А?

– А что же? Хорошо бы! Присаживайтесь, Максим Матвеич, на скамейку. Прошу. – Великанов опустился, и по тому, как торопливо он сел, Максим понял, что старик за день сильно устал.

«Бесчеловечно мучить его ещё одним серьёзным и, может быть, нервным разговором, но другого выхода нет. Такой случай не скоро ещё подвернётся», – думал Максим.

– Вот, Максим Матвеич, люблю здесь коротать часы. Иногда чуть не до рассвета просиживаю. Отдыхаю душой и телом. Там, в институте, порой так измучаешься, что на себя перестаёшь походить. Да что вам говорить?! Вы и без того, наверное, наслышаны о моём «золотом» характере. А вот тут я другой... Дела все отошли, сидишь, дышишь, слушаешь, как летит мимо тебя жизнь, а вместо с ней летишь и ты...

– Это хорошо, Захар Николаевич.

– Я всегда, с самой ранней юности был материалистом. Конечно, мир материален и бесконечен. Что материален – это легче представить, легче вообразить, а вот бесконечность вселенной, отсутствие конца и начала мира – это не поддаётся моему восприятию. Оно у меня без полётов, без горизонтов – восприятие геолога, привыкшего брать камни в руки и через них проникать в неведомое.

Максим слушал Великанова с интересом, изредка взглядывая на него. «Он сегодня необыкновенно словоохотлив, и, может быть, именно сегодня надо поговорить с ним о том самом», – решил Максим.

– Без начала и без конца... Да, это трудно представить, если мыслишь практически, а не абстрактно, – произнёс Максим больше для того, чтобы заполнить образовавшуюся паузу.

– И вот представьте себе: здесь, на этой скамейке, в эти часы раздумья, мне как-то яснее видится это «без начала и без конца»... Порой мне кажется, что я уже преодолел барьер ограниченности и начинаю видеть космос как нечто целое, нераздельное и вечное...

Великанов неожиданно рассмеялся.

– Не подумайте, Максим Матвеич, что я помешался. Просто любопытно об этом иногда думать. Не правда ли? А чаще всего, сидя здесь, я ни о чём не думаю, гоню из головы всякие мысли. Просто дышу, слушаю, гляжу – вон как тот жучок взбирается вам на плечо.

Великанов согнул пальцы, прицелился и щелчком сбил жучка.

– Это для него всё равно что для человека полёт в космос! – опять рассмеялся Великанов.

И тут Максим решил, что наступил момент начинать разговор, ради которого он приехал к старому учёному.

3

– И всё-таки, и всё-таки, – шутливо начал он, – я хочу поговорить с вами о делах. Вы уж извините меня, но так получается...

– Догадываюсь, Максим Матвеич.

– А сердитесь или нет? Только скажите прямо, Захар Николаевич. – Глаза Максима смотрели с беспокойством и тревогой.

– Прямо?! Скажу! Обязательно скажу! Вы знаете, Максим Матвеич, если бы вы не пришли ко мне, то я пришёл бы к вам сам. Да, да! И в самые ближайшие дни... Но, как говорится, когда Магомет не идёт к горе, то гора сама движется к Магомету...

– Не будем, Захар Николаевич, вдаваться в детали: кто Магомет и кто гора. Я думаю так: мы оба Магометы, а гора – это жизнь, которая наподобие сфинкса полна загадок и тайн.

Они смеялись, остряли, но оба понимали, что впереди у них такой разговор, от которого многое зависит не только в их жизни, а в жизни всей Высокоярской области.

– А что, Захар Николаевич, известна вам последняя телеграмма моей сестры? – не уклоняясь больше от главной темы, спросил Максим.

– Как же, читал!

– И?..

– Тут, Максим Матвеевич, нельзя не вернуться к истории вопроса.

– Это ещё интереснее. – Максим так и замер в ожидании того, что скажет дальше учёный, но старик замолчал.

Прошла минута-другая, он молчал, словно забыв, что взял на себя обязательство «вернуться к истории вопроса».

– Вы Краюхина знаете? – вдруг спросил Великанов.

«Вот в чём суть вопроса», – про себя усмехнулся Максим.

– Не знаком. Видел его один раз на бюро Притаёжного райкома. Впечатление произвёл благоприятное.

– Благоприятное? Я был очарован этим юношей, хотя всегда держался с ним строже, чем надо. Потом он стал мне ненавистен. Были ли к этому основания? Были! И остались! Да, да! Не смотрите на меня с таким удивлением. Я знаю, что вам ближе версия моей дочери и вашей сестры: старик Великанов выжил из ума, отверг Краюхина, пригрозил бездарность и так далее, и тому подобное...

– Позвольте мне дослушать вас и пока не возражать, – вставил Максим.

Но Великанов словно не слышал его слов. Он покраснел, глаза его вспыхивали из-под пенсне горячим задором, и он говорил торопясь, словно опасался, что его могут не дослушать или прервать.

– Нет, нет, позвольте мне коснуться истории вопроса, мне надо самому многое уяснить.

«Что он в самом деле? Я же молчу как рыба! А у него, по-видимому, созрела необходимость поговорить обо всём откровенно. Хорошо, вовремя я пришёл!» – думал Максим.

– Да, жаль, что вы не знаете моего аспиранта Краюхина! Впрочем, должен сказать, в этой истории он частность. Не думайте, что я пристрастен, как был ещё пристрастен минувшей весной. Улуюлье в моей жизни существовало задолго до появления на моём горизонте Краюхина. В своё время я был увлечён Улуюльем, много его изучал, строил предположения о его возможностях, а потом увлёкся другим, забросил Улуюлье начисто, не подозревая даже, что я остановился у самых истоков больших догадок.

И вот в пору моего увлечения другими проблемами, – как я вижу теперь, не самыми первостепенными, – выскакивает на поверхность этот вихрастый парень Краюхин. Он входит в мою душу своей приверженностью науке, своей кроткой старательностью, своей смекалистостью. Вдруг я вижу ещё и другое: он вошёл в душу моей дочери. А впрочем, не слишком ли я пустился в подробности? Да к тому же вы наверняка многое знаете от сестры.

Великанов склонился и заглянул в лицо Максиму. Максим, конечно, знал о Великанове и о его взаимоотношениях с Краюхиным всё или почти всё, но он знал это в пересказе других.

– Полно вам беспокоиться, Захар Николаевич, обо мне. Если я и знаю о чём-то, то не от вас же! – сказал Максим и, стараясь во что бы то ни стало успокоить старика, с чувством сжал ему руку.

– Вот ведь, Максим Матвеевич, живу долго, а всё-таки приходится сознаваться, что даже простых истин не усвоил, и жизнь за это мстит, не считаясь с возрастом и опытом. – Прикосновение

Максима к его руке, по-видимому, успокоило профессора. Великанов говорил теперь не так взволнованно, дышал ровнее, и в глазах его уже не вспыхивал лихорадочный блеск.

«Даже простых истин не усвоил...» Какие слова! Конечно же, он самокритичен», – проносилось в уме Максима.

– Старость медлительна, юность горяча. Так говорится у нас в пароде. У юноши не хватило терпения возродить мой былой интерес к Улуюлю. Он повёл себя амбициозно, оскорбил мою старость. А ведь во всём должна быть мера. Исчезает мера – исчезает гармония. Вероятно, я оскорбился больше, чем надлежало. Ну конечно же! Прошли месяцы – и какие месяцы! – чтобы вот сегодня прийти к этой мысли. И каким нелёгким путём прийти! Уж это-то едва ли вам известно! Я разрушил свои отношения с дочерью, восстановил против себя друзей и учеников, упорствовал против очевидных фактов... Вы думаете, не стыдно? Стыдно-с!

Великанов опустил голову на трость, зажатую между колен. Максиму показалось, что учёный вот-вот разрыдается. Ему стало жаль старика, и, нарушив своё намерение молча дослушать его до конца, он сказал:

– Что же, Захар Николаевич, заблуждения не страшны, если они не легли подобно могильной плите на сердце и совесть.

– Конечно! Нет человеческой жизни без заблуждений. Особенно в науке.

– Я бы сказал: не только в науке. Во всякой жизни, Захар Николаевич. И важно уметь перешагивать через заблуждения, оставлять их позади себя, а самому идти всё дальше.

– Нелёгкое это дело.

– Очень тяжёлое.

Великанов откинулся на спинку скамейки и, наморщив лоб, сказал:

– Ну вот она, стариковская память! Хотел что-то важное сказать вам и забыл.

Он долго молчал, и Максим упрекнул себя за свою несдержанность.

– Да, вот что! Я хотел объяснить кое-что относительно Краюхина! – обрадованно воскликнул Великанов. – Я сказал вам, что во всей этой истории он частность.

– Да, да! Эту вашу мысль я не понял.

– Поясню. Краюхин потому частность, что он ничего не прибавил к пониманию Улуюлю.

– Но он поднял интерес к Улуюлю!

– Очень дорогим способом! Я убеждён, что это неизбежно произошло бы, и менее болезненно для него самого, о себе уж не говорю.

– Ну, уж извините меня, Захар Николаевич, а в этом я с вами не согласен. Знаете, как следует назвать такое представление? Непреодолённым заблуждением. – Максим сказал всё это с

улыбкой, опасаясь, что Великанов может обидеться на него. Про себя он думал: «Нет, дорогой профессор, ваша самокритика непоследовательна, она с серьёзным изъясцем».

Максим полагал, что профессор начнёт спорить с ним, но тот, подумав, сказал:

– Да, возможно, что и заблуждение. – Он снова помолчал и горько усмехнулся. – К сожалению, все мы люди, все человеки. Ваш покорный слуга ничем не отличается от обыкновенных смертных, разве только тем, что самолюбие куда больше, чем многие и многие...

– На этот счёт у нас, русских, есть меткая и довольно утешающая поговорка: конь о четырёх ногах и тот спотыкается.

– Утешение слабенькое, – поморщился Великанов. – К моему настроению больше подходит другая присказка, Максим Матвеич.

– Какая же, Захар Николаевич?

В эти минуты откровенного разговора с профессором в душе Максима, что называется, «двоило». Ему было по-человечески жаль учёного, хотелось утешить его сердечными словами, но в то же время он чувствовал радость от каждого резкого замечания профессора. Очевидно, это происходило потому, что требовательность к себе, постоянное самокритическое осмысление своей жизни, своего места в людском коллективе никогда не покидали Строгова. Самокритику он понимал прежде всего как психологическое свойство природы, как черту характера. Ему всегда казалось, что, если человек способен прямо, резко и трезво думать и говорить о себе, значит, он полон физических и духовных сил, значит, в нём заключена энергия, которая двигает его вперёд. Но вместе с этим в душе Максима таились нежные струны, которые делали его излишне чувствительным ко всякому страданию другого человека.

– А вот какая присказка, Максим Матвеич: не тот колченогий, кто спотыкается, а тот, кто на месте топчется.

Максим с такой силой откинулся на спинку скамейки, что чуть не перевернул её, и заразительно рассмеялся:

– Какой же вы умница, Захар Николаевич! Именно так: не тот колченогий, кто спотыкается, а тот, кто на месте топчется!

Великанов лукаво, но с явным удовольствием поглядывал на Максима, ухмылялся, то дёргал, то гладил свои взъерошенные баки.

Максим понимал, что теперь, после всех этих достаточно резких слов, сказанных профессором о самом себе, можно прямее вести разговор.

– Как вы оцениваете, Захар Николаевич, всю улюлюльскую ситуацию в свете последних фактов? – спросил Максим, глядя тем строгим и сосредоточенным взглядом, который был характерен для него в часы его деловой жизни.

Переменился и Великанов. Он выставил свою худощавую грудь, передёрнул пенсне с середины носа в самое межглазье. Взор его скользнул по реке, по кустам и остановился на какой-то далёкой точке.

– Кроме телеграммы Марины Матвеевны, я получил от Алексея пространное письмо. Он сообщил мне о магнитной аномалии в Заболотной тайге. Я знаю этого сумасброда, но письмо носило характер научного исследования. А в таких делах я приучил своих учеников быть до скрупулёзности точными. Не скрою, сообщение Краюхина потрясло меня. Алексей просил объяснить это явление и дать прогноз. И вот тут-то, Максим Матвеевич, я понял, что некий старый учёный не что иное, как осёл, упрямый осёл! В своих улуюльских дневниках, в одной обычной записи я нашёл мимоходом брошенный намёк. Всматриваясь в географию Улуюля, как бы сжатого с двух сторон угольными и железорудными бассейнами, много лет тому назад я задал себе вопрос: а не может ли Улуюлье оказаться районом насыщенных месторождений интрузивного характера? Проще говоря, не лежат ли на этой равнине, прикрытой рыхлыми отложениями, своеобразные ответвления этих бассейнов? Тогда я мог лишь строить догадки. Теперь у меня были доказательства. Если хотите, я вам потом, дома, покажу своё заключение по письму Краюхина.

– Вы ответили ему? – спросил Максим, глядя на Великанова так, будто только что впервые увидел его.

– Немедленно! Я написал в экспедицию, чтобы изыскания геологического характера проводились прежде всего в районе Синего озера.

– А находки вашей дочери как-нибудь дополняют ваш прогноз?

– Самым серьёзным образом. Они говорят о том, что Тунгусский холм подлежит такому же первоочередному обследованию, как и Синее озеро.

– А Заболотная тайга?

– Тоже. Плюс Кедровая гряда.

– Но это же почти всё правобережье среднего течения Таёжной!

– Совершенно верно.

– Скажите, пожалуйста, Захар Николаевич, под силу ли всё это экспедиции вашего института?

И вдруг Великанов вместо ответа поспешно встал, говоря:

– Пойдёмте, Максим Матвеевич, в дом.

Не дожидаясь Максима, Великанов энергично взмахнул тростью и, не оглядываясь, зашагал по дорожке. Он шёл торопливо и до самого дома не проронил ни звука.

У Максима шевельнулась тревожная мысль: «Не обидел ли я его каким-нибудь неосторожным словом?»

Только в прихожей Великанов снова заговорил:

– Раздевайтесь, Максим Матвеевич, и чувствуйте себя в этом пустом и одиноком доме желанным и дорогим гостем.

Когда они вошли в кабинет, Максим увидел на круглом столике, покрытом белой скатертью, две бутылки с вином, тарелки с закусками, хрустальные рюмки и бокалы. «Видимо, в самом деле я желанный гость», – отметил про себя Максим.

– Садитесь вот сюда, на диван, Максим Матвеевич. Кстати, немного выпьем и закусим. Прошу извинить за скудное угощение. Дочери нет, а Луша стала стара. Вам что налить: покрепче или послабее? – присаживаясь к столу, спросил Великанов.

Максим сел на диван и оказался напротив учёного.

– Предпочитаю что покрепче. А потом, я не раз слышал, Захар Николаевич, будто коньяк расширяет сосуды.

– А, слушайте вы эти сказки! – махнул рукой Великанов. – Я знаю только одно: рюмка, выпитая в хорошей компании, поднимает настроение. А расширяет она сосуды или сужает, это мало кого трогает. Ваше здоровье!

– Я всё-таки выпью за ваше здоровье, Захар Николаевич.

– Благодарю вас!

Максим выпил свою рюмку залпом. Великанов, напротив, тянул из своей медленно-медленно, почмокивая и посапывая. Максим, с улыбкой наблюдая за ним, думал: «Что же, он забыл о моём вопросе? А я-то решил, что он торопится в дом, чтобы чем-то поразить меня». Но минуту спустя Великанов, со стуком поставив рюмку на тарелочку, встал, подошёл к своему письменному столу, заваленному книгами, картами и бумагами, и принялся что-то искать. Он вернулся с записной книжкой в руках.

– Проклятая старость! Всё забываешь. Сунул записную книжку в карман пиджака, а ищу на столе, – сердито хмурясь, проворчал Великанов.

Он сел на прежнее место и довольно долго тербил листы записной книжки, испытывая колебание в душе и не решаясь говорить.

Максим делал вид, что занят только едой.

– Вот вы спросили: под силу ли всё это экспедиции института? – наконец заговорил Великанов. – Специалисты в составе экспедиции отличные. Но не в них только дело, Максим Матвеевич! Надо изменить программу экспедиции. Усилить её геологическую часть. Дальше. Людей необходимо прибавить. И серьёзно прибавить: раза в два, в три.

– Каких именно специальностей?

– Главным образом рабочих и техников.

– Ещё что необходимо, по-вашему, Захар Николаевич?

– Надо оснастить по-настоящему экспедицию: дать радиостанции в штаб экспедиции и во все отряды. – Великанов заколебался, в нерешительности поглядывая то в свою записную книжку, то на Максима.

– Что же ещё нужно, Захар Николаевич, чтобы дело двинулось быстро и в широком масштабе? – с нетерпением спросил Максим. – Причём исходите не только из возможностей вашего института, а учитывайте возможности области, – поспешил добавить Максим.

– О, это будет другой разговор! – воскликнул Великанов, и вся его нерешительность мгновенно исчезла. – Экспедиции нужно дать переносные электростанции, малую механизацию, автомобильный транспорт, глассер. Хорошо бы иметь самолёт. Кроме того, потребуется гораздо больше взрывчатки и всякого полевого инструмента. Само собой разумеется, раз больше будет людей – возрастёт спрос на продовольствие и спецодежду.

– Очевидно, экспедиция будет работать и в зимних условиях? – спросил Максим, когда Великанов захлопнул свою книжечку.

– Это сложно, конечно, но совершенно неизбежно. На своём горьком опыте знаю, что когда откладываешь, то многое теряешь.

– Даже забываешь в дневниках собственные выводы и начинаешь спорить с самим собой, – с лукавством в глазах, но с подчёркнуто добродушными нотками в голосе сказал Максим.

– Да, да... – помрачнел Великанов, опустив голову и не глядя на гостя.

Максим понял, что в душе учёного, пережившего глубокое заблуждение, ещё не настолько всё улеглось, чтобы он мог отзывать на шутки.

– Как я вижу, Захар Николаевич, вы много уже думали о новых условиях работы экспедиции, – торопливо заговорил Максим, чувствуя неудобство за неверный ход. – Скажите, как вы думаете провести в жизнь свои соображения?

– Да ведь в том и дело! Как? – вскочив со стула, широко взмахнул руками Великанов. – Конечно, институт не пустое место. Мы многое ещё в состоянии сделать, но далеко не всё... Далеко не всё... – задумчиво повторил Великанов и, схватив себя за подбородок, прошёлся по кабинету. Но, вспомнив, что за столом сидит гость, он быстро сел на прежнее место, опустил плечи, согнул спину и стал вдруг стареньким-стареньким.

«Даже не верится, что у него дочь ещё молодая девушка», – пронеслось в уме Максима.

– А что, если пойти таким путём, Захар Николаевич? – сказал Максим твёрдым голосом, стараясь этим подчеркнуть, что он ничего не навязывает. – Вы немедленно выступаете в печати со статьёй, в которой высказываете свой обновлённый взгляд на Улуюлье. Это раз. Второе: в срочном порядке вы пишете записку в обком партии и в облисполком. В записке, естественно, вы ставите все практические вопросы работы экспедиции...

Великанов слушал Максима с опущенной головой. Максим видел лишь верхнюю часть его худого лица, полузакрытые глаза под стёклами пенсне, седую голову с взъерошенными, поредевшими на макушке волосами. Каким-то неуловимым чутьём Максим понял, что Великанов не принимает его советов, и поспешил умолкнуть.

– Да... конечно... – наконец произнёс Великанов. – Вот вы говорите – статья. А что статья? Неудобно-с! Весь учёный совет помнит, как Великанов громил поборников немедленного изучения Улуюлья. И вдруг статья! О чём? О наисрочнейшем изучении Улуюлья...

Профессор был сильно взволнован. Дыхание его стало шумным, прерывистым, и он помолчал, чтобы успокоиться.

– Вы говорите, записка в обком. А кто в обкоме не знает, что характеристика Улуюлья, защищаемая мной на учёном совете, снимала проблему этого края на ряд лет?! Я помню одну статейку в нашей газете за подписью Быстрова. Мне говорили, что это точка зрения обкома. Эта статья бросала вызов учёным области, и прежде всего институту и мне... Вот и посудите: как я буду выглядеть?.. И самое главное: имею ли я право после всего этого выступать один? Правда, я рос при старом режиме, но всё-таки я советский учёный. И мне надо выйти на коллектив товарищей, разобраться, что же произошло со мной...

Пока Великанов рассуждал вслух и больше для себя, чем для Максима, тот с напряжением думал о своём. Ему стало совершенно ясно, что, хотя профессор многое переоценил в своём сознании, ему трудно сразу занять твёрдую позицию. Максим великолепно видел, откуда проистекали противоречия, теснившие душу Великанова. Улуюльская проблема как фокус вбирала в себя самые различные стороны бытия учёного: собственный престиж, гордость, честь, верность науке, отношения с дочерью, Краюхиным, Бенедиктиным, Водомеровым, наконец, с ним, с Максимом, – всё-всё сплеталось незримыми нитями в этом тугом и сложном узле. Но и другое понял в эти минуты Максим: без Великанова, без его энергичного вмешательства быстро и решительно двинуть улуюльскую проблему вперёд не удастся.

4

В своих размышлениях о собственной работе в обкоме, о своей роли на новом поприще Максим отводил большое место тому, что он называл сам для себя тактикой действия. Общая линия партии, которую он не просто признавал, но и ощущал как направление и своей личной жизни, как дело, без которого бессмысленно существование, складывалось, по его представлению, из поступков и действий тысяч и миллионов коммунистов. И чем глубже, чем определённое воплощался в каждом поступке смысл общей политики тем точнее, по его убеждению, поступал коммунист. Вот поэтому вопросу о том, как поступить, какую проявить тактику в действии, чтобы с наибольшей целесообразностью выразить в этом действии смысл и дух общей борьбы, Максим придавал первостатейное значение. Это значение он распространял не только на себя, но и на других, на всех единомышленников поголовно – и на тех, с кем он сталкивался в практической работе, и на тех, кого воспринимал умозрительно, теоретически, как партию, как массу, сплочённую воедино. И сейчас вопрос о том, как же лучше поступить, с каждой минутой беседы с Великановым всё сильнее и сильнее занимал Максима. В том, что предлагал учёный, было много

подкупающего. В самом деле, как бы это эффектно выглядело, если бы пожилой профессор, заслуженный специалист, несмотря на своё самолюбие и вопреки установившемуся мнению о нём как о диктаторе в своём институте, решился бы на публичную самокритику! Вероятно, этот поступок большого учёного вызвал бы не столько восторг всех его многочисленных противников, сколько развязал бы, так сказать, здоровые силы. Всё это принесло бы несомненную пользу. Но Максим задавал себе и другой вопрос: а что могла это принести самому профессору? Публичная самокритика потребовала бы от него большой затраты душевных сил. Ведь даже всё то, что говорил сегодня Великанов ему с глазу на глаз, далось старику нелегко. Тут таилась ещё одна опасность: неизбежно поколебался бы престиж учёного, рухнула бы вера в непоколебимость характера этого человека, в его жёсткую целеустремлённость. Могло случиться и так, что к серьёзному научному разговору примазались бы людишки со своими спекулятивными целями. Ещё немало их – скорых и ловких на слово, далёких от истинной науки, в совершенстве овладевших лишь демагогическими приёмами, умением наводить тень на плетень, – обитало в учебных заведениях и научно-исследовательских институтах.

В конечном итоге всё это привело бы к потере времени, а, по представлению Максима, время в улюлюльском деле измерялось не днями, а часами. Нет, нет, намерения старого учёного не сулили никакой выгоды!

– Давайте, Захар Николаевич, выпьем за тех, кто сегодня в Улюлюле! Выпьем за Соню, за мою жену и за сестру, наконец, за этого, как вы говорите, сумасброда Краюхина, человека, безусловно, отчаянного, – за всех тех, кто вместе с ними, кто помогает им!

Максим, говоря это, долил коньяком рюмку Великанова, а свою наполнил заново.

– За их здоровье и успехи! – горячо отозвался Великанов и на этот раз выпил свой коньяк залпом, даже с какой-то удалью.

«О, да он, видно, когда-то умел лихо выпить!» – отметил про себя Максим.

– А теперь, Захар Николаевич, хочется мне сказать вам несколько откровенных, дружеских слов, – помолчав, заговорил Максим, глядя своими серыми пристальными глазами в глаза Великанова. – Очень прошу вас, не поступайте так, как вы намереваетесь...

– То есть как? – Великанов не ожидал таких слов от Максима и от удивления чуть привстал.

– Не выносите пока на обсуждение коллектива свои размышления. Сегодня ваш единоличный авторитет, ваше умение быть властным окажут на дело более сильное влияние. А дальше будь что будет! Поживём – увидим!

И Максим убедительными соображениями обосновал свой совет.

Вначале на лице Великанова отразилось недоверие. При всей своей симпатии к Максиму, появившейся с первой встречи в лесу, он считал, что Строгов из числа тех людей, которые возводят в святыню каждую партийную догму. Теперь же он убеждался, что неподвижными догмы бывают только у бюрократов или у дураков. Всё, что говорил Максим, казалось ему всё более и более убедительным. Конечно же, надо беречь время и силы во имя главной цели! О своих заблуждениях не поздно поведать миру и потом. Кстати, заблуждения эти останутся преодолёнными, и говорить о них будет проще... А теперь за дело, за работу! Ничего не скажешь, этот обкомовский представитель хитёр, как змий! Уж если ему, Великанову, не станут колоть

глаза, что он оступился, отнесутся к нему с прежним доверием, то и он в долгу не останется! Он ещё сумеет показать кое-кому из своих недоброжелателей, как надо работать настоящему учёному!

Максим, разумеется, не мог знать, о чём думает Великанов, но по тому, как у профессора сдвигались брови, как он теребил свои всклокоченные баки, как он вскидывал на гостя близорукие глаза, полные то любопытства, то удивления, то беспокойства, то растерянности, Максим чувствовал, что Великанов не рассчитывал на такой поворот их беседы.

В сознании Максима жили слова, которыми он пользовался только в случаях крайней необходимости. Он строго берёт такие слова, как «партия», «коммунист», «Ленин», «родина», произнося их только в особых случаях. Он делал это не специально, без усилий – у него это строгое отношение к слову большого смысла было в натуре. Его внутренне коробило, когда тот или иной докладчик, а то и просто собеседник бросался этими дорогими словами. Но сейчас, под конец важной беседы с Великановым, Максим почувствовал, что наступил момент, когда эти слова могут своим огромным весом поддержать всё то, в чём ему необходимо было убедить Великанова.

– Вы помните, Захар Николаевич, с каким изумлённым восторгом писал о Сибири Владимир Ильич? Он писал, что на её просторах разместились бы десятки цивилизованных европейских государств... Он осуждал патриархальщину и дикость, которые царизм веками сохранял здесь, но я убеждён, что Ленин предвидел на десятилетия вперёд. Вы представляете, какой крупный шаг сделает наша Родина, если поднять Улуюлюе?.. От вас зависит, Захар Николаевич, скоро ли это произойдёт. От вас!

Великанов встал и, схватив себя привычным жестом за подбородок, прошёлся по кабинету.

– Ну, Максим Матвеич, задали же вы мне задачу, – остановившись у письменного стола, произнёс он. Потом снова прошёлся по просторной комнате стремительной, не по-стариковски быстрой походкой. – То, что вы сказали, Максим Матвеич, – Великанов опустил на стул, – честно говоря, приходило и мне в голову. Вот, думалось, пойду в обком и прямо заявлю: за прежнее виноват, а быть в стороне дольше не могу. Чувствую, что Улуюлюю не обойтись без меня... Да ведь вот духу не хватило, пока со стороны не подтолкнули...

– Как это хорошо, Захар Николаевич, что вы так думали! – воскликнул Максим, крепко пожимая руку Великанова.

Перейдя от маленького круглого столика к письменному столу, они до глубокой ночи работали над проектом записки, адресованной в обком партии, о реорганизации Улуюлюйской экспедиции и об усилении научно-исследовательской работы в северных районах области.

Максим отчётливо сознавал, что осуществить предложения профессора Великанова будет не просто. Ни институт, ни облисполком не располагали какими-либо свободными средствами, которые можно было бы немедленно вложить в Улуюлье. Нельзя было особенно рассчитывать и на помощь центра. Просить дополнительные ассигнования в конце хозяйственного года – это означало идти на риск. В центре могли не только отказать в средствах, но и строго напомнить, что все государственные фонды, как финансовые, так и материальные, распределяются заблаговременно. Правда, Максим по опыту знал, что центр на хорошее дело не откажет дать средства, но при условии, если возможности области будут максимально использованы. Поэтому-то Максим упорно и тщательно в течение трёх дней работал над изысканием этих ресурсов.

Подготавливая записку Великанова для обсуждения на бюро обкома, Максим решил сопроводить её проектом постановления: «О мерах усиления научно-исследовательской работы в Улуюлье». Строгов предлагал перегруппировать фонды самого института. Ему казалось целесообразным свернуть другие полевые исследовательские работы и все средства направить Улуюльской комплексной экспедиции. Кроме того, часть дополнительных средств мог выделить облисполком из своего резерва.

Максим предусматривал также оказание помощи Улуюльской экспедиции трестами и областными организациями. Так, например, управление лесного хозяйства располагало звеном лёгких самолётов, выполнявших сторожевую противопожарную службу. Если бы один из самолётов прикрепить к Улуюльской экспедиции, то он попутно обслуживал бы экспедицию воздушной связью. Возле Мареевки можно было легко найти аэродром. К реке Большой примыкала чистая поляна. Были случаи, когда здесь удачно садились и взлетали тяжёлые санитарные самолёты. Катер и моторную лодку Максим предполагал получить через трест «Высокоярссклес», который содержал свой небольшой мелкотоннажный флот. Катер и лодку не нужно было гнать из областного центра, они имелись у леспромхоза «Горный» и находились на стоянке в верховьях Таёжной, по соседству с отрядами экспедиции. По намётке Максима грузовики для экспедиции должно было выделить областное дорожное управление, которое ещё год тому назад развернуло работы по реконструкции тракта Высокоярсск – Притаёжное – Мареевка.

Большую помощь Улуюльской экспедиции согласился оказать штаб военного округа. На его складах трофейного имущества были пригодные для эксплуатации автомобили, траншеекопатели и бульдозеры, походные электростанции, радиоустановки, армейские палатки и самое разнообразное сапёрное имущество. Таким образом, экспедицию можно было оснастить по-современному в самое короткое время.

Руководители, с которыми Максим вёл переговоры, понимали, какое значение будут иметь результаты работы экспедиции для Высокоярсской области, и без нажима соглашались оказать ей содействие. Правда, Максим предполагал, что на бюро обкома могут появиться и противники того

плана, который он готовил. В облисполкоме поговаривали, что область не обязана заниматься экспедициями, что это дело министерств, что область должна только поставить вопрос перед центром, и многое другое в таком же духе.

Но дня за два до обсуждения на бюро обкома вопроса об Улуюлье произошло одно крайне важное событие: в Высокоярске прилетел уполномоченный Центрального Комитета партии Андрей Зотов. Основная цель его приезда была в том, чтобы ознакомиться с реальными возможностями в развитии производительных сил области.

Максим при первой же встрече с Зотовым показал ему предложения профессора Великанова и проект постановления бюро обкома по вопросам изучения Улуюлья. Зотов пожелал принять участие в заседании бюро обкома, а после этого решил выехать в районы Улуюльского края.

2

Остановка в Притаёжном была на несколько часов. Зотов и Максим поговорили с Артёмом в его кабинете в райкоме и поехали в Мареевку.

Зотов торопил Максима.

– Давай скорее двигаться в глубь Улуюлья, – повторил он несколько раз. Когда он говорил это, худощавое лицо его делалось неподкупно серьёзным, а глаза за стёклами очков выражали крайнее беспокойство.

Максим чувствовал, что Зотов чем-то встревожен. Чем же? Уж не предстоящей ли встречей с Мариной?

Догадка Максима была правильной. Чем меньше времени оставалось до встречи с Мариной, тем сильнее становилось волнение Зотова. Временами он надолго замолкал, скованный одной мыслью – о предстоящей встрече с ней. Прошло столько лет, а в душе было всё, как прежде: так же сладко и тревожно млело сердце, а из тайников памяти всплывал её живой облик.

«Что же это со мной делается? Прошли годы. Мы стали другие. Отчего же вдруг старое нахлынуло, с такой силой? И зачем всё это?» – размышлял Зотов, удивляясь силе своего чувства.

Ещё в Высокоярске, бродя вечерами по улицам и думая о причинах своего возбуждения, Зотов пытался объяснить это только «ароматом юности», как говорил он Максиму.

Действительно, в Высокоярске много было зданий, улиц, площадей, при виде которых воспоминания о юности поднимались целым роем. «Тут каждый камень, Андрюша, хранит твои следы», – со смехом говорил Максим Зотову.

Но дни проходили за днями, Зотов обошёл весь город и раз, и два, и три, а сердце не переставало смутно вещать о каких-то новых встречах и волнениях. О каких же?

«Марина... она!» – признался сам себе Зотов и с той минуты жил, отсчитывая дни и часы, то радуясь чему-то неясной беспокоящей радостью, то испытывая острую горечь от своих же собственных ожиданий и мимолётных, не осознанных надежд на счастье.

3

Трое суток Марина жила в состоянии лихорадочного возбуждения, сменявшегося апатией. Это началось с того незабываемого часа, когда в штаб экспедиции с телеграммой в руках вошёл почтарь Тимоша.

Директор института Водомеров, знавший по себе, как важно подготовиться к приезду большого начальства, телеграфировал в страшной спешке: «Сегодня автомобилем районы Улуюлья выехал представитель ЦК профессор Зотов тчк Его сопровождает из обкома товарищ Строгов тчк Они намерены самым тщательным образом проверить работу возглавляемой вами экспедиции тчк. Примите меры наведению порядка».

В первое мгновение Марина уловила только одно: едет Максим. «Ой, как это хорошо! Посоветуюсь о делах... Неужели он к Настеньке на Синее озеро не съездит? Сообщить бы ей как-нибудь», – пронеслось в мыслях Марины. И только несколько секунд спустя она подумала: «Подожди, ведь ещё кто-то едет». Она перечитала телеграмму, и вдруг сердце её застучало такими сильными ударами, что они отозвались в ушах. «Представитель ЦК профессор Зотов?.. Неужели Андрей? Нет, не он... Мало ли Зотовых!» Она успокоилась и, кинув взгляд снова на телеграмму, лежавшую на столе, улыбнулась: «Примите меры наведению порядка». В этой фразе, как в зеркале, отразился характер директора Водомерова, привыкшего, надо не надо, распоряжаться подчинёнными, до трепета бояться начальства, тупо верить в силу «исходящего циркуляра».

– «Примите меры наведению порядка!» – вслух произнесла Марина, открыла стол и принялась перекладывать бумаги. Усмешка не сходила с её губ. «Пожалуй, pošлю ему телеграмму: «Уважаемый Илья Петрович, порядок наведён, бумажки подшиты, что касается отрядов экспедиции, то они шлют вам пожелания доброго здоровья».

Но всё это была шутка, не более. Ответ Марина посылать не собиралась. В этом просто не было никакой надобности.

– Спасибо, Тимоша, что доставили телеграмму. Писать ничего не буду, – сказала она, видя, что Тимоша медлит с уходом.

Когда Марина осталась в штабе одна, взор её невольно опять заскользил по телеграмме. «А вдруг с Максимом едет именно Андрей Зотов?» – подумала она. От её спокойствия не осталось и помина. Она встала из-за стола, мысленно рассуждая: «Ну конечно же, это едет Андрей Зотов. Профессор, вместе с Максимом, старые друзья... Только вот при чём тут ЦК?.. А что ж, Андрюша умница, он и в ЦК и в правительстве лишним не будет!.. Он! Именно его послали к нам!» Марина уже совершенно не сомневалась, что профессор Зотов – это Андрей Зотов. И от сознания того, что ей предстоит встреча с Андреем, её охватили и страх, и стыд, и радость. Она почти бегом кинулась на свою половину дома, вытащила из-под кровати чемодан и, раскрыв его, принялась перекидывать платья. «Андрюша любил, когда я надевала всё белое», – проносилось в её голове. О том, что после их встреч протекли годы, она не думала. Чуть позже она сидела перед зеркалом, примеряя к своим аккуратным розовым ушкам белые клипсы с круглыми искусственными жемчужинами в серебряной оправе. Их подарила Анастасия Фёдоровна, когда Марине исполнилось тридцать лет. Анастасия Фёдоровна любила делать подарки и умела придавать им какое-то особенное значение. Передавая Марине довольно дешёвенькое украшение, она сказала ей:

– Видишь, Мариша, какие они беленькие и блестящие. Надевай их, когда тебе захочется понравиться людям!

Марина примерила клипсы и осталась довольна. Они в самом деле словно освежали её милое смуглое лицо, уставшее, озабоченное, строгое, но, может быть, поэтому-то и неотразимо привлекательное. Потом она вытащила из коробочки связку таких же белых бус, примерила их. И вдруг, приглядевшись к морщинкам, предательски пересекавшим лоб и сеточкой обозначившимся под глазами, она подумала о себе с сердитым добродушием: «Баба ты, баба! Надо дело делать, а она безделушками увлеклась».

Всё это происходило рано утром.

День, как обычно, прошёл в хлопотах. Дважды она побывала в исполкоме Совета и в правлении колхоза. Вчера по телеграфу поступил приказ об увеличении количества рабочих в отрядах почти в три раза. Надо было срочно набирать людей, а их и без того не хватало в сёлах Притаёжного района. Председатель сельсовета Севастьянов и председатель колхоза Изотов, боевые сельские коммунисты, понимавшие всё великое значение экспедиции для их родного края, долго сидели вместе с Мариной, ещё и ещё раз прикидывая, откуда можно высвободить рабочие руки.

Перед вечером Марина позвонила по телефону в Притаёжное. Сообщив Артёму о новом указании насчёт набора рабочих в экспедиции, она спросила брата, знает ли он о приезде Максима. Артём ответил:

– Как же, знаю! Максюша звонил мне из Высокоярска. Говорят, что он с Андреем Зотовым едет. Андрюша теперь большой чин, в Госплане крупными делами заворачивает и в ЦК, видать, вес имеет. Поджидай, Мариша, важных гостей. Вот-вот нагрянут. Максюша сказал, что у нас они останавливаться не будут. Зотов с нетерпением рвётся в Улуюлье! Я тебе тогда, при встрече, не сказал, чтобы ты не волновалась раньше времени.

«Ах, Артём, Артём, лучше бы он не говорил этой фразы: «Зотов с нетерпением рвётся в Улуюлье!» Сердце Марины сжалось от боли. «К тебе он рвётся!» – подсказало ей сознание. «Ну, зачем, зачем он едет? Прошло столько лет. Всё прошлое невосвратно и только может причинить муку!..»

Марина брела с почты медленно, тяжело. Так ходят люди с непосильной поклажей. Придя к себе, она легла на кровать, подумав: «Ну, пусть приезжает, встречу, доложу обо всём, как полагается по службе». Ей показался смешным и, более того, недостойным утренний порыв, когда она, как влюблённая девушка, кинулась к зеркалу, начала перебирать платья. К чему всё это? Неужели ей не ясно, что её личное счастье не сложилось? Ведь знает она это твёрдо и убеждена, что исправить ничего теперь невозможно.

Марина решила никак не готовить себя к встрече с Зотовым: ни духовно, ни внешне. Пусть он увидит её – уже изрядно потрепанную жизнью, постаревшую, одетую простовато, с некоторым пренебрежением к себе, которое довольно часто встречается у одиноких пожилых женщин, уже не испытывающих желания нравиться. И говорить она с ним будет тоном сухого делаяги, занятого только работой, только наукой, которой она принесла в жертву лучшее, что имеет человек, – молодость.

Весь вечер она пролежала в состоянии тупой апатии, уверенная, что вот наконец обрела спокойствие и ясность, которые её уже не покинут.

Утром она встала, оделась в домашнее ситцевое платье, а сверху надела коричневый рабочий халат. На ноги она натянула грубые, жёсткие ботинки. Причёсываясь, ни разу не взглянула в зеркало и уложила волосы на ощупь.

Едва она вышла на улицу, её встретил председатель сельсовета Севастьянов.

– Вы что, Марина Матвеевна, в отряды уезжаете? – присматриваясь к ней, спросил он.

– Почему вы так думаете? – изумилась Марина.

– Какая-то вы сегодня не такая, – замялся Севастьянов. – Ну, сказать короче, не нарядная... – не кривя душой, простодушно закончил он.

– Хотела с утра пораньше выехать в поле, надо мне в гербарий кое-какие мареевские растения собрать, да вот, пожалуй, отложу, другие дела подоспели. А вы в район сегодня по собираетесь? – Марина поспешила перевести разговор на другую тему.

– Пока терпит, уж если что, так в начале той недели, – ответил Севастьянов и пошёл в сельсовет.

Марина вернулась к себе в штаб.

В тот день к ней нахлынули посетители с самыми разными нуждами: председатель правления сельпо, предлагающий свои услуги по перевозке грузов в город, директор школы, приходивший посоветоваться об организации школьного краеведческого музея, заведующий клубом, упросивший её выступить на полевом стане с беседой о достижениях советской биологии, и много других лиц, знакомых ей по Мареевке. И все обращали внимание на её внешность. В Мареевке привыкли видеть Марину аккуратно одетой, подтянутой и всегда какой-то праздничной.

Уборщица штаба Поля, тридцатипятилетняя женщина, оставшаяся незамужней не столько из-за отсутствия женихов, сколько по причине того, что «у неё не всё дома», с глуповатой наивностью передала однажды Марине, что о ней говорили в Мареевке.

– Уж так вас любят в Мареевке, Марина Матвеевна, страх подумать! – сорочьей скороговоркой частила Поля. – Наши-то бабы-халды и те про вас худого слова придумать не могут. Всегда вы

чистенькая, опрятная, промытая. И уж что на себя ни наденете, ну, прямо всё поёт на вас. Одно слово – куколка магазинная!

Сегодня Поля долго не уходила из штаба, таращила бесцветные глаза на Марину, дожидаясь, когда она снимет давно не стираный халат. Поля тогда бросилась бы через огороды на ферму, чтобы расписать дояркам про диковинное платье своей начальницы. Не беда, если б платье оказалось уже известным Поле. Тут бы выручила фантазия!

Девушки-доярки внимательно присматривались к платьям Марины, и уже кое-кто из них щеголял в Мареевке в нарядах, «как у профессорши».

До полудня Марина работала увлечённо, не замечая на себе косых взглядов недоумевающих посетителей. Но после обеда вдруг в душе её образовалась какая-то трещинка. Ей снова стало не по себе. Сидя за своим столом, она чутко прислушивалась к каждому шуму, врывающемуся с улицы в открытое окно. «Ой, едут, едут!» – с испугом и радостью думала она, заслышав рокот автомобильного мотора. Она то и дело поворачивалась к окну и смотрела вдоль улицы. Словно назло ей, в этот день через Мареевку прошло с десятка грузовиков. Райпотребсоюз, пользуясь ведренной погодой, спешил завезти товары в низовья Таёжной, где у него были расположены базы, снабжавшие охотников и рыбаков.

Однако ни днём ни вечером Максим и Зотов не приехали. Марина не ложилась до полуночи, теперь уже прислушиваясь буквально к каждому шороху. Всё, что происходило с ней в истёкший день, вдруг обернулось к ней какой-то другой стороной. «Нет, дорогая моя, – рассуждала она сама с собой, – от собственного сердца не уйдёшь. Если б он тебе безразличен был, не мотало бы тебя из стороны в сторону. А нестираный халат, причёска, сбитая набок, – это всё чудачество... Подожди, жизнь покажет, она рассудит. Осталось недолго тебе терзаться. Может случиться так, что не увидишь ты в его глазах даже искорки прежних чувств. Оно и лучше...»

Но было бы это в самом деле лучше, Марина не знала. Как только она представила себе, что Зотов к ней равнодушен, ей стало нестерпимо больно. Она приложила к глазам платок и долго лежала, не имея сил шевельнуться.

На солнцевсходе Поля прибежала убирать штаб. Марина была уже на ногах. Одетая в белое платье, с белыми бусами на шее, с белыми клипсами в ушах, в белых туфлях на высоких каблуках, посвежевшая после отдыха, она показалась Поле цветком, который вдруг, как только ударил первый луч солнца, распустил свои благоухающие лепестки. Поля ахнула от восхищения, кинула тряпку у порога, поставила ведро за дверь и, прыгая, как коза, через изгороди, помчалась к дояркам на ферму.

Не доезжая километров пятнадцать до Мареевки, обкомовский шофёр, знавший всю область вдоль и поперёк, спросил Максима:

– Видите, Максим Матвеич, просеку в лесу?

– Вижу, конечно. А что?

– Отсюда начинаются земли Мареевского колхоза.

– Вот оно что! На их земле по масштабам Центральной России можно два района разместить. Правда, Андрюша? – обратился он к Зотову.

– Да, да... – рассеянно подтвердил Зотов и, втянув голову в плечи, замолчал.

Максим попробовал начать ещё какой-то разговор, но тот больше не произнёс ни одного слова. «Волнуется», – про себя отметил Максим.

Когда машина въехала в Мареевку и, разгоняя копошащихся на дороге кур и вздымая за собой непроглядный столб пыли, помчалась по её главной улице, Максим сказал шофёру:

– Меня высадишь возле правления колхоза, а Андрея Калистратовича подвезёшь к штабу экспедиции. Знаешь, где он помещается?

– Уж как-нибудь найду, Максим Матвеич. Мареевка пока ещё не Москва, – засмеялся шофёр.

Вскоре Максим вышел из машины.

– Ты поезжай, Андрюша. Я скоро приду, попробую председателя колхоза найти, – сказал Максим Зотову, продолжавшему сидеть молча.

Машина покатила дальше, а Максим направился в правление колхоза. По правде сказать, встреча с председателем могла бы состояться и позже. Срочной необходимости в этом не было. Другое чувство руководило Максимом: ему не хотелось быть при встрече Зотова с Мариной. Он понимал, что, как ни близки ему Андрей и Марина, им будет проще и лучше, если они после долголетней разлуки встретятся без него.

И вот машина подкатила к штабу. Зотов не спеша вылез из неё, снял светлый макинтош, стряхнул с него пыль и, перебросив через руку, пошёл по дощатому тротуару. Сердце его колотилось сильными и резкими толчками. В раскрытое окно он увидел что-то белое, стремительно промелькнувшее, как птица. «Она», – подсказало ему сердце, и он почувствовал, что руки его стали влажными.

Стараясь всё делать не спеша, чтобы казаться спокойным, он медленно открыл дверь, медленно переступил порог. В полутёмной комнате в нескольких шагах от него стояла Марина, вся в белом с ног до головы. Что-то невыразимо страдальческое на миг исказило её смуглое лицо. В этот миг она показалась ему далёкой-далёкой и совсем-совсем чужой. «Нет, она уже...» – но он не успел додумать до конца. Этот страшный миг окончился раньше, чем он успел оценить его. Марина шагнула вперёд, губы её дрогнули, глаза расширились, и он услышал её голос. И вдруг она показалась ему такой же, какой была тогда, ну, в точности такой же, как в юности.

– Что же вы так долго ехали, Андрюша? Я измучилась. – Она шла к нему навстречу, вытянув дрожащие руки.

Он кинулся к ней, обнял за плечи. Марина доверчиво прижалась лицом к его груди, а он целовал её голову долгими, осторожными, очень бережными поцелуями.

– Ты такая же, Мариша, и даже в белом, – с трудом прошептал он, чувствуя, как спазмы сжимают горло.

Они простояли так несколько минут в полном молчании. Прошрое, настоящее, будущее их жизней предстало перед ними в том озарении, когда главные линии судьбы видятся так зримо, как линии полноводных рек на знакомой карте. Годы жизни они потратили на то, чтобы уйти друг от друга как можно дальше, а достигли лишь одного – поняли, что они созданы, чтобы навсегда быть вместе. Какой же сложной, извилистой, мучительной дорогой подошли они к этому!

– Ах, Андрюша, как я рада! Я не верю ещё, что это правда, а не сон... Но я знала, что ты придёшь. Я знала об этом с самой ранней юности!

– И я знал, Мариша.

Держась за руки, они прошли к столу, за которым Марина в обычное время писала дневники экспедиции, и сели – Марина с одной стороны стола, Зотов – с другой. Им трудно было начинать разговор, и они молча смотрели друг другу в глаза и без слов говорили о самом главном – о счастье, которое переполняло их собственные сердца, о жизни, которая до сей поры сберегала для них самые дорогие радости большой, настоящей любви.

Глава четырнадцатая

1

Четвёртый день Софья и Краюхин ползали по ямам и траншеям. Когда всё было тщательно осмотрено, они поднялись наверх и устроили совет. Их сразу окружили рабочие. Пришёл недомогавший в последнее время Марей Гордеевич. Тут же была и Ульяна, только что вернувшаяся из Мареевки с телеграммой от профессора Великанова.

– Ну, каковы твои соображения, Соня? – спросил Краюхин, присаживаясь рядом с Софьей на полусгнившую колоду.

– Склоняюсь всё к тому же: мы наткнулись на две разновидности памятников. Верхняя яма – это селище, вероятно, эпохи бронзы. Нижняя яма – это кузница девятнадцатого столетия. Возможно,

здесь когда-то обитали селькупы и эвенки. Тунгусский холм и камни – это древнее культовое место. Допускаю мысль, что в более позднее время кузницей пользовались русские охотники или староверы.

В подтверждение своих выводов Софья привела научные доказательства, давая подробную характеристику каждой находке.

– А как ты смотришь, Алёша? Какая твоя точка зрения? – спросила Софья. Заметив на себе пристальный взгляд Ульяны, официальным тоном добавила: – Просим, Алексей Корнеич, высказаться.

Краюхин перелистал дневник раскопок, зарисовки, сделанные Софьей, потёр ладонью лоб, как бы стараясь вызвать особо ценные мысли, и сказал:

– Мне кажется, что ты правильно определяешь характер памятников. Тебя удивляет слитность ям: древней и почти современной. Меня это не удивляет. Это чистое совпадение. Но больше. Кузница могла быть здесь, могла и не быть.

– Пожалуй, ты прав. Тем более что выбор местоположения для кузницы объясняется удобствами местности. Ближе вода, холм защищает от ветров и бурь, река под рукой – плыви куда хочешь.

– А потом, Софья Захаровна, лиственничные леса, – вступил в разговор Марей. – Самое жаркое дерево – лиственница. А тут по холму её было видимо-невидимо!

– Это важное соображение, Марей Гордеич! – согласилась Софья.

Ульяна посмотрела на Марея, и взгляд её был полон гордости: «Вот он какой, Марей Гордеич! Что ни скажет – всё в точку!»

– Главный вопрос для меня в другом, – снова заговорил Краюхин. Все посмотрели на него. – Главный вопрос в том, где те люди брали железную руду?

– Руда могла быть привозной, – предположила Софья.

– Привозной? Конечно! Но откуда привозили? Из пределов Улуюльского края или нет?

– Издалека не повезли бы, Алёша, – убеждённо сказал Марей. – Надо думать, что руду брали где-то в верховьях Таёжной или по её притокам, которые выше Тунгусского холма. Возить руду против течения никто не стал бы. Тогда и кузницу обосновали бы ниже.

– Правильно, Марей Гордеич. У меня такие же соображения. Но вот откуда эта руда? Взята ли она из коренных месторождений или это обычные железняки?

Краюхин задумался. Поник головой Марей. Беспомощно, в молчании пожала плечами Софья.

– А могло быть так, Марей Гордеич, – почему-то обращаясь к одному Марею, оживлённо блестя глазами, сказал Краюхин, – руду брали в Заболотной тайге, в верховьях речки Кривой, и сплавляли сюда, к Тунгусскому холму. Недаром Мокрый угол показал магнитную аномалию.

И только произнёс Краюхин эти слова, как с Мареем произошло нечто необычное: он вскочил, раскинул руки и на минуту замер в безмолвном сосредоточении. Годы, наподобие леса

закрывавшие горизонты его долгой и трудной жизни, как бы раздвинулись, и он увидел то, что произошло много-много лет тому назад.

...Управитель скита посылает его вместе с артелью монахов в Заболотную тайгу, в вершину речки Кривой. Вместе с ними – высокоярский купец старовер Засипатор Тихомиров. Несколько дней в большой дощатой лодке-завозне продираются они через заросли леса, склонившиеся над руслом капризной извилистой речки. Наконец они добираются до её истока. Она вытекает из кочкастого, заросшего мохнатыми елями болота. В середине этого болота, словно стиснутые каким-то неведомым силачом, возвышаются кремнистые рубцы. Монахи расчищают лес, вырубая корни, потом долго и мучительно рубят неподатливую, пронизанную рыжими камнями землю. В ящиках они тащат эту землю в лодку и плывут назад. А потом управитель посылает его вместе с купцом в Высокоярск. Он сдаёт ящики с каменистой землёй на литейный завод инженеру с немецкой фамилией...

– Помню, помню... Было всё это... было, – вздымая руку выше головы, весь просияв, сказал Марей. Что-то необыкновенно торжественное было в его позе и в его тихих, но твёрдых словах: «Помню... Это... было».

Краюхин и Софья невольно встали.

– Что вы вспомнили, Марей Гордеич? – осторожным голосом, боясь нарушить течение воспоминаний старика, спросил Краюхин.

– А то вспомнил, сын мой, на что ты меня сам надоумил. Бывал я в вершине речки Кривой. Плавал туда со скитской братией за рудой. Возил её потом в Высокоярск.

– На литейный завод купца Кузьмина? – Софья смотрела на Марeya расширенными глазами.

– На литейный завод купца Кузьмина, – подтвердил Марей. – Был там инженер, немец...

– Фон Клейст? – спросила Софья.

– Он. Фон Клейст... Я, как сейчас, его помню. Седой, в золотых очках, с толстой тростью в руках. Барин!

Краюхин одарил Марeya таким взглядом, в котором было всё: и восторг, и преклонение, и растерянность... Так и казалось, что Краюхин бросится сейчас к старику и сожмёт его в своих молодых, сильных объятиях.

Но Ульяна опередила Краюхина. Послышался её звонкий голосок:

– Дедушка Марей Гордеич! Наши люди никогда вас не забудут! Никогда! – Она схватила старика за руку и прижала к своей щеке.

Сон не приходил. Стоило закрыть глаза, как сейчас же в непроницаемом мраке возникали стены ямы, извилистые траншеи, квадратные площадки, очищенные от таёжного бурелома. С яркой назойливостью лез в глаза проступавший над самым дном ямы, отчёркнутый снизу глиной, а сверху разноцветной галькой крепко спрессованный слой песка, пересыпанного чёрной примесью.

Краюхин ворочался с боку на бок, сердился сам на себя. «А, чёрт её побери! Но хватало ещё бессонницей заболеть!» Он часто курил, выходил дважды на воздух, но, заслышав беспокойные вздохи Ульяны в соседней палатке, спешил обратно.

Уснул он поздно, а проснулся на рассвете. Побаиваясь шумом разбудить людей раньше установленного времени, он на цыпочках осторожно прошёл мимо палаток к реке, умылся наскоро и отправился на раскопки.

В голове его в такт шагам звучали всё те же слова, которыми он бредил всю ночь: «Слой песка, слой песка, слой песка».

На траву выпала обильная, крупная роса. Сапоги и брюки его стали мокрыми. Капли падали с веток деревьев на фуражку, попадали на лицо и даже за воротник гимнастёрки. Он выломил палку, пошёл медленнее, ударяя по веткам деревьев, сбивая с них воду.

Но вот ему показалось, что позади него захрустел валежник. Он на секунду остановился, послушал и пошёл дальше. Ружьё висело на плече. Он ощупал его ложе, словно убеждаясь, на месте ли курки.

Валежник захрустел снова, и на этот раз это не было обманом слуха.

– Эгей! – негромко крикнул Краюхин, снимая с плеча ружьё.

– Это я, Алексей Корнеич, – виноватым тоном проговорила Ульяна.

– Ты что за мной шпионишь? Спала бы себе сколько влезет, – строго сказал Краюхин. Но строгость была только в голосе. Карие глаза искрились радостью, на губах трепетала ласковая улыбка. Он снова повесил ружьё на плечо, протянул руки навстречу Ульяне, обнял её.

– Ах, Уля, Уля! – со вздохом произнёс он, целуя её в глаза и в губы.

– Что Уля? – встрепенулась она.

– А то Уля, что взяла ты меня в полон, как слабовольного, уставшего солдата. И теперь что мне делать? С тобой мне хорошо и радостно, а без тебя и худо, и тоскливо, и тошно...

– А вы что, недовольны?

– Конечно, недоволен! Разве до любви мне, лохматому медведю, таёжному волку, одинокому филину? Что ж у меня, других дел нету?

Она хотела обидеться, но посмотрела ему в лицо и от счастья на миг зажмурила глаза. Он говорил: «Конечно, недоволен!», а глаза, губы, брови, лоб, даже отросшие, выбившиеся из-под фуражки густые волосы как будто кричали: «Счастлив! Счастлив!»

Не в силах изобразить даже притворную обиду, она прижалась к нему, обхватила его за шею, шептала:

– И какой же ты родной мне! Какой родной!

Испытывая от её горячего порыва наслаждение, он говорил, говорил ей какие-то ласковые слова, дивясь тому, откуда они приходят ему на ум.

– А почему ты сегодня ночь не спал? – спросила Ульяна.

– А почему ты не спала?

– А потому, что за тебя беспокоилась.

– Ну, это ты зря! Так тебе совсем покоя не будет. А станешь моей женой – и вовсе погибнешь. А не спал я, Ульяшенька, потому же, почему тороплюсь сейчас на раскопки. Песок...

И он рассказал ей, что при тщательном осмотре, какой они с Софьей производили на раскопках, он в одном месте заметил спрессованный слой песка с чёрной примесью. Он не задержался на этом месте, увлечённый разгадкой происхождения ям и находками в них, но вчера, когда всё снова и снова передумал, этот слой песка вспомнился ему, и вот он спешит туда.

– А вдруг это то самое, что мне кажется? Ты знаешь, что это будет? Это будет событие!

Она поняла только одно: он захвачен какой-то важной мыслью, он торопится, а она его задержала.

– Ну, пойдём скорее, – воскликнула Ульяна, загораясь уже знакомым ей чувством готовности быть с ним, помогать ему во всем и всюду, не щадить себя ради его большого дела.

Они быстро дошли до раскопок и спустились в яму. Первые лучи солнца, скрытого ещё за лесом, осветили утреннее чистое небо потоками яркого света, разлились по всем закоулкам обширной ямы.

– Вот он, этот слой песка! – сказал Краюхин и показал рукой куда-то в угол.

Он лёг на бок, чтобы лучше рассмотреть изгибы и направление этого слоя. Ульяна опустилась на колени возле него, старалась всмотреться в земляную стену, но стена эта была пёстрой, наподобие бумажного листа, исчерченного разноцветными карандашами. Она смотрела, смотрела, но так и не поняла, какой же слой земли больше всего интересует Краюхина.

Вдруг он торопливо повернул к ней голову, спросил:

– Ульянушка, ты не помнишь, обвалы какие-нибудь есть тут, по берегу Таёжной?

– Есть, конечно! В километре отсюда Таёжная вплотную прижимается к Тунгусскому холму. Тут, знаешь, какой яр? Метров тридцать, если не больше. Ты что, забыл?

Краюхин вскочил с такой поспешностью, что Ульяна и моргнуть не успела, а он уже выбрался наверх.

– Пошли!

Она была лихой таёжницей и умела ходить по тайге так быстро, что даже отец удивлялся. Но сейчас она отставала от Краюхина. Он, как пловец, размахивал руками, разгребая перед собой ветки деревьев, прыгал с колоды на колоду, сокрушал своими сапогами завалы хрупкого, как стекло, таёжного сушняка. Она была уверена, что на кромке яра он задержится, дожждётся её. Но Краюхин ждать не мог. Он находился в том состоянии крайней увлечённости своей мыслью, когда всё остальное перестаёт существовать.

– Осторожно, Алексей Корнеич! Яр обрушивается здесь вместе с лесом! – крикнула Ульяна, боясь, что в горячке он может попасть под обвал.

Но Краюхин не отозвался. Она видела, как он взмахнул ружьём, приподнятым над головой, и скрылся под яром.

Когда Ульяна подбежала к яру, Краюхин, вздымая тучу пыли, скатывался под обрыв вместе с потоком иссушенной солнцем земли.

– Отчаянная головушка! Жить тебе надоело?! – с тревогой прошептала Ульяна, но, увидев, что он благополучно докатился до подножия яра и встал, она с гордостью подумала: «Смелый он и отважный до ужаса».

Через минуту она спустилась к нему таким же способом, как и он: сидя, или, скорее, лёжа, в туче пыли, с потоком земли, стронутый тяжестью её тела. Она катилась и взвизгивала, считая себя самой отъявленной трусихой.

Стряхнув с себя пыль, Краюхин принялся ходить взад-вперёд по самой кромке берега, глядя на яр, иногда оступаясь в реку и рискуя искупаться в её глубине.

– Всё прикрыто осыпями, Уля. Вот в чём беда, – проговорил Краюхин, чувствуя, что не отстававшая от него ни на шаг Ульяна хочет понять все его затруднения.

– А чуть подальше отсюда, Алексей Корнеич, есть глубокая промоина. Там стекают ручейки и весь яр мокрый и видный до последней своей жилочки.

– Что ж, веди, Уля, посмотрим, – сказал Краюхин.

Промоина оказалась почти рядом. И такая промоина, что Краюхин от удовольствия только присвистнул. Впадина вдавалась здесь метров на пятьдесят в глубь яра.

– Что, Алексей Корнеич, есть бог на земле? – заметив, что он повеселел, с усмешкой произнесла Ульяна.

– И бог этот живёт с людьми и имеет облик Ульяны Лисицыной, – в тон ей ответил Краюхин.

– Уж вы придумаете! Насмешник! – Она делала вид, что сердится, а у самой от радости кружилась голова.

На ремне, в старом брезентовом чехле, как солдат-сапёр, Краюхин всегда носил с собой лопатку с коротким берёзовым черенком. Он вытащил её из чехла и, окинув взглядом промоину, местами заваленную вывороченными из земли деревьями, начал по уступам подниматься на крутизну яра.

Ульяна следовала за ним.

Он часто останавливался, расковыривал лопатой землю, залезал на поваленные деревья, внимательно осматривал их, разминал в пальцах кусочки глины и песка, застрявшие в корневищах.

В одном месте он вдруг упал на колени и быстрыми ловкими движениями подкопал землю.

– Смотри, Уля, тот же слой! Ты понимаешь, тот же слой! – Он так бурно радовался, что в течение двух минут беспрестанно бормотал одну и ту же фразу: – Тот же слой! Тот же слой!

– А что он, этот слой, ценный? – опускаясь рядом с ним, заглядывая ему в лицо, спросила Ульяна.

– Я предполагаю, Уля, что это цирконий. Вот видишь, мельчайшие чёрные примеси в песке – это металл.

Ульяна схватила горсть песка, разжав ладонь, долго смотрела на него, потом убеждённо сказала:

– В точности такой же песок есть на Синем озере.

– Ты это твёрдо знаешь? – строго спросил Краюхин и посмотрел на неё таким взглядом, который говорил больше слов.

– Ещё бы не твёрдо! Мы искали с Анастасией Фёдоровной главный источник и наткнулись на такой песок. Поговорили между собой: вот, мол, какой песок, вроде сажей пересыпан.

– Если это так, Уля, то сегодняшний день не забудется, – тихо, почти шёпотом, сказал Краюхин и опустил голову, скрывая от неё повлажневшие глаза.

...Через неделю после того, как Краюхин побывал на Синем озере и произвёл исследование песка, Ульяна унесла в Мареевку донесение в штаб экспедиции и телеграмму профессору Великанову. В телеграмме Краюхин писал:

«Дорогой учитель! Ваш прогноз оправдался. По правобережью Таёжной нами обнаружены залежи циркония. Площадь залегания простирается на большом пространстве. Цирконий прослеживается на восточном и южном склонах Тунгусского холма и в районе Синее озеро – Сохатиное лежбище».

3

И снова Софья писала Краюхину:

«Здравствуй, Алёша! Прошло две недели с того дня, как я покинула Тунгусский холм. Возможно, ты был недоволен, что я покинула его в твоё отсутствие. Но, во-первых, истекал срок моей командировки, а ты задерживался на Синем озере, а во-вторых... мне было проще и легче уйти

без тебя. Неизбежно мне захотелось бы перед отъездом поговорить с тобой. А что это могло принести? Мне – новые муки, тебе – новые неприятности.

В последнее время мне невыносимо тяжело было жить рядом с тобой и Ульяной. Я видела ваше счастье, которое вы всячески старались скрыть от моих глаз, но оно предательски выдавало вас на каждом шагу. Порой меня охватывало отчаяние, я готова была бежать куда глаза глядят, но, слава богу, от родителей, точнее от отца, я унаследовала крепкую волю. Я замыкала сердце на замок и набрасывала на себя маску безразличия и равнодушия. Поверь мне, любой человек, даже с самыми высокими альтруистическими побуждениями, не мог бы вести себя иначе. Теперь это всё в прошлом. Теперь совершенно спокойно я могу сказать: «Тебе, как пройденной дороге, шлю облегчённое «прощай»».

Ульяна... Я хочу думать о ней с чувством доброжелательства, но... не могу. Она принесла мне несчастье... Смотри, чтоб не привязала она тебя навечно к таёжной жизни, к деревенской избе, к примитивному существованию в глухих, безлюдных местах. Твой удел, Алёша, гораздо выше – наука, кафедра, академия. Мне горько было бы когда-нибудь узнать, что ты ограничил свой полёт... К чему я всё это пишу? Не знаю. Прости.

Прощай, Алёша, тот самый Алёша, которого я любила. Как самой себе, я хочу тебе счастья и содержательной, красивой жизни. Ты достоин её. Помни, что я остаюсь тебе другом, на всю жизнь.

В полной растерянности я стою перед своим будущим. Может быть, встретится на моём пути человек, которого я полюблю так же сильно, как любила тебя, но может случиться, что такого человека не окажется. И тогда всё, что я пережила рядом с тобой, останется самым возвышенным и лучистым воспоминанием о моей молодости. Прощай! Я пишу эти слова и не верю самой себе. Но это так: прощай...

Теперь о делах, уважаемый Алексей Корнеевич. Все материалы по раскопкам сданы мною Марине Матвеевне. Я получила от неё задание написать в сборник трудов Улуюльской комплексной экспедиции статью о памятниках на Тунгусском холме. Я это сделаю непременно и уже приступила к работе.

И ещё одно важное для тебя сообщение: в первый же день я наткнулась здесь на архив техника Высокоярского переселенческого управления Михаила Ивановича Серошевского. В его отчёте о произведённых работах в селах Улуюльского края есть такое место:

«Пробить скважину в деревне Уваровке не представилось возможным. Деревня стоит на высоком бугре. По всей вероятности, грунтовые воды находятся здесь на большой глубине.

Моя попытка уговорить мужиков деревни Уваровки о переносе скважины в другое место, а именно на один из склонов бугра, встретила противодействие в виде отказа мужиков поставлять рабочие руки, лошадей и производить денежные сборы».

Таким образом, хотя «уваровский акт» не найден, отчёт Серошевского подтверждает его существование. Поздравляю тебя ещё с одной важной отгадкой, связанной с поисками сокровищ Улуюлья. Копия отчёта Серошевского направлена Марине Матвеевне, и ты можешь с ней ознакомиться. Всё это даёт основание считать сообщение Марья Гордеича об угольных пластах в Уваровке фактом, который можно ставить под проверку.

Прошу тебя передать мой самый сердечный привет замечательному Марею Гордеевичу, которого я полюбила всей душой, Михаилу Семёновичу, удачливому Сёме и, конечно, Уляше. Да, да ей. Глупо обижаться на то что она нашла счастье, которое я потеряла. Пусть только будет достойна своей находки.

Софья.

P. S. Вчера вечером между мной и папой состоялся разговор, который может быть для тебя интересным. Он вошёл ко мне в тот момент, когда я плакала.

– Ты о чём? – спросил он обеспокоенно.

– О своей горькой судьбе, папа.

– Думаешь, слёзы помогут?

– Нет, не помогут. И ничто не поможет, даже твоё сочувствие.

– Значит, роман не получился?

– Да, папа, не получился. Вернее, получился, но только с неблагоприятным концом.

– Зато мой роман с твоим бывшим Краухиным обещает продолжение. И очень важное продолжение.

– Но, увы, мне от этого не легче, папа, если не горше.

– Милая дочь, вот это и есть жизнь. Жизнь – это реки в пору половодья. Они всегда растекаются шире своих берегов.

Ну вот, теперь уже окончательно и навсегда – всё. Прощай!

Софья».

Глава пятнадцатая

Марей терпеливо подстерегал тот момент, когда Лисицын останется один. Но стан никогда теперь не пустовал. Почти ежедневно сюда прибывали новые рабочие, которых Краюхин посылал то на Синее озеро, то в Заболотную тайгу, то в промоину яра.

Лисицын жил хлопотно и всегда куда-то торопился. Не успеет Марей слова вымолвить, а Лисицына уже и след простыл.

Правление колхоза поручило Лисицыну до наступления шишкобоя в кедровниках помочь экспедиции организовать снабжение продуктами. Лисицын знал, что в эту пору лета самое верное дело – рыбалка. Он привёз со своего главного стана на Тургайской гриве сети и начал ими ловить рыбу в курье. Тут у него на берегу в шалаше был запас соли и две огромные колоды-долблёнки, в которых он и засаливал рыбу, когда она оставалась сверх ежедневных потребностей на питание артели изыскателей.

– Ты что, Миша, на курью собрался? – как-то спросил его Марей, подкараулив на берегу возле лодок.

– Туда, Марей Гордеич. Сети надо посушить.

– Возьми меня. Разговор с тобой будет.

– Садись, Марей Гордеич, в нос обласка.

Старик с охотой сел в лодку. Когда Лисицын выплыл на середину реки, Марей спросил:

– А что, Миша, выходит, что у Алёши с Уленькой дело на лад пошло?

Лисицын, не придававший большого значения взаимоотношениям молодых людей, ответил в своей обычной манере:

– Не страдай за них, Марей Гордеич! Не было ещё на свете такого случая, чтоб добрая девка без парня осталась, а добрый парень не нашёл по себе девки.

– Ну, не скажи, Миша! – не согласился Марей Гордеич. – Вон Софья-то Захаровна уж не девица ли! И на стать ладная, и обликом мила, и образованная, а вот поди ж ты! Сбежала! Видать, поняла она, что Уленька перешла ей дорогу безвозвратно.

Лисицын небрежно махнул рукой.

– Найдёт по себе! А что от Алёши отстала, то ей счастье. Неровня он ей. Она городская канарейка, а он таёжник. И лучше Ули ему невесты не найти. Эта, как хомут, всегда будет на коне. И в другие места его не потянет. Ни за что не потянет!

– Резонно рассуждаешь, Миша, – одобрил Марей и задумался.

Лисицын взглянул на него и понял, что старик совсем не об этом собирался говорить с ним. Всё это только присказка, сказ – впереди.

– Ну, а ты-то как, Марей Гордеич, попривык душой к нам? Не тянет тебя обратно северная земля? – спросил Лисицын.

Старик словно ждал этих вопросов. Он встряхнул седой гривой, оживляясь, сказал:

– Нет, Миша, не тянет меня обратно северная земля. Попривык я к вам. А только покою в душе нету у меня.

– Чем же мы тебе не угодили, Матвей Гордеич! Скажи!

– Всем, Миша, угодили. Уж так я доволен вами, что, будь я верующий, только бы за вас и молился. А покою нет, Миша, мне по другой статье. Кровь моя в этих краях оставалась...

И Марей принялся рассказывать Лисицыну о своей жизни с Марфушей, о её смерти, о сыне, которого отдал он чужим добрым людям в Притаёжном в морозную вьюжную ночь.

Лисицын поднял весло и лишь временами окунал его в реку, чтоб направить ход лодки, скользившей по течению. Обычно быстрый на слово Лисицын сидел сейчас как пришибленный. Перед его мысленным взором проходили как живые мучительные картины большой жизни старого и дорогого ему человека.

2

«Уж не Вавила ли каторжанин его сын?» – думал Лисицын, перебирая сети.

Марей лежал возле костра и не то спал, не то молча думал. Откровенный и необычный разговор с Лисицыным взволновал его, и он чувствовал сильную усталость во всём теле. Вокруг было тихо, солнечно, спокойно шумел лес, поблёскивала позолотой широкая, в зелёных берегах курья.

«Да, вполне возможно, что Вавила-каторжанин и был его сыном», – всё больше и больше склоняясь к своей догадке, размышлял Лисицын.

Дня три он был не в себе. «Пойду расскажу Марей Гордеичу о Вавиле-каторжанине», – решил Лисицын, но, когда доходило до дела, он изменял своё намерение. «Погоди, Михаила, не торопись. Заронишь в сердце человека сомнение, а вдруг ошибка?»

Чувствуя, что он не обретёт покоя, пока не узнает всё о жизни Вавилы-каторжанина, Лисицын отправился на пасеку к Золотарёву.

Платон Золотарёв был мужик памятный, жил когда-то в Притаёжном, чуть не во всех селениях Притаёжного района имел родню, знал наперечёт высокоярских купцов, губернаторов, войсковых начальников, хорошо помнил ссыльных, обитавших по Улуюлю, урядников, охранявших их.

Золотарёв поразился, снова увидев на своём стане Лисицына. Да и было отчего поразиться! Не год нынче, а сплошная напасть. То выстрел в Краюхина, то Станислав со своими поисками, будь он проклят, то эти лесоустроители!

Лисицын успокоил друга. Нет, пока ничего нового, всё в порядке. Станислав, слава богу, получил своё. Отправили его в Высокоярск, а оттуда в лагерь. Пусть трудом и потом вышибет из себя капиталистические замашки. Лесостроители толкуются по берегам Таёжной без проводника. Между тем начальник экспедиции вместе с райисполкомом сделал представление в область о передвижке лесостроителей в Заболотную тайгу. Ну, как там получится – жизнь покажет.

– А сейчас вот что, Платоша, хочу спросить тебя, – круто меняя разговор, сказал Лисицын. – Ты что-нибудь о Вавиле-каторжанине помнишь?..

Золотарёв даже рассмеялся от такого вопроса.

– Ясное дело, помню! А ты неужели забыл, Миша?

– Забывать стал, Платоша! Расскажи мне о нём всё-всё, что ты знаешь, – горячо попросил Лисицын и сдвинул сплуснутую шапку-ушанку на макушку, приготовившись слушать.

Но гася снисходительной дружеской улыбки, Золотарев вместе с табуреткой придвинулся к Лисицыну и заговорил:

– Ты помнишь, какой он был орёл?! В плечах косая сажень, а росту в нём было – без двух вершков три аршина. Был он, Вавила, сыном Тихона Коноплёва, притаёжного мужика. Сам Тихон со своей старухой умерли ещё при царе Николае. Детей у них, сказывали, было много, одних сынов восемь. А выжили только двое: Кирюха и он, Вавила. Как ты знаешь, Миша, оба были они у нас партизанами, и оба полегли за Советскую власть.

Лисицын дышал тяжело, молчал, ждал с нетерпением ждал, что скажет Золотарёв дальше.

– Теперь ты можешь спросить, а откуда у него, у Вавилы, такое прозвание: «Вавила-каторжапин»? Обскажу.

Дело это потёмки, один бог знает, как было, но по народу болтали, будто Вавила был не коноплёвской родовой. Сказывали, случилось это так: жил-был в наших краях какой-то каторжанин без имени, без роду. На чьей-то купечской заимке объявилась у него бабёнка. Ну, сказать – любовь! Пришла она за ним из России. Сошлись они не сватаны, не венчаны, да и прижили ребёночка. Вскоре после родов она, его любовь-то, возьми да умри. Ну, известное дело, мужику без бабы в таком случае – край. А тут ещё на беду начались поиски каторжанина. Был он много лет в бегах, хоронился от властей в наших улуюльских лесах. Что делать? Взял тогда этот мужик своего ребёночка в Притаёжное! Тихон-то Коноплёв жил как раз самым крайним. Стояла его изба почти в лесу. Каторжанин – к нему! Встал каторжанин перед Тихоном на колени и взмолился: «Брат мой, – говорит ему, – если есть у тебя сердце, помоги! Так и так». И обсказал ему всё про свою житуху.

Тихон был, видать, мужик душевный. Позвал он жену. А та только что родила Кирюшку, и в грудях у неё было молоко. Она и говорит Тихону: «Эх, Тиша, возьмём ребёночка, не бросать же его, как падлу, на мороз. Пусть растёт, как единокровный братишка нашему Кирюшке». Ну и взяли они ребёночка.

Каторжанин поплакал над своим сынком, да и был таков.

Тихон с бабой долго таили про своё божье дело. Да разве в деревне что-нибудь скроешь? Всем было известно: родила Тихонова жена одного ребёнка, а кормит двоих. Слушок пополз из двора

во двор: сват куму, кум брату, брат жене, жена снохе, сноха племяннице. Короче сказать, узналось это дело. Подивились люди, посудачили, да и замолкли. Поп окрестил Вавилу как подкинутого.

А когда Кирюшка с Вавилой подросли, стало тут всем яснее ясного, что разных они корней. Кирюшка маленький, рыженький щупленький, а Вавила рослый, светлый, крепкий, как молодой груздь. Тогда какой-то злой язык и пустил с новой силой мерзопакостный слух: «Вавила не родной Коноплёвым, от беглых каторжан он происходит». Люди уж забыли про старое. Так нет, кого-то угораздило вспомнить, стали Вавилу прозывать с тех пор «Вавила-каторжанин». Изводили его ужас как!

Жили мы с родителем в Притаёжном, поблизости от Коноплёвых. Я помню всё это до капельки. И сам по глупости не раз кричал ему: «Эй ты, Вавила – каторжанская кровь!»

Ну что ж, собака и та к своей кличке привыкает, а человек и подавно. Привык Вавила к своему прозвищу, и помнишь, Миша, даже в партизанском отряде не под фамилией, а под прозвищем числился... Ну, а про остальное, как он к партизанам пришёл, как воевал, как смертушку от врагов принял, нечего говорить, знаешь.

– А сколько, Платоша, было бы ему теперь годов, будь он в полном здравии? – спросил Лисицын.

– Сколько? А вот считай. Он был годок Кирюхе Коноплёву, а тот старше меня на пять годов.

«Он! Именно он и есть, Вавила-каторжанин, сын Марeya Гордеича», – решил про себя Лисицын и, стараясь выведать у Золотарёва самое последнее доказательство, спросил:

– Ну, а Вавилой-то назвали его Коноплёвы или те, настоящие родители? Про это не болтали?

– Ну как же не болтали! Судачили! Тихон-то Коноплёв и сам потом признавался, как нового сынка в свой дом сподобил. Рассказывал он, что когда беглый каторжанин отдал им его, то тут же и про имя сказал: «Зовите его Вавилой. Мать его так нарекла, когда он ещё в утробе находился».

– Истинно он! – воскликнул Лисицын.

– О ком ты, Миша? – не понял Золотарёв.

– О нём, Платоша, о Вавиле-каторжанине, о кровном сыне Марeya Гордеича.

От этой новости у Золотарёва его единственный глаз пополз под лоб и словно остекленел на целую минуту.

– Вот это годик выпал! Что ни день, то новые чудеса! – проговорил Золотарёв, всплеснув руками.

Марей и Лисицын стояли возле братской могилы партизан. Ласковый ветерок шевелил седые волосы Марeya. Старик сгорбился, опираясь на берёзовый батожок, опустил голову.

Над Мареевкой плыл утренний туман, смешивался с дымком костров и печей, таял в безоблачном голубом небе. Во дворах горланили петухи, откуда-то из-за домов доносился стук топоров: там плотники рубили новую избу. Мареевка после долгого перерыва начинала обстраиваться.

– Был он, Марей Гордеич, ужасный смельчак, – рассказывал Лисицын и мял в руках свою неизменную шапку-ушанку. – А уж силач так силач был! Шестеро нас, парней, бывало, навалимся на него, всех до единого раскидает!

Один раз партизаны запрягли в телегу самых сильных коней. Пушки надо было перевезти на другие позиции. Подходит тут Вавила, взялся за телегу и говорит: «А ну, погоняй-ка коней, потягаюсь я с ними силушкой». Принялись ребята настёгивать коней, а телега ни с места. Ну, конечно, крик, хохот... Откуда ни возьмись сам командарм товарищ Краюхин – отец нашего Алёши. «Что здесь за спектакль?» – спрашивает. Ну, струхнули мы немного, докладываем, а сами думаем: рассердится наш командарм. А только видим, улыбается командующий, смотрит ласково на Вавилу, с гордецей говорит: «С такими бойцами никакой враг нам не страшен. Буржуев разгромим мы до полного основания».

Марей, медленно-медленно поднимая голову, посмотрел каким-то далёким отсутствующим взглядом в простор лугов за рекой и тихо, больше сам для себя, проговорил:

– Знать, удался сынок в меня... Была когда-то в моих руках силушка отменная...

– В разведке он партизанской вместе с Кирюшкой, братом наречённым, находился, – после долгого молчания продолжал Лисицын. – Где только они не бывали! Каких только чудес не вытворяли! Однажды приволокли из Притаёжного самого начальника колчаковской милиции. Взяли его живьём, на собственной его квартире, когда он перед какими-то пьяненькими бабами кураж разводил. Уж не отчаюги ли!

– В Марфушу удался... Отчаянности ужасной была! Не побоялась в Сибирь за мной пойти, – снова тихо-тихо, одними губами сказал Марей и ещё выше поднял голову.

– А только война есть война, Марей Гордеич, – вздохнул Лисицын, и голос его стал глуше. – Послал как-то командующий Вавилу с Кирюхой и ещё двух партизан в Подуваровку разведать силы белых. Проникли они в деревню, да, видать, чем-то и выдали себя. Выехали они только на луга, а за ними погоня. Кони у них были добрые, да силы неравные. Их четверо, а белых двести. Видят они, что белые обходят их, обкладывают кольцом и что нет им пути ни вперёд, ни назад. Кинулись они тогда к стогам, залегли. Белые чуть поближе придвинутся, они начинают сечь их прицельным огнём... Всю ночь шла перестрелка. К утру белые подвезли два орудия. Одно по стогам лупит с картечью, другое зажигательными снарядами. И вот загорелись стога. Вдруг партизаны прекратили стрельбу и закричали насколько у них хватало сил: «Да здравствует революция!» Огонь уже пылал всё сильнее и сильнее, а голоса партизан становились всё реже и тише. Вот и погибли как герои, не став на колени перед заклятым врагом... А через день перешла партизанская армия в наступление. Взяли мы пленных, и они поведали о геройстве наших людей. А потом подобрали и Вавилу с товарищами. Истрелянных, обожжённых, привезли в Мареевку, похоронили вот здесь, как храбрых воинов, со всеми почестями. Вот как дело было, Марей Гордеич...

– Не судила судьба свидеться с тобой, сын мой, – торжественно проговорил Марей и опустился на колени. Дрожащей рукой он взял с могилы горсть земли, приложил руку к сердцу и, поникнув головой, замер. – Спасибо тебе, Миша, что открыл мне правду...

– Отдал, Марей Гордеич, твой Вавила свою молодую жизнь за народ, за нашу Советскую власть, – стараясь ободрить старика, сказал Лисицын.

– Вечная ему слава, Миша, – твёрдо произнёс Марей и, опираясь на батожок, поднялся.

Они постояли ещё минуту возле братской могилы и не спеша пошли к дому. Марей то и дело оглядывался, и Лисицын слышал, как он топтал:

– Покой и честь умершим, сила и благодеяние живущим.

4

В тот же день Марей слег. Жизнь его угасала. Так тихо угасает таёжный костёр, когда истлевают в нём последние угли.

Поздно вечером Марей подозвал к себе Лисицына, слабым, чуть слышным голосом промолвил:

– Я уснуть собираюсь, Миша.

– Отдохни, Марей Гордеич, отдохни. Разволновался ты, – не совсем поняв его, посоветовал Лисицын.

– Спокойствие у меня на душе, Миша. Всё испытано, всё узнано, всё сделано.

– Поспи, Марей Гордеич, поспи. Как поправишься, поедем с тобой на Синее озеро, полечимся, сил наберёмся.

Марей пристально посмотрел на Лисицына, и взгляд этот был далёким-далёким и холодным-холодным, как осеннее таёжное небо.

Вскоре Марей уснул, чтобы никогда не проснуться.

По решению сельского Совета Марей Гордеича Добролетова похоронили рядом с братской могилкой, поближе к тому месту, где покоился прах его сына, отважного улуюльского партизана Вавилы-каторжанина.

В течение десяти дней Андрей Зотов и Максим Строгов на автомашине путешествовали по Улулюлю. Они побывали в Уваровке, на устье Таёжной, а затем из села Весёлого на катере леспромхоза «Горный» спустились по реке до Синего озера. Отсюда пешком через Тургайскую гриву они вышли на пасеку колхоза «Сибирский партизан» и на подводе вернулись в Мареевку.

К их возвращению Марина подготовила специальную записку в областные организации и Госплан Союза: «О предварительных данных Улулюльской комплексной экспедиции». В записке тщательно были учтены результаты изысканий всех групп экспедиции. Но прежде чем направить её адресатам, было решено собрать в Мареевке основных работников и вместе с ними обсудить записку. Это пожелание высказал Максим при первой же встрече с сестрой.

– Собери, Мариша, свой народ на государственный совет. К этому времени мы с Андреем посмотрим улулюльский белый свет и тоже подъедем, примем участие в разговоре. Всем нам – и тебе, и ему, и мне – такое дело принесёт огромную пользу.

И вот в Мареевку нахлынули люди. Кроме работников экспедиции, приехали из Притаёжного секретари райкома партии и руководители районных организаций. Из других селений прибыли представители сельских Советов и колхозов. Неизвестно каким образом прознав о созыве совещания, из Высокоярска примчались корреспонденты областной газеты и радио.

О своём желании участвовать в разговоре о делах экспедиции, о будущем Улулюльского края заявили мареевские учителя, врачи, активисты колхоза.

Когда Марина, намеревавшаяся вначале провести совещание в доме штаба экспедиции, прикинула количество мест и количество участников, то оказалось, что в её кабинете не разместить и половины приглашённых людей. Пришлось срочно договариваться о проведении совещания в мареевском клубе.

Мареевцы перед приезжими не ударили в грязь лицом. За одни сутки они украсили клуб цветами, гирляндами из пихтовых веток, плакатами, лозунгами. Клуб блистал промытыми окнами, свежими полами, отглаженными занавесками.

Люди начали собираться в клуб задолго до назначенного часа, каждый хотел скорее услышать, какие богатства нащупала экспедиция в улуюльской земле, какое будущее обещает она этому обширному таёжному краю.

Максим с Зотовым задержались в пути. Пока они в доме Лисицына умывались и переодевались, прошло ещё добрых полчаса.

Максим торопил Зотова. Ему хотелось до начала собрания на несколько минут уединиться с сестрой и рассказать ей о важных новостях. Но Зотов, словно назло ему, не торопясь, причёсывался перед зеркалом, тщательно завязывал галстук, чистил на крыльце щёгольские туфли.

Максим ждал, не раздражаясь его медлительностью, и с добродушной улыбкой думал: «Хочет нравиться Марише. Ну и пусть! Желаю и ему и ей счастья, как самому себе».

Видя, что народ прибывает с каждой минутой, Марина с беспокойством посматривала на двери. «Где же Максим с Андрюшей? Неужели задержались в пути? Обещали прибыть ещё утром».

Увидев их, Марина бросилась навстречу, подала правую руку Максиму, левую – Зотову. Она была во всём белом. Белый цвет очень молодил её, как бы подчёркивая её врождённую кротость, врождённое изящество её движений, чистоту и ясность её души. Она была возбуждена, и это возбуждение придавало всей её аккуратной фигуре, выражению нежного, но серьёзного лица особую прелесть.

Максим окинул взглядом продолговатый зал клуба. В первом ряду он увидел льновода Дегова, Лисицына и Артёма. Брат о чём-то увлечённо разговаривал со старыми улуюльскими партизанами, и Максим подумал: «Секретарь райкома не дремлет! Вероятно, решил Артём вернуть их к былой дружбе. Ну-ну, пробуй, авось и получится. Больше ладу – больше проку в работе, больше веселья в жизни». На противоположном конце зала, в уголке, Максим заметил Ульяну и Краюхина. Они так были заняты чем-то своим, что казалось, ничего не замечают вокруг. «Эти счастливы, счастливы, как никто», – пронеслось у него в голове. И в тот же миг, подобно вспышке, предстала перед его мысленным взором картина: высокая стройная девушка с характерными чёрными бровями страстно просит его помочь уехать в Улуюлье. Она, может быть, и не подозревает, что он знает о главном побуждении, которое влечёт её в тайгу. Её нет здесь... Она бежала отсюда, не обретая счастья, к которому стремилась. Где она? Что с ней? Может быть, она всё ещё терзается в тоске и горе, а может быть, новая вспышка любви зарубцевала её раны? Молодость! Всесильная молодость, очарование и всю бесценность которой не понимаешь, не охватываешь до конца, пока сам молод! А когда всё это становится тебе ясным во всех своих бесчисленных измерениях, ты уже, увы, далеко-далеко отошёл от молодости, и нет ни сил, ни средств, ни возможностей, которые могли бы тебя вернуть назад.

Нет, он не забудет ту девушку, он найдёт её, узнает, как идёт её жизнь. Узнает не ради пустого любопытства. Она уже вошла в тот широкий круг людей, которых он воспринимает как соучастников одного великого дела, как членов своей большой семьи, забыть которых, оставить которых без тепла собственного сердца невыносимо.

Максим перевёл взгляд и увидел ещё одно знакомое лицо, обветренное на солнце и ветру, продыmlенное жаром таёжных костров. Чернышёв... А вон там дальше мелькнуло миловидное, с

иронической улыбочкой на губах лицо Дуни. А кто там за ней? Да ведь это колхозный пасечник Платон Золотарёв. А рядом с ним, опрятная и подобранная, как всегда, сноха Дегова, Ксюша. Но где же она, где она, его любовь, его ненаглядная, по народному выражению, его «судьба»?

Марина заметила, что Максим ищет кого-то глазами. Она догадалась, кого он ищет. «Как сильно ему хочется увидеть её», – подумала Марина, чувствуя стеснение в груди.

– Настеньки нет, Максюша, – сказала Марина тихо и почти скорбно.

– Почему нет? Она же должна приехать.

– Она улетела, Максюша, три дня тому назад в Высокоярск. Случилась воздушная оказия. Самолёт лесного управления приземлился в Мареевке. Ему было дано такое задание. А тут как раз приехала Настенька с Синего озера с образцами вод и грязей. И мы решили, что ты не очень будешь недоволен, если Настенька сама увезёт образцы и немедленно сдаст их в лабораторию на исследование.

Сестра смотрела на Максима виноватыми глазами.

– Ей очень хотелось повидаться с тобой, Максюша. Но, сам понимаешь, воды могут потерять свои свойства, если их не сдать в лабораторию немедленно.

– Ну что же, Мариша, делать? Раз так надо – пусть будет по-вашему... – Максим попытался улыбнуться, но сообщение сестры так сильно обескуражило его, что улыбка получилась вымученной.

Но сестра и этим была ободрена.

– Она уже прислала телеграмму, Максюша! Синеозёрские ручьи и грязи обладают высокой радиоактивностью. Судя по телеграмме, Настенька в восторге от своих изысканий. Шлёт тысячи приветов щедрой улюлюльской земле.

Максим сощурил глаза, взял сестру за руку.

– Ну и хорошо, очень хорошо!.. Пройдём, Мариша, за сцену, на минуточку, поговорим немножко перед началом заседания.

Марина пошла за Максимом, по, сделав два шага, задержалась.

– Проходите вот сюда, вперёд, Андрей Калистратович, – оборачиваясь, сказала она Зотову, который растерянно стоял у стены.

Марина провела его к первой скамейке и усадила напротив стола, поставленного посредине маленькой клубной сцены.

Максим уловил её взгляд, когда она усаживала Зотова. Глаза её были полны нежности.

По ступенькам короткой лестницы Максим и Марина поднялись на сцену, прячась за собранной в гармошку занавесью, остановились.

– Как у тебя, Мариша, всё готово? – спросил Максим, глядя на сестру пристальным взглядом и стараясь понять, каково её самочувствие.

– Как будто всё! Доклад я написала, учла работу отрядов. Все приглашённые съехались... Кроме одного... выбывшего совсем. С неделю тому назад отбыл из экспедиции Бенедиктин. Его отозвал телеграммой директор института Водомеров.

– Вот оно что! С какой целью?

– Вероятнее всего, для укрепления какого-нибудь слабого участка в работе института, – с усмешкой проговорила Марина. – Директор благоволит к Бенедиктину. Что же касается меня, я очень довольна. Легче дышится!

– Директор благоволит, а как научный руководитель? Не переменялся? – спросил Максим.

– Вчера я получила письмо от Софьи Великановой. Она пишет мне часто и много. Нелегко ей даётся разрыв с Краюхиным. Страдает!

– Ещё бы. Такие вещи бесследно не проходят.

– И вот, Максюша, она пишет, что отец в великом гневе на Бенедиктина. Оказывается, тот попытался примазаться к открытию Краюхина.

– Неужели?

– Представь себе такую наглость! Но примазаться в таком деле не просто. Великанову нужны факты и доказательства относительно магнитной аномалии, а они только у Краюхина.

– Может, поэтому его и вызвали?

– Вполне возможно. Но он всё равно выплывет. Великанова он припугнёт фронтом, своим партийным билетом, а Водомерова расположит подобострастием и преданностью... В крайнем случае он станет перед руководством института на колени и выпросит пощаду, а выпросив её, вскоре обернёт против тех, кто ему даровал её.

– И всё-таки нелегко ему будет, Мариша. Время таких субъектов в науке кончается.

– Разрешите, брат мой, с тобой не согласиться. На наш век таких субъектов хватит!

– Ну, как знаешь, а только, по-моему, Бенедиктину будет дальше куда труднее! Вот-вот в твоём институте произойдут большие перемены.

Марина посмотрела брату в глаза вопрошающе и нетерпеливо.

Максим приблизился к ней и, оглянувшись в сторону Зотова, тихо сказал:

– Возглавить ваш институт, Мариша, намеревается Зотов. Но, чур, это пока секрет!

Максим приложил палец к губам, а Марина вспыхнула, чувствуя лёгкое головокружение.

– Улюлюлье зажгло и покорило Андрюшу. Он видит, что здесь есть где приложить силы. И только одно беспокоит его, Мариша, – это ты. – Максим опустил глаза, стараясь не замечать смущения и радости, охвативших сестру.

Доверительно взяв Максима за руку, тяжело дыша, глядя на брата лучащимися глазами, в которых в эту минуту было ликование и стыд, Марина прошептала:

– Может быть, ты осудишь меня, Максюша... Столько прошло лет! И больно мне, и на сердце мятежно, но перед тобой не скрою: люблю его, как девчонка... Ой, мамушка моя родная!.. Седых волос на голове не пересчитать... а люблю!..

Марина задохнулась от волнения, припала головой к плечу брата.

Максим чувствовал, как дрожат пальцы её горячих рук.

– И знаешь, Мариша, нехорошо сводничать, а всё-таки не могу от этого удержаться: Андрюша признался мне вчера, что никого он так не любил, как тебя... Да ведь и раньше он не скрывал этого! Жизнь только всё время вас как-то растаскивала в разные стороны. И вот, чую я, что будет у тебя наконец большое счастье.

– За все муки мои мученические, Максюша, я заслужила это...

– Я буду рад за вас. И за тебя и за Андрюшу. Умница он! И сердце у него благородное, доброе... Э, а народу-то поднабралось, Мариша! Как по-твоему, не пора начинать?

– Дай мне, Максюша, пять минуток побыть наедине. Так всё это необычно, и так я волнуюсь... Сердце готово вырваться.

– Ну-ну, успокойся... И начинай! Начинай твёрдо, спокойно, уверенно. Помни: мы люди таёжной закваски, нам не пристало терять голову ни в какой обстановке.

Максим ласково похлопал сестру по плечу, улыбнулся своей сдержанной умной улыбкой, не торопясь спустился в зал и сел рядом с Зотовым.

Марина проводила его неотрывным взглядом. Слова брата и в особенности его спокойствие, его улыбка, говорящая, что он всё, всё понимает, быстро вернули её душе ясность и спокойствие.

Марина ушла за сцену, забилась в уголок и, пользуясь светом маленького оконца, долго и придирчиво смотрела на себя в круглое зеркальце, вынутое из сумочки, заменявшей ей часто портфель. Нет, она поистине была хороша, осенённая светом своего любящего и истосковавшегося по любви сердца.

2

Марина вышла на сцену твёрдым шагом, громко пристукивая высокими каблукочками. На побледневшем лице её не было и тени волнения, хотя пальцы прилипали к листкам доклада, а сердце колотилось под самым горлом. Подняв голову и кинув взгляд в переполненный зал, она увидела только Андрея Зотова, только его устремлённые к ней глаза – родные глаза, отражавшие всю его душу, весь водоворот чувств, несущихся подобно стремительному потоку. Как невыразимо дорого было ей это, может быть, неповторимое выражение его строгих глаз! О

многим они уже сказали друг другу в те короткие встречи, которыми жизнь одарила их в последние дни, но слова, никакие слова не могли передать того, что нёс ей этот нескончаемый свет его взора. «Он беспокоится, очень беспокоится за тебя... Он смотрит на тебя с восхищением... Он любит тебя ещё больше, чем любил тогда, в твоей далёкой юности». Ей казалось, что кто-то посторонний шепчет ей это, но на сцене она была одна, и всё, что она слышала сейчас как бы со стороны, было голосом её собственной души. Она вдруг вздрогнула, вскинула свою аккуратно причёсанную голову, с испугом подумала о том, что она стоит здесь давным-давно и её безмолвие уже удивляет собравшихся.

– Давайте начинать, товарищи, – преодолевая волнение, с хрипотцой в голосе сказала Марина. Она помолчала, развела руками, простодушно добавила: – Наверное, президиум полагается. Что же за собрание без президиума?

В зале засмеялись, захлопали в ладоши. Ещё больше смущённая смехом и своей неумелостью вести такие дела, она неуверенно предложила:

– А если так, товарищи, решим: тут у нас находятся руководители из Москвы, из Высокоярска, из района. Пусть они займут места за этим столом.

– Пусть!.. Просим! – закричали со всех сторон.

Снова в клубе раздался дружный всплеск аплодисментов.

Увидев, что на сцену идут её братья, Андрей Зотов, председатель райисполкома Череванов, Марина беспомощно положила руки на грудь и раскисающим тоном сказала:

– Ну что же это я наших-то, мареевских, руководителей забыла?! Как нехорошо! Простите, товарищи Изотов и Севастьянов, и подымайтесь сюда. Просим!

И опять в клубе захлопали, на этот раз с особенной силой.

Возможно, что растерянность и неловкость Марины у кого-то вызвала усмешку, неудовольствие или ещё какое-нибудь подобное чувство, но Зотова всё происшедшее растрогало и взволновало ещё больше. Марина... Вот она и была во всём, во всём такой искренней, простой, бесхитростной, какой увидели её люди, какой увидел её он, Андрей Зотов.

Он шёл на сцену вслед за Максимом, видя перед собой только её, Марину, думая в эту минуту только о ней: «Неужели я мог бы и дальше жить на земле, не ощущая того света, который она источает каждой частичкой своего существа? Нет, это невозможно, это нелепо... я оставался бы самым несчастным из всех несчастных... А сейчас я счастливейший в мире!.. Столько лет не верил в себя, уходил от неё, а она ждала... Как всё необычно и просто! Давно ли я убеждал себя, обитая в холостяцкой квартире в Москве, что время любви миновало, что пора любви – юность, и только юность... А вот и пора зрелости – это тоже пора любви!.. Сегодня же надо сказать ей, что быть в разлуке дальше нельзя, нет смысла. Да, да, сегодня же!..»

Зотов обошёл стол, сел с левой стороны сцены, зная, что отсюда ему будет хорошо видно Марину, когда она встанет за лёгкую, крашенную охрой простенькую трибуну. Он смотрел на неё, не сводя глаз. В первые минуты её доклада, посвящённого предварительным итогам работы экспедиции в летние месяцы, Зотов слушал рассеянно, с трудом улавливая, о чём она говорит. Он был поглощён своей думой: «Да, да, сегодня же скажу ей, что мы должны быть вместе».

Максим, сидевший с правой стороны сцены, бросал на Зотова пристальные, изучающие взгляды. Он очень хорошо знал Зотова и умел угадывать его чувства. Устремлённые на Марину глаза Андрея, отсутствующее выражение его бледного лица насторожили Максима. «Андрюша парит на крыльях любви», – с доброй усмешкой подумал Максим. Он вынул из кармана кителя записную книжку и быстро написал: «Андрюша, не забыл ли ты о нашей договорённости? После доклада Марины – твоё слово. По-моему, людям будет крайне интересно послушать о всех наших размышлениях относительно Улуюльского комплексного района».

Зотов прочитал записку, поднял голову и, наконец что-то вспомнив, посмотрел на Максима и кивнул ему. С этой минуты его внимание воспрянуло: теперь он не только видел Марину, по и слушал её, понимал смысл её слов.

Целый час Марина рассказывала о работе экспедиции. Ничто, даже самое незначительное событие, не осталось неупомянутым. «Сегодня это практически ничего ещё не значит, но завтра из этого может вырасти открытие», – так охарактеризовала она некоторые детали исследований, в частности записку техника Серошевского об уваровском угле, найденную в архиве Софьей Великановой.

Когда Марина заговорила о ценнейших данных, принесённых в экспедицию Мареем Добролетовым, Максим встал и громко сказал:

– Я предлагаю, товарищи, почтить вставанием память этого необыкновенного человека!

Все в зале поднялись и с минуту стояли молча, опустив головы и не шевелясь.

3

Зотов подошёл к трибуне.

В коричневом костюме столичного покроя, золотистоволосый, высокий, в очках, он производил впечатление человека строгого, неприступного и далёкого от повседневной жизни простых людей. В зале все почти знали, что Зотов происходил из крестьян Высокоярской области, и с тем большим интересом рассматривали его.

Возможно, от этих взглядов, а скорее, от сознания того, что он выступает перед земляками, среди которых в роли обычного колхозника или рабочего мог бы оказаться и он, сложись его жизнь иначе, Зотов почувствовал сильные толчки в груди. Он намеревался сразу говорить о деле, но какое-то новое чувство, ворвавшееся в душу, изменило его намерения.

– Дорогие товарищи, дорогие мои земляки! Вы, может быть, не все знаете, что я, московский профессор, вовсе не москвич, я ваш земляк, высокоярский житель. Мне так приятно выступать здесь перед вами, что нет слов, чтоб выразить радость от встречи с вами!..

В зале раздались такие громкие аплодисменты, что в клубных окнах зазвенели стёкла. В один миг этот строгий и чужой человек словно преобразился, стал проще, доступнее, понятнее.

– Спасибо тебе, товарищ Зотов, что не забываешь родную землю! – крикнул с места Лисицын.

Новый шквал аплодисментов покрыл слова охотника.

Зотов склонил голову и с минуту не мог говорить, перебарывая спазмы, сжимавшие горло.

Высокоярск! Высокоярская область! Это не один человек, а весь край, вся земля его отцов говорит ему спасибо! Скажи ему кто-нибудь год тому назад, что Сибирь так сильно и властно захватит его, он никому не поверил бы. Московская жизнь с её размеренным укладом казалась навсегда неизменной. А теперь разве он сможет жить помимо интересов этих людей? Разве он может остаться безучастным к их жизни, к их борьбе?

– В проблеме освоения природных богатств Улуюльского края позвольте осветить мне две стороны, – сказал Зотов сдавленным, ещё не окрепшим голосом.

В конце зала кто-то закашлял, но на него зашикали со всех сторон, и кашель мгновенно умолк.

– Первая сторона – Улуюлье сегодня. – Зотов продолжал громким, отчётливым голосом, чувствуя на себе заинтересованные взгляды людей. – Улуюлье сегодня – это малоизученный малонаселённый, малоосвоенный край. Всё, что сделала экспедиция научно-исследовательского института, о чём здесь подробно доложила Марина Матвеевна, это лишь начало. Но начало удачное, многообещающее, требующее самого внимательного отношения к себе. После такого начала никто не имеет права ни прекратить исследования Улуюлья, ни отложить их даже на самое короткое время. Улуюлье стало на повестку дня в жизни Высокоярсской области, оно станет завтра на повестку дня в жизни страны.

Одно очевидно и бесспорно: темпы исследования Улуюлья должны быть ускорены, а размах исследований во много раз увеличен. Улуюльская комплексная экспедиция должна быть преобразована из экспедиции научно-исследовательского института в Государственную комплексную экспедицию, оснащённую по последнему слову техники. Это основная рекомендация, которую я, как уполномоченный Центрального Комитета партии, внесу по возвращении в Москву в соответствующие органы.

И тут случилось неожиданное. Люди вскочили со своих мест и не меньше пяти минут хлопали в ладоши, хлопали увлечённо, с просиявшими лицами, с горящими, возбуждёнными глазами.

Зотов выждал, когда смолкнут аплодисменты, и продолжал:

– Без широкого, всестороннего изучения Улуюлья невозможно правильно использовать природные богатства края. Огромное поле деятельности отводится нашей науке. Она должна сказать своё веское слово.

Итак, начало положено. Вы знаете, что начало во всяком деле самое трудное. Сегодня мы имеем полное основание сказать большое спасибо всем товарищам, которые наперекор утвердившемуся мнению о бесперспективности Улуюлья пришли сюда и, на свой риск и страх начав исследование края, за короткое время в корне изменили взгляд на Улуюлье. Честь и хвала им, товарищи!

Зотов помолчал, перелистал странички записной книжки и, повышая голос и этим подчёркивая важность своей мысли, сказал:

– Вторая сторона – Улуюлье в будущем. Уже теперь, в самом начале исследований Улуюльского края, очевидно, что этот край необычайно богат, многосторонне богат. Улуюлье – это щедрый дар природы. Вкратце очерчу главные сокровища Улуюлья с некоторым заглядом вперёд. Думаю, что в своём прогнозе не ошибусь.

Энергетика. Она развернётся на базе огромных гидроресурсов рек Большой и Таёжной. Предполагаю, что в будущем здесь построят не меньше трёх крупных гидростанций: первую – в районе Мареевки на реке Большой, вторую – в нижнем течении Таёжной и третью – в верховьях Таёжной.

Топливо. Есть основания считать, что каменные угли в районе Уваровки являются северным продолжением мощного угольного бассейна, расположенного в соседней области. Таким образом, Улуюлье может стать топливной базой.

Металлы. Уже доказано, что Улуюлье располагает металлическими ископаемыми. Будем думать, что Улуюлье даст нам не только железную руду, но и окажется щедрым на месторождения редких металлов.

Лес. Его запасы колоссальны. Они обеспечат потребности лесной и лесоперерабатывающей промышленности, а также благодаря наличию кедровых лесов позволят иметь в Улуюлье хорошее охотопромысловое хозяйство со всеми его новейшими формами.

Сельское хозяйство. Плодородные, обширные земли Улуюлья дают полное основание развивать здесь многоотраслевое сельскохозяйственное производство.

Транспорт. Его рост во всех видах будет продиктован интересами развития Улуюлья.

Наконец, нельзя не упомянуть об улуюльских источниках, обладающих большой целительной силой. В будущем Улуюлье не только край высокоразвитого промышленного и сельскохозяйственного производства, но и новая на карте нашей страны здравница.

Природные богатства Улуюлья позволяют подойти к их освоению комплексно, с учётом интересов самых различных сторон народного хозяйства. У нас есть всё для того, чтобы Улуюльский комплексный район из мечты стал реальностью.

Зотов закрыл записную книжку и, поглядывая на Максима и Марину, пошёл на своё место.

Максим поднялся и, не выходя к трибуне, громко, так, чтобы слышали все, с улыбкой сказал:

– Замечательную картину будущего Улуюльского края нарисовал, товарищи, наш земляк профессор Зотов. Ей-богу, умирать не захочется!

– А мы и не собираемся умирать, Максим Матвеевич, раз такие дела начались! – весело откликнулся Лисицын.

В зале засмеялись, заговорили, и Марина поспешила объявить перерыв.

В конце ноября газета «Высокоярская правда» опубликовала на первой полосе вместо передовой набранное крупным шрифтом информационное сообщение. В сообщении говорилось:

«На днях в Высокоярске состоялся расширенный пленум областного комитета Коммунистической партии. Пленум обсудил доклад М.М. Строгова «О перспективном развитии Улулюля и задачах областной партийной организации». В обсуждении доклада М.М. Строгова приняли участие: профессор З.Н. Великанов, секретарь Притаёжного райкома партии А.М. Строгов, секретарь Новоюксинского райкома партии Д.З. Якушкин, директор Высокоярского научно-исследовательского института профессор А.К. Зотов, бригадир охотничьей бригады мареевского колхоза «Сибирский партизан» М.С. Лисицын, начальник Государственной улуюльской комплексной экспедиции инженер А.К. Краюхин, председатель Притаёжного райисполкома П.П. Череванов, заведующая биологическим сектором Высокоярского научно-исследовательского института М.М. Строгова, сотрудник Государственной улуюльской комплексной экспедиции А.Ф. Чернышёв, заместитель председателя облисполкома В.Г. Васильев, профессор Л.И. Рослов, ответственный редактор газеты «Высокоярская правда» В.К. Филин, управляющий трестом «Высокоярсклес» С.С. Плучевский, председатель облисполкома И.М. Соломин, секретарь Высокоярского горкома партии Я.М. Гаврилов, секретарь обкома ВЛКСМ П.С. Павлухин.

Пленум принял по обсуждённому вопросу развёрнутое решение.

Пленум рассмотрел также организационный вопрос. В связи с переходом на другую работу и выездом за пределы области пленум освободил И.Ф. Ефремова от обязанностей первого секретаря обкома партии.

Пленум избрал первым секретарём Высокоярского обкома товарища Строгова Максима Матвеевича».

И снова на Улулюлье надвигалась зима. День и ночь безостановочно сыпал мягкий пушистый снег. Озера и реки покрылись толстой ледяной коркой. В предрассветный морозный час гулко ухала промёрзшая земля. Стаи птиц и стада зверей в поисках корма кочевали по занесённой снегом, притихшей тайге. Всё, всё на улуюльской земле происходило так, как и год, и десять, и сто лет назад. И только люди не могли и не хотели повторять прожитого. В безбрежном океане жизни они прокладывали новые, никем ещё не изведанные пути.

1949 – 1959 гг.

Иркутск – Томск – Москва